

А. ДОВАТУР

ПОЛИТИКА
И
ПОЛИТИИ
АРИСТОТЕЛЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

А. ДОВАТУР

ПОЛИТИКА
И
ПОЛИТИИ
АРИСТОТЕЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 5

Ответственный редактор
академик В. В. СТРУВЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени опубликования Кенионом текста Афинской Политии Аристотеля прошло более 70 лет. За это время появились многочисленные монографии, статьи и заметки, посвященные исследованию трактата Аристотеля в целом или отдельных его сторон и деталей. На первых порах в центре внимания был вопрос о подлинности новонайденного сочинения. В результате тщательных изысканий была достигнута уверенность в том, что опубликованное Кенионом сочинение тождественно тому, какое было известно в древности под названием Афинской Политии Аристотеля.

Дискуссия по вопросу о подлинности новооткрытого памятника сопровождалась изучением его фактического содержания, идеологической направленности, языка и стиля. Работа во всех этих направлениях продолжалась и дальше, после того как вопрос об атрибуции был решен в положительном смысле.

Вся эта работа не прошла даром. В настоящее время мы располагаем прекрасными изданиями Афинской Политии, дающими надежный ее текст; в комментированных изданиях текст снабжен пространными объяснениями языкового, историко-литературного, исторического и айтикварного характера. Вполне доказана тесная связь (в смысле единства социальных и политических взглядов) между Политикой и Афинской Политией. Выяснены (пусть не до конца) взаимоотношения между Афинской Политией Аристотеля и историческими сочинениями его предшественников и современников. Фактические сообщения Афинской Политии и освещение фактов Аристотелем учитываются и критически используются в исторической науке. Установлено назначение Афинской Политии (а следовательно, и прочих Политий), которая представляет собой не строго научное произведение, а исторический очерк, соединенный с описанием афинского государственного строя и обращенный к широкому кругу читателей. Положено начало изучению языка и стиля Афинской Политии.

Результаты, полученные филологами и историками, занимавшимися исследованием трактата Аристотеля, стимулируют дальнейшее его изучение. Из вопросов, подлежащих исследованию,

укажем те, к которым представляемая работа имеет непосредственное отношение.

Один и тот же автор написал Политику и Афинскую Политию. Вся серия Политий создавалась под его непосредственным наблюдением и, вероятно, не без его участия. Политика и Афинская Полития объединены не только общностью фактического материала, но и общностью социально-политических воззрений. Эта истина, давно доказанная, допускает и даже требует уточнения. Политика и Политии писались в определенной исторической обстановке.

Построения Аристотеля в Политике должны были отражать не только греческую действительность его времени, но и его взгляды на нее. Внимательный наблюдатель современной ему политической жизни, близко соприкасавшийся с политикой по крайней мере трех разных по своему удельному весу государств (Македония, Афины, Атарней), Аристотель, разумеется, судил о политических вопросах не как дилетант и не как оторванный от жизни отвлеченный мыслитель, а как близкий к политической практике и хорошо знакомый с нею ученый. На основании своих наблюдений он составил определенное мнение о возможном будущем греческого полиса, который был главным предметом его размышлений. В нашей работе делается посильная попытка связать отражающиеся в Политике Аристотеля взгляды с его отношением к главе Македонской державы и надеждами, возлагавшимися им на своего бывшего ученика.

Проверка полученных результатов путем анализа Афинской Политии, затем Лакедемонской и (насколько это возможно) других составляет вторую задачу нашей работы. Взгляды, высказанные в общей форме в Политике, не могли не повлиять на идейную направленность отдельных Политий. Опыт доказательства этого положения, естественно, должен опираться на анализ композиции и идейного содержания Афинской Политии и на примерное восстановление композиции и идейного содержания Лакедемонской и других утраченных Политий.

Серия научно-популярных монографий, известных под названием Политий, бесспорно представляла собой новшество в греческой литературе. Для нее не годился ни заслуживший похвалу античных ценителей стиль диалогов Аристотеля, ни тот тяжеловатый и не претендующий на художественные достоинства стиль, каким написаны чисто научные, предназначенные для школы произведения Аристотеля. Поиски стилистических средств, подходящих для нового историографического жанра, привели Аристотеля (и его учеников) к мысли отчасти использовать традиционные или применявшиеся им ранее средства, отчасти же создать новые, впрочем, на основе своего же прежнего опыта. Выяснение традиционных и новаторских сторон в стиле Политий — третья задача настоящего исследования.

ВВЕДЕНИЕ

Аристотель жил и писал в то время, когда Греция переживала тяжелый социально-экономический кризис, симптомами которого были резкое расслоение граждан с концентрацией богатства (включая и земельную собственность) на одном социальном полюсе и разорением на другом, развитие наемничества, возрастание количества рабов и усиление классового антагонизма.

Одной из основных политических проблем были взаимоотношения между греческими полисами и находившейся в состоянии подъема Македонской державой. Правивший в Македонии (с 359 г.) царь Филипп, укрепивший власть монарха внутри страны, расширивший свое царство присоединением к нему ряда соседних областей, наступал на греческий мир в двух направлениях. Он покорял греческие города македонского, фракийского и геллеспонтского побережий, не останавливаясь перед разрушением некоторых из них (Олинф и другие города Халкидики). Мало того, со времени так называемой второй Священной войны (с 355 г.) он властно вмешивался в дела собственно Греции. Решительное противодействие Афин, воспрепятствовавших проникновению македонян через Фермопилы в Среднюю Грецию (352 г.), лишь на время отсрочило реализацию широких планов Филиппа. Спустя шесть лет (346 г.) македонский царь вторгся в Фокиду, опустошил и покорил эту область и стал членом (а фактически главой) дельфийской амфикистии. Херонейская битва (338 г.) окончательно закрепила господство Филиппа в Греции, а общегреческий конгресс в Коринфе (337 г.) дал формальное освящение фактическому положению дел, провозгласив македонянина главным командующим союзного греческого войска в предстоявшей войне с Персией.

Перед лицом победоносного северного соседа Греция не обнаружила единодушия. Отдельные греческие полисы в разное время в зависимости от складывавшейся ситуации то действовали заодно с Филиппом, то враждовали с ним, то занимали нейтральную позицию. Внутри полисов происходила борьба между двумя группировками — промакедонской и анимакедонской.

Ярче всего (если судить по отражению в литературе) эта борьба проходила в Афинах. Линию старой рабовладельческой демократии олицетворяли Демосфен и его соратники — Гиперид, Ликург и др. В этих кругах, опиравшихся на широкие демократические слои афинского гражданства, а также, вероятно, на какие-то группы состоятельных торговцев (заинтересованных в сохранении доминирующего положения Афин в проливах) и предпринимателей (оружейников, судовладельцев и др.), борьба с Филиппом связывалась с величием Афиц, восстановлением афинской гегемонии на море, подъемом гражданского духа. Черная свои идеалы в прошлом, Демосфен и его единомышленники сильно переоценивали возможности своего родного полиса и не хотели считаться даже с таким доказательством могущества Македонии, каким была битва при Хероопе.

Противная группировка, в рядах которой были и видные ораторы (Эсхин, Демад), и крупные государственные деятели (Эвбул), и стратеги (Фокион), не надеялась на силы Афин и других греческих полисов. Она искала опору в Македонии. Один из выразителей воззрений этой группировки Исократ возлагал большие надежды на македонского царя, который, став во главе греков, должен был повести их на Восток и там, сокрушая извечного врага — Персидское царство, основать ряд греческих полисов, благодаря чему безземельные и бездомные греческие наемники стали бы оседлыми гражданами, а Греция была бы избавлена от той большой опасности, какую они для нее представляли.

Аристотель, чьи политические построения отнюдь не представляли собой чистого умозрения, не мог стоять в стороне от животрепещущих вопросов современной ему политической жизни. Связанный с молодых лет с македонским двором, выросший вне влияния традиций афинской демократии, испытавший воздействие Платона и Академии, гражданин маленькой Стагиры, сначала разрушенной македонянами, затем, по его ходатайству, восстановленной ими, отрицательно относился к демократическому строю Афин и к их политическим идеалам. Всем этим предопределялось отношение Аристотеля к Македонии и ее властителям.

Источником для изучения общих политических воззрений Аристотеля является его Политика. Более или менее ясно отразились эти воззрения в Афинской Политике и, вероятно, в других Политиках. Однако ни Политика, ни по давню Политики не содержат и (если говорить об утраченных Политиках) не содержали прямых высказываний о македонской политике и прямых оценок последней. Рассматривая Политику в том ее аспекте, который обращен к Политикам, мы попытаемся извлечь из нее ответ на интересующий нас в первую очередь вопрос.

ОТДЕЛ I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ АРИСТОТЕЛЯ И ИДЕЙНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ

ГЛАВА I

ПОЛИС КАК ТЕМА ПОЛИТИКИ АРИСТОТЕЛЯ

Аристотель начинает свою Политику с определения сущности полиса (государства). Последний является некоей общностью, объединением (*κοινωνία*), притом наивысшим (*κυριωτάτη*). Всякое объединение направлено (*στοχάζεται*) к какому-нибудь благу (*ἀγαθοῦ τινος*), а наивысшее, охватывающее собой все другие объединения, — к наивысшему благу — *μάλιστα δὲ καὶ τοῦ κυριωτάτου πάντων ἢ πασῶν κυριωτάτη καὶ πάσας περιέχουσα τὰς ἄλλας* (cf. III, 7, 1, 1282b, 14 sqq.).

Аристотель применяет к полису свою обычную методичку расчленения сложного явления на его наименьшие части, не поддающиеся дальнейшему делению — *ὥσπερ γὰρ ἐν τοῖς ἄλλοις τὸ σύνθετον μέχρι τῶν ἀσυνθέτων ἀνάγκη διαίρειν* (*ταῦτα γὰρ ἐλάχιστα μέρη τοῦ παντός*) (I, 1, 3, 1252a, 18 sqq.). Такими первичными единицами являются, с точки зрения Аристотеля, два соединения: мужчина—женщина (*ἄρσεν... καὶ ἄρσεν*) и властвующий—подвластный (*ἄρχων... καὶ ἀρχόμενον*). В первом случае цель соединения — деторождение (*τῆς γενέσεως ἕνεκεν*), во втором — спасение, самосохранение (*διὰ τὴν σωτηρίαν*). В обоих случаях мы имеем дело, по учению Аристотеля, с соединением, вызываемым потребностями самой природы. Стремление оставить после себя себе подобных не является результатом рассудочного намерения, но лежит в самой природе людей, как оно лежит в природе животных и растений — *καὶ τοῦτο οὐκ ἐκ προαιρέσεως, ἀλλ' ὥσπερ καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις ζῴσις καὶ φυτοῖς φυσικὸν τὸ ἐφίεσθαι, οἷον αὐτό, τοιοῦτον καταλιπεῖν ἕτερον* (I, 4, 1252a, 28 sqq.). Природными свойствами обусловлено и разделение на господ и рабов. Тот, кто обладает предвидящим разумом, является властвующим по природе и господствующим по природе, а тот, кто благодаря своим

телесным качествам способен выполнять чужие приказания, является подвластным и по природе рабом, так что господину и рабу, по мнению Аристотеля, полезно одно и то же — τὸ μὲν γὰρ δυνάμενον τῇ διανοίᾳ προορᾶν ἄρχον φύσει καὶ δεσπότην φύσει, τὸ δὲ δυνάμενον ταῦτα τῷ σώματι ποιεῖν, ἀρχόμενον καὶ φύσει δοῦλον· διὸ δεσπότη καὶ δούλῳ ταῦτὸ συμφέρει (1252a, 31 sqq.).

План настоящей работы не предусматривает изложения содержания Политики Аристотеля. Такие изложения, превосходные и достаточно подробные, существуют как на русском, так и на иностранных языках.¹ Наше внимание должны привлечь лишь некоторые, впрочем, существенные, стороны дела, раскрывающие Политику Аристотеля в том ее аспекте, который обращен к Политиям.

Первые же параграфы Политики, содержание которых передано выше, знакомят читателя (слушателя)² не только с общими взглядами автора на предмет политической науки, но также с методикой его исследования и с теми воззрениями, которые лежат в основе как его общих взглядов, так и методического подхода к изучаемым им явлениям.

Рассмотренные параграфы Политики позволяют выдвинуть следующие положения.

1. Наивысшей формой человеческого объединения Аристотель в согласии с греческой политической наукой вообще объявляет полис.

2. Соединение людей в полисе имеет своей целью достижение наивысшего блага.

3. Изучение полиса, подобно изучению любого сложного явления, должно начаться с расчленения его на простейшие элементы, существования которых требует сама природа; выделение этих элементов делается на основе наблюдений над действительностью.

Дальнейшие наши рассуждения и соображения в этой главе будут группироваться вокруг этих трех положений.

Полис, по мнению Аристотеля, самый совершенный вид человеческого объединения.³ Полис противопоставляется, таким образом, объединениям менее совершенным. Таковыми являются, судя по словам самого Аристотеля, дом (οἰκία), деревня (κώμη), племя (ἔθνος). Дом, домохозяйство представляет собой первое объединение требуемых природой первичных соединений (муж—жена, господин—раб). Вторая ступень — деревня. Она определяется как первое объединение нескольких домов, возникшее не ради удовлетворения повседневных потребностей — ἡ δ' ἐκ πλειόνων οἰκιῶν κοινωνία πρώτη χρήσεως ἕνεκεν μὴ ἐφημέρου κώμη (1, 7, 1252b, 15 sq.). Такое объединение возникает из единичного домохозяйства в силу разрастания первичной единой семьи. Из объединения нескольких деревень получается завершенное соединение — полис — ἡ δ' ἐκ πλειόνων κωμῶν κοινωνία τέλειος πόλις (1, 8, 1252b, 27 sqq.).

В связи со своим построением генезиса полиса Аристотель впервые упоминает о племени (ἔθνος). Дом управляется домохозяином; так управлялись и деревни; то же наблюдалось первоначально и в полисах, которые управлялись царями — διὸ καὶ τὸ πρῶτον ἐβασιλεύοντο αἱ πόλεις, а теперь наблюдается у племен — καὶ νῦν ἔτι τὰ ἔθνη (I, 7, 1252b, 19 sq.). Полис и этнос здесь противопоставлены один другому. Можно пойти дальше и задать себе вопрос, не противопоставляются ли друг другу тем самым эллины и неэллины. В данном случае положительный ответ на этот вопрос возможен. Имеются в виду, с одной стороны, цари греческих полисов, с другой — цари персидские, фракийские, скифские и др. В Политике есть еще некоторые места, к которым подходило бы такое объяснение. Несомненно о негреческих племенах⁴ говорится, что у них землевладение частное, но пользование плодами земли общественное — οἷον τὰ μὲν γήπεδα χωρὶς, τοὺς δὲ καρποὺς εἰς τὸ κοινὸν φέροντας ἀναλίσκειν (ὑπερ ἔνια ποιεῖ τῶν ἔθνῶν) (II, 2, 1, 1263a, 3 sqq.). Установления обычно не объединены единым принципом, но если где-нибудь законы обращены к единой цели (εἰ ποῦ τι πρὸς ἓν οἱ νόμοι βλέπουσι), говорит Аристотель, то они все направлены на господство (τοῦ κρατεῖν στοχάζουσι πάντες); в качестве примера названы Лакедемон и Крит. «Также, — продолжает Аристотель, — и у всех племен, способных расширять свою власть, почитается такого рода могущество» — ἔτι δ' ἐν τοῖς ἔθνεσι πᾶσι τοῖς δυναμένοις πλεονεχεῖν ἢ τοιαύτη τετίρηται δύναμις (VII, 2, 5, 1324b, 9 sqq.). Перечисляемые при этом примеры не оставляют никакого сомнения в том, что слово «этнос» имеет здесь смысл «негреческое племя»⁵ (скифы, персы, фракийцы, кельты); несколько ниже — карфагеняне, македоняне, скифы, иберы. Есть в Политике еще некоторые места, где обозначение «этнос» применяется к негреческим племенам (VII, 15, 1, 1336a, 6 sqq.; VIII, 3, 4, 1338b, 19 sqq.).

Однако такое узкое значение слова не подходит ко всем местам, где встречается слово «этнос». Правда, иногда контекст, не подтверждая значения «негреческое племя», в то же время не исключает возможности подобного понимания слова «этнос». Таков ряд мест, в которых полис и этнос противопоставляются один другому или во всяком случае сопоставляются, ставятся рядом как два различных понятия. Так бывает не только в Политике (III, 1, 12, 1276a, 27 sqq.; 10, 2, 1285b, 29 sqq.; VII, 4, 7, 1326b, 3 sqq.; особенно III, 8, 4, 1284a, 38 sqq.), но и в других произведениях Аристотеля (Никомахова Этика I, 1, 1094b, 10; Риторика I, 5, 1360b, 31 sqq.; II, 11, 1388b, 8 sqq.). Более показательны другие места, из которых видно, что слово «этнос» могло применяться и к грекам, греческим племенам. Положение о влиянии климатических условий на характер населения подтверждается в Политике наблюдениями над психологией народов. Сначала как будто греческие полисы противо-

поставляются распределенным по вселенной (негреческим) племенам — *σχεδὸν δὲ κατανοήσειεν ἄν τις τοῦτό γε, βλέψας ἐπὶ τὰς πόλεις τὰς εὐδοκίμουσας τῶν Ἑλλήνων καὶ πρὸς πᾶσαν τὴν οἰκουμένην, ὡς διείληπται τοῖς ἔθνεσιν* (VII, 6, 1, 1327b, 21 sqq.). Ниже греческий народ в целом назван τὸ Ἑλλήνων γένος, но еще ниже говорится о греческих племенах — τὰ τῶν Ἑλλήνων ἔθνη.⁶ В другом месте, отмечая различие между словами «полис» и «этнос», Аристотель называет аркадян, к которым, судя по контексту, он применяет обозначение «этнос» (II, 1, 5, 1261a, 27 sqq.).⁷ Нигде, однако, не найдем у Аристотеля слово «этнос» в применении к гражданам (обитателям) одного полиса (в собственном смысле), как это наблюдается у Фукидида, который говорит, что Никий перед стычкой с сиракузянами в 415 г. обошел свое войско κατὰ ἔθνη, приче под последним разумеются аргосцы, мантинейцы, афиныяне, островитяне (VI, 67, 3).

Укажем еще одно значение, какое, хотя и в единичных случаях, может иметь в подлинных сочинениях Аристотеля и в Corpus Aristotelicum вообще слово «этнос». «Ведь там [в Египте] сословию жрецов предоставлена возможность иметь досуг» — *ἐκεῖ γὰρ ἀφείθη σχολάζειν τὸ τῶν ἱερέων ἔθνος*, — говорится в Метафизике (I, 1, 981b, 24). Словом ἔθνος обозначено здесь сословие, часть населения страны. В неподлинном сочинении *Περὶ κόσμου*⁸ этим словом обозначаются группы населения, выделенные не только по социальному признаку (бедные и богатые), но и по признакам возраста (молодые и старые), физических (слабые и сильные) или нравственных (дурные и честные) качеств — *(πόλις) συνεστηκυῖα ἐκ τῶν ἐναντίων ἔθνων, πενήτων λέγω καὶ πλουσίων, νέων γερόντων, ἀσθενῶν ἰσχυρῶν, πονηρῶν χρηστῶν* (5, 396b, 1 sqq.). Такое словоупотребление не было необычным у греков. Оно встречается у Платона. Все государство, говорится в «Государстве», а не какой-нибудь отдельный этнос в нем должно быть счастливым — *οὐ πρὸς τοῦτο βλέποντες τὴν πόλιν οἰκίζομεν, ὅπως ἐν τι ἡμῖν ἔθνος ἔσται διαφερόντως εὐδαίμων, ἀλλ' ὅπως ὅ τι μάλιστα ὅλη ἡ πόλις* (IV, 420B; с тем же смыслом — 421C; V, 466A). В разных сочинениях Платона словом «этнос» обозначаются конкретные группы населения. Так обозначены ремесленники и земледельцы — *τὰ μὲν ἄλλα ἔθνη τῶν πολιτῶν περὶ τὰς δημιουργίας ὄντα καὶ τὴν ἐκ τῆς γῆς τροφήν* (Crit. 110C), дальше упоминается τὸ μάχιμον, где можно, но не обязательно подразумевать ἔθνος; врачи, кораблестроители и другие — *περὶ ἰατρῶν... ἢ περὶ ναυπηγῶν ἢ περὶ ἄλλου τινὸς δημιουργικοῦ ἔθνους* (Gorg. 455B). Обозначение «этнос» применяется к глашатаям — *τὸ κηρυκικὸν ἔθνος* (Politicus, 290B), к поэтам — *τὸ μιμητικὸν ἔθνος* (Tim. 19), даже к разбойникам и ворам — *ἢ ληστὰς ἢ κλέπτας ἢ ἄλλο τι ἔθνος* (Resp. I, 351C). В одном случае рыбы названы *ἰχθύων ἔθνος* (Tim. 92B). У Ксенофонта встречаем τὸ ἔθνος τὸ θῆλυ ἢ τὸ ἄρρεν (Oec. 7, 26). Такого рода выражения встречаются уже у Гомера: Гомер говорит о пчелах —

ἔθνεα μελισσῶν (Илиада II, 87), об умерших — ἔθνεα νεκρῶν (Одиссея X, 526), о пороссятах — ἔθνεα χοίρων (ibid. XIV, 73).

Характерно, что Аристотель счел возможным последовать традиции в Метафизике, но в своем политическом трактате решительно от нее отгородился: на всем протяжении Политики, где так часто речь идет о разных слоях населения, ни разу к последним не применяется название «этнос». Иначе говоря, вырабатывая свою политическую терминологию, Аристотель сохранил слово «этнос» лишь для обозначения племени, племенной единицы и отказался узаконить его как термин для обозначения единицы социальной.

Возвращаясь к основной линии нашего рассуждения, попробуем ответить на вопрос, какое место в Политике Аристотеля занимает «этнос», племя.

Сами по себе «племена» мало интересуют Аристотеля. Ни определением понятия «этнос», ни выяснением путей образования племен, ни детальным обследованием их жизни он в Политике не занимается. Как видно из рассмотренных выше мест, упоминания о племенах нужны Аристотелю для того, чтобы лучше оттенить его мысли о полисах. Сочетание πόλις и ἔθνος, как и противопоставление одного другому, было столь обычным у греков (см., например, Фукидид I, 3, 2 sqq.; Ксенофонт, Анабасис I, 7, 33; Пир 4, 14) и их этнографические сведения уже во времена Геродота были столь обширны, что мы не вправе считать приемы Аристотеля оригинальными.

Попытаемся выяснить, в каких случаях Аристотель обращается к жизни или истории «племен», в первую очередь негреческих. Речь будет, следовательно, идти не об употреблении слова «этнос», а об этнографическом и историческом материале о негреческих племенах, использованном Аристотелем.

Примеры из истории негреческих племен и народов (македоняне для Аристотеля тоже негреки; см. VII, 2, 5, 1324b, 9 sqq., 15)⁹ нужны Аристотелю в подавляющем числе случаев для иллюстрации его положений относительно царской власти. Последняя существовала в греческих полисах в очень давние времена, а в Спарте, где она не прекратила своего существования, она превратилась, по словам самого Аристотеля, в наследственную стратегию. Вполне естественно, что в поисках материала для заключений о возникновении царской власти и перипетиях ее истории Аристотель не раз выходил за пределы греческого исторического предания и обращался к фактам из истории македонских, фракийских, персидских, лидийских, ассирийских, египетских и других царей (V, 8, 5, 1310b, 34 sqq.; 8, 10, 1311b, 1 sqq.; 9, 2, 1313a, 37 sqq.; см. также VII, 13, 2, 1332b, 23 sqq.). Предлагая свой проект идеального строя, Аристотель ссылается на исторический опыт не только греческого Крита, но и Египта и италийских племен (VII, 9, 1, 1329b, 2 sqq.). Он останавливает свое внимание

на практике персидских царей сокрушать силу тех из подвластных им народов, которые некогда славились своим могуществом, — мидян, вавилонян и некоторых других (III, 8, 4, 1284a, 41 sqq.). С осуждением отзывается автор Политики о чисто военной направленности спартанского и критского уклада, приводя в качестве параллелей существующие у некоторых мощных народов обычаи, доказывающие их приверженность к военному делу и уважение к военной силе; здесь упоминаются скифы, персы, фракийцы, кельты, македоняне, иберы (VII, 2, 5, 1324b, 3 sqq.; упомянут и Карфаген, но о нём см. ниже). Вообще о правах и обычаях отдельных народов время от времени говорится в том или ином контексте в Политике. У некоторых ливийцев жены являются общими, дети же распределяются на основании сходства с отцами (II, 1, 13, 1262a, 19 sqq.). В Эфиопии, по утверждению некоторых, принято назначать людей на должности по признаку высокого роста (IV, 3, 7, 1290b, 4 sqq.). Особенности кельтских нравов избавляют их от власти женщин, что является обычным уделом воинственных племен (II, 6, 6, 1269b, 24 sqq.). У многих негреческих народов имеется обычай погружать новорожденных в холодную реку, а у некоторых, например у кельтов, покрывать их небольшим покрывалом (VII, 15, 2, 1336a, 15 sqq.). Понтийские ахейцы и гениохи и некоторые другие племена отличаются разбойническими наклонностями и склонны к людоедству, но истинным мужеством не обладают (VIII, 3, 4, 1338b, 19 sqq.). Нет смысла добавлять ко всему перечисленному случайные попутные сообщения вроде рассказа Амасиса о сосуде для омовения ног (I, 5, 2, 1259b, 8 sq.) или того факта, что мидийские и персидские цари могли наслаждаться музыкой только в чужом исполнении (VIII, 4, 5, 1339a, 33 sqq.).

На особом положении был Карфаген. С одной стороны, Аристотель с полным основанием ставил карфагенян в один ряд с негреческими народами (VII, 2, 6, 1324b, 13 sqq.), с другой — строй Карфагена вполне допускал сравнение со строем греческих полисов, а потому в преобладающем большинстве случаев Карфаген рассматривается в Политике как полис. Его конституция подвергается разбору с точки зрения требований, предъявляемых Аристотелем к идеальному государственному устройству, наряду с построениями теоретиков Платона, Гипподама, Фалея и конституциями Лакедемона и Крита (II, 8, 1, 1272b, 24 sq.). Кроме того, в другом месте карфагенское устройство определяется как аристократическое (IV, 5, II, 1293b, 14 sq.), упоминаются широкие судебные полномочия должностных лиц в Карфагене (III, 1, 7, 1275b, 11 sqq.). Дважды подчеркивается устойчивость карфагенского строя благодаря предусмотрительной политике правящего слоя, который не ставит препятствий обогащению людей из народа (V, 10, 4, 1316b, 5 sq.; VI, 3, 5, 1320b, 4 sqq.). В книге о государственных переворотах примеры из истории Кар-

фагена приводятся сразу же вслед за примерами из истории греческих полисов (V, 6, 2, 1307a, 2 sqq.; 10, 3, 1316a, 33 sq.). Финикийские города метрополии были вне поля зрения Аристотеля. Об этрусках он говорил только в своей серии *Nóμικα βαρβαρικά*, посвященной описанию нравов и обычаев, а не государственного строя (fr. 607, 608; cf. fr. 614₄₄).

Противопоставляя в одних местах греков негреческим племенам — ἔθνη, Аристотель, как мы видели, в других говорит о греческих ἔθνη. В каких случаях Политика занимается последними? Оставим в стороне упоминание об особенностях ἔθνη, зависящих от климатических условий населяемых ими областей (VII, 6, 2, 1327b, 33 sqq.), и рассмотрим главные места, где этнос берется как политическая единица. При этом нет надобности обязательно искать самое слово ἔθνος, так как нас интересует не его значение (о чем речь была выше), а факт упоминания таких политических единиц, которые не могли быть названы полисами и к которым подходило только название «этнос». Такой единицей была, например, Фессалия. Аристотель рассматривает взаимоотношения между фессалийцами и подвластными им пенестами (II, 6, 2, 1269a, 36 sqq.), говорит о «свободной площади» у фессалийцев, т. е. в фессалийских полисах (VII, 11, 2, 1331a, 31 sqq.). Не исключается интерес к отдельным полисам: в Политике имеются упоминания о Ларисе (III, 1, 9, 1275b, 26 sqq.; V, 5, 5, 1305b, 28 sqq.; 5, 9, 1306a, 10 sqq.), о Фарсале (V, 5, 7, 1306a, 10 sqq.). Существование Фессалийского союза в достаточной степени объясняет упоминания в Политике о фессалийцах в целом. Среди Политий Аристотеля была особая Фессалийская Полития (fr. 497—499). Между тем сам Аристотель определяет термин πολιτεία как строй тех, кто населяет полис, — ἡ δὲ πολιτεία τῶν τὴν πόλιν οἰκοῦντων ἐστὶ τάξις τις (III, 1, 1, 1274b, 38), и как «порядок в полисе всех прочих властей и особенно ведающей всем» — ἐστὶ δὲ πολιτεία πόλεως τάξις τῶν τε ἄλλων ἀρχῶν καὶ μάλιστα τῆς κυρίας πάντων (III, 4, 1, 1278b, 8 sqq.). Отсюда ясно, что πολιτεία (как, впрочем, это видно и из всех рассуждений Аристотеля на эту тему) является свойством полиса. Если Аристотель не поколебался написать о πολιτεία фессалийцев, то это объясняется не только собирательным смыслом, какой мог быть вложен в название фессалийцев (ввиду однородности строя фессалийских городов), но и главным образом существованием Фессалийского союза, который получил более строгую организацию уже после Аристотеля, но в какой-то мере издавна представлял собой единство.¹⁰ Общий аппарат союза напоминал собой организацию полиса и, вероятно, потому мог рассматриваться как πολιτεία. В таком же смысле писал Аристотель и о государственном строе этолийском (fr. 473), акарнанском (fr. 474), общеаркадском (fr. 483), боттиейском (fr. 485), фокидском (fr. 599). Этолийский союз даже в более поздних документах именуется не только τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν,

но и τὸ ἔθνος τῶν Αἰτωλῶν (IG IX, 2, № 62, v. 6 = Dttb., Syll.³, № 532, v. 6).¹¹ Греческий этнос мог в представлении Аристотеля иметь свою πολιτεία.¹²

Определив полис как некое количество граждан — ἡ γὰρ πόλις πολιτῶν τι πλῆθος ἐστίν (III, 1, 2, 1274b, 41), Аристотель переходит к рассмотрению понятия «гражданин». Это рассмотрение приводит его к следующему заключению: «гражданин в собственном смысле определяется — больше, нежели чем-либо иным, — тем, что он участвует в суде и в управлении» — πολίτης δ' ἀπλῶς οὐδενὶ τῶν ἄλλων ὀρίζεται μᾶλλον ἢ τῷ μετέχειν κρίσεως καὶ ἀρχῆς (1, 4, 1275a, 22 sq.). Дальше — признание, что такое определение больше всего подходит для граждан в демократическом государстве,¹³ а при других государственных устройствах оно возможно, но не обязательно — ὁ λεχθεὶς ἐν μὲν δημοκρατία μάλιστα ἐστὶ πολίτης, ἐν δὲ ταῖς ἄλλαις ἐνδέχεται μὲν, οὐ μὴν ἀναγκαῖον (1, 6, 1275b, 5 sqq.). Поэтому, принимая во внимание и недемократические формы государственного устройства (здесь названы Лакедемон и Карфаген), следует дать и такое определение гражданина: тот, кто имеет право быть участником совещательной или судебной власти — ὃ γὰρ ἐξουσία κοινονεῖν ἀρχῆς βουλευτικῆς ἢ κριτικῆς, πολίτην ἦδη λέγομεν εἶναι ταύτης τῆς πόλεως (1, 8, 1275b, 18 sqq.). Все дальнейшие рассуждения Аристотеля касаются вопроса о совпадении добродетели хорошего человека с добродетелью дельного гражданина полиса, затем вопроса о существующих и желательных формах правления, переворотах и их причинах, способах сохранения разных форм правления, вопроса об идеальном строе в полисе. Единственный вопрос, выходящий (в значительной степени) за пределы полиса, — это вопрос о монархической форме правления.

Аристотель не может не видеть, что вокруг греческого мира существует иной мир, для которого полисная форма политического бытия не является нормой, но этот другой мир сам по себе не интересует Аристотеля в Политике. Одна из политических форм греческого полиса — монархическая — по самой своей сути находится в родстве или во всяком случае представляется схожей с преобладающей в негреческом мире монархической формой, а в силу этого и привлекается к рассмотрению Аристотелем. Этим не ограничивается смысл сопоставления разных видов монархий в Политике, далее (отдел I, главы 2 и 3 настоящей книги) будет сделана попытка выяснить замысел Аристотеля еще с одной точки зрения.

Полис был для Аристотеля высшим видом политического объединения. Можно ли на этом основании говорить об отсталости политического мышления Аристотеля? Эллинистическая монархия — та новая форма, которая зарождалась на его глазах, чтобы затем в ближайшие века получить пышный расцвет, вытеснила ли она в сознании самих греков греческий полис? Полисы

продолжали существовать и при эллинистических монархиях, и при римской власти.¹⁴

Те изменения, какие произошли в фактическом положении полисов в результате образования эллинистических государств, а затем и распространения римской власти на восточные области Средиземноморья, не мешали свободному населению городов Греции, Малой Азии и других стран сознать себя гражданами полисов и пользоваться старой политической терминологией. С точки зрения Аристотеля, полис эллинистической и римской поры продолжал бы оставаться полисом, как оставались полисами греческие города Малой Азии под властью персов и Александра Македонского, греческие города во второй период существования первого морского союза или греческие города, в которых после Пелопоннесской войны находились спартанские гармосты и спартанские гарнизоны. В рамках настоящей работы нет ни надобности, ни возможности производить специальное исследование о живучести политической терминологии классической поры, поскольку эта терминология отражается в документальных и литературных памятниках III в. до н. э. и последующих веков. Достаточно будет отметить некоторые отдельные факты и обстоятельства. Александр и его преемники основывают новые полисы. Старые полисы сохраняют в большей или меньшей степени свою автономию, хотя по существу и перестают быть вполне самостоятельными городами-государствами. Они именуют себя полисами; государи и наместники обращаются к ним как к полисам — соблюдается декорум обращения к самостоятельному государству. Рим создал определенную градацию в положении греческих полисов в соответствии со степенью сохранения ими своей автономии. В наиболее привилегированном положении были *civitates foederatae* (например, Афины)¹⁵ и *civitates (sine foederatae) liberae*. О «свободе» греческих полисов говорили вполне серьезно. Страбон (I—II в. н. э.) сообщает, что Кизик был еще и при нем свободным — ἐλευθέρῃ μέχρι νῦν (XII, 8, 11). Павсаний (II в. н. э.), описывая устройство Спарты, говорит о функциях герусии, эфоров, номофилаков и других должностных лиц своего времени в таких выражениях, как если бы речь шла о самостоятельном государстве (οἱ ἔφοροι διοικοῦσι и т. п.).¹⁶ Любопытно одно место у Павсания, где он говорит о Панопеях в Фокиде: «От Херонеи двадцать стадиев до фокидского города Панопей, если только кто-нибудь назвал бы полисом и их, у которых нет ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни городской площади, ни воды, стекающей в резервуар» — στάδια δὲ ἐκ Χαίρωνείας εἰκοσὶν ἐς Πανοπέας ἐστὶ πόλιν Φοκίων, εἴγε ὀνομάσαι τις πόλιν καὶ τοῦτους οἷς γε οὐκ ἀρχεῖα οὐ γυμνάσιον ἐστὶν οὐ θέατρον οὐκ ἀγορὰν ἔχουσιν οὐχ ὕδωρ καταρχόμενον ἐς κρήνην (X, 4, 1). Павсаний дает внешние признаки того, что в его время могло называться городом (полисом). Дальше оказывается, что жители Панопеев довольствовались

жалкими хижинами. Однако поселение было отделено определенной границей от соседей и жители его посылали своих представителей в общее собрание фокидян. По-видимому, наличие этой границы и равноправие с прочими членами союза фокидян было для Павсания, как и для самих жителей городка и для прочих фокидян, достаточным основанием называть Панопей полисом.¹⁷ Вообще же в римский период имелся довольно разнообразный ассортимент слов для обозначения населенных пунктов — *πόλις*, *πολίχμιον*, *πολίχνη*, *πόλιςρα*, *χώμη* и безусловно новое, возникшее в послеклассическое время слово *χωρόπολις* (Strabo XII, 6, 1; Ev. Marc. 1, 38).¹⁸ Нельзя, впрочем, отрицать и некоторой зыбкости понятий, обозначавшихся этими словами. Это относится даже к слову *πόλις* и даже в классическую пору. Геродот называет полисами города восточных стран. Когда он говорит о двадцати тысячах городов, существовавших в Египте во времена Амасиса (*πόλις... διασπορίας* — II, 177; II, 3, 7, 8, 166, 169), а Ксенофонт в «Анабасисе» о больших богатых городах Малой Азии (*πόλις μεγάλη καὶ εὐδαίμων*), то они меньше всего думают о типе греческого полиса с его самоуправлением и гражданством. Полибий называет городом (*πόλις*) даже поселение, построенное у моста наемниками, восставшими после первой Пунической войны (I, 75, 5; 76, 1, 9). Как в классическое, так и в послеклассическое время контекст и реальные обстоятельства, имевшиеся в виду автором, решали вопрос о значении, в каком слово «полис» было употреблено в каждом отдельном случае: когда в него вкладывался государственно-правовой смысл и когда оно служило просто для обозначения населенного пункта определенного типа. Во всяком случае «полис» как государственно-правовое понятие не окончил своего существования в IV в. до н. э.

Полис (в государственно-правовом смысле) вступал в сознании Аристотеля в новую фазу своего существования, и, может быть, свидетельством понимания или предвидения Аристотелем нового положения дел служит то обстоятельство, что он уделяет очень мало места в Политике вопросам, связанным с внешней политикой. Лишь изредка встречаем в ней упоминание о давлении, какое оказывали в прошлом главенствовавшие полисы на полисы второстепенные (III, 8, 4, 1284a, 38 sqq.; IV, 9, 11, 1296a, 32 sqq.). Само собой разумеется, что интерес к вопросам военного характера, относящимся главным образом к безопасности полиса и обороне его в случае нападения (VI, 5, 8, 1322a, 33 sqq.; VII, 5, 2, 1326b, 39 sqq.; 10, 2, 1330a, 41 sqq.), не является доказательством противного.

Объединение людей в полисе есть, по Аристотелю, высшая форма объединения, смысл которой в достижении наибольшего блага. Полис, следовательно, является вполне самодовлеющим; возникает он в силу потребностей жизни, но существует ради

хорошей жизни — πόλις, ἥδη πάσης ἔχουσα πέρας τῆς αὐταρχείας ὡς ἔπος εἰπεῖν, γινομένη μὲν οὖν τοῦ ζῆν ἔνεκεν, οὐσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν (I, 1, 8, 1252b, 27 sqq.). Свою задачу Аристотель определяет следующим образом: «Мы ставим себе целью рассмотрение государственного сообщества, — какое из них является наилучшим из всех для людей, способных вести жизнь, наиболее соответствующую [самым высоким] пожеланиям» — προαἰρούμεθα θεωρῆσας περὶ τῆς κοινωνίας τῆς πολιτικῆς, τίς κρατίστη πασῶν τοῖς δυναμένοις ζῆν ὅτι μάλιστα κατ' εὐχὴν (II, 1, 1, 1260b, 27 sqq.). Рассуждая о самой предпочтительной жизни — τίς αἰρετώτατος βίος (VII, 1, 1, 1323a, 14 sqq.), Аристотель исходит из мысли, что лучше всего положение тех, кто управляется наилучшим — при имеющихся у них условиях — образом, если только не применяются какие-либо непредвиденные обстоятельства — ἀριστα γὰρ πράττειν προσήκει τοῖς ἀριστα πολιτευομένοις ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῖς, ἐὰν μὴ τι γίγνηται παράλογον (ibid.). Ссылаясь на свои рассуждения о наилучшей жизни в «эксотерических сочинениях»,¹⁹ Аристотель устанавливает три рода благ, какими может обладать человек: внешние, присущие телу и присущие душе — τῶν τε ἐκτὸς καὶ τῶν ἐν τῷ σώματι καὶ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ. Счастливые люди должны пользоваться всеми этими благами. Смысл дальнейших рассуждений Аристотеля тот, что блага третьей категории выше благ двух первых категорий и что степень счастья зависит от степени добродетели и разума и от согласованной с ними деятельности — ὅτι μὲν οὖν ἐκάστῳ τῆς εὐδαιμονίας ἐπιβάλλει τοσοῦτον ὅσον περ' ἀρετῆς καὶ φρονήσεως καὶ τοῦ πράττειν κατὰ ταύτας, ἔστω συνωμολογημένον ἡμῖν (1, 5, 1323b, 21 sqq.; cf. 7, 2, 1328a, 35 sqq.). То, что справедливо по отношению к одному человеку, приложимо и к полису. Не могут быть в прекрасном положении те, чьи действия не являются прекрасными, а прекрасное деяние индивида или полиса не бывает без добродетели и разума — ἀδύνατον δὲ καλῶς πράττειν μὴ τὰ καλὰ πράττουσιν. οὐθὲν δὲ καλὸν ἔργον οὔτε ἀνδρὸς οὔτε πόλεως χωρὶς ἀρετῆς καὶ φρονήσεως (1, 5, 1323b, 31 sqq.). Подводя итог своих предварительных рассуждений, Аристотель говорит: «теперь будем считать установленным, что наилучшая жизнь и для каждого в отдельности и для государства в целом — это жизнь в соответствии с добродетелью, сопровождаемой благоприятными внешними обстоятельствами в такой степени, чтобы стало возможным участие в требуемых добродетелью деяниях» — νῦν δὲ ὑποκείσθω τοσοῦτον, ὅτι βίος μὲν ἀριστος καὶ χωρὶς ἐκάστου καὶ κοινῇ ταῖς πόλεσιν ὁ κατ' ἀρετῆς κεκορηγημέης ἐπὶ τοσοῦτον ὥστε μετέχειν τῶν κατ' ἀρετὴν πράξεων (1, 6, 1323b, 40 sqq.). Наилучшим строем государства является тот, который обеспечивает каждому наилучшее состояние и счастливую жизнь. Пространные рассуждения вызывают вопрос о тождестве или отличии счастья индивида и счастья полиса и тесно связанный с ним — по-разному репавшийся до Аристотеля — вопрос

о предпочтительном образе жизни для индивида: следует ли отдавать предпочтение жизни политической и деятельной или жизни, свободной от всего внешнего, т. е. некоей созерцательной жизни, которую некоторые называют единственной достойной философа (2, 3, 1324a, 23 sqq.). Спорный вопрос разрешается Аристотелем в пользу жизни деятельной в широком смысле этого слова, со включением мыслительной деятельности (не только непосредственно направленной на практику, но и самодовлеющей), которая также является видом деятельности. Отсюда и вывод, что наилучшая жизнь у каждого человека в отдельности и у полиса в целом одна и та же (3, 6, 1325b, 30 sqq.). О том, что добродетель (*ἀρετή*) есть необходимое условие счастливой жизни для государства, Аристотель напоминает еще раз — *ἐπεὶ δὲ τυγχάνομεν σκοποῦντες περὶ τῆς ἀρίστης πολιτείας, αὕτη δ' ἐστὶν καθ' ἑνὴν ἢ κόλιν ἀν εἶη μάλιστα εὐδαιμόνων, τὴν δ' εὐδαιμονίαν ὅτι χωρὶς ἀρετῆς ἀδύνατον ὑπάρχειν εἰρηται πρότερον* (8, 2, 1328b, 33 sqq.).

К хорошей жизни и к счастью стремятся все, но одни имеют возможность достигнуть их, а другие нет в силу случайных обстоятельств или по природе (ведь для прекрасной жизни требуются известные внешние условия, в меньшей степени тем, кто лучше одарен от природы, в большей — тем, кто хуже); некоторые же сразу неправильно ищут счастье, несмотря на имеющиеся у них возможности (12, 2, 1331b, 39 sqq.).

Основные положения Аристотеля о цели объединения людей в государства, о признаках государственного устройства, соответствующего назначению наилучшего государства, с логической последовательностью приводят его к необходимости выяснить, что такое счастье — *δῆλον ὅτι τὴν εὐδαιμονίαν δεῖ, τί ἐστὶ μὴ λανθάνειν* (1332a, 7). Опираясь на положения, выставленные и обоснованные в Никомаховой Этике,²⁰ автор утверждает, что счастье состоит в совершенном осуществлении и применении добродетели — *φαρὲν δὲ (καὶ διωρίσμεθα ἐν τοῖς ἡθικοῖς, εἴ τι τῶν λόγων ἐκείνων ὄφελος) ἐνέργειαν εἶναι (scil. τὴν εὐδαιμονίαν) καὶ χρῆσιν ἀρετῆς τελείαν* (12, 3, 1332a, 7 sqq.). Для счастья полиса нужно наличие некоторых условий. Одни из них должны иметься налицо, а о других должен позаботиться законодатель (12, 4, 1332a, 28 sq.). Государство может обладать дельными качествами лишь в том случае, если ими обладают его граждане. Поэтому Аристотель задается вопросом, благодаря чему люди бывают хорошими и дельными, и дает на него ответ. Специально рассматривается вопрос о тех добродетелях, какие необходимы для государства и для отдельного человека в военное время, в мирное время и в любое время (13, 16, 1334a, 11 sqq.). В отделе об общественном воспитании в благоустроенном государстве решающее значение приписывается развитию добродетели (VIII, 1, 3, 1337a, 33 sqq.; 6, 3, 1340b, 40 sqq.).

Все рассмотренные выше места взяты из двух последних книг Политики, но это не значит, что Аристотель, выставив в начале своего сочинения положение о заложенном в самой сущности полиса стремлении к благу, вспомнил об этом положении только приближаясь к концу сочинения, когда он счел нужным конкретизировать понятие блага и счастливой жизни, свел последнюю к жизни согласно добродетели. О добродетели (*ἀρετή*) и ее значении для государства он рассуждает не раз на протяжении Политики. Управление домом требует большей заботы о людях, чем о приобретении неодушевленных предметов, большей заботы о добродетели людей, чем о надлежащем состоянии (так приходится передать слово *ἀρετή* в этом контексте) приобретенного имущества, которое мы называем богатством, большей заботы о свободных, чем о рабах (5, 3, 1259b, 18 sqq.). Затем следуют разъяснения о степени добродетели, присущей рабам, а также женщинам и детям. Гражданин, мужчина, властвующий должен обладать совершенной нравственной добродетелью, из прочих же каждый соответственно тому, сколько ему полагается — *διὸ τὸν μὲν ἄρχοντα τελείαν ἔχειν δεῖ τὴν ἠθικὴν ἀρετὴν... τῶν δ' ἄλλων ἕκαστον, ὅσον ἐπιβάλλει αὐτοῖς*, (5, 7, 1260a, 17 sqq.). Властвующему и подвластному следует быть добродетельным, но добродетель у них разная: у первого она такова, что помогает ему правильно повелевать, второму она нужна для того, чтобы хорошо выполнять приказания. Степень и характер соображений у подчиненных определяются следующим положением: «у раба вовсе нет соображения, у женщины есть, но без действительной силы, у ребенка есть, но несовершенное» — *ὁ μὲν γὰρ δοῦλος ὅλως οὐκ ἔχει τὸ βουλευτικόν, τὸ δὲ θῆλυ ἔχει μὲν, ἀλλ' ἄχυρον, ὁ δὲ παῖς ἔχει μὲν, ἀλλ' ἀτελές* (5, 6, 1260a, 12 sq.). По поводу двух стихов Феодекта Аристотель говорит, что по точному их смыслу свободный и раб, благородный и неблагородный различаются по признаку присущей одним добродетели, а другим — порочности (2, 19, 1255a, 36 sqq.). Детально разбирается вопрос о том, как относится добродетель хорошего человека к добродетели дельного гражданина (III, 2, 1, 1276b, 16 sqq.). Хороший человек тот, кто обладает совершенной добродетелью. Ввиду существования государств разных видов добродетель граждан не везде оказывается одинаковой. Наоборот, добродетель хорошего человека повсюду одна и та же. Отсюда следует, что эти добродетели не тождественны. Затем в порядке углубленного рассмотрения вопроса Аристотель вносит в свое отрицательное заключение некоторые поправки, которые применимы к наилучшему государству, и приходит к признанию тождества двух добродетелей²¹ (см. также 12, 1, 1288a, 37 sqq.). В этой связи ставится и разрешается вопрос о добродетели (доблести) гражданина как умения повелевать и слушаться (занимать должности и повиноваться должностным лицам — 2, 9, 1277b, 7 sqq.).

Уже в том отделе, где автор рассуждает о добродетели рабов, женщин и детей, затрагивается вопрос о возможности добродетели у ремесленника — *βάνουρος, τεχνίτης*, положение которого определяется как ограниченное рабство (I, 5, 10, 1260a, 36 sqq.). Еще раз (III, 3, 1, 1277b, 33 sqq.) возвращается к этому Аристотель для того, чтобы сделать категорическое заявление, что человек, являющийся в жизни ремесленником или поденщиком, не может упражняться в делах, проистекающих из добродетели — *οὐ γὰρ οἶον ἐπιτηδεύσαι τὰ τῆς ἀρετῆς ζῶντα βίον βάνουρον ἢ θητικόν* (3, 5, 1278a, 20 sq.). В зависимости от формы государственного устройства ремесленники и поденщики допускаются или не допускаются в состав гражданства. В аристократиях, где должности даются в соответствии с добродетелью и достоинством, названные категории населения не могут принадлежать к гражданству. В олигархиях поденщику невозможно стать гражданином, ремесленнику же вполне возможно, так как многие из них становятся богатыми и в силу своего имущественного ценза получают все гражданские права. Наилучшее государство не сделает ремесленника гражданином — *ἡ δὲ βελτίστη πόλις οὐ ποιήσει βάνουρον πολίτην* (3, 2, 1278a, 8). Существенный вопрос о составе гражданства решается, как видим, в соответствии с учением Аристотеля о добродетели. В Политике находим и общее положение Аристотеля об обязанности подлинного (а не только именуемого на словах) государства заботиться о добродетели — *δεῖ περὶ ἀρετῆς ἐπιμελὲς εἶναι τῇ γ' ὡς ἀληθῶς ὀνομαζομένη πόλει, μὴ λόγου χάριν* (5, 11, 1280b, 7 sq.).

Положение о счастливой жизни, развитое в предпоследней книге Политики, выдвинуто Аристотелем раньше. Государство (полис) есть соединение родов и деревень ради совершенной и самодовлеющей жизни, а это значит — жить счастливо и прекрасно; следовательно, нужно считать, что государственное объединение существует ради прекрасных дел, а не просто ради совместной жизни — *πόλις δὲ ἡ γενῶν καὶ κωμῶν κοινωνία ζωῆς τελείας καὶ αὐτάρκους <χάριν> τοῦτο δ' ἐστίν, ὡς φαμέν, τὸ ζῆν εὐδαιμόνως καὶ καλῶς. τῶν καλῶν ἄρα πράξεις χάριν θετέον εἶναι τὴν πολιτικὴν κοινωνίαν, ἀλλ' οὐ τοῦ σωζῆν* (5, 14, 1280b, 40 sqq.; cf. 5, 10, 1280a, 31 sq.). Поэтому те, чей вклад в это объединение наибольший, в большей степени являются участниками государственной жизни, нежели те, кто равен им по своему свободному положению или по своему происхождению, или даже выше их, но не равны им в гражданской добродетели, и нежели те, кто по своему богатству превосходит их, но уступает им в добродетели — *διόπερ ὅσοι συμβάλλονται πλεῖστον εἰς τὴν τοιαύτην κοινωνίαν, τούτοις τῆς πόλεως μέτεστι πλεῖον ἢ τοῖς κατὰ μὲν ἐλευθερίαν καὶ γένος ἴσοις ἢ μείζοσι, κατὰ δὲ τὴν πολιτικὴν ἀρετὴν ἀνίσοις, ἢ τοῖς κατὰ πλοῦτον ὑπερέχουσι κατ' ἀρετὴν δ' ὑπερεχομένους* (5, 15, 1281a, 4 sqq.). С большой ясностью излагается здесь излюбленная идея Аристотеля о значении в государственной жизни гражданской

добродетели и большей ценности ее обладателей по сравнению с теми, кто отличается знатным происхождением или богатством. На этой идее основаны дальнейшие соображения Аристотеля о роли в государстве тех, кого он называет ἐπιεικεῖς; они в его представлении являлись обладателями добродетели (V, 7, 15, 1309b, 14 sqq.).

В одном месте говорится о специальных видах добродетели (доблести). Полис немислим без воинской доблести (III, 7, 6, 1283a, 19 sqq.). Однако такой государственный уклад, при котором вся жизнь и все занятия граждан имеют целью развитие в них военных способностей, одобрения со стороны Аристотеля не получает (II, 6, 22, 1271a, 41 sqq.; VII, 2, 5, 1324b, 3 sqq.). Карфагенский строй порочен в том отношении, что он ставит во главу угла не добродетель, а богатство (II, 8, 6, 1273a, 37 sqq.).

Аристократия и монархия нуждаются в добродетели, сопровождаемой внешними условиями (IV, 2, 1, 1289a, 30 sqq.). Принцип аристократического строя — ἀρετή, должности при нем распределяются в зависимости от обладания добродетелью (6, 4, 1294a, 9 sqq.; cf. 5, 10, 1293b, 1 sqq.).

В согласии с Никомаховой Этикой Аристотель настаивает на том, что счастливой жизнью является жизнь в соответствии с не встречающей препятствий добродетелью (βίον ... τὸν κατ' ἀρετὴν ἀνεμπόδιστον), а добродетель есть некая середина; поэтому «средняя» жизнь и есть наилучшая (9, 2, 1295b, 35 sqq.).

Объясняя, почему в действительности существуют главным образом две формы правления — демократия и олигархия, Аристотель указывает на то, что благородное происхождение и добродетель присущи немногим, а качества, нужные для названных форм государственного устройства (буквально «эти качества»), — многим (V, 1, 8, 1301b, 39 sqq.).

Очень показательно высказывание Аристотеля о причинах, создающих разногласие между гражданами. Всякое различие вызывает раздоры. При этом на первое место (пусть с оговоркой «пожалуй») Аристотель выдвигает различие между добродетелью и порочностью, на второе — между богатством и бедностью, затем уже идет все прочее в порядке значительности — μεγίστη μὲν οὖν ἴσως διάστασις ἀρετὴ καὶ μοχθηρία, εἶτα πλοῦτος καὶ πένια καὶ οὕτως δὴ ἑτέρα ἑτέρας μᾶλλον (2, 12, 1303b, 15 sqq.). Таким образом, учение Аристотеля о разногласиях среди граждан и изменении государственного строя поставлено в связь с его учением о добродетели.

Спартанцев своего времени Аристотель хвалит за то, что они ставят блага, приобретаемые благодаря добродетели (доблести), выше тех, которые приобретаются благодаря порокам, но укоряет их в том, что блага они больше ценят, чем самое добродетель (доблесть) (II, 6, 23, 1271b, 6 sqq.).

Суммарный очерк смен правления в греческих государствах строится на основе учения о добродетели. Первоначально была установлена царская власть, так как нелегко было найти людей, отличавшихся добродетелью, тем более что полисы были небольшими; кроме того, цари получали свою власть после того, как они оказывали какое-либо благодеяние, а это последнее является делом добрых мужей. Позднее, когда многие оказались обладателями одинаковой добродетели, царская власть уступила свое место новой форме правления — республиканской, что нужно понимать в смысле «аристократической». ²² Затем понижение нравственного уровня (т. е. утрата *ἀρετή*) повело к тому, что стали высоко ценить богатство и начали расхищать общественное достояние. В дальнейшем порочность была причиной установления тирании, за которой последовала демократия (III, 10, 7, 1286b, 8 sqq.).

Сделанный нами обзор, не претендующий на абсолютную полноту, но все же охватывающий наиболее важный материал, относящийся к поставленному выше вопросу, в достаточной степени убеждает нас в том, что мысль о полисе как объединении людей, имеющем своей основной целью счастливую жизнь, немислимую без добродетели (все это следует иметь в виду — в теснейшей связи с этическими взглядами Аристотеля), направляет рассуждения автора Политики на протяжении всего трактата.

Из трех вопросов, намеченных к рассмотрению в настоящей главе, остается еще один, к которому мы и переходим, а именно об особенностях подхода Аристотеля к исследуемому предмету.

Как отмечено выше, Аристотель, приступая к исследованию полиса, расчленяет сложное понятие этого наивысшего, с его точки зрения, объединения людей на его простые элементы, существующие «по природе», в силу требований самой природы. Анализ понятия, разложение его на составные части, сведение сложного к простому — методика исследования, вообще присущая Аристотелю и доведенная им до большой степени тонкости. В Политике он проделывал ту же аналитическую работу, какой он занимался и в других своих акроаматических сочинениях. Наше внимание здесь приковывает к себе не самый факт анализа, а результаты, к которым на основании этого анализа приходит Аристотель.

Первичные единицы, лежащие в основе человеческого общества, — это объединение, во-первых, мужа и жены, во-вторых, господина и раба. То и другое вытекает из самой природы объединяющихся. В выделении именно таких первичных единиц сказывается самая суть отношения Аристотеля к фактам общественной жизни. Он анализирует современную ему действительность не только для того, чтобы выяснить генезис непосредственно данных ему фактов жизни рабовладельческого полиса. Дойдя до первичных элементов, послуживших основой для более сложных объеди-

нений, он стремится показать исконность этих элементов, их естественность, возникновение их из потребностей самой человеческой природы. Человеческие существа разного пола объединяются для удовлетворения своего стремления к воспроизведению себе подобных. Аналогия с миром животных и растений служит доказательством естественности стремления людей к деторождению. Так объясняет и оправдывает Аристотель существование семьи и так защищает он ее против тех, кто хотел бы ее разрушить (Платон).

Современное Аристотелю общество было немислимо без рабовладения, и философ ищет для рабства такого же объяснения и оправдания, какие он нашел для семьи. Если бы у нас не было других данных и свидетельств о рабовладении в Греции в IV в. до н. э., то одного уже факта включения Аристотелем в число первичных объединений наряду с супружеской парой соединения господина и раба было бы достаточно для того, чтобы говорить об огромном числе рабов в Греции и о роли рабовладения в жизни греческого общества.

Рабство, по Аристотелю, существует в силу требований самой природы. Подобно семье рабство существует φύσει. Раб нуждается в руководстве в большей степени, чем женщина или ребенок, так как он не имеет соображения и добродетель его может состоять только в способности точно выполнять приказания.¹

Перед нами настоящая апология рабовладения.²³ Одни самой природой предназначены быть господами, другие — рабами. Аристотель вполне ясно указывает, кто, по его мнению, по природе своей является рабом. Это — негреческие народы, «варвары».²⁴ Властвующее по природе начало у варваров вообще отсутствует — τὸ φύσει ἄρχον οὐκ ἔχουσι (scil. οἱ βάρβαροι — I, 1, 5, 1252b, 6 sq.). Он с полным одобрением цитирует часть стиха из «Ифигении в Авлиде» Эврипида (v. 1400), где сказано, что эллинам подобает властвовать над варварами, и следующим образом передает смысл слов трагедии: «варвар и раб (по мнению поэта) — по природе одно и то же» — ὡς τὰ τὸ βάρβαρον καὶ δοῦλον ὄν (I, 1, 6, 1252b, 9). Изложение своих мыслей о рабстве Аристотель заканчивает словами: «Ясно, что по природе одни — свободные, другие — рабы и рабское состояние для последних является и полезным и справедливым» — ὅτι μὲν τοίνυν εἰσὶ φύσει τινὲς οἱ μὲν ἐλεύθεροι οἱ δὲ δοῦλοι, φανερόν, οἷς καὶ συμφέρει τὸ δουλεύειν καὶ δίκαιόν ἐστιν (2, 15, 1255a, 1 sqq.).

Разбирая мнение тех, кто не совсем так смотрит на рабство, Аристотель находит, что разногласие не касается сути дела. Ведь когда ссылаются на то, что иногда по праву войны люди самого благородного происхождения попадают в плен и затем, проданные, становятся рабами, то тем самым ищут то, что является рабом по природе, а это совпадает с выдвинутым с самого начала положением Аристотеля — ведь с неизбежностью следует

признать, что одни оказываются рабами везде, а другие — нигде (2, 16, 1255а, 3 sqq.). Социальные различия между варварами не имеют значения за пределами их мира (2, 19, 1255а, 32 sqq.).

В этом разделе Политики дает себя знать стремление автора принять и узаконить действительность такой, как она есть. Разъясняется, почему по вопросу о рабстве нет единого мнения. Хотя в конечном счете, как мы видели, оказывается, что не разделяющие мнения Аристотеля исходят из одинаковых с ним предпосылок, все же они не хотят в общей форме признать рабство справедливым явлением. Аристотель не отмечает сразу их взглядов и признает, что они «в каком-то смысле говорят правильно» — *τρόπον τινὰ λέγουσιν ὀρθῶς* (2, 16, 1255а, 3 sq.). Ведь существует и рабство по закону (надо понимать — наряду с рабством по природе). Закон же есть некое соглашение, по которому захваченное на войне принадлежит захватившему. Не все согласны с тем, что власть, приобретенная путем войны, справедлива, так что того, кто незаслуженно попал в рабство, нельзя назвать рабом. Мы видели, как выходит из положения Аристотель: он находит общую у себя и у представителей другого мнения основную мысль — истинными рабами являются только варвары. На этом рассуждения по вопросу о справедливости рабства оканчиваются. Признав существование наряду с рабством, по его представлениям полезным для рабов и справедливым, обусловленным самой их природой, рабства иного рода, не подходящего под такое определение, Аристотель никаких выводов ни теоретического, ни практического характера не делает (если не считать словесного непризнания подлинными рабами людей, не созданных для рабства). Несправедливое, даже с его точки зрения, рабство констатируется как факт и практически молча санкционируется. Об устранении этого, по его же собственному признанию отрицательного, явления Аристотель не заботится.

Атака Аристотеля на построение Платона в «Государстве» идет, в сущности, под лозунгом сохранения основ существующего общественного строя. Платон вводит общность жен и детей, общую собственность. Аристотель начинает свой разбор теории Платона именно с этих важнейших моментов и ставит вопрос, лучше ли то, что есть сейчас (*ὡς νῦν*), или то, что предлагается в «Государстве» (II, 1, 2, 1261а, 8 sq.). В самом проекте Платона Аристотель обнаруживает нечто противоречащее действительности. Платон исходит из предпосылки о полисе как некоем полном единстве. Аристотель противопоставляет этому свое положение, выведенное на основании наблюдений над действительностью, — полис по самой природе своей есть некое множество — *πλήθος γάρ τι τὴν φύσιν ἔστιν ἢ πόλις*, (1, 4, 1261а, 18). Мало того, полис состоит не только из множества людей, но и из людей неодинаковых — *οὐ γὰρ γίνεται πόλις ἐξ ὁμοίων*.

Согласно Платону, в его идеальном государстве все вместе будут говорить «мое» и «не мое». Аристотель, опять-таки опираясь на наблюдения над современным ему рабовладельческим обществом, возражает, что об общем люди заботятся меньше, чем о своем собственном. В частности, это касается отношения к родственникам. Лучше, говорит Аристотель, быть чьим-либо двоюродным братом в собственном смысле, чем сыном по проекту Платона (1, 12, 1262a, 13 sq.). И опять ссылка на природу: внешнее сходство будет вызывать у людей предположения о кровном родстве, что (так надо понимать слова Аристотеля) будет разрушительным образом действовать на проектируемый Платоном порядок. В подкрепление приводятся и общее соображение о сходстве детей с родителями, и пример, взятый Аристотелем из этнографической литературы: у некоторых ливийцев, живущих в Верхней Ливии, жены являются общими, а дети распределяются между отцами на основании сходства (1, 13, 1262a, 18 sqq.). Здесь же как бы в скобках любопытное, с точки зрения позиции Аристотеля в социальном вопросе, замечание — общность жен и детей, которая влечет за собой ослабление родственных чувств между людьми, скорее была бы полезна у земледельцев (т. е. у подвластного, по проекту Платона, населения), чем у стражей; такая мера сделала бы подвластных более послушными и менее склонными к переворотам (1, 15, 1262a, 40 sqq.). Прочие соображения Аристотеля по вопросу об общности жен и детей представляют собой развитие или детализацию соображений, приведенных нами выше.

В вопросе о собственности Аристотель также расходится с Платоном. Опять проект Платона сравнивается с современными Аристотелю порядками. Окончательный вывод Аристотеля — в пользу частной собственности. В рассуждениях Аристотеля еще раз встречаем ссылку на природу. Трудно, по мнению Аристотеля, выразить то удовольствие, какое испытывает человек, считая что-либо своей собственностью; любовь, которую чувствует всякий к самому себе, не необоснована, она вложена в нас самой природой — *ἔτι δὲ πρὸς ἡδονὴν ἀμύθητον ὅσον διαφέρει τὸ νομίζειν ἰδίον τι. μὴ γὰρ οὐ μάτην τὴν πρὸς αὐτὸν αὐτὸς ἔχει φιλίαν ἕκαστος, ἀλλ' ἔστι τοῦτο φυσικόν* (2, 6, 1263a, 40 sqq.). Что касается доводов Аристотеля, то они сводятся к ссылке на затруднения, возникающие при совместном пользовании собственностью и при всяких совместных занятиях, вплоть до совместных путешествий, а также на заботливое отношение людей к своей собственности. Наконец, пускается в ход и такой аргумент: только при частной собственности собственник может испытать удовольствие, оказывая услуги и помощь друзьям, а также людям, состоящим с ним в отношениях гостеприимства, и товарищам (1263b, 5 sqq.). Для реализации возможности такого удовольствия необходимо, чтобы собственник благодаря своей добродетели действовал согласно

поговорке «у друзей все общее» (2, 4, 1263а, 29 sq.). Опасаясь, очевидно, как бы все это не было принято как благие пожелания, ничего общего с реальной жизнью не имеющие, Аристотель указывает на порядки, существовавшие в его время в некоторых государствах, славившихся своим хорошим устройством, в частности на Лакедемон, где граждане в ряде случаев пользовались чужой собственностью (2, 5, 1263а, 30 sq.).

Противники частной собственности указывали, что от нее происходят разные беды: судебные дела по поводу долговых обязательств и по поводу лжесвидетельств, лезть перед богатыми. Аристотель хочет парировать доводы противников утверждением, что перечисленные беды объясняются дурными качествами людей, а не существованием необобществленной собственности (2, 8, 1263b, 18 sq.). В этой связи Аристотель вспоминает о спартанских и критских сисситиях, в которых он видит оправдавшие себя на деле превосходное средство воспитания граждан в направлении выработки у них взглядов на собственность как на нечто общее (2, 10, 1263b, 40 sq.). Под конец Аристотель прибегает еще один полемический прием. Он представляет себе, что проект Платона претворяется в жизнь. Именно тогда стали бы явными его недостатки — *μάλιστα δ'ὰν γένοιτο φαυρόν, εἴ τις τοῖς ἔργοις ἴδοι τὴν τοιαύτην πολιτείαν κατασκευαζομένην* (2, 11, 1264а, 5 sq.). Оказалось бы необходимым ввести деление граждан по сисситиям, а также по филам и фратриям. В результате обнаружилось бы, что единственным крупным законодательным нововведением было бы освобождение стражей от занятия земледелием, а это, добавляет Аристотель, уже проводят на опыте лакедемоняне. Такого же порядка и другое замечание Аристотеля: пытаюсь отнестись к проекту Платона как к реально осуществленному, оп наталкивается на большую неясность. Платон не определяет точнее положение земледельцев: предполагается ли у них общая собственность, общность жен и детей? Если да, то чем земледельцы будут отличаться от стражей? Возникает и другой вопрос: почему земледельцы будут мириться с властью стражей? Аристотель опять обращается к примеру из действительности: придется придумать нечто вроде того, что придумали критяне, которые позволяют рабам все, за исключением посещения гимнасиев и приобретения оружия. Если же у земледельцев будут те же порядки, что и в других государствах, то в государстве Платона окажутся два государства, притом враждебные друг другу. Государство не будет избавлено от того, что сам Платон признает злом — взаимные обвинения, судебные процессы и пр. Среди недостатков проекта Аристотель называет и несменяемость начальников — *ἀεὶ γὰρ ποιεῖ τοὺς αὐτοὺς ἄρχοντας* (2, 15, 1264b, 7 sq.). Правда, как замечает Аристотель, Платон не мог распорядиться иначе: ведь происходящее от богов «золото» примешано, по его учению, только к думам стражей. Однако такое положение дел вызывает

восстание даже со стороны тех, кто не отличается самолюбием, а тем более со стороны людей отважных и воинственных.²⁵ Свой разбор государственного строя, предлагаемого Платоном, Аристотель не считает исчерпывающим, как видно из его заключительных слов: «Государственный строй, о котором говорит Сократ, вызывает эти и другие, не меньшие сомнения» — ἡ μὲν οὖν πολιτεία περὶ ἧς ὁ Σωκράτης εἶρηκεν ταύτας τε τὰς ἀπορίας ἔχει καὶ τούτων οὐκ ἐλάττους ἑτέρας (2, 16, 1264b, 24 sq.).

Второй проект Платона, изложенный в его «Законах», подвергнут не менее резкой критике. Главное возражение, выдвинутое Аристотелем на первый план, состоит в том, что если в «Государстве» оставлено в стороне много важных вопросов, относящихся к государственной жизни, то в «Законах» о государственном устройстве вообще сказано мало, главное же внимание уделено законам (3, 2, 1265a, 1 sq.). Желая сделать предлагаемый им строй более близким, приемлемым (χοινωτέραν) для существующих государств, Платон тем не менее снова понемногу склоняется к своему первому проекту. Различие между двумя проектами состоит лишь в том, что второй из них не вводит общности жен и собственности. В остальном второй проект является повторением первого, если не считать введения сисситий для женщин и расхождения в определении числа лиц, которые будут носить оружие. Очень характерно для реалистического мышления Аристотеля замечание о том, что для предполагаемого Платоном полиса потребовалось бы огромное пространство вроде Вавилонии (3, 3, 1265a, 13 sq.). Отмечается ряд упущений Платона, прежде всего отсутствие понимания значения для полиса соседящих с ним местностей, особенно с военной точки зрения. Аристотель напоминает о том, что полису приходится вести существование «политическое» (государственное), а не обособленное (смысл условного предложения — тот, что дело обстоит именно так) — εἰ δὲ τὴν πόλιν ζῆν βίον πολιτικόν²⁶ μὴ μονωτικόν (3, 4, 1265a, 21 sq.).

Не одобряет Аристотель и определения размера собственности у Платона. По Платону, он должен быть таков, чтобы обеспечить существование при бережливом образе жизни (ὥστε ζῆν σωφρόνως), как будто это значит жить хорошо (ζῆν εὖ). Аристотель указывает, что можно жить бережливо, но при этом бедствовать — ἔτι δ' ἔστι σωφρόνως μὲν ταλαιπώρως δὲ ζῆν (3, 5, 1265a, 31 sq.). Сам он предлагает такое определение — бережливо и щедро (σωφρόνως καὶ ἐλευθερίως). Еще один недостаток у Платона: он не предусматривает мер, регулирующих прирост населения, забывая, что при современном положении, когда имущество подвергается делению, в таких мерах нет надобности, тогда как при неделимости имущества они необходимы. Аристотель отдает себе отчет в трудности регулировать деторождение, но констатирует, что невмешательство, наблюдаемое в большинстве государств, ведет к обеднению граждан, а бедность

является причиной раздора и преступления (3, 7, 1265b, 10 sqq.).

В «Законах» не разработан и вопрос об отличии господствующих от подвластных (3, 8, 1265b, 18 sqq.). В последнюю очередь Аристотель разбирает форму государственного устройства в проекте Платона. Это не демократия и не олигархия, а нечто среднее — то, что называется политией; в состав гражданства входят способные вооружаться на собственный счет. Эта форма правления сама по себе вызывает одобрение Аристотеля. Он готов признать ее наиболее общей, наиболее подходящей для всех государств. Если же Платон считает ее наилучшей после первой (самой лучшей) формы, то с этим Аристотель согласиться не может (3, 9, 1265b, 26 sqq.). Построенная Аристотелем (в IV книге) градация хороших государственных устройств будет рассмотрена далее (отдел I, главы 2 и 3 настоящей книги). Здесь же нас интересуют только те высказывания Аристотеля, которые имеют непосредственное отношение к построениям Платона. «В этих „Законах“, — пишет Аристотель, — говорится, что наилучший государственный строй должен быть соединением демократии и тирании, а их или вовсе нельзя считать государственным устройством или можно, но наихудшими из всех» (II, 3, 11, 1266a, 1 sqq.). Впрочем, самое определение, данное Платоном (Leg. III, 693D, 701E, sq.; VI, 756E), Аристотель считает ошибочным.²⁷ По его собственному мнению, конституция, предлагаемая Платоном, не включает в себе ничего монархического и представляет собой сочетание олигархических и демократических элементов с большим уклоном в сторону олигархии. На этом заканчивается рассмотрение проектов Платона.

Следующим идет проект Фалея Халкедонского (II, 4, 1, 1266a, 31 sqq.). В противоположность Платону другие теоретики не занимаются проектом обобществления жен и детей, а начинают с того, что необходимо для жизни. В проекте Фалея Аристотель отмечает ряд слабых сторон. Требуя равенства имущества для граждан и сознавая, что его легко установить во вновь основываемых полисах, но трудно в полисах старых (по его мнению, действенной мерой может быть нормирование размеров приданого), Фалей упускает из виду такой существенный момент, как увеличение населения. Естественный ход вещей при отсутствии контроля над деторождением приведет к тому, что закон о равенстве имущества потеряет свою силу, много прежде богатых людей станут бедняками и будут стремиться к перевороту. Приводимые Аристотелем исторические примеры (Солон, Локры, Левкада) служат доказательством важного значения узаконенных, ограничивающих размеры земельных владений и запрещающих продажу наследственных участков. Равенство имущества само по себе ничего не говорит, ведь равное имущество может быть очень большим, позволяющим жить в роскоши, и очень ма-

лым, обеспечивающим лишь скудное существование. Аристотель требует от законодателя, чтобы он добился установления некоей средней нормы — τὸ μῆσον στοχαστέον (4, 5, 1266b, 28 sq.). В конечном счете, по Аристотелю, дело решается не столько уравнением имущества, сколько уравнением вожделений, а последнее достигается воспитанием. Фалей не забывает о необходимости воспитания, но определение, даваемое им этому воспитанию — «единое и одинаковое», само по себе бесполезно, так как не дает гарантии против алчности и чрезмерного честолюбия. Вообще проект Фалея помогает только против малых несправедливостей; ведь самые большие несправедливости чинятся не из-за недостатка в необходимом, а в целях получить избыток — ἐπεὶ ἀδικοῦσιν γὰρ τὰ μέγιστα διὰ τὰς ὑπερβολάς, ἀλλ' οὐ διὰ τὰ ἀναγκαῖα (4, 8, 1267a, 12 sqq.). Это общее положение сопровождается ссылкой на часто наблюдавшиеся явления: тираническую власть захватывают не для того, чтобы не зябнуть; поэтому великие почести выпадают на долю тех, кто убил тирана, а не тех, кто убил вора.

Общий смысл критических замечаний Аристотеля сводится к тому, что реализация порядков, предлагаемых Фалеем, не вызовет того общего улучшения жизни, о каком думает сам автор. Кроме того, в самом проекте имеются неясности и недоговоренности. Тот же смысл имеют и дальнейшие замечания Аристотеля. Констатируется один большой пробел в построении Фалея — отсутствие всякого упоминания о военной мощи государства и о согласовании с нею размеров имущества (4, 9, 1267a, 17 sqq.). Подводя итоги своему рассуждению по поводу проекта Фалея, Аристотель соглашается признать равенство имущества полезным в том отношении, что оно в какой-то степени способствует предотвращению раздоров между гражданами. Однако он не склонен преувеличивать значение этого средства. Ведь люди образованные (οἱ χαρίεντες), недовольные равенством, часто выступают против существующего строя и поднимают волнения. Здесь же Аристотель, явно намекая на афинскую демократию, указывает на беспредельность человеческой алчности: если первоначально довольствуются двумя оболами, то потом, когда такая раздача становится обычной, требуют все большего и большего, пока не дойдут до бесконечного. Свой взгляд на устранение социальных бед Аристотель выражает следующим образом: необходимо сделать так, чтобы люди, по природе порядочные, не стремились к преобладанию и не имели такой возможности; последнее осуществимо при том условии, если дурные будут слабее порядочных и не будут испытывать обид (4, 12, 1267b, 5 sqq.). Далее, предлагая уравнение земельной собственности, Фалей забывает о других видах богатства — рабах, скоте, деньгах, утвари. Характер законодательства в проекте Фалея показывает, что имеется в виду организация маленького полиса, ведь все ремесленники по этому проекту будут государственными рабами, а не особым

добавлением к гражданскому населению (4, 13, 1267b, 13 sqq.). Следует не совсем ясное предложение, которое во всяком случае представляет собой какое-то возражение Фалейю: «Но если те, кто работает на общество, должны быть государственными рабами, то должен быть такой порядок, какой имеется в Эпидамне и какой хотел ввести в Афинах Диофант». По-видимому, назвав ремесленников государственными рабами, Фалей в этом остановился, а Аристотель укоряет его в отсутствии тех уточнений, какие можно было бы дать, основываясь на опыте Эпидамна и какого-то проекта Диофанта в Афинах.²⁸

Третий теоретик, разборю проекта которого занимается Аристотель, — Гипподам Милетский (5, 1, 1267b, 22 sqq.). Здесь также в основе критики Аристотеля лежит мысль о тех неудобствах проекта, которые обнаружатся при осуществлении его на практике. Гражданское население полиса (всего десять тысяч) делится, по плану Гипподама, на три части — ремесленники, земледельцы, воины. Получается так, что земледельцы не имеют оружия, ремесленники — ни земли, ни оружия, а потому и оказываются чуть ли не рабами тех, кто имеет оружие. Неизбежно все главные должности окажутся в руках воинов. Отстраненные от управления не могут быть друзьями существующего государственного строя. При таких условиях имеющие оружие должны быть сильнее обеих других частей гражданства, а этого нелегко достигнуть, если их будет немного. Предположим, что это достигнуто. В таком случае становится неясным, зачем другим иметь гражданские права и выбирать должностных лиц. Ставится также вопрос о том, какую пользу приносят полису земледельцы. Такое сомнение не возникает относительно ремесленников, так как всякий полис в них нуждается и они могут кормиться своим ремеслом. Если бы, по проекту Гипподама, земледельцы доставляли питание воинам, то они с полным основанием могли бы считаться частью полиса. Однако у них своя собственная земля, которую они и обрабатывают. Воины получают питание от общественной земли, но не объясняется, кто же обрабатывает эту землю. Если эта обязанность будет лежать на воинах, то последние не будут отличаться от земледельцев, хотя замысел законодателя состоит в том, чтобы установить между ними различие. Если же обработкой общественной земли будут заниматься какие-то другие люди, отличные как от тех, кто будет обрабатывать собственную землю, так и от воинов, то получится некий четвертый слой населения, не принимающий никакого участия в управлении и чуждый гражданству. Можно, правда, допустить, что одни и те же люди будут обрабатывать и собственную, и общественную землю. Однако в этом случае будет трудным делом получить такое количество плодов, чтобы каждый мог своим земледельческим трудом содержать два хозяйства²⁹ — τὸ τε πλῆθος ἄπορον ἔσται τῶν καρπῶν ἕξ ὧν ἕκαστος γεωργήσει δύο οἰκίας (5, 7, 1268a, 42 sqq.). Непонятным

останется также, почему земледельцы не могли бы одновременно с одних и тех же участков получать питание для себя и для воинов. Строгой критике подвергается и предложенный Гипподамом закон о судах (5, 8, 1268b, 4 sqq.). Проект Гипподама предусматривает установление почестей для тех, кто придумает что-либо полезное для государства (5, 4, 1268a, 6 sqq.). Аристотель неодобрительно отзывается об этой мере, полагая, что введение ее может повести к развитию сикофантии и даже к изменению государственного строя (5, 10, 1268b, 22 sqq.). По этому поводу Аристотель вспоминает о существовавшем в его время споре о том, полезно ли изменять прародительские законы. Сам он отказывается присоединиться к тем, кто стоял за незыблемость законов. Если медицина, гимнастика и вообще все искусства и области практической деятельности не являются неизменными, то и для политики нет основания всегда держаться традиции. Аристотель призывает читателя (слушателя) обратиться к фактам реальной истории — *σημεῖον δ' ἂν γεγονέναι φαίη τις ἐπ' αὐτῶν τῶν ἔργων* (5, 11, 1268b, 38 sq.). Ведь старинные установления и обычаи греков были примитивными и варварскими. Следуют примеры: постоянное ношение оружия, покупка жен, кимский закон об убийстве. Отсюда ясно, что некоторые из законов иногда необходимо изменять. Дальше, однако, Аристотель настаивает на осторожности. В тех случаях, когда улучшение оказывается незначительным, можно оставить без внимания некоторые ошибки законодателей и должностных лиц, учитывая порочность обыкновения слишком легко изменять законы. Может получиться не столько пользы от изменения законов, сколько вреда от привычки не повиноваться властям (или существующим узаконениям).³⁰ Аналогия с искусствами не должна заходить слишком далеко: изменение закона не то, что изменение в искусстве, ведь закон приучает людей к повиновению не сразу, а по истечении длительного времени. Таким образом, легко заменять существующие законы другими, новыми, значит ослаблять силу закона (5, 14, 1269a, 22 sqq.). Как мы видим, один специальный закон в проекте Гипподама дает повод Аристотелю изложить свои взгляды по большому принципиальному и практически важному вопросу. Проект Гипподама в целом при его реализации не дал бы государственных порядков, отвечающих требованиям, какие предъявлял Аристотель к хорошему государственному устройству.

В обзоре пользовавшихся хорошей славой реально существовавших государственных устройств Лакедемона, Крита, Карфагена (6, 1, 1268a, 29 sqq.) Аристотелю не было надобности прибегать к помощи воображения, как это было при обзоре проектов Платона, Фалея, Гипподама; здесь речь шла о констатировании преимуществ и недостатков, проявлявшихся на деле. Этот раздел Политики полон наблюдений над действительностью. Гелоты часто восставали против Спарты. Спартанские женщины живут

в роскоши, не стесняемые никакими законами, и фактически властвуют над мужьями и т. д. (Материал, касающийся Спарты, приведен ниже, см. 3-ю главу II отдела настоящей книги). По поводу ненормального положения с землевладением в Спарте и связанного с этим упадка военной силы спартанцев подчеркивается, что плохое состояние доказывается фактами — γέρονε δὲ διὰ τῶν ἔργων αὐτῶν ὅτι φαύλως αὐτοῖς εἶχε τὰ περὶ τὴν τάξιν ταύτην (6, 12, 1270a, 31 sq.).

Разбор политического устройства критян также уснащен замечаниями, основанными на наблюдениях фактического характера (7, 1, 1271b, 20 sqq.). Даются описание критских порядков и сравнение их с порядками спартанскими; и то и другое — плод изучения критской действительности. Реальные сообщения Политики по истории и состоянию в IV в. критского государственного строя приводятся далее (отдел II, глава 4 настоящей книги).

Государственный строй Карфагена в целом очень высоко оценивается Аристотелем (8, 1, 1272b, 24 sqq.). Признаками хорошо организованного государства Аристотель считает добровольное подчинение народа существующему строю, отсутствие более или менее крупных раздоров и отсутствие тиранов. Все эти признаки он находит в Карфагене, надо думать, на основании знакомства с фактической стороной истории Карфагена. Все дальнейшее представляет собой сравнение со спартанским или критским устройством и оценку отдельных установлений с точки зрения принципов аристократического правления, от которых Карфаген нередко отклоняется в сторону олигархии. Источники, которыми пользовался Аристотель, доставляли ему, видимо, достаточный материал для описания карфагенского строя и выводов о его сильных и слабых сторонах, но ничто не заставляет нас думать, будто самые оценки также непосредственно заимствованы Аристотелем из источников. Квалификация той или иной детали карфагенской конституции как свойственной аристократии (иногда так называемой политии) или олигархии (8, 3, 1273a, 4 sqq., 15 sqq., 25 sqq., 31 sqq.; 8, 7, 1273b, 18 sqq.) едва ли почерпнута из источника. Скорее всего такие определения сделаны самим Аристотелем на основании внимательного изучения имевшегося у него материала. Постоянно практиковавшаяся в Карфагене отправка людей из народа в подчиненные города (вероятно, для управления последними)³¹ является, по мнению Аристотеля, мерой, дающей возможность простым людям обогащаться и тем самым предотвращающей их выступления против существующего строя. Аристотель считает, что не этим способом, основанным на случайности, следует предупреждать распри между гражданами; избавлять от них государство должен законодатель (8, 9, 1273b, 18 sqq.). Весь ход мыслей в этом месте Политики чисто аристотелевский, и мы были бы неправы, если бы усмотрели здесь повторение чужого рассуждения.

Слишком беглый обзор создателей конституций и законов, которым заканчивается II книга Политики, почти ничего не дает нам в интересующем нас плане. Отметим, пожалуй, следует только одно. Возражая тем, кто возводил начало современных демократических порядков в Афинах к судебной реформе Солона, Аристотель, ссылаясь на общий характер реформ Солона, указывает, что последний не при чем: толчок к дальнейшему развитию демократии дали Персидские войны, после которых народ, почувствовав свою силу, выбрал себе демагогов по своему вкусу (9, 3, 1274a, 3 sqq.). В Афинской Политике имеется параллельное место, где чужое мнение об умышленной неясности в формулировке законов Солона³² опровергается в конечном счете требованием судить о замыслах афинского законодателя на основании современных ему обстоятельств, а не на основании обстоятельств IV в. (9, 2, fin.). Свое настоящее объяснение, хочет сказать Аристотель, факты получают только при изучении их в связи с общей исторической обстановкой — прямой призыв строить выводы на строго фактической основе.³³

Своему основному принципу Аристотель не изменяет и дальше. Выделив в книге I человеческие соединения, существующие, согласно его теории, по природе (φύσει), проследив последующий их рост и усложнение, дойдя до полиса, установив его назначение — создание счастливой жизни, выяснив сущность последней, затем несколько отклонившись от прямой линии своего рассуждения и занявшись разбором считавшихся образцовыми государственных устройств, он в книге III возвращается к понятию полиса и связанным с ним понятиям. Здесь на каждом шагу дает себя знать общая установка автора — опираться на действительность, т. е. на реальное прошлое и реальное настоящее. Аристотель изучает действительность, а не реформирует ее. Ставя вопрос о гражданине, он задается целью выяснить, каковы признаки, определяющие собой положение гражданина (III, 1, 9, 1275b, 22 sqq.), а не каковыми должны быть эти признаки. Отрицая за ремесленниками право быть полноправными гражданами в наилучшем, по его мнению, государстве, он и здесь пользуется историческими аргументами: в древние времена у некоторых ремеслом занимались рабы или чужестранцы, да и теперь по большей части они остаются таковыми — *ἐν μὲν οὖν τοῖς ἀρχαίοις χρόνοις παρ' ἐνίοις ἦν δούλον τὸ βάνασσον ἢ ξενικόν, διόπερ οἱ πολλοὶ τοιοῦτοι καὶ νῦν* (3, 2, 1278a, 6 sqq.; cf. 2, 8, 1277b, 1 sqq.); аналогичный закон в Фивах запрещал занимать должности людям, которые в течение десяти лет не воздерживались от дел на рынке (3, 4, 1278a, 25 sq.). Аристотель вообще не упускает из виду многообразия политических порядков, стараясь, по возможности, учесть особенности разных греческих полисов — см., например, данные о зачислении в граждане тех, кто родился от матери-гражданки или являлся незаконнорожденным (1278a, 26 sqq.). Оставим пока

в стороне рассуждения Аристотеля на тему о том, кому больше всего подобает главенствовать в государстве, перейдем к его классификации форм правления (вопрос поставлен два раза предварительно — 4, 1, 1278b, 6 sqq. и 4, 7, 1279a, 22 sqq.; ответ на вопрос — 5, 4, 1279b, 11 sqq.). Бросаются в глаза две особенности этой классификации. Во-первых, вся она построена на реальных государственно-правовых данных прошлого и настоящего. Во многих местах имеются прямые указания на то или иное государство. Так поступает Аристотель, классифицируя формы монархического правления (9, 1, 1284b, 35 sqq.). В тех главах нашей работы (отдел II, главы 3 и 4), где делается попытка представить содержание Политий Аристотеля, использованы все многочисленные ссылки в Политике на факты исторического прошлого и современной действительности. Здесь можно указать еще на имеющийся в Политике краткий набросок смены форм правления в греческих полисах (10, 7, 1286b, 2 sqq.).

Вторая особенность классификации Аристотеля, тесно связанная с его подходом к изучению политической действительности, — отсутствие педантического стремления во что бы то ни стало втиснуть явления этой действительности в рамки им же самим созданной схемы. Аристотель констатирует существование нескольких разновидностей одной формы государственного строя; при этом иногда речь идет об определенном уклоне, определенной окраске той или иной формы правления, тем самым приближающейся к другой форме. В пределах монархии он различает пять подвидов. Демократия и олигархия делятся на несколько разновидностей в зависимости от преобладающего типа демоса или знати в каждом отдельном случае, а также от большего или меньшего значения закона (IV, 4, 1, 1291b, 14 sqq.). Аристократия допускает три разновидности в зависимости от примесей к ее основному принципу — добродетели (5, 11, 1293b, 11 sqq.). Полития и аристократия представляют собой смешанные формы правления, в них соединяются элементы, характерные для олигархии, с элементами, характерными для демократии (7, 1, 1294a, 30 sqq.; V, 6, 4, 1307a, 12 sqq.). Признаком хорошего смешения демократии с олигархией является возможность назвать одно и то же устройство и демократией, и олигархией; в качестве примера приведен спартанский строй (IV, 7, 4, 1294b, 13 sqq.).

Специально оговаривается в Политике возможность соединения в строе одного государства установлений, принадлежащих разным формам правления, так называемые *συνδασμοί*. Аристотель, по-видимому, впервые придает этому слову значение политического термина, так как он снабжает это слово пояснением — *λέγω δὲ τοὺς συνδασμούς* etc. (VI, 1, 2, 1316b, 39 sqq.).

Стремление Аристотеля как можно лучше отразить в своей классификации многообразие действительности находит свое выражение и в некоторых других терминах. В надлежащих

случаях он употребляет все степени прилагательных, обозначающих ту или иную форму правления, наделяя ими как эпитетом другую форму правления, чтобы показать ее специфическую окраску. В Политике встречаются сочетания βασιλεία τυραννικωτέρα (V, 9, 10, 1314a, 34 sq.), τυραννία βασιλικωτέρα (ibid.), ἀριστοκρατία ὀλιγαρχική (VI, 1, 2, 1317a, 2), πολιτεία δημοκρατικωτέρα (1317a, 3), ὀλιγαρχία πολιτική (IV, 11, 6, 1298a, 39), ὀλιγαρχία πολιτικωτέρα (V, 5, 2, 1305b, 10), τυραννικωτάτη τῶν ὀλιγαρχιῶν (VI, 4, 2, 1320b, 32). Для той же цели служат и выражения типа «соседить с», «склоняться к» и т. п. Например, некоторые виды аристократии: γειτνιωσι τῇ καλουμένῃ πολιτείᾳ (IV, 9, 2, 1295a, 31); некоторые виды политики: ῥέπουσι πρὸς τὴν ὀλιγαρχίαν μᾶλλον (5, 11, 1293b, 20 sq.).

Развернутое, занимающее всю V книгу Политики рассуждение Аристотеля о государственных переворотах, их причинах и поводах к ним, а также о мерах, способствующих укреплению государственного строя, снабжено большим количеством исторических примеров. Очень тщательно, с постоянной оглядкой на историю (включая и современную Аристотелю) разбираются случаи смены одной формы правления другой и перемены одного и того же строя. Таким же образом исследуются и те средства, какими тот или иной строй поддерживает свое существование. В этой книге с большой наглядностью демонстрируется характер работы Аристотеля — пристальное наблюдение прошлого и настоящего греческих государств и классификация результатов этого наблюдения. В конце V книги Аристотель еще раз полемизирует с Платоном (10, 1, 1316a, 1 sq.). Возражения Аристотеля сводятся к тому, что в «Государстве» Платона вопрос о переходе одной формы правления в другую трактуется слишком суммарно и абстрактно. Знание конкретной истории дает Аристотелю возможность опровергнуть мнение Платона о причинах государственных переворотов, уличить его в незнакомстве с фактами истории, опровергнуть некоторые его частные утверждения.

Новое, занимающее VI книгу Политики рассмотрение уже с большей практической направленностью всех выделенных Аристотелем форм правления снабжено примерами в гораздо меньшей степени, чем рассуждение о переворотах. Среди высказанных здесь положений видное место занимают те, которые касаются мер, какими можно придать прочность тому или иному государственному строю (VI, 1, 3, 1317a, 15 sq.). Все эти положения легко представить себе как советы политическим деятелям, исходящие от хорошо ориентирующегося в политической жизни автора.

Фундаментом для Политики Аристотеля служили факты современности и прошлого. Факты нужны Аристотелю не только для построения идеального порядка, но и для познания действительности. Сам он выдвигает в качестве главной задачи своей Политики построение наилучших государственных порядков и тем самым низводит свою классификацию форм правления и все, что

с ней связано, до роли вспомогательных рассуждений. И тем не менее любой читатель, знакомясь с соответствующими книгами и отделами Политики, без труда поймет, что автор руководствовался в своей работе в первую очередь заботой об изучении действительности, в которой он искал и те первичные элементы человеческого общества, вытекающие, как ему казалось, из самой природы человека и дающие опору для построения генезиса того сложного и высшего объединения, каким в его глазах был полис.

В итоге настоящей главы получаем следующее. Наивысшей формой политического бытия был для Аристотеля (как и для всякого грека его времени) полис. Судьбам полиса в прошлом, его истокам, современному его состоянию, размышлениям о наилучшей его организации посвящено то крупное произведение Аристотеля, которое носит название Политика. Объединения людей, возникающие в силу потребностей самой человеческой природы, усложнение этих объединений в дальнейшем, приведшие к возникновению полиса, разнообразие форм существования последнего — все эти вопросы трактуются Аристотелем на основании широкого изучения жизни греческих полисов. В конечном счете, однако, Аристотель выступает в Политике не как историк, а как теоретик полиса. Напоминаая время от времени о своей главной цели — построении идеального государства, он уже в начале своего трактата вводит в свои рассуждения оценочный момент. Объединение людей в полис преследует определенную цель — достигнуть счастливой жизни. Последнюю может дать только добродетель (*ἀρετή*). Чем в государстве больше возможности для развития и обнаружения добродетели, тем лучше строй такого государства. В идеальном государстве наилучшие условия для жизни в согласии с добродетелью.

Реалистический склад ума Аристотеля и теоретическое построение идеального государства, наблюдение над фактами реальной жизни ради создания не связанного с реальной жизнью образцового полиса, изучение действительности и использование результатов этого изучения для стоящего вне этой действительности «наилучшего» государственного строя — нет ли здесь какого-то внутреннего противоречия?

Связанное с этическими взглядами Аристотеля, отвечающее его сокровенным желаниям, было ли его построение идеального строя в полном смысле слова предметом мечты, некоей высшей формой государства, об осуществлении которой нечего было и думать и которая нужна была лишь как мерило для оценки менее совершенных форм и еще, пожалуй, как противовес построениям Платона и других? Или, может быть, автор лелеял мысль о возможности реализации своего проекта — и не спустя много веков, не в отдаленных странах, а в недалеком будущем, в пределах известного грекам мира? Носильный ответ на этот вопрос предлагается в двух следующих главах.

ГЛАВА 2

УСЛОВНО-ОБРАЗЦОВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Констатирование того, что полис является предметом изучения Аристотеля, а тщательное исследование его и его разновидностей в прошлом и настоящем — основой для выводов, равносильно признанию реалистической направленности мышления Аристотеля. На протяжении книг I—VI Аристотель занимается реально существующими политическими единицами, которые он *mutatis mutandis* исследует так же, как он исследует животное царство в своей Истории животных. Там он интересуется анатомией, образом жизни, условиями питания и размножения живых существ. Здесь объектом его внимания является политическое целое — полис, составляющие его элементы, соединения их, жизнь полиса. В Истории животных и в других сочинениях по зоологии Аристотель наблюдал, констатировал, иногда объяснял. То же делает он и в Политике. Однако в последней есть и нечто другое. Как отмечено в предыдущей главе, большое место в Политике при разборе государственных устройств уделяется понятию *ἀρετή* и в связи с этим оценочному моменту вообще.

Закономерно возникает вопрос, не вносит ли последнее обстоятельство в построения Аристотеля в Политике нечто чуждое его исследовательским трудам и изобличающее скорее стремление преобразовать общество, т. е. не выступает ли исследователь общества и государства одновременно и в роли реформатора их. Наличие в Политике двух книг (VII и VIII), содержащих проект идеального, образцового государственного устройства, заставляет отнестись с особой серьезностью к поставленному вопросу. Ответ может быть дан только на основе рассмотрения большого материала: необходимо привести все те места, где говорится о наилучшем, образцовом, хорошем государственном устройстве, и выяснить, как относится к действительности вся градация заслуживших одобрение Аристотеля государственных устройств. Только таким путем можно надеяться уловить реальный смысл

высказываний Аристотеля, часто ясный и неприкрытый, порой — более завуалированный.

Если начать с высказываний о добродетели (*ἀρετή*) как свойстве, присущем тем, чье главенство в государстве гарантирует последнему счастливую жизнь, то нетрудно обнаружить связь этих высказываний с классовой позицией Аристотеля. В полном и подлинном смысле добродетель, по Аристотелю, свойственна только мужчине, притом принадлежащему к числу *γυῖοι*, т. е. тех, кто выделяется из общей массы народа. Однако далеко не все *γυῖοι* оказываются обладателями доблести (IV, 4, 1, 1291b, 28 sq.; cf. 3, 1, 1289b, 33 sq.). Лишь так называемые *ἐπιεικεῖς* («порядочные») обладают наряду с *παιδεία* («образованностью») еще и признаком *ἀρετή* (III, 7, 7, 1283a, 24 sq.; IV, 6, 4, 1294a, 10 sq. и др.). Жизнь ремесленников, рыночных торговцев, поденщиков такова, что исключает у них наличие добродетели.

Таким образом, говоря об *ἀρετή*, Аристотель имеет в виду не какую-то абстрактную добродетель, а свойства довольно определенной социальной группы, характеризующейся известным образовательным (а следовательно, и имущественным) цензом. Он далек от конструирования элиты типа стражей Платона и оперирует с данными реальной жизни, смысл которых был понятен читателям.

В одном любопытном месте Политики делается обзор сменявшихся одна другую форм правления в греческих полисах. Власть одного — монархия. Аристократия, по словам Аристотеля, могла бы быть предпочтительнее монархии. Первоначально, пожалуй (*ἴσως*), редко находились люди, выделявшиеся своей добродетелью — *σπίλιον ἢ εὐρεῖν ἄνδρας πολὺ διαφέροντας κατ'ἀρετήν*, тем более что греки жили тогда в небольших городах (III, 10, 7, 1286b, 8 sqq.). Когда же оказалось много людей, равных друг другу по своей добродетели — *ἐπεὶ δὲ συνέβαινε γίγνεσθαι πολλοὺς ὁμοίους πρὸς ἀρετήν*, была установлена республиканская форма правления (имеются в виду аристократия и так называемая полиция). Отсюда видно, что монархию и ранние формы республиканского правления, когда власть была в руках всадников или тяжеловооруженных, Аристотель рассматривал как господство одного человека или целого социального строя, отличавшегося добродетелью. Единый монарх, аристократы, а также более широкие круги гражданства, определявшиеся известным, отнюдь не малым имущественным цензом, были для Аристотеля добрыми мужами (*ἀγαθοὶ ἄνδρες*), обладателями *ἀρετή* (см. здесь же — *ἔργον τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν* — 1286b, 11). Дальше наступает господство олигархии, основанное на богатстве, затем — тирания, наконец — демократия; увеличение размеров полиса трудно совместимо с какой-либо другой формой правления, кроме демократии. Перелом к худшему наступает, по Аристотелю, вместе с началом господства корыстливой олигархии, которая характеризуется как нравственно

испорченная и как расхитительница общественного достояния — ἐπεὶ δὲ χεῖρους γιγνόμενοι ἐχρηματίζοντο ἀπὸ τῶν κοινῶν. Следующий этап — тирания — характеризуется корыстью (αἰσχροκέρδεια). Этот набросок эволюции строя греческих полисов показывает, что благородным свойством ἀρετή Аристотель согласен поделить только монарха (но не тирана) и представителей высших и средних слоев греческого общества (хотя и не во всех случаях). Отнесение демократии наряду с олигархией и тиранией к неправильным формам правления равносильно отказу признать за ней те качества, благодаря которым достигается счастливая жизнь.

На очереди вопрос о похвальных, с точки зрения Аристотеля, формах правления. В каком отношении находятся они к реальной действительности? Были ли они воздушными замками, для которых греческая действительность доставляла только материал, как это было с построением Платона в «Государстве», или же весь ход мыслей Аристотеля был более реалистичным и направленным к более близким и легче достижимым целям? Ответ на этот вопрос не будет праздным повторением того, что давно признано всеми. Рассмотрение соответствующих мест Политики приведет, как нам кажется, к некоторым новым выводам об отношении построений и пожеланий Аристотеля и действительности.

Обратимся к высказываниям Аристотеля. В начале IV книги формулируется положение, что всякое искусство и всякая наука, охватывающие целиком какой-нибудь предмет, должны рассматривать все, что к этому предмету относится. Начальная фраза (общий смысл которой мы попытались здесь передать) получает разъяснение в приведенных Аристотелем примерах. Так, занятие гимнастикой требует следующих знаний: какое гимнастическое упражнение полезно какому телу, какое из упражнений наилучшее (ведь наилучшее обязательно подходит для самого прекрасного от природы и пахотящегося в прекрасных условиях тела), какое единое упражнение в среднем подходит для всех (ведь и это есть задача гимнастического искусства) и еще — если даже кто-либо не стремится овладеть ни нужными для состязаний навыками, ни знанием их — все же делом педотриба и учителя гимнастики является развить в нем и эту способность. Аналогичные требования предъявляются к врачебному искусству, к кораблестроению, к изготовлению одежды и ко всякому другому искусству.

Так же обстоит дело и с политической наукой. В ее задачу, задачу одной и той же науки, входит рассмотрение следующих вопросов (IV, 1, 2, 1288b, 21 sq.).

1. О наилучшем государственном устройстве, каково оно и каковым являясь, оно больше всего соответствовало бы желанием, при отсутствии внешних препятствий — πολιτεῖαν... τὴν ἀρίστην θεωρεῖσαι τίς ἐστί καὶ ποία τις ἂν οὖσα μάλιστα εἶη κατ' εὐχὴν μηδενὸς ἐμποδίζοντος τῶν ἐκτός.

2. Какое государственное устройство для кого подходит; ведь для многих, пожалуй, недостижимо наилучшее устройство, так что от хорошего законодателя и подлинного государственного мужа не должно укрыться как наилучшее вообще, так и наилучшее при паличных обстоятельствах устройство — *καὶ τίς τίσιν ἀρμόττουσα* (πολλοῖς γὰρ τῆς ἀρίστης τυχεῖν ἴσως ἀδύνατον, ὥστε τὴν κρατίστην τε ἀπλῶς καὶ τὴν ἐκ τῶν ὑποκειμένων ἀρίστην οὐ δεῖ λανθάνειν τὸν ἀγαθὸν νομοθέτην καὶ τὸν ὡς ἀληθῶς πολιτικόν).

3. Об обусловленном (наличными обстоятельствами)¹ государственном строе: необходимо уметь разбирать и данное государственное устройство, как оно возникает и, возникнув, каким образом может быть сохранено на возможно более долгое время; имеется в виду тот случай, когда какое-либо государство живет и не с наилучшим строем, не обладая к тому же необходимыми для последнего условиями, и не с мыслимым (возможно лучшим) при наличных обстоятельствах, но с более плохим — *ἔτι δὲ τρίτην τὴν ἐξ ὑποθέσεως* (δεῖ γὰρ καὶ τὴν δοθεῖσαν θύνασθαι θεωρεῖν, ἐξ ἀρχῆς τε πῶς ἂν γένοιτο, καὶ γενομένην τίνα τρόπον ἂν σώζοιτο πλείστον χρόνον· λέγω δὲ οἷον εἴ τιτι πόλει συμβέβηκε μῆτε τὴν ἀρίστην πολιτεῦσθαι πολιτείαν ἀχρηγήτην τε εἶναι καὶ τῶν ἀναγκαίων, μῆτε τὴν ἐνδεχομένην ἐκ τῶν ὑπαρχόντων, ἀλλὰ τίνα φαυλοτέραν).

4. Кроме того, о том государственном устройстве, которое больше всего подходит для всех государств (т. е. для любого государства) — *παρὰ πάντα δὲ ταῦτα τὴν μάλιστα πάσαις ταῖς πόλεσιν ἀρμόττουσαν δεῖ γνωρίζειν.*

Сразу же за последним пунктом у Аристотеля идут довольно пространные разъяснения (IV, 1, 3, 1288b, 35 sqq.), которые необходимо здесь привести, чтобы лучше уяснить себе мысль Аристотеля. Большинство тех, кто писал о государственном строе, говорит он, хотя их высказывания в других отношениях превосходны, далеки от понимания того, что полезно — *διαμαρτάνουσι τῶν χρησίμων.* Ведь следует рассматривать не только наилучшее государственное устройство, но и возможное, и равным образом легче достижимое и более доступное для всех государств — *ἀλλὰ καὶ τὴν δυνατὴν ὁμοίως δὲ καὶ τὴν ῥᾶω καὶ κοινωτέραν ἀπάσαις.* Вместо этого одни занимаются разысканием государственного устройства, стоящего на наибольшей высоте и требующего множества благоприятных условий, другие же, говоря о более доступном строе, отменяя существующие государственные устройства, восхваляют спартанский или какой-нибудь другой строй. Следует, продолжает Аристотель, стремиться вводить² такой строй, к которому люди и легко склонятся и будут в состоянии перейти от существующих устройств,³ так как выправить государственный строй — дело не меньшее, чем установить его с самого начала. Поэтому государственный человек должен быть в состоянии приходить на помощь существующим государственным устройствам, а это невозможно, если не знать, сколько есть видов государствен-

ного устройства. После этого подлежат рассмотрению и наилучшие законы, а также законы, подходящие для каждого из государственных устройств.

Приведенное здесь разъяснение является протестом против теоретических построений тех авторов (в первую очередь Платона), которые занимались придумыванием идеального (с их точки зрения) строя и этим ограничивали свою задачу. Аристотель требует прежде всего внимания к полезному, т. е. к тому, что может иметь практическое применение. Нельзя ограничиваться построением идеальных порядков. Следует заниматься и возможным (*δυνατήν*) строем — это относится ко второму из перечисленных выше пунктов. Слова *ὁμοίως δὲ τὴν ῥάω καὶ κοινωτέραν ἀπάσαις* (scil. *ταῖς πόλεσιν*) указывают на пункт четвертый, где имеются слова *πάσαις ταῖς πόλεσιν ἀριόττουςα*. Наконец, на третий пункт указывает осуждение ничем не оправдываемого пренебрежения ко всем существующим устройствам и восхваления одного из них. Смысл всего этого разъяснения Аристотеля сводится к тому, что наряду с сочинением проектов об идеальном строе, которые могут быть осуществлены только при полном отсутствии препятствий, следует размышлять и об осуществимых и уже существующих формах государственного устройства.

Сжато можно следующим образом формулировать те четыре темы, которые должны, по мнению Аристотеля, интересовать автора политического сочинения: 1) наилучшее государственное устройство в абсолютном смысле; 2) наилучшее государственное устройство, реально осуществимое при наличных условиях; 3) наилучшая форма всякого из реально существующих государственных устройств; 4) подходящее для всякого государства наилучшее устройство. В разъяснениях добавлены еще две темы: 5) разновидности государственного строя; 6) наилучшие законы и законы, подходящие для того или иного государственного строя.⁴

В книге IV Аристотель занимается всеми этими темами, за исключением первой и последней, о чем он, впрочем, и сам предупреждает несколько ниже, намечая подлежащие рассмотрению в первую очередь вопросы, но уже в новом порядке. Аристотель говорит: «Нам следует прежде всего определить, сколько есть различий в государственных устройствах, раз имеется несколько видов демократии и олигархии, затем — какое есть государственное устройство наиболее общее и какое наиболее предпочтительное после наилучшего государственного устройства и всякого другого, какое оказывается аристократическим и хорошо упорядоченным, но подходящее для большей части государств, а потом и из других государственных устройств какое для кого является предпочтительным, — возможно, что для одних более необходима демократия, нежели олигархия, а для других вторая больше, нежели первая» (далее намечены вопросы — способ установления этих государственных устройств, причины гибели и спасения

разных устройств) — ἡμῖν δὲ πρῶτον μὲν διαιρετόν ποσαι διαφοραὶ τῶν πολιτειῶν εἴπερ ἔστιν εἶδη πλείονα τῆς τε δημοκρατίας καὶ τῆς ὀλιγαρχίας, ἔπειτα τίς κοινοτάτη καὶ τίς αἰρετωτάτη μετὰ τὴν ἀρίστην πολιτείαν κἂν εἴ τις ἄλλη τετύχηκεν ἀριστοκρατικὴ καὶ συνεστῶσα καλῶς, ἀλλὰ ταῖς πλείοσταις ἀρμόττουσα πόλεσι τίς ἔστι, ἔπειτα καὶ τῶν ἄλλων τίς τίσιν αἰρετή (τάχα γὰρ τοῖς μὲν ἀναγκαῖα δημοκρατία μᾶλλον ὀλιγαρχίας, τοῖς δ' αὐτῆ μᾶλλον ἐκείνης) (IV, 2, 4, 1289b, 12 sqq.). Нетрудно убедиться, что здесь порядок, в каком расположены вопросы, не совпадает с порядком их в первом перечне тем. После рассмотрения разновидностей действующих конституций (раньше это был пункт пятый) Аристотель называет вопрос о наиболее общей, т. е. общеприемлемой, конституции (раньше это был пункт четвертый); затем идет вопрос о наиболее предпочтительной конституции, занимающей первое место после наилучшей (раньше это был пункт второй); наконец, вопрос о конституции, подходящей для каждого отдельного случая (раньше это был пункт третий). Зато этот новый порядок частично отвечает действительному порядку изложения Аристотеля, где на первом месте — разбор действующих конституций (3, 1, 1289b, 27—8, 3, 1295a, 24); на втором — рассуждение о наиболее общем (в смысле наиболее приемлемого для всех государств) строе (9, 1, 1295a, 25—9, 13, 1296b, 12), на третьем — о строе, подходящем для того или иного отдельного случая (10, 1, 1296b, 13—10, 11, 1297b, 28). Такой выбор трех тем из числа намеченных шести не является случайным, как можно заключить на основании резюмирующей фразы Аристотеля: «Итак у нас сказано, по какой причине существуют разные государственные устройства и почему наряду с [обычно] называемыми имеются еще другие (ведь есть не одна демократия и таким же образом обстоит дело и с другими формами), также — каковы [между ними] различия и по какой причине они бывают, а кроме того — каково, имея в виду большинство случаев, наилучшее государственное устройство и для каких [людей или государств] подходит какое из прочих государственных устройств» — Διὰ τίνα μὲν οὖν εἰσιν αἰτίαν αἱ πολιτεῖαι πλείους, καὶ διὰ τί παρὰ τὰς λεγομένας ἕτεραι (δημοκρατία τε γὰρ οὐ μία τοῦ ἀριθμὸν ἔστι, καὶ τῶν ἄλλων ὁμοίως), ἔτι δὲ τίνες αἱ διαφοραὶ καὶ διὰ τίνα αἰτίαν συμβαίνει, πρὸς δὲ τούτοις τίς ἀρίστη τῶν πολιτειῶν ὡς ἐπὶ τὸ πλείστον εἰπεῖν, καὶ τῶν ἄλλων ποῖα ποίοις ἀρμόττει τῶν πολιτειῶν, εἴρηται (10, 11, 1297b, 28 sqq.).

Нас здесь не интересует причина, почему Аристотель ничего не сказал о второй наилучшей после абсолютно наилучшей формы.⁵ Вопрос для нас ставится иначе: каково отношение к действительности тех тем, которые намечены и разобраны Аристотелем?

Само собой разумеется, что о видах и подвидах разных государственных форм можно было рассуждать только на базе обширного фактического материала, почерпнутого прямо и косвенно (скорее всего и прямо, и косвенно) из живой политической дей-

ствительности и из исторического прошлого. Рассуждения Аристотеля по вопросу о том, какое государственное устройство кому подходит (глава 10), являются выводами из наблюдений и практическими советами политическим деятелям. То же следует сказать и о последних главах IV книги (11, 1, 1297b, 35 sqq.) и о книгах V и VI целиком. Везде Аристотель говорит как ученый, основательно изучивший современную и прошлую жизнь греческих полисов, и как человек, близко стоявший к государственным делам. Не только книги, но и наблюдения над политической жизнью были источниками познаний Аристотеля. Близкий к македонскому двору, много лет проживший в демократических Афинах, одно время в какой-то мере причастный к делам правления в своеобразном Атарнейском государстве,⁶ Аристотель имел возможность пристально наблюдать политическую жизнь государств разного типа. Во всяком случае очень далеки от беспочвенных построений, от чистой абстракции, от благих, не считающихся с реальной жизнью пожеланий рассуждения Политики о трех главных элементах в каждом строе (орган, обсуждающий государственные дела, должностные лица, суд — IV, 11, 1, 1297b, 35 sqq.), учение о гибельных и спасительных для разных конституций моментах (книга V) и об установлении и сохранении разных видов государственных устройств (книга VI).

Отдельного рассмотрения требуют два пункта программы, помещенные в начале IV книги: об общей, приемлемой для всех конституции и об идеальном строе. Как связаны с действительностью предлагаемые Аристотелем решения? Реалистическое мышление Аристотеля предохраняло его не только от чисто фантастических, но и от более или менее оторванных от жизни построений. Материал для построений Аристотель брал из реальной действительности. Доказывать — это значило бы ломиться в открытые двери. Есть, однако, другая сторона того же вопроса об отношении построений Аристотеля и современной ему политической жизни, которая требует специального исследования. Есть приемлемая для всех, с точки зрения Аристотеля, конституция, передающая управление государством в руки средних слоев населения (IV, 9, 1, 1295a, 25 sqq.); есть, кроме того, абсолютно идеальный строй (книги VII—VIII). Первая изредка осуществлялась на деле, вторая — еще ни разу. Вопрос, который мы ставим перед собой, сводится к следующему: были ли для Аристотеля эти два государственных строя только предметом благих пожеланий или же он придавал им какое-то практическое значение? Думал ли он о возможности (не в каком-нибудь абстрактном, а в самом реальном плане) претворения своих проектов в жизнь?

Начнем со «среднего» строя.

В IV книге Политики содержится очень важное для уразумения политических воззрений Аристотеля рассуждение о «среднем» государственном устройстве (9, 2, 1295a, 35 sqq.). Имеется в виду

не основание нового полиса, которому можно дать любую конституцию, и не опыт введения в существующие полисы какого-нибудь совершенного во всех отношениях строя, коренным образом расходящегося с имеющимся государственным устройством, а приемлемое для всех и сравнительно легко осуществимое исправление действующих порядков. О такого рода государственном устройстве есть упоминание уже во II книге Политики, в разборе проекта, предложенного Платоном в его «Законах». Аристотель решительно отказывается считать этот проект лучшим после первого, но допускает возможность признать его «наиболее общим для полисов» среди государственных устройств — *εἰ μὲν οὖν ὡς κοινοτάτην κατασκευάζει ταῖς πόλεσι τῶν ἄλλων πολιτειῶν, καλῶς εἴρηκεν ἴσως· εἰ δ' ὡς ἀρίστην μετὰ τὴν πρώτην πολιτείαν, οὐ καλῶς* (II, 3, 9, 1265b, 29 sqq.). Перед этими словами — определение строя, описываемого в «Законах» Платона: это в целом не демократия и не олигархия, а нечто среднее между ними, а именно то, что называется политией, так как полноправными гражданами являются носящие тяжелое вооружение (способные вооружаться на собственный счет) — *ἡ δὲ σύνταξις ὅλη βούλεται μὲν εἶναι μήτε δημοκρατία μήτε ὀλιγαρχία, μέση δὲ τούτων ἢν καλοῦσι πολιτείαν· ἐκ γὰρ ὀπλιτευόντων ἐστίν* (cf. IV, 10, 8, 1297b, 1 sq.). Таким образом, Аристотель считает наиболее подходящим для всех государств такой строй, при котором полнота гражданских прав принадлежит тяжеловооруженным. Употребленное здесь прилагательное *κοινοτάτη* мы встречаем и в книге IV, в том пункте программы, где речь идет о строе, наиболее приемлемом и легко осуществимом для всякого государства (1, 3, 1288b, 38). В IV книге с большой четкостью поставлен вопрос о наилучшем (в условном смысле) государственном строе, пригодном для всякого полиса. Аристотель рассуждает здесь о том, каков наилучший государственный строй и какова наилучшая жизнь для большинства людей, если ориентироваться не на добродетель, превышающую возможности обыкновенных людей, не на воспитание, требующее счастливых природных данных и внешних обстоятельств, не на государственный строй, соответствующий наилучшим пожеланиям, но на образ жизни, какой способно вести большинство, и на строй, достижимый для большинства государств (9, 1, 1295a, 25 sqq.). Аристотель сразу же вспоминает здесь об аристократических формах правления (о которых он говорит выше) и отмечает, что одни из них недостижимы (*ἐξωτέρω πίπτουσι*) для большинства государств, а другие тесно примыкают (*γειννῶσι*) к тем называемым политиям, а потому о них и о политиях следует говорить как о чем-то едином. Ссылаясь на свою Этику (Eth. Nic. II, 6, 4, 1106a, 26 sqq.), Аристотель говорит, что счастливая жизнь та, при которой нет препятствий к осуществлению добродетели, а добродетель представляет собой некую середину — *μεσότητα δὲ τὴν ἀρετὴν* (cf. *ibid.* 1106b, 27 sq.: *μεσότης τις ἄρα ἐστὶν ἡ ἀρετή*). Это

применимо и к государству. Жизнь государства представлена его устройством — ἡ γὰρ πολιτεία βίος τις ἔστι τῆς πόλεως. В каждом государстве есть очень богатые, очень нуждающиеся и средние граждане. Дальше обоспывается положение, что хорошо управляются государства, где средний слой является многочисленным и где он сильнее обеих социальных крайностей вместе взятых или хотя бы одной из них. В таких государствах не может водвориться ни «крайняя» демократия, ни олигархия в ее чистом виде, ни тирания, которая возникает гораздо чаще из обеих названных форм, чем из тех форм, где преобладают средние слои. Эти последние формы, по словам Аристотеля, оказываются по самой своей природе наиболее устойчивыми. Наилучшие законодатели принадлежали к среднему слою: Солон (что видно из его поэзии), Ликург (который не был царем), Харонд и большинство прочих. Следует иметь в виду, что Аристотель в этом отделе охотно называет средний строй наилучшим, что может легко ввести в заблуждение читателя, рассматривающего данный отдел вне связи со всей системой положений Аристотеля. «Государство, — пишет Аристотель, — стремится к тому, чтобы в его состав входили возможно более равные и одинаковые между собой, а это больше всего свойственно средним, так что неизбежно лучше всего управляется такое государство, имеющее состав, соответствующий, согласно сказанному нами, самой природе государства» — ὥστ' ἀναγκαῖον ἄριστα πολιτεῦσθαι ταύτην τὴν πόλιν ἔστιν, ἐξ ὧν φαιμεν φύσει τὴν σύστασιν εἶναι τῆς πόλεως (IV, 9, 6, 1295b, 27 sqq.). Наречие ἄριστα применено здесь не к наилучшему способу правления, а к значительно уступающему ему, хотя и хорошему, и подходящему для всех или для большинства государств. Далее Аристотель опять называет наилучшим политическим объединением то, основанием которого служат средние слои — δῆλον ὅτι ἡ κοινωμία ἢ πολιτικὴ ἀρίστη ἢ διὰ τῶν μέσων (9, 8, 1295b, 34 sq.). Несколько ниже еще раз ὅτι ἡ μέση (scil. πολιτεία) βελτίστη, φανερόν. Условно-образцовый строй именуется наилучшим без всяких оговорок, как если бы дело шло об абсолютно совершенном строе.

Исходя из всего сказанного (здесь начинается отрывок, который является предметом нашего рассмотрения), Аристотель и дает объяснение тому факту, что в большей части государств наблюдается либо демократия, либо олигархия (1296a, 22 sqq.). Ведь часто в государствах средний слой численно невелик, так что та из социальных крайностей (состоятельные люди или демос), которая одерживает верх, придает государству устройство, соответствующее ее интересам. Если политическая борьба переходит в раздор и гражданскую войну, то победившая сторона не думает об установлении «общего и равного» строя — οὐ καθίστασι κοινὴν πολιτείαν οὐδ' ὄσην (1296a, 29 sq.), т. е. направленного к охранению общих интересов всех граждан, но в качестве награды

за победу захватывает господство в государстве, учреждая либо демократию, либо олигархию. К тому же (ἐτι δέ) и те, кто были гегемонами в Элладе, также устанавливали в других государствах одни — демократию, другие — олигархию, по образцу своего собственного строя и имея в виду свою собственную пользу, а не пользу подчиненных государств.

До этого места мысль Аристотеля совершенно ясна. Ознакомившись с обширным историческим материалом, он убедился, что так называемый средний государственный строй встречается крайне редко. По терминологии Аристотеля, к среднему строю причисляются полиитии и некоторые близкие к ней виды аристократии. Причины того, что обычными конституциями оказываются демократические и олигархические, Аристотель ищет в двух направлениях: в обстоятельствах внутренней жизни греческих государств и в воздействии со стороны главенствующей силы в греческом мире. Внутренняя жизнь государств складывается так, что в них постоянно происходит борьба между верхними и нижними слоями гражданства. Победители в этой борьбе закрепляют свое господствующее положение в государстве введением соответствующей конституции. С другой стороны, решающее влияние на жизнь греческих полисов оказывали и те, в чьих руках находилась гегемония над всей Грецией. Гегемон думает только о своей выгоде и стремится реорганизовать государственный строй греческих государств в нужном ему самом духе.

Вполне ясна и заключительная фраза: «Так что по этим причинам среднее государственное устройство либо никогда не бывает, либо бывает редко и у немногих» — ὡστε διὰ ταύτας τὰς αἰτίας ἢ μηδέποτε τὴν μέσην γίνεσθαι πολιτείαν ἢ ὀλιγαρχίαν καὶ παρ' ὀλίγων (1296a, 36 sqq.).

Вслед за этим логическим завершением всего предыдущего идет новое пояснение — εἰς γὰρ ἀνὴρ συνεπίσθη μόνος τῶν πρότερον ἐφ' ἡγεμονίᾳ γενομένων ταύτην ἀποδοῦναι τὴν τάξιν, ἥδη δὲ καὶ τοῖς ἐν ταῖς πόλεσιν ἔθος καθέστηκε μηδὲ βούλεσθαι τὸ ἴσον ἀλλ' ἢ ἄρχεῖν ζητεῖν ἢ κρατούμενους ὑπομένειν (9, 12, 1296a, 38 sqq.). Интерпретация этой фразы, кажущейся на первый взгляд вполне понятной, в действительности оказывается не очень легкой и может быть дана только после детального разбора.

Предварительно представляется необходимым выдвинуть два требования (пусть элементарные, но далеко не всегда соблюдаемые), являющиеся, с нашей точки зрения, *conditiones sine quibus* поп для правильной интерпретации любого текста: 1) держаться по возможности точного значения слов, употребляемых автором; 2) не забывать о контексте, о связи разбираемого отрывка со всем отрезком текста, к которому этот отрывок относится.

Согласно наиболее распространенному пониманию интересующих нас слов Аристотеля, последний, закончив свое рассуждение о среднем строе указанием на то, что он встречается крайне

редко, затем еще раз возвращается к причинам этого: ведь из людей, бывших раньше у власти, только один муж ввел такой строй, а у граждан установилось обыкновение даже не желать равенства, а либо стремиться к господству, либо терпеливо сносить подчиненное положение. Слова τῶν . . . ἐφ' ἡγεμονία γενομένων часто понимаются в смысле «те, кто держал в своих руках верховную власть в государствах, занимал господствующее положение в них». Таким образом, замечание Аристотеля прямо связывается только с той частью его рассуждения, в которой речь идет о внутренних причинах, препятствующих установлению среднего строя (9, 11, 1296а, 27—32).

Однако вчитываясь в контекст, мы приходим к заключению, что разбираемые нами слова Аристотеля близки по смыслу не только к тем строкам, в которых говорится о внутренней обстановке в греческих государствах, но и к дальнейшим строкам (1296а, 33—36), где указывается на определенное влияние господствовавших в Элладе политических сил. В самом деле, в этом месте смысл слов τῶν ἐν ἡγεμονία γενομένων τῆς Ἑλλάδος не вызывает никаких сомнений, они могут относиться только к гегемонам над всей Грецией; точно так же слова ἐν ταῖς πόλεσι и τὸ τῶν πόλεων συμφέρον могут означать только одно — «в государствах» и «польза государств» применительно к тем греческим полисам, над которыми осуществлялась гегемония. Далее, почти в непосредственном соседстве с этим, Аристотель говорит опять τῶν . . . ἐφ' ἡγεμονία γενομένων, имея в виду тех, кто стоял у власти, и τοῖς ἐν ταῖς πόλεσιν, имея в виду обитателей городов. Одними и теми же словами, надо думать, Аристотель обозначал одно и то же. Если в первом случае он говорил о тех, кто главенствовал в Элладе, и о тех, над кем они главенствовали, то нет никакого основания придавать иной смысл тем же выражениям, когда они встречаются во второй раз. Правда, в первый раз сказано ἐν ἡγεμονία, а во второй — ἐφ' ἡγεμονία. Однако оба эти выражения несомненно имеют один и тот же смысл. Это можно доказать ссылкой на аналогичные выражения, которыми пользуется Демосфен. В третьей речи против Филиппа руководители политической жизни названы в первый раз οἱ ἐπὶ τοῖς πράγμασι (2), во второй раз — οἱ ἐν τοῖς πράγμασι (56). Хотя слово ἡγεμονία может означать и «власть внутри государства», однако указанное сходство выражений не позволяет вкладывать в них два разных смысла в местах, отделенных одно от другого всего пятью строками печатного текста и входящих в состав одного и того же рассуждения.⁷ Вполне понятны побуждения, руководившие одним из английских переводчиков Политики,⁸ предлагавшим атэтировать во втором случае слова ἐφ' ἡγεμονία γενομένων: ведь только путем такой необоснованной поправки к тексту можно придать правдоподобие общераспространенному толкованию текста, так как, читая τῶν πρότερον без

дальнейших пояснений, мы уничтожаем тесную смысловую и словесную связь между двумя рядом стоящими частями рассуждения Аристотеля, которую мы констатировали выше.

В пользу нашего объяснения места говорило еще одно обстоятельство. В разбираемом отрывке рядом с гегемонами упоминаются города, жители городов. Αἱ πόλεις — обычное обозначение греческих государств при сопоставлении их с гегемонами. Так называет союзные с Афинами города Фукидид (VIII, 64, 5; 65, 1). Псевдо-Ксенофонта Афинская Политика дважды в одном и том же месте (1, 14) говорит ἐν ταῖς πόλεσιν, имея в виду членов первого морского союза. Διὸ καὶ τοὺς φόρους οὗτος ἦν ὁ τάξας ταῖς πόλεσιν, — говорит об Аристиде Аристотель в Афинской Политике (23, 5). Авторы несомненно воспроизводят официально установленный термин. В одном фрагменте аттической надписи V в. сказано: ἔταχ]σεν τὸμ φόρον τῆ]σι πόλεσι h[ε βο]λέ (IG I, № 37). Афинский декрет о посвящении начатков в Элевсии предписывает: τὰς δὲ πόλεις ἐγλογέας ἐλέσθαι τῷ καρπῷ (Dttb., Syll.³, № 83).⁹ Все эти примеры подтверждают правильность толкования слова «гегемония» в смысле термина, служившего для обозначения верховного положения в Греции, так как именно в этом случае сопоставление того, кто держит в своих руках гегемонию, и тех, кто живет в городах (οἱ ἐο ταῖς πόλεσιν), является вполне естественным. Та же мысль о зависимости перемен государственного строя не только от внутренних причин, но и от давления со стороны иначе управляемых соседних или более отдаленных, но могущественных государств с прямым указанием на враждебное отношение к олигархии со стороны Афин и к демократиям со стороны Спарты выражена и в другом месте Политики (V, 6, 9, 1307b, 19 sqq.).

Полученный результат позволяет нам пойти дальше. Если Аристотель говорит о тех, кто осуществлял гегемонию над греческим миром, то из числа названных различными учеными кандидатам на звание «единственного мужа» выпадают все реформаторы, действовавшие в пределах своих государств, если последние в ту пору или вообще в истории не играли первенствующей роли в греческом мире. Следовательно, подлежат устранению выдвигавшиеся разными учеными Тессей, Ликург, Феопомп Спартанский, Питтак Митиленский, Клисфен, Гелон Сиракузский,¹⁰ тем более Фалей Халкедонский,¹¹ Гермий Атарнейский.¹²

Нельзя думать и о Солоне, в пользу которого высказывается большинство ученых,¹³ ведь при нем Афины не были гегемоном Греции. Не кажется убедительной и ссылка на то, что самое непоминание имени «единственного мужа» прямо подсказывает нам решение в пользу Солона, так как автор Политики рассчитывал будто бы на одинаковое понимание намека всеми слушателями,¹⁴ а широкая известность и репутация Солона заранее исключали возможность недоразумения. Однако высокая оценка, ко-

тору дает личности и деятельности Солона Аристотель в Афинской Политии, а отчасти и в Политике сама по себе не оправдывает такого мнения.

Было выдвинуто также предположение о том, что Аристотель назвал «единственным мужем» Ферамена.¹⁵ Последний, как известно, действовал отчасти в последние годы существования первого морского союза, т. е., с нашей точки зрения, мог бы быть принят во внимание как осуществлявший гегемонию над Элладой. Однако три серьезных соображения говорят против предположения о Ферамене: во-первых, Ферамена Аристотель хвалит в Афинской Политии не как деятеля, введшего определенную конституцию, а как гражданина, способного заниматься государственной деятельностью при любом государственном устройстве, пока оно не переходит в беззаконие (28, 5); во-вторых, мы ничего не знаем о каких бы то ни было планах Ферамена относительно греческих полисов вообще; в-третьих, осталось бы непонятным, почему Ферамен не назван по имени. Высказывавшееся предположение, что такое умолчание диктовалось осторожностью, трудно признать убедительным. Больше семидесяти лет отделяют гибель Ферамена от времени написания Политики, а этого было вполне достаточно, чтобы имя скомпрометированного государственного деятеля перестало быть одиозным. Вдобавок получилось бы странное противоречие: открытая похвала Ферамену, как одному из лучших государственных деятелей Афин, в Афинской Политии, предназначенной для опубликования, и непонятная боязнь назвать его в Политике, представляющей собой нечто вроде курса лекций, читавшихся внутри школы, значительная часть учеников которой не была даже афинскими гражданами.

Выше, говоря о гегемонах греческого мира, которые эгоистически пользовались своим первенствующим положением, Аристотель называет их *ἐκάτεροι* (IV, 9, 11, 1296a, 33) — «те и другие». Нетрудно догадаться, кого он имеет в виду. В V—IV вв. ведущая роль в Греции принадлежала попеременно и параллельно Афинам и Спарте. Афины поддерживали и старались вводить повсюду демократическое правление, Спарта — олигархическое. Нас не должно удивлять, что Фивы как будто не принимаются во внимание. Современник Аристотеля Демосфен в упоминавшейся уже третьей речи против Филиппа (23) перечисляет политические силы, стоявшие во главе греческого мира в V—IV вв. в такой последовательности: афиняне — 73 года, спартанцы — 29 лет, фиванцы — «в это последнее время, после битвы при Левктрах» (*τούτους τοὺς τελευταίους χρόνους μετὰ τὴν ἐν Λεβκτραῖς μάχην*), Филипп Македонский — 13 лет. В дальнейшем (24 sq.), рассказывая о тех несправедливостях, в которых повинны гегемоны, Демосфен уже не принимает во внимание фиванцев, а говорит только об афинянах, спартанцах и македонском царе. Так и Аристотель не всегда принимал в расчет так называемую эпоху возвы-

пения Фив. Афинянин по происхождению Демосфен и афинянин по культуре Аристотель, к тому же человек македонской ориентации, одинаково пренебрежительно и недоброжелательно относились к Фивам. Итак, «те и другие» у Аристотеля — это афиняне и спартанцы, которые не заботились о благе других государств, а старались преобразовать их по своему образу и подобию.

Не будет ли в таком случае закономерным искать единственное исключение, единственного мужа, поступавшего иначе, чем другие, за хронологической гранью афинской и спартанской гегемоний? Афиняне в целом и крупнейшие афинские деятели времен преобладания Афин (Фемистокл, Аристид, Перикл, Клеон и др.), а также спартанцы и спартанские деятели (например, Лисандр) явно противопоставлены «единственному мужу», который, следовательно, не был ни афинянином, ни спартанцем. Отпадает в силу сказанного и всякая мысль об Эпаминонде,¹⁶ тем более что конституции основанных им Мессены и Мегалополя по-настоящему нам не известны. Таким мог быть только македонский царь. Самый способ выражения Аристотеля «один единственный муж» заставляет нас думать о человеке, обладавшем полнотой власти.

Против предположений о возможности видеть в словах Аристотеля о «единственном муже» намек на македонского царя выдвигались два соображения: 1) ни Филипп, ни Александр, насколько нам известно, не вводили новых конституций; 2) слова Аристотеля τῶν πρότερον ἑφ' ἡγεμονία γενομένων не могут относиться к Александру, который был жив в то время, когда писались последние по времени части Политики.

Однако Аристотель вовсе не утверждает, что державший в своих руках гегемонию человек действительно ввел или вводил желательный Аристотелю государственный строй. Глагол συντεῖσθαι значит «убеждать, приводить к согласию, заставить согласиться» и т. п. Отнюдь не обязательно вкладывать в этот глагол какой-либо прегнантный смысл.¹⁷ По словам Плутарха, Ликург убедил своих сограждан произвести передел всей земли — συνέπεισε τὴν χώραν ἅπασαν . . . ἀναδάσασθαι (Luc. 8; ἀναδάσασθαι — infinitivus aoristi, как и в нашем случае — ἀποδοῦναι). Автор, однако, не думает, что читатель усмотрит в его словах указание на фактически состоявшуюся земельную реформу, а потому несколькими строками ниже добавляет, что за словами последовали дела — ἐπάγων δὲ τῷ λόγῳ τὸ ἔργον, — и дает некоторые подробности относительно реформы Ликурга. Нельзя, следовательно, при толковании сообщения Политики о «единственном муже» исходить из заведомо недоказуемой мысли о том, что таковым должен быть человек, осуществивший политическую реформу.

Не следует забывать еще об одной стороне дела: Аристотель употребил форму συνέπεισθη — aoristus passivi. Распространенный перевод этой формы — «решился, пытался, рискнул» и т. п. — никак нельзя назвать адекватным подлиннику. Естественный

перевод пассивной формы аориста от глагола *συμπεῖθω* — «согласился, дал себя убедить» (*s'est laissé persuader*). Не подлежит никакому сомнению, что форма *συνεπεισθη* сохраняет не только при Аристотеле, но и спустя несколько столетий после него свое страдательное значение. Прежде всего сам Аристотель в той же Политике (V, 6, 8, 1307b, 6 sqq.), говоря о том, что в Фуриях должностные лица (так называемые советники) сначала противились принятию нового закона, результатом которого было изменение государственного строя, а затем дали себя убедить, выражается следующим образом: οἱ . . . σύμβουλοι ὄρησαντες τὸ πρῶτον ἐναντιοῦσθαι συνεπεισθησαν. В Афинской Политии он употребил в том же смысле причастие страдательного аориста — *συνπεισθέντων τῶν πολλῶν* (29, 1) — народная масса согласилась, в смысле склонилась к доводам тех, кто домогался изменения государственного строя. Эсхин говорит εἰ ταῦθ' οἱ Φιλίππῳ μὴ συνεπεισθήσονται οἱ πρέσβεις (III, 71), имея в виду, что послы не согласятся, не примут того, что им предлагают, не дадут себя убедить. Особенно показательны те случаи, которые доказывают, что при форме *συνεπεισθη* может стоять *genetivus auctoris* с предлогом *ὑπό*. Так, в эфесской надписи III в. до н. э. читаем: ἐὰν . . . *συνπεισθῶσιν ὑπὸ τῶν διαιτητῶν* (Dtth., Syll.³, № 364, 95 sq.). У Плутарха встречаем: *συνπεισθεῖς ὑπὸ τῶν κατηγορούντων ὁ δῆμος* (Themist. 23 fin.). В другом месте тот же автор рассказывает, что послы Тарквиния уговорили знатных римских юношей стать предателями — *συνέπεισαν ἐν τῇ προδοσίᾳ γενέσθαι* (Publ. 3), ниже о том же — *ὡς δ' οὖν συνεπεισθη τὰ μειράκια* (4, init.); пример этот интересен тем, что он очень наглядно доказывает нам страдательное значение пассивной формы. Когда Аристотелю понадобилось сказать другое — «убеждать самого себя, проникаться мыслью, приходиться к убеждению» (латинское *sibi persuadere*), он не употребил пассивную форму, а нашел другой способ выражения: *συνπειθεῖν ἑαυτὸν* (De caelo II, 1, 284a, 2).¹⁸ Андокид в аналогичном случае говорит *ὡς ἑμαυτὸν πείθω* (De myster. 70). Из всего этого видно, что одно из обстоятельств, исключавших возможность относить намек Аристотеля к македонским царям, властвовавшим над Грецией, должно отпасть.

Вторым препятствием по отношению к Александру считается значение выражения *τῶν πρότερον ἐφ' ἡγεμονίᾳ γενομένων*, которое понимается как *genetivus partitivus* [«единственный»] из тех, которые раньше. . .». Такое толкование слов Аристотеля приводило к необходимости ограничивать свои поиски неизвестного деятеля рамками прошлого. Кандидатура Филиппа, о смерти которого есть упоминание в Политике (V, 8, 10, 1311b, 1 sq.), еще допускалась,¹⁹ Александр же исключался а limine.²⁰ Но является ли такое объяснение неоспоримым? В греческом языке существует конструкция *μόνος + genetivus separationis* (или *comparationis*). Чаще всего встречается выражение *μόνος τῶν ἄλλων*

в смысле «один, выделяясь из прочих». Выражение это мы встречаем у Демосфена — *μόνοις τῶν ἄλλων ὑμῖν* (Речь о симмониях 3), *οὗτος δὲ εἰς ἀπάντων τῶν ἄλλων μόνος* (Речь против Аристократа 185); у Эскина — *μόνος τῶν ἄλλων* (Речь об обманном посольстве 181); у Ликурга — *μόνος τῶν ἄλλων πολιτῶν οὐ κοινὴν ἀλλ'ἰδίαν τὴν σωτηρίαν ἐζήτησεν* (Речь против Леократа 67) и *νόμον ἔθεντο ... μόνου τῶν ἄλλων ποιητῶν ῥαψωδῆσθαι τὰ ἔπη* (*ibid.*, 102); у Платона — *μόνη τῶν ἄλλων ἐπιστημῶν* (*Charmid*, 166E). Имеются и более близкие параллели к нашему месту, где *μόνος* сочетается с родительным отделительным (или сравнительным) слов и выражений, означающих «прежние, прежде бывшие» и т. п. Так, Феокрит в «Идиллиях» (XVII, 121) говорит *μῶνος δὲ πρότερον* — «единственный в отличие от прежних» (или «по сравнению с прежними»). Диодор следующим образом характеризует павших при Фермопилах: *μόνοι τῶν πρὸ ἑαυτῶν διὰ τὴν ὑπερβολὴν τῆς ἀρετῆς εἰς ἀθανασία μετήλλαξαν* (XI, 11) — «они перешли в бессмертие вследствие избытка доблести», конечно, не «единственные из тех, кто был до них», а «отличаясь от тех, кто был до них». Ко всем этим примерам, собранным у Метцнера в комментарии к речи Ликурга против Леократа (67) — *μόνος τῶν ἄλλων πολιτῶν*, следует добавить еще некоторые места: *ὦ φιλότατῃ σὺ καὶ μόνῃ τούτων γυνή* (*Aristoph. Lys.* 145); *ποιεῖ δὲ μόνος τοῦτο τῶν λοιπῶν* (*scil. ἀνέμων*) (*Corpus Aristotelicum, Problemata* 26, 1, 940a, 26 sq.; cf. 18 sq. — *genetivus partitivus* — *μόνος τῶν ἀνέμων*²¹).

Таким образом, и у Аристотеля мы вправе (вопреки установившейся традиции) толковать слова *μόνος τῶν πρότερον ... γενομένων* в том смысле, что автор противопоставляет одного единственного государственного деятеля всем тем, кто был до него. Если дальше следует *ἤδη δὲ καί*, то и это не означает, что Аристотель сопоставляет деятелей или одного деятеля прошлого с современными ему гражданами в отдельных государствах: для этого скорее подходило бы наречие *οὖν*. Аристотель говорит в Политике: *ἐδήλωσαν δὲ πολλάκις μὲν καὶ πρότερον καὶ οὖν δὲ ἐν τοῖς Ἀνδρείοις* (II, 6, 14, 127Ob, 11sq.). Из разнообразных значений, присущих слову *ἤδη*, для нашего места наиболее подходит так называемое усилительное значение — «мало того даже», «больше того», «да и».²² Речь идет о том, что полития как государственный строй встречается редко, так как государственные люди, державшие в своих руках гегемонию, не стремились вводить ее, да и у граждан отдельных государств установилось обыкновение не желать равенства, но либо самим стремиться к власти, либо терпеливо переносить чужую власть.

Нам предстоит дополнить эту формальную интерпретацию реальной, а для этого необходимо еще раз вернуться к логической структуре всего разбираемого отрывка. Перечисляются неблагоприятные условия, препятствовавшие установлению

в греческих государствах политики, т. е. среднего государственного устройства. Затем подводился итог: ὅστε διὰ ταύτας τὰς αἰτίας ἢ μηδέποτε τὴν μέσην γίνεσθαι πολιτείαν ἢ ὀλιγαρχίαν καὶ παρ' ὀλίγοις (cf. IV, 5, 9, 1293a, 39 sqq.). Казалось бы, мысль логически закончена: выяснены причины и указано следствие, вытекающее из этих причин. Однако автор на этом не останавливается. Он добавляет новое основание — εἰς γὰρ ἀνὴρ etc. Получается своеобразное построение: политическая обстановка, вытекающее из нее следствие и снова политическая обстановка, объясняющая это уже объясненное следствие.

Для такого построения у Аристотеля должны были быть свои серьезные основания. В этом втором объяснении должно заключаться нечто такое, чего нет в первом объяснении. В первом объяснении приводятся следующие причины: немногочисленность средних граждан, борьба народных масс с богачами, стремление тех и других ввести отвечающий их собственным интересам политический строй, эгоистическая политика гегемонов по отношению к другим государствам. В сущности, содержание второго объяснения сводится к тому же: гегемоны, как правило, не думают о введении среднего строя, а граждане отдельных государств даже не хотят его. Однако на этот раз подчеркнут не отрицательный момент, а момент положительный; не нежелание первенствующих политических сил греческого мира способствовать установлению желательной Аристотелю политики, а согласие ввести ее со стороны одного человека, представлявшего собой исключение среди тех, кто до него держал в своих руках гегемонию. Более того, этот человек противопоставляется не только всем бывшим до него гегемонам, но и гражданам греческих городов, которые не заботятся о равных правах для всех.

Попутно отметим, что употребленный в разбираемом тексте глагол ἀποδοῦναι не имеет смысла «возвратить»; его значение «дать» становится ясным из сопоставления с некоторыми местами Политики (например, ἢ πᾶσιν ἢ τισὶν ἀποδέδοται τὸ βουλευέσθαι καὶ δικάζειν — III, 1, 8, 1275b, 16 sq.; τὰ πρὸς τοὺς θεοὺς ἀποδέδοται τοῖς βασιλεῦσιν — 9, 2, 1285a, 6 sq.) и других сочинений Аристотеля (например, οὐδενὶ γὰρ τὸ πρὸς ἀλκὴν ὄπλον τῶν θηλειῶν ἀποδίδωσιν ἢ φύσις — Περὶ ζῶων γενέσεως III, 10, 759b, 3 sq.).²³

В подчеркивании своеобразия позиции «одного единственного мужа» по отношению к среднему государственному строю — одному из трех правильных, по учению Политики, строев — и заключается весь смысл второго объяснения Аристотеля. Мог ли быть этим мужем Филипп Македонский? Его политика по отношению к грекам определялась одним из пунктов Коринфского союзного договора, заключенного сразу же после битвы при Херонее. Став в силу этого договора юридически главой союза греческих полисов, македонский царь в то же время гарантировал им сохранение существовавшего в каждом из них политического строя.

Занятый приготовлениями к походу против Персии, Филипп и фактически не посягал на внутренний строй греческих государств. У нас нет ни прямых, ни косвенных данных в пользу предположения о каких бы то ни было планах Филиппа относительно переустройства порядков внутри союзных государств. Скорее всего он считал наиболее удобным для себя способом влияния на жизнь полисов тот, который он с большим успехом применял в течение долгого времени, а именно — действовать через своих сторонников. Эсхин, Демад и другие — в Афинах, Даох, Киней и Фрасилай — в Фессалии, Керкид, Гиероним и Эвкампид — в Аркадии, Миртис, Теледам и Мнасей — в Аргосе, Эвксифей, Клеотим и Аристеhm — в Элиде, Неон и Фрасилох — в Мессении, Аристрат и Эпихар — в Сикионе, Динарх и Демарет — в Коринфе, Птиодор, Геликс и Перилл — в Мегарах, Тимолой, Феогитон и Анемит — в Фивах, Гишпарх, Клитарх и Сосистрат — на Эвбее (см.: Демосфен, О венке 295) действовали каждый на своей родине в желательном для Филиппа направлении, далеко не всегда прибегая к такому крайнему средству, как государственный переворот. Меньше всего при этом думали о политике в духе Аристотеля.

Положение меняется при Александре. Ход истории ставит перед ним вопросы, непосредственно связанные с внутренними порядками в полисах. Вопросы эти разрешаются Александром без учета требований Коринфского договора, с которым он считается все меньше и меньше, пока не доходит до прямого его нарушения.²⁴

Прежде всего перед македонским завоевателем встала задача утвердить в малоазийских греческих городах, находившихся раньше в зависимости от персов и попавших под власть македонян, тот или иной государственный строй. Они не были приняты в Коринфский союз, и на них, следовательно, не распространялось действие Коринфского договора.²⁵ Известно, что Александр нашел в ряде малоазийских городов тираническое правление и заменил его демократическим. Подробности нам неизвестны.

Двигаясь вперед по персидским владениям, Александр вышел за пределы тех областей, где имелись греческие поселения. Теперь началось основание многочисленных новых городов. Население новооснованных городов было смешанное — греки, македонцы, местный элемент. Эти города, каково бы ни было их происхождение, представляли собой правильно организованные греческие полисы. У нас нет сведений о конституции, какую получали новые города при своем основании, но едва ли возможно сомнение в том, что устройство их определялось не выбором самих граждан, а волей монарха. Македоняне и местные жители были издавна приучены к повиновению и не имели политического опыта, а греки (ветераны войска и торговцы) должны были сообразоваться с ситуацией и принимать то, что им предлагалось свыше.

Таким образом, по отношению к старым малоазийским городам и новым поселениям, возникавшим в тех странах, где раньше греческих городов не было, юному македонскому царю приходилось решать вопросы, какими не задавался его отец. Так или иначе конституции греческих государств оказались вовлеченными в круг практических интересов македонской власти.

В 324 г. Александр совершает акт прямого вмешательства во внутренние дела городов самой метрополии. Он издает декрет о возвращении изгнанников, не спросив предварительно мнения союзного совета, заседавшего в Коринфе. Декрет имел в виду преимущественно изгнанников политических (для святотатцев и убийц было сделано исключение) и представлял собой прямое и открытое нарушение Коринфского союзного договора, который охранял автономию входивших в союз государств и запрещал любому члену союза способствовать возвращению изгнанников в другие союзные государства. Македонский царь выступал, таким образом, уже не как глава союза, а как властитель, от которого исходят приказания. Одновременно был издан еще один приказ, требовавший от греков признания божественности Александра.

Декрет о возвращении изгнанников был обнародован в торжественной обстановке олимпийских игр, где специальное послание Александра было прочитано согражданином Аристотеля Никанором из Стагиры в присутствии многочисленных граждан разных греческих государств и съехавшихся на игры изгнанников. Декрет вызвал ликование среди последних, но в полисах далеко не везде был встречен с одобрением. В Афинах и в Этолии он встретил резкие протесты. Однако эти протесты против распоряжения царя остались безрезультатными. Репатриация сопровождалась возвращением конфискованного некогда имущества, причем возникало множество конфликтов между репатрированными и новыми владельцами того имущества, которое подлежало возврату. Имеются документальные данные, свидетельствующие о значительных затруднениях, испытанных полисами на почве этих конфликтов. Так, митиленский декрет, относящийся к ближайшему времени после 324 г. (Dtth., OGIS, № 2), знакомит нас с рядом мер, вызванных к жизни необходимостью урегулировать взаимоотношения между возвращенными и теми, «кто раньше был в городе»; потребовалось даже учреждение особой коллегии из двадцати человек (по десяти от каждой стороны) для улаживания разного рода конфликтов, в частности имущественных.²⁶

По вопросу о составе возвращенных Александром изгнанников между исследователями нет разногласий. В родные города вернулись как сторонники Македонии, некогда изгнанные за свою приверженность к ней, так и противники ее, подвергшиеся изгнанию в то время, когда македонское влияние в городах стало преобладать. Каков бы ни был замысел Александра в его конечных целях, самый акт возвращения враждебных Македонии

элементов (пусть в значительной мере успешных примириться с ее господством или находившихся на пути к такому примирению) мог быть сочтен проявлением великодушного забвения обид и отрешения от узкоэгоистической политики. Читая строки, в которых Аристотель говорит о влиянии гегемонов на внутренний строй полисов, мы ясно видим, что самый факт вмешательства сильного во внутреннюю жизнь слабого не вызывает нареканий со стороны философа, осуждается лишь характер этого вмешательства — *οὐ πρὸς τὸ τῶν πόλεων συμφέρον σκοποῦντες ἀλλὰ πρὸς τὸ σφέτερον αὐτῶν*. Возвращение изгнанников могло представляться Аристотелю мерой, направленной ко благу греческих государств.

Государственный строй малоазийских полисов, устройство новооснованных полисов и внутренняя жизнь полисов метрополии — вот та область, которой Александр уделял часть своего внимания. Мы знаем, что Аристотель поддерживал оживленные сношения с македонским царем и его приближенными.²⁷ Вопросы устройства греческих государств могли быть предметом переписки между царем и его окружением, с одной стороны, и бывшим наставником царя, с другой. О намерениях Александра (правильно или неправильно понимаемых — другой вопрос) Аристотель имел возможность судить не только на основании высказываний самого царя и получавшихся тем или иным путем сведений, но и по его действиям. Одно из высказываний подало Аристотелю повод думать, что Александр хочет способствовать введению в греческих государствах «правильного» и «справедливого» государственного строя, получившего название «полития». Одно из действий — возвращение изгнанников и восстановление их в их имущественных правах (о нем Аристотель мог узнать еще тогда, когда эта мера была в стадии проекта) — могло рассматриваться как первый шаг на пути к этому.

«Единственный муж», выделяющийся из всех тех, кто осуществлял гегемонию, дал себя убедить ввести политию. Слушателям предоставлялось догадываться, кто этот муж и с кем этот муж согласился. Глагол *οὐνεπίσθη* был бы абсолютно неуместен, если бы речь шла о Солоне, Ликурге, Питтаке и других законодателях и реформаторах, действовавших по собственной инициативе и не нуждавшихся в советниках. Солон, о котором чаще всего вспоминают при интерпретации разбираемого места Политики, очень выразительно противопоставляет свою позицию устремлениям борющихся в его время в Афинах политических групп, подчеркивая тем самым свою самостоятельность. Это для нас лишний довод против тех, кто полагает, что слова Аристотеля прямо указывали на Солона и должны были легко разгадываться современниками именно в этом смысле. Если Аристотель прибегает к завуалированной форме высказывания, то для этого, думается, должны существовать веские причины. Связь Аристотеля с правительственными кругами Македонии ни для кого не была тайной.

Самое пребывание его в Афинах в роли главы философской школы оказалось невозможным после смерти Александра.²⁸ На протяжении всей Политики Александр нигде не назван. Политический такт требовал, чтобы и почетное упоминание об Александре было сделано не в слишком открытой форме. Этим можно объяснить и то, что Аристотель употребил пассивную форму аориста — *συνεπεϊσθη*, а не перфекта — *συντεπεϊσται*, *συντεπεϊσμένος ἐστί*. Употребить последнюю — значило бы прямо указать на Александра. Аристотель предпочел сказать: «в истории был только один случай». Большой загадки для слушателей в этом не было, ведь весь контекст исключал возможность отнести высказанную Аристотелем похвалу к какому-либо греческому деятелю. В то же время недоговоренность делала заявление Аристотеля многозначительным.

Едва ли ускользнул от внимательного слушателя второй намек Аристотеля, хотя более прикрытый. Александр дал себя убедить (*συνεπεϊσθη*). Возникал естественный вопрос — *ὅπῃ τίνος*. Стоило слушателям Аристотеля поставить перед собой этот вопрос, как перед их мысленным взором позади фигуры царя вставала фигура их наставника, только что изложившего им преимущества политики как одной из правильных форм государственного устройства. Слишком ли смелым будет предположение, что юные посетители Ликее начинали после этого смотреть на прослушанное ими учение о политике как на повторение того, что было представлено Александру и побудило его согласиться содействовать осуществлению мысли Аристотеля? Ничто не мешает и нам стать на эту точку зрения и попытаться найти в учении Аристотеля о политике наиболее привлекательную, с точки зрения македонского властителя, сторону. «Средний» государственный строй является, по словам Аристотеля, единственным строем, в котором не имеют места внутренние распри, так как преобладание граждан среднего достатка не благоприятствует образованию группировок среди гражданства и расколу его — *μόνη γὰρ ἀσασίαςτος· ὅπου γὰρ πολὺ τὸ διὰ μέσου ἥκιστα συστάσεις καὶ διαστάσεις γίνονται τῶν πολιτῶν* (IV, 9, 9, 1296a, 7 sq.). Эта особенность излюбленного Аристотелем строя, вероятно, хорошо рекомендовала его в глазах Александра, занятого своими грандиозными планами создания и укрепления всемирной монархии и заинтересованного в том, чтобы иметь в Греции спокойный тыл.

Аристотель ждет от македонского царя благотворного вмешательства в дела Греции, полагая, что обещание в этом смысле он от царя уже получил. Не общий характер правления Александра, не его планы завоеваний, организации обширного государства, сближения между греческим, македонским и восточным мирами, а только последствия гегемонии Александра для внутренней жизни греческих полисов Аристотель считает предметом, достойным внимания.

Рядом с упоминанием о согласии одного мужа дать государствам правильное устройство Аристотель уже вполне ясно и без каких бы то ни было недомолвок заявляет, что внутри греческих полисов установилось печальное обыкновение не стремиться к правильному устройству. Граждане не желают равенства, они способны только либо господствовать, либо покоряться. Аристотель, таким образом, прямо предъявляет грекам обвинение в неспособности наладить внутреннюю жизнь в городах без посторонней помощи. Из тушика, в который они попали, их может вывести только посторонняя рука — таков, думается, смысл разобранного высказывания Аристотеля.

Перед нами одно из тех мест, в которых отчетливо видна обращенность теоретических рассуждений Аристотеля к современности. Полития — это не только правильный в абстрактном плане государственный строй, но это строй, которому принадлежит будущее.²⁹ Так должны были воспринимать слова Аристотеля съехавшиеся к нему с разных концов греческого мира ученики, хотя мысль свою философ здесь только наметил.

ПРОЕКТ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ

Книги VII и VIII Политики Аристотеля теснейшим образом связаны между собой. Темой их является проект идеального государственного строя. Об этой теме автор говорит в самом начале VII книги: тому, кто намерен предпринять надлежащее изыскание относительно наилучшего государственного строя, необходимо сначала определить, какая жизнь является наиболее предпочтительной — *περὶ πολιτείας ἀρίστης τὸν μέλλοντα ποιήσασθαι τὴν προσήκουσαν ζήτησιν ἀνάγκη διορίσασθαι πρῶτον τίς αἰρετώτατος βίος*. Если в этом вопросе есть неясность, то неизбежно оказывается неясным и вопрос о наилучшем государственном строе — *ἀδήλου γὰρ ὄντος τούτου καὶ τὴν ἀρίστην ἀναγκαῖον ἄδηλον εἶναι πολιτείαν*.

Итак, Аристотель ставит себе целью в двух последних книгах Политики дать набросок проекта наилучшего государственного строя. Естественно в первую очередь поставить вопрос: каков этот проект и каково его отношение к тем наилучшим (в разных смыслах) устройствам, о которых говорится в программе, помещенной в начале IV книги и выполненной в дальнейшем.

Изложим прежде всего в существенных чертах самый проект, предложенный Аристотелем в VII и VIII книгах Политики. Изыскание относительно наилучшего государственного строя требует, как мы видели, предварительно ответа на вопрос о наилучшей жизни. Ссылаясь на свои эксотерические сочинения, Аристотель говорит, что счастливые люди должны обладать благами троякого рода — внешними, телесными и духовными. С этим, по его словам, согласны все; расхождение имеется лишь в определении количества этих благ и преобладания того или иного. Внешним преимуществам приписывается непомерное значение; наоборот, любая доля добродетели считается достаточной. Аристотель доказывает важность духовных благ — добродетели и разума. Они необходимы как для счастья отдельного

человека, так и для счастья полиса. Эти свои рассуждения автор заканчивает следующей фразой: «Пока пусть считается установленным только то, что и для каждого человека в отдельности и для государства в целом наилучшая жизнь та, которая соединена с добродетелью, обеспеченной [внешними условиями] в такой степени, чтобы имелась возможность принимать участие в деяниях, связанных с добродетелью» — $\nu\theta$ $\delta\epsilon$ $\acute{\upsilon}\pi\omicron\kappa\eta\epsilon\acute{\iota}\sigma\theta\omega$ $\tau\omicron\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$, $\acute{\omicron}\tau\iota$ $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma$ $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\chi\omega\rho\acute{\iota}\varsigma$ $\acute{\epsilon}\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\kappa\omicron\iota\nu\eta\acute{\iota}$ $\tau\alpha\acute{\iota}\varsigma$ $\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\sigma\iota\nu$ $\acute{\omicron}$ $\mu\epsilon\tau'$ $\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\eta\varsigma$ $\kappa\epsilon\chi\omicron\rho\eta\rho\eta\gamma\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma$ $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}$ $\tau\omicron\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$, $\acute{\omicron}\sigma\tau\epsilon$ $\mu\epsilon\tau\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\kappa\alpha\tau'$ $\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\eta\nu$ $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\epsilon\omega\nu$ (VII, 1, 6, 1323b, 40 sqq.). Спор между теми, кто считает предпочтительной жизнь практическую, деятельную, и теми, кто ставит выше жизнь созерцательную, по мнению некоторых — единственную, достойную философа, Аристотель разрешает скорее в пользу первых. Несообразно с истиной, так думает он, восхвалять больше бездеятельность, нежели деятельность; ведь счастье заключается в деянии, а к тому же деяния справедливых и благоразумных людей имеют своей целью много прекрасного — $\tau\acute{\omicron}$ $\delta\epsilon$ $\mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu$ $\acute{\epsilon}\pi\alpha\iota\nu\epsilon\acute{\iota}\nu$ $\tau\acute{\omicron}$ $\acute{\alpha}\pi\rho\alpha\kappa\tau\epsilon\acute{\iota}\nu$ $\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\rho\alpha\tau\tau\epsilon\acute{\iota}\nu$ $\omicron\upsilon\kappa$ $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\acute{\epsilon}\varsigma$ — η $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\epsilon\upsilon\delta\alpha\iota\mu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha$ $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\acute{\iota}\varsigma$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$, $\acute{\epsilon}\tau\iota$ $\delta\epsilon$ $\mu\omicron\lambda\lambda\acute{\omega}\nu$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\kappa\alpha\lambda\acute{\omega}\nu$ $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$ $\acute{\epsilon}\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\nu$ $\alpha\acute{\iota}$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\delta\iota\kappa\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\sigma\omega\phi\rho\acute{\omicron}\nu\omega\nu$ $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\varsigma$ (3, 2, 1325a, 31 sqq.). Своему заключению Аристотель придает следующую формулировку: «Если эти высказывания удачны и счастьем следует считать правильные деяния, то и для всякого государства в целом и для каждого отдельного человека наилучшей жизнью была бы жизнь деятельная» — $\acute{\alpha}\lambda\lambda'\acute{\epsilon}\iota$ $\tau\alpha\upsilon\tau\alpha$ $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$ $\kappa\alpha\lambda\acute{\omega}\varsigma$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\tau\eta\nu$ $\epsilon\upsilon\delta\alpha\iota\mu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha\nu$ $\epsilon\upsilon\pi\rho\alpha\gamma\acute{\iota}\alpha\nu$ $\theta\epsilon\tau\acute{\epsilon}\omicron\nu$, $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\kappa\omicron\iota\nu\eta\acute{\iota}$ $\pi\acute{\alpha}\sigma\eta\varsigma$ $\pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\omega\varsigma$ $\acute{\alpha}\nu$ $\epsilon\acute{\iota}\eta$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\kappa\alpha\theta'$ $\acute{\epsilon}\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma$ $\acute{\omicron}$ $\pi\rho\alpha\kappa\tau\acute{\iota}\kappa\acute{\omicron}\varsigma$ (3, 5, 1325b, 14 sqq.). Деятельную жизнь Аристотель не согласен понимать слишком узко — в смысле чисто утилитарной деятельности, направленной на других, как ее понимают некоторые, и деятельными мыслями только те мысли, которые возникают из действий ради их практических результатов; в гораздо большей степени, по его мнению, заслуживают такого названия самодовлеющие и представляющие собой самоцель умозрения и размышления; ведь нашей целью является благое деяние, а следовательно и некая деятельность; мы с полным основанием ($\chi\upsilon\rho\acute{\iota}\omega\varsigma$) говорим, что те, кто благодаря своим мыслям является создателем внешних действий, — действуют (1325b, 16 sqq.).¹

Затем Аристотель переходит к предпосылкам, необходимым для создания образцового, наилучшего, соответствующего желаниям полиса. Рассматриваются вопросы: о желательном количестве гражданского населения, о размерах и характере страны, о ее положении относительно моря. Потом — о желательных свойствах гражданского населения (4, 1, 1325b, 27 sqq.). Государство не может существовать без пищи, ремесл, оружия, известного запаса денег, заботы о культе и, наконец, без самого необходимого, т. е. без решения вопроса о том, что полезно и справедливо в от-

ношениях граждан между собой (7, 3, 1328b, 2 sqq.). Этот перечень нужен Аристотелю для того, чтобы спросить себя, следует ли всем жителям государства заниматься обеспечением всех его потребностей, или должны быть разные исполнители, или, наконец, одни из дел необходимо считать специальными, а другие — общими (8, 1, 1328b, 24 sqq.). Вопрос ставится применительно к наилучшему, с точки зрения Аристотеля, государственному строю. Упомянув о том, что в демократии все имеют доступ ко всему, а олигархии придерживаются противоположного принципа, Аристотель напоминает, что при наилучшем строе граждане не будут ни ремесленниками, ни торговцами, так как образ жизни тех и других не способствует развитию добродетели; не будут они и земледельцами, так как у последних нет того досуга, какой необходим для возникновения добродетели и для занятия государственными делами.

Два элемента в государстве Аристотель выдвигает на первый план как главные части государства — военных и тех, кто занимается обсуждением того, что полезно, и судит о справедливом — τὸ πολὺ καὶ τὸ βουλευόμενον περὶ τῶν συμφερόντων καὶ κρῖνον περὶ τῶν δικαίων (8, 3, 1329a, 2 sqq.). Одни и те же люди должны быть тем и другим. Сила присуща более молодым, рассудок более старым. Одни и те же люди будут в молодости носить оружие и заниматься военным делом, а в старости ведать государственными делами и творить суд. Из числа старых граждан должны быть и жрецы. Земледельцы, ремесленники, поденщики необходимы в государстве, но частями государства являются только носящие оружие и обсуждающие. Разделение на сословия с резкой гранью между воинами и земледельцами не представляет собой новшества, придуманного философами, размышляющими о государственном устройстве; такое разделение существует в Египте, на Крите, у италийского племени энотриев (9, 1, 1329a, 40 sqq.).

Организация землеведения должна, с одной стороны, обеспечить всем гражданам возможность дружески предоставлять свою собственность в пользование другим гражданам, с другой — гарантировать всем гражданам пропитание. Всему гражданскому населению следует участвовать в сисситиях. Однако неимущим нелегко делать взносы из своего имущества и заниматься при этом своим собственным домашним хозяйством. Кроме того, расходы на культ должны быть общими для всего государства. Поэтому Аристотель предлагает разделить землю в стране на две части: одна должна быть общественной, другая частной. В свою очередь каждую из этих частей следует разделить на две части — одна часть общественной земли будет покрывать расходы на культ, другая — на сисситии; разделение частновладельческой земли должно быть произведено с таким расчетом, чтобы каждый гражданин получил два участка — один у границ, другой у города. Предложение, касающееся частновладельческой земли,

диктуется требованиями справедливости и стремлением достигнуть согласия между гражданами в вопросах войны с соседями. Что касается земледельцев, то самое лучшее, по мнению Аристотеля, если они будут рабами, не принадлежащими к одному племени и не отличающимися повышенной возбудимостью — в этом случае они могут быть полезны для работы и не представлять собой опасности в смысле каких-либо переворотов, или же варварами, живущими вокруг города, по природе своей близкими к указанным выше рабам (9, 9, 1330a, 25 sqq.). К этому показательному месту Политики мы вернемся ниже. На землях частных владельцев должны трудиться их собственные рабы, а на земле общественной — рабы общественные.

Даются дополнительные советы относительно желательного расположения города. Наиболее благоприятными для здоровья являются города, обращенные к восходу солнца и к ветрам, дующим с востока; на втором месте — защищенные от северного ветра,² так как там зима мягкая. В интересах безопасности город должен быть таким, чтобы его жителям было легко выходить из него, а противникам трудно входить в него и трудно подвергнуть его окружению. Необходима забота о водоснабжении. Уделено внимание вопросам об укрепленных местах, об общем плане города, о городских стенах. Рекомендованное Аристотелем расположение главных общественных зданий и двух площадей в городе отвечает требованиям целесообразности и красоты (10, 8, 1331a, 19 sqq.).

От перечисленных выше вопросов предварительного характера Аристотель переходит к рассуждениям о самом государственном устройстве (12, 1, 1331b, 24 sqq.). Большой разработанностью, как давно отмечено, этот отдел не отличается.³ Государство может быть хорошо организованным не благодаря случайному случаю, а благодаря знанию и сознательному плану — τὸ δὲ σπουδαίων εἶναι τὴν πόλιν οὐκέτι τύχης ἔργον ἀλλ' ἐπιστήμης καὶ προαιρέσεως (12, 5, 1332a, 31 sq.). Но для этого необходимо, чтобы граждане государства обладали соответствующими качествами. Поэтому Аристотель обращается к рассмотрению вопроса о том, как сделать граждан «дельными» (σπουδαῖοι). Упор при этом делается на воспитании, которому Аристотель придает наибольшее значение в деле формирования граждан наилучшего государства. После общих принципов (13, 1, 1332b, 12 sqq.) идут специальные предписания в систематическом порядке, начиная с брачных законов, которые должны обеспечивать рождение нормальных в физическом отношении детей (14, 1, 1334b, 29 sqq.). Даются наставления относительно питания новорожденных и обращения с ними; советы о том, что следует разрешать и что запрещать малолетним детям до пятилетнего возраста, затем — до семилетнего; указание о разделении дальнейшего воспитания на два периода (15, 1, 1336a, 3 sqq.).

В конце VII книги поставлены три вопроса: следует ли устанавливать какие-либо правила для детей, полезна ли общественная или частная забота о них и каковой она должна быть.

Поставленные в конце VII книги вопросы разбираются в книге VIII. Аристотель требует особенной заботы о подрастающем поколении. Воспитание должно быть общественным и одинаковым для всех граждан (VIII, 1, 1, 1337a, 10 sqq.). Больше всего места занимает ответ на вопрос о том, каким образом следует воспитывать будущих граждан (1, 3, 1337a, 33 sqq.). Констатируется различие мнений относительно предметов, которым следует обучать. Система взглядов Аристотеля по этому вопросу находится в тесной связи с его идеалами общественного устройства. Из полезных (утилитарных) вещей нужно обучать тем, без которых нельзя обойтись. Однако не всем таким вещам следует обучать граждан, а только тем, которые достойны свободных людей и не делают их ремесленниками. Занятия ремеслом делают тела, души и разум свободных людей непригодными для усвоения и действительного обнаружения добродетели. Изучение свободных наук до известного предела не является недостойным свободных людей, но слишком пристальное занятие ими приносит вред. Кроме того, если кто-либо занимается ими для самого себя, или для друзей, или ради добродетели, то это нельзя считать недостойным свободного человека; тот же, кто делает это ради других, часто может подать повод думать, что он занимается делом, подобающим поденщику или рабу. Обычно, говорит Аристотель, обучают грамоте,⁴ гимнастике, музыке и — некоторые — четвертому предмету — рисованию; грамматике и рисованию — как предметам полезным и имеющим многообразное применение, гимнастике — как способствующей выработке мужества. По поводу музыки могут возникнуть недоумения. «Теперь большинство занимается ею ради удовольствия, но сначала ее включали в программу воспитания из-за того, что сама природа . . . ищет проводить досуг» (2, 3, 1337b, 28 sqq.). Если необходимо и то и другое, а более предпочтителен досуг, нежели занятость, и он является конечной целью, то нужно исследовать, какими делами заполнять досуг.⁵ В конечном счете музыка оказывается нужной для заполнения досуга, и таким образом доказывается, что при воспитании следует иметь в виду не только полезное и необходимое, но и достойное свободных людей и прекрасное. За соображениями о гимнастических упражнениях (3, 3, 1338b, 9 sqq.) следуют опять рассуждения о музыке (4, 3, 1339a, 11 sqq.). Кардинальный вопрос о том, нужно ли самих мальчиков обучать музыке или достаточно приучать их слушать музыкальные произведения в чужом исполнении, решается в том смысле, что необходимо практическое обучение музыке, так как только в этом случае они будут впоследствии компетентными ценителями; кроме того, музыка пред-

ставляет собой такое занятие, которое способно поглощать излишек энергии, имеющийся у молодого поколения, и в этом отношении она выполняет у детей старшего возраста ту же роль, какую у маленьких детей играет погремушка Архита (6, 1, 1340b, 20 sq.). Требуется, однако же, ряд предосторожностей, чтобы не допустить превращения свободных людей в музыкантов-ремесленников. При обучении музыке должна соблюдаться известная мера; необходимо считаться с характером мелодий и инструментов. Нам нет необходимости входить в детали рассуждений Аристотеля на эту тему. Не лишним будет только остановиться на одном обобщающем замечании Аристотеля, представляющем собой окончательный итог его рассуждений о музыке, — обучение музыке не должно быть техническим, профессиональным; под последним надо разуметь обучение ради выступления на состязаниях, когда исполнитель заботится не о своей добродетели, но об удовольствии слушателей, притом удовольствии некультурном (τῆς τῶν ἀκούοντων ἡδονῆς καὶ ταύτης φορτικῆς), а потому такое занятие является скорее занятием поденщиков, а не свободных людей; исполнители, таким образом, оказываются ремесленниками (7, 1, 1341b, 8 sq.).

Очерк идеального строя, заполняющий собой VII—VIII книги Политики, естественно сопоставить с программой, помещенной в IV книге и разобранный нами в предыдущей главе. Проект наилучшего государственного устройства, изложенный в последних книгах Политики, Аристотель называет наилучшим — ἀρίστη πολιτεία (VII, 1, 1, 1323a, 14, 16 sq.). Выражение ἀρίστη πολιτεία, притом без каких-либо ограничительных определений, встречается несколько раз и дальше (2, 3, 1324a, 23; 2, 10, 1325a, 15; 4, 1, 1325b, 37; 8, 2, 1328b, 34; 12, 2, 1332a, 4; 13, 16, 1334a, 13). Не раз употреблено и выражение ἀρίστα πολιτεύεσθαι (1, 1, 1323a, 18; 12, 2, 1332a, 5 sq.; 13, 10, 1333b, 5; cf. κάλλιστα πολιτεύεσθαι — 8, 2, 1328b, 37 sq.; καλῶς πολιτεύεσθαι — 4, 5, 1326a, 27 sq.; 5, 3, 1327a, 17 sq.; 12, 1, 1331b, 26).

Программа, как мы видели, состоит из четырех пунктов: 1) безусловно наилучший строй; 2) наилучший строй, подходящий для того или иного случая; 3) наилучшая форма, какую может иметь тот или иной реально существующий строй; 4) наилучший строй, подходящий для любого государства.

Сопоставление со строем, описанным в VII—VIII книгах, допускают только пункты первый и четвертый этой программы. Но пункт четвертый развернут Аристотелем раньше в разобранный нами месте книги IV, где речь идет о правлении «средних», носящем у Аристотеля название «полития». Следовательно, остается пункт первый, нигде еще по-настоящему не раскрытый Аристотелем.

В программе (IV, 1, 2, 1288b, 21 sq.), состоящей из четырех пунктов, на первом месте говорится о наилучшем строе πολιτείαν

... τὴν ἀρίστην; он более всего соответствует наилучшим пожеланиям — μάλιστα εἴη κατ' εὐχὴν. Необходимым условием для его реализации должно быть отсутствие препятствий со стороны внешних обстоятельств — μηδενὸς ἐμποδίζοντος τῶν ἐκτός. Во втором пункте этот строй опять назван наилучшим (ἀρίστη) и в то же время, для отличия от следующего, несколько уступающего ему по качеству, наилучшим вообще (или просто наилучшим) — κρατίστη ἀπλῶς, причем здесь же сказано, что этот строй для многих недостижим. В третьем пункте наилучший строй (ἀρίστη) еще раз упоминается с добавлением, из которого следует, что для установления такого строя необходимы особые условия — этим еще раз подчеркнуто его отличие как от второго по качеству строя, так и от названной на третьем месте худшей формы правления. В разъяснении, следующем за перечнем четырех качественно различных форм, опять встречаем упоминание о наилучшей (ἀρίστη) форме правления, а также о стоящей превыше всего (ἀκροτάτη) и требующей множества благоприятных обстоятельств. Об этом наилучшем в абсолютном смысле устройстве речь и идет в двух последних книгах Политики.

О наилучшем строе Аристотель не раз говорит и в предыдущих книгах. Некоторые места позволяют нам догадываться, какое из шести государственных устройств Аристотель считает наилучшим. Наилучшее государство, по Аристотелю, не сделает ремесленника гражданином — ἡ δὲ βελτίστη πόλις οὐ ποιήσει βάνανσον πολίτην (III, 3, 2, 1278a, 8). Ниже указывается, что при некоторых государственных устройствах ремесленник и поденщик обязательно должны быть гражданами (имеется в виду демократия), при других, именно при аристократическом устройстве (это прямо сказано), где почетные должности даются в соответствии с добродетелью и достоинством, это невозможно — ἐν τοῖς (scil. πολιτεαῖς) δ' ἀδύνατον, οἷον εἴ τις ἔστιν ἣν καλοῦσιν ἀριστοκρατικὴν καὶ ἐν ἣ κατ' ἀρετὴν αἱ τιμαὶ δίδονται καὶ κατ' ἀξίαν (1278a, 18 sqq.). Аристократический образ правления, если не назван здесь прямо наилучшим, то во всяком случае в одном отношении сближается с политическим идеалом Аристотеля. Аристократия причисляется Аристотелем к правильным формам правления наряду с монархией (царской властью) и так называемой политией (4, 7, 1279a, 22 sqq.). В наилучшем государстве решающее значение имеет добродетель (ἀρετή), а не какие-нибудь другие блага вроде физической силы, богатства или обилия друзей (8, 7, 1284b, 25 sqq.). И эта же добродетель является основным принципом аристократии, в связи с чем именно при этой форме правления почетные должности распределяются в зависимости от добродетели — δοκεῖ δὲ ἀριστοκρατία μὲν εἶναι μάλιστα τὸ τὰς τιμὰς νεμεῖσθαι κατ' ἀρετὴν ἀριστοκρατίας μὲν γὰρ ὅρος ἀρετῆ (IV, 6, 4, 1294a, 9 sqq.). Аристократия стремится давать преимущество наилучшим из граждан — ἐπεὶ οὖν ἀριστοκρατία βού-

λεται τὴν ὑπεροχὴν ἀπονέμειν τοῖς ἀρίστοις τῶν πολιτῶν (6, 3, 1293b, 40 sq.). И здесь же к числу невозможных вещей относится, по-видимому, благозаконие в государстве, управляемом не аристократически, а порочным способом; равным образом невозможно аристократическое правление в государстве, где нет благозакония — δοκεῖ δ'εἶναι τῶν ἀδυνάτων τὸ εὐνομεῖσθαι τὴν μὴ ἀριστοκρατουμένην πόλιν ἀλλὰ πονηροκρατουμένην, ὁμοίως δὲ καὶ ἀριστοκρατεῖσθαι τὴν μὴ εὐνομουμένην.

О наилучших качествах аристократического правления говорится и в других местах Политики. Из трех правильных форм правления наилучшей будет та, где правят наилучшие, т. е. если в государстве имеются обладатели выдающейся добродетели — либо один человек из всех, либо целый род или вся масса народа, причем одни умеют подчиняться, а другие начальствовать в целях установления наиболее предпочтительного образа жизни — ἐπεὶ δὲ τρεῖς φαμεν εἶναι ὀρθὰς πολιτείας, τούτων δ'ἀναγκαῖον ἀρίστην εἶναι τὴν ὑπὸ τῶν ἀρίστων οἰκονομουμένην, τοιαύτη δ'ἔστιν ἐν ἣ συμβέβηκεν ἢ ἓνα τινα συμπάντων ἢ γένος ὅλον ἢ πλῆθος ὑπερέχον εἶναι τὴν ἀρετὴν, τῶν μὲν ἄρχεσθαι δυναμένων τῶν δ'ἄρχειν πρὸς τὴν αἰρετωτάτην ζωὴν (12, 1, 1288a, 32 sqq.). Возникает подозрение, не идет ли речь о возможности трех политических форм: в одной во главе государства стоит один добродетельный муж, в другой — группа добродетельных людей, в третьей — вся народная масса, обладательница добродетели. Дальше утверждается, что можно организовать хорошее государство таким же способом, каким делают человека порядочным. Это положение облечено в форму, исключаящую мысль о «правильном» умеренно демократическом строе (политии). Аристотель явно думает об аристократии или монархии — καὶ πόλιν συστήσειεν ἂν τις ἀριστοκρατουμένην ἢ βασιλευομένην. Очевидно, в обоих случаях упомянутая выше добродетель народной массы будет сводиться к умению повиноваться. Об этом, впрочем, прямо и говорится выше (11, 11, 1288a, 9 sqq.). Выдвигаются, следовательно, две политические формы — аристократия и монархия.

Обе эти формы поставлены рядом с наилучшей формой правления и в следующей книге Политики. Рассматривать наилучшую форму правления — значит, по Аристотелю, говорить и об этих терминах (Аристотель имеет в виду аристократию и монархию); ведь та и другая требуют для своего осуществления добродетели при благоприятных внешних условиях — καὶ περὶ μὲν ἀριστοκρατίας καὶ βασιλείας εἴρηται — τὸ γὰρ περὶ τῆς ἀρίστης πολιτείας θεωρῆσαι ταῦτό καὶ περὶ τούτων ἔστιν εἰπεῖν τῶν ὀνομάτων βούλεται γὰρ ἑκάτερα κατ' ἀρετὴν συνεστάναι κερχορηγημένην (IV, 2, 1, 1289a, 30 sqq.). С этим следует сравнить то место, где сказано, что высший вид государственного строя тот, который требует большого количества благоприятных условий (1, 4, 1288b, 39 sqq.; см. также VII, 3, 1, 1325b, 38 sq.).

Характеризуя три отклонения от правильных государственных устройств, Аристотель называет самым худшим из них тиранию, которая является извращением «первой и наиболее божественной» формы (τὴν . . . τῆς πρώτης καὶ θειοτάτης παρέκβασιν), т. е. монархии; на второе место он ставит олигархию, являющуюся извращением аристократии, которая, следовательно, занимает второе (после монархии) место среди правильных форм. Эпитеты, которыми наделяет Аристотель монархию, не позволяют сомневаться в том, что ее и близкую к ней аристократию он считает наилучшими из всех форм правления.

Переходя к рассмотрению так называемой политики и тирании, Аристотель говорит: «Нам остается сказать о так называемой политике и о тирании. Мы решили рассматривать в таком порядке, хотя ни она [полития], ни аристократия, о которых только что была речь, не являются отклонениями; впрочем, говоря по правде, все они ошибочны сравнительно с самой правильной формой правления, а затем они и причисляются к ним, между тем как последние являются отклонениями от них, как мы сначала сказали» — λοιπὸν δ'ἔστιν ἡμῖν περὶ τε τῆς ὀνομαζομένης πολιτείας εἰπεῖν καὶ περὶ τυραννίδος. ἐτάξαμεν δ'οὕτως οὐκ οὔσαν οὔτε ταύτην παρέκβασιν οὔτε τὰς ἄρτι ρῆθεις αἰσθητικῆς ἀριστοκρατίας, ὅτι τὸ μὲν ἀληθὲς πᾶσαι διημαρτήχασιν τῆς ὀρθοτάτης πολιτείας, ἔπειτα καταριθμοῦνται μετὰ τούτων, εἰσὶ τ' αὐτῶν αὐταὶ παρεκβάσεις, ὥσπερ ἐν τοῖς κατ' ἀρχὴν εἶπομεν (IV, 6, 1, 1293b, 22 sqq.). Общепринятой интерпретации этого места нет. Начало не вызывает никаких недоумений: политика и разные виды аристократии, описанные выше (5, 10, 1293b, 1 sqq.), по теории Аристотеля, не должны считаться отклонениями. В действительности, продолжает автор, все погрешают против самого правильного государственного устройства. Нельзя согласиться с тем, что имеются в виду все вообще государственные устройства.⁶ Ведь в таком случае при πᾶσαι подразумевалось бы πολιτεῖαι — слово, которого в контексте вообще нет. Конечно, Аристотель хочет сказать «все они», т. е. политика и описанные выше виды аристократии.⁷ Что представляет собой та ὀρθοτάτη πολιτεία, отклонениями от которой оказываются как политика, так и перечисленные выше Аристотелем виды аристократии? Отсылая нас к предыдущему описанию разных видов аристократии, автор тем самым раскрывает свою мысль. Там сказано — только строй государства, полноправное гражданство которого состоит из безоговорочно лучших в смысле добродетели людей, а не условно хороших, справедливо именовать аристократией; ведь только в нем безоговорочно хороший человек является и хорошим гражданином, а при других устройствах хорошими бывают только применительно к своему строю — τὴν γὰρ ἐκ τῶν ἀρίστων ἀπλῶς κατ' ἀρετὴν πολιτείαν καὶ μὴ πρὸς ὑπόθεσιν τινα ἀγαθῶν ἀνδρῶν μόνην δίκαιον προσαγορεύειν ἀριστοκρατίαν ἐν μόνῃ γὰρ ἀπλῶς ὁ αὐτὸς ἀνὴρ καὶ πολίτης ἀγαθός ἐστιν, οἱ δ'ἐν ταῖς ἄλλαις ἀγα-

θεοὶ πρὸς τὴν πολιτείαν εἰσὶ τὴν αὐτῶν (1293b, 3 sqq.). Еще один текст помогает нам уяснить себе мысль Аристотеля: бывают формы правления, имеющие отличия от олигархических и от так называемой политики и носящие название аристократий, где на должности выбирают не только по признаку богатства, но и на основании высоких качеств (едва ли здесь подойдет перевод «по знатности») — οὐ μὴν ἀλλ'εἰσὶ τινες αἱ πρὸς τε τὰς ὀλιγαρχουμένας ἔχουσι διαφορὰς καὶ καλοῦνται ἀριστοκραταὶ καὶ πρὸς τὴν καλουμένην πολιτείαν, ὅπου γε μὴ μόνον πλουτίδην ἀλλὰ καὶ ἀριστίδην αἰροῦνται τὰς ἀρχάς (1293b, 7 sqq.). Такое государственное устройство отличается от того и от другого (т. е. от олигархии и политики) и все же называется аристократией — αὕτη ἡ πολιτεία διαφέρει τε ἀμφοῖν καὶ ἀριστοκρατικῆ καλεῖται. Таким образом, существуют некоторые виды аристократии, которые не подходят, строго говоря, под определение истинной аристократии, но в то же время не являются ни олигархиями, ни политиями. Аристотель находит для таких аристократий доброе слово и делает некоторые уточнения: аристократией является и государственный строй, принимающий во внимание богатство, добродетель и народ, что имеет место в Карфагене, а также строй, представляющий собой соединение демократических принципов и добродетели, примером чего служит строй Лакедемона; на третье место Аристотель ставит те формы политики, которые больше склоняются в сторону олигархии. Все эти виды аристократии существуют помимо ее первого вида — ἀριστοκρατίας μὲν οὖν παρὰ τὴν πρώτην τὴν ἀρίστην πολιτείαν ταῦτα... εἶδη (5, 11, 1293b, 18 sq.; аналогичное выражение — παρὰ τὴν ἀληθινὴν καὶ πρώτην — 6, 5, 1294a, 24 sq.). Здесь слово πολιτεία, разумеется, означает «государственный строй», а не специальный его вид, который ниже обозначен как «так называемая полития». Текст особенно интересен для нас тем, что аристократия неприкрыто названа в нем наилучшим государственным строем (ἀρίστη πολιτεία).

Возвратимся к разбираемому нами тексту. Ни полития, ни только что указанные формы аристократии не являются отклонениями, хотя в соответствии с истиной их следовало бы рассматривать как отклонения от самого правильного строя. Так как наилучшим, т. е. самым правильным, строем является для Аристотеля, как мы убедились, наиболее чистый вид аристократии, то слова об отклонении могут означать только одно: полития и перечисленные виды аристократии представляют собой, строго говоря, отклонения от наилучшей формы правления — истинной аристократии. Конец предложения, не имеющий здесь для нас большого значения, можно пересказать следующим образом: к тому же полития и упомянутые разновидности аристократии обычно перечисляются наряду с теми государственными устройствами, которые действительно являются отклонениями (μετὰ τούτων, i. e. μετὰ τῶν παρεκβάσεων), между тем как эти последние

(αῦται) являются отклонениями от политики и аристократии (αὐτῶν . . . παρεμβάσεις).⁸

Аристотель назвал аристократию наилучшей формой правления. Тем самым он разъяснил нам смысл некоторых других своих высказываний. В критическом разборе «Законов» Платона Аристотель соглашается признать проект государственного строя, предложенный в этом трактате, наиболее подходящим для государств, но отказывает ему в праве называться наилучшим после первого; «Скорее, — говорит он, — можно было бы похвалить лакедемонское устройство или какое-либо другое более аристократическое» — τάχα γὰρ τὴν τῶν Λακῶνων ἢ τις ἐπαινέσειε μᾶλλον, ἢ καὶ ἄλλην τιὰ ἀριστοκρατικότεραν (II, 3, 9, 1265b, 31 sqq.).

Закономерным выводом из всего изложенного будет следующий: наилучшей в абсолютном смысле формой правления для Аристотеля является первый вид аристократии, чистая аристократия.

Необходимо все же разобраться в одном вопросе — о сравнительной ценности аристократии и монархии в глазах Аристотеля. Как видно из приведенных выше текстов, высшая форма аристократии ставится на один уровень с высшей формой монархии (III, 10, 7, 1286b, 8 sqq.; 12, 4, 1288a, 32 sqq.; IV, 2, 1, 1289a, 30 sqq.). В одном случае монархия объявляется первой и божественнейшей формой правления (IV, 2, 2, 1289a, 40). Идея всеобъемлющей царской власти очень импонирует Аристотелю (III, 10, 2, 1285b, 29 sqq.; 11, 1, 1287a, 1 sqq.). Однако в другом месте прямо говорится, что для государств (полисов) аристократическое правление было бы предпочтительнее монархического — αἰρετώτερον ἂν εἴη ταῖς πόλεσιν ἀριστοκρατία βασιλείας (10, 7, 1286b, 5 sq.), и самое возникновение монархической власти объясняется тем, что в древние времена трудно было найти людей, обладавших добродетелью. К заключению о преимуществах аристократии перед монархией Аристотель приходит на основании ряда соображений. При одинаково высоких нравственных качествах единого и нескольких правителей единовластие лучше тем, что оно исключает распри среди правителей. Зато многие способны лучше выносить решения по всем вопросам; кроме того, им менее грозит опасность нравственной порчи. Против монархии могут быть выдвинуты некоторые сомнения, часть которых Аристотель склонен считать основательными (11, 10, 1287b, 36 sqq.). Таким образом, в каком-то плане Аристотель отдает предпочтение высшей форме аристократии перед высшей формой монархии.

Идеальный строй, предложенный Аристотелем в VII—VIII книгах Политики, не может не быть аристократическим. Во главе государства стоят полноправные граждане, весь образ жизни которых способствует развитию у них добродетели, благодаря которой государству обеспечивается счастливая жизнь. Вся система воспитания, по проекту Аристотеля, подчинена единой основной

цели — выработке у граждан добродетели. Аристократический строй, очень общо охарактеризованный в предыдущих книгах *Политики*, получает в ее последних книгах бóльшую конкретность.

Бросается, однако, в глаза, что описываемый в VII—VIII книгах идеальный строй ни разу прямо не назван аристократическим. Тем не менее косвенным образом этот идеальный строй все же, как кажется, обозначен как аристократический. В рассуждении об укрепленных местах сказано, что в этом отношении не все оказывается одинаково полезным для всякого государственного строя: акрополь подходит для строя олигархического и монархического, равное место — для демократии, а для аристократии ни то, ни другое, но скорее несколько укрепленных пунктов — *περὶ δὲ τόπων τῶν ἐρρυνῶν οὐ πάσαις ὁμοίως ἔχει τὸ συμφέρον ταῖς πολιτείαις οἷον ἀκρόπολις ὀλιγαρχικὸν καὶ μοναρχικόν, δημοκρατικὸν δὲ ὀμαλότης, ἀριστοκρατικὸν δὲ οὐδέτερον, ἀλλὰ μᾶλλον ἰσχυροὶ τόποι πλείους* (VII, 10, 4, 1330b, 17 sqq.). Возможно, что Аристотель имеет в виду именно рекомендуемый им строй.⁹

Приступаем к основному вопросу — об отношении предлагаемого Аристотелем идеального строя к исторической действительности.

Во II книге *Политики* Аристотель подвергает критическому разбору теоретические построения наилучшего государственного строя и те реально существовавшие государственные уклады, которые имели репутацию образцовых. Большое место занимает рассмотрение сочинений Платона «Государство» и «Законы».

Построения Платона отвергаются Аристотелем по разным основаниям. Для нас здесь важен один из доводов Аристотеля. Отдав должное остроумию, тонкости, новизне и исследовательской пытливости речей Платона (Сократа)¹⁰ в «Законах», Аристотель продолжает: «Но они [речи Сократа], пожалуй, едва ли во всех отношениях превосходят, так как относительно только что указанного количества [поселения] не должно укрыться от внимания, что для стольких людей потребуется Вавилонская страна или какая-нибудь другая, безграничная по своим размерам, чтобы прокормить пять тысяч не работающих людей и, сверх того, другое, во много раз большее, множество женщин и слуг» — *ἐπεὶ καὶ τὸ νῦν εἰρημένον πλῆθος δεῖ μὴ λανθάνειν ὅτι χώρας δεήσει τοῖς τοσοῦτοις Βαβυλωνίας ἢ τινος ἄλλης ἀπεράντου τὸ πλῆθος, ἐξ ἧς ἀργοὶ πεντακισχίλιοι θρέφονται, καὶ παρὰ τοῦτους γυναικῶν καὶ θεραπόντων ἕτερος ὄχλος πολλαπλάσιος* (II, 3, 3, 1265a, 13 sqq.). Сразу же после этого — требование общего характера, которое автор предъявляет к тем, кто занимается созданием проектов идеального государства: «Следует выставлять предположения в соответствии со своими желаниями, но они не должны быть невозможными [неосуществимыми]» — *δεῖ μὲν οὖν ὑποτίθεσθαι κατ' εὐχὴν μηδὲν μέντοι ἀδύνατον*. Выдвинутое Платоном в «Законах» (V, 8, 737E) положение, чтобы число граждан (т. е., согласно Платону, лиц, не занимающихся физическим трудом) достигало пяти тысяч четырехсот,

для Аристотеля неприемлемо ввиду своего несоответствия реальным возможностям.

В ряде мест Политики встречаем выражения *εὐχή*, *κατ' εὐχὴν*, *εὐχεσθαι* (например, II, 1, 1, 1260b, 29; IV, 1, 2, 1288b, 23; VII, 4, 1, 1325b, 36; 5, 2, 1327a, 24; 9, 9, 1330a, 26; 12, 5, 1332a, 29). Они обозначают пожелания, притом пожелания наилучшие, идеальные, в сущности благие. Выставляя требование, чтобы проекты идеального строя не были заведомо неосуществимыми, Аристотель тем самым ратует за известный контроль над такими пожеланиями, которые, по его мнению, не должны увлекать теоретическую мысль в область беспочвенных умствований.

Неосуществимость проектов идеального строя в целом или в какой-нибудь части является в глазах Аристотеля серьезным недостатком таких проектов. Следовательно, сам Аристотель смотрел на свой проект как на согласующийся с реальными возможностями и ориентирующий на действительность.

Следует все же обратить внимание на то, что уже Платон в «Государстве» ставит вопрос об осуществимости своего проекта. Приступая к рассуждениям о необходимости для женщин такого же образа жизни, какой предполагается для мужчин, Сократ в «Государстве» замечает, что его мысли вызывают много сомнений как со стороны осуществимости, так и со стороны своей ценности; поэтому он находится в некоторой нерешительности и опасается, как бы его речь не была сочтена просто благим пожеланием — *διὸ καὶ ὄκνος τις αὐτῶν ἄπτεσθαι, μὴ εὐχὴ δοκῆ εἶναι ὁ λόγος* (V, 450D). Следует рассуждение о том, что женщина способна ко всем видам деятельности, которые до сих пор являлись уделом мужчины, и может даже нести военную службу. Следовательно, закон о равенстве женщин-стражей с мужчинами-стражами вполне сообразен с природой; он не представляет собой ничего невозможного и вовсе не похож на простое благое пожелание — *οὐκ ἄρα ἀδύνατά γε οὐδὲ εὐχαῖς ὅμοια ἐνομοθετοῦμεν, ἐπεὶ περ κατὰ φύσιν ἐτίθεμεν τὸν νόμον* (456C). В обоих текстах *εὐχή* противопоставляется тому, что возможно в силу своего соответствия человеческой природе. Вопрос о путях осуществления всего проекта в целом ставится ниже — *τὸ ὡς δυνατὴ αὐτῇ ἡ πολιτεία γενέσθαι καὶ τίνα τρόπον ποτὲ δυνατὴ* (471C). Для осуществления проекта идеального государства философы должны стать царями или цари философами (473D). Еще раз выражение *εὐχαῖς ὅμοια* употреблено в смысле чего-то далекого от реальности (VI, 499C). После долгого рассмотрения вопроса Платон устами Сократа подводил итог всему сказанному: «Соглашаетесь ли вы с тем, что о государстве и государственном устройстве мы высказали не исключительно благие пожелания, а то, что, хотя и трудно, но все же возможно?» — *ἐγγχωρεῖτε περὶ τῆς πόλεως τε καὶ πολιτείας μὴ παντάπασι ἡμᾶς εὐχὰς εἰρηκεῖναι, ἀλλὰ χαλεπὰ μὲν, δυνατὰ δὲ πῃ* (VII, 540D). Стоящие во главе государства

философы, презирая те почести, какие в настоящее время воздаются правителям, и служа одному только принципу справедливости, наведут порядок в своем государстве. Но и после этого, казалось бы заключительного, предложения вопрос о самом способе перехода от старого уклада к новому остается открытым. «Каким образом?» — спрашивает собеседник. Следует краткий ответ: философы-правители вышлют из города на поля (в деревни — εἰς τοὺς ἀγροὺς) всех, кто старше десяти лет; оставшихся, т. е. десятилетних и моложе, философы будут воспитывать «в своих нравах» и по своим законам.

Таким образом, фундамент нового аристократического общества с порядками, столь отличными даже от порядков наименее демократических греческих государств, Платон надеется заложить внутри старого общества, бессознательно или умышленно закрывая глаза на утопичность таких надежд и не желая считаться с возможностью сопротивления старого общества. Пользующийся тем же противопоставлением благих пожеланий и реальной действительности, Аристотель вносит в эту антитезу иной смысл. Свои социальные категории он не строит теоретически, а берет из окружающей его действительности. В тех частях Политики, которые не касаются идеального государства, он оперирует с теми социальными классами и слоями, какие он наблюдает, изучая прошлое и настоящее греческих государств, — свободные и рабы, граждане и свободные неграждане, богатые и бедные, разные подразделения тех и других, средние, знатные и незнатные и т. д. Наличная структура общества принимается Аристотелем как нечто данное, с чем необходимо считаться политическому мыслителю.

Однако в своем идеальном проекте Аристотель выступает с рядом советов по части политического строя полисов, взаимоотношений между социальными слоями, даже расположения городов. И все же Аристотеля нельзя назвать политическим новатором в том смысле, в каком является им Платон. Даже а priori его граждане, защищающие государство и управляющие им, его рабы, занимающиеся земледелием, не говоря о вскользь упомянутых торговцах и ремесленниках, более близки к обитателям греческих полисов, нежели платоновские философы, стражи и земледельцы с их чуждым греческому обществу укладом жизни.

Принимая во внимание приведенные выше критические замечания Аристотеля, мы неизбежно должны прийти к заключению о практической направленности его собственных построений. Настаивая на том, чтобы политические проекты не заключали в себе ничего невозможного, Аристотель тем самым дает нам ключ к пониманию его собственной теории. Она несомненно рассчитана на практическое применение и ориентируется на некую действительность.

Не об абстрактном идеале и не о простой игре ума идет речь в VII книге Политики, где Аристотель рассуждает об идеальном

полисе. Высказывая свои пожелания относительно местоположения города, философ мог бы думать о греческих городах и, мысленно сравнивая их, отдавать предпочтение одним перед другими. Однако самая форма высказывания Аристотеля исключает подобную интерпретацию. «Если нужно дать городу местоположение в соответствии с пожеланием [идеалом], то ему подобает быть прекрасно расположенным как по отношению к морю, так и по отношению к суше» — τῆς πόλεως τὴν θέσιν εἰ χρὴ ποιεῖν κατ' εὐχὴν, πρὸς τε τὴν θάλατταν προσήκει καίσθαι καλῶς πρὸς τε τὴν χώραν (5, 2, 1327a, 4 sqq.). Выбор места для города сообразно с желанием был во времена Аристотеля реальной политической проблемой на Востоке. Александр Македонский основал, как известно, ряд новых городов на территории покоренного им Персидского государства. Даже если считать преувеличенным античное сообщение о семидесяти новооснованных городах (Ps.-Plut. De fortuna Alexandri II, 5),¹¹ все же остается основание говорить о десятках новых поселений. Деятельность Александра в этом отношении по своему размаху во много превосходила деятельность греческих полисов в V—IV вв. до н. э. (основание Фурий и др.). Общеизвестно, какую проницательность проявил македонский завоеватель, выбирая место для Александрии египетской. Он выбрал место, которое ему показалось прекраснейшим для основания города и обеспечивающим последнему благосостояние; здесь же Александр поставил знаки, где должна была быть городская площадь и где надлежало воздвигнуть храмы (Арриан III, 1, 5). Надо думать, что и места для других своих Александрий (и вообще для своих городов) он выбирал не случайно. Рассуждения Аристотеля о местоположении городов касались одной из насущных задач современной ему политики.

Любопытно, что приморское положение государства (города) Аристотель расценивал как нечто положительное. Отрицательно относясь к афинской демократии, рост и процветание которой были тесно связаны с приморским положением Афин (что прекрасно понимал Аристотель — III, 9, 3, 1274a, 11 sqq.; IV, 4, 1, 1291b, 20 sqq.; V, 3, 5, 1304a, 21 sqq.; VI, 4, 3, 1321a, 13 sq.), Аристотель здесь, где речь идет об основании новых городов, не опасается каких-либо нежелательных, с его точки зрения, последствий соседства с морем и рекомендует лишь принять в законодательном порядке некоторые меры предосторожности (VII, 5, 3, 1327a, 1 sqq.). Это является как бы ответом и возражением Платону, который в своих «Законах» называет соседство с морем приятным с точки зрения повседневной жизни, но по существу очень соленым и горьким (IV, 1, 705A).

Едва ли можно сомневаться в том, что Аристотель, хотя он прямо об этом нигде не говорит, видел именно на Востоке широкое поле для основания полисов, близких по характеру к его идеальному государству.

Еще раньше чем заняться вопросом об основании городов, автор Политики ставит общий вопрос о предпосылках или предварительных требованиях для осуществления наилучшего государственного строя. Вот слова Аристотеля: «Начало прочего — сказать прежде всего, каковы должны быть предпосылки для государства, которому предстоит получить желательное устройство; ведь наилучшее государственное устройство не может быть без соответствующих условий. Поэтому следует выдвинуть много предпосылок в качестве наших пожеланий, однако так, чтобы в них не было ничего невозможного» — *διὸ δεῖ πολλὰ προϋποθέτεισθαι καθάπερ εὐχόμενους, εἶναι μέντοι μὴδὲν τούτων ἀδύνατον* (VII, 4, 1, 1325b, 35 sqq.). Поиски подходящих предпосылок оказываются, по Аристотелю, неизбежной обязанностью тех, кто хочет создать наилучшее государство; и здесь опять веское напоминание о том, что желаемое не должно вступать в конфликт с возможным, реально представимым. Одной из таких предпосылок является хорошее местоположение города, о чем у нас сказано выше.

Население государства резко делится у Аристотеля на обладающих политическими правами и не обладающих ими (8, 1, 1328b, 24 sqq.). Те, кого он называет, с одной стороны, воинами (*τὸ πολεμικόν*), с другой — совещающимися и судьями (*τὸ βουλευόμενον περὶ τῶν συμφερόντων καὶ κρίνον περὶ τῶν δικαίων*) — представляют, в сущности, один класс, так как отличаются одни от других, помимо своих функций, только возрастом. В молодые годы они являются воинами, впоследствии вершат государственными делами и творят суд. Ремесленники и земледельцы, по мнению Аристотеля, не имеют достаточно досуга, чтобы совершенствоваться в добродетели и заниматься государственными делами (8, 2, 1328b, 39 sqq.). Аристотеля, в сущности, интересуют только полноправные граждане; их он имеет в виду, когда размышляет об условиях жизни и воспитания у населения идеального государства. Только полноправные граждане владеют землей. Земледельцы сидят на земле лишь в качестве зависимых работников.

Итак, полноправные граждане, по проекту Аристотеля, это — воины и те, кто ведает государственными и судебными делами. В противоположность Платону, у которого правители и воины — два разных сословия, Аристотель считает, что правителями (они же судьи, они же занимают и жреческие должности) и воинами должны быть — в разные периоды своей жизни — одни и те же люди, составляющие единый социальный слой полноправных граждан. Они не занимаются ни торговлей, ни ремеслом, ни земледелием. Если оставить в стороне ремесленников и торговцев, о которых Аристотель говорит в VII книге очень мало (потому ли, что он не успел закончить свой проект идеального государственного строя, или потому, что не считает их существенным элементом государства), то остаются две социальные величины: полноправные — воины и зависимые — земледельцы.

Такое деление, как хочет показать Аристотель, не является чем-то неслыханным, абсолютно новым. Приводятся исторические примеры: в Египте и на Крите воины составляли особое сословие, отличное от земледельцев (9, 1, 1329b, 2). Здесь же и указание о древности сисситий, они издавна существовали не только на Крите, но и у италийских энотриев.

Здесь уместно вспомнить, что и в других книгах Политики Аристотель не скрывает своей симпатии к такому строю, где полнота гражданских прав принадлежит людям, способным вооружиться на собственный счет, т. е. принадлежащим к средним слоям населения; представителей этих слоев он называет не только *μέσοι*, но и *οἱ ὀπλιτεύοντες* (II, 3, 9, 1265b, 28 sq.; IV, 10, 10, 1297b, 13), *οἱ τὰ ὄπλα ἔχοντες* (II, 5, 2, 1267b, 33; 5, 1268a, 17 sq., 22; IV, 10, 8, 1297b, 1 sq.), *οἱ τὰ ὄπλα κερκτημένοι* (II, 5, 5, 1268a, 20; 6, 1268a, 25 sq.; III, 5, 3, 1279b, 4), *οἱ ἐν τοῖς ὄπλοις* (IV, 10, 10, 1297b, 22 sq.), *τὸ ὀπλιτικόν* (3, 1, 1289b, 31 sq.; 14, 1291a, 32 sq.), *οἱ ὀπλιται* (V, 5, 5, 1305b, 33). В Афинской Политии Аристотель высказывает одобрение конституции Солона, которая давала минимум политических прав малоимущим и, следовательно, неспособным приобрести тяжелое оружие гражданам — фетам, а также тому недолговечному правлению Пяти тысяч, которое наступило в Афинах после падения Четырехсот.

Таким образом, в VII книге Политики мы встречаем одну из излюбленных идей Аристотеля, но доведенную до логического завершения. Воины идеального государства не занимаются не только торговлей или ремеслами, но даже земледельческим трудом. Они совершенствуются в добродетели. Чтобы обеспечить им такую возможность, в государстве должны иметься трудящиеся земледельцы. Последние работают как на землях, принадлежащих членам высшего класса, так и на собственной земле. И в том и в другом случае они не являются свободными. В первом случае они зависят от частных владельцев, во втором — от государства — *τούτων δὲ τοὺς μὲν [ιδίους] ἐν τοῖς ἰδίους εἶναι ἰδίους τῶν κερκτημένων τὰς οὐσίας, τοὺς δ' ἐπὶ τῇ κοινῇ γῆ κοινούς* (9, 9, 1330a, 30 sq.).

Установив определенную направленность теоретических построений Аристотеля в сторону реальной действительности, мы должны задаться вопросом, кто эти воины и кто эти земледельцы, призванные, согласно взглядам Аристотеля, быть двумя основными элементами совершенного государства. Реалистическое мышление Аристотеля и его прямые высказывания о том, что теоретические построения не должны быть оторванными от жизни, служат достаточной гарантией правомерности такого вопроса.

Основывая новые города, Александр населял их воинами греческого и македонского происхождения. Городам он давал организацию полисов.¹² Бывшие воины становились гражданами полисов и выполняли в них все те функции, какие в старых греческих полисах выполняли их граждане. Господствующий класс

идеального государства Аристотеля — войны, правители, судьи — соответствовал классу воинов-граждан (имевших право занимать должности и быть судьями) в реальных полисах, основанных на территории бывшего Персидского царства.

Воины (они же впоследствии правители и судьи) должны, по мысли Аристотеля, иметь возможность упражняться в добродетели. Для этого нужен досуг, освобождение от забот о материальном благосостоянии. Достигается это благодаря тому, что они владеют индивидуально своими собственными участками земли и коллективно государственной землей. Как на частновладельческой, так и на государственной земле работают зависимые люди. Аристотель с полной ясностью определяет этих подневольных людей: «Теми, кто будет заниматься земледелием, если высказываться в соответствии со своими желаниями, лучше всего пусть будут рабы, не все одного племени и не отличающиеся быстрой воспламеняемостью (при этом условии они могут быть пригодными для работы и не внушающими опасений в смысле стремления к переворотам); на втором месте — варвары, живущие вокруг [города], по природе близкие к тем, кто указан выше» — τούς δὲ γεωργήσοντας μάλιστα μὲν, εἰ δὲ κατ' εὐχὴν, δούλους εἶναι, μήτε ὁμοφύλων πάντων μήτε θομοειδῶν (οὕτω γὰρ πρὸς τε τὴν ἐργασίαν εἶεν χρήσιμοι καὶ πρὸς τὸ μηδὲν νεωτερίζειν ἀσφαλεῖς), δεύτερον δὲ βαρβάρους περιόικους παραπλησίους τοῖς εἰρημένους τὴν φύσιν (1330a, 25 sq.). Гораздо короче сказано о том же несколько выше: «Ясно, что собственность должна принадлежать этим [гражданам], раз необходимо, чтобы земледельцы были рабами или варварами, живущими вокруг» — φανερόν δὲ καὶ ὅτι δεῖ τὰς κτήσεις εἶναι τούτων (i. e. τῶν πολιτῶν), εἴπερ ἀναγκαῖον εἶναι τοὺς γεωργοὺς δούλους ἢ βαρβάρους [ἢ] περιόικους (8, 5, 1329a, 24 sq.).

Первое из приведенных мест, более обстоятельное, требует детального разбора. Дело идет о зависимом населении, обслуживающем своим земледельческим трудом материальные нужды граждан. Этим земледельцев Аристотель не мыслит себе греками. В первую очередь он думает о рабах: это, говорит он, соответствует идеальным пожеланиям. По учению Аристотеля, грекам в силу их природы не подобает быть рабами, варвары же, наоборот, по природе — рабы (I, 1, 5, 1252b, 7 sq.). Эти рабы-варвары должны быть, во-первых, разноплеменными. Отсутствие у них племенного единства является, по мнению Аристотеля, первым условием, способствующим их пригодности для выполнения их обязанностей и гарантирующим их покорность. Вторым условием является отсутствие у них тех качеств, благодаря которым они стали бы θυμοειδεῖς. Значение этого слова (переведенного нами выше условно и приблизительно) до некоторой степени раскрывается Аристотелем в Никомаховой Этике, где сказано οἱ ἀνδρεῖοι θυμοειδεῖς (III, 11, 1116b, 26). Однако наличие θυμός, хотя и помогает человеку быть мужественным (ἀνδρεῖος), само

по себе недостаточно, чтобы сделать человека таковым. Мужественные же люди те, кто действует во имя прекрасного — οἱ μὲν οὖν ἀνδρεῖοι διὰ τὸ καλὸν πράττουσιν, ὁ δὲ θυμὸς συνεργεῖ αὐτοῖς (1116b, 30 sq.). Вообще из рассуждения о подлинном и кажущемся мужестве явствует, что θυμὸς представляет собой природную смелость в соединении с легкой возбудимостью. Всякий ἀνδρεῖος является θυμοειδής, но не наоборот.

«Племена, живущие в северных местах и в Европе, — говорит Аристотель, — преисполнены природного мужества, но недостаточно разумны и недостаточно способны к искусствам, почему они в большей степени пребывают в состоянии свободы, но не способны к политической организации и не могут властвовать над соседями. Живущие же в Азии в силу своих душевных свойств рассудительны и способны к искусствам, но лишены смелости, а потому и пребывают в состоянии подчинения и порабощения» — τὰ μὲν γὰρ ἐν τοῖς ψυχροῖς τόποις ἔθνη καὶ τὰ περὶ τὴν Εὐρώπην θυμοῦ μὲν ἐστὶ πλήρη, διανοίας δὲ ἐνδεέστερα καὶ τέχνης, διόπερ ἐλευθέρα μὲν διατελεῖ μάλλον, ἀπολίτευτα δὲ καὶ τῶν πλησίον ἀρχεῖν οὐ δυνάμενα· τὰ δὲ περὶ Ἀσίαν διανοητικὰ μὲν καὶ τεχνικὰ τὴν ψυχὴν, ἄθυμα δὲ, διόπερ ἀρχόμενα καὶ δουλεύοντα διατελεῖ (VII, 6, 1, 1327b, 23 sq.).

Если Аристотель выставляет требование, чтобы рабы не обладали природной смелостью, то тем самым он указывает не на людей, обитающих на севере или в Европе (реально имеются в виду северные части Балканского полуострова и северное Причерноморье, так как греков Аристотель считает обитателями некоей средней области). Желательные рабы должны принадлежать к азиатским племенам, привыкшим, как думает Аристотель, к подчиненному положению и неспособным выбиться из него. Уже это пожелание Аристотеля (εἰ δεῖ κατ'ἐὸς ἡν) — а пожелания его, по его же собственному признанию, не бывают нереальными — направляет нас на Восток, в Азию. Автор Политики не считал, видимо, неосуществимым свое предложение поселить вокруг новых городов смешанное население из представителей разных азиатских племен.

Однако Аристотель не считает такое решение вопроса единственно возможным. Он предусматривает и вторую возможность — вокруг городов будут жить варвары (βαρβάρους περιόικους). Последнее слово естественнее всего понимать как «живущие вокруг», а не в смысле спартанских периеков, которые в противоположность гелотам не были в подлинном смысле зависимыми людьми, обязанными обрабатывать землю для спартиатов. Эти живущие вокруг новооснованных городов варвары должны по своим природным свойствам походить на рабов, о которых Аристотель говорил раньше. Следовательно, они не должны быть смелыми, воинственными, чтобы на них можно было положиться как на работников, от которых нельзя ожидать возмущения. Иначе говоря, они должны быть азиатами.

Почему Аристотель ставит это решение задачи о зависимом населении на второе место, а не на первое? Очевидно, потому что первое предложение, как он сам говорит, более соответствующее его желанию, было более радикальным: речь прямо шла о рабах, к тому же разобщенных в силу своего неоднородного этнического происхождения. Но почему это первое решение не было единственным? Трезвая мысль Аристотеля подсказала ему вторую возможность — воспользовавшись создавшейся обстановкой, призвать к служению грекам (и македонянам) те негреческие племена, на чьих землях возникали новые полисы. Не требуя обращения этих «варваров» в рабство в буквальном смысле этого слова, Аристотель все же настаивал на определенных психических свойствах, схожих со свойствами рабов. Не подчеркивал он принадлежности «варваров» к разным племенам, в чем опять-таки нельзя не видеть реалистического подхода к делу.

Свои идеальные города-государства Аристотель воздвигал не в царстве мечты, а в реальных и вполне конкретных условиях падавшего под ударами македонских фаланг Персидского государства. На арене всемирной истории разыгрывались грандиозные события, способствовавшие расширению греческого мира и, как не без основания полагал Аристотель, распространению греческих форм политического бытия. Новыми, открывавшимися на Востоке возможностями он думал воспользоваться для реализации своих политических идеалов.¹³

Греко-македонским воинам, завоевателям огромной территории, составлявшей царство Ахеменидов, предоставлялась при этом почетная роль носителей власти в новых пунктах эллинской культуры. Тем самым Аристотель как бы увенчивал своей политической теорией практику македонской политики, придавая ей общеэллинское значение, во всяком случае перед той общеэллинской аудиторией, которую он видел перед собой в Ликее.

Социально-политический кризис греческих рабовладельческих государств в IV в. привел к тому, что Греция подчинилась более мощной Македонской державе. Последняя — в своих же интересах — делала попытки устранить некоторые из социальных зол, от которых страдали греческие полисы. Известно постановление Александра о возвращении изгнанников (см. предыдущую главу). Однако не только изгнанники покидали свое отечество. Глубокий социальный и политический кризис вынуждал большое количество граждан греческих полисов, не имевших в своем отечестве средств к существованию, уходить в наемники. В настоящей работе нет надобности делать более или менее исчерпывающий обзор свидетельств о наемниках. Достаточно будет напомнить о походе десяти тысяч, служивших в конце V—начале IV в. до н. э.) у Кира Младшего до и во время его выступления против Артаксеркса II. Даже среди предводителей греческого

войска Кира не все были изгнанниками. Ксенофонт говорит, что Клеарх был изгнан из Лакедемона (Anab. I, 1, 9; II, 6, 4), но других стратегов (Проксена Беотийского, Менона Ларисейского, Агия Аркадского, Сократа Ахейского) он изгнанниками не называет. Характерной фигурой был явившийся к войску, когда последним командовал Ксенофонт, фиванец Киратад, предлагавший любому греческому полису или племени свои услуги в качестве полководца — *προσέρχεται Κοιρατάδης Θηβραῖος, ὅς οὐ φεύγων τὴν Ἑλλάδα περιήει ἀλλὰ στρατηγῶν καὶ ἐπαγγελλόμενος, εἴ τις ἢ πόλις ἢ ἔθνος στρατηγού δέοιτο* (VII, 1, 33). Командиры менее высокого ранга и солдаты также далеко не все были приговорены у себя на родине к изгнанию (VI, 4, 8). Наемники служили не только чужеземным царям и династам. Их держали у себя и греческие полисы. При некоторых обстоятельствах наемники могли угрожать безопасности греческих полисов. Ксенофонт рассказывает о мерах предосторожности, принятых Гераклеей во время нахождения на ее территории греков — участников похода Кира (VI, 2, 8), а также об опасном положении, в каком оказался при аналогичных условиях Византий (VII, 1, 15 sq.). Известно, какую роль играли в Фокиде наемные войска и их предводители в середине IV в. Об угрозе интересам греческих государств со стороны предводителей наемных войск говорит Демосфен в речи против Аристократа: «Ведь вы, конечно, знаете то, что все эти предводители наемников, захватывая греческие города, стремятся властвовать и проходят по всей стране, являясь для всех, кто хочет жить по законам на своей родине, пользуясь свободой, уж если сказать правду — общими врагами» (XXIII, 139).

Огромное количество наемников было фактом, который нельзя было не замечать. Они не только представляли собой большую силу, но и сознавали себя большой силой. В руках честолюбивых и предприимчивых кондотьеров наемное войско становилось действенным орудием, которым они пользовались в своих целях в ущерб самостоятельности греческих полисов. Греческая политическая мысль работала над наемнической проблемой, изыскивая способы так или иначе обезвредить наемников, а если можно, то и сделать их полезными для безопасности Эллады. Очень знаменательно то решение, к какому приходит Исократ в 346 г. в речи, обращенной к Филиппу (IV, 120—123). Он советует македонскому царю вторгнуться в персидские владения. Цель этого вторжения — захватить принадлежавшую персидскому царю землю, если можно — всю, если нельзя, то как можно больше и охватить Азию (Исократ имеет в виду Малую Азию), «как называют ее некоторые», — от Киликии до Синопы — *καὶ μάλιστα μὲν πεπραθῆς ὄλην τὴν βασιλείαν ἀνελεῖν, εἰ δὲ μὴ, χώραν ὅτι πλείστην ἀφορίσασθαι καὶ διαλαβεῖν τὴν Ἀσίαν, ὡς λέγουσιν οἱ τινες, ἀπὸ Κιλικίας μέχρι Σινώπης* (120). Кроме того, необходимо на этом пространстве основать города — *πρὸς δὲ τούτοις κτίσαι πόλεις ἐπὶ τούτῳ τῷ τόπῳ*

(*ibid.*). Поселить в них нужно тех, кто теперь бродит, не имея средств пропитания, и приносит вред тем, кто им встречается — καὶ κατοικίσαι τοὺς νῦν πλανωμένους δι' ἔνδειαν τῶν καθ' ἡμέραν καὶ λυμαινομένους οἷς ἄν ἐντύχῳσι (*ibid.*). «Если, — продолжает Исократ, — мы не лишим их возможности собираться вместе, доставив им достаточные средства для жизни, то они, незаметно для нас, достигнут такого количества, что станут не менее страшными для эллинов, нежели для варваров» — οὓς εἰ μὴ παύσομεν ἀθροισμένους βίον αὐτοῖς ἰκανὸν πορίσαντες, λήσουσιν ἡμᾶς τοσοῦτοι γενόμενοι τὸ πλῆθος ὥστε μηδὲν ἦρτον αὐτοὺς εἶναι φοβεροὺς τοῖς Ἑλλήσιν ἢ τοῖς βαρβάροις (121). «Мы, — предостерегает дальше Исократ, — не проявляем по отношению к ним никакой предусмотрительности, не отдаем себе отчета в росте общей для всех нас угрозы и опасности» — ὧν οὐδεμίαν ποιούμεθα πρόνοιαν, ἀλλ' ἀγνοοῦμεν κοινὸν φόβον καὶ κίνδυνον ἅπασιν ἡμῖν ἀξανάμενον (*ibid.*). И чтобы не было никакого сомнения в том, что речь идет о греческих наемниках, которые должны сначала помочь македонскому царю завоевать обширную территорию в Малой Азии, а затем стать гражданами греческих городов, которые будут там основаны, Исократ говорит: ἀποχρησάμενον τοῖς τοιοῦτοις πρὸς τοὺς βαρβάρους καὶ χώραν ἀποτεμνόμενον τοσαύτην, ὅσην ὀλίγῳ πρότερον εἰρήκαμεν, ἀπαλλάξαι τε τοὺς ξενιτευομένους τῶν κακῶν ὧν αὐτοὶ τ' ἔχουσι καὶ τοῖς ἄλλοις παρέχουσι καὶ πόλεις ἐξ αὐτῶν συστήσαι καὶ ταύταις ὀρίσαι τὴν Ἑλλάδα, καὶ προβαλέσθαι πάντων ἡμῶν (122). Таким способом можно будет и этих людей осчастливить и доставить безопасность всей Элладе (123). По этому проекту Исократа новые земли будут освоены греками и прочно войдут в систему греческого мира, а бывшие наемники, превратившись в полноправных граждан новых полисов, перестанут быть угрозой для старых полисов и превратятся в оплот Эллады против восточных соседей. В этой своей программе-максимум (программа-минимум, здесь же изложенная, состояла в освобождении уже существующих греческих полисов Малой Азии) Исократ подвусмысленно формулирует то, что, вероятно, более смутно представлялось и другим и не слишком ясно выражено у него самого в «Панегирике» (131 sqq.) и в одном письме к Филиппу (3, 5—6). Если афинский оратор, находившийся в Афинах, вдали от мест предполагавшейся им греческой колонизации, понимал всю выгоду освоения греками новой страны, то, надо думать, люди, видевшие своими глазами богатые и удобные для основания новых городов местности Персидского царства, обнаруживали не меньшее понимание собственных выгод. Когда войско Кселофонта оказалось в плодородной области вифинских фракийцев между Гераклеей и Византием, где не было ни одного греческого города, то, по словам Ксенофонта, у многих появилось подозрение, что предводитель хочет задержать их здесь, чтобы основать новый город (*Anab.* VI, 4, 7, 14).

Носившаяся в воздухе идея использования географических просторов Ахеменидской державы для поселения избыточного населения Греции получила свое осуществление в политике Александра Македонского, основателя нескольких десятков греческих городов на Востоке. Эти города, по замыслу Аристотеля, должны были стать воплощением его политических проектов.

Наше заключение о больших надеждах, возлагавшихся Аристотелем на носителя царской власти, подводит нас вплотную к вопросу об отношении философа к монархии. Политика содержит довольно большой материал, помогающий нам разобраться в этом вопросе.

Монархия (царская власть — βασιλεία), по Аристотелю, — одна из трех правильных форм государственного устройства. Во главе государства стоит царь, обладающий совершенной добродетелью и правящий в интересах общего блага (III, 5, 2, 1279a, 32 sqq.; IV, 2, 1, 1289a, 31 sqq.; V, 8, 2, 1310b, 10 sq.). Царь является стражем, который не позволяет одному социальному слою чинить обиды другим (V, 8, 6, 1310b, 40 sqq.). Монархию Аристотель называет первой и божественной формой правления (IV, 2, 2, 1289a, 39 sqq.). Человек, выделяющийся своей добродетелью среди других, является как бы богом среди людей; такому человеку подобает быть царем (III, 8, 1, 1284a, 3 sqq.). Царская власть родственна аристократии (V, 8, 1, 1310b, 2 sq.; 8, 5, 1310b, 31 sq.). Монархический строй (не тирания) реже всего гибнет от внешних причин, ему обеспечено долголетие (8, 22, 1312b, 38 sqq.). Некогда люди находились под властью царей, видимо, потому, что нелегко было найти мужей, отличавшихся добродетелью (III, 10, 7, 1286b, 8 sqq.). Однако в настоящее время если где-нибудь и возникает единовластие, то это бывает только власть тирана, а не царя (V, 8, 22, 1313a, 3 sqq.). Как будто мысль Аристотеля вырисовывается довольно ясно: монархия, при всех ее привлекательных для автора Политики свойствах, принадлежит прошлому. Говоря о возникающих тиранических правлениях, Аристотель, надо думать, имел в виду греческие полисы; именно для последних монархическое правление с царем (а не тираном) во главе либо представляло собой историческую категорию прошлого, либо продолжало существовать как пережиток в сильно измененном виде (Спарта).

Проект идеального строя (не говоря уже о разных видах условно наилучшего строя) не предусматривает наличия в государственном аппарате монарха. Пусть проект Аристотеля должен считаться незаконченным, все же добавление царя к описанному в VII книге Политики строю нельзя себе представить в качестве несущественного (а еще менее — само собой разумеющегося) дополнения, не влекущего за собой необходимости других изменений. Отделы о землевладении, о военном деле, об отпращивании культа должны были бы подвергнуться большей или меньшей пере-

работке, если бы в проектируемом у Аристотеля государстве появился царь; прерогативы и обязанности последнего в той или иной степени давали бы себя знать и при обработке других отделов. Следовательно, отсутствие упоминания о царе в VII книге Политики нельзя считать случайным: строя свой идеальный полис, Аристотель сознательно не вводил в него царя. Вспомним и то, что Аристотель в другом месте говорит о предпочтительности аристократии перед царской властью, так как первая представляет собой власть нескольких обладателей добродетели, тогда как при второй властвует только один добродетельный человек (III, 10, 7, 1286a, 3 sqq.).

Особого рассмотрения требует рассуждение Аристотеля о всеобъемлющей царской власти (*παρβασιλεία*). Аристотель устанавливает несколько видов царской власти, различающихся одни от других по характеру власти (9, 2, 1285a, 1 sqq.). У спартацев царская власть является законной, но ограниченной. За пределами страны царь командует войском; он же ведает и делами культа. Такая царская власть представляет собой в сущности неограниченную пожизненную стратегию (1285a, 7 sq.; 9, 3, 1285a, 15). Второй вид царской власти встречается у некоторых негреческих племен. Цари обладают там тиранической властью, но являются законными и исконными; варвары, по учению Аристотеля, имеют от природы более рабский нрав, нежели греки, а потому и без неудовольствия переносят такую власть. На третьем месте упоминается так называемая эсимнетия у древних греков, которая была не чем иным, как выборной тиранией (9, 5, 1285a, 31 sq.). Сходство эсимнетов с царями негреческих племен в том, что власть их была законной; различие — в том, что эта власть не была исконной, унаследованной от предков. Четвертый вид царской власти представлен царями героической поры. Им подчинялись добровольно, власть их была исконной и законной. Они были первыми благодетелями своего народа: либо в мирное время благодаря каким-нибудь изобретениям, либо в военное время. В их руках сосредоточивались функции военные, религиозные, судебные. В конце замечание: от части своих полномочий цари отказались сами, часть же была отнята у них народом, так что в ряде полисов в руках царей остаются только жертвоприношения, а там, где можно еще говорить о царской власти, цари сохранили за собой только предводительство на войне за пределами своей страны (9, 8, 1285b, 14 sqq.). Классификация видов царской власти дана у Аристотеля с учетом эволюции этой власти: царская власть в Спарте оказывается реликтовым видом царской власти героических времен.

В сжатом резюме Аристотель повторяет: итак, таковы виды царской власти, числом четыре — βασιλείας μὲν οὖν εἶδη τεῦτα, τέτταρα τὸν ἀριθμὸν (10, 1, 1285b, 20); первый был у греков героической поры, второй — у варваров, третий — эсимнетия, четвер-

тый — лаконский. Неожиданно к этим четырем видам Аристотель добавляет пятый: пятый же вид царской власти, когда один ведает всем, подобно тому, как каждое племя и каждый полис ведает общественными делами; она имеет своим образцом управление домашним хозяйством — *πέμπτον δ'εἶδος βασιλείας, ὅταν ἡ πάντων κύριος εἷς ὢν, ὥσπερ ἕκαστον ἔθνος καὶ πόλις ἕκαστη τῶν κοινῶν, τεταγμένη κατὰ τὴν οἰκονομικήν* (10, 2, 1285b, 29 sqq.). «Ведь, — продолжает автор, — подобно тому как управление домашним хозяйством есть некая царская власть в доме, так и всеобъемлющая царская власть есть управление домашним хозяйством в полисе и у одного или нескольких племен» — *ὥσπερ γὰρ ἡ οἰκονομική βασιλεία τις οἰκίας ἐστίν, οὔτως ἡ παμβασιλεία¹⁴ πόλεως καὶ ἔθλους ἐνός ἢ πλειόνων¹⁵ οἰκονομία*. Знаменательно то, что Аристотель думает о всеобъемлющей царской власти не только в полисе, но и у негреческого племени и даже у совокупности племен. Еще более знаменательно то, что этому пятому виду царской власти он придает очень большое значение. В сущности, как полагает Аристотель, заслуживают рассмотрения два вида царской власти — этот и спартанская царская власть, так как прочие виды занимают промежуточное положение между ними. Рассмотрение вращается вокруг двух вопросов: полезно ли для полисов, чтобы в них был пожизненный стратег, притом либо наследственный, либо выборный; полезно ли, чтобы один человек ведал всем. Первый вопрос разрешается в нескольких строках: такой стратег совместим с любым государственным устройством (10, 3, 1286a, 4; та же мысль в расширенном виде, с примерами повторена ниже — 11, 1, 1287a, 4 sqq.), а потому о нем нет смысла говорить отдельно, вне связи с отдельными разновидностями государственного строя. Остается второй вопрос. Сначала Аристотель спрашивает себя: полезно ли паходиться под управлением наилучшего мужа или наилучших законов — *πότερον συμφέρει μᾶλλον ὑπὸ τοῦ ἀρίστου ἀνδρός ἄρχεσθαι ἢ ὑπὸ τῶν ἀρίστων νόμων* (10, 3, 1286a, 8 sq.). Приводятся доводы в пользу того и другого решения вопроса. Сторонники единовластия ссылаются на то, что законы устанавливают самые общие положения, но не дают конкретных предписаний относительно всего того, что случается в жизни. Против этого Аристотель выдвигает то соображение, что хотя государственный строй, опирающийся на букву закона, не является наилучшим, правитель все же должен иметь перед собой указания общего характера. Кроме того, преимущество законов в том, что они беспристрастны и не подвержены влиянию чувств, как это бывает с людьми. Здесь, однако, появляется новое затруднение: кто должен быть властен в тех случаях, когда закон не может дать решение вообще или надлежащим образом, — единый ли муж или все (10, 5, 1286a, 24 sq.). Масса не только судит лучше, чем один, но она и менее поддается порче. Массу Аристотель определяет как совокупность свободных людей, во всем поступающих в согласии

с законом, за исключением, как это и неизбежно, случаев, законом не предусмотренных. Трудно допустить, что такими оказались многие; поэтому пусть будет некоторое количество таких добрых мужей и граждан. Тогда вопрос принимает новый вид: что лучше — один, абсолютно недоступный порче правитель, или большее число хороших? Не ясно ли, что лучше многие? Однако несколько человек будут враждовать между собой, тогда как при едином властителе такая вражда исключена. Но и против этого может найтись возражение. Эти лучшие люди могут отличаться столь же большой порядочностью, как тот один. При таких условиях правление некоторого числа превосходных людей — аристократия — заслуживает предпочтения перед правлением одного, т. е. перед царской властью. Приводимая затем историческая справка имеет целью показать, что царская власть сменилась в полисах аристократией, т. е. власть единого добродетельного человека (установившаяся в то время, когда трудно было найти добродетельных людей) сменилась властью нескольких столь же добродетельных. Если бы разбираемый вопрос был все же решен в пользу царя, то как быть с передачей власти по наследству детям, которые могут оказаться не на должной высоте? Передача власти таким детям будет вредоносной. Но, говорит Аристотель в порядке выдвижения разных положений *pro* и *contra*, царь, будучи полновластным, не передаст таким детям свою власть. Аристотелю, однако, это кажется маловероятным: это ведь трудно и требует добродетели, превосходящей возможности человеческой природы. Не произнеся решающего слова, Аристотель переходит к следующему вопросу: следует ли тому, кому предстоит царствовать, иметь вокруг себя вооруженную силу, с помощью которой он сможет принуждать к повиновению непокорных, или как вообще нужно себе представлять его управление (10, 10, 1286b, 27 sqq.). Вооруженная сила, по Аристотелю, нужна царю даже в том случае, если он получает власть по закону и ни в чем не преступает закона; она необходима для охраны законов. Окончательный ответ на вопрос Аристотель без колебаний формулирует следующим образом: царь должен обладать вооруженной силой в таком количестве, чтобы она давала ему превосходство над каждым отдельным гражданином и над некоторой совокупностью граждан, но не над всей их массой (следует историческая справка об эсимпетах, тиранах, в частности о Дионисии I Сиракузском).

Предшествующие рассуждения не имеют специально в виду всеобъемлющей царской власти, они имеют более широкий смысл. Об этом предупреждает нас сам Аристотель: «Теперь на очереди у нас речь о царе, который поступает во всем согласно своей воле, и о нем нам следует рассуждать» — *περὶ δὲ τοῦ βασιλέως τοῦ κατὰ τὴν αὐτοῦ βούλησιν πάντα πράττοντος ὃ τε λόγος ἐφέστηκε νῦν καὶ ποιητέον τὴν σκέψιν* (11, 1, 1287a, 1 sqq.). Несколько ниже уточнение: именно о так называемой всеобъемлющей царской власти; она и

есть та, при которой царь властвует над всем, руководясь своей собственной волей — *αὐτῆ δ' ἐστὶ καθ' ἑνὴν ἄρχει πάντων κατὰ τὴν ἑαυτοῦ βούλησιν ὁ βασιλεύς*. Аристотель и здесь настаивает на том, что власть должна принадлежать закону. Последний, однако, не может дать ответа на все возникающие в жизни вопросы, а потому кто-то должен произносить решающее слово в случаях, не предусмотренных законом (11, 8, 1287b, 19 sqq.). Противники всеобъемлющей царской власти не согласны предоставлять право окончательного решения одному человеку и требуют передачи дела на суд многих (1287b, 23 sqq.). При этом выставляется еще один довод: властители фактически не могут управлять всем, они делают соучастниками власти своих друзей, тем самым признавая, что равные и одинаковые с ними лица должны быть причастными к власти. Аристотель полностью признает, что ни соображения пользы, ни справедливость не оправдывают власти над всем одного человека среди равных и одинаковых (11, 10, 1288a, 1 sqq.). Не составляет исключения, по Аристотелю, и тот случай, когда этот единый превосходит в добродетели других (*οὐδ' ἂν κατ' ἀρετὴν ἀμείνων ᾗ*); здесь, однако, делается оговорка: «разве что в некотором роде [смысле]» — *εἰ μὴ τῶρον τινά*. Объяснение Аристотель хочет дать ниже, но напоминает, что кое-что сказано им по этому поводу раньше. Имеются в виду рассуждения об одном человеке или группе лиц, обладающих той степенью добродетели, при которой все прочие граждане не могут идти с ним или с ними ни в какое сравнение. Для таких людей не может быть законов, они сами являются законом, оказываясь как бы богами среди людей (8, 1, 1284a, 2 sqq.). В духе этих рассуждений высказывается Аристотель и дальше. Когда имеется род или один человек, чья добродетель превосходит добродетель всех прочих, тогда справедливо, чтобы этот род и этот один человек царствовали и властвовали над всеми (11, 12, 1288a, 15 sqq.). При всяком государственном строе, будь то аристократия, олигархия или демократия, дело практически решается превосходством в соответствующем отношении. Окончательный вывод Аристотеля: всем прочим остается только повиноваться такому мужу, он должен быть властителем не частично (не попеременно с другими), а безусловно — *ὥστε λείπεται μόνον τὸ πείθεσθαι τῷ τοιοῦτῳ καὶ κύριον εἶναι μὴ κατὰ μέρος τοῦτον ἀλλ' ἅπλως* (11, 13, 1288a, 28 sq.).

Мы видим, с какой настойчивостью, несмотря на все оговорки и оставленные иногда без ответа доводы противников, а порой и собственные сомнения, Аристотель старается доказать свое положение о праве носителя высшей добродетели властвовать над прочими людьми. Если в проекте идеального государства (VII—VIII книги) речь все время идет о гражданах, вырабатывающих в себе добродетель, то в приведенных нами рассуждениях Аристотель начинает с предположения о группе лиц или едином муже и

кончает выводом о праве единого быть неограниченным властителем.

Пытаясь как-то осознать рассуждения Аристотеля, мы оказываемся перед дилеммой — либо признать соображения Аристотеля отвлеченными, относящимися к некоему воображаемому случаю, либо считать их имеющими какое-то отношение к современной Аристотелю политической действительности. В первом случае все рассуждение Аристотеля о наилучшем муже оказалось бы просто игрой ума, не опирающейся (даже в сознании автора) ни на какие реальные условия. Подобное решение неприемлемо уже потому, что оно совершенно не вяжется с реалистическим мышлением Аристотеля. Против этого решения можно выдвинуть не только соображения априорного порядка. Возьмем всю классификацию разновидностей царской власти у Аристотеля. Их всего пять. Четыре из них вполне реальны в настоящем и прошлом или только в прошлом — цари типа спартанских, цари негреческих племен, греческие эсиметы, греческие цари героической эпохи. К ним присоединяется пятая разновидность — неограниченный царь, ведающий всеми государственными делами. Естественно думать, что и эта форма имеет свое соответствие в реальной действительности. Ведь если Аристотелю приходилось иногда помещать в свои схемы нереальные случаи, то он, во-первых, ненадолго на них останавливался; во-вторых, немедленно же предупреждал, что отмеченный им случай не имеет никакого значения. Так, классифицируя разные случаи отношения всей совокупности граждан к государственным делам, он предусматривает три мыслимых случая: граждане причастны либо ко всем делам, либо ни к каким, либо причастны к одним и не причастны к другим (II, 1, 2, 1260b, 37 sqq.). Однако здесь же он замечает, что непричастность ни к каким делам есть нечто явно невозможное — *τὸ μὲν οὖν μηδενὸς κοινῶν εἶναι φανερὸν ὡς ἀδύνατον*, тем самым сразу же отмечая этот воображаемый случай. Совсем иного характера длинное рассуждение Аристотеля о пятом виде царской власти.

Если бы кто-нибудь пожелал вспомнить, что Аристотель в своем историческом наброске смены форм правления в греческих государствах начинает с царской власти, установившейся в силу того, что один человек заметно отличался от других своей добродетелью (III, 10, 7, 1286b, 8 sqq.), и отождествил с этой ранней монархией пятый вид царской власти, то такое предположение можно было бы легко опровергнуть, так как ранняя монархия нашла уже свое место в четвертом пункте аристотелевской схемы. В прошлом, таким образом, искать пятый вид царской власти не приходится. Этот не локализованный самим Аристотелем ни во времени, ни в пространстве вид монархии находится, по-видимому, где-то близко. Настойчивая защита прав обладателя выдающейся добродетели, далеко оставляющей позади добродетель прочих, известным образом направляет наши подозрения. Угодобление

обладателя исключительной доблести божеству (вспомним: здесь единственное число, а не множественное, хотя контекст говорит не только об одном возможном носителе высшей добродетели) заставляет вспомнить о претензиях Александра на божественное происхождение и о требовании к грекам признать его сыном бога Аммона.¹⁶

Неупоминание имени Александра могло дезориентировать мысль учеников Ликейя не в большей степени, чем брошенные как бы мимоходом слова об «одном муже» в разобранном в предыдущей главе месте из IV книги. Правда, в интересующем нас сейчас месте Аристотель упоминает о полисе и гражданах — *δοκεῖ δὲ τισὶν οὐδὲ κατὰ φύσιν εἶναι τὸ κύριον ἓνα πάντων εἶναι τῶν πολιτῶν, ὅπου συνέστηκεν ἕξ ὁμοίων ἢ πόλις* (11, 2, 1287a, 10 sqq.). Однако замечательно, что слова «полис» и «граждане» встречаются в передаче чужого мнения: некоторые возражают против единовластия в полисе, состоящем из одинаковых. В рассуждениях самого Аристотеля мы таких слов не встретим. Если один раз слово *πολιται* и употреблено Аристотелем, то в особом широком смысле — «сограждане», принадлежащие к одному и тому же государству, не обязательно греческому полису. Сказав о спартанской царской власти, являющейся наследственной стратегией, Аристотель переходит к царям у негреческих племен (9, 3, 1285a, 14 sqq.). Эти цари обладают тиранической властью, но властью исконной и законной, а потому и прочной. От тиранов они отличаются еще тем, что у последних охрана тираническая, а у них царская. Царя охраняют своим оружием сограждане, а тирана наемники; цари имеют охрану от граждан, а тираны — против граждан (9, 4, 1285a, 25 sqq.). Аристотель думает здесь не о гражданах греческого полиса, а о «согражданах» царя в негреческом государстве, в сущности о подданных.

Итак, муж, выделяющийся своей добродетелью, не обязательно связан с полисом, подобно тому как не все виды монархии, рассматриваемые Аристотелем, мыслятся как существующие в пределах полиса. Включив в свою классификацию царскую власть у негреческих племен и пользуясь примерами из истории Египта, Персии, Фракии (см. V книгу), Аристотель тем самым говорит нам, что, рассуждая о монархии, он не всегда думал о греческом полисе.

Все высказанные нами выше соображения могут претендовать на основательность только в том случае, если бы удалось доказать, что Аристотель писал или по крайней мере продолжал писать свою Политику уже в правление Александра, т. е. после смерти Филиппа (336 г.).

По вопросу о хронологии Политики Аристотеля существует два мнения. Одни доказывают сравнительно раннее происхождение этого произведения, основываясь главным образом на тесной связи между Политикой и Этикой (Никомаховой), которую они

причисляют к сравнительно ранним произведениям философа. Другие считают и Этику и Политику написанными позднее, после 335 г., т. е. в то время, когда автор уже руководил собственной школой в Афинах; в этом их убеждает и то обстоятельство, что Этика имеет в виду не читателей, а слушателей.

Важнейшей и единственной прочной опорой для суждения о времени работы Аристотеля над Политикой является показание о гибели Филиппа Македонского от руки Павсания: покушение на жизнь Филиппа со стороны Павсания произошло из-за того, что тот оставил безнаказанным поругание, которому подвергся Павсаний со стороны Аттала и его друзей — ἡ δὲ Φιλίππου ὑπὸ Παυσανίου (scil. ἐπίθεσις) διὰ τὸ ἕῃσαι ὕβρισθῆναι αὐτὸν ὑπὸ τῶν περὶ Ἀττάλον (V, 8, 1311b, 1 sqq.). Для сторонников мнения о раннем происхождении Политики эти слова являются позднейшей вставкой; для тех, кто придерживается противоположного мнения, они служат доказательством того, что Политикой Аристотель занимался уже после смерти Филиппа.¹⁷

Наиболее осторожной (применительно к поставленному нами вопросу) формулировкой будет, пожалуй, такая: в правление Александра Аристотель начал или продолжал работать над своей Политикой; если некоторые части ее были написаны ранее, то и они могли дополняться, изменяться, исправляться. Некоторая неслаженность общей композиции, невыполненные обещания, повторения свидетельствуют не только о незаконченности произведения, но и о длительной (возможно с перерывами) работе над ним. Иначе говоря, ничто не мешает нам считать, что не все части Политики были закончены к году смерти Филиппа и, следовательно, к тому времени, когда Александр начал свои завоевания в Азии.

Были попытки так или иначе определить тот terminus post quem поп, который дал бы нижнюю хронологическую границу для написания Политики. Эти попытки не дали убедительных результатов. Нам говорят, что Аристотель, упоминая об огромных размерах Вавилона и ссылаясь на имевшиеся в литературе показания (φασιν), будто о взятии города врагами в одном его районе еще через три дня ничего не знали (III, 1, 12, 1276a, 27 sqq.), сам ничего не знал о взятии Вавилона Александром (331 г.).¹⁸ Аристотель несомненно имел в виду взятие Вавилона Киром, когда, по показанию Геродота (1, 191), ссылающегося при этом на сообщения жителей города, жители центральной части последнего, не зная о том, что окраины уже взяты персами, справляли празднество (полного совпадения между сообщениями Геродота и Аристотеля нет; первый, впрочем, не только говорит о больших размерах города, но и дает цифровые определения — I, 178). Совершенно ясно, что Аристотель, нуждаясь в примере исключительно обширного города, вспомнил чей-то рассказ, скорее всего Геродота, и дал его в виде сжатой справки. Почему он при

этом должен был обнаружить свое знакомство с фактом взятия Вавилона Александром, если с этим фактом не были связаны какие-либо детали, которые могли бы быть использованы в данном месте Политики? Во всяком случае наши источники таких деталей не содержат: Арриан (III, 163—164) просто сообщает, что Александр из Арбел направился в Вавилон, население которого с дарами вышло ему навстречу. Такой же рассказ, но расцвеченный красочными подробностями и данными о размерах Вавилона, находим и у Курция Руфа (V, 1, 17—35). Все это могло быть в той или иной степени известным Аристотелю, но он предпочел более эффектное, более нужное ему в данном месте предание об обитателях колоссального города, не подозревавших о том, что враги уже вторглись в город. Не исключена и возможность того, что в Греции могли узнать о факте занятия города без каких-либо подробностей. Позволительно вообще усомниться в вескости довода об отсутствии упоминаний обо всем том, что касается похода Александра на Восток. Осторожность могла подсказать Аристотелю необходимость не касаться всего того, что способно было вызвать неудовольствие в Афинах (смерть Филиппа, разумеется, к числу таких событий не принадлежала).

Более пристального внимания заслуживает другое наблюдение. Географическая изолированность Крита дает ему возможность, согласно Аристотелю, избежать губительных последствий неустойчивого внутреннего положения и нерациональных порядков. Лишь недавно, как отмечает Аристотель, имело место перенесение чужеземцами военных действий на остров, причём обнаружилась слабость тамошних законов — *νεωστὶ τε πόλεμος ξενικὸς διαβέβηκεν εἰς τὴν νῆσον, ὃς πεποίηκε φανερὰν τὴν ἀσθένειαν τῶν ἐκεῖ νόμων* (II, 7, 8, 1272b, 20 sqq.). Есть две возможности толкования этого места. Под недавней войной, перенесенной на Крит,¹⁹ можно понимать либо вторжение Фалека и его наемников в 345 г. (Фалек пал при осаде Кидонии в 343 г.),²⁰ либо действия на Крите Агесилая, брата спартанского царя Агиса III, в 333 г.²¹ Первая дата, предшествующая дате смерти Филиппа, сама по себе ничего не дает; вторая давала бы нам в руки лишнее ощутимое доказательство более позднего происхождения по крайней мере еще одной части Политики. В сущности, оба объяснения являются правдоподобными. Однако приходится считаться с одним доводом сторонников более ранней даты. Если бы Аристотель знал о двух вторжениях на Крит, он говорил бы не об одной, а о двух войнах; раз он говорит только об одной, значит второй войны еще не было. Не признавая этот довод решающим (ведь Аристотель мог говорить именно о последней войне, как более памятной), все же согласимся, что он не позволяет настаивать на 333 г. Однако остается возможным широко датировать место Политики — от 345 до 334 г.; значение наречия *νεωστὶ*, разумеется, не обязывает нас предпочесть года, близкие к 345 г.

Нельзя делать какие-либо выводы о времени написания всей Политики или ее частей на том основании, что в ней нигде не упоминается о разрушении Фив Александром в 335 г. Такое умолчание имело бы доказательную силу только в том случае, если бы где-нибудь прямо говорилось о Фивах как о еще существующем государстве. Между тем если оставить в стороне упоминание о более древней истории Фив (законодатель Филолай из Коринфа — II, 9, 6, 1274a, 31 sqq.), то мы встречаем в Политике следующие исторические примеры: раздоры среди олигархов, вызванные позорным наказанием, наложенным олигархами на одного из членов олигархии, уличенного в прелюбодеянии (V, 5, 10, 1306a, 38 sqq.);²² битва при Энофитах (456 г. — V, 2, 6, 1302b, 29 sq.); вторжение фиванцев в Лаконию (362 г. — II, 6, 7, 1269b, 37 sqq.); кроме того, упоминается действовавший при олигархии закон (III, 3, 4, 1278a, 25 sqq.; VI, 4, 5, 1321a, 28 sq.). Аристотелю нужны были некоторые факты из истории Фиванского государства; форма ссылки на эти факты могла быть одной и той же как до, так и после разрушения Фив.²³

Также и сообщения о Персии даются в такой форме, какая была уместна как до похода Александра на Восток, так и во время этого похода и даже после покорения Персии. Персидский царь часто сокрушал (ἐπέκοπτε) своих наиболее опасных подданных — мидян, вавилонян и других (III, 8, 4, 1284a, 41 sqq.). Приемы, применявшиеся греческими тиранами, характерны и для персидской власти (V, 9, 2, 1313a, 38 sq.; 9, 3, 1313b, 9 sq.). У народов, способных расширять свою власть за счет других народов, почитается именно такого рода сила (т. е. сила, проявляющаяся в порабощении и ущемлении других народов) — у скифов, персов, фракийцев, кельтов (VII, 2, 5, 1324b, 9 sqq.).²⁴

Как видим, попытки найти зацепки для обоснования ранней хронологии не удались. С другой стороны, бесспорных доказательств для поздней хронологии мы также не найдем.²⁵ Отсутствие у Аристотеля указания, что смерть Филиппа — событие недавнее, нельзя считать серьезным доводом в пользу мнения о позднем происхождении Политики или соответствующей ее части.

Можно было бы обратить внимание на другое место Политики. Обсуждая вопрос об обучении музыке, Аристотель спрашивает, не следует ли гражданину наслаждаться музыкой в чужом исполнении, не учась ей самому, т. е. уподобиться персидским и мидийским царям (VIII, 4, 5, 1339a, 34 sqq.). На одну доску поставлены давно исчезнувшие мидийские цари и цари персидские, и это как-будто говорит о том, что и вторые рассматриваются как относящиеся к прошлому. Пример этот мы приводим, впрочем, только для того, чтобы показать, что при желании можно было бы использовать некоторые места Политики для подкрепления тезиса о ее позднем происхождении.

Оставаясь на высказанной выше точке зрения, еще раз констатируем: нет никакого основания говорить о прекращении Аристотелем работы над Политикой к концу правления Филиппа или к началу похода Александра на Восток. Значит, со стороны хронологии предложенные в предыдущей и настоящей главах положения не представляют собой чего-либо а *limine* неприемлемого.

Иногда указывают на то, что личные отношения между Аристотелем и Александром должны были испортиться после расправы царя с племянником и учеником Аристотеля Каллисфеном.²⁶ Вообще, как полагают некоторые, и это обстоятельство, и наблюдения Аристотеля над характером Александра не позволяют думать, чтобы рассуждения философа об идеальном монархе могли относиться к македонскому царю. Однако мы ничего не знаем о каком бы то ни было разрыве между Аристотелем и его бывшим воспитанником. Сторонником македонской ориентации и другом Антипатра, оставленного Александром в Европе в качестве наместника Македонии, Аристотель во всяком случае был до конца своей жизни. Афиняне, найдя предлог для привлечения Аристотеля к суду, прекрасно знали, что они делали: глава Ликея, слишком тесно связанный с Македонией, не мог и не должен был жить и учить в Афинах, поднявшихся против македонских завоевателей.

Личные отношения с Александром (допустим возможность охлаждения их после 327 г.) столь же мало должны были влиять на принципиальные точки зрения Аристотеля, как мало его восхищение личностью Платона влияло на его критическую позицию по отношению к философии последнего.²⁷ Таким же образом Аристотель не распространял своей антипатии к политической деятельности Демосфена на его красноречие. В Реторике он не только берет примеры из речей Демосфена (II, 23, 1397b, 7 sqq.; III, 4, 1407a, 5 sq.), но в одном случае прямо становится на сторону великого оратора против его политического противника: в качестве примера ошибки *post hoc, ergo propter hoc*, которую, по словам Аристотеля, особенно часто допускают политические деятели, приводится упрек, брошенный Демосфену Демадом, считавшим политическую деятельность Демосфена причиной всех бед только на том основании, что за ней последовала война (II, 24, 1401b, 31 sqq.).²⁸ В этой связи не будет неуместным вспомнить, что поборник рабовладельческого общества проявил в своем завещании заботливость о судьбе своих рабов.²⁹

Справедливо ли думать об Аристотеле, что он односторонне видел настоящее и не смотрел в будущее, что взор его обращен главным образом назад, к невозвратному прошлому, ко времени самостоятельных полисов? Действительно ли он не видел возникшей на его глазах мировой державы Александра, из которой предстояло родиться эллинистическим монархиям — главной по-

литической форме ближайшего будущего?³⁰ Аристотель действительно оперирует преимущественно понятием полиса, он занят изучением разновидностей полиса и его судьбами. Однако пристальное изучение прошлого и настоящего не мешает Аристотелю ставить перед собой и вопрос о будущем полиса. Будущее — он отдает себе в этом ясный отчет — не будет похоже на прошлое и настоящее. Расширяющаяся на Восток Македонская держава была слишком очевидным фактом, чтобы политический мыслитель мог не принимать ее во внимание. Эта держава давила на греческие полисы в Европе, под ее власть попали греческие полисы в Азии, в рамках ее и по ее же инициативе возникали новые полисы. Новое положение дел вызывало у автора Политики определенные надежды. Мир старых греческих полисов должен был получить от нового вершителя судеб то наилучшее устройство, которое, в представлении Аристотеля, подходило для любого полиса, — правление «средних». Новооснованным полисам, думал Аристотель, была полная возможность дать наилучшее в абсолютном смысле социальное и политическое устройство. Политические идеалы Аристотеля, формировавшиеся отчасти под влиянием идеалов Платона, хотя во многом отклонявшиеся от последних, связанные с этическими воззрениями, изложенными в Никомаховой Этике и других этических произведениях Аристотеля, получили более конкретные очертания, надо думать, тогда, когда на Востоке начали возникать новые полисы, условия существования которых позволяли увидеть в них зародыши идеальных городов-государств. Аристотель не вдается в детали при изображении своего идеального строя. Он, как это часто отмечают, не успел закончить свою работу. С этим нельзя не согласиться. Но только ли в этом дело? Совместимо ли было с реалистическим мышлением Аристотеля теоретическое построение, рассчитанное на практическое осуществление и в то же время продуманное до мелких и мельчайших подробностей? В VII книге Политики встречаем такое высказывание Аристотеля: «Не следует искать одинаковой точности в словесных построениях и в делах, доступных чувственному восприятию» — οὐ γὰρ τὴν αὐτὴν ἀκρίβειαν δεῖ ζητεῖν διὰ τε τῶν λόγων καὶ τῶν γιγνομένων διὰ τῆς αἰσθησεως (6, 4, 1328a, 19 sq.; cf. 11, 4, 1331b, 22 sq.). Не заключается ли в этих словах признание в том, что политические идеалы Аристотеля начали получать более определенные очертания уже в то время, когда его ученик закладывал основы новых порядков на Востоке?

Подобно своему современнику Демосфену, Аристотель в течение всей своей жизни оставался поборником рабовладельческого полиса. Оба они боролись за интересы последнего, но каждый по-своему. Гражданин Афин, в свое время представлявший собой крупную державу и с трудом привыкавших к новому положению, Демосфен пытался противопоставить победоносному настоящему

обреченное прошлое. Не связанный с Афинами ни кровно, ни политически, гражданин незначительной Стагиры и тем самым представитель гражданства многочисленных второстепенных и третьестепенных греческих полисов, свидетель всех неудач афиской политики, Аристотель думал не о борьбе полисов с Македонией, а о расширении сети полисов в пределах Македонской державы и при ее помощи. Македонскому государству он предназначал важную роль не только в распространении полисной формы политического бытия, но и в усовершенствовании этой формы как в старом греческом мире, так и в новом. Таким образом, Македония как гегемон греческого мира была способна дать последнему то, чего не дали ему прежние гегемоны — Спарта и Афины.³¹

Было ли в представлении Аристотеля соединение Македонии с греками господством первой над вторыми? Заключая с греческими государствами договор, Филипп, а затем и Александр вовсе не называли греков своими подданными. И отец и сын официально становились командующими общим войском македонян и греков в их войне против персов. В их внутренние дела, по строгому смыслу Коринфского договора, македонский царь не должен был вмешиваться. Александр подчеркивал участие греков в его военных подвигах, причем в качестве представителя Македонии называл одного себя, а рядом со своим именем называл греков. По рассказам Арриана (I, 16, 7), он после битвы при Гранике отправил в Афины в качестве посвященного дара Афини Полиаде триста полных персидских вооружений с надписью: «Александр, сын Филиппа, и [все] эллины, кроме лакедемонян [посвящают, победив] варваров, обитающих в Азии». Греческих наемников, сражавшихся в этой битве на стороне персов и попавших к нему в плен, он, по свидетельству того же Арриана (I, 16, 6), заключил в оковы и послал на принудительные работы в Македонию за то, что они, будучи греками, вопреки общему постановлению греков стояли на стороне врага. Поход на Восток Александр осознавал как общее предприятие македонян (что для него означало — свое собственное) и всех греков. Тем самым в какой-то степени и в какой-то форме осуществлялось объединение греков в тесном контакте с Македонией и ее царем.

Мы знаем из Плутарха, что Аристотель советовал Александру обращаться с греками как предводитель, а с «варварами» как господин; о первых заботиться как о друзьях и близких, а ко вторым относиться как к скоту или растениям (Plut. De Alexandri Magni fortuna aut virtute 1, 6).³² Эти советы в своей второй части не оказывали воздействия на македонского завоевателя, но для нас здесь важно другое — в Александре, впитавшем в себя греческую культуру, Аристотель видел предводителя греков, их друга и близкого им человека. Плутарх, передавая советы Аристотеля, употребил выражение τὸς μὲν Ἑλλήσιν ἡγεμονικῶς... χρώμενος, а Аристотель в Политике

(по нашему толкованию) причисляет Александра к тем, кто главенствовал в Греции — ἐφ' ἡγεμονία γενομένων (IV, 9, 12, 1296a, 39).

В связи со всем изложенным попытаемся дать интерпретацию одного места Политики, уже давно обратившего на себя внимание тех, кто ею занимался. Отметив благоприятное соединение у греческого племени (τὸ τῶν Ἑλλήνων γένος) мужества с высокими интеллектуальными качествами, Аристотель продолжает: «Поэтому оно пребывает свободным и превосходно управляемым и способно властвовать над всеми, если бы получило единый государственный строй» — διόπερ ἐλευθέρων τε διατελεῖ (scil. τὸ τῶν Ἑλλήνων γένος) καὶ βέλτιστα πολιτευόμενον³³ καὶ δυνάμενον ἄρχειν πάντων, μιᾶς τυγχάνον πολιτείας (VII, 6, 1, 1327b, 31 sqq.). Как понимать эти слова Аристотеля? Выражается ли в них какой-то весьма неопределенный идеал, далекий от исторической действительности и отнюдь не ясный самому автору Политики? Если отказаться от примешивания к высказываниям Аристотеля каких бы то ни было элементов политических мечтаний, не имеющих никаких корней в реальной действительности, то, может быть, наиболее естественным было бы следующее объяснение. Говоря о наилучшем строе у греков (по сравнению с другими народами), Аристотель имеет в виду, разумеется, полисную организацию. Следовательно, никакого отказа от нее в словах Аристотеля усмотреть нельзя. Тот единственный строй, о котором говорит Аристотель, не может быть объединением, разрушающим полисную систему и тем самым отменяющим все, о чем пишет Аристотель в Политике. Речь идет об объединении на основе полисной системы. Таким объединением могло быть только то, что Аристотель имел перед своими глазами — союз греческих государств под эгидой Македонии.³⁴ Целью этого объединения была война против Персии, которая в конечном счете должна была привести (а, возможно, к моменту написания VII книги Политики уже привела или начинала приводить) к господству македонского царя, а вместе с ним (по крайней мере в сознании Аристотеля) эллинского мира над миром «варварским».

Подводя итоги сказанному в настоящей и предыдущей главах, констатируем, что, по мнению Аристотеля, внутреннее развитие греческих государств, пока они были предоставлены самим себе, не дало хороших результатов. Воздействие главенствующих государств — Спарты и Афин — выражалось в том, что они повсюду стремились вводить те формы правления, какие Аристотель не соглашается признать правильными.

Естественно поставить вопрос об отражении этого взгляда Аристотеля в его Политиках. Подробное рассмотрение в каждой из них истории государственного строя соответствующего полиса не могло представлять собой бесстрастное и лишенное направ-

ленности перечисление фактов, относящихся к внутренней истории полиса. В основе изложения должна была лежать определенная идея. Выяснению этой идеи посвящен II отдел настоящей работы.

В последней главе I отдела рассматривается вопрос о тексте Политики. От той или иной позиции в этом вопросе зависит не только тот или иной характер ссылок (порядок книг!), но и признание правомерности или неправомерности использования ряда мест трактата, атэтируемых в некоторых изданиях как интерполяции. Вопрос о тексте Политики не может быть обойден молчанием.

ГЛАВА 4

ТЕКСТ ПОЛИТИКИ АРИСТОТЕЛЯ

Рукописная традиция Политики Аристотеля вызывала в течение долгого времени нарекания у филологов в двух отношениях: 1) порядок книг в имеющихся рукописях считался не соответствующим первоначальному; 2) текст признавался в высшей степени несовершенным, требующим основательной эмендации.

Ярче всего этот критический (в сущности гиперкритический) подход к рукописям Политики отразился в изданиях Зуземиля. Издатель переставил книги Политики, дав им порядок в соответствии со своим и своих предшественников взглядами на композицию всего произведения. Ряд мест он заключил в квадратные скобки, объявляя их интерполяциями. В некоторых случаях он прибегал к смелому приему перестановок в тексте для восстановления, как ему казалось, связи мыслей самого автора, нарушенной античными редакторами или позднейшими переписчиками.

Полученный в результате такой работы текст, сильно отличающийся от рукописного, тем не менее не достигал той стройности и логичности, ради которых издатель предпринял свой нелегкий труд исправления традиционного текста. При толковании Политики пришлось прибегать к ссылкам на незаконченность ее, т. е. признать, что сам автор оставил свое произведение незавершенным, иначе говоря, лишенным тех свойств, какие обязательно хотел ввести в него ученый издатель.¹

Ставя здесь вопрос о тексте Политики, мы имеем в виду не все аспекты этого вопроса, а только тот, о котором речь шла в самом конце предыдущей главы и сущность которого сводится к признанию или непризнанию автентичности имеющегося у нас текста политического трактата Аристотеля.

Вне поля нашего зрения остается проблема творческой истории Политики, поскольку эта проблема не связана с интересующим нас вопросом. Разумеется, в какой-то мере такая связь существует и в такой именно мере заниматься вопросом о сохран-

ности текста Политики, о соответствии его тому, что написал Аристотель, значит давать некоторый материал тем, кто пытается исследовать историю создания Политики. Однако такого рода исследование само по себе не входит в нашу задачу.

Каков бы ни был порядок обдумывания или написания отдельных книг Политики, последняя в незаконченном виде и еще не опубликованная попала к ученику Аристотеля Феофрасту. Дальнейшая судьба подлинной рукописи Аристотеля известна благодаря сообщениям Страбона (XIII, 1, 54), против достоверности которых не было выдвинуто каких-либо убедительных доводов; наследие Аристотеля попало после Феофраста вместе с библиотекой последнего в 287 г. в руки его ученика Нелея из Скепсиса, который перевез аристотелевские подлинники в свой родной город Скепсис (в геллеспонтской Фригии). Наследники Нелея хранили свою драгоценную собственность в подвале, скрывая ее от пергамских царей, агенты которых энергично отыскивали книги для пополнения Пергамской библиотеки. В последней трети II в. до н. э. все собрание рукописей, находившееся в подвале в Скепсисе, сильно пострадавшее от сырости и насекомых, было продано проживавшему в Афинах богатому дилетанту и библиофилу Апелликону Теосскому. Появление в Афинах подлинных рукописей Аристотеля повысило интерес к самим произведениям и лишило значения те копии, какими пользовались в течение долгого времени руководители и ученики Ликеея (ведь нельзя себе представить, чтобы там вовсе не было ни в каком виде произведений основателя школы). Первое несовершенное издание произведений Аристотеля было дано Апелликоном в 86 г. до н. э. После занятия Афин войсками Суллы библиотека Апелликона была перевезена в Рим, где она была приведена в порядок греческим грамматиком Тираннионом, состоявшим в дружеских отношениях с Цицероном. Копии трудов Аристотеля получил от Тиранниона Андроник Родосский. Этим двум ученым и принадлежали новые, исправные издания произведений Аристотеля. От этих изданий и происходят в конечном счете имеющиеся в нашем распоряжении рукописи.²

Прежде чем обратиться к двум поставленным в начале настоящей главы вопросам, отметим, что победа критического направления, памятниками которой являются издания Зуземиля (а в значительной мере и издание Ньюмэна), не была ни легкой, ни полной; противная сторона боролась долго и упорно и не сложила оружия даже тогда, когда капитальные издания Политики, казалось, самым фактом своего существования делали бесполезным дальнейшее сопротивление. В конечном счете именно эти издания позволили филологам воочию убедиться в тщетности проделанной работы и рискованности той методики, какую применяли издатели. Следствием этого разочарования было постепенное возвращение на консервативные (в филологическом смысле) позиции.

Иммиш в своем первом же издании Политики, называя себя продолжателем Зуземиля, отказывается как от перестановки книг Политики, так и от перестановок отдельных небольших частей текста. Античным издателям Аристотеля он все же приписывает некоторые вставки в текст Политики. Однако дело на этом не остановилось. Полная реабилитация рукописного предания (не только Политики, но и других произведений Аристотеля) нашла свое выражение в тезисе, выдвинутом Гольке, о том, что рукописи дают нам произведения Аристотеля в том виде, в каком оставил их сам автор; в них нет ни одной неаристотелевской мысли, ни одного добавления, сделанного чужой рукой (пиэтет к словам Аристотеля должен был удерживать античных издателей от всяких добавлений к тому, что было им написано).

С начала двадцатого столетия стал пробивать себе дорогу трезвый взгляд на рукописную традицию литературного наследия Аристотеля: рукописи не искажают текста, а, наоборот, сохраняют его в его исконном виде. Этот взгляд имеет теперь все шансы восторжествовать над противоположным.³ Соображения, высказываемые в этой главе, пусть будут нашим скромным вкладом в общую работу по восстановлению здравых взглядов на состояние текста Политики Аристотеля.

В основе всякой работы, относящейся к области критики текста, должны лежать следующие положения, в последнее время всеми признаваемые и едва ли допускающие какое-либо возражение.

1. Рукописный текст есть то, из чего следует исходить; *onus probandi* лежит не на том, кто доверяет рукописной традиции, а на том, кто вступает с ней в борьбу.

2. Предварительным условием для отказа от доверия к рукописному порядку больших или меньших частей текста, к подлинности отдельных мест, к правильности отдельных чтений должно быть ясное и неопровержимое доказательство неправильности, невозможности или нелепости того, что дают рукописи.

3. Объявляя что-либо в рукописном предании ошибочным (какого бы порядка эта ошибка ни была), мы обязаны объяснить, каким образом из предполагаемого нами правильного порядка или чтения могло возникнуть неправильное или с какой целью в текст сделаны вставки.

Применительно к Политике Аристотеля требуется выяснить, если начать с вопроса о порядке книг, действительно ли имеются основания считать, что первоначально в рукописи самого Аристотеля книги шли в порядке I, II, III, VII, VIII, IV, VI, V и что нет возможности оправдать традиционный их порядок.

Сторонники перестановки находят, что книги VII—VIII, содержащие описание наилучшего государственного строя, должны были у Аристотеля следовать непосредственно за книгой III и предшествовать книге IV, и думают найти опору для своего мнe-

ния в словах самого Аристотеля в книгах III и IV. Предпоследняя фраза книги III указывает на то, что автор считает своевременным приступить к рассуждению о наилучшем строе, каким образом он в соответствии со своей природой возникает и как организуется — *περὶ τῆς πολιτείας ἤδη πειρατέον λέγειν τῆς ἀρίστης, τίνα πέφυκε γίγνεσθαι τρόπον καὶ καθίστασθαι πῶς* (III, 12, 2, 1288b, 3 sq.).⁴ После этого ожидалось бы описание того строя, которое дано в последних двух книгах Политики. Книга IV такого описания не содержит. В начале ее говорится об обязанности авторов, пишущих на тему о политике, заниматься вопросами об абсолютно совершенном государственном строе — *τὴν ἀρίστην* (scil. *πολιτείαν*) *θεωρεῖσαι τίς ἐστὶ* (IV, 1, 2, 1288b, 22 sq.), о наилучшем подходе для каждого отдельного государства строе, о наилучшем виде всякого существующего строя, о подходящем для любого государственного строя. Авторы книг по вопросам политики Аристотель упрекает в том, что они пренебрегают полезным — *τῶν γε χρησίμων διαμαρτάνουσιν*. Ведь следует заниматься рассмотрением не только наилучшего строя — *οὐ γὰρ μόνον τὴν ἀρίστην* (scil. *πολιτείαν*) *δεῖ θεωρεῖν* (IV, 1, 3, 1288b, 37), но и строя возможного, а также того, который легче ввести как общий для всех государств (далее о необходимости внимательно изучать ныне действующие конституции). Полагают, что из приведенных мест будто бы следует, что наилучший государственный строй был описан Аристотелем в Политике ранее, чем он начал писать IV книгу, и в этом усматривали еще одно доказательство необходимости перестановки книг VII—VIII, которые будто бы в начальной главе книги IV предполагаются уже готовыми.

Получается очень странный вывод относительно работы античных издателей Политики Аристотеля. Центральная часть этого произведения имела в высшей степени ясный план: сначала (конец III книги) автор говорил о своем намерении дать описание идеального строя, затем исполнял это свое намерение (VII—VIII книги), наконец констатировал исполнение намерения (начало IV книги). Античный издатель проявляет неуместную инициативу только для того, чтобы нарушить стройный план автора, внести беспорядок в изложение, не нуждавшееся ни в каких поправках, и вдобавок ко всему прочему оставить в тексте слова автора, явно уличающие издателя в самоуправстве. Не подсказывает ли нам такая *reductio ad absurdum*, что здесь необходимо пойти другим путем и попытаться извлечь указания о плане работы Аристотеля из того текста, который у нас перед глазами. Возможность объяснения имеющегося порядка книг (главным образом помещения книг VII—VIII в самом конце) позволит отказать не только от предположения о сознательном вмешательстве первого издателя, но и от допущения каких бы то ни было случайностей в процесс дальнейшего переписывания, приведших к нарушению первоначального порядка книг.

Начиная II книгу Политики, Аристотель говорит о поставленной им перед собой задаче рассмотреть наилучшее из всех государственное объединение — для тех, кто способен жить в наибольшем соответствии с самыми высокими пожеланиями. Предварительно, однако, следует, по его мнению, заняться теми конституциями, по которым управляются полисы, чьи законы считаются хорошими, а также предложенные теоретиками проекты наилучших государственных устройств — Ἐπεὶ δὲ προαιρούμεθα θεωρεῖσθαι περὶ τῆς κοινωνίας τῆς πολιτικῆς, τίς κρατίστη πασῶν τοῖς δυναμένοις ζῆν ὅτι μάλιστα κατ' εὐχὴν, δεῖ καὶ τὰς ἄλλας ἐπισκέψασθαι πολιτείας, αἷς τε χρῶνται τινες τῶν πόλεων τῶν εὐνομεῖσθαι λεγόμενων, ἄν εἴ τινες ἕτεροι τυγχάνουσιν ὑπὸ τινῶν εἰρημέναι καὶ δοκοῦσαι καλῶς ἔχειν (о том же предупреждает Аристотель и в самом конце книги). Аристотель добавляет к этому и обоснование: все это нужно для того, чтобы увидеть, что правильно и полезно; кроме того, благодаря этому станет ясно, что предпринятое им дело не является праздным умствованием, оно необходимо, так как имеющиеся и предложенные конституции, пользующиеся славой совершенных, в действительности совершенными не оказываются. Таким образом, поставив себе задачу исследования наилучшего государственного строя, Аристотель задерживается на связанном с этой задачей вопросе о несовершенстве существующих конституций и предложенных разными авторами проектах конституций. Рассмотрение такого материала представляется подготовкой к собственному построению Аристотеля, но в то же время продолжительной остановкой на пути к этому построению.

Такой же подготовкой и такой же остановкой является и вся книга III. Закончив обзор реальных и проектируемых государственных устройств, имевших репутацию совершенных, и отметив в конце II книги окончание этого обзора, Аристотель обращается к выяснению понятий полиса, гражданина, добродетели человеческой и гражданской, также понятий государственного устройства вообще и его разновидностей и т. д.; в частности, встречаем здесь, в конце книги, рассуждение об обладателе особенной добродетели, далеко превосходящей добродетель всех прочих граждан, т. е. о человеке, который достоин быть неограниченным царем, — фигура, для которой Аристотель не нашел места в своем проекте идеального государственного строя.

Как во II, так и в III книгах автор время от времени напоминает читателю (слушателю) об основной теме Политики — о наилучшем государственном строе. Все рассматриваемые во II книге конституции оцениваются с точки зрения требований, предъявляемых Аристотелем к идеальному государственному строю. Проект Платона в «Государстве» оказывается неприемлемым. Проект, изложенный в «Законах», считается наиболее подходящим для всех, но не наилучшим после первого (II, 3, 9, 1265b, 29 sqq.).

Отмечается, что некоторые признают смешанное государственное устройство наилучшим, но осуждается предложенное в «Законах» Платона смешение демократии и тирании (3, 10, 1265b, 33 sqq.). Как первый критерий для оценки существующих государственных устройств прямо выставляется соответствие или несоответствие качествам наилучшего устройства (6, 1, 1269a, 29 sqq.). В книге III сказано, что наилучшее государство не сделает ремесленника гражданином (3, 2, 1278a, 8). Дается общее определение гражданина — тот, кто участвует в управлении и в повиновении; для каждого государственного устройства определение гражданина будет разное, причем для наилучшего устройства гражданин определяется как тот, кто может сознательно властвовать и быть подвластным в целях устройства сообразной с добродетелью жизни (7, 13, 1283b, 42 sqq.). Обсуждается вопрос о положении в наилучшем строе человека, превосходящего всех своей добродетелью (8, 7, 1284b, 25 sqq.). Соблюдение буквы закона, по мнению Аристотеля, не делает государственный строй наилучшим (10, 4, 1286a, 14 sqq.). Сюда же отнесем и взвешивание шансов аристократии и монархии на право называться наилучшим строем (10, 6, 1286a, 38 sqq.). В конце III книги Аристотель, как мы видели, еще раз напоминает о задаче исследования вопроса о наилучшем государственном устройстве.

Два раза мы наблюдаем манеру Аристотеля отдалять решение поставленной задачи — построение наилучшего государственного строя — путем выдвижения других вопросов, так или иначе связанных с этой задачей. Будем ли мы удивлены, если встретимся с этой манерой в третий раз? В конце III книги автор говорит о предстоящем опыте построения наилучшего строя. Книга IV начинается с положения, что во всех искусствах и науках, если они не относятся к какой-либо отдельной стороне предмета, а охватывают его со всех сторон, необходимо заниматься рассмотрением того, что подходит для каждого предмета. Дальше конкретный пример — гимнастика. Она задается вопросом — какое упражнение подходит для какого тела и какое упражнение является наилучшим (ведь для превосходно сложенного тела при соответствующих внешних условиях обязательно подходит наилучшее упражнение), какое подходит для большинства — одно для всех; и если кто-либо не стремится достигнуть доступного ему физического развития и осведомленности в том, что имеет отношение к состязаниям, то и в этом случае делом педотриба и учителя гимнастики остается обеспечить ему возможное развитие. Так же обстоит дело и с медициной, кораблестроением, изготовлением одежды и всяким другим искусством. Отсюда переход к политической науке.

В задачу авторов политических сочинений входит, по Аристотелю, исследование ряда вопросов: о безоговорочно наилучшем государственном строе; о наилучшем строе, подходящем для

каждого отдельного случая; о наилучшей организации каждого из реально существующих устройств; о наилучшем подходящем для всех устройстве. Итак, Аристотель еще раз напоминает нам об абсолютно совершенном строе. Форма, в какой делается это напоминание — πολιτείαν τῆς αὐτῆς ἐστὶν ἐπιστήμης τὴν ἀρίστην θεωρεῖν etc. (IV, 1, 2, 1288b, 21 sqq.) и ниже — οὐ γὰρ μόνον τὴν ἀρίστην δεῖ θεωρεῖν (1, 3, 1288b, 37), вовсе не означает, что наилучший строй уже рассмотрен выше. Программа подлежащих рассмотрению в первую очередь вопросов повторяет перечень тех вопросов, которыми должны заниматься политические писатели, но располагает эти вопросы в другом порядке, добавляя к ним некоторые смежные и исключая первый вопрос — о безусловно совершенном строе. Иными словами: самый главный поставленный на первое место вопрос — об идеальном строе — временно исключается из рассмотрения для того, чтобы можно было сначала заняться разбором разного рода заслуживающих одобрения государственных устройств, которые могут быть названы наилучшими с теми или иными оговорками.

Таким образом, построение идеального государственного строя три раза откладывается: в первый раз ради обзора государственных устройств, считающихся образцовыми, и проектов, выдаваемых за образцовые их авторами; во второй — ради выяснения основных политических понятий; в третий — ради рассмотрения наилучших в условном смысле государственных устройств (в том числе и наилучшей организации тех устройств, которые сами по себе являются порочными), а также некоторых смежных вопросов.

Изложенные выше соображения имели целью показать, что композиция Политики в ее основных линиях вполне поддается объяснению. Книги IV—VI представляют собой, по общему признанию, единство. Фактически это исследование под разными аспектами существующих государственных форм. Подобно книгам II и III книги IV—VI оказываются ступенями, по которым восходит к своей основной цели автор. Ему понадобилось сначала дать критический разбор имевших преувеличенную репутацию реальных и построенных теоретиками государственных устройств. Затем он перешел к анализу основных государственно-правовых понятий. Наконец, он углубился в исследование политической действительности. Впрочем, он и здесь не забывает о требованиях, которым должен удовлетворять образцовый государственный строй. Об этом свидетельствуют и даваемые им разным формам правления оценки, и самое искание условно лучших (т. е. как-то приближающихся к наилучшему) форм, и упоминание в самой программе, на первом месте, о задаче построения проекта наилучшего в абсолютном смысле государственного устройства.

В VII книге, в том ее месте, где собственно начинается разбор предпосылок для создания идеального строя, находим не раз

уже обсуждавшиеся в филологической науке слова «прочие государственные устройства обсуждены у нас раньше» — *περὶ τὰς ἄλλας πολιτείας ἡμῖν τεθέωρηται πρότερον* (4, 1, 1325b, 34). Самое простое и естественное их толкование: они относятся к содержанию IV—VI книг, в которых действительно получили широкое освещение вопросы, предусмотренные помещенной в начале IV книги программой и (с исключением первого пункта этой программы) в плане, набросанном несколько ниже программы. Остается первый пункт программы, к осуществлению которого автор и приступает. Отпадает необходимость в другом, пусть очень остроумном толковании, согласно которому под другими государственными устройствами разумеются конституции и проекты, рассмотренные во II книге.⁵

Сторонники взгляда о необходимости придвинуть книги VII—VIII к книге III и поместить их перед книгой IV охотно ссылаются на некоторые места из книги IV, в которых прямо или косвенно упоминается о том, что аристократический строй рассмотрен выше (2, 1, 1289a, 30 sqq.; 3, 2, 1290a, 1 sqq.; 3, 11, 1290b, 38 sq.; 5, 10, 1293b, 1 sqq.). В этих местах будто бы имеется в виду книга VII — отсюда следует, что она (а значит, и тесно связанная с ней книга VIII) была уже готова, когда писалась книга IV. В действительности все эти места могут относиться к местам из III книги (2, 3, 1276b, 37 sqq.; 8, 1, 1284a, 3 sqq.). Кроме того, следует обратить внимание на отмеченное нами выше обстоятельство, что описываемый в VII—VIII книгах строй, являясь по существу аристократическим, все же нигде не назван таковым.

Менее пространных рассуждений требует другая перестановка, предлагаемая рядом авторов, занимавшихся Политикой Аристотеля. Книга V, темой которой являются причины и характер государственных переворотов, а также средства, помогающие упрочить государственный строй, и книга VI, где даются советы, как следует организовать то или иное правление, должны, по мнению этих авторов, обменяться местами. Аргументация их сводится к следующему: во-первых, логичнее сначала говорить об организации того или иного политического строя, а потом о возможных причинах его падения и средствах к предотвращению переворотов; во-вторых, намечая в IV книге план дальнейшего исследования, Аристотель ставит на предпоследнее место вопросы, разработанные в VI книге, а темы V книги помещает в конце своего плана — *μετὰ δὲ ταῦτα τίνα τρόπον δεῖ καθιστάναί τὸν βουλόμενον ταύτας τὰς πολιτείας ... τέλος δὲ ... πειρατέον ἐπελθεῖν τίνες φθοραὶ καὶ τίνες σωτηρίαι τῶν πολιτειῶν καὶ κοινῇ καὶ χωρὶς ἐκάστη ...* (IV, 2, 5, 1289b, 20 sqq.). Первому аргументу как априорному можно противопоставить априорное же соображение: чтобы давать указания о том, какую организацию нужно придавать тому или иному строю, следовало предварительно отдать себе отчет в опасностях, подстерегавших каждое из имевшихся в Гре-

ции государственных устройств, и в тех средствах, какими каждый строй мог бы быть упрочен. Второй аргумент сам по себе является более серьезным, однако вес его значительно ослабляется не только тем, что Политика не является произведением законченным; при окончательной обработке Аристотель мог бы устранить противоречие между планом и его исполнением, сделав соответствующую перестановку пунктов плана. Аристотель далеко не всегда соблюдал намеченный им же самим порядок рассмотрения вопросов. В самом начале II книги он объявляет о необходимости заняться рассмотрением реально существующих государственных устройств и предложенных теоретиками проектов (именно в таком порядке), но в своем рассмотрении нарушает этот порядок и разбирает сначала проекты, а затем действующие порядки. Гораздо важнее другое, давно уже отмеченное обстоятельство, из которого следует, что традиционный порядок книг V и VI заслуживает полного доверия. В начале книги VI кратко резюмируются предыдущие рассуждения. В конце этого резюме читаем: «также о гибели и спасении государственных устройств, из-за каких обстоятельств они бывают и по каким причинам — об этом сказано раньше» — *ἔτι δὲ περὶ φθορᾶς τε καὶ σωτηρίας τῶν πολιτειῶν ἐκ ποίων τε γίνεται καὶ διὰ τίνος αἰτίας, εἴρηται πρότερον* (1, 1, 1316b, 34 sqq.). Перед нами неопровержимое свидетельство о том, что книга V всегда предшествовала книге VI. Эту серьезнейшую помеху для перестановки предлагают удалить из текста как интерполяцию, сделанную уже после того, как книга V была поставлена раньше книги VI. Не выбрасываются из текста только слова *εἴρηται πρότερον*, которые должны замыкать резюме, лишившееся упоминания о том, что составляет содержание книги V. За отсутствием убедительных доводов в пользу предлагаемой атэзы, нужной только для того, чтобы устранить помеху для необоснованной перестановки книг V и VI, будет разумным держаться рукописного текста и видеть в нем гарантию правильности традиционного порядка этих двух книг.

Кроме перестановки книг, радикальная критика прибегала к перестановкам отдельных частей текста и исключениям из текста ряда мест, казавшихся интерполяциями.

В настоящее время приходится еще считаться только с атэзами мест, которые признает в своем издании неподлинными продолжатель Зуземиля Иммин. Самая крупная из них — вся 3-я (по нумерации Шнейдера) глава IV книги Политики. Нам предстоит показать, что для такого отношения к этой главе достаточных оснований не имеется.

Эта глава 1) составляет естественное продолжение предыдущих; 2) хорошо связывается с последующими; 3) не содержит в себе ничего такого, что могло бы считаться дублированием каких-либо частей последующей главы; 4) носит на себе печать

аристотелевского стиля; 5) отражает некоторые характерные особенности политического мышления Аристотеля.

Еще раз обратимся к началу IV книги Политики. Книга эта открывается общим положением о том, что в политической науке, как и во всех искусствах (и науках), если только они не носят очень узкого характера, возникает среди прочих один важный вопрос, что именно из общих положений подходит для каждого отдельного случая. Конкретно это значит, что, рассуждая о государственном строе, следует думать не только о наилучшем строе вообще, но и о том, какой приложим в каждом данном случае (§ 2). Авторы имеющих рассуждений грешат односторонностью: одни из них занимаются построением идеального (трудно осуществимого) государственного порядка, другие же, имея в виду реально возможный строй, предпочитают восхвалять существующее Лакедемонское государство, отвергая все другое (§ 3). Между тем политическому деятелю приходится заниматься важным делом улучшения уже сложившихся государственных порядков, а это он не будет в состоянии делать без знания разных видов существующих государственных устройств. В этом месте Аристотель отмечает распространенное заблуждение: некоторые полагают, вопреки действительности, что есть только один вид демократии и один вид олигархии (I, 4, 1289a, 8 sqq.). Далее идет более детализированное перечисление того, что входит в круг интересов исследователя государственной жизни: количество различных конституций и их комбинаций, законы, наилучшие и применимые при каждой отдельной конституции, и т. д. (§§ 5—6). На этом кончается глава 1.

В главе 2 автор напоминает, что выше (III, 5, 1, 1279a, 25) уже была речь о шести конституциях, из которых три являются правильными (монархия, аристократия, полиция), а три — отклонениями от правильных (тирания, олигархия, демократия) (§ 1). Дается сравнительная оценка разных государственных устройств (§ 2). Отмечается отличие предложенной автором классификации от той, которую дал некто, — имеется в виду Платон (Politic. 303A sqq.) (§ 3). Затем намечается план дальнейшей работы. Необходимо установить количество разновидностей государственного строя с учетом того, что существует несколько разновидностей демократии и олигархии (IV, 2, 4, 1289b, 12 sqq.). Следует поставить вопрос, какое государственное устройство является приемлемым для всех и предпочтительным после наилучшего в абсолютном смысле строя и т. д., остальное в данной связи нас не интересует (§§ 4—5).

Выполняя намеченный план, Аристотель начинает главу 3 с выяснения общей причины существования разных государственных устройств.⁶ Причину эту он усматривает в том, что полис состоит из многих элементов. В городе много домов (семей).⁷ На этом первом обстоятельстве автор не задерживает своего

внимания и переходит ко второму, с его точки зрения более важному (рассмотрение его занимает много места). Жители полиса делятся на имущих (εὐποροί), неимущих (ἄποροι) и средних (μέσοι). В свою очередь имущие (они же γνῶριμοί) и неимущие (они же δῆμος) делятся на подвиды. При перечислении последних нет ни большой детализации, ни соотнесения определенных подгрупп населения с определенной формой государственного устройства. Если один раз речь идет об олигархии, то на это есть своя причина — исторические примеры олигархического правления являются лишь пояснением к слову ἰκποτροφία, которым обозначается известный уровень богатства.⁸ В зависимости от того, какие части государства участвуют в управлении, различаются и виды государственного устройства. Может представляться, что существуют только два вида государственного устройства — демократия и олигархия, подобно тому как признаются два основных направления ветров (северное и южное) или в музыке два тона (дорийский и фригийский). Однако правильнее и лучше держаться предложенной Аристотелем классификации — ἀληθέστερον καὶ βέλτιον ὡς ἡμεῖς διείλομεν (IV, 3, 5, 1290a, 24). Затем Аристотель переходит к определению демократии и олигархии. Отвергнув количественный признак (демократия — правление большинства, олигархия — правление немногих), он выдвигает другое мерило. Демократия характеризуется как правление свободных (в большинстве своем бедных), олигархия — как правление богатых — δῆμος μὲν ἐστὶν ὅταν οἱ ἐλεύθεροὶ κύριοι ᾖσιν, ὀλιγαρχία δ' ὅταν οἱ πλούσιοι (3, 7, 1290b, 1 sq.). В определение демократии и олигархии входит и момент количественный, но не он является решающим — народная масса обычно бедна, богатых немного.

Новый раздел начинается словами: ὅτι μὲν οὖν πολιτεῖαι πλείους καὶ δι' ἣν αἰτίαν εἴρηται. διότι δὲ πλείους τῶν εἰρημένων, καὶ τίνες καὶ διὰ τί, λέγομεν ἀρχὴν λαβόντες ἐκ τῶν εἰρημένων πρότερον (3, 9, 1290b, 21 sqq.). В этих словах, во-первых, подводится итог сказанному — выяснено, что видов государственного устройства несколько; во-вторых, указывается содержание дальнейшего — предстоит убедиться в том, что количество государственных устройств больше, чем то, о котором говорилось до сих пор, а также уяснить себе, какие именно существуют виды государственных устройств и почему; в-третьих, констатируется, что отправная точка новых рассуждений — та же, из какой автор исходил и раньше.

Дело идет опять о разных элементах, из которых состоит государство. Составляется перечень необходимых для существования государства элементов. Выделяются прежде всего те части населения, которые относятся к народной массе — земледельцы, ремесленники, торговцы, феты, воины. Классификацию групп населения автор прерывает, чтобы отметить погрешность в соответствующем рассуждении Сократа (Платона) в «Государстве».

Возвращаясь к своему перечислению, Аристотель говорит еще о тех, кто творит суд, и о тех, кто обсуждает государственные дела. Необходимой частью государства являются также люди состоятельные, выполняющие разного рода литургии. К этому следует добавить тех, кто, служа народу, занимает государственные должности. Не все перечисленные элементы строго разграничены между собой. Ведь многие держатся того мнения, что земледельцы и ремесленники могут принимать участие в управлении государством и разборе судебных дел. Только два элемента резко отделены один от другого — богатые и неимущие — *πένηςθαι καὶ πλουτεῖν τοὺς αὐτοὺς ἀδύνατον*. Получается впечатление, что это два основных элемента в государстве — *διὰ ταῦτα μέρη μάλιστα εἶναι δοκεῖ πόλεως, οἱ εὐποροὶ καὶ οἱ ἄποροι* (*ibid.*). Еще раз автор напоминает о том, что имущих немного, а неимущих много. Преобладание в государстве одного из двух названных антагонистических элементов ведет к установлению соответствующего государственного строя, чем и вызывается представление, будто существуют только два вида государственных устройств — демократия и олигархия — *ὥστε καὶ τὰς πολιτείας κατὰ τὰς ὑπεροχὰς τούτων καθιστᾶσι, καὶ δύο πολιτεῖαι δοκοῦσιν εἶναι, δημοκρατία καὶ ὀλιγαρχία* (3, 15, 1291b, 11 sqq.). Так оканчивается глава 3.

Мы убедились в том, что никаких шероховатостей при переходе от главы 2 к главе 3 не имеется. Изложение последовательное, связь мыслей улавливается легко. Предстоит выяснить, так ли обстоит дело и при переходе от главы 3 к главе 4.

Глава 4 открывается следующим предложением: «О том, что есть несколько государственных устройств, сказано раньше, а о том, что есть несколько видов демократии и олигархии, скажем [сейчас]» — *Ὅτι μὲν ὄν εἰσι πολιτεῖαι πλείους καὶ διὰ τίνας αἰτίας εἴρηται πρότερον. ὅτι δὲ ἐστὶ καὶ δημοκρατίας εἶδη πλείω καὶ ὀλιγαρχίας, λέγομεν*. Что имеет в виду первая часть этого предложения? Не отсылает ли она к главе 2 (минуя главу 3) или к каким-либо другим местам Политики? Серьезные соображения говорят против этого. Слова *διὰ τίνας αἰτίας* — «по каким причинам» (существуют разные виды государственных устройств) — не могут относиться к первым двум главам IV книги, так как в этих главах не сказано ни слова о причинах множественности государственных устройств. Предположение о других местах Политики отпадает уже потому, что в 8-й главе VII книги (единственное место, о котором уместно вспомнить в этой связи) вопрос о разных слоях населения затрагивается мимоходом, как нечто известное. Аристотель несомненно думает о главе 3, а не о предыдущих и не о каких-нибудь других частях Политики.⁹ Такому заключению не противоречит употребленное Аристотелем наречие *πρότερον*. Правда, в аналогичной фразе в начале § 9 главы 3 глагол *εἴρηται*, отсылающий к тому, что непосредственно предшествует, не сопровождается наречием *πρότερον*.

Однако если бы у нас появилось подозрение, что это наречие должно обязательно отсылать к чему-то более отдаленному, то знакомство со словоупотреблением Аристотеля легко бы нас разубедило. В Первой Аналитике о частноотрицательных суждениях определенного типа говорится, что они необратимы — *διὰ τὴν αὐτὴν αἰτίαν δι' ἣν καὶ πρότερον ἔφαμεν* (I, 3, 25a, 35 sq.), причем речь идет о предыдущей главе (подобные же случаи — I, 3, 25b, 2 sq., 12 sq.; 4, 25b, 39 sq. и др.).

Таким образом, первая часть вводного предложения главы 4 вполне понятна и уместна, если признать предыдущую главу подлинной; наоборот, она станет непонятной и неуместной, если предыдущая глава будет выброшена из текста.

Вслед за этим автор выражает намерение рассуждать о разных видах демократии и олигархии. Вернемся к § 4 главы 2, где дан план дальнейшего исследования. Вся глава 3 оказывается реализацией первого пункта этого плана — *ἡμῖν δὲ πρότερον μὲν διαιρετέον πόσαι διαφοραὶ τῶν πολιτειῶν*. Однако и этот пункт исчерпан в главе 3 не полностью, так как в плане к нему имеется добавление — *εἴπερ ἔστιν εἶδη πλείονα τῆς τε δημοκρατίας καὶ τῆς ὀλιγαρχίας*. Собственно о разных видах демократического и олигархического строя в главе 3, как мы видели, речи почти не было. Этому вопросу посвящена глава 4. Для обоснования положения о существовании разных видов демократии и олигархии Аристотель показывает, что и народ (*δῆμος*), и так называемые *γῳφριμοὶ* не представляют собой чего-либо единого, цельного. Каждая из этих социальных единиц имеет подразделения. Перечнем этих подразделений и начинается рассуждение о разных видах демократии и олигархии.

Отсюда видно, что переход от главы 3 к главе 4 не менее ясен и логичен, чем переход от главы 2 к главе 3. Эта последняя не нарушает хода рассуждений автора и с этой стороны не дает повода считать ее позднейшей вставкой или даже первоначальным вариантом, который был впоследствии зачеркнут самим автором.

Остановимся на одном специальном вопросе: имеются ли в главе 3 места, представляющие собой в полном смысле повторение того, что сказано в главе 4, и, следовательно, излишние. Три раза на протяжении 3-й и 4-й глав IV книги Политики перечисляются разновидности демоса и так называемых *γῳφριμοὶ*.

В начале главы 3 неимущие, народ (*οἱ ἄποροι, δῆμος*), подразделяются, если оставить в стороне вызывающее разногласия деление на тяжеловооруженных и невооруженных,¹⁰ на три части: земледельцы (*γεωργικὸς δῆμος*), торговцы (*ἀγοραῖος*), ремесленники (*βάναισος*). Ни подробностей, ни каких-либо объяснений в этом месте не имеется, так как в данном контексте ничего этого не требуется. Государство состоит из разных частей, имеющих в свою очередь более мелкие подразделения, точное количество которых пока не важно для автора. Демос, неимущие в целом,

противопоставляются знатным, состоятельным. Важно, что внутри демоса есть свои группы, главные из которых в данном месте и выделяются. Здесь же речь идет о подразделениях γνῶριμοι. Отмечается различие по размеру богатства — κατὰ τὸν πλοῦτον καὶ τὰ μεγέθη τῆς οὐσίας. В качестве примера — ἵπποτροφία, т. е. определенный уровень материального благосостояния, позволяющий заниматься коневодством. Другие критерии деления знатных: родовитость (κατὰ γένος), добродетель (κατ' ἀρετήν) и т. п., о чем будто бы уже сказано в отделе об аристократии.¹¹

Во второй раз вопрос о подразделениях населения полиса ставится в §§ 11—15 той же 3-й главы. Здесь дается гораздо более детализированный перечень. На первом месте названы земледельцы (οἱ καλοῦμενοι γεωργοί), на втором — ремесленники (τὸ καλοῦμενον βἀναυσον), на третьем — торговцы (τὸ ἀγοραῖον). К этим трем подразделениям, которые были отмечены и выше (в § 1), добавляются: на четвертом месте — батраки (τὸ θητικόν), на пятом — воины (τὸ προπολεμῆσον). При упоминании о каждом из этих групп даются пояснения, имеющие определенную направленность, — показать, что все эти элементы не просто существуют в государстве, но что они необходимы для жизни государства. Назвав пять групп населения, Аристотель останавливается, чтобы сделать полемический выпад против Платона (Resp. II, 369D), который недостаточно хорошо (οὐχ' ἱκανῶς) рассуждает о разновидностях населения, необходимых для государства, и, в частности, неправильно освещает вопрос о военной силе. После этого отступления прерванный перечень продолжается. Шестым необходимым элементом в государстве являются те, кто занимается разбором судебных дел и совещается о делах государственных — τὸ μετέχον δικαιοσύνης δικαστικῆς, πρὸς δὲ τοῦτοις τὸ βουλευόμενον (§ 13). В данном случае, предупреждает нас автор, речь идет о выделении таких элементов населения, которые необходимы для существования государства. С этой точки зрения не важно, что некоторые из этих элементов могут совпадать между собой. Дальше как седьмой необходимый элемент названы состоятельные люди (οἱ εὐποροί), опять-таки с указанием их функций в государстве. Восьмой элемент служит народу тем, что занимает государственные должности — τὸ δημιουργικόν καὶ τὸ περὶ τὰς ἀρχὰς λειτουργικόν (§ 14). Своеобразие разобранного места в той точке зрения, с какой производится здесь расчленение населения, — по выполняемой в государстве функции. Автор поясняет свой замысел сравнением с животным организмом, при изучении которого в первую очередь выделяются жизненно необходимые для него части — органы питания, движения, размножения (§ 9). Подобно тому как различные сочетания по-разному устроенных органов служат основой для распределения животных по видам, так и разные сочетания разных составных частей дают основу для классификации государств.

В третий раз тем же вопросом о подразделениях народа Аристотель занимается в начале главы 4. На этот раз автора интересуют не примерные, главные подразделения (как в начале главы 3) и не необходимые для всякого государства и могущие отчасти совпадать между собой элементы (как в главе 3, § 11). Вопрос ставится о реально существующих отдельных социальных единицах. В этом месте классификация видов демоса отличается особой разработанностью, так как она служит введением к рассуждению о том, что демократия не является чем-то всегда и повсюду единообразным, что существуют разные ее виды — *ἔστι καὶ δημοκρατίας εἶδη πλείω* (§ 1); то же относится и к олигархии.

Нет ничего удивительного в том, что здесь в подробном перечне встречаются и те элементы, которые были названы и в прежних перечнях, — суммарном в начале 3-й главы и имевшем специфическое назначение в § 11 главы 3. Классифицируя виды демоса, Аристотель называет уже известные читателям по прежним перечислениям группы: земледельцев (*οἱ γεωργοί*), ремесленников (*τὸ περὶ τέχνας*), торговцев (*τὸ ἀγοραίων*). Наряду с ними названы и другие группы (применительно к пестроте конкретной действительности): морской демос (*τὸ περὶ τὴν θάλατταν*) с подразделениями — военный, торговый, транспортный, рыбацкий — *καὶ τούτου τὸ μὲν πολεμικόν, τὸ δὲ χρηματιστικόν, τὸ δὲ πορθρευτικόν, τὸ δ'ἀλιευτικόν* (§ 1). Этот перечень подкрепляется ссылкой на преобладание того или иного вида морского демоса в том или ином полисе. Дальше идут батраки (*τὸ χερνητικόν*) и обладатели незначительной собственности (*τὸ μικρὰν ἔχον οὐσίαν*). О них сказано (это имеет значение в политических построениях Аристотеля), что у них нет свободного времени, — *ὥστε μὴ δύνασθαι σχολάζειν*. Наконец, выделены свободные, не происходящие от обоих родителей-граждан, и другие подобные категории (*τὸ μὴ ἐξ ἀμφοτέρων πολιτῶν ἐλεύθερον, καὶν εἴ τι τοιοῦτον ἕτερον πλήθους εἶδος*).

Перечень подразделений *γνώριμοι* предваряет собой рассуждение о разных видах олигархии. Знатные подразделяются на группы в зависимости от богатства (*πλοῦτος*), родовитости (*εὐγένεια*), добродетели (*ἀρετή*), образованности (*παιδεία*) и т. п. (*καὶ τὰ τούτοις λεγόμενα κατὰ τὴν αὐτὴν διαφορὰν*).

Трижды на протяжении двух глав в Политике затрагивается одна и та же тема, но всякий раз с разных точек зрения и по-разному. Дублирования в буквальном смысле этого слова мы нигде не видим.

Следует отметить, что к вопросу о разных социальных группах Аристотель повторно возвращается и впоследствии (VI, 1, 4, 1317a, 24 sqq.; 2, 1, 1318b, 6 sqq.; 4, 3, 1321a, 5 sqq.; VII, 7, 3, 1328b, 2 sqq.; 8, 1, 1328b, 24 sqq.). В виде примера укажем: дважды осуждается, как порочная, исключительная военная направленность спартанских установлений (II, 6, 22, 1271a,

41 sqq.; VII, 13, 10, 1333b, 5 sqq.); дважды магистратуры педономов и гинекономов названы недемократическими (IV, 12, 2, 1300a, 4 sqq.; VI, 5, 13, 1323a, 3 sqq.); дважды отказывает Аристотель ремесленнику в праве быть гражданином в наилучшем государстве (III, 3, 2, 1278a, 8; VII, 8, 2, 1328b, 39 sq.).

Одним из оснований для исключения из текста того или иного места служит часто отличие стиля этого места от стиля всего произведения. С этой стороны разбираемая глава Политики не внушает никаких подозрений. Общий характер речи, лексика, синтаксис в полном смысле слова аристотелевские и ничем не выделяются среди других частей Политики.

Одна бросающаяся в глаза особенность — медленное развертывание мысли — вообще характерна для Аристотеля. Постепенно раскрывая свою мысль, Аристотель довольно часто прибегает к повторениям и ссылкам на предыдущее и последующее. Примеры можно найти в непосредственной близости от рассмотренных 3-й и 4-й глав. В главе 4 разобраны виды демократии, в начале главы 5 — виды олигархии. Минуя § 2 главы 5, где речь идет о расхождении между законами и реальным характером государства, мы снова встречаем рассуждения о разных видах демократии (§§ 3—5) и олигархии (§§ 6—8).

Общий стиль главы 3 IV книги Политики характеризуется признаками, свойственными прозе Аристотеля вообще. В строго деловом изложении мы находим здесь расчленение понятий (§§ 1, 11, 13, 14), определения (§§ 3, 7, 8), сравнения (§§ 4, 5, 9, 10), полемику (§§ 5, 6, 12), исторические и этнографические примеры (§§ 2, 7, 8).

В смысле идейного содержания три момента останавливают на себе внимание.

Во-первых, в начале главы 3 специально отмечены «средние» граждане (*μέσοι*). Известно, какое значение придавал Аристотель в своих политических построениях средним слоям населения. Не упомянуть о них там, где он говорил об основных подразделениях гражданского населения, он не мог. В двух других разобранных выше местах не было причины говорить о «средних» гражданах: ни в главе 3 (так как «средние» не являлись, с точки зрения Аристотеля, необходимой частью государства в том смысле, в каком ею оказывались земледельцы, ремесленники и др.), ни в главе 4 (так как «средние» не определяли собой характера демократического или олигархического образа правления).

Во-вторых, в одном из рассуждений о демократии и олигархии в рассматриваемой нами главе Аристотель несколько неожиданно для читателя, знающего классификацию шести конституций, изложенную выше (III, 4, 7, 1279a, 22 sqq.), высказывает мысль, что, в сущности, есть только два или даже одно хорошо организованное государственное устройство, а все остальные представляют собой отклонения от него — ἀληθέστερον δὲ καὶ βέλτιον ὡς

ἡμεῖς διείλομεν δύοιν ἢ μιᾶς οὔσης τῆς καλῶς συνεστηκυίας τὰς ἄλλας εἶναι παρεκβάσεις etc. (IV, 3, 5, 1290a, 24 sqq.). Эта мысль не является чуждой, Аристотель еще в одном месте той же книги высказывается в таком же смысле. Намереваясь говорить о так называемой политике и напомним, что и полития, и разные виды аристократии, по его определению, не являются отклонениями (παρεκβάσεις), он замечает: «а говоря по правде, все является ошибочным сравнительно с самым правильным государственным устройством» — τὸ μὲν ἀληθὲς πᾶσαι διημαρτήκασιν τῆς ὀρθοτάτης πολιτείας (6, 1, 1293b, 25 sq.). Два раза Аристотель высказывает мысль, идущую в некоторой степени вразрез с его схемой шести конституций, но вполне естественную для философа, не остановившегося перед попыткой дать построение идеального государственного порядка (пусть коренящегося в его представлениях о наилучшем виде аристократии, т. е. одной из шести форм).

В-третьих, ставится вопрос о том, почему получается видимость, будто бывают только два вида государственного устройства — демократическое и олигархическое (3, 4, 1290a, 13 sqq.). В постановке этого вопроса сказывается реалистическое мышление Аристотеля, который никогда не был школьным педантом и не отгораживался своими теоретическими схемами от исторической действительности. В своих построениях Аристотель насчитывал шесть видов государственного устройства: монархия, тирания, аристократия, олигархия, полития, демократия. Однако если собрать высказывания Аристотеля относительно этих шести форм, то окажется, что не все они были одинаково актуальными для IV в. до н. э. Царская власть существовала у ἔθνη, а не в греческих полисах, где она когда-то была. Правда, и во времена Аристотеля царская власть существовала в Спарте, но она, по учению Аристотеля, представляла собой пожизненную стратегию, а не монархическую власть. Наличие в Спарте царей не определяло собой характера государственного устройства. Сам Аристотель прямо говорит, что в его время царская власть нигде не появляется, а если она и появляется, то оказывается скорее единовластием и тиранией — οὐ γίγνονται δ' ἔτι βασιλείαι οὔν, ἀλλ' ἄν περ γίγνωνται, μοναρχίαι καὶ τυραννίδες μᾶλλον (V, 8, 22, 1313a, 3 sqq.). Эти же слова Аристотеля могут служить свидетельством о редкости появления новых тираний. Что же касается старых, то в другом месте Политики сказано, что тирания является наиболее кратковременной из всех форм правления наряду с олигархией (9, 21, 1315b, 11 sq.). Все это показывает, что тирании во времена Аристотеля возникали, но не часто, а передача тиранической власти детям и дальше была явлением очень редким (Аристотель называет Орфагора и его детей в Сикионе, Кипсела и Кипселидов в Коринфе, Писистрата и его детей в Афинах, Гелона и его преемников в Сиракузах). Полития (она же правление «средних»), по словам Аристотеля, реально либо никогда не существовала,

либо редко и у немногих (IV, 9, 12, 1296а, 36 sqq.). Здесь же Аристотель в несколько прикрытой форме возлагает надежды на некоего единственного мужа, который дал себя убедить ввести такой строй. Аристократия (пусть в условном смысле) является у Аристотеля в первую очередь строем ближайшего будущего (по крайней мере для новых полисов на Востоке). К аристократическим он причисляет и некоторые другие государственные устройства — именно те, в которых должностные лица выбираются не только по признаку богатства, но и по признаку добродетели, а также государственные устройства, имеющие смешанные принципы, при условии наличия среди них и добродетели; к видам аристократии причисляются и политики, склоняющиеся в сторону олигархии. Примеры аристократического устройства у Аристотеля вообще немногочисленны, а относящихся к современности совсем мало (Карфаген; относительно Спарты см. ниже, отдел II, глава 3 настоящей книги).

В подавляющем большинстве случаев в греческих государствах было правление либо демократическое, либо олигархическое. Об этом прямо говорит Аристотель (IV, 9, 10, 1296а, 22 sqq.; V, 1, 8, 1301b, 39 sq.). Бывшие гегемоны Эллады устанавливали в полисах одни (афиняне) — демократию, другие (спартанцы) — олигархию (IV, 9, 11, 1296а, 32 sqq.; cf. V, 6, 9, 1307а, 22 sqq.).

В каком-то смысле Аристотель, по-видимому, признает выделение аристократии как особого образца правления условным, так как прямо утверждает, что аристократия есть неким образом олигархия — *διὰ τὸ καὶ τὴν ἀριστοκρατίαν ὀλιγαρχίαν εἶναι πῶς* (V, 6, 1, 1306b, 24 sq.; cf. 6, 7, 1307а, 34 sq.). Любопытную параллель к этому находим у Ксенофонта в его «Греческой истории»: Фермен в своей речи (т. е. Ксенофонт в речи, вложенной им в уста Фермена) называет правление Тридцати сначала аристократией, затем олигархией, в последнем случае вовсе не имея в виду только второй, ознаменовавшийся полным беззаконием период правления Крития и его сообщников, — *ἐν μὲν τῇ δημοκρατίᾳ... ἐν τῇ ἀριστοκρατίᾳ... οἱ οὐκ οἴονται καλὴν ἂν ἐγγενέσθαι ὀλιγαρχίαν, πρὶν εἰς τὸ ὑπ' ὀλίγων τυραννεῖσθαι τὴν πόλιν καταστήσειαν* (II, 3, 47, 48).

То, что сказано по этому поводу в 3-й главе IV книги Политики, соответствует общим взглядам Аристотеля на государственный строй полисов. Многочисленные неимущие и немногочисленные имущие (V, 9, 19, 1315а, 31 sqq.; VI, 1, 10, 1318а, 3 sqq.) — основное противоречие в социальном строе греческих государств. В сфере политической это противоречие отражается как антагонизм двух преобладающих политических форм — демократической и олигархической.

Итак, с какой бы стороны ни подходить к главе 3 IV книги Политики, достаточных оснований для признания ее позднейшей (сравнительно с прочим текстом) вставкой найти нельзя.¹²

Эта глава не является единственным местом, которое и после отказа от смелого обращения с текстом Политики продолжает считаться интерполированным, по крайней мере в изданиях текста (ср. приведенное выше мнение Гольке, решительно протестующего против поисков интерполяций). Большой отрывок в рассуждении о демократии в VI книге Иммиш вслед за Зуземилем ставит в квадратные скобки (VI, I, 10, 1318a, 3—14; 1318b, 5). Однако уже то обстоятельство, что есть возможность истолковать его как более позднюю вставку самого Аристотеля, носящего на себе печать его стиля,¹³ позволяет не считаться с попыткой исключить это место из текста Политики.

Все изложенные в этой главе соображения приводят к заключению о произвольности попыток изменить традиционный порядок книг Политики Аристотеля и неправомерности сохранения некоторых результатов разрушительной критики текста, характерной для изданий Зуземиля.¹⁴

ОТДЕЛ II

ПОЛИТИИ АРИСТОТЕЛЯ КАК СЕРИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ МОНОГРАФИЙ

ГЛАВА I

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЙ

Среди произведений Аристотеля имелаcя серия 158 Политий, т. е. сочинений, в которых рассматривался государственный строй греческих и некоторых негреческих государств.

Долгое время Политии Аристотеля были известны новой Европе только во фрагментах, извлеченных из более поздних авторов, пользовавшихся Аристотелем прямо или, чаще, косвенно.

В 1891 г. Кенион опубликовал найденный на папирусе в Египте текст произведения, которое он определил как Афинскую Политию Аристотеля. Эта публикация породила труднообозримую литературу, посвященную как новонайденному памятнику в целом, так и отдельным его частям и сторонам. Оживленная дискуссия, происходившая преимущественно в первые годы после открытия названного трактата, привела к ряду положительных результатов.¹ Наиболее важным из них является то, что опубликованный Кенионом памятник действительно представляет собой Афинскую Политию Аристотеля, т. е. то произведение, которое было известно в древности как Афинская Полития Аристотеля. Другой бесспорный результат этих ранних исследований — установление единства политических воззрений, отражающихся в Политике Аристотеля и в Афинской Политии.

Исследователю литературного наследия Аристотеля нельзя упускать из виду, что Афинская Полития не была изолированным произведением, а входила в состав большой серии из 158 сочинений, объединенных между собой не только внешним образом. Ставя вопрос о других Политиях, мы вправе распространять на всю серию основные выводы, полученные путем изучения Афинской Политии, подкрепляя их материалом, касающимся других Политий или какими-нибудь специальными соображениями.

Неразрешимый вопрос о том, в какой мере к составлению Политий привлекались ученики Аристотеля, приходится оставить в стороне. На основании имеющихся у нас общих представлений об организации научной работы в Ликее следует признать, что глава школы, являясь автором Политий наиболее крупных государств, скорее всего взял на себя труд общего руководства работами группы более молодых авторов или редактирования написанного ими или, наконец, то и другое вместе.² Во всех трех случаях индивидуальность учеников, занимавшихся писанием Политий, имела возможность сказываться лишь в отдельных деталях, некоторых особенностях стиля и т. п.

Источниками, дающими нам возможность судить о характере, т. е. о содержании, общем плане, идейной стороне утраченных Политий Аристотеля, являются: 1) фрагменты Политий, сохранные более поздними писателями преимущественно в форме пересказа, гораздо реже в форме дословной передачи;³ 2) так называемые эксцерпты Гераклида,⁴ представляющие собой в их современном виде очень несовершенный, отрывочный, не объединенный каким-либо единым принципом конспект разных Политий и отчасти отдельных *Νόμιμα βαρβαρικὰ*;⁵ 3) Политика Аристотеля, содержащая разбор лакедемонского, критского и карфагенского государственного устройства и большое количество исторических примеров, относящихся к истории государственного строя различных греческих полисов.

Проще всего дело обстоит с фрагментами. Ссылка на Аристотеля, чаще всего с указанием определенной Политии, является достаточной гарантией принадлежности того или иного сообщения соответствующей Политии Аристотеля. Несколько сложнее вопрос об использовании материала, находящегося в эксцерптах Гераклида и в Политике. До нахождения Афинской Политии все соображения по этому вопросу неизбежно должны были иметь априорный характер. Теперь Афинская Политика Аристотеля дает твердую опору для выводов о степени надежности конспекта Гераклида и Политики Аристотеля как источников для примерного восстановления утраченных Политий.

Вопрос о степени точности отражения Афинской Политии в эксцерптах Гераклида распадается на четыре более частных вопроса: 1) сохраняет ли автор извлечений общий план Афинской Политии; 2) руководствовался ли он определенным, продуманным принципом в своей работе, включая в свои извлечения одно и исключая из них другое; 3) сохраняет ли он в какой-нибудь мере общую концепцию Аристотеля; 4) воспроизводит ли он способ выражения Афинской Политии.

Прежде всего эксцерпты правильно передают общий план Афинской Политии, ее деление на два больших отдела — исторический и систематический. Историческому разделу Политии (главы 1—41) соответствует первая, большая часть эксцерптов,

касающихся Афин (§§ 1—7 Rose=§§ 1—10 Sandys); систематической части Политии — вторая, меньшая часть эксцерптов (§ 8 R=§ 11 S). Пропорции, однако, не соблюдены. У Аристотеля оба раздела, в том виде, в каком они сохранены, имеют почти одинаковые размеры, лишь с небольшим перевесом первого раздела над вторым. Нет основания думать, что утраченные начало и конец Афинской Политии как-нибудь значительно изменили бы такое соотношение. В эксцерптах это равновесие резко нарушено в пользу исторического раздела, более чем в пять раз превышающего систематический раздел. В пределах исторического раздела также наблюдается большая диспропорция. Сообщения о царском периоде афинской истории только в полтора раза меньше изложения всего дальнейшего хода афинской истории. Такого соотношения между доисторическим и историческим периодами в самой Афинской Политии быть не могло как ввиду сравнительной бедности преданий о царской власти в Афинах, так и ввиду особенностей построения Афинской Политии с ее упором на историю государственных переворотов, смену одних форм правления другими. В историческом разделе следует отметить также одно бросающееся в глаза нарушение хронологического порядка: Аристид, Фемистокл и господство Ареопага помещены после Фрасибула и Ринона (§ 7 R=§ 10 S), хотя первое упоминание об Аристиде сделано в надлежащем месте (§ 4 R=§ 7 S). Было высказано предположение о том, что автор эксцерптов имел в виду не только то, что сказал об Ареопаге, Аристиде и Фемистокле Аристотель в своем изложении хода внутренней истории Афин, но и то, что сказано в резюмирующей главе 41 (§ 4).⁶ Это объяснение лишь отчасти поправляет дело, так как в резюмирующей главе Афинской Политии нет упоминания о Фемистокле. Так или иначе только в одном месте получается несоответствие порядку изложения Афинской Политии.

Категорический отрицательный ответ можно дать на второй из поставленных выше вопросов. Никакого разумного критерия при отборе известий составитель извлечений не имел. Правда, более ранняя история Афин, кончая тиранией Писистрата и его сыновей, изложена сравнительно правильно. Однако и здесь встречается нелепость. Назвав Гишпарха и Фессала и дав им краткую характеристику, эксцерптор продолжает: «Не получив возможности убить его (τοῦτον), который был тираном, они умертвили его брата Гишпарха. Гиший же очень жестоко осуществлял тираническую власть». Гиший назван только после упоминания об убийстве. В словах «не получив возможности убить его» τοῦτον грамматически можно отнести только к Фессалу. Другой дефект — предложение, в котором говорится о введении остракизма, лишено подлежащего (ожидалось бы имя Клеисфена). В дальнейшем путаница возрастает. При имени Эфиальта читаем сообщение, которое у Аристотеля относится к Кимону: «Он позволил на своих

собственных полях собирать плоды всем желающим, из которых многих он кормил обедами» (§ 5 R=§ 8 S). Деталь, служащая у Аристотеля для характеристики общественного положения и образа действия богатого аристократа, политического противника Перикла, которому приходится принимать контрмеры против угрожающей популярности вождя противной группировки, превращается в эксерптах в отрывочное, повисающее в воздухе сообщение с оттенком курьеза. Перикл не упомянут вовсе. Между Клеоном и Фрасибулом никаких имен и всего одна конкретная подробность о государственной жизни — «которые наполнили все беззаконием и убили не менее тысячи пятисот человек» (§ 6 R=§ 9 S). Подлежащим при этом являются «те, кто были после Клеона».

Совершенно хаотичны выборки из систематической части Афинской Политии (§ 8 R=§ 11 S). В первом предложении отсутствует подлежащее. Судя по аналогии со вторым предложением, где сказуемое «ставят» (*καθίστασι*) предполагает подлежащее «афиняне», то же подлежащее могло бы иметься в виду и при сказуемом «заботятся» (*ἐπιμελοῦνται*). Однако, как видно из Афинской Политии (50, 2), функции, о которых идет речь, Аристотель отмечает не как функции Афинского государства, а в перечне обязанностей астиномов, так что подлежащим могло быть только слово «астиномы». Рядом с девятью архонтами названы шесть фесмофетов без каких бы то ни было пояснений, как будто это коллегии одного и того же порядка. Короткое предложение, посвященное функциям царя, отнюдь не дает представления о соответствующем месте Афинской Политии. О царе сказано: «он ведает делами, касающимися жертвоприношений» — *τὰ κατὰ τὰς θυσίας διοικεῖ*. У Аристотеля в соответствующем месте находим: «он ведает всеми исконными жертвоприношениями» — *τὰς πατρίους θυσίας διοικεῖ ὁῦτος πάσας* (57,1). Отсутствие определения *πατρίους* лишает сообщение реального смысла, так как жертвоприношения были в ведении разных должностных лиц (см. 54,6 — о гиеропоях; 58,1 — о полемархе). Конец предложения — *καὶ τὰ πολέμια* — по точному своему смыслу означает, что царь ведал и военными делами, что уже совершенно не соответствовало действительности. Следует указать, что некоторые издатели пытаются сгладить наиболее грубые из отмеченных выше нелепостей расстановкой знаков препинания, именно точек после слов *Ἐφιάλτης* (§ 5 R=§ 8 S) и *διοικεῖ* (§ 8 R=§ 11 S). Этим, однако, спасти положение нельзя: в первом случае получается предложение без подлежащего, а во втором — от предложения отделяется бесформенный обрубок. Вывод из всего сказанного может быть один: в том виде, в каком извлечения дошли до нас, они лишены руководящего начала, а местами дают путанные и неверные отражения мыслей Аристотеля.

Ответ, полученный на второй вопрос, предопределяет собой и ответ на третий из поставленных выше вопросов. При том способе передачи содержания Афинской Политии, который выяснился при нашем рассмотрении, было бы настоящим чудом, если бы эксерпты даже в слабом виде отразили общую концепцию Афинской Политии. Читая выборку Гераклида, мы сначала как будто улавливаем некую общую мысль, точнее, определенную линию изложения, а именно: у афинян была первоначально царская власть; к этому периоду относятся возникновение наименования «ионийцы», разделение власти между сыновьями Пандиона, объединение при Тесее; когда цари впали в изнеженность, царская власть как таковая была отменена. Дальнейшее изложение в смысле ясности и законченности мысли далеко уступает этой начальной части. Конец событий, связанных с попыткой Килона захватить тираническую власть, и реформы Солона изложены понятным образом, но без исторического фона, какой дается во 2-й, а отчасти и в других главах Афинской Политии. Относительно Писистрата констатируется факт его пребывания у власти. О сыновьях Писистрата речь была выше. Конец тирании никак не отмечен. Зато уделено внимание одной из предохранительных мер против возникновения тирании — остракизму. В одном отношении строки о тирании сходны с началом эксерптов: только в этих местах прямо обозначена форма правления (царская власть в первом случае, тирания — во втором). В Афинской Политии Аристотель прослеживает судьбу афинской демократии со времени ее рождения при Солоне и до конца V в., а отчасти и дальше; он останавливает свое внимание на разных этапах ее развития и на временных сменах ее олигархическими формами правления. Эта основная линия политического развития, которое определяет собой самую композицию Афинской Политии Аристотеля, совершенно выпадает в эксерптах. Даже термины «демократия» и «олигархия» ни разу в них не встречаются. Лучшим свидетельством отсутствия понимания главного содержания внутренней истории Афин — борьбы демократии с антидемократическими тенденциями — является объединение Клеона и следовавших за ним демагогов с олигархами. «Клеон, — говорится в эксерптах, — переняв [власть], испортил управление государством, а еще больше те, кто был после него, которые наполнили все беззаконием и убили не менее тысячи пятисот [человек]; после того как они были свергнуты, во главе стали Фрасибул и Ринон» (§ 6 R=§ 9 S). Начало этого предложения имеет в виду демократию после Перикла (Афинская Полития 28,3—5), конец — олигархию Тридцати (35,4), середина («которые наполнили все беззаконием») — то и другое. Грани между столь разными формами правления не существует для автора извлечений. Характерно и то, что Клеон, по мнению Аристотеля, испортил народ — ὅς δοχεῖ μάλιστα διαφθεῖραι τὸν δῆμον ταῖς ὀρμαῖς (28,3), а в представле-

нии автора эксцерптов государственное управление или государство — τὸ πολιτεία, т. е. конкретное политическое высказывание Аристотеля, тесно связанное с его общими политическими взглядами, превращается в нечто слишком общее и довольно расплывчатое.

Независимым от трех предыдущих вопросов является четвертый вопрос — о текстуальной близости эксцерптов и Афинской Политии Аристотеля. Ведь легко представить себе близкий по смыслу пересказ, не повторяющий ни одного или почти ни одного слова пересказываемого текста. И, наоборот, искажение какого-либо произведения в сделанных из него извлечениях вполне совместимо с довольно близким воспроизведением способа выражения подлинника. Поставленный нами вопрос не может считаться праздным. Следует помнить, что дошедшие до нас эксцерпты сделаны человеком, не видевшим ни Афинской, ни других Политий Аристотеля. При этих условиях сохранение или несохранение подлинных слов Аристотеля характеризует пригодность эксцерптов служить основой для суждения о прочих Политиях. В нашем тексте Афинской Политии подлежащий сравнению с эксцерптами Гераклида материал имеется только начиная с последствий заговора Килона. Ввиду утраты начальной части Афинской Политии эксцерпты из рассказа о царском периоде можно сравнивать лишь с фрагментами из этой начальной части Политии, сохраненными для нас авторами более позднего времени. Очень немногочисленные, не всегда совпадающие по содержанию с тем, что дают эксцерпты, эти фрагменты кое-где содержат те же слова и выражения, какие встречаются в извлечениях Гераклида. Гарпократион говорит со слов Аристотеля о том, что Ион поселился в Аттике и тогда афиняне были названы ионийцами — τούτου (i. e. τοῦ Ἴωνος) γὰρ οἰκίσαντος τὴν Ἀττικὴν, ὡς Ἀριστοτέλης φησί, τοὺς Ἀθηναίους Ἴωνας κληθῆναι (fr. 381 R = fr. 1 S). Соответствующее место в эксцерптах — συνοικήσαντος δὲ Ἴωνος αὐτοῖς, τότε πρῶτον Ἴωνες ἐκλήθησαν (§ 1 R = § 1 S). По Плутарху (биография Тесея 25 = fr. 384 R = fr. 2 S), Тесей стал призывать к себе всех на равных основаниях — ἐκάλει πάντας ἐπὶ τοῖς ἴσοις; призыв «идите сюда все народы [люди]», как говорят, принадлежит Тесею — κήρυγμα Θεσέως φασί. В эксцерптах — Θεσεύς δὲ ἐκήρυξε καὶ συνεβίβασε τοῦτους ἐπ' ἴση καὶ ὁμοία μοῖρα (§ 1 R = § 2 S). О гибели Тесея, сброшенного со скалы царем острова Скироса Ликомедом, Ватиканские схолии к Эврипиду сообщают: Ἀριστοτέλης ἱστορεῖ, ὅτι ἐλθὼν Θεσεύς εἰς Σκῆρον ἐπὶ κατασκοπὴν εἰκότως διὰ τὴν Αἰγέως συγγένειαν, ἐτελεύτησεν ὡςθεὶς κατὰ πετρῶν, φοβηθέντος τοῦ Λυκομήδους τοῦ βασιλεύοντος (Schol. Vat. ad Eurip. Hippol. 11, Schwartz = fr. 4 S).⁷ О том же событии в эксцерптах читаем: Θεσεύς ... οὕτως ἐλθὼν εἰς Σκῆρον ἐτελεύτησεν ὡςθεὶς κατὰ πετρῶν ὑπὸ Λυκομήδους φοβηθέντος μὴ σφετερισθῆναι τὴν νῆσον (§ 1 R = § 2 S). Все три источника, сохранившие нам фрагменты Афинской Политии, не зависят от эксцерптов. Поэтому

и словесные совпадения между ними могут означать только то, что все они повторяют подлинные слова Аристотеля. Плутарх, наиболее литературный из трех источников, дает самые незначительные из всех совпадений. Больше совпадений у Гарпократиона. Больше всего их у Схолиаста, которого никак нельзя заподозрить в литературной обработке сообщений, найденных им у какого-то промежуточного между ним и Аристотелем автора. Последний взял у Аристотеля (непосредственно или через какого-нибудь или каких-нибудь посредников) больше материала, чем его содержится в наших эксцерптах, которые не сообщают ни о целях Тесея, ни о родстве Эгея с скиросским царем. Однако то общее, что имеется в схолиях и в эксцерптах, выражено одними и теми же словами.

Получается известная презумпция в пользу заключения о стремлении Гераклида, а вслед за ним и автора наших эксцерптов, по возможности повторять слова, выражения и даже целые предложения Афинской Политии Аристотеля. Дальнейшее, уже непосредственное сравнение эксцерптов с сохранившимся текстом Афинской Политии подтверждает правильность такого заключения.

Эксцерпт из сообщения Аристотеля о заговоре Килона не содержит дословных совпадений с окончанием этого сообщения, сохранившимся в нашем тексте Афинской Политии. Зато дальше дословные совпадения встречаются в изобилии. Прибегает автор извлечений (а до него, возможно, уже и Гераклид) к легкой переделке — те же слова даются иногда в других формах. Бывает и замена синонимическим словом или выражением. Впрочем, встречаются и отступления от текста [Афинской Политии].

Эксцерпты

Σόλων νομοθετῶν Ἀθηναίσις καὶ χρεῶν ἀποκοπὰς ἐποίησε, τὴν σεισάχθειαν καλούμενην (§ 3 R = § 5 S).

ὡς δ' ἐνώχλουν αὐτῷ τινες περὶ τῶν νόμων, ἀπεδήμησεν εἰς Αἴγυπτον (ibid.).

Πεισίστρατος τριάκοντα καὶ τρία ἔτη τυραννίσας γηράσας ἀπέθανε (§ 4 R = § 6 S).

Ἰππαρχος ὁ υἱὸς Πεισίστρατου παιδιώδης ἦν καὶ ἐρωτικὸς καὶ φιλόμουσος, Θεσσαλὸς δὲ νεώτερος καὶ θρασύς (ibid.).

τοῦτον τυραννοῦντα μὴ δυνηθέντες ἀνελεῖν, Ἰππαρχὸν ἀπέκτειναν τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ (ibid.).

Афинская Полития

καὶ νόμους ἔθηκε καὶ χρεῶν ἀποκοπὰς ἐποίησε. . . ἄς σεισάχθειαν καλοῦσιν (6, 1).

ἐπειδὴ προσιόντες περὶ τῶν νόμων ἠνώχλουν . . . ἀποδημίαν ἐποίησατο . . . εἰς Αἴγυπτον (11, 1).

Πεισίστρατος μὲν οὖν ἐγκατεγήρασε τῇ ἀρχῇ καὶ ἀπέθανε . . . ἀφ' οὗ μὲν κατέστη τὸ πρῶτον τυραννὸς ἔτη τριάκοντα τρία (17, 1).

κατεῖχον οἱ υἱεῖς τὴν ἀρχήν (17, 3) . . . ὁ δὲ Ἰππαρχος παιδιώδης καὶ ἐρωτικὸς καὶ φιλόμουσος ἦν . . . Θεσσαλὸς δὲ νεώτερος πολὺ καὶ τῷ βίῳ θρασύς καὶ ὕβριστής (18, 1—2).

Сравнение с Афинской Политией (18, 3) показывает, что буквальных или близких к ним совпадений здесь нет. Словом τυραννοῦντα передано выражение ἐπεστάτει τῆς ἀρχῆς (18, 1).

Ἰππίας δὲ πικρότατα ἐτυράννει (ibid.).

καὶ τὸν περὶ ὄστρακισμοῦ νόμον εἰσηγήσαντο (Cogaes εἰσηγήσατο), ὃς ἐτέθη διὰ τοῦς τυραννιῶντας, καὶ ἄλλοι τε ὄστρακίσθησαν καὶ Ἐάνθιππος καὶ Ἀριστείδης (ibid.).

Ἐφιάλτης τοὺς ἰδίους ἀγροὺς ὀπωρίζειν παρῆγε τοῖς βουλομένοις, ἐξ ὧν πολλοὺς ἐδειπνίει (§ 5 R = § 8 S).

Κλέων παραλαβὼν διέφθειρε τὸ πολίτευμα, καὶ ἔτι μᾶλλον οἱ μετ' αὐτόν, οἱ πάντα ἀνομίας ἐνέπλησαν καὶ ἀνεῖλον οὐκ ἔλασσους χιλίων φ' (§ 6 R = § 9 S).

τούτων δὲ καταλυθέντων Θρασύβουλος καὶ Ῥίνων προεστῆκεσαν, ὃς ἦν ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγαθός (ibid.).

ἢ ἐξ Ἀρείου πάγου βουλή πολλὰ ἐδύνατο (§ 7 R = § 10 S).

И здесь передан только смысл соответствующего места Афинской Политии (19, 1). Слово πικρότατα — отголосок аристотелевского πᾶσιν ἦν ἄπιστος καὶ πικρός.

Совпадают (22, 1, 3, 4, 6) только слова ἐτέθη и ὄστρακίσθησαν (в Афинской Политии в единственном числе). Слово τυραννιῶντας (глагол τυραννιάω — «стремиться к тирании») чуждо языку Аристотеля, который говорит, что установление закона было вызвано подозрительным отношением к могущественным людям, так как Писистрат, будучи демагогом и стратегом, стал затем тираном — τύραννος κατέστη (22, 3).

Κίμων . . . τῶν δημοτῶν ἔτρεφε πολλοὺς. ἐξῆν γὰρ τῷ βουλομένῳ Λακιάδῶν καθ' ἐκάστην ἡμέραν . . . ἔχειν τὰ μέτρια . . . ὅπως ἐξῆ τῷ βουλομένῳ τῆς ὀπώρας ἀπολαύειν (27, 3).

Κλέων . . . ὃς δοκεῖ μάλιστα διαφθεῖραι τὸν δῆμον (28, 3) . . . οὐκ ἐλάττους ἀνηρήκεσαν ἢ χιλίους πεντακοσίους (35, 4). Из употребленных в эксцерпте слов глагол παραλαμβάνω в смысле «принять в руки власть» встречается в Афинской Политии в другой связи (38, 1). Существительное πολίτευμα, отнюдь не редкое в Политике, в Афинской Политии не встречается; ἀνομία встречается в «Реторике к Александру» (см. Index Aristotelicus), которая не принадлежит Аристотелю (слово ἀνομία, впрочем, не является редким у греческих авторов; имеется оно и в другом месте наших эксцерптов; fr. 611₁₀).

τοὺς μὲν τριάκοντα κατέλυσαν (38, 1) . . . προεστῆκεσαν δ' αὐτῶν μάλιστα Ῥίνων . . . καὶ Φάβλλος (38, 3). Появление Фрасибуда рядом с Риноном в достаточной степени оправдывается его ролью при восстановлении демократии (37, 1; 40, 2). Эпитеты, которыми наделяется в эксцерптах Ринон, навеяны хвалебными отзывами о нем в Афинской Политии (38, 4).

Употребленный Аристотелем глагол ἰσχυσεῖν (23, 1) заменен в эксцерптах выражением πολλὰ ἐδύνατο.

Если в передаче исторического раздела Афинской Политики мы, как видно из сделанного выше сопоставления текстов, встречаемся с разнообразными случаями — от дословного цитирования до вольного пересказа своими словами, то с передачей систематического раздела дело обстоит проще. Здесь почти везде мы имеем буквальное (или с некоторыми перестановками) воспроизведение слов Аристотеля.

Эксерцпты

καὶ τῶν ὀδῶν ἐπιμελοῦνται, ὅπως μὴ τινες κατοικοδομῶσιν αὐτάς ἢ δρυφάκτους ὑπερτείνωσιν (§ 8 R = § 11 S). ὁμοίως δὲ καθιστάσι καὶ τοὺς ἔνδεκα τοὺς ἐπιμελησομένους τῶν ἐν τῷ δημοτηρίῳ (ibid.).

εἰσι δὲ καὶ ἐννέα ἄρχοντες, θεσμοθέται οἱ δοκιμασθέντες ὀμνύουσι δικαίως ἄρξειν καὶ δῶρα μὴ λήψεσθαι ἢ ἀνδριάντα χρυσοῦν ἀναθήσειν (ibid.).

ὁ δὲ βασιλεὺς τὰ κατὰ τὰς θυσίας διοικεῖ καὶ τὰ πολέμια (ibid.).

Афинская Политика

ἀστυνόμοι . . . ἐπιμελοῦνται, καὶ τὰς ὀδοὺς κωλύουσι κατοικοδομεῖν, καὶ δρυφάκτους ὑπὲρ τῶν ὀδῶν ὑπερτείνειν (50, 2). καθιστάσι δὲ καὶ τοὺς ἔνδεκα . . . ἐπιμελησομένους τῶν ἐν τῷ δημοτηρίῳ (52, 1).

οἱ δὲ καλούμενοι ἐννέα ἄρχοντες . . . θεσμοθέτας μὲν ἕξ (55, 1). δοκιμασθέντες δὲ . . . ὀμνύουσι δικαίως ἄρξειν . . . καὶ δῶρα μὴ λήψεσθαι . . . κἄν τι λάβωσι ἀνδριάντα ἀναθήσειν χρυσοῦν (55, 5).

ὁ δὲ βασιλεὺς . . . τὰς πατρίους θυσίας διοικεῖ . . . πάσας (57, 1).

Сопоставление Афинской Политики Аристотеля с его Политикой делалось не раз. При этом преследовалась цель показать, что противоречий между обоими трактатами не имеется как в смысле использования исторических фактов, так и в смысле высказываемых или легко угадываемых читателем политических воззрений. Отсюда вытекало заключение, что наряду с другими аргументами отсутствие противоречий между Политикой и Политией опровергает сомнения в принадлежности Аристотелю трактата о государственном устройстве Афин.

В настоящее время, когда авторство Аристотеля является общепризнанным, сопоставление Афинской Политики с Политикой должно быть сделано с иной точки зрения. Не подлежит сомнению, что Политика не могла быть написана, если бы предварительно (и во время писания ее) автор не собрал большой фактический материал государственно-правового и исторического характера, в частности по государственному устройству Афин в IV в. до н. э. и в прежние времена. В этом убеждает нас не только в избитых включенные в Политику примеры из прошлого и из действительности IV в. разных полисов, но и те рассуждения Аристотеля, в которых, хотя они и не снабжены ссылками на прошлое или на современность, ясно видна широкая осведомленность автора в политической и социальной истории греческого мира. Нельзя представить себе работу над Политикой без большого вспомогательного аппарата в виде более или менее систематизированного собрания материалов — предварительных очерков, конспектов,

выписок, даже отдельных отрывочных записей. Когда в 329/328 г. Аристотель приступил к написанию Афинской Политии,⁸ он не мог обойтись без всего того материала, который был использован им для Политики.

Сравнение Афинской Политии и Политики даст нам ответ на следующие вопросы: 1) в какой степени и как фактический материал, имеющийся в Афинской Политии, отражен в Политике, нет ли в последней таких фактов, которые оставлены без внимания в Политии и нет ли в Политии того, что противоречило бы фактическим данным Политики; 2) в какой мере и как политические воззрения, выраженные в Политике, отражаются в Афинской Политии?

Начнем с первого вопроса. Интересующий нас материал Политики целесообразнее всего расположить по трем разделам: 1) то, что повторяется в Афинской Политии; 2) то, что в ней не повторяется; 3) то, что находится в противоречии с Афинской Политией.

Более или менее развернутые рассуждения Аристотеля в Политике, в которой дается характеристика демократии как таковой, т. е. демократии в отличие от других форм правления, а также разных видов демократии от очень умеренной до той, какую Аристотель называет крайней, основаны на хорошем знакомстве автора с историей развития афинского государственного строя. То же можно сказать и о рассуждениях Аристотеля, касающихся тирании и олигархии.

Однако далеко не все фактические данные об афинской демократии, тирании и олигархии упомянуты *expressis verbis* в качестве примеров из афинской истории и отчасти из деталей афинского государственного строя IV в.

Солона, как говорит Аристотель в Политике, считают дельным законодателем и основателем прародительской демократии (II, 9, 2, 1273b, 35 sqq.); с этим совпадает и мнение самого Аристотеля о Солоне, последний был из средних слоев гражданства и принадлежал к наилучшим законодателям (IV, 9, 10, 1296a, 18 sqq.). Анализ конституций Солона, сделанный в Политике, и защита законодателя от обвинений со стороны тех, кто ставил ему в вину дальнейшее развитие афинской демократии в нежелательном (для ее противников) направлении, показывает, что автор Политики считал Солона основателем именно умеренной, прародительской демократии. Те же взгляды на Солона прямо высказаны в Афинской Политии: он был по своему имущественному положению и роду занятий из «средних» (5, 3), думал не о собственном обогащении, а о благе и спасении отечества (6, 3), не воспользовался возможностью стать тираном, а предпочел спасти отечество и дать наилучшие законы (11, 2). Те, с кем солидаризируется в Политике Аристотель, признавали за Солоном заслугу упразднения чистой олигархии и освобождения народа от

порабощения (II, 9, 2, 1273b, 36 sqq.). Так же смотрел на Солона Аристотель и в Афинской Политии — прежний государственный строй был во всех отношениях олигархическим, народ был в порабощении (2, 2). Солон освободил народ (6, 1). Правда, в Афинской Политии демократическая конституция Солона нигде прямо не названа *πάτριος* — прародительской, но в тех местах, где употреблено такое выражение (34, 3; 35, 2), имеется в виду старинное афинское устройство, относящееся ко временам до Персидских войн (но ни в коем случае не до Солона), без определенной дифференциации между конституциями времен Солона и Клизфена (cf. 29, 3 — в постановлении 441 г.: *τοὺς πατρίους νόμους, οὓς Κλεισθένης ἔθηκεν ὅτε καθίστη τὴν δημοκρατίαν*). Политическая деятельность Солона, занимающая много места в Афинской Политии, довольно подробно разбирается и в Политике. Солон, как сказано в Политике, сохранил в своей конституции некоторые элементы прежнего устройства, именно Ареопаг и выборность должностных лиц, и добавил новый элемент — демократический в виде народных судов — *τόν τε δῆμον καταστήσαι, τὰ δικαστήρια ποιήσας ἐκ πάντων* (II, 8, 2, 1273b, 41 sqq.). О народных судах, как об основе афинской демократии, говорится и в Афинской Политии (9, 1). Упоминание о судах вызывает оба раза в сознании Аристотеля воспоминание о нападках на основателя афинской демократии со стороны противников демократии и побуждает его выступить с возражениями. Как всегда, в Политике он более краток, — противники Солона гневаются на него за то, что он лишил значения Ареопаг и выборных должностных лиц и поставил во главе всего народный суд, члены которого назначаются по жребию, — *κύριον ποιήσαντα τὸ δικαστήριον πάντων, κληρωτὸν ὄν* (II, 9, 3, 1274a, 3 sqq.). В Афинской Политии разъясняется, каким образом Солон будто бы осуществил свое намерение сделать суд главенствующим учреждением. В текст своих законов Солон умышленно внес неясность, чтобы дать возможность суду решать дела по своему усмотрению (9, 2). В Политике враждебное Солону мнение опровергается ссылкой на исторические факты — власть Ареопага была сокрушена Эфиальтом и Периклом, тот же Перикл ввел денежное вознаграждение судьям, каждый же из последующих демагогов повел дело дальше, в результате чего и получилась современная Аристотелю демократия (II, 9, 3, 1274a, 7 sqq.). В Афинской Политии есть специальное возражение против утверждения об умышленной неясности законов — Солон не мог в общих формулировках охватить наилучшее (9, 2); кроме того, в соответствующих местах, вне рассказа о Солоне, имеются сообщения о законах Эфиальта и Перикла, направленных к уменьшению значения Ареопага (25, 1, 2, 4; 27, 1), и о введении и постепенном увеличении оплаты судей, а также о вознаграждении за посещение народного собрания (27, 3; 28, 3; 41, 3). Таким образом, и в Политике Аристотель проводит ту мысль, что в замыслы Со-

лона не входило сделать народную массу вершителем судеб государства.

В полном согласии между собой Политика и Афинская Политика признают, что Солон дал народу (т. е. всему составу гражданства, включая фетов) власть выбирать должностных лиц (Политика II, 9, 4, 1274a, 15 sqq. и III, 6, 7, 1281b, 32 sqq. — с добавлением καὶ εὐθύνειν, ἐπὶ ... τὰς εὐθύνας; Афинская Политика 7, 3 и 8, 1 — с уточнением, что в филах выбирали кандидатов на должности, между которыми затем метали жребий). К занятию должностей, согласно показаниям обоих трактатов, Солон допустил только граждан первых трех классов (Политика II, 9, 4, 1274a, 18 sqq. и III, 6, 7, 1281b, 34; Афинская Политика 7, 3). Здесь находим и пример если не полного совпадения словесных формулировок, то большой близости между ними: τὸ δὲ τέταρτον θητικόν, οἷς οὐδεμιᾶς ἀρχῆς μετέην (Политика II, 9, 4, 1274a, 21) и τοὺς ἄλλους θητικόν (scil. ἔδει τελεῖν), οὐδεμιᾶς μετέχοντα ἀρχῆς (Афинская Политика 7, 4).

Солону и его реформам уделено в Политике больше места, чем всем прочим афинским политическим деятелям вместе взятым. Фигура реформатора интересовала не только Аристотеля, но и других политических писателей, как видно уже из ссылок Аристотеля на разные боровшиеся между собой мнения. Строй, установленный Солоном, и его законы часто получали очень высокую оценку. Не удивительно поэтому, что Аристотель, перечисляя в Политике те реальные и воображаемые конституции, которые считались или выдавали себя за образцовые, поместил среди них и конституцию Солона. Однако если ближе присмотреться к анализу таких государственных устройств, какой сделан Аристотелем во II книге Политики, то нетрудно заметить, что конституция Солона занимает среди них особое место. Разбирая построения Платона (в его «Государстве» и «Законах»), Фалея Халкедонского, Гипподама Милетского, Аристотель показывает читателю их недостатки. Основная мысль Аристотеля при этом та, что рассматриваемые им проекты государственных устройств не являются безукоризненными. От этих проектов он переходит к разбору государственных устройств Спарты, Крита (точнее критских полисов), Карфагена. Оказывается, что ни спартанский, ни критский строй не удовлетворяют Аристотеля. Строй Карфагена расценивается довольно высоко, но и он имеет не одну отрицательную сторону. Затем упоминаются отдельные законодатели — Солон, Залевк, Харонд, Ономакрит, Филолай, Драконт, Питтак, Андродамант. Ни один из них, за исключением Солона, не задерживает на себе внимания автора. Аристотель кратко отмечает хронологические погрешности в существовавших в его время представлениях о преемственности между отдельными законодателями, иногда приводит биографические подробности, бегло отмечает содержание некоторых законов, один раз задерживается на фор-

мулировке некоторых законов, называя их автора (Харонда) «более тщательным в смысле точности, чем даже современные [Аристотелю] законодатели» (II, 9, 8, 1274b, 7 sqq.). От обзора всех этих законодателей параграфы, посвященные Солону, отличаются своей обстоятельностью. От предыдущих же глав, с их открыто критической направленностью, главы, посвященные рассмотрению деятельности Солона, резко отличаются по своему общему характеру. Как мы видели выше, Аристотель не возражает против мнения тех, кто считал Солона дельным законодателем (II, 9, 2, 1273b, 35 sq.). Носители этого мнения ставили в заслугу Солону упразднение олигархии, освобождение народа от порабощения и установление *πάτριος πολιτεία*; в конституции Солона они видели соединение трех элементов — олигархического, аристократического и демократического. Уточнение Аристотеля — новшеством Солона было только учреждение судов, т. е. введение в конституцию демократического элемента, тогда как два других элемента он сохранил от старого строя, — никак нельзя рассматривать как возражение. Дальше Аристотель опровергает возводимые на Солона, с его точки зрения необоснованные, обвинения. Таким образом, в этом ряду отвергаемых с разных точек зрения конституций (и проектов конституций) единственной, в которой Аристотель не находит недостатков, является конституция Солона. Нежелательные, с позиций Аристотеля, последствия введенных Солоним порядков появились позже, более под влиянием стечения обстоятельств — *μᾶλλον ἀπὸ συμπτώματος* (II, 9, 4, 1274a, 12). Сам законодатель не несет за них ответственности. Самое большее, что можно вычитать между строк Афинской Политии, это мысль, что достойная всякой похвалы конституция Солона не устояла под напором некоторых враждебных ей тенденций, появившихся в начале V в. и затем укрепившихся в афинской действительности. В сущности, такой же общий взгляд на Солона и его конституцию отражается и в Афинской Политии. Следовательно, когда Аристотель писал Афинскую Политию, он исходил из того взгляда на афинского реформатора, какой сложился у него еще во время его работы над II книгой Политики.

Из фактов афинской истории досолоновского времени (если оставить пока в стороне мифические времена) в Политике упоминается лишь законодательство Драконта с общей характеристикой его законов, которые были очень суровы, и категорическим утверждением, что никакого изменения в конституции Драконт не произвел, — *πολιτεία δ' ὑπαρχούσῃ* (9, 9, 1274b, 15 sqq.). Об этом замечании речь будет ниже. Афинская Полития упоминает о законах Драконта в рассказе о Солоне: со времен Солона афиняне перестали пользоваться законами Драконта, за исключением законов об убийстве (7, 1).

Нередко обращается Аристотель в Политике к фактам более позднего времени. В книге, посвященной государственным пере-

воротам, он несколько раз говорит о Писистрате и один раз о Писистратидах. Среди тиранов, бывших первоначально демагогами, назван и Писистрат (V, 8, 4, 1310b, 29 sqq.). Такие тираны захватывают власть при поддержке народа, чье доверие они приобрели благодаря своему враждебному отношению к богачам; так было в Афинах с Писистратом, который боролся против педиаков (4, 5, 1305a, 21 sq.). Легко увидеть в этом всем близкую параллель к некоторым местам Афинской Политии, в которых Писистрат назван простатом народа, главой диакриев, противником педиеев и где описан способ, каким он добился назначения ему телохранителей (13, 4; 14, 1; 28, 2). Писистрат, обвиненный в убийстве, явился на суд Ареопага, — так говорится о нем в Политике (V, 9, 21, 1315b, 21 sq.). То же, но с несколько большими подробностями, находится и в Афинской Политии (16, 8). Покушения на тиранов происходят часто, согласно Политике, под влиянием гнева, из желанья отомстить за причиняемые ими обиды; такова была причина покушения на Писистратидов в Афинах, когда Гармодий мстил за сестру, а Аристокрит за Гармодия (V, 8, 9, 1311a, 31 sqq.). Это же, но с большей детализацией, уже в виде довольно развернутого рассказа, имеется и в Афинской Политии (18, 2—3).

Другое место, касающееся падения тирании в Афинах, не отличается большой конкретностью и на первый взгляд как будто даже противоречит показаниям Афинской Политии. «Люди больше всего поддаются своим страстям вследствие наглости; по этой причине была упразднена тирания Писистратидов и многие из прочих» (или «и многие тирании других» — V, 8, 20, 1312b, 17 sqq.). Страсти, т. е. гнев, в результате обиды, нанесенной наглым тираном, это должно быть отнесено к случаю Гармодия с Гиппархом и не может вызвать недоумение. Зато дальнейшее — $\delta\iota\ \eta\upsilon\ \alpha\iota\tau\iota\alpha\upsilon\ \eta\ \tau\epsilon\ \tau\omega\upsilon\ \Pi\epsilon\iota\sigma\iota\sigma\tau\alpha\tau\iota\delta\omega\upsilon\ \kappa\alpha\tau\epsilon\lambda\acute{\upsilon}\theta\eta\ \tau\upsilon\pi\alpha\upsilon\upsilon\varsigma$ — способно навести на подозрение, что Аристотель стоит здесь на почве народной традиции, задолго до того опровергнутой Фукидидом, будто Гармодий и Аристокрит уничтожили тиранию.⁹ Однако ввиду схематичности сообщения его естественнее понимать в том смысле, что выступление друзей — тираноктонов послужило началом для низвержения тиранов. Таким путем получится и согласно с Афинской Политией, где падение тирании изображается как следствие всеобщей ненависти, вызванной жестоким правлением Гиппия, который, мстя за смерть брата, многих казнил и подверг изгнанию (19, 1). Словом, разобранный место Политии не находится в конфликте с Афинской Политией и выражает только то, что еще в конце VI в. думали афиняне, когда они поставили в своем городе группу работы Антенора, изображавшую тираноубийц,¹⁰ которых они чтили за открытое мужественное выступление против тирании.

После изгнания тиранов Клисфен включил в филы многих чужеземцев и рабов-метэков (вольноотпущенников) или, по дру-

тому толкованию (при соответствующем изменении текста), чужеземцев, рабов и метэков (III, 1, 10, 1275b, 34 sqq.).¹¹ Здесь же государственный переворот обозначен словами μεταβολῆς γενομένης πολιτείας (ἦν δὲ τῶν μεταβολῶν ἑνδεκάτῃ τὸν ἀριθμὸν αὐτῇ — Афинская Политика 41, 2). О принятии в состав гражданства Клисфеном множества новых людей и об изменении в связи с этим официального обозначения афинских граждан (их стали называть по демам) говорится и в Афинской Политии (21, 1, 4). На этот раз Политика дает нам несколько более детализированные сведения, хотя и легко подразумеваемые при чтении Афинской Политии. В другом месте Политики Аристотель говорит о том, что для демократии выгодно перемешивать между собой граждан, разрывая прежде существовавшие связи; сюда относится создание новых фил и фратрий в большем числе, чем их было раньше (VI, 2, 11, 1319b, 19 sqq.). О таком же перемешивании граждан читаем и в отмеченном выше месте Афинской Политии (21, 1).

После Персидских войн поднимается авторитет Ареопага. Причина этого — заслуги Ареопага во время войны, о чем в Политике сказано в самой общей форме, — ἡ ἐν Αρείῳ πάγῳ βουλή εὐδοκίμησασα ἐν τοῖς Μηδικοῖς (V, 3, 5, 1304a, 20 sq.). Подробности даются в Афинской Политии, где рассказано о раздаче афинским гражданам денег, по восьми драхм каждому, перед эвакуацией Афин, из средств, добытых Ареопагом, который, таким образом, обеспечил победу (23, 1). Главенство Ареопага ознаменовалось тем, что афинский государственный строй стал более строгим, подтянутым, — ἔδοξε συντονιστέραν ποιῆσαι τὴν πολιτείαν (V, 3, 5, 1304a, 21). Навстречу этому идут два места Афинской Политии, из которых узнаем, что афиняне в это время управлялись хорошо (21, 2), а после падения Ареопага управление стало делаться распушенным — συνέβαινεν ἀνίστασθαι μᾶλλον τὴν πολιτείαν (26, 1). Период главенства Ареопага пришел к концу после реформ Эфиальта и Перикла. Предпосылкой этих реформ было повышение самосознания демоса. В Политике дело изображается так, что народ возгордился, так как он был виновником преобладания на море — τῆς ναυαρχίας¹² γὰρ ἐν τοῖς Μηδικοῖς ὁ δῆμος αἴτιος γεγόμενος ἐφρονηματίσθη — и взял себе дурных демагогов (II, 9, 4, 1274a, 18 sqq.); так же и в другом месте: морская чернь, став виновником Саламинской победы, а вследствие этого и гегемонии благодаря могуществу на море, сделала демократию более сильной — καὶ πάλιν ὁ ναυτικός ὄχλος γεγόμενος αἴτιος τῆς περὶ Σαλαμίνα νίκης καὶ διὰ ταύτης τῆς ἡγεμονίας διὰ τὴν κατὰ θάλατταν δύναμιν τὴν δημοκρατίαν ἰσχυροτέραν ἐποίησεν (V, 3, 5, 1304a, 21 sqq.). О демагогах Аристотель неодобрительно отзывался и в разных местах Афинской Политии, причем усиление демоса также ставится в связь с гегемонией на море (26, 1; 27, 1; 28, 1, 4; 24 — усиление демократии в результате массового переселения деревенских жителей в Афины, что стало воз-

можно благодаря дани и разным сборам, часть которых составляли таможенные и другие подобные сборы, т. е. в конечном счете благодаря гегемонии на море).

Усилению демократии способствовало и количественное уменьшение антидемократических элементов (по терминологии Аристотеля — γυφῆροι, ἐπιεικεῖς) в результате войн, так как в V в. до н. э. войско пополнялось путем набора по списку граждан (подразумевается: а не наемниками, как во времена Аристотеля). Такое объяснение дается и в Политике (V, 2, 8, 1303a, 8 sqq.), и в Афинской Политии (26, 1).

Суммарному упоминанию об ostracismе в Политике — διὸ ἐμάχῳ εἰσθάσαιν ὀστρακίζειν, οἷον. . . Ἀθῆνησιν (V, 2, 5, 1302b, 18 sq.) — соответствуют в Афинской Политии сообщения о введении закона об ostracismе и применении его в ряде конкретных случаев (22, 1, 3—6, 8; 27, 4).

Из истории Афин времен олигархических переворотов конца V в. встречаем в Политике сообщение о том, что Четыреста в момент захвата власти обманули афинский народ надеждой на денежную помощь со стороны персидского царя, а затем, когда обман стал очевидным, все же пытались удержать власть в своих руках (V, 3, 8, 1304b, 10 sqq.). О том же демагогическом приеме олигархов, которые убедили народ в том, что после изменения государственного строя персидский царь будет помогать в войне Афинам, Аристотель написал и в Афинской Политии (29, 1).

Заключение, сделанное Аристотелем в Политике, что жители Пирея отличались более демократическим духом, чем жители города Афин (V, 2, 12, 1303b, 7 sqq.), надо думать, выведено главным образом на основании событий конца V в., когда предводимые Фрасибулом демократы, выступившие против олигархии Тридцати, опирались на Пирей и его население, как это рассказано Аристотелем в Афинской Политии (38, 3—5).

От материала исторического переходим к материалу, подходящему для второй, систематической части Политии. Из афинских установлений в Политике упомянуты очень немногие. Это, во-первых, суд во Фреатто. В том месте Политики, где перечисляются разновидности суда, выделен суд над изгнанниками по обвинению в убийстве при их возвращении (на родину), каковым является, например, в Афинах суд во Фреатто, практически, впрочем, редко бывающий даже в больших государствах (IV, 13, 2, 1300b, 27 sqq.). О том же суде узнаем из Афинской Политии несколько больше: этот суд разбирает дела об убийстве и ранении, учиненные человеку, который подвергся изгнанию за преступление, допускающее примирение, причем обвиняемый защищается, находясь в лодке, на которой он подплыл к берегу; судьями являются назначенные по жребью эфеты, председательствует царь; суд творится под открытым небом, царь во время суда снимает с себя венок (57, 3—4).

Упоминается в Политике и коллегия одиннадцати. Аристотель считает нецелесообразным соединение в руках одних и тех же должностных лиц полномочий произносить приговор и приводить его в исполнение. Ведь такие должностные лица будут вызывать к себе вдвое большую ненависть. Если же одни и те же лица будут ведать всем (здесь испорченное место, но смысл, вероятно, именно тот, что нельзя в ведение одних и тех же должностных лиц передавать все), то они будут враждебны всем. За этим следуют слова: «Во многих местах выделена и охраняющая власть, вдобавок к исполняющей, как например в Афинах — власть так называемых одиннадцати» — *πολλαχῶς δὲ διήρηται καὶ ἡ φυλάττουσα* (scil. ἀρχή) πρὸς τὴν πραττομένην, οἷον Ἀθηναίων τῶν ἐνδεκα καλουμένων (VI, 5, 7, 1322a, 19 sq.). При имеющемся тексте получается противоречие с Афинской Политией, где одиннадцать представлены не только как стражи в тюрьмах, но и как исполнители приговоров (52, 1). Еще до нахождения Афинской Политии функции одиннадцати были достаточно известны, а потому было предложено атетировать в Политике слова, касающиеся одиннадцати, как позднейшую вставку.¹³ Хорошая конъектура Иммиша — *δὲ <προ>ήρ<ε>ται* — спасает положение, если понимать получающееся предложение не как пример хорошего решения вопроса (в Афинах удачно решили вопрос и к исполнителям добавили еще сторожей в тюрьмах), а как пример обратного (а вот в Афинах власть, исполняющую приговоры, соединили с властью охраняющей, между тем как они должны быть отделены одна от другой).

Третье и последнее государственное установление, прямо названное в Политике, — закон о содержании на государственном счете детей граждан, павших на войне (II, 5, 5, 1268a, 8 sqq.). В Афинской Политии закон этот упоминается мимоходом и не во второй части (если считать, что для него не было места в утраченных заключительных главах трактата), а в том месте первой части, где речь идет о гражданах, получающих содержание от государства в V в. (и позднее), среди них названы сироты — *ὄρφανοί* (24, 3). Закон этот известен нам и из других источников, важнейшими из которых, т. е. яснее всего объясняющими сущность закона (относимого к V и IV вв.), являются Фукидид и Платон. У Фукидида Перикл в речи в честь павших в первый год Пелопоннесской войны говорит: «Детей их государство будет отныне воспитывать на общественный счет до юношеского возраста» — *ἀπὸν τοῦδε δημοσίᾳ ἢ πόλις μέχρι ἡβῆς θρέψει* (II, 46). То же, с некоторыми амплификациями, находим у Платона — «Установив законы относительно детей тех, кто пал на войне ... детей воспитывает самое государство» — *νόμους θεμένη* (scil. ἡ πόλις) *περὶ τοῦς τῶν ἐν τῷ πολέμῳ τελευτησάντων παῖδας ... τοῦς δὲ παῖδας συνεκτρέφει αὐτή* (Menex. 21, 248E sq.). Эти параллельные места показывают, что

Аристотель в Афинской Политии имел в виду именно закон о детях, которые остались сиротами после гибели их отцов на войне.

После перечисления мест Политики, совпадающих или почти совпадающих с соответствующими местами Афинской Политии, следует остановиться на двух местах Политики, требующих особого рассмотрения, чтобы затем перейти к местам, не находящим себе параллелей в Афинской Политии.

Рассуждая о том, каким путем получается царская власть, Аристотель в Политике выдвигает положение, что благодетели своего отечества становятся царями. Заслуги перед отечеством бывают разные; в частности, Кодр во время войны спас отечество от порабощения (V, 8, 5, 1310b, 34 sq.). Едва ли будет слишком смелым предположение, что царь Кодр и его подвиг в той или иной форме были упомянуты в начальной, утраченной части Афинской Политии. Перечисляя разные виды демоса, Аристотель называет морской демос, а среди разновидностей последнего характерный для Афин триэрский демос — *τριηρικὸν δὲ Ἀθήνησι* (IV, 4, 1, 1291b, 22 sq.), т. е. занятый на военных кораблях в качестве матросов (и гребцов).¹⁴ Такого общего определения афинского демоса Афинская Полития не дает, вероятно потому, что значение военного флота, а следовательно и флотских людей для Афин, Аристотель считал чем-то общеизвестным, не требующим специального упоминания.

Рассмотрим места Политики, вовсе не находящие себе соответствия в Афинской Политии. Здесь следует различать два случая. Некоторые сообщения Политики по своему содержанию не подходят для Афинской Политии. Следовательно, отсутствие соответствующих сообщений в Афинской Политии является вполне естественным и не нуждается в каких-либо специальных объяснениях. Сюда относятся сообщения о взаимоотношениях между афинянами и наиболее могущественными членами первого морского союза — Самосом, Хиосом, Лесбосом (III, 8, 4, 1284a, 38 sqq.); показания Афинской Политии (24, 2) о привилегированном положении Хиоса, Лесбоса и Самоса в морском союзе лишь отчасти совпадают с сообщением Политики (притом только в подразумеваемой его части) о стремлении афинян повсюду упразднить олигархии (V, 6, 9, 1307b, 22 sqq.), об отношении афинян к игре на флейте как к воспитательному средству в разные периоды их истории (VIII, 6, 6, 1341a, 24 sqq.).

Два важных исторических сообщения включены в Политику, но не нашли себе места в Афинской Политии. Первое из них о том, что Солон установил какой-то максимум земельной собственности (II, 4, 4, 1266b, 16 sqq.), второе — о демагогии, которую осуществляли среди Тридцати Харикл, а среди Четырехсот Фриних (V, 5, 4, 1305b, 23 sqq.). В Афинской Политии Аристотель не только оставляет в стороне самый факт существования демагогов

среди олигархов, но даже не упоминает имен Фриниха и Харикла. За недостатком данных лучше воздержаться от попытки объяснить умолчание о законе Солона. По поводу же второго сообщения высказано предположение, что Аристотель назвал Фриниха демагогом среди Четырехсот для того, чтобы как-то выгородить Ферамена.¹⁵ Если так, то тем удивительнее неупоминание о Фринихе в Афинской Политии, где имеется неприкрытое восхваление Ферамена (28, 5; 34, 3), который был одним из виновников свержения олигархии Четырехсот (33, 2; 37, 1), хотя он же и назван среди трех главных деятелей переворота 411 г. (32, 2). Проще обстоит дело с Хариклом. Роль его среди Тридцати была не менее значительна, чем роль Крития (Лисий XII, 55; Андокид I, 36; Ксенофонт, Воспоминания о Сократе I, 2, 31 sq.). Однако Аристотель вообще не упоминает (если не считать Ферамена) ни одного имени участников олигархии Тридцати, не делая исключения даже для Крития.

Во всяком случае следует отметить, что изредка в Политике встречаются сообщения о фактах, которые могли бы подойти для Афинской Политии, но не использованы в ней.

Остановимся еще на противоречиях между Политикой и Афинской Политией. Настоящие противоречия констатируются только в двух случаях. В Политике Аристотель так определяет длительность правления Писистрата: «Оно не было непрерывным, ведь Писистрат, будучи тираном, два раза был изгнан так, что из тридцати трех лет он властвовал семнадцать лет» (V, 9, 23, 1315b, 30 sqq.). Между тем расчеты, произведенные на основании ряда хронологических данных в Афинской Политии (14, 1, 3, 4; 15, 1, 2), привели Аристотеля к заключению о девятнадцати годах реального правления Писистрата (17, 1). По-видимому, в Афинской Политии автор сознательно уточняет и исправляет то, что он сам написал в Политике.¹⁶

Поправкой к Политике, но уже гораздо более существенной, следует считать внесение в Афинскую Политию довольно обстоятельного очерка конституции Драконта (4). В Политике Драконт представлен как законодатель, не внесший никаких изменений в конституцию государства, — *Δράκωντος δὲ νόμοι μὲν εἰσι, πολιτεία δ' ὑπαρχούσῃ τοῖς νόμοις ἔθηκεν* (II, 9, 9, 1274b, 15 sq.). Ввиду отсутствия солидных доказательств неаристотелевского происхождения 4-й главы Афинской Политии следует считать ее не позднейшей вставкой, а неотъемлемой составной частью этой Политии.¹⁷ В руки Аристотеля, когда он работал над Афинской Политией, попал какой-то редкий, не оставивший никакого другого следа источник, содержавший описание конституции Драконта (едва ли имеющее шансы считаться достоверным). Благодаря этому оказалось возможным увеличить серию конституций, составляющую одну из главных линий в композиции Афинской Политии. Место в Политике, отрицающее самый факт существования конститу-

дии Драконта (конечно, не полемически, а в плане простого констатирования), осталось неисправленным.

Подведем итоги всему сказанному. В подавляющем большинстве случаев упомянутые в Политике факты и обстоятельства, касающиеся Афин, не оставлены в стороне в Афинской Политии. Если бы фактическую сторону последней приходилось реконструировать на основании Политики, то результат получился бы (если отвлечься от неполноты) удовлетворительный: грубой ошибкой была бы только уверенность в том, что ни о какой драконтовской конституции в Афинской Политии не могло быть речи.

Из сделанных сопоставлений следует в высшей степени утешительный вывод: как Политика, так и конспект Гераклида содержат исторический и государственно-правовой материал, идентичный тому, какой содержали Политии. Значит, можно оперировать этим материалом как основой для заключений о содержании, композиции и идеологической направленности утраченных Политий.

Ближайшей нашей задачей является составление списка Политий как бесспорно существовавших, так и возможно существовавших, отделив в нем несомненное от вероятного.

Всего Политий было 158. Наши источники дают возможность составить далеко не полный перечень. Этот перечень удобно разбить на три списка. К I списку будут отнесены Политии, существование которых прямо засвидетельствовано более поздними авторами, и те, кусочки которых сохранились в экcerptах Гераклида. Ко II — те, к которым естественнее всего отнести фрагменты, содержащие ссылку на Аристотеля или на Аристотеля и Политии (без спецификации, какая именно Полития), а также не вполне твердо поддающиеся атрибуции части извлечений Гераклида. К III — те, существование которых можно лишь предполагать на основании данных, имеющих в Политике.

Название Политии приводится по-гречески (родительный падеж названия жителей полиса или области) и по-русски. За названием следует перечень соответствующих фрагментов, частей экcerptов Гераклида (fr. 611), мест Политики. В I списке сначала перечисляются места, бесспорно свидетельствующие о существовании той или иной Политии (выделены курсивом), потом все прочие места.¹⁸

I

1. Ἀθηναίων — Афины.
2. Αἰγυνητῶν — Эгина (fr. 472; Politica IV, 4, 1, 1291b, 22 sqq.; V, 5, 6, 1305b, 39 sqq.).
3. Αἰτωλῶν — Этолия (fr. 473).
4. Ἀκαρνανῶν — Акарнания (fr. 474).
5. Ἀκραγαντιῶν — Акрагант (fr. 476, 611₆₉; Politica V, 10,4, 1310b, 28 sq.).
6. Ἀμβρακιωτῶν — Амбракция (fr. 477; Politica V, 2, 9, 1303a, 20 sqq.; 3, 6, 1304a, 31 sqq.; 8, 9, 1311a, 39 sqq.).

7. Ἀμοργιανῶν — Аморгос (*fr. 611*₄₇).
8. Ἀργεῖλιων — Аргил (*fr. 611*₇₅).
9. Ἀργείων — Аргос (*fr. 480*; *Politica V, 2, 5, 1302b, 18 sqq.*; 2, 8, 1303a, 6 sqq.; 3, 5, 1304a, 25 sqq.; 8, 4, 1310b, 26 sqq.).
10. Ἀρζάδων — Аркадия (*fr. 483*).
11. Ἀφουταίων — Афита (*fr. 611*₇₂; *Politica VI, 2, 6, 1319a, 14 sqq.*).
12. Ἀχαιῶν — Ахайя [*Sopater (Phot., Bibl., cod. 161*; *Rose*³ *inter fr. 484 et 485)*].
13. Βοττιαίων — Боттии (*fr. 485*).
14. Γελῳῶν — Гела (*fr. 486*; *Politica V, 10, 4, 1316a, 35 sqq.*).
15. Δελφῶν — Дельфы (*fr. 487, 611*₅₂; *Politica V, 3, 3, 1303b, 37 sqq.*).
16. Δηλίων — Делос (*fr. 489, 490*; *fr. 488*).
17. Ἐρετριέων — Эретрия (*fr. 611*₄₀; *fr. 601, 603*; *Politica IV, 3, 2, 1289b, 36 sqq.*; V, 5, 10, 1306a, 31 sqq.).
18. Ἐφεσίων — Эфес (*fr. 611*₆₆).
19. Ἠλείων — Элида (*fr. 492, 611*₂₁; *fr. 493*; *Politica V, 5, 8, 1306a, 12 sqq.*; VI, 2, 6, 1319a, 10 sqq.).
20. Ἠπειρωτῶν — Эпир (*fr. 494, 611*₄₅; *Politica V, 8, 5, 1310b, 34 sqq.*; 9, 1, 1313a, 18 sqq.).
21. Θεσπιέων — Феспия (*fr. 611*₇₆).
22. Θετταλῶν — Фессалия [*fr. 497—499*; *Sopater (Phot., Bibl., cod. 161*; *Rose*³ *inter fr. 494 et 495)*; *fr. 495, 496, 500*; *Politica II, 6, 2, 1269a, 36 sqq.*; VII, 11, 2, 1331a, 31 sqq.].
23. Ἰθακησίων — Итака (*fr. 504, 506, 508, 509, 611*₇₀₋₇₁; *fr. 505, 507*).
24. Ἰκαρίων — Икария (Икар) (*fr. 611*₇₄).
25. Ἰμεραίων — Гимера (*fr. 510*).
26. Κεῖων — Кеос [*Sopater (Phot., Bibl., cod. 161*; *Rose*³ *inter ir. 510 et 511)*]; *fr. 611*₂₆₋₂₉; *fr. 511*.
27. Κερκυραίων — Керкира (*fr. 512, 513, 611*₅₆).
28. Κεφαλλήνων — Кефалления (*fr. 611*₆₄).
29. Κιανῶν — Кнос (*fr. 514*).
30. Κολοφωνίων — Колофон (*fr. 515*; *Politica IV, 3, 8, 1290b, 8 sqq.*; V, 2, 12, 1303b, 7 sqq.).
31. Κορινθίων — Коринф [*fr. 611*₁₉₋₂₀; *fr. 516, 517*; *Politica II, 3, 7, 1265b, 12 sqq.*; III, 8, 3, 1284a, 26 sqq. (этот эпизод мог быть рассказан либо в Коринфской Политии, либо в Милетской, либо в обеих); V, 5, 9, 1306a, 24 sqq.; 8, 4, 1310b, 29 sqq.; 8, 7, 1311a, 20 sqq. (= III, 8, 3, 1284a, 26 sqq.); V, 9, 2, 1313a, 36 sqq.; 9, 22, 1315b, 22 sqq.].
32. Κρητῶν — Крит (*fr. 611*₁₄₋₁₅; *fr. 518*; *Politica II, 2, 12, 1264a, 20 sqq.*; 6, 3, 1269a, 39 sqq.; 7, 1, 1271b, 20 sqq.; VII, 2, 5, 1324b, 6 sqq.; 9, 1, 1329b, 3 sqq.).
33. Κροτωνιατῶν — Кротон (*fr. 611*₆₈).
34. Κυθηρίων — Кифера (*fr. 611*₅₄; *fr. 521*).
35. Κυθνίων — Кифнос (*fr. 522*; *fr. 523*).
36. Κυμαίων — Кима (*fr. 524*; *fr. 525*; *Politica II, 5, 12, 1269a, 1 sqq.*; V, 4, 3, 1304b, 35 sqq.).
37. Κυπρίων — Кипр (*fr. 526, 611*₃₆₋₃₉; *fr. 527*; *Politica V, 8, 10, 1311b, 4 sqq.*).
38. Κυρηναίων — Кирена (*fr. 528, 611*₁₆₋₁₈; *fr. 529, 530*; *Politica VI, 2, 10, 1319b, 11 sqq.*; 2, 11, 1319b, 19 sqq.).
39. Λακεδαιμονίων — Лакедемон (Спарта) (*fr. 532, 540, 542—545, 611*₉₋₁₃; *fr. 533—539, 541*; *Politica II, 2, 5, 1263a, 30 sqq.*; 2, 11, 1264a, 9 sqq.; 6, 2, 1269a, 38 sq.; 6, 7, 1269b, 31 sqq.; 7, 1, 1271b, 20 sqq.; III, 9, 2, 1285a, 3 sqq.; IV, 7, 4, 1294b, 18 sqq.; 9, 10, 1296a, 18 sqq.; V, 1, 5, 1301b, 19 sq.; 5, 8, 1306a, 18 sq.; 6, 1, 1306b, 27 sqq.; 6, 7, 1307a, 35 sqq.; 8, 5, 1310b, 34 sqq.; 8, 18, 1312b, 6 sqq.; 9, 1, 1313a, 25 sqq.; 10, 3, 1316a, 29 sqq.; VII, 2, 5, 1324b, 6 sqq.; 13, 10, 1333b, 12 sqq.; 13, 13, 1333b, 32 sqq.; 13, 20, 1334a, 40 sqq.; VIII, 1, 3, 1337a, 31 sq.; 3, 3, 1338b, 12 sqq.; 3, 4, 1338b, 24 sqq.; 4, 6, 1339b, 12 sqq.; 6, 6, 1341a, 33 sqq.; *Oxyrh. Pap. XXIV, p. 40, № 2389, fr. 9, l. 11 sqq.*).
40. Λεπρέων — Лепрей (*fr. 611*₄₂).

41. Δευκαδίων — Левкада (*fr. 546; Politica II, 4, 4, 1266b, 21 sqq.*).
42. Δοκρῶν — Локры (Эпизефирские) (*fr. 548, 611₆₀₋₆₁; fr. 547; Politica II, 4, 4, 1266b, 19 sqq.*; ¹⁹ 9, 5, 1274a, 22 sqq.; V, 6, 7, 1307a, 36 sqq.).
43. Λυκίων — Ликийцы [*Sopater (Phot., Bibl., cod. 161; Rose³ inter fr. 548 et 549); fr. 611₄₃*].
44. Μαγνήτων — Магнезия (на Меандре) (*fr. 611₅₀₋₅₁; Politica IV, 3, 2, 1289b, 36 sqq.*).
45. Μασσαλιωτῶν — Массалия (*fr. 549; Politica V, 5, 2, 1305b, 2 sqq.*).
46. Μεγαρέων — Мегары (*fr. 550; Politica IV, 12, 10, 1300a, 15 sqq.*; V, 2, 6, 1302b, 30 sqq.; 4, 3, 1304b, 34 sqq.; 4, 5, 1305a, 24 sqq.; VI, 4, 5, 1321a, 29 sqq.).
47. Μεθωναίων — Метона (*fr. 551, 552*).
48. Μηλιέων — Мелида (*fr. 553; fr. 554; Politica IV, 10, 10, 1297b, 12 sqq.*).
49. Μινῶων — Миноя (в Сицилии) (*fr. 611₅₉*).
50. Ναξίων — Наксос (*fr. 558; fr. 559; Politica V, 5, 2, 1305a, 38 sqq.*).
51. Νεοπολιτῶν — Неаполь (который?) [Fragmentum papyraceum saec. III catalogum librorum continens — <αρ>ιστοτελους πολιτεια νεοπο. . . (Rose³ inter fr. 559 et 560)].
52. Ὀπουντιῶν — Опунт (*fr. 560, 562—564; fr. 561; Politica III, 11, 1, 1287a, 4 sqq.*).
53. Ὀρχομενίων — Орхомен (в Беотии) (*fr. 565, 566*).
54. Παρίων — Парос [*Sopater (Phot., Bibl., cod. 161; Rose³ inter fr. 566 et 567); fr. 611₂₅*].
55. Πελληνέων — Пеллена (*fr. 567*).
56. Ρηγίων — Регий (*fr. 611₅₅; fr. 568; Politica V, 10, 4, 1316a, 35 sqq.*).
57. Ροδίων — Родос (*fr. 611₆₅; Politica V, 2, 5, 1302b, 23 sqq.*; 2, 6, 1302b, 32 sq.; 4, 2, 1304b, 27 sqq.).
58. Σαμίων — Самос (*fr. 573—576, 611₃₀₋₃₅; fr. 570—572, 577, 578; Politica V, 9, 4, 1313b, 24 sq.*).
59. Σαμοθράκων — Самофрака (*fr. 579, 611₄₉*).
60. Σικυωνίων — Сикион (*fr. 580; Politica V, 9, 21, 1315b, 12 sqq.*; 10, 3, 1316a, 29 sqq.).
61. Συρακουσιῶν — Сиракузы (*fr. 586—588; fr. 585; Politica I, 4, 7, 1259a, 23 sqq.*; II, 10, 10, 1286b, 39 sq.; V, 2, 6, 1302b, 31 sq.; 2, 11, 1303a, 38 sqq.; 3, 1, 1303b, 17 sqq.; 3, 6, 1304a, 27 sqq.; 4, 5, 1305a, 26 sqq.; 5, 6, 1305b, 39 sqq.; 8, 4, 1310b, 30 sq.; 8, 14, 1312a, 4 sqq.; 8, 17, 1312a, 31 sqq.; 8, 19, 1312b, 9 sqq.; 9, 3, 1313b, 11 sqq.; 9, 4, 1313b, 22 sq.; 9, 5, 1313b, 25 sqq.; 9, 23, 1315b, 34 sqq.; 10, 3, 1316a, 29 sqq.).
62. Ταραντιῶν — Тарент (*fr. 590, 611₅₇; ²⁰ Politica IV, 4, 1, 1291b, 22 sqq.*; V, 2, 8, 1303a, 3 sqq.; 6, 1, 1306b, 27 sqq.; VI, 3, 5, 1320b, 9 sqq.).
63. Τεγεατῶν — Тегея (*fr. 591; fr. 592*).
64. Τενεδίων — Тенедос (*fr. 593, 611₂₂₋₂₄; fr. 594; Politica IV, 4, 1, 1291b, 22 sqq.*).
65. Τροιζηνίων — Трезен (*fr. 596; fr. 597, 598; Politica VII, 13, 4, 1335a, 18 sqq.*).
66. Φωκίων — Фокея (*fr. 599, 611₆₇*).
67. Χαλκιδέων — Халкида (*fr. 611₆₂, ²¹ ₆₃; fr. 601, 603; Politica IV, 3, 2, 1289b, 36 sqq.*; V, 3, 6, 1304a, 29 sq.; 10, 3, 1316a, 29 sqq.).

II

- 1 (68). Ἀντανδριῶν — Антандр (*fr. 478*).
- 2 (69). Ἀτραμυτηνῶν — Атрамит ²² (*fr. 484*).
- 3 (70). Ἐπίδαυριῶν — Эпидавр (*fr. 491*).
- 4 (71). Θηβαίων — Фивы (*fr. 502; Politica II, 9, 6, 1274a, 31 sqq.*; III, 3, 4, 1278a, 25 sqq.; V, 2, 6, 1302b, 27 sqq.; 5, 10, 1306a, 36 sqq.; VI, 4, 5, 1321a, 28 sqq.).

- 5 (72). Ἰασέων — Иас [fr. 611₆₃ (= fr. 503)].
 6 (73). Μηλίων — Мелос (fr. 555).
 7 (74). Μίλησιων — Милет [fr. 556, 557; *Politica* III, 8, 3, 1284a, 26 sqq. (этот эпизод мог быть рассказан либо в Милетской Политии, либо в Коринфской, либо в обеих); IV, 11, 3, 1298a, 11 sqq. (? — упоминаемый здесь и известный только из этого места милетянин Телекл мог быть теоретиком, создавшим проект образцового, с его точки зрения, государственного строя; если так, то он едва ли упоминался в Милетской Политии); V, 4, 5, 1305a, 15 sqq.; 8, 7, 1311a, 20 sqq. (= III, 8, 3, 1284a, 26 sqq.)].
 8 (75). Πεπαρηθίων — Пенареф (fr. 611₄₁).²³
 9 (76). Σινωπέων — Синопа (fr. 584).
 10 (77). Σολέων — Соны (в Киликии) (fr. 582).
 11 (78). Συβαριτῶν — Сибарис (fr. 583, 584; *Politica* V, 2, 10, 1303a, 25 sqq.).
 12 (79). Τηνίων — Тенос (fr. 595).
 13 (80). Φασιανῶν — Фасис (fr. 614₄₆).

III

- 1 (81). Ἀβυδηνῶν — Абидос (*Politica* V, 5, 5, 1305b, 30 sqq.; 5, 9, 1306a, 26 sqq.).
 2 (82). Ἀμφιπολιτῶν — Амфиноль (*Politica* V, 2, 11, 1303b, 2 sqq.; 5, 6, 1305b, 39 sqq.).
 3 (83). Ἀντισσαίων — Антисса (*Politica* V, 2, 11, 1303a, 34 sq.).
 4 (84). Ἀπολλωνιατῶν τῶν ἐν τῷ Ἴωνίῳ — Аполлония у Ионического залива (моря) (*Politica* IV, 3, 8, 1290b, 8 sqq.).
 5 (85). Ἀπολλωνιατῶν τῶν ἐν τῷ Εὐξείνῳ Πόντῳ — Аполлония на Эвксинском Понте (*Politica* V, 2, 11, 1303a, 36 sqq.; 5, 7, 1306a, 7 sqq.).
 6 (86). Ἀταρνεϊτῶν — Атарней (*Politica* II, 4, 10, 1267a, 31 sqq.).
 7 (87). Βυζαντίων — Византий (*Politica* IV, 4, 1, 1291b, 22 sqq.; V, 2, 10, 1303a, 33 sq.).
 8 (88). Ἐπιδαμνίων — Эпидамн (*Politica* III, 11, 1, 1287a, 4 sqq.; V, 1, 6, 1301b, 21 sqq.; 3, 4, 1304a, 13 sqq.).
 9 (89). Ἐρυθραίων — Эрифры (*Politica* V, 5, 3, 1305b, 18 sqq.).
 10 (90). Ἐστυαίων (Ἐρεϊτῶν) — Гестия (Орей)²⁴ (*Politica* V, 2, 9, 1303a, 16 sqq.; 3, 2, 1303b, 32 sqq.).
 11 (91). Ζαχλαίων — Захла (*Politica* V, 2, 11, 1303a, 35 sq.).
 12 (92). Ἡρακλείων — Геря (*Politica* V, 2, 9, 1303a, 13 sqq.).
 13 (93). Ἡρακλεωτῶν τῶν ἐν τῷ Πόντῳ — Гераклея на (Эвксинском) Понте (*Politica* V, 4, 2, 1304b, 31 sqq.;²⁵ 5, 2, 1305b, 2 sqq.;²⁶ 5, 5, 1305b, 33 sqq.; 5, 10, 1306a, 36 sq.;²⁷ VII, 5, 7, 1327b, 7 sqq.).
 14 (94). Φηραίων — Фера (*Politica* IV, 3, 8, 1290b, 8 sqq.).
 15 (95). Φουρίων — Фурии (*Politica* V, 2, 10, 1303a, 31 sqq.; 6, 6, 1307a, 27 sqq.; 6, 8, 1307b, 6 sqq.).
 16 (96). Ἰστριέων — Истр (*Politica* V, 5, 2, 1305b, 2 sqq.).
 17 (97). Καρχηδονίων — Карфаген (*Politica* II, 8, 1, 1272b, 24 sqq.; IV, 5, 11, 1293b, 14 sqq.; V, 6, 2, 1307a, 2 sqq.; 10, 3, 1316a, 29 sqq.; 10, 4, 1316b, 5 sq.; VI, 3, 5, 1320b, 4 sqq.; VII, 2, 6, 1324b, 13 sqq.).
 18 (98). Καταναίων — Катана (*Politica* II, 9, 5, 1274a, 22 sqq.; 9, 8, 1274b, 5 sqq.; IV, 9, 10, 1296a, 18 sqq.; 10, 6, 1297a, 14 sqq.).
 19 (99). Κλαζομενίων — Клазомены (*Politica* V, 2, 12, 1303b, 7 sqq.).
 20 (100). Κνιδίων — Книд (*Politica* V, 5, 3, 1305b, 12 sqq.; 5, 11, 1306b, 3 sqq.).
 21 (101). Κῶων — Кос (*Politica* V, 4, 2, 1304b, 25 sqq.).
 22 (102). Λαρισίων — Лариса (*Politica* III, 1, 9, 1275b, 26 sqq.; V, 5, 5, 1305b, 28 sqq.; 5, 9, 1306a, 26 sqq.).
 23 (103). Λεοντίων — Леонтины (*Politica* V, 8, 4, 1310b, 29 sqq.; 10, 4, 1316a, 35 sqq.).

- 24 (104). *Μαντινέων* — Мантинея (Politica VI, 2, 2, 1318b, 21 sqq.).
 25 (105). *Μυτιληναίων* — Митилена (Politica II, 9, 9, 1274b, 18 sqq.; III, 9, 5, 1285a, 30 sqq.; V, 3, 3, 1304a, 4 sqq.; 8, 13, 1311b, 26 sqq.).
 26 (106). *Φαρσαλίων* — Фарсал (Politica V, 5, 7, 1306a, 9 sqq.).
 27 (107). *Φωκείων* — Фокида (Politica V, 3, 4, 1304a, 10 sqq.).
 28 (108). *Χίων* — Хиос (Politica IV, 4, 1, 1291b, 22 sqq.; V, 5, 11, 1306b, 3 sqq.).

Итак, существование 67 Политий засвидетельствовано бесспорно. Если к ним присоединить еще 13 Политий, существование которых можно считать вполне вероятным, то получим общее число 80, т. е. несколько больше половины от 158 аналогичных по содержанию монографий, входивших в серию Политий. Добавление еще 28 названий, список которых составлен на основании данных Политики, даст нам 108 Политий, т. е. почти пять седьмых от 158.

Нельзя заключать о несуществовании или о сомнительном существовании Политий некоторых государств на том основании, что из их истории или их конституции Аристотель сообщает в Политике один разрозненный факт или одну деталь. Против законности такого вывода говорят два соображения. Во-первых, некоторые Политии, хорошо засвидетельствованные разными авторами, отразились в Политике только в одном месте, иначе говоря, Аристотель мог упомянуть в Политике один раз о государстве, Политию которого он бесспорно сделал предметом особой монографии. Так было с Акрагантом (№ 5), Афитой (№ 11), Гелой (№ 14), Дельфами (№ 15), Кипром (№ 37), Левкадой (№ 41), Магнезией на Меандре (№ 44), Массалией (№ 45), Мелидой (№ 48), Наксосом (№ 50), Олунтом (№ 52), Регием (№ 56), Самосом (№ 58), Тенедосом (№ 64), Трезеном (№ 65). В нашем списке бесспорно существовавших Политий есть и относящиеся к таким государствам (и объединениям), которые ни разу не упомянуты в Политике. Это Этолия (№ 3), Акарнания (№ 4), Аморгос (№ 7), Аргил (№ 8), Аркадия (№ 10), Ахайя (№ 12), Боттией (№ 13), Делос (№ 16), Эфес (№ 18), Феспии (№ 21), Итака (№ 23), Икария (№ 24), Гимера (№ 25), Кеос (№ 26), Керкира (№ 27), Кефалления (№ 28), Киос (№ 29), Кротон (№ 33), Кифера (№ 34), Кифнос (№ 35), Лепрой (№ 40), Ликийцы (№ 43), Мефона (№ 47), Миноя (№ 49), Неаполь (№ 51), Орхомен (№ 53), Парос (№ 54), Пеллена (№ 55), Самофрака (№ 59), Тегея (№ 63), Фокея (№ 66) — всего 30 (немногим меньше половины I списка).

Во-вторых, в Политике немало мест, где Аристотель воздерживается от перечисления всех известных ему примеров. Он приводит лишь некоторые, иногда только один, и указывает, что количество примеров могло бы быть увеличено. Тираны, говорит Аристотель, часто захватывают власть, опираясь на уже имеющуюся у них царскую власть или почетную должность, или влиятельное положение демагога. Первая из этих возможностей ил-

люстрируется примером Фидона в Аргосе, но здесь же указывается, что таким путем достигли тирании «и другие» (V, 8, 4, 1310b, 27). Предварительной ступенью для захвата тиранической власти была демагогия для Панетия Леонтинского, Кипсела Коринфского, Писистрата Афинского, Дионисия Сиракузского, но не только для них, так стали тиранами «и другие» (1310b, 31). Покушения на жизнь единоличных властителей бывают по разным поводам. Перечисляя последние, Аристотель отмечает, что «много покушений» было следствием таких-то поступков властителей (8, 11, 1311b, 6 sq., 23), но по каждому разделу дает лишь несколько примеров; в одном случае перечисление примеров заканчивается предложением: «многие по таким причинам — одни были убиты, другие вызвали против себя заговор» (8, 14, 1311b, 34 sqq.). Из отнюдь не малочисленных параллельных мест, показывающих, что Аристотель далеко не всегда прямо называет читателю (слушателю), какой конкретный материал лежит в основе выставляемого им положения, приведем еще некоторые, где имеется слишком общее географическое указание, т. е. где обобщаются повторяющиеся в истории разных государств случаи, сообщения о которых могли быть разбросаны в разных Политиях. Харонд дал законы своим согражданам, т. е. Катане «и прочим халкидским городам в Италии» (II, 9, 5, 1274a, 23 sqq.). Андродамант Регийский установил законы «для халкидян во Фракии» (9, 9, 1274b, 24). Тирания возникла на основе имевшейся у будущего тирана почетной должности: так стал тираном не только Фаларид (Акрагантский), но и «ионийские тираны» (V, 8, 4, 1310b, 28). Наконец, в Политике имеется много положений, несомненно выведенных из наблюдений над исторической действительностью, но не снабженных никакими иллюстрирующими примерами. Все это заставляет нас рассматривать перечень Политий, включенных в III список, как претендующий на серьезное внимание; в наших дальнейших рассуждениях он не может быть оставлен в стороне.

Список в целом не включает в себя некоторых фрагментов, отнесенных издателем (Rose³) в число фрагментов из Политий Аристотеля. Исключены из нашего списка все те фрагменты, в которых речь идет об изобретениях (*εὐρήματα*), приписывавшихся жителям тех или иных городов. Башни были впервые построены киклопами (fr. 479, отнесенный к Аргосской Политии). Буквы были придуманы Кадмом (fr. 501, отнесенный к Фиванской Политии). Пирриху впервые исполнил Ахилл у погребального костра Патрокла (fr. 519, отнесенный к Критской Политии). Первыми, кто начал строить тетрэры, были халкедоняне (в текстах карфагеняне; fr. 600, отнесенный к Халкедонской Политии). Лидиец Скиф изобрел плавку и охлаждение меди (fr. 602, отнесенный к Халкидской Политии). Ни в одном из перечисленных фрагментов, взятых из разных авторов, нет ссылки на Поли-

тии. Ссылка делается на Аристотеля. В списках произведений Аристотеля не значится ни одного, к которому можно было бы с уверенностью отнести все эти отрывки.

Однако после нахождения Афинской Политии сразу стало ясно, что сообщения, подобные тем, которые содержатся в перечисленных выше фрагментах, не восходят к Политиям Аристотеля. Поэтому издатели Афинской Политии (Сэндис, Кайбель-Виламовиц, Бласс-Тальгейм и др.) исключили из числа фрагментов утраченной части этой Политии место «Естественной истории» Плиния об изобретении живописи Эвхиром, родственником Дедала (Plin. N. H. VII, 205=fr. 383), и другое — из схолий к «Георгикам» Вергилия, где изобретателем плуга назван Эпименид, впоследствии получивший имя Бузига (fr. 386). Едва ли все перечисленные выше фрагменты взяты в конечном счете из одного и того же произведения Аристотеля. Не будет слишком смелым связать сообщение о Кадме, творце алфавита, с тем сочинением Аристотеля, которое в дошедших до нас перечнях названо *περί στοιχείων* и состояло из трех книг (см. помещенные у Rose³ на стр. 3 слл. и 9 слл. перечни Диогена Лаэртия под № 39 и Гесихия под № 35). Показания о башнях, пиррихе, плавке и охлаждении меди могли бы быть даны (в той или иной связи, хотя пирриха у Гомера не упоминается) в сочинениях Аристотеля, посвященных Гомеру, — *Ἀπορήματα Ὀμηρικὰ* в шести книгах (Диоген № 118, Гесихий № 106), *Προβλήματα Ὀμηρικὰ* в десяти книгах (только Гесихий № 145).²⁸ Тот бесспорный факт, что в Кеосской Политии речь шла, между прочим, и о предании, согласно которому Аристей научился скотоводству и пчеловодству от нимф и других сверхъестественных существ (fr. 614, 27), не меняет нашего отношения к фрагментам, где имеется ссылка на Аристотеля, но без указания произведения.

Аристотелю принадлежат произведения об олимпийских и пифийских победителях. Это *Ὀλυμπιονίκα* в одной книге (Диоген № 130, Гесихий № 122), *Πυθιονίκα* в одной книге (Диоген № 131, Гесихий № 123), *Πυθιονικῶν ἐλεγχοί* в одной книге (видимо, списки победителей на пифийских играх; только Диоген № 134).²⁹ О том, что по крайней мере в двух первых сочинениях Аристотель не ограничивался голым перечнем имен, свидетельствует один из трех фрагментов сочинения о пифийских победителях, где со ссылкой на автора и сочинение говорится об инициативе Солона в деле объявления священной войны амфикионами киррейцам (Plut. Solon. 11=fr. 615). К одному из названных выше сочинений отнесем справку Аристотеля о том, что акарнанец Левкар придал панкратию характер искусства (fr. 475). Аристотель, по свидетельству схолий к Феокриту (4, 6=fr. 520), сообщал о знаменитом атлете-кротонце Милоне, что он потреблял много пищи, был храбр и погиб в лесу от зверей (при этом давались и подробности). Хотя Милон и был однажды выбран в полководцы своими согражда-

нами,³⁰ однако политическим деятелем в собственном смысле он не был, а потому сообщение о нем естественнее отнести не к Кротонской Политии, а к сочинениям о победителях на играх, тем более что он не раз одерживал победы в Олимпии и в Дельфах (Paus. VI, 14, 8). С еще большей уверенностью можно отнести к книге об олимпийских победителях сообщение Аристотеля о родосском кулачном бойце Диагоре, совершенно лишнее политических подробностей и ориентированное не на Родос, а на Олимпию (fr. 569).³¹

К Киренской Политии отнесен без достаточного основания один фрагмент, в котором говорится о свойствах источников в оазисе Аммона. Аристотель, по словам Каллимаха, говорит, что один из источников в Аммоне, считающийся источником Гелиоса, в середине ночи и в полдень становится теплым, с утра же и вечером — холодным, как лед, а другой, когда солнце спускается, начинает замерзать, когда же оно идет к закату, «останавливается» (Antigon. Mirab. 144=fr. 531). Нелегко представить себе такую справку в составе Киренской Политии. Наоборот, вполне естественно связать ее с тем сочинением Аристотеля, которое носило название *Προβλήματα φυσικά* и известно нам по ряду фрагментов. Некоторые из последних содержат сведения о свойствах воды. Вода охлаждается, если в нее бросать кремни и точильные камни (fr. 213). Вода, получаемая из снега или льда, очень плоха для питья, так как при замерзании улечучиваются самые тонкие и легкие ее части (fr. 214). Для деревьев и семян более полезной является дождевая вода, нежели текучая (fr. 215). Взятая из колодца вода, если ее продержишь в течение ночи в том воздухе, какой имеется в колодце, т. е. если налить ее в сосуд и подвесить последний в колодце (так, чтобы сосуд не соприкасался с водой колодца), охлаждается больше, чем вода, находящаяся в самом колодце (fr. 216). Речная вода более пригодна для полоскания одежды, чем морская (fr. 217). От падения молнии в море образуется соль (fr. 218).³²

Исключен нами из числа фрагментов Фессалийской Политии Аристотеля отрывок, в котором есть ссылка на нашего автора, но нет ясного указания о том, что именно говорил Аристотель (fr. 500). Аммоний, основываясь на Дидиме (комментарий ко II книге Илиады), говорит о различии между хленой (*χλαῖνα*) и хламидой (*χλαμῖς*): первая — одежда героических времен, вторая — македонская. Отличаются они не только тем, что ими пользовались не одни и те же люди, но и своим внешним видом: хлена четырехугольна, а хламида внизу закруглена. В конце перечень авторов, на которых ссылается Дидим, на первом месте Аристотель — *πρὸς ἄγεται Ἀριστοτέλην, Φύλαρχον, Πολέμωνα ὅτι πολὺ διαφέρουσιν*. Из такого указания можно только заключить, что Аристотель дал Дидиму материал для заключения о различии двух видов одежды. То обстоятельство, что Дидим занимался этим вопросом

ἐν ὑπομνήματι δευτέρῳ Ἰλιάδος, навдит на мысль, что и у Аристотеля соответствующие сведения были включены в сочинение, посвященное Гомеру.³³

Некоторые детали нашего перечня требуют объяснения. Не очень ясное сообщение о сыновьях архонта Фамиса, схваченных во время жертвоприношения по обвинению в святотатстве (fr. 611₅₂), долго относили к Магнeзийской Политии Аристотеля. Более внимательный анализ текста показал, что перед нами выписка из Дельфийской Политии. В пользу такого заключения можно привести четыре доказательства: 1) следующее за интересующим нас сообщением замечание об Эзопе безусловно взято из Дельфийской Политии (cf. fr. 487) и не имеет никакого отношения к истории Магнeзии; 2) архонты были эпонимными магистратами в Дельфах, магнeзийские же надписи знают только пританов и стефанефоров; 3) фонетика имени Φᾶμις ведет нас в Дельфы и отводит от Магнeзии, где такое имя звучало бы как Φῆμις; 4) сопоставление с одним местом Политики (V, 3, 3, 1303b, 37 sqq.) и трактата Плутарха Praecepta rei publicae gerendae (32, 825b), в которых содержится сообщение о том же событии, не оставляет никакого сомнения в том, что речь идет о происшествии, давшем толчок к государственному перевороту: Аристотель дает в Политике только скелет события, опуская даже собственные имена действующих лиц, но не забывает упомянуть о месте действия (Дельфы); Плутарх сравнительно щедр на подробности; Гераклид преподносит лишь одну деталь и вследствие этого приводит читателя в недоумение, которое рассеивается только при сличении невразумительного эксцерпта с названными параллельными местами. В нашем перечне место Гераклида и отнесено не к Магнeзийской, а к Дельфийской Политии Аристотеля.³⁴

Один фрагмент, касающийся эретрийской и халкидской колонизации в Македонии и халкидской в Италии и Сицилии (Strabo X, 447=fr. 603), неправильно относить только к Халкидской Политии на том основании, что в нем на последнем месте говорится об италийских и сицилийских колониях Халкиды. Ведь это последнее сообщение отделено точкой от следующей фразы, в которой сказано, что, по словам Аристотеля, эти колонии были высланы во время правления гиппоботов; слова «эти колонии» (αἱ ἀποικίαι αὐταί) правильнее будет относить ко всем колониям, о которых шла речь выше, как халкидским, так и эретрийским. В отрывке соединены данные, имевшиеся в Халкидской и Эретрийской Политиях.³⁵

Оставлены нами в стороне исторические сообщения, имеющиеся в других сочинениях Аристотеля; слишком смелым, хотя и не абсолютно беспочвенным, было бы предположение о том, что они повторялись и в соответствующих Политиях. Можно ли поручиться в том, что в Аргосской Политии нашло себе место сообщение о храбрости граждан Аргоса в битве с лакедемонянами, кото-

рых они приняли за сикионцев (Eth. Nic. II, 1117a, 22 sqq.)? Или что в той же Политии сообщалось о падении статуи Мития на его убийцу (Роёт. 9, fin.)? Или — все там же — об изменении естественных условий Микенской и Аргосской областей со времен Троянской войны (Meteorol. 14, 352a, 8 sqq.)? Более категорически можно отрицать упоминание в Тенедосской, Коринфской или в незасвидетельствованной Сигейской Политии о споре между Тенедосом и Сигеем, решение которого оба полиса предоставили Периандру Коринфскому, причем приводили в доказательство своей правоты стихи Гомера (Rhet. 1, 15, 1375b, 29 sqq.). Афиняне, сказано здесь же, основывали свои притязания на Саламин на свидетельствах Гомера; в Афинской Политии такого сообщения нет. Аргументом против безоговорочного перенесения в соответствующие Политии исторических сообщений, разбросанных в разных произведениях Аристотеля, может служить свидетельство о том, что (в Афинах?) укоренилось обыкновение называть законы Драконта законами не человека, а дракона (Rhet. II, 23, 1400b, 21 sq.). В Афинской Политии об этом нет речи. С другой стороны, Аристотель в своих неисторических сочинениях ссылается иногда на такие факты, которые вполне могли бы фигурировать в Политиях. Дионисий требовал себе охраны, как это делали, замыслив стать тиранами, Писистрат, Феаген в Мегарах и др. (Rhet. I, 2, 1357b, 30 sqq.). Это же сообщение о Писистрате есть в Афинской Политии (14, 1); надо думать, аналогичные сообщения о Дионисии I и о Феагене содержались соответственно в Сиракузской и Мегарской Политиях. Сюда относится еще одно показательное место. Когда граждане Гимеры, по словам Аристотеля, избрали Фаларида полновластным стратегом и намеревались дать ему телохранителей, Стесихор рассказал им в качестве предостережения басню о коне, слоне и человеке; басню о лисе, клещах и еже, также имевшую политический смысл, рассказал самосцам Эзоп (Rhet. II, 20, 1393b, 8 sqq.). Схолии к «Птицам» Аристофана (ст. 474) содержат фрагмент Самосской Политии Аристотеля: «И Аристотель говорит в Самосской Политии, что он [Эзоп], сказав басню, прославился» (fr. 573). Видимо, в Гимерской Политии содержалось аналогичное сообщение о басне, рассказанной Стесихором. Однако трудно настаивать на том, что обе басни были переданы в Политиях с той полнотой, с какой они приведены в Реторике. Повторение некоторых сообщений в Политике и в других произведениях также дает довольно надежное основание думать, что и в других случаях Аристотель использовал в разных сочинениях материал, впоследствии попавший в Политии. Такие повторяющиеся сообщения: лакедемонские установления о женщинах плохи, а это значит, что лакедемоняне не живут счастливою жизнью (Rhet. I, 5, 1361a, 10 sqq. ∞ Политика II, 6, 5, 1269b, 14 sqq.); по законам Питтака состояние опьянения является не смягчающим обстоятельством для правонарушителя,

а, наоборот, усугубляет его вину и влечет за собой усиление наказания (Rhet. II, 25, 1402b, 8 sqq. ∞ Политика II, 9, 9, 1274b, 19 sqq.). Никто не будет решительно отрицать возможность в Лакедемонской Политии сообщений об избрании Хилона в геронты (Rhet. II, 23, 1398b, 13 sq.) и о том, что спартиаты носили длинные волосы (Rhet. I, 9, 1367a, 28 sqq.); или в Аргосской Политии — о своеобразном обыкновении карать того, из-за кого установлен закон или построена тюрьма (Rhet. I, 14, 1375a, 5 sq.). Однако всего этого недостаточно, чтобы дать нам уверенность в существовании Метапонтской Политии на том основании, что у Аристотеля есть сообщение об убийстве метапонтского тирана влюбленным человеком, проявившим большую смелость и выносливость (Eth. Eud. III, 1, 1229a, 21 sqq.).

В списке Политий значатся не только Политии отдельных полисов, но и Политии племенных объединений (об этом была речь в 1-й главе I отдела настоящей книги) — Этолия, Акарнания, Аркадия (κοινὴ Ἀρχαδῶν πολιτεία — fr. 483), Ахайя, Боттией, Эпир, Фессалия (κοινὴ Θετταλῶν πολιτεία — fr. 497), Ликийцы,³⁶ вероятно и Фокида (III, № 28). Аркадская Полития была общеаркадской, т. е. ее содержанием могли быть только история и устройство того государственного объединения, главным городом которого был Мегалополь. Вполне понятно, что наряду с Политией, посвященной Аркадии, была и хорошо засвидетельствованная Тегейская Полития (I, № 63) и, возможно, Мантинейская (III, № 25). Бесспорных свидетельств о существовании наряду с Фессалийской Политией Политий отдельных фессалийских полисов не имеется, Ларисейскую и Фарсальскую Политии можно назвать лишь в числе возможных (III, №№ 23, 27). Хорошо засвидетельствована Эпирская Полития (I, 20). В то же время ясно, что Аристотель в своих Политиях говорил об эпирском племени молоссов (fr. 611, 45). Ввиду главенствующего положения молоссов в Эпире начиная с конца V—начала IV в. до н. э. нет основания думать, что о молоссах Аристотель говорил в особой Политии³⁷ или в своих Νόμιμα βαρβαρικά, хотя об одном из эпирских племен — афманах — он скорее всего говорил именно в Νόμιμα (fr. 611₅₃).³⁸ Самые сведения, сообщаемые в Политике о молоссах, — возникновение (V, 8, 5, 1310b, 34 sqq.) и длительность (9, 1, 1313a, 18 sqq.) царской власти, которая, однако, во времена Аристотеля уже не существовала (πολὺν χρόνον διέμεινεν, не διαμένει), имеют исторический характер и больше подходят к Политии, чем для сочинения по этнографии. Остается открытым вопрос о Политии Беотийского союза. С полной уверенностью можно говорить о существовании Политий Феспийской (I, № 21) и Орхоменской (I, № 53), с меньшей — о Фиванской Политии (II, № 4). Устройством Беотийского союза Аристотель занимался либо в особой Политии, либо в Политии Фиванской. Своеобразными были Политии Критская и Кипрская.³⁹ В обоих случаях речь шла не о реальных государ-

ственных объединениях, а об объединении в одной Политии разных полисов, связанных общностью географического положения, исторических судеб и сходства государственного устройства. Нельзя сомневаться и в существовании Родосской Политии Аристотеля (I, № 58). Когда писалась эта Полития, родосские города Иалис, Камир и Линд уже не жили каждый своей обособленной жизнью. Синойкизм их и образование объединенного полиса Родоса относится к 408/7 г.⁴⁰ Иначе поступил Аристотель с эвбейскими полисами, посвятив отдельные Политии Эретрии (I, № 17), Халкиде (I, № 67), а возможно также Гестиее — Орею (III, № 10). Скорее всего не были объединены в единой Политии лесбосские полисы — Антисса (III, № 3) и Митилена (III, № 26). Во всяком случае в Политике эти полисы в противоположность критским и кипрским называются раздельно.

Полученная картина Политий, несмотря на свою неполноту, все же кое-что нам дает. Прежде всего она позволяет говорить, что серия монографий Аристотеля, посвященных описанию истории и современного устройства отдельных государств, охватывала полисы и политические объединения на протяжении почти всего греческого мира. В серии были представлены собственно Греция: северная — Эпир, Молоссы, Амбракия, Фессалия, Мелида, возможно и отдельно Лариса и Фарсал; средняя — Афины, Фесии, Орхомен, Дельфы, Опунт, Этолия, Акарнания, Мегары, возможно и Фокида; южная — Лакедемон, Аргос, Трезен, Коринф, Сикион, Пеллена, Ахайя, Элида, Лепрей, Аркадия, Тегея, вероятно Эпидавр, возможно Герей и Мантиней. Многочисленные острова Эгейского моря — Эвбея (полисы Эретрия, Халкида, возможно также Гестиея), Кеос, Эгина, Кифера, Кифнос, Делос, Парос, Наксос, Аморгос, Крит, Родос, Икария, Самос, Делос, Тенедос, Самофрака; вероятно Мелос, Тенос, Пепарет; возможно Фера, Кос, Хиос, Лесбос (полисы Антисса и Митилена). Греческие полисы в Македонии, Фракии, Иллирии — Аргил, Афита, Мефона,⁴¹ возможно Амфиполь, Эпидамн и Аполлония у Ионического моря; острова Ионического моря — Керкира, Левкада, Кефалления, Итака. Полисы южной Италии — Тарент, Кротон, Локры Эпизефирские, Регий, вероятно Сибарис, возможно Фурии. Сицилийские полисы — Сиракузы, Гела, Акрагант, Гимера, Мinoa, возможно Катана, Леонтины, Занкла. Окраинные государства на западе, востоке и юге — Массалия, Кирена, Кипр, возможно и негреческий Карфаген. Южное побережье Малой Азии было представлено в Политиях Ликией (ликийским союзом городов) и, вероятно, киликийскими Солами. Из полисов западного побережья в серии фигурировали Кима, Фокея, Колофон, Эфес, Магнезия на Меандре; вероятно Антандр, Атрамит, Милет, Иас; возможно Атарней, Эрифры, Клазомены, Книд; из полисов Пропонтиды — Киос и, возможно, Абидос и Византий. Северное побережье Малой Азии дало материал для Политии Синопы и, возможно, Гераклеи

Понтийской. С ними мы вступаем в бассейн Эвксинского Понта. Из полисов западного его побережья упомянуты в Политике Аполлония и Истр, что наводит на мысль о возможности включения Аристотелем в его серию двух соответствующих Политий. Вероятно и существование особой Политии, посвященной Фасису на восточном побережье Эвксинского Понта.

Обращает на себя внимание чередование в списке названий крупных и мелких государств. Самый факт большого числа Политий (158) заставляет ожидать в числе последних Политии не только больших государств, но и государств незначительных. Интерес к истории и строю последних Аристотель проявляет и в Политике (IV, 12, 4, 1299a, 31 sqq.; VI, 5, 1, 1321b, 8 sqq.; 5, 9, 1322a, 37 sqq.; 5, 11, 1322b, 22 sqq.). В соответствии со своим интересом к жизни не только крупных, но и незначительных государств, Аристотель занимался изучением истории и конституции разнородных по своему значению полисов. Если ограничиться только первым отделом нашего списка, то здесь мы находим следующие полисы, едва ли имевшие возможность претендовать на значительность в IV в. до н. э., — Аргил, Афита, Делос, Эретрия, Итака, Икария, Киос, Кифера, Мегары, Миноя, Тенедос, Трезен, Халкида.⁴² Из них к очень немногим (Эретрия, Мегары, Халкида) приложимы слова Геродота (I, 5) о том, что он намерен рассказывать как о малых, так и о больших городах, ибо по большей части те, которые в древности были большими, стали маленькими, а нынешние большие были ранее маленькими. Культурное значение Делоса или Киферы не делало их крупными полисами. О незначительности Киоса можно судить по тойне большой дани (всего 1000 драхм), какую он должен был ежегодно платить как член первого аттического морского союза.⁴³ О Трезене Плутарх в контексте, где имеется ссылка на Аристотеля, прямо говорит, что город не был большим — Πιτθεις ... πόλιν οὐ μεγάλην τὴν Τροϊζηνίων φύσις (Thes. 3=fr. 598).

Огромная серия, состоявшая из более чем полутора ста монографий, может изучаться нами только по одной, пусть самой важной монографии, по фрагментам, экскерптам и Политике. Как это обычно бывает в таких случаях, встает вопрос о том, закономерно ли считать сохранившуюся единицу — Афинскую Политию — типичной для всей серии, т. е. для Политий Аристотеля вообще. Вопрос этот в той мере, в какой он разрешим, будет разбираться в дальнейших главах. В этой главе предметом рассмотрения будут некоторые вопросы вводного характера, расчищающие почву для подхода к решению главного вопроса.

Имеются ли основания для предположения о том, что при работе над своими Политиями Аристотель и его школа могли пользоваться источниками принципиально иного типа, нежели источники, какие послужили для построения Афинской Политии? Для исторической части этой последней главными источниками,

как известно, были сочинения историков, Аттиды и политические памфлеты. Аналогичные, а отчасти и те же источники должны были лечь в основу других Политий. Разрозненность фрагментов утраченных Политий Аристотеля, жалкое состояние эксцерптов Гераклида, специфическое назначение Политики и подчиненное положение в ней материала, непосредственно связанного с содержанием Политий, не позволяют надеяться на то, что в них имеются неоспоримые доказательства выставленного здесь положения об источниках аристотелевских Политий. В самом деле, Геродот, как известно, был одним из авторов, на которых опирался Аристотель в Афинской Политии.⁴⁴ С полной несомненностью это можно утверждать относительно афинской истории VI в. до н. э. Некоторые следы обращения Аристотеля к Геродоту имеются на первый взгляд в отрывке из Киренской Политии (fr. 611_{16,17}).⁴⁵ Аристотель называл основателем Кирены Батта, который не сразу получил такое имя. Таково и мнение Геродота, не соглашающегося в этом вопросе с ферским и киренским преданиями о том, что ребенок получил имя Батта потому, что он заикался (IV, 155). Имя Батта, по Аристотелю, как и по Геродоту, он получил от пифии, к которой он обратился по поводу недостатков своей речи. Геродот приводит и самый ответ дельфийской пророчицы и добавляет ко всему рассказу свою (вернее, чужую, но безоговорочно принимаемую им, а потому и являющуюся как бы его собственной) догадку о причине обращения пифии к пришельцу как к Батту: слово «батт» у ливийцев означает «царь». Этого объяснения нет в эксцерптах Гераклида, но оно могло быть у Аристотеля. «Бог, — сказано у Гераклида, — повелевал ему основать поселение в Ливии, он же, двинувшись туда, не смог этого сделать». Геродот подробно рассказывает о первых неудачных попытках выполнить повеление оракула (IV, 156—158).

Отсутствие этого рассказа в эксцерптах ничего не доказывает. Затем Гераклид сразу переходит к царице Феретиме, матери Аркесилая. Геродот же называет преемников Батта-основателя: Аркесилая I, Батта II Счастливого (IV, 159), Аркесилая II (IV, 160), Батта III Хромого (IV, 161). Рассказ Геродота об этих царях мог быть использован в не отразившемся у Гераклида отрывке Киренской Политии Аристотеля. Красочно переданные Геродотом предания о Феретиме — вдове Батта III и его сыне Аркесилае III (IV, 162—167, 200—205) вполне согласуются, а местами и буквально совпадают со скудными, вырванными из контекста данными, имеющимися у Гераклида. Существенное отличие рассказа Аристотеля о Кирене от рассказа Геродота в том, что первый прямо давал первоначальное имя Батта I — Аристотель. Это имя он не мог почерпнуть из Геродота.⁴⁶ Само по себе отмеченное отличие не исключает возможности считать Геродота источником определенной части Киренской Политии Аристотеля, ведь последний мог присоединить к сведениям, взятым у Геродота, имя, заимство-

ванное им из другого источника. Следует, однако, принять во внимание еще одно важное обстоятельство. История Кирены обрывается у Геродота на царствовании Аркесилая III и смерти Феретимы. Правда, Геродот знает о том, что династия Баттиадов продолжала царствовать в Кирене: оракул, данный Аркесилаю III, обеспечивал династии еще два царствования — одного Батта и одного Аркесилая (IV, 163), но время правления этих последних царей остается за пределами повествования отца истории. Аристотель, как видно из конспекта Гераклида, включил в свою Политию сообщения о Батте IV Прекрасном и о последнем Киренском царе Аркесилае IV: при нем в стране появился белый ворон, по поводу которого был дан грозный оракул; вскоре затем в Кирене утвердилась демократия, после чего Аркесилай бежал в Геспериды и там умер, а голова его была утоплена в море.⁴⁷ Значит, Аристотель пользовался здесь каким-то другим источником. Странным был бы источник, описывающий только два последних царствования. Скорее всего это был киренский источник типа местной истории, дававший обзор событий царского, а возможно, и более позднего периода.⁴⁸ Близость Аристотеля к Геродоту допускает разные объяснения, например непосредственное или опосредствованное пользование одним и тем же источником. Однако не исключена и другая точка зрения: используя местный источник, Аристотель в то же время держал в руках и Геродота, стараясь, по возможности, не отклоняться от него.

В Лакедемонской Политии Аристотель протестовал против приписывания всего спартанского строя Ликургу (fr. 611₉; подробнее об этом см. в отделе II, главе 3 настоящей книги). Таким образом, Аристотель расходился в вопросе о происхождении спартанского строя как с Геродотом (I, 65), так и с Эфором, мнение которого известно нам из Страбона (VIII, 5, 5). Эфор упрекал Геллапика в том, что тот считал устроителями Спартанского государства Прокла и Эврисфена. Аристотель, по-видимому, работал с оглядкой и на Геродота, и на Эфора, как он это делал и в Афинской Политии. Как и в последней, Аристотель принимал его (Эфора) во внимание. Впрочем, по вопросу о взаимоотношениях между обоими источниками относительно хронологии Ликурга много неясного. Историки древнего мира расходились во мнениях относительно хронологии спартанского законодателя. Аристотелю прочитаемое им (или кем-нибудь другим) на олимпийском диске имя Ликурга даст основание отнести законодателя ко временам первой олимпиады (776—772 гг.). Каковы были взгляды Эфора, остается неясным. Одни считают, что Аристотель противопоставлял свое мнение мнению Эфора.⁴⁹ Другие, наоборот, считают Аристотеля последователем Эфора, который будто бы также опирался на данные олимпийского диска.⁵⁰ Нет нужды заниматься сопоставлением разных точек зрения на отдельные стороны деятельности Ликурга в преломлении их у Эфора и Аристотеля.

Достаточно будет сказать, что так или иначе всеми признается связь взглядов Аристотеля со взглядами Эфора: автор Лакедемонской Политии считался с Эфором, показания которого он либо заимствовал, либо опровергал.

Восходящие к Политиям сообщения по истории и государственному строю отдельных государств могли быть почерпнуты главным образом из сочинений по местной истории или (поскольку речь идет о современном строе) из информации, тем или иным путем полученной на местах. Если остановиться на исторических сообщениях, то естественно вспомнить о существовавшей в греческих полисах, вероятно даже незначительных, местной историографии, вобравшей в себя мифологические, полуполюгендарные и чисто исторические предания.⁵¹

Если заняться анализом самих преданий, то в ряде случаев можно обнаружить их фольклорные корни. Сказочные сюжеты и мотивы трансформируются, переносятся на лица и события, если не исторические, то уже полуисторической поры, попадают в исторические сочинения (а отсюда к Аристотелю) в виде преданий, лишенных сказочного, фантастического налета. Таково, например, милетское предание о милетской царице Клеобее и галикарнасском юноше Антее, проживавшем в Милете в качестве заложника (fr. 556=Parthen. Narr. Amat. 14). Воспылавшая к нему любовью Клеобее делала все возможное, чтобы привлечь его к себе. Убедившись в полной неудаче, она притворилась, что будто бы излечилась от своего любовного недуга. По прошествии некоторого времени, загнав ручную куропатку в глубокий колодезь, она стала просить Антея спуститься туда, чтобы достать птицу. Не подозревая ничего дурного, юноша повиновался, а Клеобее сбросила на него большой камень. Так погиб юный заложник. Оформление рассказа нас здесь интересовать не может (об этом см. в главе 4 настоящего отдела книги). Разбор этого, с точки зрения древних исторического, рассказа приводит к заключению о родстве его со сказками определенного круга — спуск в подземное царство за золотом. Локализованная в Милете, прикрепленная к определенным лицам, сказка превратилась в историческое предание новеллистического типа и, получив реалистическую направленность, утратила свои фантастические детали.⁵²

Новеллы, надо думать, в большом количестве отразились в Политиях Аристотеля. Признавая это, мы тем самым еще не предопределяем заключения о стиле, в каком новеллы передавались Аристотелем. Вопрос о стиле будет занимать наше внимание в главе 5 настоящего отдела. Здесь речь может идти только о содержании и общем характере предания. Новеллистическим было наксосское предание о Поликрите, переданное, по словам Плутарха, Аристотелем, по всей вероятности в Наксосской Политии (fr. 559=Plut., De mul. virtut. 17). У наксосцев с милетянами возникла война из-за жены милетянина Гипсикреонта Неэры, которая

бежала вместе с наксосцем Промедонтом, явившимся в их дом в качестве гостя. На требование милетян выдать беглянку наксосцы ответили отказом, ссылаясь на то, что она — умоляющая (Промедонт предусмотрительно посадил ее в качестве умоляющей в храм Гестии). Милетяне пошли походом на Наксос, взяв с собой многих союзников из Ионии. Наиболее рьяными из них проявили себя эрифрейцы. Затянувшаяся и принесшая с собой великие беды война окончилась благодаря женской доблести, как началась из-за женской порочности. Среди наксосских пленниц, уведенных эрифрейским полководцем Диогнетом, была некая девушка Поликрита. Диогнет, занимавший доверенное ему укрепление, хорошо оборудованное и удобно расположенное по отношению к городу Наксосу, удержал Поликриту при себе. Содержалась она не как пленница, а как законная жена. Однажды, когда милетское войско справляло празднество и все были заняты попойками и пирушками, Поликрита попросила у Диогнета разрешить ей отослать порции пирожных ее братьям. Разрешение было получено, и Поликрита, вложив в лепешку свинцовую табличку с письменами, переслала ее братьям, наказав посланному передать братьям, чтобы они съели угощение одни. Так братья и поступили. Найдя свинцовую табличку, они прочитали записку сестры, предлагавшей им ночью напасть на врагов, занятых празднеством. Братья Поликриты сообщили о записке наксосским полководцам, которые последовали совету, выступили против врагов, одержали над ними верх и многих перебили. Диогнет был спасен Поликри-той. Она выпросила его себе у своих сограждан. Сама же она, оказавшись у ворот и увидя ⁵³ граждан, выходивших навстречу ей и принимавших ее с проявлениями радости и венками ⁵⁴ и восторгавшихся ею, не вынесла великой радости и тут же умерла, упав у ворот. На этом месте она и погребена, и могила ее зовется могилой завистника, так как некий завистливый случай лишил Поликриту возможности насладиться почестями. «Так рассказывают наксосские историки», — этими словами заканчивает Плутарх первую часть своего повествования. Далее следует более короткая часть: «Аристотель же говорит, что Диогнет увидел Поликриту не пленницей, а как-то иначе, влюбился в нее и был готов все отдать и все для нее сделать. Она соглашалась прийти к нему, если получит только одно, в чем, как говорит философ, она потребовала у Диогнета клятвы. После того как он дал клятву, она попросила, чтобы ей был уступлен Делион (так называлось место); в противном случае она отказывалась сойтись с ним. Под влиянием страсти и ради данной клятвы он отступил и передал место Поликрите, а та — своим согражданам. Благодаря этому сравнявшись в положении с милетянами, они примирились с ними на желаемых условиях». Плутарх противопоставляет рассказ наксосских историков — οὗτω μὲν οἱ Ναξίωυ συγγραφεῖς ἱστοροῦσιν (254E, fin.) — рассказу Аристотеля. Подробности и красочные

детали первой части сообщения Плутарха (содержание которой передано у нас схематично) несомненно отражают развернутое и сильно новеллистически окрашенное повествование наксосских историков (или, скорее всего, одного наксосского историка, которым непосредственно пользовался Плутарх). Вторая часть отражает сжатый рассказ Аристотеля.

Предание о Поликрите известно нам и из других источников. Рассказ Полиена (*Strateg.* VIII, 36) отличается от первого рассказа Плутарха только краткостью и отсутствием упоминания о смерти Поликриты, что, впрочем, не удивительно, так как история наксосской героини попала в сборник примеров военной хитрости (*στρατηγικήματα*) не ради личной судьбы героини. Полиен не зависит от Плутарха, оба они черпали из одного и того же источника.⁵⁵ Полиен не извлек из этого источника ничего такого, чего не было бы у Плутарха, а потому и может быть совсем оставлен в стороне.

Гораздо важнее для нас рассказ Парфения (*Narrat. amat.* 9), который приводим в переводе полностью: «О Поликрите. Этот рассказ взят из первой книги Наксосской истории Андрииска; пишет о нем и Феофраст в 4-й книге сочинения „Сообразно обстоятельствам“. В то время как милетяне вместе со своими союзниками пошли против наксосцев и, воздвигнув укрепление перед городом, опустошали страну и, отрезав наксосцев, стерегли их, девушка, оставленная по воле какого-то божества в храме Делионе, находящемся близ города, — имя ее Поликрита — пленила эрифрейского полководца Диогнета, который во главе своего войска воевал в союзе с милетянами. Охваченный сильной страстью, он посылал к ней людей — ведь непозволительно было производить насилие над умоляющей в храме. Некоторое время она не допускала к себе приходивших; так как он, однако, был настойчив, то она сказала, что не послушается его, если он не поклянется оказать ей услугу, каково бы ни было ее желание. Не подозревая чего-нибудь серьезного, Диогнет очень охотно поклялся Артемидой сделать ей в угоду все, что бы она ни выбрала. После клятвы Поликриты, взяв его за руку, намекает на предательскую уступку этого места и умоляет сжалиться над ней и над несчастьями города. Услыхав такую речь, Диогнет вышел из себя и, выхватив кинжал, ринулся, чтобы убить девушку, но, подумав о ее благородном образе мыслей и вместе с тем одолеваемый любовью — видимо, суждено было наступить у наксосцев перемене в окружавших их бедствиях — он тогда ничего не ответил, раздумывая, как ему следует поступить. На следующий день он согласился предать Делион. Между тем у милетян наступило празднество — Таргелии, когда они приносят к себе много неразбавленного вина и едят самые дорогие кушанья. Тогда он и готовился передать это место. Вложив тотчас же при содействии Поликриты письмо на свинцовой табличке в хлеб, он пишет ее братьям — они были

вождями государства, — чтобы они приготовились и пришли в ту ночь; в качестве сигнала для них он сам обещал им поднять светильник. И Поликрита велела относившему хлеб сказать братьям, чтобы они не колебались, так как дело будет доведено до конца, если только они не будут колебаться. Вестник скоро прибыл в город, и Поликл, брат Поликриты, впал в большое раздумье, послушаться ли того, что предлагалось в письме, или нет. Наконец, вследствие того что все решили слушаться и наступила ночь, когда было приказано всем явиться, они после долгой молитвы богам, впущенные Диогнетом и его войском, проникают в укрепление милетян, одни через отворенную наружу дверцу, другие — перебравшись через стену и, оказавшись внутри, принялись избивать милетян. Тут по неведению был убит и Диогнет. На следующий день, охваченные желанием умиловить (приветствовать?)⁵⁶ девушку, одни из накосцев стали надевать на нее повязки, другие — пояса. Под тяжестью их, от обилия венков, которые на нее надевали, девушка задохнулась. Ее хоронят на общественный счет на равнине, принеся ей в жертву сто голов мелкого скота.⁵⁷ Некоторые говорят, что Диогнет был сожжен на одном костре⁵⁸ с девушкой, — об этом позаботились накосцы».

Сличим рассказ Парфения с рассказом Аристотеля, поскольку последний отражен у Плутарха. В двух важных моментах они совпадают: 1) Поликрита пленила Диогнета не как пленница, но оставшись одна в Делионе (Парфений) или увиденная им как-то иначе (т. е. не в качестве пленницы — Аристотель); 2) у обоих авторов она прямо требует уступки ей Делиона (а не действует тайком, обманывая Диогнета). Хотя Аристотель (или, вернее, Плутарх в своей передаче рассказа Аристотеля) не говорит, каким образом Диогнет увидел Поликриту, но ее независимое поведение — она ставит свои условия — показывает, что она была вне досягаемости Диогнета. Если Парфений сообщает, что Поликрита укрылась в качестве умоляющей в Делионе, то тем самым неопределенное показание Плутарха ἄλλως δὲ πῶς оказывается вполне расшифрованным: она находилась в том месте, уступки которого требовала, — ἤξιον τὸ Δήλιον αὐτῇ δοθῆναι — (254F). Подробности передачи Делиона у Парфения, разумеется, не могут помешать нам сблизать его рассказ с аристотелевским: и Аристотель мог опустить их, и Плутарх, в соответствии со своей основной темой (доблести женщины), не очень был заинтересован в их передаче. Далее, как представлял себе смерть Поликриты Аристотель — об этом Плутарх ничего не говорит. С другой стороны, рассказ без повязки, т. е. без смерти Поликриты, немислим, ведь она была местной героиней, могилу которой показывали у городских ворот, — ἀπέθανε αὐτοῦ πεσοῦσα παρὰ τὴν πόλιν· ὅπου τέθαπται, καὶ καλεῖται βασιάνου τάφος (Plut. 254E); καὶ αὐτὴν δημοσίᾳ θάπτουσιν ἐν τῷ πεδίῳ κτλ (Parthen. 8). У Авла Геллия читаем: «Изведав внезапно нечаянную радость, испустила дух, как сообщает фило-

соф Аристотель, Поликрита, благородная женщина на острове Наксосе» — *cognito repente insperato gaudio exspirasse animam refert Aristoteles philosophus Polycritam, nobilem feminam Naхо insula*. С этим вполне сходится развязка в первом рассказе Плутарха — *οὐκ ἤνευχε τὸ μέγεθος τῆς χαρᾶς, ἀλλ' ἀπέθανεν αὐτοῦ περὶ οὐρα κτλ* (254E). У Парфения иначе: Поликрита погибает под тяжестью тех вещей, которые на нее набрасывают.

Можем ли мы доверять правильности показания Геллия? Авл Геллий далеко не всегда непосредственно знаком с источниками, на которые он ссылается; ⁵⁹ в частности, более чем сомнительно его знакомство с Политиями Аристотеля — см., например, данное у него в форме цитаты (II, 12) место из Афинской Политии (8, 5), посящее на себе явные следы риторической переработки. Однако, во-первых, Плутарх не отмечает разногласия между Аристотелем и наксосскими историками в этом пункте; во-вторых, хотя тот или иной род смерти Поликриты связан с другими подробностями предания (см. далее), однако в таком относительно позднем источнике, как Аристотель (или даже его источник), эта связь могла быть нарушена. Поэтому мы не вправе отвергать показания Авла Геллия.

Итак, версия Аристотеля близка к версии Парфения, хотя кое в чем между ними наблюдается разногласие. Все же сходство в основном, совпадение в ряде деталей приводят к заключению, что перед нами две версии одного и того же предания.

Остановимся на отличиях первого рассказа Плутарха от рассказа Парфения (к которому близок Аристотель). В сущности, речь будет идти о двух наксосских преданиях; ведь если Плутарх противопоставляет Аристотеля наксосским историкам, то и близкий к Аристотелю Парфений ссылается в первую очередь на Наксосскую историю Андриска (III—II вв. до н. э.). Очевидно, на острове Наксосе предание о Поликрите рассказывалось по-разному (из наксосских историков нам известен, кроме Андриска, еще Аглаосфен, современник Андриска).⁶⁰

Главное отличие уже отмечено там, где констатировалась близость рассказов Аристотеля и Парфения. У Плутарха («наксосские историки») пленница от начала до конца действует без сознательной помощи со стороны Диогнета; у Парфения (Андриск) умоляющая, стоящая под защитой божества, прямо диктует свою волю влюбленному врагу, причем последний у Аристотеля подчиняется Поликрите, а у Парфения не только подчиняется, но и проникается ее чувствами и образом мыслей.

Автор одной сравнительно новой работы о Тарнее ⁶¹ разбирает сказания о девушках, ставших из любви к предводителю неприятелей или из корысти предательницами родного города. Здесь и Комето, дочь Птерелая (Apollocl. Bibl. II, 4, 7), и Скилла, дочь Ниса (ibid. III, 15, 8), и Левкофрия, дочь Мандролита (Parthen. 5, 6), и Писидика Лесбосская (ibid. 21), и Нанис, дочь Креза

(ibid. 22), и некоторые другие героини греческих, западноевропейских и восточных сказаний. Привлекается и предание о Поликрите. Последняя считалась первоначально, по-видимому, предательницей и лишь впоследствии была превращена в спасительницу отчества, что, как известно, пытались сделать, хотя и не вполне удачно, также с Тарпей. То обстоятельство, что и Поликрита, и Тарпея имели свой культ,⁶² не меняет дела: предание об изменнице могло существовать, несмотря на культ.

Теперь противопоставление Поликриты-пленницы, обманывающей Диогнета, и Поликриты, договаривающейся с ним, является перед нами в новом освещении: вторая ближе к исконному⁶³ образу предательницы, охваченной любовью к врагу и ведущей с ним переговоры, сама находясь при этом в безопасности.

Большая близость версии Парфения (Андриска) к исконной (следовательно, устной) традиции по сравнению с версией Плутарха («какие-то наксосские историки») подтверждается дальнейшими пунктами различия между ними. Предательница — обычно близкая родственница начальника крепости (предводителя, царя), чаще всего его дочь — Sp. Tarpeius Romanas praegerat arci. huius filiam virginem etc. (Liv. I, 11; cf. Dionys. Halic. A. R. II, 38); Πεισιδίχην τινὰ Μηθουρναίαν τοῦ βασιλέως θυγατέρα (Parthen. I. c.). У Парфения братья Поликриты — вожди государства — τῆς πόλεως ἡγεμόνες (5), у Плутарха — обыкновенные граждане, которые, получив важное письмо, сообщают о нем полководцам — προσήγγειλαν τοῖς στρατηγοῖς (254 D). Смерть от радости у Плутарха — οὐκ ἤνεγκε τὸ μέγεθος τῆς χαρᾶς, ἀλλ' ἀπέθανεν (254 E) — совсем не напоминает гибели Тарпей, заброшенной щитами — obrutam necavere ... scuta illi pro aureis donis congesta (Liv. I. c.; cf. Dionys. Halic. A. R. II, 40). Наоборот, близко подходит к этому смерть Поликриты от тяжести украшений, надеваемых на нее гражданами (Parthen. 8). К тому же повязки и пояса, с которыми наксосские граждане выходят навстречу своей спасительнице, родственны золотым запястьям и кольцам, прельстившим и погубившим Тарпею. Не забудем, что в истории Поликриты речь идет об ионийцах (Милет, Эрифры), известных своей изнеженностью и любовью к роскоши, а предметы, названные у Парфения, легко себе представить богато украшенными.⁶⁴ Сабинян предание также изображает живущими в роскоши (Dionys. Halic. A. R. I. c.). Напрашивается на сравнение еще один рассказ (Ps.-Plut. Parall. 15): Бренн, царь галатов, осаждает Эфес и влюбляется в эфесскую девушку Демонику; она соглашается отдаться ему, но требует от него запястья и украшения женщин (эфесских); ее затем убивают, засыпав золотом. Рассказ — явная контаминация разных преданий, среди которых были и предания, близкие к наксосскому.⁶⁵

У Парфения Диогнет, услышав слова Поликриты, порывается убить девушку — ὁ δὲ Διόγνητος ἀκούσας τοῦ λόγου ἐκτός τε

ἐγένετο αὐτοῦ καὶ σπασάμενος τὴν μάχαιραν ὄρησε διεργάσασθαι τὴν κόρην (4). Здесь, возможно, мы имеем рудимент: ведь первоначально предательницу убивают по приказу того, ради кого она стала изменницей родины. Можно допустить, что смерть Диогнета у Парфения (8) — отголосок смерти отца предательницы; ср. смерть Птерелая (Apollocl. Bibl. II, 4, 7) или Ниса (ibid. III, 15, 8). У Плутарха Диогнету сохранена жизнь (254E). Наконец, Парфений сохранил основной мотив старинного предания — мотив предательства, но переместил его. У него Поликрита заставляет Диогнета предать своих союзников — *μηνήσεται περὶ προδοσίας τοῦ χωρίου ... καθωμολογήσατο προδώσειν ... παρεσκευάζετο προδίδοναι τὸ χωρίον* (3—5). У Плутарха предательства вообще нет.

Вывод о большей близости Парфения (его источников) к исконному преданию подтверждается некоторыми особенностями его повествования. Ход его рассказа неторопливый. Поликрита сначала не хочет слушать посланцев Диогнета — *ἡ δὲ μέχρι μὲν τινος οὐ προσέτετο τοὺς παραγινόμενους*, и только его настойчивость заставляет ее смягчиться (2). Диогнет не сразу примиряется с мыслью о необходимости изменить своим союзникам, по откладывает свой ответ до следующего дня — *τότε μὲν οὐδὲν ἀπεκρίνατο ... τῇ δ' ὕστεραία*. (4, fin.). Поликл, брат Поликриты, сначала не знает, как отнестись к письму, затем, не потому, что в промежутке были получены какие-нибудь новые сведения, — решает послушаться — *ἐν πολλῇ φροντίδι ἐγένετο, εἴτε πεισθεῖη τοῖς ἐπεσταλμένοις εἴτε μῆ. τέλος δὲ ...* (6, fin., sq.). Ретардация в форме простой задержки (сначала «нет», потом «да»: «не в этот день, а в следующий») характерна для устного рассказа. Так, у Геродота Гиг на предложение Кандавла подсмотреть, как раздевается царица (I, 8) и потом на требование последней убить царя (I, 11) сначала отвечает отказом, потом соглашается; Крез сначала не отпускает на охоту своего сына Атиса, потом уступает (1, 36 sqq.) и т. п.⁶⁶

В этой связи привлекает к себе внимание еще одно место в рассказе Парфения. Поведение Диогнета в конечном счете объясняется неизбежностью: должен был наступить конец бедам у наксосцев — *ἔδει γὰρ, ὡς ἔοικε, Ναξίους μεταβολὴν γενέσθαι τῶν παρόντων κακῶν* (4). Параллель к этому месту находим в упомянутом выше рассказе Геродота о Кандавле, там, где речь идет о неминуемой беде, — *χρῆν γὰρ Κανδαύλῃ γενέσθαι κακῶς* (I, 8). Можно было бы привести и другие параллельные места из Геродота, где в одних случаях употреблен тот же глагол, что и в рассказе о Кандавле, а в других — тот, который употребил Парфений, — *δεῖν* (II, 133, 139, 161; IV, 79; V, 33, 92δ; VI, 64, 135; VII, 17; VIII, 53; IX, 16, 109). Это — черточка фольклорного рассказа, находящего объяснение событиям в том, что они предопределены, суждены.⁶⁷

Парфений передает предание о Поликрите с сохранением некоторых характерных черт устного рассказа.⁶⁸ Сказанное о Парфении следует, разумеется, отнести к его источнику. «Любовные рассказы» Парфения представляют собой конспекты, предназначенные служить материалом для поэтических произведений самого Парфения и Корнелия Галла, — αὐτῷ τε σοὶ παρέσται εἰς ἔπη καὶ ἐλεγείας ἀνάγειν τὰ μάλιστα ἐξ αὐτῶν ἀρμόδια . . . οἶονεῖ γὰρ ὑπομνηματίων τρόπον αὐτὰ συνελεξάμεθα καὶ σοὶ ἡνὶ χρῆσιν ὁμοίαν, ὡς εἶοικε, παρέξεται (Praef. 2). Такие записи естественно отличаются сжатостью — ὡς ὅτι πλεῖστα ἐν βραχυτάτοις (ibid. 1) и неприязательностью διὰ τὸ μὴ παρεῖναι τὸ περιττὸν αὐτοῖς (ibid. 2). Этими качествами отличаются главы 2, 3, 11, 19, 20, 22, 27, 28, 29, 30 и некоторые другие, носящие явный характер конспектов, не имеющих претензии быть художественными произведениями.⁶⁹ К некоторым другим главам определения Парфения неприменимы: в них своеобразие источника одержало верх над нивелирующей тенденцией жанра⁷⁰ (записок для себя, сборников материалов). В рассказе о Поликрите мы, таким образом, сталкиваемся лицом к лицу с его источником — Андриском. Прямое указание в тексте Парфения на заимствование из I книги Наксосской истории Андриска — αὐτῆ ἐλέφθη ἐκ τῆς α' Ἀνδρίσκου Ναξιακῶν — и форма, в какой упомянут Феофраст, — γράφει περὶ αὐτῆς καὶ Θεόφρατος — дают полное основание думать, что Феофраст не был источником Парфения и, вероятно, потому, что в своем сочинении «Политика сообразно обстоятельствам» он в противоположность Андриску не давал детализированного повествования, а довольствовался краткой справкой наподобие тех, какие в большом количестве встречаются в Политике Аристотеля.

Вернемся к Наксосской Политии Аристотеля. Из двух версий предания (для нас) — версия Андриска (Парфений) и версия некоторых наксосских историков (Плутарх) — Аристотель (а вслед за ним и Феофраст) зависит от первой, сохранившей и после Аристотеля следы более тесного соприкосновения с живым народным преданием. Расхождение Аристотеля с Андриском в одном пункте — род смерти Поликриты — дают повод думать, что мог существовать вариант первой версии, в котором имелись некоторые (по крайней мере) элементы второй. Непосредственный источник Аристотеля нам неизвестен. Большой подробностью рассказ Наксосской Политии едва ли отличался, однако, с другой стороны, Аристотель, конечно, не ограничивался простой справкой, иначе Плутарх (или его источник) не мог бы сделать своего, хотя и сжатого, но достаточно содержательного добавления об Аристотеле.

На фольклорной почве выросли и некоторые другие из рассказов, содержащихся во фрагментах утраченных Политий Аристотеля. Таково относимое к Фессалийской Политии предание о возникновении поговорки φεῦγ' ἐς κόρακας (fr. 496), о внезапно

разбогатевшем перевозчике Пиррии — из Итакийской Политии (fr. 505), о девушке, выбравшей себе в женихи фокейского грека, — из Массалийской Политии (fr. 549), о суровом царе, не пощадившем собственного сына ради строгого выполнения закона (fr. 593), о тиране, обладателе волшебного перстня, — из Фокейской Политии (fr. 599) и др. Сюда же относятся многочисленные мифологические рассказы, в значительной степени связанные с основанием городов, так или иначе использованные в Политиях. Одно замечание Полибия, сделанное, правда, по одному конкретному поводу, раскрывает нам кое-что в отношениях Аристотеля к его источникам. Дело идет о полемике Тимея против Аристотеля в вопросе об основании италийского города Локров (Эпизефирских). Суть спора разбирать подробно не будем. Для нас интересно то, что Полибий прямо говорит о соответствии рассказа Аристотеля местным преданиям — *σύνοιδα γὰρ τοῖς ἀνθρώποις ὁμολογεῖσιν ὅτι παραδόσιμος αὐτοῖς ἐστὶν αὐτῆ περὶ τῆς ἀποικίας ἢ φήμη παρὰ πατέρων, ἣν Ἀριστοτέλης εἶρηκεν, οὐ Τίμαιος* (Polyb. XII, 5=fr. 547). Правдоподобно ли, чтобы Аристотель только в одном случае стремился держаться местного предания? Характер самих рассказов, впрочем, не помогает нам догадаться, каковы были непосредственные источники, благодаря которым эти рассказы дошли до Аристотеля.

Несколько ближе (хотя и не с желательной степенью приближения) подходим мы к источникам Политий Аристотеля в тех редких случаях, когда нам удастся уловить в сообщении Аристотеля определенную тенденцию, которую нет возможности приписать самому автору Политий. Наиболее ярким примером этого может служить фрагмент Боттиейской Политии (Plut., Thes. 16=fr. 485). В рассказе Аристотеля о происхождении боттиейского народа легко выделить следующие моменты: 1) отправка критянами людей в Дельфы и переселение оттуда этих выселенных критян в южную Италию; 2) переход их из южной Италии во Франкию; 3) деталь — среди отправленных критян были потомки афинян, присылавшихся на Крит в качестве дани во времена Миноса (они не отдавались на съедение Минотавр). Каждый из выделенных моментов характеризует собой определенную стадию развития рассказа о странствовании критян. Первая стадия представлена (для нас) Геродотом (VII, 170): критяне связываются только с яшигами; боттией также упоминаются у отца истории, но не ставятся в связь ни с Критом, ни с Италией (VII, 185; VIII, 127). Вторую стадию — присоединение боттиеев, которые оказываются критянами, переселившимися сначала в Италию, а оттуда на север во Франкию (Македонию), дают Страбон (VI, 3, 2; 3, 6; VII, fr. 11) и Конон (Narrat. 25). В третьей стадии путем некоторого видоизменения рассказа в целях устранения некоторых несообразностей в рассказ была внесена поправка: среди критян, бывших предками боттиеев, оказались и афиняне, проживавшие на Крите.

Эту стадию отражает фрагмент Аристотеля. Переделка рассказа не устранила всех шероховатостей, получившихся в результате внесения в рассказ поправки. Последняя плохо увязана с традиционным рассказом о боттиеех-критянах и по самой своей сути является посетительницей политической тенденции. Боттиеев нужно каким-то образом сделать афинянами, и это достигается благодаря возможности использовать рационалистически истолкованное мифологические предание. Получается, в сущности, определенная теория, вшивавшая в себя некоторые фольклорные элементы, но в целом представляющая построение, далекое от народных сказаний. Идея связать боттиеев с афинянами узамй крови могла возникнуть только во времена первого морского союза и особенно в те годы, когда этот союз складывался. Аналогична с теорией о боттиеех — потомках афинян построенная одновременно с пей теория о происхождении ликийцев от афинян (Геродот I, 173; VII, 92).⁷¹

Источник Аристотеля воспроизводил теорию, созданную у боттиеев или созданную в Афинах, но пустившую корни у боттиеев и имевшую своим назначением возвести к глубокой древности тесные отношения между афинянами и неонийской и, возможно, негреческой народностью боттиеев. Еще один пример влияния тенденциозного предания на Политию Аристотеля дают экскерпты Гераклида. Некий самосец Феоген, изгнанный из отечества, жил у Эврипида (см. дальше, стр. 165 и 275), вступил в связь с его женой, а его самого сделал своим пособником в политических делах; афиняне согласились послать на Самос две тысячи человек, которые, явившись на остров, изгнали оттуда всех местных жителей (fr. 611₃₅). Общий топ этого сообщения, самое слово *ῥύαιον* для обозначения жены Эврипида выдают происхождение этого рассказа. Перед нами политический анекдот типа сплетни, с которым можно сравнить сообщения греческих историков о пребывании Алкивиада в Спарте, — он также считался любовником жены оказавшего ему покровительство и помогавшего ему в его политических начинаниях царя Агиса (Plut. Alcib. 23; Lys. 22; Ages. 3; Xenoph. Hell. III, 3, 1—3).

Среди источников Афинской Политии были и документальные данные — постановления афинского народного собрания, проекты конституций, тексты соглашений. Можно допустить, что для других Политий Аристотель в меньшей степени мог использовать подобные источники. Однако о полном отсутствии ссылок на документы и даже об отсутствии документальных текстов в Политиях говорить нельзя. В Лакедемонской Политии Аристотель ссылаясь на олимпийский диск, на котором было вырезано имя Ликурга (fr. 533). В той же Политии автор комментировал ретру Ликурга (fr. 536). В Тегейской Политии давалось толкование договора между лакедемонянами и тегейцами (fr. 592).⁷²

Не раз говорил Аристотель в своих Политиях о деньгах и монетах. При этом речь шла либо об истории денежного обращения

вообще (fr. 481, 580, 611₃₇), либо о реформе денежной системы (fr. 476, 510, 529, 590), либо, наконец, о внешнем виде монеты, начиная с определенного времени, причем предполагалось, что монета продолжала и дальше сохранять такой вид (fr. 528, 568). В этом последнем случае изображение на монете играло до некоторой степени роль исторического источника, вероятно, уже у тех авторов, которыми пользовался Аристотель. В Киренской Политии имеется ссылка на местную монету, имевшую на одной стороне изображение царя, а на другой — изображение сцены приема царем сильфия, лекарственного растения, бывшего царской регалией (fr. 528). В Регийской Политии сообщалось о разведении в Сицилии зайцев, дотоле там не водившихся, регийским тираном Анаксилаем, который начал чеканить монету с изображением колесницы на одной стороне (он был победителем в Олимпии) и зайца — на другой (fr. 568). Можно вспомнить и об одном фрагменте Тарентской Политии, с сообщением о монете с изображением Таранта, сына Посейдона, восседавшего на дельфине (fr. 590). Сюда же относится и фрагмент Тенедосской Политии, сохранившийся Гераклидом и другими писателями. Рассказав о расправе тенедосского царя с собственным сыном, уличенным в прелюбодеянии (царь приказал в соответствии с законом отсечь прелюбодею голову секирой), Аристотель непосредственно за этим ссылаясь на местную монету, сохранявшую и в его время прежний вид: «и поэтому на одной стороне их монеты начеканена секира, а на другой — лица мужчины и женщины, вырастающие из одной шеи» (fr. 611₂₁=fr. 593). У Гераклида словам нашего перевода «их монеты» соответствуют слова τοῦ νομισμάτος αὐτοῦ — «его монеты». Путем сравнения с нашим местом ряда мест в Афинской Политии и во фрагментах других Политий удастся показать, что чтение αὐτοῦ не только не является первоначальным (аристотелевским), но не может быть приписано и Гераклиду. Правильнее читать не αὐτοῦ, а αὐτῶν.⁷³

Известно, что Аристотель пользовался в Афинской Политии стихотворными источниками (большое место занимают стихотворения Солона; есть и другие стихотворные отрывки). Прибегал он и к цитированию или использованию (без цитирования) стихов и в других Политиях. В Боттиейской Политии приводился стих, который распевали на празднестве местные девушки (fr. 485). Возможно, в Эпирской Политии была ссылка на отрывок стиха: μένος πνεῖοντες Ἄρβυται (fr. 494). Не исключена возможность того, что в Иасийской Политии (fr. 503, 611₇₃) цитировался стих из Илиады (II, 126). В Итакийской Политии, судя по одному фрагменту, была использована Одиссея (fr. 506, 507). В Орхоменской Политии имелось двустишие — эпитафия Гесиоду (fr. 565). В Сибарисской Политии по поводу прозвища, полученного сибаритами от жителей окружающих городов, приводилось одно слово из Гомера (fr. 584). В Критской Политии Аристотель вспоми-

нал слова Архилоха (fr. 611₁₄). Так же и в Магнезийской (fr. 611₅₀).

Многочисленные упоминания о поэтах и философах будут рассмотрены далее.

Упомянем о большом количестве пословиц, поговорок, оракулов, включенных в Политии и сохраненных нам другими писателями. Подобный материал, имеющийся и в Афинской Политии, не был для Аристотеля источником в собственном смысле. Ведь не из существования выражения *πάλαι ποτ' ἦσαν ἀλκιμοὶ Μιλήσιοι* (fr. 557) заключил Аристотель о том, что в древности Милет был силен и славен. Старинные предания и живые свидетели — милетские колонии — лучше всяких поговорок свидетельствовали о былом величии города, так что не только Аристотель, но и авторы, от которых он зависел, приводили поговорку не как основание для своих соображений, а скорее как подробность, дополняющую все другие сведения. Равным образом тот факт, что приенские женщины в самых важных случаях клялись мраком у Дрии — *ὁ παρὰ τῆ Δριῖ σκότος*, — никак не мог быть для Аристотеля или для его источников основанием рассказывать о войне между Самосом и Приеной и о гибели приенского войска в битве с милетянами (fr. 576): формула клятвы либо с самого начала была тесно связана с преданием о войне, либо была к нему притянута (но не породила его). В сущности, мы имеем то же, что и в Афинской Политии: не повторявшиеся в Афинах слова о правлении Писистрата как о жизни под властью Кроноса (16, 7) создали предание о популярности афинского тирана; бытовавшее в Афинах выражение *μη φυλακρινεῖν* (21, 2) не было исходным пунктом для построения традиции о реформе Клисфена, оно (как и приведенные выше слова о Писистрате) само входило в состав традиции и т. д. Всех примеров во фрагментах разбирать не будем, но остановимся на одной категории их. В некоторых случаях мы встречаемся с преданиями мифической или полумифической поры, где можно если не доказать, то заподозрить вырастание рассказа на основе ходячего выражения. Так, в Самосской Политии рассказывалась история о царе Анкее и его мудром рабе, предостерегавшем царя против излишней уверенности в прочности его существования. В поговорку вошли слова раба: «Велико расстояние от чаши до края губ» — *πολλὰ μεταξύ πέλει κύλικος καὶ χεῖλος ἄκρου* (fr. 571 = fr. 611₃₀).

Другой пример: рассказ о казни тенеодосским царем своего сына, преступившего закон против прелюбодеяния, был тесно связан с поговоркой, которую употребляли, когда говорили о слишком суровых поступках: «тенеодосская секира» — *Τενέδιος πέλεκυς* (fr. 593 = fr. 611₂₄). Все же, как бы мы ни смотрели на взаимоотношения между преданием и поговоркой, следует признать, что уже источник Аристотеля (не говоря о нем самом) получили предание в готовом виде, со сросшейся с ним поговоркой. Поэтому

последнюю для исторической поры мы не назовем источником, из которого черпали историки.

В утраченных Политиях встречались пословицы и поговорки. Можно спросить себя, не представляли ли они какой-то, пусть втростепенной, но все же конструктивной части Политий? Не занимается ли Аристотель разъяснением исторического происхождения пословиц и поговорок как особой отраслью исследования? Не придавал ли он самостоятельного значения такому исследованию? Афинская Полития во всяком случае не создает презумпции в пользу такого заключения, в ней исторические события приводятся не ради объяснения пословиц и поговорок (2, 2; 3, 5; 6, 1, 2; 13, 5; 16, 6, 7; 21, 2, 5), наоборот, последние сами представляют собой добавление к историческим сообщениям. В довольно многочисленных аналогичных местах из других Политий, как это можно показать на основе наших фрагментов и эхцерптов, пословицы и поговорки играли ту же подчиненную роль, какая отведена им в Афинской Политии. Не ради них рассказывалось о событиях, — наоборот, они оказывались деталью или реликтом события. В Лакедемонской Политии упоминалась спартанская поговорка о Терпандре (см. гл. 3). Поговорка «кровь Эзопа» — τὸ Αἰσώπειον αἷμα, упоминавшаяся, по всей вероятности, в Дельфийской Политии (fr. 487), нужна была, как и самый рассказ о гибели Эзопа, в связи с сообщением о бедствиях, постигших дельфийцев. Вероятно, в Фессалийской Политии — в связи с сообщением о голоде — Аристотель объяснял поговорку «убирайся к воронам» — φεῦγ' ἐς κόρακας (fr. 496). Надо думать, в Фиванской Политии Аристотель говорил о выражении «что же ты не удавился, чтобы стать героем в Фивах» — τί οὐκ ἀπήγγεω, ἵνα Θήβησιν ἦρωσ γένη (fr. 502) в связи с сообщением о фиванских нравах или попутно, по какому-либо конкретному поводу. В Итакийской Политии рассказ о перевозчике, разбогатевшем благодаря совету захваченного разбойниками старика, заканчивался объяснением ходившего среди греков выражения: «Никто, кроме Пирия, не приносил в жертву благодетелю быка» — οὐδεὶς πόποτε εὐεργέτη βοῦν ἔθυσεν ἀλλ' ἢ Πυρίας (fr. 505=fr. 611₇₁). Выражение «коркирская плеть» ведет свое начало от применявшихся коркирянами во время гражданской борьбы плетей, — так говорилось, конечно, в сообщениях о внутренних раздорах на острове в Коркирской Политии (fr. 513). Великие бедствия назывались у греков кифскими *κιδνώλεις συμφοραί*; Аристотель в Кифнской Политии давал такое объяснение, дойдя в порядке своего исторического повествования до рассказа о притеснениях, которым подвергся остров со стороны Амфитриона (fr. 523). В Киренской Политии речь шла о том, что в Кирене сильфий был подарен царю Батту; в конце — объяснение поговорки «сильфий Батта» — Βάττου σίλφιου, обозначающей из ряда вон выходящие почести (fr. 528). Не может быть полной уверенности в том, что Аристотель, упоминавший в Мефонской Политии

о пиерийском племени либеффриев, приводил здесь же и поговорку «более далекий от муз, чем либеффрии», по крайней мере текст Зенобия (fr. 552) не дает нам права на такой вывод; если бы, однако, вошедшие в поговорку слова действительно в Политии содержались, то служебное назначение их не вызывало бы никаких сомнений. Больше вероятности, что в Мелидской Политии — в связи с упоминанием о местном обычае целовать детей на пирах — приводилась и поговорка (первоначально оракул): «Из самого милого самое милое [целовать]» — τῶν φίλτατων τὰ φίλτατα (fr. 553). Пословица о некогда доблестных милетянах (fr. 557) рассмотрена выше. В Наксосской Политии пословица «Большая рыба не бывает плохой» — οὐδεὶς κακὸς μέγας ἰχθύς — была деталью предания об установлении тирании на острове (fr. 558). В Самосской Политии читатель находил не только поговорку о расстоянии между чашей и краем губ (см. выше), но и еще две, возникшие уже в историческое время. Оставим в стороне упомянутую выше поговорку о тьме в Дрии. Рассказ о жестоком правлении тирана Силосонта, при котором остров Самос обезлюдел, получил свое резюме в поговорке: «По воле Силосонта — широкий простор» ἐκρητὶ Σιλοσῶντος εὐρουχωρίη (fr. 574). В Сиракузской Политии имелось сообщение об одном определенном социальном слое «калликирии» (καλλικίριοι), представители которого были очень многочисленны; отсюда, попутно замечал Аристотель, ясно, почему это слово стало обозначением очень большого числа (fr. 586). О выражении «тенеодская секира» говорилось выше. Поздние писатели, прямо или косвенно пользовавшиеся Политиями Аристотеля (в частности, парэмиографы), интересовавшиеся пословицами и поговорками, перевернули сообщения Аристотеля, выдвинув на первый план то, что в Политиях было лишь деталью, и тем самым создавая иллюзию, будто в центре внимания их автора стояли этиологические вопросы.

Специального рассмотрения заслуживает еще один вопрос: можно ли допустить, что в утраченных Политиях имелись историко-литературные экскурсы? Если бы вопрос этот был решен в положительном смысле, то он повлек бы за собой постановку нового вопроса — об отличии Афинской Политии от других монографий, входивших с ней в одну серию. В Афинской Политии встречаются в немногих местах упоминания о поэтах и ссылки на них, но нигде эти упоминания и ссылки не имеют самостоятельного значения. Идет рассказ о политических событиях, а попутно, по связи с повествованием или замечанием, дается ссылка или справка историко-литературного характера. Рассмотрим эти места по порядку. Солон, занимающий так много места в Афинской Политии, интересуется Аристотеля как политический деятель, а не как поэт. Большое количество цитируемых Аристотелем стихов Солона потребовалось для подкрепления сообщений о реформах Солона и высказываний о самом законодателе. Кроме Солона, в Афинской

Политии упоминаются, притом лишь вскользь, поэты Анакреонт и Симоид; они наряду с другими поэтами были вызваны в Афины Гиппархом, сыном Писистрата (18, 1). Факт этот отмечен Аристотелем только для характеристики Гиппарха, который был любителем муз (*φιλόμουσος*).

По отношению к другим Политиям мы оказываемся в менее выгодном положении: фрагменты и эксцерпты далеко не всегда дают нам представление о контексте, среди которого встречались упоминания о представителях греческой литературы и философии или ссылки на их произведения. Знаменательно, однако же, что в тех случаях, когда мы получаем некоторую возможность судить о контексте, легко подмечается связь между литературной справкой и политической историей данного государства. В Дельфийской Политии было упоминание о гибели Эзопа и о последовавшем гнев божества против дельфийцев (fr. 487). Скупые слова Зенобия, сохранившего для нас это сообщение, дополняются рассказом Плутарха (*De sera numinis vindicta* 12), который, правда без ссылки на Аристотеля, подробно говорит о тех же событиях. Согласно Плутарху, Эзоп прибыл от Креза в Дельфы с большим количеством золота, чтобы сделать великоленные жертвоприношения и раздать дельфийцам — каждому по четыре мины. Первую часть поручений, касавшихся принесения жертв, он выполнил. Что же касается второй, то в результате возникших у него недоразумений с дельфийцами он, разгневанный, счел их недостойными получить пособие от Креза и отослал деньги в Сарды. Дельфийцы в отместку обвинили его в святотатстве и наказали, сбросив со скалы, называвшейся Гиампшей. Из эксцерптов Гераклида узнаем о том, в чем состояло обвинение в святотатстве (*αἰτία ἱεροσυλίας*), о котором говорит Плутарх: в постели (или в багаже) Эзопа была найдена (надо думать, выброшенная дельфийцами) золотая (следует понимать — священная) чаша — *φιάλης χρυσῆς φαραδείσης ἐν τοῖς σπράμασιν αὐτοῦ* (fr. 611₅₂). После этого дельфийцы испытали на себе гнев божества, наславшего па них неурожай и всевозможные необыкновенные болезни. Только в третьем поколении дельфийцы избавились от бед, после того как они дали удовлетворение самосцу Идмону, который был потомком людей, купивших в свое время Эзопа. Так, благодаря Плутарху мы получаем уверенность, что эпизод смерти слагателя басен был тесно связан в Дельфийской Политии с сообщениями о состоянии Дельфийского государства в середине VI в. до н. э. В Самосской Политии Аристотель говорил о том, что Эзоп прославился, произнеся басню — *καὶ Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Σαμίων πολιτεία εἰπόντα φρεῖν αὐτὸν μῦθον ἠὲδοκιμηχέναι* (fr. 573). В Реторике (II, 20, 1393b, 23 sqq.) эта басня приводится целиком и дается обстановка, при которой она была произнесена. Эзоп сочинил свою басню в защиту отданного под суд демагога, которому грозила смертная казнь. Содержание басни: лиса, переходя реку,

попала в пропасть; в нее впилося множество клещей; когда пожалевший лису еж предложил ей снять с нее клещей, она отказалась, объяснив, что сидевшие на ней клещи уже насытились кровью, а новые, голодные, высосут у нее весь остаток крови. «Так и вам, — сказал Эвоп, — мужи самосские, этот уже никакого вреда не причинит (ведь он богат); если же вы его казните, придут другие, бедные, которые, воруя, расхитят общественное достояние». Басня имела политический смысл, а потому и упоминалась в связи с рассказом об исторических событиях в Самосской Политии Аристотеля.

В Орхоменской Политии Аристотель говорил о Гесиоде (fr. 565). Об этом свидетельствуют некоторые поздние тексты. Речь в них идет о двукратном погребении поэта и о некоторых эпизодах его жизни. Для нас здесь имеют значение схолии к «Трудам и дням» Гесиода (631), где со ссылкой на Орхоменскую Политию Аристотеля сказано, что оракул повелел орхоменцам взять останки поэта и похоронить их у себя; это произошло после разорения Аскры (родной деревни Гесиода) и истребления ее жителей фесийцами, причем спасшихся приняли к себе орхоменцы. Разорение Аскры, принятие остатков ее населения орхоменцами, данный последним оракул — все это факты, тесно связанные с внутренней историей Орхомена.⁷⁴

Нельзя быть уверенным в том, что в Самосской Политии, где Аристотель упоминал о победе самосцев над приенцами (fr. 576), он писал и о посольстве мудреца Бианта. Плутарх (Quaest. graecae 20) сообщает: в это время прославился и мудрец Биант, прибыв в качестве посла из Приены на Самос — ὅτε καὶ Βίας ὁ σοφὸς εἰς Σάμον ἐκ Πρίηνης πρεσβεύσας εὐδοκίμησε, но при этом (как и во всем отрывке) не ссылается на Аристотеля. Если же, однако, допустить, что Плутарх зависит от Аристотеля, т. е. что у последнего имелось упоминание о Бианте, то окажется, что мудрец был выведен в Политии как политический деятель, получивший от государства ответственное поручение.

Вероятно, имеющаяся у Афиняев ссылка на употребление Гомером слова ἀμτροχίτωνες в смысле «одетые в неподпоясанные хитоны» (Илиада XVI, 419) так или иначе заимствована у Аристотеля, по-видимому из Сибарисской Политии (fr. 584). Если это действительно так, то Аристотель, изображая изнеженность обитателей Сириса, по поводу их цветных хитонов с драгоценными поясами указывал на их прозвище μτροχίτωνες и в этой связи вспоминал о Гомере.

Прямую ссылку на Аристотеля, но без указания сочинения (следует думать о Трезенской Политии), делает Плутарх в жизнеописании Тесея (3). По словам Плутарха, Питфей, дед Тесея, был мудрым человеком и ему принадлежит одно попавшее к Гесиоду («Труды и дни» 370) изречение: «Пусть другу будет достаточна выговоренная плата» — μισθὸς δ' ἀνδρὶ φίλῳ εἰρημένος ἄρκιος ἔστω

(fr. 598). Стих Гесиода понадобился для характеристики основателя полиса. Имена Алкмана и Терпандра упоминались в Лакедемонской Политии (fr. 611_{9,11}) в связи с историей Спарты (см. главу 3 настоящего отдела); Ликург — и это деталь в рассказе о его деятельности — привез в Пелопоннес поэмы Гомера (fr. 611₁₀). Гомер и Архилох привлекались в Критской Политии для доказательства древности критского государственного строя (fr. 611₁₄). Сомнительно, чтобы в Самосской Политии речь шла о великом трагическом поэте Эврипиде и его жене (fr. 611₃₅); впрочем, если бы оказалось, что самосец Феоген действительно вошел в доверие к поэту и вступил в преступную связь с его женой, то сообщение об этом было бы сделано в связи с выступлением Эврипида в народном собрании, повлиявшем на принятие решения об отправке афинских поселенцев на Самос. Эврипид был бы выведен в Политии не как поэт, а как политик. В Кимской Политии ссылки на Гесиода понадобились для иллюстрации старинного обычая (fr. 611₃₈). В Магнейской Политии стих Архилоха «Я оплакиваю беды на море, а не беды магнетов» приводился в связь с преданием о несчастиях, обрушившихся на граждан Магнезии (fr. 611₅₀). Начало эпиникия Симонида, сочиненного по случаю победы тирана Анаксилая в состязании на мулах в Олимпии, цитировалось в Регийской Политии в изложении истории правления этого тирана.

В ряде случаев, как мы убедились, очень легко нащупать ту нить, которая связывает упоминание о поэте или мудреце с историческим повествованием или, реже, с описанием нравов. В других случаях, где перед нами вырванное из контекста сообщение, сделать это трудно, а часто и невозможно.

В Колофонской Политии Аристотель, по словам Афинейя, говорит: «И сам Феодор умер впоследствии насильственной смертью; говорят, что он был распущенным, как это явствует и из его поэзии; ведь женщины еще и теперь поют его песни на празднике качелей»⁷⁵ — Ἀριστοτέλης γοῶν ἐν τῇ Κολοφωνίων πολιτείᾳ φησὶν ἀπέθανε δὲ καὶ αὐτὸς ὁ Θεόδωρος ὕστερον βιαίῳ θανάτῳ. λέγεται δὲ γενέσθαι τρυφῶν τις ὡς ἐκ τῆς ποιήσεως δῆλόν ἐστιν ἔτι γὰρ καὶ νῦν αἱ γυναῖκες ᾄδουσιν αὐτοῦ μέλη περὶ τὰς αἰώρας (Athen. XIV, 618E = fr. 515). Имея дело не с пересказом, а с цитатой из Аристотеля, мы можем позволить себе построить некоторое предположение. В начале отрывка сказано: «И сам Феодор умер впоследствии насильственной смертью». Самый способ выражения — ἀπέθανε δὲ καὶ αὐτὸς ὁ Θεόδωρος — предполагает аналогичное сообщение перед этим. Возьмем в качестве параллелей два места из «Анабасиса» Ксенофонта. Когда этот автор говорит οἱ δ' ἐπὶ τοῦ λόφου πολέμιοι ὡς ἐνόησαν αὐτῶν τὴν πορείαν ἐπὶ τὸ ἄκρον εὐθὺς καὶ αὐτοὶ ὄρησαν ἀμιλλᾶσθαι ἐπὶ τὸ ἄκρον (III, 4, 44), то к сообщению о том, что греки направились на вершину горы, он добавляет, что и враги со своей стороны также (καὶ αὐτοί), соревнуясь, двинулись туда же. В другом месте синопский посол обращается к пред-

водителям греческого войска, прося их делать добро и не причинять никаких обид синопцам, которые также являются греками, — ἀξιῶμεν δὲ Ἑλλήνες ὄντες καὶ αὐτοὶ ὑφ' ὧν ὄντων Ἑλλήνων ἀγαθὸν μὲν πάσχειν, κακὸν δὲ μηδέν (V, 5, 9). Возвращаясь к фрагменту Аристотеля, следует сделать вывод, что перед сообщением о насильственной смерти Феодора было сообщение о каком-то убийстве, к которому имел отношение поэт. Следовательно, последний был упомянут в Колофонской Политии ввиду своей прикосновенности к какому-то политическому событию. Все прочее — его распущенность, соответствующий характер его стихотворений и бытование их — только примечание, добавка, не имеющая самостоятельного значения.

Если допустить (а такое допущение будет вполне естественным), что в эксцерптах из Кефалленской Политии, содержащих сначала сообщение из истории тирании, а затем сообщение о пребывании Гомера на Кефаллении и Итаке в то время, как он заболел и потерял зрение (fr. 614₆₄), правильно передается последовательность рассказа в самой Политии, то отсюда следовало бы, что творец греческого эпоса упоминался в этой Политии попутно, без непосредственного отношения к главной линии изложения. Это было вскользь брошенное замечание.

Все прочие фрагменты и эксцерпты с упоминанием поэтов и философов дают нам отрывочные сведения, не позволяющие уловить какие-либо следы контекста, а следовательно, строить догадки о месте этих сведений в композиции соответствующих Политий. Остается на основании всех предыдущих примеров сделать вывод, что поэтами и философами Аристотель в Политиях интересовался лишь постольку, поскольку они могли быть связаны с внутренней политической историей государств или доставляли нужные для построения этой истории или познания нравов свидетельства. Перечень отрывочных данных, о которых только что говорилось, невелик. В Делосской Политии Аристотель уделял внимание алтарю Аполлона Родителя, находившемуся позади рогового (украшенного рогами) алтаря; на этот алтарь возлагались только пшеница, ячмень и лепешки, но не жертвенные животные (fr. 489). Ссылку Диогена Лаэртия (дающего нам этот фрагмент Делосской Политии) на Аристотеля — ὡς Ἀριστοτέλης ἐν Δηλίων πολιτείᾳ — можно относить либо к последней части предложения, т. е. к сообщению о самом алтаре, либо ко всему предложению с включением слов о Пифагоре, который преклонился только перед этим алтарем и именно потому, что на него возлагались одни бескровные жертвы. В Самосской Политии имелись сведения о Ферекиде Сиросском, который завшивел и умер на Самосе; когда к нему пришел Пифагор, он показал гостю через дверное отверстие свой лишенный мяса палец (fr. 614₃₂). В той же Политии говорилось и об Эзопе, фракийце родом, который был сначала рабом Ксанфа, а затем получил свободу от Идмона глухого (fr. 614₃₃). В Локр-

ской Политии были помещены какие-то данные о слепом от рождения поэте Ксенокрите ⁷⁶ и об Эрасиппе, который, возможно, также был поэтом — ἐγένετο Λοκρὸς Ξενοκρίτος τυφλὸς ἐκ γενετῆς ποιητῆς καὶ Ἐράσιππος (fr. 611₆₀).

В порядке обзора тех элементов утраченных Политий Аристотеля, которые, занимая в них известные места, все же не определяли собой их композиции, следует обратить внимание на характеристики исторических деятелей. Такие характеристики, всегда краткие, встречаются в Афинской Политии. Автор так или иначе представляет читателю Солона (5, 3; 6, 3—4; 11, 2), Писистрата (14, 1, 3; 16, 1, 8), Гиппия, Гиппарха и Фессала (18, 1—2), Исагора (20, 1), Клисфена (20, 1; 22, 1; 28, 2), Аристида и Фемистокла (23, 3), Эфиальта (25, 1), Кимона (26, 1; 27, 3), Перикла (28, 1), Клеона, Клеофонта и Калликрата (28, 3), последующих демагогов (28, 4), Никия и Фукидида (28, 5), Ферамена (28, 5; 32, 2), Писандра и Антифонта (32, 2), участников олигархического правления Тридцати (35), Ринона (38, 4). Аналогичные места были и в других Политиях. Некоторые из характеристик Афинской Политии попали в соответствующие эксцерпты Гераклида, именно характеристики Писистратидов (fr. 611₄R=§ 6 S) и Ринона (fr. 611₆R=§ 9 S). Гераклид отразил аналогичные места и из других Политий. Оставим пока в стороне характеристики тиранов (об этом см. в главе 4 настоящего отдела). Фигуры древних царей и более поздних политических деятелей получали у Аристотеля определенное освещение не только путем описания их деятельности, но и благодаря прямым высказываниям автора. Конечно, эти характеристики лишь в незначительном количестве сохранились в эксцерптах. В Критской Политии Минос назывался деятельным — *πρακτικὸς* и дельным законодателем — *νομοθέτης σπουδαῖος* (fr. 611₁₄). В Кирепской Политии царица Феретима была названа злобной и интриганкой — *χαλεπὴ καὶ περίεργος* (fr. 611₁₆). О Бакее, родоначальнике Бакхиадов, было сказано в Коринфской Политии, что он был хромым и некасистым на вид, но правил прекрасно и по-граждански (fr. 611₁₉). В Элейской Политии упоминался царь Пантолеонт, наглый и злобный — *ὄβριστὴς καὶ χαλεπός* (fr. 611₂₁). Некий царь Тенедоса был изображен в Тенедосской Политии как невзрачный и хромой (fr. 611₂₃). В Самосской Политии наделялся резко отрицательными качествами самосский изгнанник Феоген, действовавший в Афинах во вред своему отечеству (fr. 611₃₅). Фригийская царица Гермодика, как сообщалось в Кимской Политии, выделялась своей красотой и в то же время была мудрой и изобретательной (fr. 611₃₇). В той же Политии Прометей назван решительным и красноречивым — *ἀνὴρ δραστήριος καὶ ἰκανὸς εἰπεῖν* (fr. 611₃₉). В Акрагантской Политии Алкандр был наделен эпитетом «порядочный» — *ἀνὴρ ἐπιεικὴς* (fr. 611₆₉). Гораздо меньше дают нам в этом отношении фрагменты. Все же и из них мы узнаем о высокой оценке, какую давал Аристотель в Лакедемонской Поли-

тии личности и деятельности Ликурга, который получил от спартанцев меньше почестей, чем ему подобало бы, хотя он и удостоился посвящения ему храма и жертвоприношений, как божеству (fr. 534). Согласно Трезенской Политии, Питфей, основатель Трезена, пользовался в свое время наибольшей славой как человек сведущий и мудрейший (fr. 598).

Не будем долго останавливаться на сообщениях Аристотеля о культах и связанных с ними действиях и предметах. В Афинской Политии такие сообщения являются попутными (1; 3, 5; 8, 4; 14, 4; 15, 3—4; 18, 2—4; 19, 4 и др.). Не иначе они были использованы и в других Политиях (fr. 485, 489, 490, 505, 508, 563, 572, 594, 611^{45, 52, 71}). По-видимому, в некоторых Политиях известное значение приписывалось в согласии с традицией чудесным знаменаниям. В Фокейской Политии сообщалось о вещах перстнях тирана Эксекеста, издававших шум, когда предстояла какая-нибудь беда; таким образом перстни предрекли и смерть своего владельца (fr. 599). Из Киренской Политии читатель узнавал, что в царствование Аркесилая IV появился белый ворон, предвещавший, согласно объяснению оракула, нечто тяжкое, надо думать, для царского дома (fr. 611¹⁷). Эксцерпты из Самосской Политии сообщают о появлении на Самосе белой ласточки, размером не меньше куропатки (fr. 611³¹); вероятно, такое portentum и в этом случае имело отношение к государственным делам. При передаче преданий об основании городов большая роль отводилась оракулам и правильному истолкованию их указаний насчет выбора места для нового города (fr. 496, 611^{16, 55, 75}; возможно и fr. 561). Изречения оракула и их исполнение упоминались и по другим поводам (fr. 487, 504=fr. 611⁷⁰, 548, 553, 565, 596, 597).

Рассмотрение отдельных элементов, входивших в состав Политий Аристотеля, не обнаружило в последних никакой существенной разницы по сравнению с Афинской Политией. Утраченные монографии, по-видимому, не содержали в себе ничего, что делало бы их принципиально отличными от известной нам Афинской Политии.

Однако обзора элементов, имевшихся в утраченных Политиях, недостаточно для заключения о едином плане, по которому писалась вся серия Политий. Если поставить себе задачей оправдать тезис об одинаковом составе и одинаковой композиции (на первых порах речь может идти только о внешней композиции, а не о самом композиционном принципе), то нельзя обойти молчанием один существенный вопрос. В какой степени справедливы и справедливы ли вообще сомнения в том, что в прочих Политиях была только историческая часть и не было части систематической? Можно ли думать, что во всех Политиях, кроме Афинской, или во всех Политиях, кроме посвященных большим греческим государствам, Аристотель ограничился историческим очерком изменений государ-

ственного строя и не дал описания этого строя в том виде, в каком он существовал во второй половине IV в.? ⁷⁷

В рассуждениях по этому вопросу следует опираться на факты, т. е. на свидетельства наших источников — Политики Аристотеля, фрагментов утраченных Политий и эхсцерптов из них. Априорные соображения могут иметь лишь вспомогательное значение. В числе Политий Аристотеля, как видно из помещенного выше списка (далеко не полного), имелись и Политии незначительных полисов. Есть ли у нас основание думать, что современный государственный строй этих полисов не интересовал автора Политий? Политика говорит нам об обратном. Преобладание среднего слоя населения, по Аристотелю, обеспечивает устойчивость строя и является до известной степени гарантией против раздоров среди граждан. В больших полисах средний слой обычно является многочисленным, в малых же граждане резко делятся на две враждующие между собой части — богатые и бедные. Вследствие этого большие полисы менее подвержены гражданским распрям, они *ἀστασιαστότεραι* (IV, 9, 9, 1296a, 8 sqq.). Такое положение могло быть выдвинуто только после основательного ознакомления с историей и современным состоянием многих, в том числе и незначительных, греческих государств. Несколько далее ставится вопрос о том, какие должности и в каком количестве являются необходимыми в государстве и какие, не являясь необходимыми, оказываются полезными для хорошо организованных государств, в частности для маленьких — *καὶ δὴ καὶ (πρὸς) τὰς μικρὰς πόλεις* (IV, 12, 4, 1299a, 31 sqq.). В противоположность большим государствам, где целесообразно устанавливать для каждой отрасли управления особую должность, в маленьких необходимо сосредоточивать несколько должностей в руках немногих, так как малолюдство не позволяет занимать одновременно многих людей исполнением государственных дел; впрочем, иногда маленькие полисы нуждаются в тех же должностях и тех же законах, что и большие — *δέονται δ' ἐνίοτε τῶν αὐτῶν ἀρχῶν καὶ νόμων αἱ μικραὶ πόλεις ταῖς μεγάλαις*; разница будет в том, что в первых одни и те же лица будут занимать должности гораздо чаще, чем во вторых. Как видим, речь идет о существенной стороне внутреннего управления. Трудно предположить, чтобы Аристотель рассуждал на эту тему, не имея в руках большого фактического материала, аналогичного тому, какой он использовал во второй части Афинской Политии. В другом месте Политики Аристотель определяет большой и малый полисы (VII, 4, 3, 1326a, 8 sqq.). Большинство, говорит он, неправильно судит об этом, считая признаком большого полиса его многолюдство, большое число живущих в нем людей, тогда как в действительности следует смотреть не на количество жителей, а на мощь полиса, т. е., отвлекаясь от рабов, метэков и чужеземцев, принимать во внимание только тех, кто может быть гоплитом. Соображения о признаках большого полиса нужны Аристотелю не сами по себе.

Они являются важным звеном в цепи рассуждений, ведущих к выводу о том, что хорошо управляемое государство не может быть ни слишком малым, ни слишком большим (4, 7, 1326а, 2 sqq.). Если не стоять на той точке зрения, что теоретические взгляды Аристотеля не имеют опоры в реальной жизни и не основаны на наблюдениях (а защищать такую точку зрения крайне трудно), то остается одно возможное объяснение для выводов Аристотеля — они предполагают наличие у Аристотеля большого и разнообразного материала по внутреннему устройству полисов.

Обратимся к другим доказательствам широких интересов Аристотеля в области греческого государственного права. Эксцерпты Гераклида представляют собой по большей части случайно выхваченный из Политий Аристотеля материал. Иногда, однако, и этот случайный материал может оказаться показательным с точки зрения интересующего нас здесь вопроса. Разбор эксцерптов из Лакедемонской Политии откладываем (см. главу 3 настоящего отдела). Из эксцерптов прочих Политий прочную основу для выводов дают только выписки из Критской Политии. В них сначала идет речь о Миносе и о древности критской конституции (fr. 611₁₄), затем о воспитании юношества и об общественных трапезах (fr. 611₁₅), причем ряд глаголов, поставленных в настоящем времени, сразу убеждает нас в том, что в Политии описывались современные Аристотелю порядки — *διαϊτῶνται, ἀθροίζονται, γίνονται, καλοῦσιν, ἀθροίζει, θέλει, ἐξάγει* и т. д. Прошедшее время — ἦν — не позволяя отнести к IV в. соображение об одном законе в Киренской Политии (fr. 611₁₈). Сравнительно большие эксцерпты из этой последней, подобно эксцерптам из Коринфской (fr. 611₁₉₋₂₀), Тенедосской (fr. 611₂₂₋₂₄), Самосской (fr. 611₃₀₋₃₅) Политий, относятся только к исторической части. Не вполне ясно обстоит дело с Кимской Политией, хотя и здесь в конечном счете приходится признать, что эксцерпты взяты исключительно из исторической части. Правда, о местном обычае, требовавшем, чтобы в случае кражи все соседи возмещали убытки потерпевшему, говорится не только в прошедшем времени — *ἔθος ἦν . . . πάντες ἐτήρουον* (fr. 611₃₈), но и в настоящем — *διὸ καὶ ὀλίγα ἀπόλλυνται*. Здесь, однако, не говоря уже о возможности случайной описки, можно по аналогии с Афинской Политией предполагать вставленную в историческую часть ссылку на современность: «Вот почему они и сейчас (хотя закона этого уже нет) теряют мало» (передача подлинных слов Аристотеля не исключает возможности неполной их передачи). Заключительные слова об изменении политического строя Кимы подтверждают предположение о том, что все предыдущее также относится к прошлому. К исторической части восходит и довольно длинное извлечение из Регийской Политии (fr. 611₅₅).

Не только большие, но и небольшие эксцерпты из Политий Аристотеля дают нам некоторый материал в пользу нашего

тезиса о наличии в Политиях второй систематической части. Само собой разумеется, что примешанные у Гераклида к эксцерптам из Политий эксцерпты из *Nόμιμα βαρβαρικά*, как и фрагменты последних, сохраненные другими писателями, должны быть оставлены в стороне. Перечислим места из эксцерптов, бесспорно говорящие о современных Аристотелю порядках. В извлечениях из Кеосской Политии сообщается, что мужчины на Кеосе не носят по умершему родственнику траурной одежды и не бреют волос в знак траура, мать же после смерти молодого сына носит траур в течение года — *οὐδὲν ἔστι πένθος* etc. (fr. 611₂₈). Ввиду здорового климата на острове Кеосе люди, и особенно женщины, живут там очень долго, но они обычно не доживают до естественной смерти от старости, а изводят себя, прежде чем лишиться сил или получить повреждения, маком или цикутой — *οὐ περιμένουσι . . . ἀλλὰ . . . ἑαυτοὺς ἐξάγουσι* (fr. 611₂₉). Из Лепрейской Политии эксцерптор сохранил одно лишь место, несомненно из второй ее части: захватив на месте преступления прелюбодеев, лепрейцы в течение трех дней водят их по городу в оковах и считают обесчещенными на всю жизнь, женщину же выставляют в течение одиннадцати дней на городской площади без пояса в прозрачной рубашке и подвергают бесчестью — *περιάγουσι . . . καὶ ἀτιμῶσι . . . ἰστᾶσι καὶ ἀτιμῶσι* (fr. 611₄₂). Труднее настаивать на принадлежности к систематической части (Пепарейской?) Политии изолированного сообщения о плодородии острова (fr. 611₄₁). С большим основанием можно относить к систематической части сообщения о природных условиях местности, если с этими условиями связаны определенные занятия или образ жизни жителей. Так, без колебаний отнесем ко второй части Магнезийской Политии сообщение о том, что Магнезия (на Меандре) лежит на равнине, чем объясняется процветающее там коневодство — *ἵπποτρόφοι δ'εἰσὶν . . . πεδιάδα χώραν ἔχοντες* (fr. 611₅₁). В предыдущем параграфе речь идет об одном событии из истории Магнезии. Во второй части Фасийской Политии могло фигурировать сообщение о гостеприимстве жителей Фасиса и о существовавшем у них обыкновении снаряжать в путь потерпевших кораблекрушение и давать им три мины — *φιλόξενοι δ'εἰσὶν ὅστε τοὺς ναυάγους ἐφοδιάζειν καὶ τρεῖς μνᾶς διδόντας ἀποπλεῖν*⁷⁸ (fr. 611₄₆). Небольшое извлечение из Киферской Политии целиком принадлежит второй ее части: киферцы пользуются в качестве закуски сыром и фигами, которые остров приносит в изобилии, равно как и мед и вино; они сребролюбивы и трудолюбивы — *ὄψω τυρῶ χρῶνται καὶ σύκοις . . . φιλάργυροι δέ εἰσι καὶ φιλόπονοι* (fr. 611₅₄).

Настоящее время употреблено в одном извлечении из Регийской Политии — *χιλίιοι γὰρ πάντες διοικοῦσιν αἰρετοὶ ἀπὸ τμημάτων* (fr. 611₅₅). Рассматриваемые вне контекста, эти слова могли бы подать повод думать, что во времена Аристотеля во главе Регия

стояла одна тысяча граждан, выбираемых на основании имущественного ценза. Однако сообщение это делается сразу же после довольно обстоятельного рассказа об основании города и краткого указания об установлении аристократического образа правления; что гораздо важнее, вслед за глаголом διοικοῦσι в настоящем времени следует глагол в прошедшем времени — «они пользовались — ἐχρῶντο — законами Харонда», а дальше даются в прошедшем времени исторические сведения о тиране Анаксиласе — ἐτυράννησε δὲ αὐτῶν Ἀναξίλας . . . — и в самой общей форме о других властителях — ἦσαν δὲ καὶ ἄλλοι δυναστικοὶ παρὰ τοῖς Ῥηγίνοις (fr. 611₅₅).

Эксерпты из Локрской Политии, по всей вероятности, отражают описание жизни у локров во времена Аристотеля. У них запрещается горевать по умершем; похоронив его, они угощаются — ὀδύρεσθαι οὐκ ἔστιν ἐπὶ τοῖς τελευτήσασιν, ἀλλ' . . . εὐωχοῦνται (fr. 611₆₀). У них нет лавок, куда сельские хозяева продают свои продукты и откуда другие граждане покупают их, но каждый земледелец сам продает свои продукты потребителям — καπηλείον οὐκ ἔστι μεταμελικόν παρ' αὐτοῖς, ἀλλ' ὁ γεωργὸς πωλεῖ τὰ ἴδια. Если поймают вора,⁷⁹ ему выкалывают глаз — τὸν ὀφθαλμὸν ἐξορύττεται (fr. 611₆₁). Пять следующих один за другим глаголов в настоящем времени исключают мысль об исторической части Политии (и делают крайне невероятным предположение о порче текста). Имеющуюся же в конце справку о сыне Залевка, уличенном в воровстве и отпущенном гражданами, и о поступке Залевка, который выколол один глаз себе и один сыну, проще всего объяснить как справку историческую, вставленную в систематическую часть Политии.

О законе, запрещавшем гражданам, не достигшим сорока лет, занимать должности и участвовать в посольствах, в эксерпте из Халкидской Политии сообщается в прошедшем времени — νόμος ἦν (fr. 611₆₃), что не позволяет связать этот эксерпт с систематической частью Политии. Другие аналогичные места будут рассмотрены дальше (глава 4, отдел II).

Из Афитской Политии сохранен кусочек второй части. Речь в нем идет о справедливых и честных нравах; афитейцы не трогают чужой собственности, хотя двери домов там и не запираются; некий чужеземец, как говорят, купил там вина, но из-за спешного отъезда не взял его с собой, а оставил на складе, не препоручив никому надзор за ним, что не помешало этому чужеземцу в следующий его приезд найти свое вино нетронутым, — δικαίως καὶ σωφρόνως βιοῦσι καὶ ἀλλοτριῶν οὐ θιγγάνουσιν . . . (fr. 611₇₂).

Из всего здесь сказанного видно, что некоторое количество эксерптов безусловно взято из систематических частей Политий. Если исторические части Политий представлены в эксерптах Гераклида гораздо богаче, то это объясняется большим интересом к ним со стороны эксерптора. В сущности, то же наблюдается

и в его эксцерптах из Афинской Политии, и там из систематической части взято совсем мало данных, притом переданы они в маловразумительной форме. Сравнительно больше заимствовал эксцерптор из систематической части Лакедемонской Политии — своеобразие спартанского уклада задержало на себе его внимание. Свообразием же критского уклада объясняется то обстоятельство, что эксцерпты из систематической части Критской Политии по своему объему в три раза превышают эксцерпты из ее исторической части. Извлечения же из систематических частей других Политий носят на себе явный отпечаток интереса к курьезам быта и нравов.

Перейдем к фрагментам Политий, сохранным разными авторами. И здесь материалы, взятые из истории государств, заметно преобладают над материалами, происходящими из описаний порядков и уклада жизни в IV в. Все же некоторое количество фрагментов может быть отнесено с большой долей вероятности именно к систематическим частям Политий. В Мелидской Политии Аристотель сообщал, что у мелидцев (Μηλιεῖς — обитатели области Μηλῖς в южной Фессалии) было принято выносить во время пиров детей до шестнадцати лет обнаженными и целовать их; так они выполняли приказ бога «целовать самое милое из самого милого» (fr. 533). Суда-Свида, сохранивший (s. v. τῶν φιλάτων τὰ φίλατα) этот отрывок из Аристотеля, употребляет инфинитив несовершенного вида (infinitivus praesentis) — ἐκφέρειν, καταφιλεῖν, так что есть полная возможность отнести сообщение и ко времени Аристотеля. В Пелленской Политии Аристотель, по словам Гарпократиона (s. v. μαστήρες), говорил об особых должностных лицах — мастрах⁸⁰ (μαστροί) и их функции — выискивать общественное достояние (источники доходов?) — μαστήρες ... ἔοικεν ἀρχή τις εἶναι ἀποδεδειγμένη ἐπὶ τὸ ζητεῖν τὰ κοινὰ τοῦ δήμου, ὡς οἱ ζητῆται καὶ οἱ ἐν Πελλήνῃ μαστροί, ὡς Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Πελληνέων πολιτεία (fr. 567). В Элейской Политии Аристотель говорил о гелланоδικах. Об этом упоминает Гарпократион (s. v. ἑλλανοδίκαί): «Аристотель в Элейской Политии говорит, что элейцы поставили сначала одного гелланодика, по прошествии некоторого времени — двух, наконец — девять» — Ἀριστοτέλης Ἠλείων πολιτεία τὸ μὲν πρῶτόν φησιν ἓνα καταστήσαι τοὺς Ἠλείους ἑλλανοδίκην, χρόνου δὲ διεθρόντος β, τὸ δὲ τελευταῖον θ (fr. 492). Слово «наконец» указывает на время самого Аристотеля. Справка взята, по-видимому, из той части Элейской Политии, где описывалось современное Аристотелю устройство государства. Едва ли фрагмент представляет собой соединение сведений, взятых из трех разных мест Политии; скорее всего эти данные были собраны в одном месте систематического обзора элейского строя. Таким образом, в систематической части Афинской Политии собраны вместе относящиеся к разным временам данные о судьях по демам (53, 1), о секретаре при-

тании (54, 3), о стратегах (61, 1). Не будет слишком смелым отнести к систематической части Кипрской Политии отрывок, известный нам благодаря все тому же Гарпократиону (s. v. ἀνακτες καὶ ἀνασσαί): «Сыновья царя и братья называются анактами, а сестры и жены — анассами; Аристотель в Кипрской Политии» — οἱ μὲν υἱοὶ τοῦ βασιλέως καὶ οἱ ἀδελφοὶ καλοῦνται ἀνακτες, αἱ δὲ ἀδελφαὶ καὶ γυναῖκες ἀνασσαί. Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Κυπρίων πολιτείᾳ (fr. 526). Во времена Аристотеля в кипрских городах продолжала существовать царская власть.

Для поздних авторов, у которых находятся цитаты из Политий Аристотеля или ссылки на Политии, внутренний строй греческих государств давно прошедшего времени не представлял большого интереса. Сравнительно много фрагментов имеется только от систематической части Афинской Политии (fr. 383, 412, 414, 426—471), что вполне понятно. Несравненно меньше их от Лакедемонской Политии (fr. 538—543, 545). Немногие фрагменты систематических частей других Политий изобличают специфический интерес, руководивший авторами, сохранившими аристотелевские сообщения. В самом деле, лексикографы Суда-Свида и Гарпократион проявляли первый к поговоркам (fr. 553), второй к редким терминам (fr. 492, 526, 567); специфическому подбору материала парэмиографии и лексикографии мы и обязаны сохранением некоторых сведений из систематических частей соответствующих Политий.

Чтобы убедиться в важности для самого Аристотеля конкретных знаний о современном ему строе греческих полисов, следует обратиться к Политике. Выше приводились места, представляющие собой обобщения, сделанные на основании наблюдений над системой общественных должностей в разных полисах. Имеются в Политике и вполне конкретные сведения как о должностных лицах в тех или иных полисах, так и о современном Аристотелю внутреннем строе и укладе в отдельных греческих государствах. Критяне запрещают рабам упражняться в гимнасиях и приобретать оружие, в остальном же стеснений для рабов нет. В Локрах (Эпизефирских) есть закон, запрещающий продажу имущества,⁸¹ если желающий продать его не покажет, что с ним случилось несчастье, и требующий сохранения старинных наделов (II, 4, 4, 1266b, 18 sqq.). В этой же связи речь идет о законе Солона, ограничивавшем размеры земельной собственности, причем добавляется, что не только у афинян, но и у других есть закон, запрещающий приобретать земельную собственность в неограниченном размере, — καὶ παρ' ἄλλοις ἐστὶ νόμος ὃς κολύβει κτῆσθαι γῆν ὁπόσην ἂν βούληται τις (1266b, 17 sq.). Было бы нелепо видеть в этом сообщении Аристотеля пустую словесную амплификацию; перед нами несомненно полновесное сообщение, основанное на известном запасе сведений. О законе Солона Аристотель ничего не говорит в Афинской Политии, но это не значит, что законы, аналогичные

солоновскому, не упоминались в других Политиях. Комментаторы отмечают, что закон о максимуме земельной собственности существовал, по показаниям Политики Аристотеля, в Фуриях (V, 6, 6, 1307a, 29 sq.), правда, в прежние времена; в общей форме и опять-таки о древних временах говорится, что у некоторых был закон, запрещавший приобретать землю сверх определенной нормы (VI, 2, 5, 1319a, 6 sqq.). Нет ничего невероятного в том, что эти старинные законы кое-где не были никогда отменены и теоретически продолжали считаться действующими во времена Аристотеля. Естественно представить себе, что именно во второй части Кимской Политии был упомянут местный закон об убийстве, согласно которому достаточно было обвинителю представить некоторое количество свидетелей из числа своих родственников,⁸² чтобы обвиняемый был признан убийцей — οἷον ἐν Κόμῃ περὶ τὰ φονικὰ νόμος ἐστίν, ἃν πλεῖθος τι παράσχηται μαρτύρων ὁ δικάων τὸν φόνον τῶν αὐτοῦ συγγενῶν, ἔνοχον εἶναι τῷ φόνῳ τὸν φεύγοντα (II, 5, 12, 1269a, 1 sqq.).

Вводная фраза к этому сообщению достаточно ясно говорит о том, что закон не был отменен: в некоторых местах существуют древние узаконения, являющиеся совершенно неразумными, — ὅσα τε λοιπὰ τῶν ἀρχαίων ἐστὶ ποὺ νορίμων εὐήθη πάντων ἐστίν. В Эпидамне и в Опунте имеется должностное лицо, ведающее (во втором случае с некоторыми ограничениями) всем внутренним управлением, — τοιαύτη γὰρ ἀρχὴ τις ἐστὶ καὶ περὶ Ἐπίδαμον καὶ περὶ Ὀπούντα δὲ κατὰ τι μέρος ἑλαττον⁸³ (III, 11, 1, 1287a, 7 sqq.). Достойны подражания установления тарентинцев, у которых есть общая собственность, предоставляемая в пользование неимущим; кроме того, должности у них делятся на две категории — одни выборные, другие замещаются по жребию; назначение последних — дать доступ к должностям народу, назначение первых — сохранить лучшее правление (VI, 3, 5, 1320b, 9 sqq.). Возможно, что о законе Оксила (см. главу 4 настоящего отдела), который, судя по способу выражения Аристотеля, продолжал действовать в Элиде и в IV в., говорилось не только в исторической, но и в систематической части Элейской Политии. В виде предположения можно высказать мысль, что еще одно любопытное место Политики относительно условий приема в число полноправных граждан (с правом занятия государственных должностей) в некоторых олигархических государствах также содержит материал, который мог повторяться в систематических частях Политий. Необходимым условием для вхождения в круг полноправных граждан являлось в Фивах воздержание в течение некоторого времени от занятия ремеслом, а в Массалии — прохождение какой-то неясной для нас процедуры отбора — ἢ καθάπερ Θηβαίους, ἀποσχόμενοι χρόνον τινὰ τῶν βαναύσων ἔργων, ἢ καθάπερ ἐν Μασσαλία χρίσιν ποιουμένους τῶν ἀξίων τῶν ἐν τῷ πολιτεύματι καὶ τῶν ἔξωθεν (4, 5, 1321a, 28 sqq.). Впрочем,

ручаться за правильность высказанного здесь предположения нельзя.⁸⁴

В Фессалийской Политии автор мог воспользоваться имевшимися у него и нашедшими себе место в Политике сведениями о существовавшей в Фессалии, т. е. в фессалийских полисах, так называемой свободной площади, где занимались гимнастикой и куда не допускались товары; там не мог находиться без вызова со стороны должностных лиц ни ремесленник, ни земледелец, ни кто-либо подобный (VII, 11, 2, 1331a, 31 sq.). Пожелания Аристотеля насчет устройства такой площади в рисуемом им идеальном государстве могло не совсем соответствовать тому, что было в фессалийских полисах, но какое-то (и может быть большое) приближение к требованиям Аристотеля должно было наблюдаться, так что аристотелевскую «свободную площадь» у фессалийцев нельзя сравнивать (в смысле отношения к действительности) с аналогичной ксенофоновской площадью у персов в Киропедии (I, 2, 3).

Политика в целом, даже те ее части, которые могут показаться наиболее отвлеченными, выросла из наблюдений над политической жизнью греческих государств, не только в прошлом, но и в настоящем. Наличие у Аристотеля ссылок на факты в одних случаях и отсутствие этих ссылок в других свидетельствует скорее об изменении манеры писать, чем об изменении характера его мышления. Всякое положение Аристотеля уходит своими корнями в историческую действительность. Не является исключением построение, предложенное в VII—VIII книгах, самая возможность которого была обусловлена теми крупнейшими изменениями, которые происходили в античном мире во времена Аристотеля и знаменовали собой наступление нового периода в истории этого мира.

В Политике находим еще ряд мест, из которых видно, что автор имел перед глазами ряд конкретных, однородных, относившихся к современности данных, позволивших ему сделать обобщающее замечание. Материал, касающийся Спарты, будет приведен и разобран ниже (в главе 3 настоящего отдела). Начать здесь все же придется с одного места, относящегося к Спарте. Аристотель говорит об общем пользовании некоторыми видами собственности в Спарте и здесь же делает любопытное замечание, что подобные порядки наблюдаются в его время в некоторых других, притом хорошо организованных государствах (Лакедемон приводится лишь в качестве наиболее яркого или наиболее известного примера) — *ἔστι δὲ καὶ νῦν τὸν τρόπον τοῦτον ἐν ἐνιαῖς πόλεσιν οὕτως ὑπογεγραμμένον... καὶ μάλιστα ἐν ταῖς καλῶς οἰκουμέναις τὰ μὲν ἔστι τὰ δὲ γένοιντ' ἀν' ἰδίαν γὰρ ἕκαστος τὴν κτῆσιν ἔχων τὰ μὲν χρήσιμα ποιεῖ τοῖς φίλοις, τοῖς δὲ χρήται κοινοῖς* (II, 2, 5, 1263a, 30 sq.). Сопоставленные у комментаторов параллельные места дают возможность до некоторой степени понять, какие госу-

дарства имеет в виду Аристотель (Гарент, по-видимому, Родос и другие полисы).⁸⁵ В другом месте Аристотель говорит: «И теперь должностные лица имеют полномочия творить суд по некоторым делам, подобно судье, именно по тем, о которых закон не в состоянии давать точные указания» — *εἰς δὲ καὶ οὖν περὶ ἐνίων αἱ ἀρχαὶ χύριαί χρίνειν, ὥσπερ ὁ δικαστής, περὶ ὧν ὁ νόμος ἀδυνατεῖ διορίζειν* (III, 11, 7, 1287b, 15 sqq.). В Афинской Политии есть ряд упоминаний о судебных функциях должностных лиц (56, 7; 57, 2; 58, 2—3; 59, 2—6). Подобного рода порядки, наблюдавшиеся в других полисах (с той, однако, разницей, что там должностные лица не просто производили предварительное расследование, но полновластно выносили приговор), дали повод Аристотелю формулировать свое замечание. Эти же наблюдения должны были отложиться и в соответствующих Политиях.

Рассуждения Аристотеля о хитрых приемах, к которым прибегали в государственной практике⁸⁶ для привлечения к себе расположения народа (IV, 10, 6, 1297a, 14 sqq.), где каждое слово обращено к реальной жизни, в одном только месте снабжены ссылкой на пример, причем последний обращен к прошлому (законодательство Харонда). Однако более пристальный взгляд различит в этих рассуждениях места, представляющие собой, в сущности, ссылку на современность. Первая область, в которой применяются эти хитрые приемы, — народное собрание. Участвовать в народном собрании разрешается всем, штраф же за непосещение народного собрания накладывается либо только на состоятельных, либо на всех, но на состоятельных больший. Вторая область — замещение должностей: лицам, обладающим определенным имущественным цензом, не разрешается отказываться от должностей, неимущим же дозволяется. Третья — суд. Состоятельные платят штраф, если они отказываются быть судьями, бедные же не платят; или подвергаются штрафу те и другие, но на первых накладывается большой штраф, а на вторых — незначительный (здесь ссылка на законы Харонда, которые, впрочем, могли иметь силу и в IV в.). Бывает и иначе: всем, записавшимся в список (*πάλιν ἀπογραφόμενος*), дозволяется участвовать в народном собрании и в суде, но в то же время на них накладываются большие штрафы за уклонение от посещения народного собрания и суда, чтобы лишить (неимущих) желания записаться в список. Таким же образом поступают и в четвертой и в пятой областях — в вопросе о приобретении оружия и о физических упражнениях. Неимущих не обязывают приобретать оружие, имущие же, если они не приобретают оружия, платят штраф. Если неимущий не занимается физическими упражнениями, то он не терпит за это никакого наказания, тогда как имущего ждет в таком случае наложение штрафа. Все эти меры названы в Политике олигархическими. Может ли быть сомнение в том, что эта детализированная картина

отражает действительную практику олигархических правительств? Те же заимствованные из наблюдений над жизнью олигархий факты должны были дать Аристотелю материал и для систематических частей определенных Политий. Окончив обзор мер, принимаемых олигархами, Аристотель переходит к мерам, свойственным демократическому правлению. Прежде всего неимущие получают в демократиях плату за участие в народном собрании и в суде, а имущие не платят никакого штрафа за неучастие. Не нужно (и не нужно было во времена Аристотеля) обладать большой проницательностью, чтобы увидеть в этих словах Аристотеля намек на афинские порядки, о которых говорится в систематической части Афинской Политии (62, 2; cf. col. 33, 18 и 37, 7). Явления, о которых идет здесь речь, играли настолько важную роль в политической жизни Афин, что Аристотель счел нужным останавливаться на них не только в систематической, но и в исторической части Афинской Политии (27, 3, 4; 30, 2; 33, 1; 44, 3). По аналогии можно заключить, что о подобных же явлениях в других полисах Аристотель говорил в исторических и систематических частях соответствующих Политий. Афины не могли быть единственными носителями характерных черт демократии, недаром в приведенных выше словах Политики сказано о демократиях во множественном числе.

В Политике есть длинное рассуждение о тех трех основных элементах политической жизни, разновидности которых обуславливают различие форм государственного устройства (IV, 11, 1, 1297b, 35 sqq.). Эти три элемента — обсуждающий общественные дела орган, должностные лица, суд. Каждый из них подвергается в Политике детальному рассмотрению с точки зрения его компетенции, способа пополнения (замещения), особенностей функционирования. С большой тщательностью классифицируются все возможные случаи. В частности, констатируется неизбежность в небольших государствах сосредоточения нескольких должностей в одних руках (о чем уже упоминалось выше). Конкретных примеров во всем рассуждении очень мало. Они даются — так позволительно думать — в тех местах, которые могли вызвать сомнение в своем соответствии с реальностью. Так, по поводу своего утверждения, что всеобщее право участия в органе типа совета может не обязательно осуществляться всеми одновременно — отдельные части гражданского населения могут осуществлять его в порядке очереди, — Аристотель ссылается на конституцию Телекла Милетского. Нигде больше не упоминаемый в наших источниках Телекл был, по-видимому, автором проекта конституции — либо чисто теоретического, вроде проектов Платона, Гипподама Милетского или Фалея Халкедонского, либо (что также возможно) предназначенного действительно стать конституцией Милета, наподобие приведенного в Афинской Политии (30) афинского проекта, предложенного в официальном порядке накануне уста-

новления олигархии. Четырехсот и принятого народным собранием в качестве основного закона на будущее время; в этом афинском проекте предусматривалось создание четырех советов, которые должны были функционировать по очереди, — *βουλὰς δὲ ποιῆσαι τέτταρας . . . καὶ τούτων τὸ λαχὸν μέρος βουλευεῖν* etc. (30, 3). Нетрудно догадаться, почему Аристотель берет в качестве примера редкого случая именно конституционный проект Телекла. Понадобился пример поочередного вступления во власть четырех советов, в состав которых входят все граждане государства, все свободное взрослое мужское население, тогда как афинский проект требовал не только возрастного ценза — *βουλευεῖν μὲν κατ'ἐνιαυτὸν τοὺς ὑπὲρ τριάκοντα ἔτη γεγονότας* (Афинская Политика 30,2), но и содержал условие, исключавшее из совета малоимущих — *ἄνευ μισθοφορᾶς* (ibid.). По той же причине не годился и другой известный нам пример: в IV в. в Беотии, по свидетельству оксиринхского историка, заседать в совете (тоже поочередно), состоявшем из четвертой части тех, кто имел право быть членом совета, могли не все, а лишь обладатели определенного имущества — *ἦσαν καθεστηκυῖαι βουλαὶ τότε τέττα[ρες παρ'ἐ]κástῃ τῶν πόλεων ὧν οὐ[χ' ἅπανσι] τοῖς πολ[ίταις ἐξῆ]ν μετέχειν, ἀ[λλὰ] τοῖς κερ[τημένοις] πλῆθός τ[ι χρημ]άτων* (Hell. Oxyrhynch. 16, 2, Bartoletti). Другой пример, приведенный в качестве иллюстрации в этом рассуждении Политики, находится при перечислении тех условий, которые ограничивают доступ к должностям в некоторых государствах. Такими условиями являются либо определенный имущественный ценз, либо происхождение, либо добродетель (доблесть), либо что-нибудь другое в этом роде. Чтобы предотвратить недоумение по поводу последних слов, Аристотель добавляет: например, в Мегарах на должности ставятся или, вернее, ставились люди из тех, кто вернулся вместе с другими и участвовал в борьбе против демократии — *ὥσπερ ἐν Μεγάροις ἐκ τῶν συγκατελθόντων καὶ συμμαχεσασμένων πρὸς τὸν δῆμον* (IV, 12, 10, 1300a, 17 sqq.). Это свидетельство Аристотеля нет возможности бесспорным образом приурочить к определенным историческим событиям, Аристотель не дает каких-либо уточнений, полагая, видимо, что для его слушателей достаточно будет краткой справки. Третий и последний пример дается в рассуждении о суде. В качестве примера одной из возможных разновидностей суда, именно суда по обвинению в убийстве над изгнанниками, называется афинский суд во Фреатто — *τὸ ἐν Φρεαττοῦ δίχαστήριον* (IV, 13, 2, 1300b, 28 sq.), упомянутый и в Афинской Политике (57,3). Отсутствие других иллюстрирующих примеров в тексте Политики вовсе не означает отсутствия их в сознании Аристотеля. Он снабжает ссылкой на определенные факты только те пункты своих классификаций, для которых нелегко было слушателям самим найти фактический субстрат. Это не значит, что прочие виды совещательного органа, магистра-

туры или суда, названные Аристотелем, являются продуктами его воображения или результатом поверхностного знакомства с действительностью. Уже приведенные Аристотелем примеры доказывают, что он ориентировался на действительность и хорошо был с ней знаком. Многие из демократических порядков, о которых говорит Аристотель, существовали в Афинах: все граждане имели право быть избранными в состав совета и занимать государственные должности, должностные лица имели строго очерченный круг обязанностей; инициатива должностных лиц в судебных делах ограничивалась правом делать предварительное расследование; большая часть должностей замещалась путем жеребьевки; все граждане могли быть членами судебных органов, разбиравших любые дела. Если так обстоит дело с теми частями рассуждения Аристотеля, которые касаются демократических порядков, то естественно будет перенести полученный нами результат и на другие части этого рассуждения. Если автор Политики в одних случаях явно опирается на факты политической жизни демократических Афин (а вероятно, и еще некоторых демократических полисов), то в других случаях опорой для него должны были служить порядки конкретных полисов с олигархическим или иным образом правления. В одном месте Аристотель называет магистратуры, характерные для олигархического или иного образа правления. Пробы являются коллегией не демократической, а олигархической (IV, 12, 8, 1299b, 31 sqq.). Педономы и гинекономы — установление аристократическое, а не демократическое и не олигархическое (12, 9, 1300a, 4 sqq.). Только знакомство с реальными порядками, в том числе и современными, могло послужить основанием для таких заключений. Афинская Политика дает нам в своей второй части яркое доказательство интереса Аристотеля к деталям афинского правительственного аппарата. Будем ли мы сомневаться в его желании и умении с такой же тщательностью изучать правительственные органы других государств?

Скупые конкретные сообщения с указанием полиса, к которому они относятся, встречаются и в других частях Политики. Они подтверждают то заключение, какое подсказал нам рассмотренный выше материал. В современной Аристотелю (демократической, по его мнению) Мантинее народ в целом не принимал участия в выборе должностных лиц (этим занимались особые выборные из всего состава гражданства, их избрание происходило в порядке очереди), вся же народная масса имела право обсуждать государственные дела (VI, 2, 2, 1318b, 23 sqq.). К отмеченной выше, сохраненной Гераклидом, детали из второй части Афинской Политики можно добавить то, что дает об афитейцах Политика: будучи многочисленными и владея небольшой по размерам землей, они все же занимаются земледелием; основой же при определении ценза служит не земельная собственность, а лишь столь незначительная

ее часть, что бедные оказываются обладателями более чем достаточного ценза (2, 6, 1319а, 14 sqq.). По всей вероятности, еще одно место Политики дает нам возможность познакомиться с одним местом в Ларисейской (существование ее возможно) Политии Аристотеля. Вот слова автора: «Горгий Леонтинский, отчасти, возможно, находясь в затруднении, отчасти же иронизируя, сказал, что подобно тому как ступками является то, что сделано мастерами ступок, так и ларисейцами являются те, кто сделаны демиургами; ведь существуют некие мастера ларис» — Γοργίας μὲν ὁ Λεοντίνος, τὰ μὲν ἴσως ἀπορῶν τὰ δ'εἰρωνεύμενος ἔφη, καθάπερ ὄλμους εἶναι τοὺς ὑπὸ τῶν ὄλμοποιῶν πεποιημένους, οὕτω καὶ Λαρισαίους, τοὺς ὑπὸ τῶν δημιουργῶν πεποιημένους· εἶναι γάρ τινες λαρισσοποιούς (III, 1, 9, 1275b, 26 sqq.). Комментаторы собрали материал, позволяющий понять смысл слов Горгия.⁸⁷ Скорее всего замечание было ироническим (Аристотель не считает исключенной и другую возможность — Горгий находился в затруднении, т. е. не находил другого более подходящего ответа на вопрос, кто такие ларисейцы). Демиургами в Греции назывались ремесленники, мастера. В Фессалии, в частности и в Ларисе, слово «демиург» служило для обозначения определенных должностных лиц. Таким образом, шутка Горгия основана на игре слов. Игра есть еще в одном слове — λαρισσοποιός, которое обозначало мастеров, делавших сосуды определенной формы, именовавшихся ларис(с)ами (λάρισσαι, λάρισαι), и в то же время означало как бы «ларисоделателей», т. е. тех, кто делает, создает ларисейцев. В конечном счете, если оставить в стороне некоторые привходящие возможные оттенки (граждане Ларисы сравниваются с горшками не только по созвучию обозначений), слова Горгия следует понять так: граждане Ларисы обязаны своим положением гражданам тем должностным лицам, которые носят название демиургов и имеют широкие полномочия по принятию новых лиц в состав гражданства.⁸⁸ Ничто не мешает думать, что эти полномочия продолжали существовать и во второй половине IV в. и что, следовательно, о них шла речь во второй части Ларисейской Политии Аристотеля, впрочем, не обязательно с повторением замечания Горгия.

Трудно ручаться, что замечание о морском могуществе Гераклеи Понтийской фигурировало в Гераклеийской Политии (существование которой прямо не засвидетельствовано, но вполне возможно) в том виде, в каком оно находится в Политике. «Когда имеется большое число окрестных жителей,⁸⁹ — говорит Аристотель, — и тех, кто занимается в стране земледелием, то неизбежно бывает и обилие моряков . . . как в государстве гераклеотов — ведь они наполняют множество триэр, обладая городом более скромных размеров, чем другие» (VII, 5, 7, 1327b, 11 sqq.). В связи с только что приведенным местом, касающимся Гераклеи, требует рассмотрения еще одно место Политики. Демос, по наблюдениям

Аристотеля, не везде одинаков (IV, 4, 1, 1291b, 17 sq.). Насчитывается несколько его разновидностей — земледельцы, ремесленники, рыночные торговцы, морской демос; последний в свою очередь подразделяется на военных моряков, моряков торговых, перевозчиков, рыбаков (прочее здесь можно оставить в стороне). В отдельных местах преобладают отдельные виды демоса; рыбаки — в Таренте и в Византии, работающие на триэрах (т. е. военные моряки) — в Афинах, торговые моряки — на Эгине и на Хиосе, перевозчики — на Тенедосе. Упоминались ли отмеченные здесь характерные особенности народных масс в соответствующих Политиях — Тарентской, Византийской, Эгинской, Хиосской, Тенедосской? В Афинской Политии мы не находим характеристики афинского демоса как военного, работающего на триэрах (*τριηρικόν*), но, возможно, только потому, что автор считает это обстоятельство хорошо известным. Вопрос о других Политиях приходится оставить открытым. Во всяком случае общая характеристика демоса могла быть дана либо в систематической части, либо в исторической в связи с сообщениями о государственных переворотах, вызванных движением рыбаков, матросов торгового флота и т. п.

Не весь прошедший у нас перед глазами взятый из Политики материал должен был обязательно быть использован в систематических частях Политий, но значительная часть его, подобно материалу, даваемому фрагментами и эксцерптами, несомненно была включена и в Политии. В систематических частях Политий автор, как мы видели, интересовался учреждениями и должностями, законами и судебными органами, в какой-то степени также образом жизни и нравами жителей. Находит себе параллель в других Политиях и имеющееся в Афинской Политии описание установлений, касающихся эфебов (42, 2—5). В Критской Политии описывалось воспитание молодежи (fr. 614₁₅). Эксцерпты Гераклида дают нам некоторое представление об образе жизни критской молодежи. Мальчики проводили жизнь вместе и ходили зимой и летом в одном и том же плаще. Во главе каждого отряда (агелы) мальчиков стоял агеларх, который по своему усмотрению собирал их и выводил на охоту. Мальчикам полагалось вступать в бой друг с другом, пуская в ход кулаки и палки; бои эти происходили под звуки флейт и кифар. Молодежь приучалась быть мужественной и выносливой. Обучение грамоте существовало, но было ограниченным. Эксцерпты содержат также сведения об обычае похищения юношей и увода их в горы. Вообще эти эксцерпты наряду с эксцерптами из Лакедемонской Политии больше, чем какой-либо другой источник, приближают нас к пониманию систематических частей утраченных Политий. Вслед за сообщениями о воспитании юношества идут сообщения об образе жизни критян и об их гостеприимстве. У критян есть общественные обеды. Обедают критяне, сидя в креслах (смысл: а не возлежат). Первыми получают еду чужестранцы, затем должностное лицо, которому даются

четыре порции: одна ординарная («как и прочим»), вторая — особая, как должностному лицу, третья — для дома, четвертая — для обслуги (?τῶν σκευῶν). Чужестранцам на Крите большой почет, их даже приглашают быть проэдрами (по-видимому, на играх).⁹⁰

Политика Аристотеля дает нам нечто большее, чем разрозненные сообщения. В ней находим разбор как спартанского, так и критского и карфагенского строя. С другой стороны, очерки о спартанских, критских и карфагенских порядках являются не описаниями, а критическими разборами; задача, которую ставит перед собой автор, — выяснить соответствие или несоответствие этих порядков тем порядкам, какие он сам считает образцовыми. За вычетом всего того, что может быть отнесено к исторической части Критской Политии, в Политике остается некоторый материал, который вполне подходит для систематической части Критской Политии. Критские порядки Аристотель сравнивает со спартанскими. Земледелием у спартанцев занимаются гелоты, у критян — периэки (II, 7, 1, 1272a, 41 sqq.). Сисситии имеются как в Спарте, так и на Крите; у критян они носят название андриии. Организация сисситий на Крите лучше. В Спарте взносы на общие обеды делает каждый отдельно. На Крите же периэки обязаны отдавать государству часть своих плодов и скота; эта дань идет на нужды культа, на общественные литургии и на сисситии, так что все гражданское население питается на общественный счет — и женщины, и дети, и мужчины. В связи с этим, возможно, Аристотель раскрывал в Политии слишком общее указание, сделанное в Политике: «Законодатель многое придумал, чтобы приучить, как к чему-то полезному, к умеренному употреблению пищи» — πρὸς δὲ τὴν ὀλιγοστίαν ὡς ὠφέλιμον πολλὰ περὶ τοσοῦτον ὁ νομοθέτης (7, 5, 1272a, 22 sqq.). Несомненно, и следующая названная в Политике мера, имевшая целью задержать прирост населения, также была зарегистрирована в Критской Политии — καὶ πρὸς διάζευσιν τῶν γυναικῶν ἵνα μὴ πολυτεχνῶσι, τὴν πρὸς τοὺς ἄρρενας ποιήσας ὀμιλίαν.

Спартанским эфорам соответствуют критские космы. Различие в том, что эфоров пять, а космов десять. В противоположность эфорам, которые избираются из всех граждан, космы — только из определенных родов — ἐνταῦθα δ' οὐκ ἐξ ἀπάντων αἰρουῦνται τοὺς κόσμους ἀλλ' ἐκ τινῶν γενῶν (1272a, 33 sq.). Часто некоторые из космов или частные лица, соединившись между собой, изгоняли других космов; и самим космам разрешается слагать с себя должность (7, 7, 1272b, 3 sqq.). Космы командуют войском, так как царской власти на Крите в IV в. уже нет. Обо всем этом речь шла, надо думать, не только в исторической, но и в систематической части Критской Политии — все вопросы затрагивались в первой в порядке исторического обзора, во второй — в порядке описания действующей конституции.

В таком же порядке в обеих частях Политии говорилось об акосмиях, т. е. о тех периодах, когда должность космов временно упразднилась. Как и в Спарте, на Крите были геронты, составлявшие (в таком же количестве, как и в Спарте) так называемый совет. Геронтами на Крите становились (и в этом одно из отличий критских порядков от спартапских) только те, кто был до того космом, — καὶ τοὺς γέροντας ἐκ τῶν κωκοσηρήτων (scil. αἰροῦνται — 7, 5, 1272a, 34 sq.). Как и в Спарте, геронты на Крите пожизненные и не знают над собой контроля; они выносят судебные решения не на основании писаных законов, а по собственному усмотрению. В народном собрании принимают участие все граждане. Права народного собрания очень ограниченные; оно только утверждает решения геронтов и космов.

Очень кратко остановимся на данных о внутреннем строе Карфагена. В Политике Аристотель специально занимается разбором карфагенских порядков. Существование особой Политии Аристотеля, посвященной Карфагену, строго говоря, доказать нельзя, так как никаких прямых свидетельств о ней или даже косвенных указаний на нее не имеется. Тем не менее отрицать возможность ее существования было бы слишком смелым. Итак, перечислим все то, что могло быть дано во второй части Карфагенской Политии.⁹¹ В Карфагене были сисситии (8, 2, 1272b, 33 sq.). Спартапским эфорам соответствует так называемая власть (институт) Ста четырех. Члены этого корпуса избираются ἀριστινῶδην (т. е. по признаку знатности или, может быть, знатности, соединенной с доблестью). Есть и цари (это суффеты); они не принадлежат к определенному роду, но в то же время не берутся из любого рода. Геронты, насколько можно заключить из испорченного текста, избираются не тем способом, что в Спарте, причем высокий возрастной ценз не является обязательным. Решения передаются или не передаются на рассмотрение народному собранию по усмотрению царей и геронтов. Народное собрание выносит окончательное решение и в том случае, если между геронтами нет полного единомыслия. Народное собрание не просто выслушивает решение властей, предложенное его вниманию, но выносит окончательное решение, причем всякому дозволяется возражать против того, что решили власти. Неизвестные нам ближе пентархии,⁹² в компетенцию которых входит много важных дел, сами избирают своих членов (8, 4, 1273a, 13 sq.). Те же пентархии избирают и членов совета Ста. Пентархии остаются у власти и тогда, когда истек срок их полномочий, и вступают во власть сразу же по избрании.⁹³ Должностные лица не получают вознаграждения от государства. При избрании их не применяется жребий. Все судебные дела разбираются во всех правительственных органах без разделения компетенции⁹⁴ (последнее имело место в Лакедемонe). При избрании на должности в Карфагене руко-

водствуются не только признаком знатности (или знатности^И, соединенной с доблестью), но и признаками богатства — οὐ μόνον ἀριστίαν, ἀλλὰ καὶ πλοῦσίνην οἷονταί δεῖν αἰρεῖσθαι τοὺς ἀρχοντας (8, 5, 1273a, 23 sq.). Эти принципы с особой строгостью соблюдаются при избрании важнейших должностных лиц — царей и полководцев. Очень часто несколько должностей соединяются в одних руках (8, 8, 1273b, 8 sq.). Наконец, отмечается еще одна особенность политической жизни Карфагена: карфагеняне все время высылают часть народа в города, тем самым давая этим людям возможность разбогатеть (8, 9, 1273b, 18 sqq.).⁹⁵

В обзоре критских и карфагенских порядков мы сознательно придерживались фактической стороны сообщений Аристотеля в Политике и старались оставлять в стороне те оценки, какими в изобилии уснащал свое изложение Аристотель. В Политике конституции спарганская, критская и карфагенская (равно как и рассмотренные Аристотелем раньше политические проекты теоретиков) разбираются главным образом под углом зрения их несоответствия требованиям, предъявляемым к идеальному строю (хотя ряд деталей в них вызывает одобрение со стороны автора Политики). В Политике Аристотель анализирует и критикует строй трех государств. В Политиях, если судить по Афинской Политии, прямые оценки действующей конституции в систематической части отсутствовали. Это не означает, что у Аристотеля не было определенного взгляда на конституции в целом и на отдельные их стороны, но эти взгляды не выражались прямо в систематических частях Политий. Описание государственного аппарата не сопровождалось критическими замечаниями.

Систематическая часть следовала в Политиях за исторической. Так позволяют думать не только априорные соображения и порядок частей в Афинской Политии. Эксцерпты Гераклида оказывают нам здесь ту помощь, которую напрасно было бы ждать от разрозненных фрагментов или от Политики Аристотеля. В эксцерптах сохранился порядок следования обеих частей Афинской Политии. Сохранился в них и порядок, в каком историческая и систематическая части были расположены в Лакедемонской Политии (см. главу 3 настоящего отдела). Очень ясно проходит грань между исторической и систематической частями в эксцерптах из Критской Политии (Минос — fr. 611₁₄; критские порядки — fr. 611₁₅). Вообще в тех редких случаях, когда эксцерпты дают нам какие-нибудь остатки исторической и систематической частей какой-либо Политии одновременно, порядок их оказывается тем же, какой дан нам в Афинской Политии и в эксцерптах из Политий Лакедемонской и Критской. Это мы видим в извлечениях из Политий Киренской (fr. 611₁₆₋₁₈), Кеосской (fr. 611₂₆₋₂₉), Магнезийской (fr. 611_{50, 51}), Локрской (fr. 611_{60, 61}).⁹⁶ Во всяком случае рассмотренный выше материал дает нам основание не присоединяться к мнению тех, кто думает, будто систематической обзор современ-

ного строя отсутствовал в большей части аристотелевских Политий. Факты не подтверждают такого мнения.

Имеется все же одно позднее свидетельство, на первый взгляд противоречащее сделанному выше заключению и говорящее о двух разных типах произведений, обычно объединяемых под общим названием Политий. Подавляющее большинство поздних источников сообщает нам о том, что Аристотель написал серию Политий. Иначе представляет дело Плутарх в сочинении «О невозможности приятной жизни согласно Эпикуру» (*Non posse suaviter vivi secundum Epicurum* 10), где сказано: *κτίσεις καὶ πολιτείας Ἀριστοτέλης . . . ἔγραψεν*. Аристотель, если верить Плутарху, оказывается автором «Оснований» (городов) и Политий. Отвлечемся от двух важных обстоятельств, которые уже и сами по себе могли бы решительно подорвать значение показаний Плутарха. Во-первых, Плутарх не обнаруживает непосредственного знакомства даже с Афинской Политией Аристотеля; тем больше оснований говорить о его незнакомстве с другими Политиями. Во-вторых, его свидетельство стоит одиноко среди других свидетельств (пусть тоже поздних и не избочающих непосредственного знакомства их авторов с Политиями Аристотеля), констатирующих существование Политий и не выделяющих какие-нибудь сочинения Аристотеля типа «Оснований».

Займемся показаниями Плутарха. Допустим, что они достоверны. Тогда пришлось бы признать, что у Аристотеля была серия сочинений под названием *κτίσεις* и другая, называвшаяся *πολιτεῖαι*. В первой изображалось бы, если судить по названиям, основание государств, во второй — государственный строй (и его история). Под понятие *πολιτεία* безусловно подошли бы Политии Афинская, Лакедемонская, Критская и все те, в которых за историческим очерком шло систематическое описание государственного строя (во всяком случае все те, от систематической части которых сохранились фрагменты и эксерпты), но что разуметь под *κτίσεις*? Рассказ об основании города, к которому можно было бы присоединить и рассказ о его судьбах в раннее время? Наблюдения над стилем Аристотеля показывают, что об основании городов и мифической поре их существования он писал в сжатой, сухой, деловой манере. Даже там, где он слегка отступал от этой манеры и становился несколько более обстоятельным, рассказы его продолжали оставаться короткими. Трудно представить себе вышедшую из Ликия книгу, хотя бы и небольшую, заполненную исключительно рассказами об основании полисов и о ранних их судьбах.

К этому присоединяется и абсолютная невероятность наличия рядом с Политиями, в которых излагались судьбы государственного строя (и лишь в качестве затрагиваемых попутно тем — все остальное), чисто повествовательных сочинений, в которых большие политические вопросы не могли занимать видного места. Наконец, многочисленные фрагменты, содержащие материал по

ранней истории государств (основание и близкие к нему времена), всегда говорят о той или иной Политии Аристотеля, а не о каких-либо других его произведениях. Вот перечень Политий, прямо названных именно таким образом во фрагментах (в порядке греческого алфавита): Афинская (например, fr. 385), Египетская (fr. 472), Этолийская (fr. 473), Акарнанская (fr. 474), Акрагантская (fr. 476), Амбракийская (fr. 477), Аргосская (fr. 480), общая Аркадская (fr. 483), Ахейская (Phot., Biblioth., cod. 161), Боттиейская (fr. 485), Гельская (fr. 486), Дельфийская (fr. 487), Делосская (fr. 489, 490), Элейская (fr. 492), Эпирская (fr. 494), общая Фессалийская (Phot., Biblioth., cod. 161; fr. 497, 498, 499), Итакийская (fr. 504, 506, 508, 509), Гимерская (fr. 510), Кеосская (Phot., Biblioth., cod. 161), Керкирская (fr. 512, 513), Киосская (fr. 514), Колофонская (fr. 515), Кифнийская (fr. 522), Кимская (fr. 524), Кипрская (fr. 526), Киренская (fr. 528), Лакедемонская (fr. 532, 540, 542, 544, 545), Левкадская (fr. 546), Локрская (fr. 548), Ликийская (Phot., Biblioth., cod. 161), Массалийская (fr. 549), Мегарская (fr. 550), Мефонская (fr. 551, 552), Мелидская (fr. 553), Наксосская (fr. 558), Неаполитанская (папирус III в., содержащий каталог книг, упоминает, кроме Афинской Политии Аристотеля, также Неаполитанскую), Опунтская (fr. 560, 562, 563, 564), Орхоменская (fr. 565, 566), Паросская (Phot., Biblioth., cod. 161), Пелленская (fr. 567), Самосская (fr. 573, 575, 576), Самофракийская (fr. 579), Сикионская (fr. 580), Сибарисская (fr. 583), Сиракузская (fr. 586, 587, 588), Тарентская (fr. 590), Тегейская (fr. 591), Тенедосская (fr. 593), Трезенская (fr. 596), Фокейская (fr. 599). Из этого списка видно, что даже заведомо незначительным государствам — Итаке, Кеосу, Кифносу (*μία τῶν Κοκλάδων νήσων* — fr. 522), Мэфоне, Мелиде, одному из Неаполей, Тенедосу, Трезене (*πόλιν μὲν οὐ μεγάλην τὴν Τροϊζήνιον* — fr. 598) были посвящены именно Политии, а не сочинения какого-нибудь другого рода и названия.

Разбираемое свидетельство Плутарха появилось, надо думать, в результате недоразумения. Кто-то из авторов, которыми пользовался Плутарх, плохо понял показания своего источника о том, что Аристотель описал основания и конституции (включая и судьбы конституций) разных государств; суммарное раскрытие содержания исторических произведений Аристотеля было понято как упоминание о двух разных типах произведений; отсюда и заблуждение Плутарха.⁹⁷

Итак, Политии Аристотеля представляли собой серию одинаково построенных монографий. Вторая часть каждой Политии, систематическая, имела описательный характер. Носительницей идейной стороны была — так можно думать а priori — первая, историческая часть. Доказательству этого тезиса посвящены следующие три главы этого отдела.

КОМПОЗИЦИЯ АФИНСКОЙ ПОЛИТИИ ¹

Афинская Политика Аристотеля, рассматриваемая как историографический памятник, ставит перед нами ряд вопросов, среди которых первоочередным представляется вопрос о ее композиции.

Если бы в нашем распоряжении имелась только Афинская Политика и фрагменты других Политий Аристотеля, то задача сводилась бы, в сущности, к выяснению особенностей структуры имеющегося текста Афинской Политии. Наличие Политики того же автора позволяет нам поставить и более широкий вопрос — о процессе создания Политии (хотя бы в самых общих чертах).

Любое теоретическое положение Политики является выводом из большого количества наблюдений над конкретными фактами, взятыми из истории и политической действительности не одного десятка греческих государств. Лишь в отдельных случаях Аристотель прямо ссылается на такие факты; преимущественно это имеет место в книге о переворотах (V). Гораздо чаще такой ссылки нет. Не следует, однако, обманываться насчет манеры Аристотеля работать; она везде одна и та же: каждое положение является результатом суммирования наблюдений над рядом аналогичных фактов.

Изучение Афинской Политии показало, что между ней и Политикой имеется большая близость, которая не ограничивается фактической стороной сообщений Аристотеля, а распространяется и на область идеологии. Как ни малочисленны прямые политические высказывания Аристотеля в Афинской Политии, они не позволяют сомневаться в том, что его отрицательное отношение к «крайней» демократии и к явно выраженной олигархии и сочувствие к конституциям, так или иначе приближающимся к той форме правления, которую он обозначает в Политике термином «полития» (это, с его точки зрения, одна из трех правильных форм), остаются неизменными. Конкретно: конституция, названная в Политике прародительской демократией — *πάτριος δημοκρατία*

(а такое наименование в устах Аристотеля является почетным), в Афинской Политии охарактеризована как недемократическая с точки зрения позднейшей демократии (29, 3). И реформы Солона и личность реформатора занимают внимание философа.² Те положительные отзывы о политической деятельности Солона, какие в Политике даются со слов других, в Афинской Политии высказываются от имени самого Аристотеля. Защита имеет в виду не только реабилитировать Солона с нравственной стороны (непричастность его к проделке друзей, разбогатевших в результате отмены долгов), но и доказать, что Солон не несет ответственности за то нежелательное, с точки зрения Аристотеля, направление, в каком впоследствии развивался государственный строй Афин. Конституция Солона, по мнению Аристотеля, представляла собой смешение олигархических, аристократических и демократических элементов (Политика II, 9, 2, 1273b, 38 sqq.) и была положительным явлением; современный же Аристотелю строй оказывался извращением принципов, положенных в основу конституции Солона.

Эти две политические единицы, противопоставляемые одна другой, занимают наибольшее место в Афинской Политии. Современности посвящены конец первой, исторической, части Политии и вся вторая, систематическая, часть ее; периоду Солона — больше глав (5—15), чем какому-либо другому периоду истории Афин.

В изложении истории афинских государственных порядков после Солона задача, поставленная перед собой Аристотелем, сводится к двум моментам: 1) показать дальнейшее развитие зародышей демократического строя, имевшихся в конституции Солона (противоречившее, впрочем, замыслам самого законодателя); 2) показать в ходе исторического повествования как политические формы, существовавшие в Афинах до окончательного утверждения демократии в конце V в., так и те формы, введением которых противники демократии пытались задержать или вытеснить складывавшуюся или уже сложившуюся демократию.

Ближайшее рассмотрение неизбежно приводит к заключению, что вторая из этих задач занимает мысль автора в большей степени, чем первая.

Одна из бросающихся в глаза особенностей композиции Афинской Политии, в ее исторической части, состоит в нарушении хронологических пропорций. Действительно, если не вызывает удивления пространность рассказа о тиранах (14—20), так как речь идет о полувековом периоде истории Афин, то не может не оставить читателя в недоумении слишком короткое повествование о Перикле (26—27). На кратковременных правлениях Четырехсот (29—33) и Тридцати (35—37) автор останавливается дольше, чем на эпохе Перикла и периоде той демократии, которая была в Афинах между 411 и 404 гг. (30), хотя олигархическое правление держалось в пер-

вый раз всего четыре месяца (33, 1), во второй — восемь месяцев (Xenoph. Hell. II, 4, 21), а демократия — семь лет.

Лишь отчасти такое несоответствие можно объяснить наличием или отсутствием материала. Здесь действовала, по-видимому, и сознательная воля автора. Когда он характеризует демократию, окончательно установившуюся в 403 г., словами *αἰὲν προσεπιλαμβάνουσα τῷ πλήθει τὴν ἐξουσίαν* (41, 2), то он имеет в виду ряд фактов, о которых не считает нужным рассказывать, а не только то, совсем немного, о чем он прямо сообщает в систематической части Политии. Нельзя сомневаться в том, что о современных Периклу Афинах, о самом Перикле и его политической деятельности Аристотель, если бы он того пожелал, мог бы рассказать гораздо более обстоятельно. Есть и обратный случай, когда почти полное отсутствие конкретного материала не помешало Аристотелю дать некоторое сообщение со включением в него общей характеристики. В течение очень короткого времени после падения Четырехсот в Афинах существовало, по свидетельству Аристотеля, правление тех, кто мог приобрести за собственный счет тяжелое вооружение (33, 1). Единственная конкретная подробность об этом периоде, переданная нам Аристотелем, — отмена вознаграждения должностным лицам. Дальше идет похвала этому правлению, при котором шла война и власть принадлежала людям, способным вооружиться за свой счет (33, 2; ср. Фукидид VIII, 97, 2). Вполне ясна причина, по которой Аристотель фиксирует внимание читателя на этом моменте внутренней истории Афин; ему отрадно констатировать реализацию любезной его сердцу конституции *ἐκ τῶν ἄπλου*, т. е. того строя, который он называл политией (Политика II, 3, 9, 1265b, 28 sq.; III, 5, 3, 1279b, 3 sq. и др.).

После этого можно попытаться найти общее объяснение для отмеченной выше диспропорции между размерами рассказов Аристотеля и относительной продолжительностью отдельных периодов истории Афинского государства и его политического строя. Композиция исторической части Афинской Политии раскрывается в ее основных чертах самим автором (41). Здесь дается резюме всего предшествующего изложения. Перечисляются одиннадцать сменявших одна другую конституций, причем почти всегда отмечается характерный признак каждой, преимущественно же поступательное движение демократии.

В сущности, этому плану соответствует и все построение первой части Афинской Политии. После подробного рассказа о временах Солона, конституция которого, с точки зрения Аристотеля, не была демократической в собственном смысле слова, важно было констатировать в общей форме и в характерных деталях демократизацию афинского государственного строя и задержки, препятствовавшие этому процессу. Подробное описание развитого демократического строя дается в конце. Подробное изображение демократических порядков времен Клисфена, Эфиальта-Перикла,

411—404 гг. не было нужно неумолимому классификатору Аристотелю, так как эти порядки представляли собой лишь переходные ступени между недемократическим, но содержащим в себе демократические элементы строем Солона и демократией IV в. и были лишены специфической физиономии, свойственной как первой, так и второй. Любопытно с этой точки зрения отношение Аристотеля к тому строю, который водворялся в Афинах дважды, во время первого и второго изгнания Писистрата, в первый раз на три-шесть, во второй на десять-одиннадцать лет.³ По существу дела, и первое и второе изгнание Писистрата представляло собой государственный переворот, как были переворотами и оба возвращения тирана. Однако в суммирующей главе 41 весь период правления Писистрата рассматривается как единый и цельный. Ничего нового по сравнению с предыдущими периодами истории афинского государственного строя промежутки времени между падениями и реставрациями тиранического режима не принесли. Точно так же, несмотря на временные перерывы, тирания Писистрата не меняла своего характера, а потому и могла считаться единой.

С другой стороны, те формы правления, которые Аристотель противопоставляет демократии, имели более или менее ясно очерченный облик. Древнейшие представляли собой разновидности исконной монархии. Писистрат и его сыновья были представителями тирании. Непосредственно перед выступлением на политическую арену Солона правление стало олигархическим. После Персидских войн поднялось значение Ареопага, благодаря чему правление, как сказано в Афинской Политии, улучшилось или, по выражению, употребленному в Политике, стало более подтянутым (*συντονωτέρα* — V, 3, 5, 1304a, 21). Правление Четырехсот и правление Тридцати носят на себе ясные признаки олигархии. Все подобные формы правления живо интересовали Аристотеля в Политике. Для своих суждений о них он несомненно имел большой материал из истории других греческих государств, где и тирания, и олигархия, и разного рода промежуточные формы были подчас представлены не менее, если не более ярко, нежели в Афинах. Однако, как легко убедиться на основании Политики, афинским материалом Аристотель особенно дорожил и интересовался. Отсюда то внимание, какое оказано недемократическим формам в Афинской Политии.

Для конституции Четырехсот Аристотель приводит документальный материал в виде проекта конституции. Дело в том, что государственное устройство Четырехсот было по идее той политией, которую Аристотель выделяет в Политике как одну из правильных государственных форм. Согласно проекту, который был воплощен в жизнь лишь после падения Четырехсот, да и то ненадолго, полнота политических прав передавалась гражданам, числом не менее пяти тысяч, способным служить государству «своими телами и имуществом» (29, 5). В дальнейшем, как мы уже видели,

оказалось, что реально разумелись граждане, вооружавшиеся на свои средства. Аристотель не мог удовольствоваться беглым упоминанием о такой попытке ввести в Афинах одну из правильных государственных форм. Проект времен Четырехсот не случайно попал в текст Афинской Политии.

Любопытна и одна деталь в истории Тридцати. Ферамен вступает в борьбу с группой олигархов, руководимой Критием. Они составили список трех тысяч ⁴ граждан, которым должны быть переданы политические права. Ферамен протестует против этого, указывая в первую очередь на то, что составители списка, имея целью передать политические права людям порядочным (τοῖς ἐπιεικέσιν), отбирают всего три тысячи граждан, как будто доблесть (ἀρετή) ограничена этим числом (36, 2). Знаменательные слова ἐπιεικέεις, ἀρετή вставлены в речь Ферамена самим Аристотелем. У Ксенофонта, современника описанных Аристотелем событий, им соответствуют другие слова — καλοὶ κάγαθοί, σπουδαῖοι, ποιηροί (Hell. II, 3, 19). По учению Аристотеля, изложенному в Политике, господство тех, кого он называет ἐπιεικέεις и которые являются обладателями доблести (ἀρετή), характеризует ту правильную форму правления, которая носит название ἀριστοκρατία (III, 7, 6, 1283а, 16; 7, 11, 1283b, 21; IV, 6, 4, 1284а, 10 sq.; V, 6, 3, 1307а, 9; Eth. Nic. IV, 8, 5, 1128а, 17 sqq.).

Таким образом, из трех правильных, по мнению Аристотеля, форм правления (монархия, полиция, аристократия) в Афинах реально и длительно существовала в раннюю пору афинской истории только первая; вторая была запроектирована в 411 г. и фактически просуществовала очень короткое время; третья составляла предмет дебатов среди Тридцати, причем один только Ферамен серьезно думал о ее введении. Последнее обстоятельство делает понятным тот одобрительный отзыв о деятельности Ферамена, который содержится в обзоре афинских политических деятелей (28, 5).

Для целей Аристотеля в Политике нужны были по возможности подробные описания реально и фиктивно действовавших конституций. Важно было самое описание политической структуры независимо от того, сколько времени она просуществовала и даже перешла ли вообще из стадии проекта в стадию реализации. Собранный для Политики и в той или иной форме использованный в ней материал составил затем остов Афинской Политии ⁵ — сочинения, имевшего иное назначение и предназначавшегося для иных читателей. Дорожа собранными фактами, Аристотель не пожелал подвергнуть этот материал коренной переработке. Отсюда та диспропорция, о которой говорилось выше.

Зависимость Аристотеля от его источников не позволяет нам видеть в разрозненных сообщениях главы 22 следы первоначальной стадии его работы в виде отдельных предварительных записей; ведь всю эту главу он мог в готовом или почти готовом виде

взять из источника анналистического типа («Аттиды»). Гораздо показательнее другое место Афинской Политии, сохраняющее, как можно думать, следы происхождения первой части трактата из записей, нужных автору в период его работы над Политикой. Подобные записи естественнее всего представлять себе в виде выписок из источников. Лишь в процессе дальнейшей обработки происходит сглаживание несогласованностей и устранение противоречий, подчинение всего изложения определенной общей концепции. В период записей противоречия вполне возможны, а иногда и неизбежны. Анализ состава Афинской Политии привел к одному бесспорному результату. Выяснилось, что Аристотель пользовался разнообразными источниками, отражавшими разные, противоречившие одна другой идеологии, разные взгляды на факты, а подчас неодинаково представлявшими фактическую историю Афин.⁶ Аристотель подчиняет разноречивый материал своим собственным концепциям, так что читатель Афинской Политии везде видит руку автора, который принимает показания одного источника, опровергает показания другого, местами борется на два фронта. Однако в одном случае можно констатировать очень интересное противоречие у самого Аристотеля. Самый факт противоречия подмечен уже давно.⁷ Аристотель положительно оценивает роль Ареопага в истории Афин. После поражения Ксеркса Ареопаг, по рассказу Аристотеля, становится во главе государства (23, 1; 25, 1). Те семнадцать лет, в течение которых это учреждение руководило афинской политикой, афиняне управлялись хорошо (23, 2). Тем не менее реформа Эфиальта, положившая конец главенству Ареопага, изображается как лишение Ареопага тех присвоенных (отнюдь не исконных) функций, благодаря которым он имел возможность играть роль охранителя государственного строя — τὰ ἐπίθετα δι' ὧν ἦν ἡ τῆς πολιτείας φυλακή (25, 2). Употребленное Аристотелем обозначение τὰ ἐπίθετα следовало бы истолковать в смысле «позднее присвоенные права» даже в том случае, если бы Аристотель в другом месте, говоря о полномочиях архонта, не противопоставил бы τὰ πάτρια и τὰ ἐπίθετα (3, 3). Речь, следовательно, идет о том, что отнятые у Ареопага полномочия не были унаследованы от древних времен. Так освещал этот вопрос тот (вообще не враждебный Ареопагу) источник, который лежит в основе сообщения Аристотеля о реформе 462/1 г. Между тем в трех других местах сам Аристотель с полной определенностью высказался о тех же прерогативах Ареопага как об исконных, принадлежавших ему до Драконта (3, 6), при Драконте (4, 4), при Солоне и после него (8, 4). Чем объяснить такую непоследовательность? Единственное возможное, с нашей точки зрения, объяснение: выписка, касающаяся реформы Эфиальта, была сделана тогда, когда Аристотель не продумал еще до конца своего отношения к Ареопагу. Одно из мест Политики, где говорится об Ареопаге и потере им его главенствующего положения (II, 9, 2,

1273а, 35 sqq.), скорее подсказывает нам положительное решение вопроса об исконности политических прав Ареопага, но то обстоятельство, что Аристотель не высказывается *explicité*, показывает отсутствие специального интереса к этому пункту. Во втором месте (V, 3, 5, 1304а, 17 sqq.) вопрос никак не освещается. Это дает нам основание думать, что благожелательный по отношению к Ареопагу тон источника, не признававшего отнятые права исконными, подкупил Аристотеля и он спокойно зафиксировал не только в своей выписке, но и в тексте трактата слово *ἐπίθετα*, которым, по-видимому, когда-то оперировали враги Ареопага. Не может быть сомнения в том, что при окончательной отделке Афинской Политии получившееся противоречие было бы устранено в пользу того решения, какое дал сам Аристотель в начальных главах.

Других столь ярких примеров непоследовательности, не допускающих примиряющей интерпретации, мы в Афинской Политии не найдем — сказывается работа автора. Она сказывается и в другом. С внешней стороны в построении Политии доминирующим является принцип серийности. Сама Афинская Полития была первой и важнейшей в серии 158 Политий Аристотеля, имевших в основных линиях одинаковую композицию (две части). В свою очередь первая часть нашей Политии представляет собой в конечном счете серию описаний государственных устройств, сменявшихся одно другим на протяжении афинской истории. Вторая часть Афинской Политии дает нам серию афинских установлений и должностей. Внутри каждой части наблюдается известный параллелизм: в каждом отрезке исторической части — чередование описания событий, предшествовавших установлению определенных порядков, и описание самих этих порядков; в систематической — одинаковое (с известными ограничениями и рядом отступлений) построение отдельных отрезков. Как ни просты подобные наблюдения, они представляют некоторый интерес как доказательство строго продуманного плана, по которому писалась Афинская Полития, и как опора для дальнейших поисков в том же направлении.

История афинского государственного строя и описание существующего строя не представляют собой двух не связанных между собой частей трактата. Как уже отмечено выше, при чтении Афинской Политии трудно не заметить, что в ней Солон и его конституция занимают в известном смысле центральное положение. На протяжении исторической части автор не раз оглядывается на реформы, конституцию и деятельность Солона вообще (2, 2; 3, 5; 17, 2; 22, 1; 28, 2; 29, 3; 35, 2; 41, 2). Упоминание о законе Солона встречается и во второй части Политии (47, 1).

Однако наряду с этой оглядкой на эпоху Солона в исторической части Афинской Политии имеется еще другая, не менее показательная.

В рассказах о прошлом Аристотель время от времени вспоминает о современности. В описании государственного устройства Афин до Драконта современность иногда используется для так называемых обратных заключений. Так, современные Аристотелю порядки являются основанием (Аристотель говорит *σημείον*) для заключения о том, что должность архонта возникла при Акасте (3, 3); о том, что эта должность является менее древней, чем должности царя-полемарха (*ibid.*); о том, что местопребыванием царя было здание, именовавшееся в IV в. *Βουχολεῖον* (3, 5). Считавшийся действительным еще во время Аристотеля закон Солона о назначении казначеев из пентакосиомедимнов рассматривается в Афинской Политии как доказательство (*σημείον*) того, что законодательство Солона ввело цензовый принцип замещения должностей (8, 1).

Кроме таких сопоставлений с современностью, которые являются особым приемом доказательства, частично или даже целиком заимствованным от предшественников,⁸ в Афинской Политии имеются и случаи упоминания о современности, требующие иного истолкования. Попытка увидеть доказательство во всех тех местах, где Аристотель употребляет выражения *διό, ὅθεν* и т. п.,⁹ не может быть признана удачной. Аристотель сообщает о том, что при Солоне каждая фила выбирала предварительно по десяти кандидатов на должности девяти архонтов, а потом среди этих кандидатов производилась жеребьевка; затем идет ссылка на современный порядок — *ὅθεν ἐπι διαμένει ταῖς φυλαῖς τὸ δέκα κληροῦν ἑκάστην, εἰτ' ἐκ τούτων καταμεύειν* (8, 1). То обстоятельство, что при Аристотеле кандидаты в архонты проходили двойную жеребьевку — предварительную и окончательную, само по себе не давало достаточного основания для заключения о том, что первая жеребьевка заменила собой практиковавшееся когда-то, притом именно при Солоне, избрание. Аристотель приводит данные о действовавшем в его время порядке для того, чтобы показать, чем современные Афины обязаны солоновской конституции. Иначе говоря, практика IV в. не служит здесь исходной точкой для реконструкции порядков VI в. Эти последние считаются столь же известными, как и порядки IV в., и привлекаются для объяснения последних. Так же обстоит дело и в других местах, где прошлое сопоставляется с настоящим, будь то вопрос о юрисдикции девяти архонтов (3, 5), или о полномочиях и способе пополнения Ареопага (3, 6),¹⁰ или об отсутствии у фетов права занимать должности (7, 4), или о тексте присяги архонтов и булевтов (7, 1; 22, 2). После этого не окажется необоснованным предположение, что и те ссылки на современность, которые могли бы быть доказательствами и действительно были таковыми у предшественников Аристотеля, в Афинской Политии вовсе не играют такой роли или наряду с ней несут и дополнительную функцию сопоставлений, сделанных в интересах объяснения современности.

Не представляется удивительным то обстоятельство, что большая часть сопоставлений прошлого с современностью падает на те главы Афинской Политии, которые посвящены изложению ранних конституций. Чем дальше продвигался в своем повествовании Аристотель, тем меньше было ладобности в подобных сопоставлениях. Демократические порядки поздних периодов были слишком похожи на современные Аристотелю порядки, чтобы пужно было специальное подчеркивание этого сходства автором. С другой стороны, попытки утвердить в Афинах строй, который был бы не совсем или совсем не демократическим, несли с собой такие порядки и установления, резкое отличие которых от того, что было при демократии, было вполне очевидным и не требовало особых комментариев.

Сделанные выше замечания позволяют, как думается, говорить о том, что историческая часть Афинской Политии обращена одновременно и в сторону конституции Солона и в сторону современной Аристотелю конституции Афин.

Что касается второй части трактата, изображающей конституцию IV в., то и она написана с некоторой оглядкой на прошлое. Вообще в этой второй части автор избегает исторических экскурсов в прошлое, выходящее за пределы последнего периода истории Афин, начинающегося в 403 г. Если речь иногда и идет об изменениях, то это частные изменения внутри того государственного порядка, который утвердился в Афинах после падения Тридцати. Однако некоторая обращенность к исторической части Афинской Политии (преимущественно к начальным главам ее) все же имеется. Прямая ссылка на первую половину Политии встречается только один раз — «об исконном способе назначения девяти архонтов сказано выше» (55, 1). Этими словами автор отсылает читателя к соответствующим местам исторической части своего сочинения (преимущественно 3,2—4, но также 8, 1; 22, 5; 26, 2). В одном месте, как уже отмечено выше, есть упоминание о Солопе.

Творческая история Афинской Политии нам неизвестна и едва ли когда-нибудь станет известной. За отсутствием засвидетельствованных фактов приходится довольствоваться догадками. Заключение, к которым приводит (в плане отчасти гипотетическом) рассмотрение композиции Афинской Политии, следующие.

Историческая и систематическая части Афинской Политии даже внешне тесно связаны одна с другой, предполагают одна другую. Отмеченные выше скрепления скорее всего появились тогда, когда использованный в Политике исторический материал начал получать оформление в виде Афинской Политии; для целей Политики они не были нужны.

Первоначальные записи и выписки, представлявшие собой, по-видимому, описания отдельных действовавших и проектировавшихся в Афинах конституций и обстоятельств, при которых происходила смена одних конституций другими, должны были под-

вергнуться при объединении их в едином сочинении существенной переработке. Подобная работа, естественно, сопровождалась пополнением материала, и конституция Драконта могла попасть в поле зрения автора именно в это время. Некоторые неточности, имеющиеся в главе 4, излагающей конституцию Драконта, не являются ее специфической особенностью, они наблюдаются и в главе 3. Их можно объяснить той недоработанностью всего сочинения, о которой говорилось выше по поводу высказываний Аристотеля о функциях Ареопага. Более важной частью работы было подчинение материала единой концепции и почти законченное устранение противоречий.

Зададимся вопросом, в чем выражается та или иная оценка Аристотелем в Афинской Политии того или иного государственного строя. Назойливых, подчеркнутых или рассчитанных на эмоциональное воздействие на читателя оценок строя или политического положения в Афинской Политии нет. В то же время читатель обычно без труда улавливает точку зрения автора, легко разбирается в его политических симпатиях и антипатиях. Замысел Аристотеля, по-видимому, в том и состоял, чтобы излагаемые им факты говорили сами за себя и чтобы читатель составил себе на основании этих фактов (поданных в соответствующем освещении) мнение раньше, чем он услышит оценку из уст автора. Значение прямых оценок в Афинской Политии не столько в том, что они направляют читателя (в известной мере есть и это), сколько в том, что они идут навстречу тем выводам, какие уже успел сделать внимательный читатель, и тем самым закрепляют эти выводы.

Особенности манеры Аристотеля ясно сказываются в главах Афинской Политии, посвященных изображению деятельности Солона. Во 2-й главе дается картина социального строя Атики накануне реформ Солона. Ни в одном слове нет осуждения. Однако общее определение — государственный строй был во всех отношениях олигархическим — *ἦν γὰρ ἀὐτῶν ἡ πολιτεία τοῖς τε ἄλλοις ὀλιγαρχικῇ πᾶσι* (2, 2) — содержит в себе *implicite* осуждение этого строя. Важнейшая сторона тогдашнего положения — порабощение бедняков богачами и конкретные подробности — концентрация земли в руках немногих, тяжелые условия пользования землей, задолженность бедных слоев населения, займы под залог тела — все это не требовало особых пояснений, чтобы вызвать отрицательное отношение к себе со стороны читателей IV в. Дойдя до конца главы, они, конечно, сочувствовали народным массам, которые, по словам Аристотеля, с горечью переносили свое порабощение, да и вообще не видели ничего утешительного в том строе, где на их долю не оставалось ничего. Предупреждение о том, что кабальное рабство существовало вплоть до реформ Солона, который был первым предстателем народа, является первым упоминанием о знаменитом законодателе, которое сразу же придавало ему ореол освободи-

теля народа. В дальнейших словах Аристотеля, характеризующих ненормальное, болезненное состояние дел в Аттике до Солона, — *τά τε πράγματα νοσοῦντα* (6, 4), *διετέλου νοσοῦντες τὰ πρὸς ἑαυτοῦς* (13, 3) — читатель не найдет для себя ничего нового. Главы 3 и 4, содержащие описание двух конституций, предшествовавших реформам Солона, дают некоторые подробности, к которым Аристотель несомненно относился с большим одобрением. Таковы в первую очередь сведения о полномочиях Ареопага (3, 6; 4, 4), с которыми следует сравнить встречаемые ниже сообщения о заслугах этого учреждения во время борьбы с Ксерксом (23, 1), прямую похвалу правлению Ареопага — *καὶ ἐπολιτεύθησαν Ἀθηναῖοι καλῶς καὶ κατὰ τοῦτους τοὺς καιροὺς* (23, 2), а также более сдержанную похвалу в Политике (V, 3, 5, 1304a, 20 sqq.). И помимо того, в конституции Драконта безусловно есть элементы, заслуживающие, с точки зрения Аристотеля, полного одобрения: передача полноты прав в руки тех, кто способен вооружиться на собственный счет; штраф, налагающийся на членов совета за непосещение его заседаний в зависимости от имущественного ценза, занятие государственных должностей лишь гражданами трех высших сословий. Однако все сообщения не только в 3-й, но и в 4-й главах выдержаны в бесстрастном тоне, без какого бы то ни было проявления собственного отношения к излагаемым конституциям. Заключительная часть 4-й главы представляет собой напоминание о неприглядных социальных отношениях, не изменившихся при перемене конституции. Аристотель говорит — *ἐπὶ δὲ τοῖς σώμασιν ἦσαν οἱ δανεισμοί, καθάπερ εἴρηται, καὶ ἡ χώρα δι' ὀλίγων ἦν*. Эти слова, как и начало следующей главы — *τοιαύτης δὲ τῆς τάξεως οὔσης καὶ τῶν πολλῶν δουλεύοντων τοῖς ὀλίγοις* — возвращают читателя к главе 2 и напоминают ему о собственных мыслях, вызванных этой главой. Окончательный итог глав, предшествующих изложению истории реформ Солона, тот, что внутреннее положение в Аттике оставалось очень печальным.

Следующая глава 5 рассказывает о столкновении народа со знатью и о назначении Солона примирителем и архонтом. Весь план рассказа благожелательный по отношению к Солону. Причисляя реформатора по его имущественному положению к средним слоям гражданства (5, 3), Аристотель тем самым выражает ему свою симпатию, так как, по его мнению, средние граждане более всего склонны к хорошему образу правления и из них выходят самые лучшие законодатели — это он прямо высказал в Политике (IV, 9, 6, 1295b, 25 sqq.). При всем том мы не найдем в разбираемой главе ни одной прямой похвалы по адресу Солона.

Только в главе 6 после сообщения о том, что Солон освободил народ, запретив ссуды под залог тела, и провел сисахфию, Аристотель, по поводу обвинения Солона в корыстолюбии, от-

крыто берет законодателя под свою защиту. Обвинителей Солона он называет клеветниками — ἐν οἷς πειρώνται τινες διαβάλλειν αὐτόν (6, 1), людьми, стремящимися к злословию — οἱ βουλόμενοι βλασφημεῖν. Обвинение в алчности Аристотель объявляет лживым, ссылаясь на проявленные Солоном умеренность и отсутствие эгоизма, его отказ от тиранической власти, которую он при тогдашних обстоятельствах мог легко приобрести. Имеется в этой главе и высокая оценка деятельности Солона в целом: для него прекрасное и спасение государства значили больше, чем собственные корыстные интересы — περὶ πλείονος ποιήσασθαι τὸ καλὸν καὶ τὴν τῆς πόλεως σωτηρίαν ἢ τὴν αὐτοῦ πλεονεξίαν (6, 3). К такого рода высказываниям автора читатель подготовлен всем ходом предшествующего изложения.

Две следующие главы, 7-я и 8-я, посвящены сообщениям о реформаторской деятельности Солона. Строго фактическое изложение прерывается только два раза — доказательством правоты одного из борющихся мнений по поводу конкретной детали нового социального строя (7, 4) и замечанием по поводу одного курьезного пережитка, наблюдавшегося в процедуре назначения архонтов еще во второй половине IV в. (7, 4, fin.).

Глава 9 стоит особняком в Афинской Политии Аристотеля. Вместо обычного описания конституции или повествования об исторических событиях Аристотель излагает здесь результат анализа конституции Солона, по самому своему характеру более подходящий для Политики. Выделены наиболее демократические элементы в конституции Солона. Определения этой конституции как демократической в рассматриваемых главах Афинской Политии нет, но выделение демократических элементов в ней, наименование Солона предстателем народа, который напал на богатых (5, 3), все же наводит читателя на мысль, что демократия в Афинах ведет свое начало от Солона. Прямо скажет об этом Аристотель ниже, в общем обзоре смен конституций в Афинах — τρίτη (scil. μεταβολή vel μετάστασις) δ' ἢ μετὰ τὴν στάσιν ἢ ἐπὶ Σόλωνος, ἀφ' ἧς ἀρχὴ δημοκρατίας ἐγένετο (41, 2). Однако в той же главе 9 читатель получает первое предупреждение о том, что строй, введенный Солоном, не следует отождествлять с афинской демократией времен Аристотеля. Став вершителем судебных приговоров, говорит Аристотель, народ становится господином государства. Законы Солона не отличаются простотой и ясностью, и в этой их особенности некоторые видят особый умысел законодателя, задавшегося целью поставить судебные решения в зависимость от произвола народа. Это означает, что были люди (они могли быть как среди сторонников, так и среди противников демократии), считавшие Солона родоначальником тех порядков, какие установились в Афинах в IV в. до н. э. Осуждаемые автором Афинской Политии порядки так охарактеризованы в резюмирующей исторической обзор главе: «Ведь на-

род сделал себя господином всего и все управляется декретами и судами, в которых главенствует народ; ведь и подлежащие ведению совета судебные дела перешли к народу» — ἀπάντων γὰρ αὐτὸς αὐτὸν πεποιήκεν ὁ δῆμος κέριον, καὶ πάντα διοικεῖται ψηφίσμασιν καὶ δικαστηρίοις, ἐν οἷς ὁ δῆμός ἐστι ὁ κρατῶν. καὶ γὰρ αἱ τῆς βουλῆς κρίσεις εἰς τὸν δῆμον ἐληλύθασι (41, 2).

Солон, по мнению самого Аристотеля, не имел в виду основать демократию в том виде, в каком она существовала в Афинах при Аристотеле. Не ею он хотел заменить олигархию и не ею он пытался защитить Афины от надвигавшейся тирании (14, 2). Как смотрел автор Афинской Политики на конституцию Солона, видно из двух мест, где эта конституция сопоставляется с конституцией Клисфена. Последняя в том месте, где о ней идет речь, названа гораздо более демократичной, чем солоновская — δημοτικωτέρα πολὺ τῆς Σόλωνος (22, 1). С другой стороны, в рассказе о подготовке олигархического переворота 411 г. сказано, что Клитофонт сделал добавление к псефизме Пифодора: «обследовать и прародительские законы, которые дал Клисфен, когда он устанавливал демократию» — προσαναζητήσαι . . . καὶ τοὺς πατρίους νόμους, οὓς Κλεισθένης ἔθηκεν ὅτε καθίστη τὴν δημοκρατίαν (29, 3). Обоснование — «так как конституция Клисфена была не демократической, а близкой к конституции Солона» — ὡς οὐ δημοτικὴν ἀλλὰ παραπλησίαν ὄσαν τὴν Κλεισθένου πολιτείαν τῇ Σόλωνος (ibid.) — скорее всего принадлежит не Клитофонту, а Аристотелю, т. е. Аристотель от себя объясняет смысл предложения Клитофонта (последний выступил со своим предложением потому, что считал конституцию Клисфена мало чем отличающейся от солоновской).¹¹

Противоречия между высказываниями Аристотеля нет. В установлениях Клисфена получили дальнейшее развитие демократические принципы, лежавшие в основе конституции Солона; с этой точки зрения, конституция Клисфена была действительно гораздо более демократичной, чем солоновская. С другой стороны, по сравнению с конституцией V в. обе конституции представлялись далекими от демократии. Аристотель не случайно говорит о прародительских законах Клисфена — возвращение к прародительским порядкам, прародительской конституции было лозунгом определенных социальных кругов в Афинах в период олигархических переворотов конца V в. (34, 3).

Разработанная Аристотелем в Политике классификация демократий показывает, что отнесение конституции Солона к числу демократических (в виде пояснения — от нее ведет свое начало демократия) вполне соответствует взглядам Аристотеля. Действительно, основные черты государственного строя Афин во время действия конституции Солона совпадают с основными признаками той демократии, которая, по теории Аристотеля, является первой по времени и наилучшей — βελτίστη . . . ἐστὶ δὲ καὶ ἀρχαι-

οτάτη πασῶν (VI, 2, 1, 1318b, 6 sq.). В Политике Аристотель не раз упоминает о разных видах демоса (IV, 4, 1, 1291b, 17 sqq.; VI, 1, 4, 1317a, 24 sq.; 2, 1, 1318b, 9 sqq.; 6, 4, 1321a, 5 sqq.). Демократия, по его мнению, бывает наилучшей, когда главенство принадлежит земледельческому демосу (VI, 2, 1, 1318b, 6 sqq.). Если мы вспомним, какое место в изображении реформ Солона занимает в Афинской Политике сисахфия, затем, что скопление народа в городе и оставление полей Аристотель относит к V в., ко времени после похода Ксеркса (24, 1), то само собой напрашивается заключение о земледельческом характере афинской демократии VI в. Об этом говорят и некоторые факты внутренней политики Писистрата (16, 2—6). При такой демократии государство управляется на основании законов, в противоположность другому виду демократии, при котором закон бессилен, а все решается декретами народного собрания (VI, 4, 2, 1291b, 30 sqq.). Солон, как сказано в Афинской Политике, установил наилучшие законы (11, 2). Он удалился из Афин, не желая вступать ни в какие пререкания и давать объяснения и считая долгом граждан выполнять писанные законы (11, 1). Далекое было до того времени, когда закон оказался оттесненным псефизмами и судебными приговорами (41, 2). В этой связи следует разобрать одно место Политики. «Некоторые думают, — сказано там, — что Солон установил прародительскую конституцию» — Σόλωνα δ'ἔνοι οἴονται ... δημοκρατίαν καταστήσαι τὴν πατριον (II, 9, 2, 1273b, 35 sqq.). Аристотель обычно прибегает к выражениям типа «некоторые думают [говорят]» в тех случаях, когда он мнению некоторых противопоставляет свое собственное или такое, к которому он сам присоединяется. Соответствующие места из Афинской Политики приводятся ниже (в следующей главе), но и здесь можно сослаться на встречающиеся в той же Политике, через несколько строк, слова διὸ καὶ μέμφονται τινες αὐτῷ (9, 3, 1274a, 3 sq.); Аристотель обрушивается на этих «некоторых», ставящих Солону в упрек то, что явилось отдаленным результатом одной из его важнейших реформ. Разумеется, меньше всего можно думать об отказе Аристотеля признать Солона установителем прародительской конституции. Почему он говорит о «некоторых», это объяснит нам контекст. «Некоторые» считают Солона дельным законодателем. Он упразднил крайнюю олигархию, положил конец порабощению народа и установил прародительскую демократию, создав прекрасное смешение разных элементов — олигархического (Ареопаг), аристократического (выборность должностных лиц), демократического (народный суд). Из Афинской Политики видно, что упразднение олигархии, освобождение народа, установление особой системы замещения должностей с преобладанием принципа выборности, учреждение народного суда, наконец, даже видное место, оставленное в системе управления Ареопагу, — все это приписывает и ставит в заслугу Солону и Аристотель. Значит, и утверждения, что Солон был осно-

вателем прародительской конституции также приемлется автором Политии. Представление «некоторых» о Солоне Аристотель в целом разделяет. Не встречает одобрения с его стороны одно заблуждение «некоторых». Они считали основные элементы солоновского строя — Ареопаг, выборность должностных лиц, народные суды — созданиями Солона. Аристотель думает иначе: первые два элемента существовали до Солона, и законодатель не упразднил их; третий, а вместе с ним и демократию действительно создал Солон — ἐκεῖνα μὲν ὑπάρχοντα πρότερον οὐ καταλῦσαι, τὴν τε βουλὴν (scil. τὴν ἐν Ἀρείῳ πάγῳ) καὶ τὴν τῶν ἀρχῶν αἴρεσιν, τὸν δὲ δῆμον καταστῆσαι, τὰ δικαστήρια ποιήσας ἐκ πάντων (9, 2, 1273b, 41 sqq.).

Подобные мысли о Солоне Аристотель имел возможность прямо и ясно высказать в тех главах Афинской Политии, где он рассказывает о Солоне. Особенно подходящей была для этого глава 9. Он предпочел предоставить читателю сделать вывод самому на основании прочитанного материала — как фактов, так и высказываний автора. В конце главы 11 еще раз подчеркивается, что Солон не хотел пойти навстречу желаниям той или другой из борющихся сторон и не воспользовался благоприятными для установления тирании обстоятельствами, но предпочел вызвать неудовольствие и тех и других, «принеся спасение отечеству и создав наилучшие законы» — σώσας τὴν πατρίδα καὶ τὰ βέλτιστα νομοθετήσας (11, 2). Глава 12 представляет собой выборку из стихотворений поэта-законодателя. Назначение этих извлечений — служить подтверждением как фактических сообщений Аристотеля о реформах Солона, так и характеристик общего духа реформ и самого реформатора. Глава 13, в которой рассматривается политическая борьба в Афинах накануне захвата власти Писистратом, выдержана в чисто деловом тоне. Это не мешает нам, как и читателю IV в., подметить отражение взглядов автора и его отношения к пришедшим в столкновение политическим течениям. Партии стремились, по-видимому, больше всего к среднему государственному строю — οἵπερ ἐδόκουν μάλιστα διώκειν τὴν μέσην πολιτείαν. Педиэки стояли за олигархию — οἱ τὴν ὀλιγαρχίαν ἐζήτουν. Первое сообщение заключало в себе оттенок одобрения, второе — оттенок осуждения. О Писистрате, стоявшем во главе третьей из борющихся сторон, говорится δημοτικώτατος εἶναι δοκῶν (13, 4), т. е. в острой борьбе разделившегося на три части афинского гражданства он взял на себя роль представителя демократической части населения. Здесь следует отметить, что в Афинской Политии глагол δοκεῖν не очень близок по своему значению к русскому «казаться»; во всяком случае он не содержит в себе противопоставления действительности. Только из следующих глав, притом не сразу, можно уяснить себе, что разумел Аристотель, говоря о демократичности Писистрата. Сначала (14, 1) встречаем повторение общей характеристики, какая дана в главе 13. Далее идут фактические сообщения о том, как Писистрат обманным путем до-

бывается назначения ему телохранителей. Враждебная Писистрату позиция Солона, как и самый факт захвата тиранической власти, отрицательно характеризует Писистрата перед афинским читателем IV в. Среди чисто фактического материала, заполняющего вторую половину главы 14, имеется, однако, одно показание общего характера: взяв в первый раз в свои руки власть, Писистрат вел дела скорее как гражданин, нежели как тиран — *διόκει τὰ κοινὰ πολιτικῶς μᾶλλον ἢ τυραννικῶς* (14, 3). Этим предваряется та характеристика самого Писистрата и его правления, какую мы находим ниже. Опять повторяется сказанное выше с некоторой амплификацией — *διόκει δ'ὁ Πεισίστρατος, ὥσπερ εἴρηται, τὰ περὶ τὴν πόλιν μετρίως καὶ μᾶλλον πολιτικῶς ἢ τυραννικῶς* (16, 2). Затем говорится о его гуманности, мягкости, снисходительности по отношению к тем, кто провинился. Малоимущим земледельцам он открыл дешевый кредит с целью предотвратить наплыв населения в город и направить интересы сельских жителей в сторону обработки земли и тем самым отучить их от занятия государственными делами. Объясняя эти и другие мероприятия Писистрата определенными политическими замыслами (16, 4—5), Аристотель не имеет намерения очернить тирана. Наоборот, случай с бедным крестьянином, владельцем каменистого участка на Гиметте (16, 5), приводится как пример великодушия Писистрата. Такое толкование этого рассказа является единственно возможным, как показывают дальнейшие слова Аристотеля: «он и в других отношениях не причинял никаких неприятностей народной массе, стоя у власти, но всегда готовил мир и охранял спокойствие» (16, 7). Впоследствии, когда власть перешла к сыновьям Писистрата, часто сравнивали время правления Писистрата с жизнью при Кроносе. Самым главным, указывает дальше Аристотель, было то, что Писистрат по своему характеру был демократичным и гуманным — *τὸ δημοτικὸν εἶναι τῷ ἦθει καὶ φιλόανθρωπον*. Он стремился управлять, соблюдая законы и не присваивая себе никаких преимуществ; один раз он даже не уклонился от явки в Ареопаг по обвинению в убийстве (16, 8). Всем этим Аристотель объясняет продолжительное пребывание Писистрата у власти и возвращение после изгнаний (16, 9). Это объяснение снова ведет нас к Политике. Наименее долговечными формами правления признаются там олигархия и тирания. Рассуждая о мерах, помогающих тиранам дольше удержаться у власти, Аристотель в первую очередь выделяет подлинно тиранические меры, направленные к тому, чтобы лишить подвластных всех моральных и материальных возможностей объединиться для общих действий против тирана (V, 9, 2, 1313a, 34 sqq.). Совсем иного рода вторая линия поведения, позволяющая тиранам дольше пользоваться властью. Тирания приближается к царской власти (9, 10, 1314a, 34 sq.). Тиран не должен расточать государственные доходы на удовлетворение своих прихотей и даже на оплату труда мастеров искусств и ремесл. Тиран должен избе-

гать проявлений наглости и сластолюбия (9, 13, 1314b, 23 sqq.). Он должен казаться своим подвластным не корыстолюбцем, а опекуном; в своей жизни он должен проявлять умеренность, а не гоняться за излишествами (9, 20, 1315b, 1 sqq.). Наконец, он должен установить хорошие отношения со знатными и вести умелую демагогию среди народных масс (1315b, 3 sqq.). В кратком историческом обзоре длительных тираний на третьем месте (после Орфагора и Орфагоридов в Сикионе и Кипселидов в Коринфе) названа афинская тирания.

То, что говорит Аристотель о Писистрате, не имеет целью реабилитировать тиранию как таковую. Писистрат — образец тирана, державшегося в течение десятилетий наилучшей (для тирана) линии поведения. История Писистратидов (17, 3—19) вполне типична для тираний в худшем смысле этого слова. На первых порах сыновья правили в духе отца. Младший из них — Фессал — отличался дерзостью и наглостью — *θρασύς καὶ ὕβριστής* (18, 2), а эти качества ведут тиранов к гибели (V, 9, 13, 1314b, 23 sqq.). Цепь событий, приведших к падению тирании, рассказана Аристотелем бесстрастно, без каких бы то ни было высказываний от себя. Тирания, выявив наихудшие из заложенных в самой ее природе возможностей, вызвала к себе общую ненависть и была упразднена.

Минуя главу 20, носящую строго фактический характер, переходим к сообщениям о Клисфене. Не высказывая от себя никаких суждений типа оценки деятельности этого реформатора, Аристотель дает понять, что она была направлена в сторону большей демократизации государственного строя. Народ доверял Клисфену (21, 1). Клисфен стремился привлечь к занятию государственными делами большее число людей (21, 2). Он ввел в интересах новых граждан официальное наименование афинских граждан по демам (21, 4). В результате государственной строй стал более демократическим, чем он был при Солоне (22, 1). Клисфен установил новые законы с целью удовлетворить народную массу. Спустя два года после Марафонской битвы народ (и это было следствием реформ Клисфена) осмелел (22, 3). В главе 23 впервые встречается слово *δημοκρατία*. Правда, фрагмент 384, извлеченный из Плутарха (Thes. 25, 2), также содержит это слово, но, во-первых, оно обозначает у Плутарха не демократическую форму правления, а нерасчлененную социально массу народа, во-вторых, слово находится в той части текста, которая предшествует упоминанию об Аристотеле и, следовательно, может не восходить к утраченной части Афинской Политии. Поэтому можно думать, что слово «демократия» в первый раз употреблено именно в том месте, где говорится о постепенном возвышении Афинского государства вместе с демократией — *τότε μὲν οὖν μέχρι τούτου προήλθεν ἡ πόλις ἅμα τῇ δημοκρατίᾳ κατὰ μικρὸν ἀξαναομένη* (23, 1). Фраза эта замыкает собой рассказ о временах Клисфена. Смысл

ее: после падения тирании государство вступило на путь демократизации своего строя. После Персидских войн — *μετὰ τὰ Μηδικὰ* (в сущности, после Саламинской битвы, так как, говоря о Персидских войнах, Аристотель думает о военных действиях на территории Аттики и в ее территориальных водах) начинается семнадцатилетний период главенства Ареопага.¹² Старый совет на холме Ареса вошел в силу не на основании какого-нибудь постановления, а потому, что благодаря его мудрой распорядительности оказалось возможным сразиться с врагами при Саламине. Когда стратеги растерялись и объявили через глашатая, чтобы каждый сам позаботился о своем спасении, Ареопаг, раздобыв средства, роздал всем по восьми драхм и посадил всех на корабли. Не будем входить в разбор этого предания и сравнивать сообщение Аристотеля с сообщениями других авторов (Геродот VIII, 41; Plut. Themist. 10, 6—7). Не будем заниматься и вопросом об отношении разных сообщений к той полемике, которая возгорелась в Афинах вокруг Ареопага накануне и во время реформы Эфиальта. Для нас здесь важно констатировать взгляды Аристотеля. К сравнению с Афинской Политией необходимо привлечь Политику. В последней признается, что Ареопаг прославился во время войн с персами, но в то же время не отрицаются и заслуги афинского демоса (V, 3, 5, 1304a, 20 sqq.). Победа была одержана руками демоса благодаря флоту, созданию Фемистокла, и благодаря мудрости Ареопага.

Время главенства Ареопага пользуется особым сочувствием Аристотеля, который на этот раз прямо высказывает свое одобрение — *καὶ ἐπολιτεύθησαν Ἀθηναῖοι καλῶς καὶ κατὰ τοὺς τοὺς καιροὺς* (23, 2). Конец предложения — *καὶ* и т. д. показывает, что, с точки зрения Аристотеля, семнадцать лет правления Ареопага должны быть причислены к счастливым временам афинской истории, таким, какие были и до них (очевидно, времена Солона, в каком-то смысле также времена Писистрата и Клисфена).

Однако, как это показано в главе 24, еще во время преобладания Ареопага наметилась дальнейшая демократизация государственного строя. Народ покинул поля и переселился в город, прельстившись возможностью жить за счет государства; в связи с этим и обращение с союзниками стало более деспотичным.

Аристотель не дает от себя определения государственного строя Афин того времени, когда во главе правления стоял Ареопаг. В Политике, в том месте, которое уже упоминалось выше, Аристотель говорит о переменах государственного строя: бывает переход к олигархии, к демократии, к политике вследствие славы или возвеличения какого-нибудь учреждения или части государства, например, Ареопаг, прославившись во время Персидских войн, сделал, как кажется, государственный строй более подтянутым, и снова морской люд, став виновником Саламинской победы и т. д., усилил демократию — *μεταβάλλουσι δὲ καὶ εἰς ὀλιγαρ-*

χίαν καὶ εἰς δῆμον καὶ εἰς πολιτείαν ἐκ τοῦ εὐδοκίμησαι τι ἢ ἀξέθῆναι ἢ ἀρχεῖον ἢ μῦριον τῆς πολιτείας, οἷον ἢ ἐν Ἀρείῳ πάφῳ βουλή εὐδοκίμησασα ἐν τοῖς Μηδικοῖς ἔδοξε συντονωτέραν ποιῆσαι τὴν πολιτείαν, καὶ πάλιν ὁ ναυτικός ὄχλος γενόμενος αἴτιος τῆς περὶ Σαλαμίνα νίκης κτλ τὴν δημοκρατίαν ἰσχυροτέραν ἐποίησε (V, 3, 5, 1304a, 17 sqq.). Исторический пример изменения строя в Афинах в результате возвышения учреждения (в данном случае Ареопага) или части государства (в данном случае связанный с флотом демос) призван иллюстрировать общее положение об изменениях государственного строя.

Как понять изменение или, точнее, два изменения строя, имевшие место в Афинах после нашествия Ксеркса? Вначале Аристотель говорит о переходе в олигархию, демократию и так называемую политию. Но в какую из этих форм перешел афинский строй после возвышения Ареопага? Не может быть и речи об олигархии, так как последняя причисляется Аристотелем к извращенным формам, а с этим не вяжется похвальный отзыв о правлении Ареопага; если, по словам Аристотеля, некоторые считали Ареопаг элементом олигархическим (II, 9, 2, 1273b, 39 sqq.), то это было чужое мнение, к которому Аристотель не присоединяется. Определять правление Ареопага как переход к демократии было бы абсурдом, так как и до того в Афинах установилась демократия. Не подходит для объяснения формы правления при главенстве Ареопага и термин «полития»: ведь ни о каком изменении во взаимоотношениях между социальными слоями афинского общества сравнительно с временами Клисфена говорить нельзя; средние слои населения не получили каких-либо новых преимуществ. Не дает нам ключа к пониманию нашего места и разбор перечисляемых вслед за приведенным выше текстом примеров из истории Аргоса, Сиракуз, Халкиды и Амбракии. В Аргосе знатные после битвы при Мантинее сделали попытку упразднить демократию, чтобы — так естественно дополнить — ввести олигархию. В Сиракузах после победы над афинянами народ заменил политию демократией. В Халкиде народ, соединившись со знатью, сверг тирана Фокса и сразу взялся за государственные дела (εἰχετο τῆς πολιτείας), т. е. установил демократическое правление. В Амбракии народ вместе с заговорщиками изгнал тирана Периандра и переделал государственный строй в свою пользу (εἰς ἑαυτὸν περιέστησε τὴν πολιτείαν) — и здесь тирания была заменена демократией. Таким образом, один из примеров свидетельствует о замене (или о попытке замены) прежнего строя олигархией, три — демократией; нет вовсе примера перехода к политике. Отсюда следует, что в начальной части текста смысловое ударение падает на слова, выражающие причину переворота (учреждение или часть государства приобретает славу или силу). Что же касается] направлений, в каком изменяется строй, то они наз-

ваны лишь примерно, так что совокупность исторических примеров вовсе не должна исчерпывать до конца этот примерный перечень; с другой стороны, примеры могут выходить за пределы этого перечня. Несколько выше, близко к началу V книги, откуда взят разбираемый текст, Аристотель говорит в самой общей форме о переворотах. Бывают и перевороты в рамках одной и той же формы правления, в частности, возможны переходы от более яркого, характерного вида какой-либо формы правления к менее яркому виду и наоборот; так бывает и с олигархией, и с демократией, и с другими формами — *ἐτι περὶ τοῦ μᾶλλον καὶ ἥττον, οἷον ἡ ὀλιγαρχίαν οὖσαν εἰς τὸ μᾶλλον ὀλιγαρχεῖσθαι ἢ εἰς τὸ ἥττον, ἢ δημοκρατίαν οὖσαν εἰς τὸ μᾶλλον δημοκρατεῖσθαι ἢ εἰς τὸ ἥττον, ὁμοίως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν λοιπῶν πολιτειῶν* (V, 1, 5, 1301b, 13 sqq.). Теперь можно считать бесспорным, что после нашествия Ксеркса афинский государственный строй, не переставая быть демократией, сначала, в правление Ареопага, стал более подтянутым (по выражению Аристотеля), т. е. менее демократическим, а затем приобрел более выраженный демократический характер. Эта последняя мысль по-разному выражена в Политике и в Афинской Политии: в первой сказано, что народ сделал демократию более сильной (*ἰσχυροτέραν*); во второй — что строй становился более ослабленным, обмякшим — *μετὰ δὲ ταῦτα συνέβαιεν ἀνίεσθαι μᾶλλον τὴν πολιτείαν* (26, 1); второй член антитезы подтянутый — ослабленный ярче выражен в Афинской Политии, нежели в Политике.

Падением Ареопага завершается определенный период в истории афинской демократии, в течение которого происходил медленный процесс ухудшения государственного строя — *ἔτη δὲ ἑπτακαίδεκα μάλιστα... διέμεινεν ἡ πολιτεία προστώτων τῶν Ἀρεοπαγίτων, καίπερ ὑποφερόμενη κατὰ μικρόν* (25, 1). После реформы Эфиальта наступает господство демократии. Большое, притом губительное, влияние оказывают на государственные дела демагоги (26, 1; 41, 2). Афиняне перестают придерживаться законов (26, 2). В шестой год после смерти Эфиальта в архонты начинают избирать и зевгитов (*ibid.*). Руководящая роль переходит к Периклу, и строй приобретает еще более демократический облик — *δημοτικωτέραν ἐτι συνέβη γενέσθαι τὴν πολιτείαν* (27, 1). Прослеживаются отдельные признаки дальнейшей демократизации афинского строя. Хотя личность и деятельность Перикла не вызывают к себе симпатии со стороны Аристотеля, он все же признает, что государственные дела шли гораздо лучше при Перикле, чем после него — *ἔως μὲν οὖν Περικλῆς προεστῆκει τοῦ δήμου βελτίω τὰ κατὰ τὴν πολιτείαν ἦν, τελευτήσαντος δὲ Περικλέους πολὺ χεῖρω* (28, 1). Последующих демагогов Аристотель рисует в очень непривлекательном виде (28, 3—4; 41, 3).

Прямо отмечено упразднение демократии в 411 г.: демократия отменяется и устанавливается строй Четырехсот — *ἡγαγκά-*

σθησαν κινήσαντες τὴν δημοκρατίαν καταστῆσαι τὴν ἐπὶ τῶν τετρακοσίων πολιτείαν (29, 1). Правление Четырехсот названо здесь строем (πολιτεία); в резюмирующем обзоре смены форм правления в Афинах оно названо порядком (κατάστασις — 41, 2). Ясно одно: Аристотель противопоставляет это правление правлению демократии (cf. 41, 2 — μετὰ ταύτην . . . δημοκρατία πάλιν); об этом говорит и рассмотренное выше место, касающееся предложения Клитофонта (29, 3). Было проведено постановление, предусматривавшее передачу власти на время войны пяти тысячам граждан, способных и своими физическими силами и имуществом служить государству (29, 5). Аристотель приводит и два проекта конституции, из которых один должен был быть реализован в будущем (30), а другой немедленно (31). Недемократический характер этих проектов бросается в глаза. Специальной характеристики данных проектов в смысле вводимой ими формы правления Аристотель не дает. Причиной было, вероятно, не только обыкновение Аристотеля не сразу давать определения (исключение до сих пор он сделал только для тирании), но и то, что дело шло о проектах, а не о реально существовавших порядках. Аристотеля интересуют реальные факты. Новый совет вступил во власть раньше, чем истекли полномочия старого. Новая власть сразу же названа олигархической — ἡ μὲν οὖν ὀλιγαρχία τοῦτον κατέστη τὸν τρόπον (32, 2; cf. 37, 1 — τὴν προτέραν ὀλιγαρχίαν). Такое определение относится не к запроецированным конституциям, а к реально существовавшему режиму Четырехсот. Об этой олигархии сказано, что она водворилась при архонте Калии, почти через сто лет после изгнания тиранов. Из такого сопоставления следует, что Аристотель считал весь промежуток между 510 и 411 гг. временем господства демократии. При этом можно вспомнить, что в одном месте Политики олигархия сближается с тиранией (VI, 1, 12, 1318a, 22 sqq.). Правление Четырехсот изображается Аристотелем как самовластие: пять тысяч полноправных граждан были выбраны лишь на словах (33, 2). После свержения Четырехсот наступило кратковременное правление Пяти тысяч, удостоившееся безоговорочной похвалы со стороны Аристотеля: афиняне прекрасно управлялись в это время, когда была война, и полнотой прав обладали те, кто вооружался на собственный счет — δοκοῦσι δὲ καλῶς πολιτευθῆναι κατὰ τούτους τοὺς καιρούς, πολέμου τε καθεστῶτος καὶ ἐκ τῶν ὄπλων τῆς πολιτείας οὐσης (33, 2, fin.). Недолговечное правление Пяти тысяч, при котором полноправными были лишь те, кто способен был вооружиться на свои средства, импонировало Аристотелю тем, что соответствовало требованиям одного из его построений — «среднего государственного строя», иначе именуемого политией. Очевидно, недолговечность этого режима побудила Аристотеля не выделять его в особую единицу в той главе, где дается общий обзор смены форм правления в Афинах (41, 2).¹³ Не

исключено, впрочем, и другое объяснение: правление Четырехсот и правление Пяти тысяч вместе представляют собой нечто, противостоящее демократии, которую они сменили и которой сами уступили место; олигархия, обманным способом воцарившаяся вместо запроецированной политики, и политика — законная и правильная форма — с этой точки зрения могли рассматриваться как две фазы единого периода.

Демократия последних годов Пелопоннесской войны названа демократией только в общем обзоре (41, 2). Она совершает ряд ошибок. Ее действия Аристотель считает неудачными (34, 2). Ошибки демократии приводят к поражению при Эгоспотамах и тяжелому для Афин миру.

Одно из условий мирного договора гласило: афинянам управляться прародительской конституцией — ἐφ' ᾧ τε πολιτεύονται τὴν πατρίων πολιτείαν (34, 3). Неясность этого условия породила тройное его понимание. Сторонники существовавшей демократии пытались на основании этого условия сохранить демократический строй в его прежнем виде. Участники олигархических гетерий и возвратившиеся после окончания войны изгнанники хотели на том же основании ввести олигархию. Третья группировка стремилась к прародительской конституции — τὴν πατρίων πολιτείαν ἐξήρουν (ibid.). Аристотель хочет этим сказать, что целью стремлений третьей группировки было возвращение к подлинной прародительской конституции. Носителей этой идеи Аристотель обозначает как людей непричастных к гетериям и ни в чем не уступавших никому из граждан. Среди наиболее видных представителей этой третьей группы назван и Ферамен, которому дана блестящая характеристика в одной из предшествующих глав Афинской Политики (28, 5). Сам Аристотель несомненно считает правыми Ферамена и его единомышленников. Что касается содержания понятия «прародительская конституция», то здесь естественнее всего думать о той старой конституции, какую дал Афинам Солон.

Поддержка Лисандра обеспечила победу олигархам. Автором текста постановления, которым было введено олигархическое правление, был Драконтид из Афиди (34, 3 fin.). Новые правители, так называемые Тридцать, держали все государство в своих руках (35, 1). Иначе говоря, они установили олигархию. Впрочем, на первых порах их действия радовали афинян, думавших, что правительство задается благими целями (35, 2). Меры, радовавшие афинян (и приветствуемые Аристотелем), состояли в отмене того, что считалось опорой демократии в том ее виде, какой она приняла к концу V в. Почувствовав под собой более прочную почву, олигархи перестали стесняться и начали расправляться с людьми, выделявшимися своим состоянием, родовитостью, заслугами, и присваивать себе их имущество (35, 4). Свое неодобрение действиям Тридцати Аристотель выражает прямо. Государ-

ство катилось вниз — οὕτως δὲ τῆς πόλεως ὑποφερομένης (36, 1). С этим глаголом ὑποφέρουσαι мы уже встречались выше: постепенное падение престижа Ареопага воспринимается Аристотелем как скат вниз (25, 1). Олигархи опасались, как бы Ферамен, став во главе народа, не положил конец их произвольному правлению — μὴ . . . καταλύσῃ τὴν δυναστείαν (ibid.). Последним словом Аристотель в Политике обозначает крайнюю олигархию, при которой правит не закон, а правители (IV, 5, 1, 1292b, 5 sqq.). Речь Ферамена против других участников правления Тридцати (36, 2) не представляет собой свободной композиции Аристотеля. Аристотель, вероятно, довольно близко следует своему источнику.¹⁴ Во всяком случае сличение с речью Ферамена в «Греческой истории» Ксенофонта (II, 3, 15—17) показывает большое сходство между отражением этой речи у обоих авторов, а оно могло появиться только в результате пользования одним и тем же источником. В Афинской Политии эта речь исполняет двойную функцию — она характеризует остроту политического момента и в то же время выражает отношение Аристотеля к олигархам. Последние оказались неисправимыми. Они медлили с составлением списка трех тысяч полноправных граждан, а затем, наметив кандидатов в этот список, не опубликовывали их имена, чтобы иметь возможность по собственному усмотрению одних вычеркивать, других добавлять (36, 2). Полученное Тридцатью право казнить любого из граждан, не внесенных в список, удаление Ферамена из списка и расправа с ним были началом новых жестоких репрессий со стороны олигархов (37, 2). Если Аристотель в заключительной главе исторического очерка называет правление Тридцати и последовавшее за ним правление Десяти не олигархией, а тиранией — ἢ τῶν τριάκοντα καὶ ἢ τῶν δέκα τυραννίς (41, 2), то этим, надо думать, он отдает дань обычному словоупотреблению: всякое жестокое правление можно было назвать тираническим. Коллегия Десяти, выбранная под давлением обстоятельств вместо устраненных Тридцати, также проявила себя с самой худшей стороны (38, 2). Только вторая коллегия Десяти оказалась на высоте положения: она примирила афинян, остававшихся в городе, с демократами, возвращавшимися вместе с Фрасибулом. Эта коллегия Десяти состояла из лучших мужей — εἶλοντο δέκα τοὺς βελτίστους εἶναι δοκοῦντας (38, 3). Благодаря им была восстановлена демократия. Выбранные на свой пост при олигархии, они сдали отчет при демократии, и никто из граждан, остававшихся в Афинах или возвращавшихся из Пирея, не выставил против них никаких обвинений (38, 4).

Сочувствие Аристотеля как самому факту примирения, так и первым шагам восстановленной демократии не подлежит сомнению. Архин, один из деятелей демократического режима, сократил срок для заявок о выезде из Афин во вновь образовавшееся (согласно договору) Элевсинское государство. Аристотель привет-

ствует эту меру — *καὶ δοκεῖ τοῦτό τε πολιτεῦσθαι καλῶς Ἄρχινος* (40, 2). Непосредственно за этим перечисляются с одобрением другие политические меры, проведенные тем же Архином: отмена псефизмы Фрасибула о даровании гражданских прав всем, кто вместе с ним вернулся из Пирея (некоторые из вернувшихся были рабами), решительное пресечение посылки мстить за прежние обиды. Сообщение о некоторых других шагах восстановленной демократии предваряется словами: «Кажется, они и в частных и в общественных делах самым прекрасным образом из всех и совершенно по-граждански воспользовались прошедшими бедствиями» (40, 3). Афиняне не только аннулировали все прежние обвинения, но сообщая уплатили деньги, взятые в долг олигархами у лакедемонян на нужды войны, хотя по договору каждая из сторон (афинская и элевсинская) должна была уплатить долги порознь. Они поступили таким образом, полагая, что это должно быть началом единодушия. В сущности Аристотель хвалит демократию первого после ее реставрации периода за ее умеренность: она не включила рабов в состав гражданства, не мстила тем, кто поддерживал олигархию, словом — не использовала своей победы для подавления и экспроприации своих противников, как это делали и афинские олигархи и демократы в других государствах, которые, захватив власть, проводят в жизнь раздел земли — *ἐν δὲ ταῖς ἄλλαις πόλεσιν . . . οἱ δῆμοι κρατήσαντες . . . τὴν χώραν ἀνάδαστον ποιῶσιν* (40, 3). Самую реставрацию демократического строя Аристотель склонен считать справедливой, так как своим возвращением демос был обязан самому себе — *δοκοῦντος δὲ δικαίως τοῦ δῆμου λαβεῖν τὴν πολιτείαν διὰ τὸ ποιήσασθαι τὴν κάθοδον δι' αὐτοῦ τὸν δῆμον* (41, 1).

Однако одобрительные отзывы Аристотеля не распространяются на более поздние стадии существования реставрированной после падения олигархов демократии. Свою рекапитуляцию исторической части Афинской Политии он заканчивает характеристикой этой демократии. В том виде, какой она имела в IV в., она не вызывает к себе симпатии автора Политии. Власть народной массы увеличивается все больше и больше — *ἀεὶ προεπιλαμβάνουσα τῷ πλήθει τὴν ἐξουσίαν* (41, 2). Народ сделал себя властителем всего; все управляется декретами и судами, в которых господствует народ; ведь и судебные дела, подлежавшие ведению совета, перешли к народу. Впрочем, последнее Аристотель считает правильным (*καὶ τοῦτο δοκοῦσι ποιεῖν ὀρθῶς*) на том основании, что немногих легче привлечь на свою сторону подкупом или услугами, нежели многих (41, 2). Возобновилась, хотя и не сразу, система денежного вознаграждения за посещение народного собрания (41, 3).

Опираясь на все изложение истории государственного строя Афин, используя прямые и косвенные оценки автора, привлекая высказывания его в Политике, получаем следующее истолкование

общей композиции Афинской Политии. Сущность самой темы — внутренняя жизнь Афин, которые были демократией *par excellence*, определила схему построения всего сочинения. Демократия начинается с реформ Солона. Рассмотрение досолоповских конституций — царской и олигархической — служило как бы введением к большому разделу, посвященному истории Солона. После Солона — Клисфен. Затем решительный перелом в сторону чистой демократии после Эфиалта. Два кратковременных периода олигархического правления; в промежутке между ними непродолжительный период демократии. Наконец, после падения второй олигархии окончательное торжество демократии, которая все более и более отдаляется от ископной демократии времен Солона и реализует все перечисленные в Политике основные демократические моменты (VI, 1, 8, 1317b, 17 sqq.). Это — доступ к занятию государственных должностей открыт для всех, власть всех над каждым и всякого в порядке очереди над всеми, замещение всех (или по крайней мере не требующих опыта и умения) должностей по жребию, отмена ценза (или требование незначительного ценза) для кандидатов на должности, запрещение одним и тем же лицам занимать одну и ту же должность два раза (или более ослабленные формы этого запрета), не распространяющееся, впрочем, на военные должности, краткосрочность должностей (по возможности всех), всеобщее право быть судьями (судьями могут быть все и из всех) по всем делам или по большей и важнейшей части дел (например, по поводу отчетов, государственного порядка и частных соглашений), распространение компетенции народного собрания на все и полное или почти полное пресечение инициативы должностных лиц, денежное вознаграждение за все: за участие в народном собрании, в суде, за исполнение должностей (или за многое из перечисленного с добавлением участия в совете). Если олигархия характеризуется принципами родовитости, богатства, образованности, то демократию, по Аристотелю, характеризуют безродность, бедность, некультурность (*ἀγένεια, πενία, βαρυσία*). Поставив в центре своего внимания конституцию Солона и конституцию современных Афин, Аристотель прослеживает историю афинского государственного строя, подчиняя свое изложение идее постепенной порчи государственного строя Афин на протяжении более двух с половиной столетий (Солон — вторая половина IV в.), с учетом ретардирующих моментов, из которых одни несли с собой, с точки зрения Аристотеля, улучшение, а другие аннулировали недостатки афинской демократии только для того, чтобы заменить их недостатками иного рода.¹⁵

ГЛАВА 3

ЛАКЕДЕМОНСКАЯ ПОЛИТИЯ АРИСТОТЕЛЯ

Лакедемонская Политика Аристотеля была наряду с Афинской в соответствии со значением Спартанского государства в греческой истории одной из наиболее ответственных в общем ряду Политий. Не может быть никакого сомнения в том, что в этой Политии, если бы она сохранилась, мы нашли бы всю сумму сведений о внутренней истории Спартанского государства и его строе, какой могли располагать обладавшие широкой осведомленностью ученые перипатетической школы в конце третьей и начале последней четверти IV в. до н. э.

Материал, на который должна опираться наша попытка восстановить содержание и форму Лакедемонской Политии Аристотеля, не очень обширен. Это, во-первых, фрагменты Лакедемонской Политии, имеющиеся в сочинениях более поздних авторов; во-вторых, так называемые экцерпты Гераклида; в-третьих, Политика Аристотеля.

Фрагменты, числом четырнадцать (Rose³, №№ 532—545), найдены в биографиях Плутарха, у лексикографов, в схолиях и в некоторых других источниках. Распределяются фрагменты по месту их нахождения следующим образом: Плутарх, Жизнеописание Ликурга — пять (fr. 533, 534, 536—538), Жизнеописание Клеомена — один (fr. 539); лексикографы — Гарпократион два (fr. 540, 543), Гесихий один (fr. 541, этот же фрагмент дает и Фотий) и парэмиограф Зенобий — один (fr. 544, этот же фрагмент имеется и в схолиях к Эврипиду); схолии к Пиндару — один (fr. 532), к Аристофану — один (fr. 542), комментарий Евстафия к Гомеру — один (fr. 545); Климент Александрийский — один (fr. 535). По содержанию почти все фрагменты относятся к личности и политической деятельности Ликурга (fr. 533—538) и к спартанским порядкам в военное и мирное время (fr. 539—545). Только один фрагмент касается ранней истории Спарты (fr. 532). Эти фрагменты, как бы они ни были скудны и разрозненны, могут

послужить нам подспорьем в этом опыте примерной реконструкции утраченной Лакедемонской Политии.

Своеобразный памятник, дошедший до нас в нескольких рукописях (самая ранняя XIII века, содержащая также и произведения Элиана),¹ обычно называемый эксцерптами Гераклида, представляет собой извлечения из каких-то сочинений по истории ряда греческих государств, в том числе Афин, и о некоторых негреческих народностях. Задолго до нахождения Афинской Политии Аристотеля исследователи этих выборок, сопоставляя их с упоминаниями о Политиях Аристотеля у античных авторов, пришли к твердому убеждению, что эксцерпты Гераклида восходят в конечном счете к Политиям Аристотеля (а отчасти и к его *Νόμιμα βαρβαρίκᾳ*). Жалкое состояние этих извлечений, нелепости, в них встречающиеся, исключают всякую мысль о непосредственном происхождении их от произведений Аристотеля. К тому же и начальные слова — *Ἐκ τῶν Ἡρακλείδου περὶ πολιτείας Ἀθηναίων* — подтверждают, что перед нами эксцерпты, сделанные из Политий Гераклида, а не Политий Аристотеля. Политии же Гераклида (кем бы ни был этот Гераклид) являлись, надо думать (иначе мы попадем в большие затруднения), конспектом Политий Аристотеля. Свой вывод по этому вопросу Шнейдевин формулирует в следующих словах: «Так весьма обширные тома Политий свел к немногим какой-то Гераклид. Но вследствие того, что даже эти извлечения превышали умственный уровень ничтожных учителей позднего времени, нашелся неизвестный по имени, совершенно невежественный и едва ли даже посредственно знакомый с античностью человек, который в свою очередь сократил написанное Гераклидом».² К этой общей квалификации нечего было добавить и исследователям, знакомым с текстом Афинской Политии Аристотеля. Как видим, самое название «эксцерпты Гераклида» не соответствует действительности. Точнее было бы говорить об эксцерптах из Гераклида или об эксцерптах из эксцерптов Гераклида. Для простоты мы тем не менее будем употреблять в дальнейшем (как мы это делали выше) укоренившееся выражение «эксцерпты (извлечения, выборки) Гераклида».

Наконец, Политика Аристотеля. В своей Политике Аристотель, как известно, не занимается описанием или историей государственного строя греческих или иных государств. Задача этого трактата другая — дать определение государства и его существенных элементов, классификацию возможных форм государственного строя вместе с их оценкой, а также набросать проект идеального государства. Подобный замысел, однако, требовал от Аристотеля широкого ознакомления с историей и современным состоянием государств греческого и отчасти и негреческого мира. Материал, легший впоследствии в основу Политий, должен был быть в значительной степени собран к тому моменту, когда началась работа над Политикой. Едва ли не за каждой фразой послед-

ней мы ощущаем связь мысли Аристотеля с живой действительностью IV в. или с исторической действительностью более ранних времен. Иногда приводятся и примеры из истории или из современности; особенно много примеров в V книге, посвященной вопросу о государственных переворотах. Сравнение примеров, взятых из афинской истории, с фактическими сообщениями Афинской Политии показывает, что подавляющее число фактических данных Политики нашло себе место и в Афинской Политии. Однако родство между Политикой и Афинской Политией не ограничивается этим. В Афинской Политии не раз дается оценка и отдельным государственным деятелем, и тому или иному образу правления, причем высказываются те же суждения, какие известны по аналогичным поводам и из Политики. Таким образом, уже a priori следует надеяться найти в Политике те общие политические взгляды, какие должны были лежать в основе Лакедемонской Политии. Но мы находим в Политике нечто большее и ближе стоящее к нашей задаче. Аристотель, не раз упоминаящий о Спарте в Политике, в одном месте занимается критическим разбором спартанского строя с точки зрения его соответствия требованиям, предъявляемым к совершенному государственному устройству. Этот разбор даст нам ключ к пониманию общей направленности Лакедемонской Политии.

Резюмируя высказанное и несколько предвосхищая последующее, можно сказать, что из трех рассмотренных источников фрагменты способны дать нам только отдельные места из Лакедемонской Политии, причем почти исключительно со стороны фактического содержания; Гераклид — то же, что фрагменты, но с добавлением общего плана Лакедемонской Политии; Политика — то же, что фрагменты, но с добавлением идейной стороны произведения.

Для нашей цели удобнее всего начать с эксцерптов Гераклида, которые в каком-то виде представляют собой скелет интересующей нас Лакедемонской Политии Аристотеля.

Результаты, полученные при сличении Афинской Политии с эксцерптами Гераклида (в главе 1 настоящего отдела), можно перенести на Лакедемонскую Политию. Эксцерпты из последней, по-видимому, правильно передают общий план произведения Аристотеля. Отдельные перестановки нужно считать возможными, но без основательных доказательств допускать их не следует. Передача содержания Лакедемонской Политии в этих эксцерптах является несовершенной с разных точек зрения: во-первых, большие части Политии вовсе в этих извлечениях не отражены; во-вторых, отражение бывает нередко искаженным. Эти дефекты можно надеяться частично исправить, обращаясь к фрагментам и Политике. Основную идею, от которой зависела вся композиция Лакедемонской Политии (или во всяком случае композиция исторической ее части), бесполезно искать в эксцерптах. Ее может

открыть нам только Политика. Наконец, аналогия с эксцерптами из Афинской Политии позволяет думать о более или менее бережном сохранении (пусть через посредство более подробного конспекта Гераклида) выражений Лакедемонской Политии Аристотеля. Наличие тех же выражений во фрагментах из этой Политии, а также нахождение их в Афинской Политии будет в некоторых редких случаях подкреплением сделанного выше вывода.

После этих замечаний обратимся к извлечениям Гераклида, касающимся Лакедемона.

Уже первое чтение их убеждает нас в том, что Лакедемонская Полития Аристотеля распадалась на две части, аналогичные двум частям Афинской Политии, — историческую и систематическую. В самом деле, после первой фразы о том, что некоторые приписывают лакедемонский государственный строй целиком Ликургу, идут сообщения о поэте Алкмане и о жизни и деятельности Ликурга. Алкман был рабом Агесиды; одаренный от природы, он получил свободу и стал поэтом. Ликург умер (или был) на Самосе.³ Он первый привез в Пелопоннес поэмы Гомера, получив их от потомков Креофила. Застав на родине великое беззаконие и тираническое правление Харилла, он переделал государственный строй.⁴ Он же установил на общее благо перемирия (имеется в виду периодически соблюдаемое олимпийское перемирие). Все эти сообщения могут относиться только к исторической части Лакедемонской Политии.

Затем идет предложение, на котором придется остановиться дольше. «Говорят, что он ввел и криптию, на основании которой они еще и теперь, выходя днем, прячутся, а по ночам (место явно испорчено, надо думать, первоначально здесь стоял глагол со значением «выходить»,⁵) с оружием и убивают столько гелотов, сколько оказывается удобным» — λέγεται δὲ καὶ τὴν κρυπτὴν εἰσηγήσασθαι, καθ' ἣν ἔτι καὶ νῦν ἐξιόντες ἡμέρας κρύπτονται, τὰς δὲ νύκτας μεθ' ὀπλῶν κρύπτονται καὶ ἀναιροῦσι τῶν εἰλώτων ὅσους ἂν ἐπιτήδειον ᾖ (fr. 611₁₀). Начало этого предложения представляет собой явное продолжение предыдущего. Ликург, как говорят, ввел и криптию. Дальнейшее относится уже к современности — спартанцы и теперь еще применяют криптию. Вслед за этим начинаются сообщения о спартанских порядках IV в. до н. э. Разбираемая нами пограничная между двумя разделами фраза родственна как первому, так и второму разделу. Трудно представить себе, чтобы автор эксцерптов из Гераклида, да и сам Гераклид, выхватил одно сообщение из первого, а другое из второго раздела и построил из них (при помощи грамматического подчинения) свое предложение. Естественнее считать, что в наших эксцерптах передается более или менее правильно единое место из Лакедемонской Политии. Где бы мы ожидали встретить такое место? Рассказывая о Ликурге, Аристотель едва ли опустил такую существенную часть введенных им (по

преданию — λέγεται) порядков, как криптия. Упомянув о криптии как нововведении спартанского законодателя, он получил возможность здесь же отметить, что криптия продолжает существовать в Спарте. Постановка глаголов в настоящем времени (κρίπτονται, ἀναίρουσι) не должна нас смущать. В сущности, с таким писательским приемом Аристотеля мы хорошо знакомы по его Афинской Политии, где именно в историческом разделе встречаются подобного рода отсылки к современности. Формула клятвы, которую дали афинские архонты при Солоне, продолжает быть обязательной и во времена Аристотеля — ὁθεν ἔτι καὶ νῦν οὕτως ὀμνῶσιν (7, 1). Способ замещения должностей девяти архонтов при Солоне — предварительное избрание в филах и жеребьевка среди предварительно избранных кандидатов — принята во времена Аристотеля форму двойной жеребьевки — ὁθεν ἔτι διαμένει ταῖς φυλαῖς τὸ δέκα κληρῶν ἐκάστην εἴτ' ἐκ τούτων κωμμεύειν (8, 1). Со времен Клисфена афиняне называют себя, указывая дем — ὁθεν καὶ καλοῦσιν Ἀθηναῖοι σφᾶς αὐτοὺς τῶν δήμων (21, 4). При архонте Гермократе была установлена клятва для членов совета пятисот, которую они не перестали давать и во времена Аристотеля, — ὅν ἔτι καὶ νῦν ὀμνῶσιν (22, 2). Любопытно, что два раза в Афинской Политии историографический прием, подобный тому, какой мы предполагаем в Лакедемонской Политии, сопровождается тем же выражением — ἔτι καὶ νῦν (7, 1; 22, 2). Упомятием о криптии в исторической части Лакедемонской Политии, само собой разумеется, не исключается упоминание о ней и в систематической части. Всякие сомнения в такой возможности устраняет опять-таки Афинская Полития. О клятве девяти архонтов Аристотель говорит и в связи с реформами Солона (7, 1) и, несколько более подробно, в описании государственных порядков своего времени (55, 5). Подробности о криптии, которые сообщает Плутарх в жизнеописании Ликурга (28 = fr. 538), возможно, в конечном счете восходят ко второй части Лакедемонской Политии Аристотеля.

Дальше читаем: «они ставят и эфоров» — καθίστασι δὲ καὶ τοὺς ἐφόρους. Подлежащим здесь являются, конечно, лакедемоняне.⁶ Перед этим предложением речь шла о других должностных лицах, которых ставят лакедемоняне. Союз καὶ показывает, что в перечне должностных лиц эфоры не были названы первыми. Таким образом, начало систематического раздела Политии не отражается в наших эксцерптах. Об эфорах сообщается еще, что они обладают большой властью, что спартанцы встают только перед царем и эфором. Дальше — о том, что после смерти царя нет никакой торговли в течение трех дней и площадь посыпается мякиной (fr. 611₁₀). Пропустив один параграф (fr. 611₁₁), находим ряд сообщений — в настоящем времени и в перфекте — касательно законов воспитания, быта Спарты (fr. 611_{12, 13}), вполне подходящих для систематической части Политии. У лакедемонян

считается постыдным продавать землю, а продажа из старинного надела не допускается законом.⁷ Женщинам запрещено украшать себя, нельзя отпускать волосы или носить на себе золото. Детей они кормят таким образом, чтобы никогда не насыщать их и приучать к возможности голодать.⁸ Они приучают их и воровать, а пойманного наказывают ударами, чтобы те благодаря этому могли «переносить труды и бодрствовать во время войн».⁹ Они сразу же, с детства, упражняются в умении говорить кратко, а затем благопристойно высмеивать и терпеть насмешки. Погребения у них просты и одинаковы для всех. Никто среди них не печет хлеба; они ведь и пшеничной муки не приносят,¹⁰ но питаются ячменным хлебом.

Среди всего этого материала, локализация которого в Политии не представляет никаких трудностей, резкий диссонанс (по крайней мере на первый взгляд) вносит известие о поэте Терпандре (впрочем, без упоминания его имени): «Лакедемоняне почтили лесбосского певца; ведь слушать его приказывал им бог, когда они вопрошали оракул» — *Λακεδαιμόνιοι τὸν Λέσβιον ᾠδὸν ἐτίμησαν, τοῦτου γὰρ ἀκούειν ὁ θεὸς χρησματούμενοις*¹¹ ἐκέλευε (fr. 611₁₁). Выше, как мы видели, говорилось об Алкмане (fr. 611₉). В исторической части Политии в отделе о Ликурге такое сообщение легко объяснимо: в стихотворениях Алкмана могли содержаться нужные Аристотелю сведения о некоторых мероприятиях Ликурга. По очень правдоподобному предположению, Аристотель воспользовался стихом Алкмана, в котором упоминались общественные обеды спартанцев (Strabo X, 4, 18 fin.).¹² Такому просто объяснению не поддается место о Терпандре. Здесь имеются основания для двух различных заключений. Во-первых, о Терпандре Аристотель мог говорить во второй части Лакедемонской Политии вне связи с какими бы то ни было историческими событиями, а по поводу состязаний или празднеств, устраивавшихся в Спарте (ср. в Афинской Политии места, где речь идет о празднествах и состязаниях, находившихся в ведении тех или иных должностных лиц, — 54, 7; 56, 3—5; 57, 1; 58, 1; 60). Такое заключение подсказывается не только положением этого сообщения среди материала, явно взятого из систематической части Политий, но и замечанием Евстафия к Илиаде со ссылкой на Лакедемонскую Политию Аристотеля о том, что выражение «после лесбосского певца» имеет в виду Терпандра: «И впоследствии, — говорит он [Аристотель], — вызывались в честь его прежде всего его потомки, а затем всякий другой присутствовавший лесбосец, а потом уже прочие — после лесбосского певца, т. е. просто лесбосца» — *καὶ Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Λακεδαιμονίων πολιτείᾳ τὸ μετὰ Λέσβιον ᾠδὸν τὸν Τέρπανδρον φησι δηλοῦν. ἐκαλοῦντο δέ φησι, καὶ ὕστερον εἰς τὴν ἐκείνου τιμὴν πρῶτον μὲν ἀπόγονοι αὐτοῦ, εἶτα εἴ τις ἄλλος παρείη Λέσβιος, εἶθ' οὕτως οἱ λοιποὶ μετὰ Λέσβιον ᾠδὸν, τὸν ἀπλῶς δηλαδὴ Λέσβιον* (Eustath. ad. Il. IX,

129, p. 741, 16 Rom. = fr. 545). Имперфект ἐκαλοῦντο исключает мысль об однократном событии. Уточнить ситуацию, при которой происходил вызов потомков Терпандра и лесбосских певцов, помогают параллельные места, собранные в изданиях фрагментов Аристотеля. Далекие по времени от Аристотеля, не знавшие непосредственно Лакедемонскую Политию (как не знал ее, впрочем, и Евстафий), но в противоположность Евстафию и не ссылающиеся на нее, Зенобий, Гесихий, Фотий дают неодинаковые показания насчет лесбосского певца. Зенобий расходится с Евстафием (а, следовательно, и с Аристотелем) в том, что у него спартанцы не вызывают ни потомков поэта, ни его соотечественников; испытыва на себе действие его музыки, они впоследствии, слушая какого-нибудь музыканта, восклицали: «за лесбосским певцом» (смысл: ему принадлежит первое место вслед за лесбосским певцом) — εἰ ποτε οὖν μετὰ ταῦτα μουσικοῦ τινος ἤκουον οἱ Λακεδαιμόνιοι, ἐπεφώνουν μετὰ Λέσβιον ᾠδόν (Zenob. Prov. 5, 9). Ближе к Евстафию (Аристотелю) Гесихий: «Потомки Терпандра, считавшиеся хорошими кифаредами, вызывались на состязание первыми, а затем всякий присутствовавший лесбосский певец» — τοὺς ἀπογόνους τοῦ Τερπάνδρου ἀγαθοῦς ἡγουμένους εἶναι κίθαρωδοῦς πρώτους εἰς τὸν ἀγῶνα προσκαλεῖσθαι εἴτ' εἰ τις εἶη Λέσβιος ᾠδός (Hesych. s. v. μετὰ Λέσβιον ᾠδόν). У Гесихия прямо сказано, что певцы вызывались на состязание, и этим сразу определяется место соответствующего свидетельства в Лакедемонской Политии Аристотеля, а именно во второй ее части, в одной из тех глав, где речь шла о празднествах и состязаниях, скорее всего о карнейских состязаниях, на которых, по свидетельству Гелланика, первым победителем был Терпандр (cf. Athen., Dipnos. 635F).

Нельзя, однако, отрицать и того, что Терпандр не только мог, но и, пожалуй, должен был упоминаться и в исторической части Лакедемонской Политии. Ни Евстафий, ни Гесихий не говорят о причине, вызвавшей появление лесбосца Терпандра в Спарте. В эксцерптах, как мы видели, содержится указание на приглашение его по совету оракула. В этом, правда, не заключается намек на какое-либо историческое событие. О таком событии можно только подозревать. Совершенно ясно высказывается Зенобий: лакедемоняне, находясь в состоянии раздора, послали, согласно велению бога, за музыкантом Терпандром на Лесбос; прибыв и действуя музыкой, он настроил их души и прекратил раздор — Λακεδαιμόνιοι δὲ στασιάζοντες μετεπέμφσαντο κατὰ χρησμόν τοῦ θεοῦ ἐκ Λέσβου τὸν μουσικὸν Τέρπανδρον· ἐλθὼν δὲ ἐκεῖνος καὶ τῇ μουσικῇ χρώμενος ἤρμωσεν αὐτῶν τὰς ψυχὰς καὶ στάσιν ἔπαυσεν (I. c.). Зенобий, как мы отмечали выше, расходится с Аристотелем в объяснении происхождения самой поговорки о лесбосском певце, а потому и другие его показания мы не вправе возводить к Аристотелю. Однако Фотий, также не ссылающийся на Аристотеля, но, подобно Евстафию (Аристотелю), упоминающий

о вызове лакедемонянами (надо думать, на состязание) лесбосских кифаредов, знает о гражданских распрях, ради прекращения которых спартанцы послали за Терпандром: «Ведь как-то, когда в их государстве были неурядицы, было вещание — послать за лесбосским певцом; послав за Терпандром, изгнанным из Антиссы по обвинению в убийстве, они слушали его во время сисситий и были возвращены к порядку» (Photius, s. v. μετὰ Λέσβιον φόδον). Внутренняя борьба в Спарте и прекращение ее благодаря благотворному действию музыки Терпандра¹³ — это материал для первой исторической части Лакедемонской Политии. Если так, то может возникнуть вопрос о перестановке в эксцерптах Гераклида сообщения о Терпандре из исторической части в систематическую (ср. перестановку сообщения о Фемистокле, Аристиде и Ареонаге в эксцерптах из Афинской Политии).

Впрочем, как мы убедились, были достаточно основательные причины для упоминания о Терпандре как в первой, так и во второй части Лакедемонской Политии. Поэтому остановимся на таком решении: Аристотель упоминал о Терпандре и в историческом и систематическом обзорах, но автор эксцерптов отразил только второе из этих упоминаний.

Рассмотрение эксцерптов Гераклида приводит нас к следующему выводу: можно считать доказанным, что Лакедемонская Полития Аристотеля была построена по тому же общему плану, что и Афинская Полития; очерк истории государственного строя Спарты составлял первую ее часть, а описание спартанских порядков IV в. — вторую.

Сравнение эксцерптов с Афинской Политией привело нас к выводу, что они хорошо передают только общий план Политии, но не могут считаться достоверным источником для суждения о сравнительных размерах двух основных разделов Политии, не говоря уже о соотношении между более мелкими подразделениями в пределах каждого из двух больших разделов или даже об отражении с достаточной полнотой каждого из таких подразделений. Все эти оговорки действительны и для эксцерптов из Лакедемонской Политии.

Чтобы двинуться дальше, необходимо призвать на помощь два других источника нашего знакомства с Лакедемонской Политией Аристотеля — фрагменты ее, сохраненные разными писателями, и Политику самого Аристотеля.

Эксцерпты начинают с Ликурга. Вполне законным является вопрос, начинал ли Аристотель с Ликурга? Как ни разрозненны и отрывочны фрагменты Политий Аристотеля, они все же вполне ясно свидетельствуют о том, что Аристотель любил начинать свои Политии с объяснения происхождения названия государства (города, острова), перечня прежних названий, см., например, Коринф (fr. 611₁₉), Тенедос (fr. 611₂₂), Парос (fr. 611₂₅), Кеос

(fr. 611₂₆), Самос (fr. 611₃₀), Самофрака (fr. 611₄₉), Регий (fr. 611₅₅) и др. Глубокая древность, связанная с мифическими преданиями о начале государств и их судьб в ранние времена, также не оставались в стороне. В Критской Политии определенное место занимал Мипос (fr. 611₁₄); в Кеосской — нимфы и их бегство от льва, а также Аристей, выучившийся от них скотоводству, а от бриз пчеловодству (fr. 611_{26, 27}); в Самосской — большие рычащие звери как первые обитатели острова (fr. 611₃₀); в Коркирской — гомеровский Диомед, убивший дракона (fr. 611₅₆); в Эфесской — Геракл и амазонки (fr. 611₆₆) и т. п. Что касается Лакедемонской Политии, то от нее фрагментов подобного рода не сохранилось. О доликурговских временах говорит только один фрагмент из схолий к истмийским одам Пиндара: «. и есть фивапская фратрия Эгеидов, из которой некоторые пришли в Спарту, чтобы помочь лакедемонянам во время войны с амиклейцами, под предводительством Тимомаха, который первым упорядочил у лакедемонян все военное дело и был удостоен у них великих почестей. И во время гиакинфий выставляется его бронзовый панцырь. Фиванцы называют его оружием. Об этом рассказывает и Аристотель. . . Ведь Аристотель говорит, что лаконцы, воюя против амиклейцев, узнав от бога, что следует взять в союзники Эгеидов, отправились в Афины; остановившись в Фивах во время пиршества фратрии Эгеидов, они были поражены, когда услышали, как жрец после обеда молился, чтобы боги даровали благо Эгеидам; уяснив себе изречение оракула, они взяли союзников оттуда» [Schol in Pind. Isthm. 6 (7), 48, p. 551, Voeckh = fr. 532]. Как видно из этого фрагмента, Аристотель в своей Политии занимался и историей образования Спартанского государства. Эпизод, переданный схолиастом, был связан с историей борьбы Спарты с Амиклами, упорно отстаивавшими свою самостоятельность против вторгшихся в долину Эвроты дорийских завоевателей.¹⁴ Обращает на себя внимание сообщение о том, что фиванец Тимомах¹⁵ был первым организатором военного дела в Спарте. Остается неясным вопрос, что именно сделал Тимомах и какая часть спартанского военного устройства обязана своим возникновением более поздним временам. Возможно, что и сам Аристотель не давал никаких объяснений на этот счет. Автор наших эксцерптов не отразил у себя никаких данных о ранней Спарте, имевшихся у Аристотеля, а, возможно, и у Гераклида.

Много внимания должно было быть уделено в Лакедемонской Политии Ликургу. Бессвязные данные, находимые нами в эксцерптах, пополняются тем, что имеется во фрагментах, особенно тех, которые сохранены Плутархом в его жизнеописании Ликурга. Аристотель разбирал вопрос о времени жизни Ликурга, причем считал спартанского законодателя современником царя Элиды Ифита на том основании, что имя Ликурга читалось на олимпийском диске, на котором были вырезаны, как можно ду-

мать, правила священного перемирия (Plut., Lyc. 1=fr. 533). Высокое уважение, которое питал Аристотель к реформатору, видно из его замечания, что Ликург получил меньше почестей, чем ему полагалось бы в Лакедемоне, хотя ему и оказывают величайший почет. Здесь же говорилось о храме Ликурга и о приносившемся ему, как богу, ежегодном жертвоприношении (Plut., Lyc. 1=fr. 534).¹⁶ В согласии с Платоном, Эфором и Ксенофонтом (De rep. Lac. 8, 5) Аристотель говорил о частых посещениях Ликуртом дельфийского храма и получении им наставлений от Аполлона (Clemens Alex., Strom. 1, 152, Sylb.=fr. 535). Упоминалась и комментировалась, а если комментировалась, то, следовательно, и цитировалась большая ретра Ликурга, как можно заключить из слов Плутарха: «Бабику и Кнакион теперь называют Энунтом, Аристотель же говорит, что Кнакион — река, а Бабика — мост» — Ἀριστοτέλης δὲ τὸν μὲν Κνακίωνα ποταμόν, τὴν δὲ Βαβύκαν γέφυραν (Lyc. 6=fr. 537); в этом же месте у Плутарха текст ретры и объяснения к нему, по-видимому, восходящие к Лакедемонской Политии Аристотеля.¹⁷ Трудно предполагать, чтобы Аристотель мог ограничиться приведением одной ретры; скорее всего он не обошел молчанием и три малые ретры. Количество геронтов — их было двадцать восемь — получило у Аристотеля такое объяснение: первоначально с Ликуртом действовало тридцать его сторонников, но затем двое оробели и покинули его дело (Plut., Lyc. 5=fr. 537). О криптии речь была выше; отметим, что Аристотель не приписывает установление ее категорически Ликургу (λέγεται — fr. 611₁₀; cf. εἶγε δὴ τοῦτο τῶν Λυκοῦργου πολιτευμάτων ἐν ἔστιν — Plut., Lyc. 28=fr. 538).¹⁸ Упоминание об Алкмане было связано, как уже говорилось выше, с сообщением о фидитиях. Опубликованные недавно папирусные отрывки комментария к Алкману¹⁹ позволяют добавить к этому еще кое-что. Кто-то (имя на папирусе не сохранилось) считал Алкмана лаконцем, Аристотель считал его лидийцем, по мнению автора комментария неправильно, так как и сам Аристотель, и те, кто с ним согласился, были введены в заблуждение (как предполагает издатель, какими-то словами) — ἀλλ' ἔοικε Λυδὸν αὐτὸν νομίζειν ὃ τε Ἀριστοτέλης καὶ [συ]μψηφ[.] ἀπατηθέντες. Отрывок не содержит указания на то сочинение Аристотеля, в котором говорилось об Алкмане, но естественнее всего думать именно о Лакедемонской Политии. Не подлежит сомнению, что деятельность Ликурга подверглась всестороннему рассмотрению в Лакедемонской Политии. Ликург и его реформы, конечно, занимали в Лакедемонской Политии еще большее место, чем Солон и его реформы в Афинской Политии. Состояние наших источников не позволяет с уверенностью утверждать, что все или большая часть наших сведений о политической роли спартанского реформатора так или иначе восходят к Эфору и Лакедемонской Политии Аристотеля, но никто не назовет подобное предположение слишком смелым.

Признание за рассказом о Ликурге центрального положения в историческом разделе Лакедемонской Политии не исключает возможности более или менее детальных сообщений о дальнейшей истории государственного строя Спарты. Законным, однако, остается вопрос: есть ли у нас доказательства того, что у Аристотеля был материал по внутренней истории Спартанского государства после Ликурга? Не переходил ли он сразу после Ликурга к современной Спарте?

Важное указание по этому поводу находится в эксцерптах, автор которых, как можно было убедиться, не слишком далеко отходит от способа выражения самого Аристотеля, а в лучшем случае дословно воспроизводит его. В эксцерптах сказано — τὴν Λακεδαίμονα πολιτείαν τινὲς Λυκούργῳ προσάπτουσι πᾶσαν (fr. 611₉). Аристотель писал, что некоторые приписывают лакедемонский строй целиком Ликургу. Если некоторые считали государственный строй Спарты в целом созданием Ликурга, то это значит, что другие так не думали и возводили к Ликургу не все спартанские установления. Давно уже сделан вывод, что среди тех, кто приписывал создание всего спартанского строя Ликургу, Аристотель понимает и Эфора.²⁰ Вывод этот сделан на основании Страбона (VIII, 5, 5), по словам которого Эфор упрекал Гелланика в том, что тот считал устроителями Спартанского государства Эврисфена и Прокла, а о Ликурге нигде не упоминал. Афинская Полития подскажет нам, как думал сам Аристотель. В своем изложении афинской истории Аристотель пять раз приводит чужие мнения, употребляя при этом слово τινες, т. е. то же, что и в Лакедемонской Политии, или ἔνιοι, близкое к этому по смыслу. Должность архонта, по мнению большинства, появилась при Медонте, а по мнению некоторых, — при Акасте — ἔνιοι δ' ἐπὶ Ἀκάστου φασὶ γενέσθαι τὴν ἀρχήν (3, 3). Несмотря на то что эти «некоторые» опираются на текст клятвы девяти архонтов, в котором были слова «выполнять»²¹ клятвы как при Акасте», Аристотель не присоединяется к сторонникам этого мнения и предпочитает оставить вопрос открытым. Друзья Солона, узнав от него о предстоящей отмене долгов, воспользовались этим для собственного обогащения. Набрав в долг много денег и скупив много земли, они в результате отмены долгов оказались богачами. Некоторые стараются при этом очернить самого Солона — ἐν οἷς πειρῶνται τινες διαβάλλειν αὐτόν (6, 2) — и изображают дело так, будто и он нажился при таких обстоятельствах. Распространителей этого рассказа Аристотель называет «стремящимися клеветать» (οἱ βοιλόμενοι βλασφημεῖν) и решительно восстает против их выдумки, напоминая о бескорыстном образе действий Солона, отказавшегося от возможности стать тираном родного города (6, 3—4). К всадническому сословию, по установлению Солона, должны были принадлежать те, кто имел доход в 300 мер. Некоторые же считают, что принадлежность к всадникам определялась способностью содержать коня — ὡς δ' ἔνιοι φασὶ

τοὺς ἰπποτροφεῖν δυναμένους (7, 4). Против такого понимания, в пользу которого говорило самое название сословия и находившийся на Акрополе посвященный памятник, Аристотель выдвигает то соображение, что ценз всадников должен был определяться так же, как и ценз пентакосиомедимнов, т. е. по доходу, измерявшемуся количеством мер урожая. В законах Солона имелись неясности, например в законах о наследствах и дочерях-наследницах, вследствие чего решение дел отдавалось на усмотрение суда. Некоторые думают, что Солон умышленно дал неясные законы, чтобы народ стал вершителем решений — οἷονταί μὲν οὖν τινες ἐπίτηδες ἀσαφεῖς αὐτὸν ποιῆσαι τοὺς νόμους, ὅπως ἤ τῆς κρίσεως ὁ δῆμος κύριος (9,2). И здесь Аристотель не присоединяется к мнению «некоторых», но опровергает его ссылкой на невозможность дать безукоризненную формулировку закону. Убийца Гиппарха Аристогон во время пыток называет ряд имен. Сторонники демократии говорят, что он называл не своих сообщников, а людей, бывших друзьями тиранов, чтобы эти последние, казня своих друзей, совершали нечестивое дело и вместе с тем сами ослабляли себя. «Но, как говорят некоторые,— продолжает Аристотель, — он показывал на заговорщиков, а не выдумывал» — ὡς δ' ἔνιοι λέγουσιν οὐχὶ πλαττόμενος ἀλλὰ τοὺς συνειδότας ἐμήνουε (18,5). Прямого выбора между двумя точками зрения Аристотель не делает, однако противопоставление — сторонники демократии (οἱ δημοτικοί) и «некоторые» (ἔνιοι) — напоминает встретившееся выше (6, 1—2) противопоставление тех же демократов (οἱ δημοτικοί) и «некоторых» (τινες), которые затем превращаются в стремящихся клеветать (οἱ βουλόμενοι βλασφημεῖν), оперирующих лживыми обвинениями (6, 4). Говоря о «некоторых», автор Политий тем самым предупреждает читателя, что приводимые взгляды он не считает приемлемыми, чаще потому, что они ложны, неправильны, реже из-за несущественности разногласия (3, 3).

Несомненно, и в Лакедемонской Политии Аристотель приво-дил мнение «некоторых», будто весь спартанский строй был созданием Ликурга, не для того, чтобы с этим мнением согласиться. Мы не знаем, искал ли он корни этого строя в доликурговских временах. Вполне возможно, что в самой общей форме он высказывался в том смысле, что непрерывные войны спартанцев как-то подготовили их к беспрекословному подчинению новым порядкам, которые ввел Ликург. Так во всяком случае думает Аристотель в Политике (II, 6, 8, 1270a, 1 sqq.). Бесспорно то, что, согласно взглядам Аристотеля, существенные изменения были внесены в спартанский строй уже после Ликурга. Как известно, одним из важнейших элементов государственного аппарата Спарты были эфоры. Следуя одной из спартанских традиций, признают эфорию установлением Ликурга Геродот (I, 65) и Ксенофонт (De ger. Lac. 8, 3). На той же точке зрения стоял и Эфор. Сам Аристотель

смотрел на эфорию как на установление более позднее. В Политике он говорит о спартанском царе Феопомпе, что тот ограничил царскую власть разными мерами и, в частности, учредил должность эфоров. Отняв таким образом кое-что от царской власти, он в другом отношении усилил её, так как обеспечил ей большую продолжительность, а это именно он и сказал своей жене на ее вопрос, не стыдно ли ему, что он передает сыновьям царскую власть менее сильной, нежели сам получил от отца: «Нет, — сказал он, — ведь я передаю ее более долговечной» (V, 9, 1, 1313a, 26 sqq.).

Реформа Феопомпа была в глазах Аристотеля важным этапом в истории спартанского государственного строя — появилась эфория, существенным образом ограничивавшая власть царей. То, что Аристотель говорит в Политике, он несомненно (возможно в иных выражениях) повторил и в Лакедемонской Политии. Если воспользоваться термином Афинской Политии, то можно констатировать наличие уже двух «перемен» в истории спартанского государственного строя, из которых одна была связана с деятельностью Ликурга и выражалась в перестройке всего уклада спартанской жизни, а другая ознаменовалась реформой царя Феопомпа, введшего в государственный организм Спарты институт эфоров.

Как видим, есть основание думать, что Лакедемонская Полития Аристотеля могла быть построена в своей исторической части по плану, известному нам из Афинской Политии. Изображение событий, приведших к перемене государственного строя, чередовалось с описанием новой конституции и новых порядков, возникших в результате этой перемены.

Современная наука не признает неподвижности спартанской конституции. При всем разнообразии взглядов на показания древних о Ликурге (эти показания также не отличаются единством) ученые согласны в том, что спартанская конституция и спартанский уклад жизни складывались на протяжении ряда веков и тот вид, какой они имели в IV в. до н. э., представлял собой результат длительного процесса формирования. Различают (включая и частные изменения, повлекшие за собой важные последствия, и попытки ниспровержения существующего строя) следующие этапы: реформа Ликурга, реформа Полидора и Феопомпа, реформа Астеропа, реформа Хилона, заговор Павсания, заговор Кинадона, закон Эпитадея. Для нашей цели нет надобности входить в детали исторических вопросов, связанных с каждым из перечисленных имен.²² Степень исторической достоверности свидетельств о событиях, хронологическая последовательность последних, связь их с внутренней и внешней историей Спарты — все эти вопросы могут интересовать нас лишь в той мере, в какой это нужно для восстановления содержания Лакедемонской Политии Аристотеля. Важно то, что у Аристотеля несомненно был материал для построения

истории спартанского государственного строя, а не только для описания его во времена Ликурга и в IV в. до н. э.

Все три наших источника для суждения о Лакедемонской Политии помогают нам уловить по крайней мере некоторые из перипетий внутренней жизни Спарты.

Жизнь и деятельность Ликурга Аристотель относил ко временам, близким к 776 г. до н. э., когда была установлена экехейрия, священное перемирие. Основанием для Аристотеля послужило при этом то, что он прочитал имя Ликурга на олимпийском диске рядом с именем Ифита (Plut., Luc. 1=fr. 533).²³ Гераклид и не зависящие от него фрагменты дают нам только один момент из послеликурговской истории Спарты, да и то в недостаточно ясной форме, именно деятельность Терпандра, которая не ограничивалась сферой музыки, но распространилась, как мы видели выше, и на область политическую (fr. 545).

Больше фактического материала касательно истории спартанской конституции можно надеяться извлечь из Политики Аристотеля. Начнем с имеющихся в ней фактических сообщений о деятельности Ликурга. Будем опираться только на те места, где Ликург прямо назван или явно подразумевается, так как в своих рассуждениях — это будет показано ниже — Аристотель объединяет Ликурга с последующими политическими деятелями Спарты, внесшими нечто новое в ее жизнь под общим обозначением «законодатель». Ликург был выходцем из средних слоев населения, царем он не был (IV, 9, 10, 1296a, 18 sqq.). Отказавшись от опекуинства над Хариллом, Ликург отправился путешествовать и большую часть времени провел на Крите у родственных спартанцам жителей Ликта, которые переняли старинные критские установления (II, 7, 1, 1271b, 24 sqq.); следовательно, образцом для ликурговского строя послужили ликтские порядки, представлявшие собой в свою очередь подражание местным критским порядкам. Все эти сведения взяты Ликургом из его источника (λέγεται). Тирания Харилла сменилась аристократией (V, 10, 3, 1316a, 33 sqq.). Говорят, что Ликург хотел подчинить спартанских женщин законам, но, встретив со стороны женщин сопротивление, отступил (II, 6, 8, 1270a, 6 sqq.; cf. 6, 5, 1269b, 19 sqq.). О той же неудачной попытке Ликурга упорядочить быт женщин говорит и Плутарх со ссылкой на Аристотеля (Luc. 14). Плутарх возражает Аристотелю, приводя факты, свидетельствующие о том, что Ликург все же не оставил без внимания женщин, — он приучил их заниматься физическими упражнениями, участвовать в религиозных шествиях, плясках, песнях и т. п. Любопытно, что это место Плутарха не включено в сборники фрагментов Лакедемонской Политии Аристотеля, надо думать, только потому, что соответствующие показания находятся в Политике Аристотеля. Однако естественнее увидеть здесь у Плутарха фрагмент именно из Лакедемонской Политии, которую Плутарх в своей биографии Ликурга не раз цитирует.

Ликург ввел фидитии (II, 6, 21, 1271a, 26 sqq.), которые в древности назывались андриями (7, 3, 1272a, 2 sq.). Кроме исторических данных о Ликурге, в Политике разбросаны сведения о некоторых других государственных деятелях Спарты и событиях из ее истории. Спартанские цари получили свою власть как основатели государства (V, 8, 5, 1310b, 38 sq.). Враждебные спартамцам замыслы парфениев были причиной высылки последних для основания колонии в Таренте (6, 1, 1306b, 27 sqq.). Обездоленные слои гражданского населения требовали раздела земли во время Мессенской войны — здесь есть ссылка на Тиртея (6, 2, 1306b, 36 sqq.); имеется в виду первая Мессенская война.²⁴ Царь Феопомп ввел эфорию (8, 1, 1313a, 26 sqq.). Все это относится к древней истории Спарты. Новая история Спарты также представлена в Политике: Павсаний и его планы отмены эфории (1, 5, 1301b, 20 sq.; 6, 2, 1307a, 2 sqq.; VII, 13, 13, 1333b, 32 sqq.; подробнее о возможности отнесения свидетельств Аристотеля к двум разным Павсаниям см. ниже); Лисандр и его замыслы уничтожить царскую власть (V, 1, 5, 1301b, 19 sq.; 6, 1, 1306b, 31 sqq.);²⁵ Кипадон и его заговор (6, 2, 1306b, 34 sqq.). Отмечается резкое социальное расслоение спартанцев в IV в. Земельные ресурсы Спартанского государства могли бы обеспечить армию в полторы тысячи всадников и тридцать тысяч гоплитов, между тем как концентрация земли в руках немногих собственников привела к тому, что Спарта была в состоянии выставить меньше тысячи человек (II, 6, 10, 1270a, 16 sqq.; V, 6, 7, 1307a, 35 sq.; в общей форме об имущественном неравенстве — 10, 5, 1316b, 8 sqq.). Большое значение в смысле обнаружения внутренней слабости Спартанского государства придавал Аристотель войне с Фивами, приведшей к разгрому спартанцев Эламинондом. Спартанское государство, по словам Аристотеля, не вынесло и одного удара (II, 6, 12, 1270a, 33 sqq.). Во время вторжения фиванцев спартанские женщины не только не принесли никакой пользы государству, но производили большее смятение, чем неприятели (6, 7, 1269b, 37 sqq.).

Имеются в Политике и такие общего порядка сообщения, которые предполагают знакомство с многочисленными или по крайней мере с несколькими однородными фактами, упоминавшимися, вероятно, в Лакедемонской Политии. Эфоры, происходившие часто из неимущих слоев населения, и в прежние времена неоднократно доказывали свою подкупность, доказали ее «и ныне в делах, связанных с Андросом» (6, 14, 1270b, 8 sqq.; намек на эти дела в настоящее время разгадать невозможно; о вреде, наносимом эфорами Спартанскому государству, см. также 8, 2, 1272b, 35 sqq.). Цари вынуждены были заискивать перед эфорами — *δτραγωρεῖν αὐτοῖς* (6, 14, 1270b, 13 sqq.).²⁶ Геронты отличались услужливостью и подкупностью (6, 18, 1271a, 3 sq.) и уже принесли вред государству (8, 2, 1273a, 1 sq.). Между царями происходила борьба, которая считалась спасительной для Спартанского государства

(6, 1271a, 25 sq.). Закон о навархах, делавший должность последних чем-то вроде другой царской власти, был причиной раздора (6, 22, 1271a, 37 sqq.), надо думать — между царями и навархами. Само собой разумеется, что и слова Аристотеля о частых восстаниях гелотов — *οἱ δ'εἰλωτοὶ ἀφίστανται πολλάκις* (7, 8, 1272b, 19) — представляют собой обобщение, опирающееся на многочисленные факты восстаний, так или иначе отмеченные в Лакедемонской Политии. Если в Политике Аристотель сообщает, что при спартанских царях прежнего времени, как говорят, спартанцы принимали в свой состав новых граждан, так что спартанцев бывало и десять тысяч (6, 12, 1270a, 34 sqq.), то, возможно, что в Лакедемонской Политии отмечались пополнения спартанского гражданства в определенные моменты спартанской истории; ср. те места в Афинской Политии, из которых мы узнаем о приеме новых людей в состав афинского гражданства при Клисфене и после вступления Фрасибула в Афины (21, 1; 40, 2).

Рассмотренные места в своей совокупности доказывают, что у Аристотеля был довольно обширный и разнообразный материал для построения истории спартанского государственного устройства. При этом следует иметь в виду, что Политика дает нам лишь какой-то минимум того, что было в Лакедемонской Политии. Кроме того, есть интересные сообщения, локализация которых в Лакедемонской Политии представляется в настоящее время невозможной. К числу их, например, принадлежит сообщение о том, что спартанцу разрешалось дарить землю и оставлять ее в наследство по своему усмотрению (при сохранении старинного запрещения продавать ее — II, 6, 10, 1270a, 19 sqq.). Плутарх (Agis 5) приписывает этот закон эфору Эпитадею (по-видимому, IV в. до н. э.). Аристотель не называет Эпитадея, однако было бы очень неосторожным категорически отрицать возможность полного согласия между Аристотелем и Плутархом и утверждать, что в Лакедемонской Политии, как и в Политике, Аристотель относил соответствующий закон к ранним временам спартанской истории. Оба решения остаются одинаково возможными.

После исторической части Лакедемонской Политии следует заняться ее систематической частью. Эксцерпты Гераклида могут подсказать нам, хотя бы частично, план, какому следовал Аристотель в этом систематическом разделе Политии. Первые слова в эксцерптах во второй части Лакедемонской Политии — *καθίστασι δὲ καὶ ἐφόρους καὶ μέγιστον οὗτοι δύνανται* (fr. 611₁₀). Здесь мы имеем начало сообщения Аристотеля об эфорах. Так начинается в Афинской Политии сообщение об одиннадцати — *καθίστασι δὲ καὶ τοὺς ἑνδεκά κληρωτοὺς* (52,1). Имеются и другие менее близкие, хотя и не очень отдаленные аналогии — *κληροῦσι δὲ καὶ* (52, 2; 53, 1; 54, 1, 3, 8; 60, 1), *κληροὶ δὲ καὶ* (54, 6), *κληροῦνται δὲ καὶ* (50, 1; 51, 1, 2), *χειροτονοῦσι δὲ καὶ* (61, 1, 3 — 7), *χειροτονεῖ δὲ καὶ* (54, 5). На основании всех этих мест можно заключить, что

перечень должностных лиц не начинался в Лакедемонской Политии с эфоров, до них упоминался кто-то другой. Это не были цари, так как царская власть была наследственной и сообщение о царях не могло начинаться глаголом *καθίστασι* или каким-либо другим подобным; во-вторых, о царях несомненно говорилось дальше. Скорее всего перед эфорами говорилось о геронтах и герусии. Вспомним, что в Афинской Политии систематическое рассмотрение учреждений и должностных лиц начинается в сущности с совета пятисот (43, 2).

Другое заключение, которое подсказывают нам указанные места из Афинской Политии, — то, что за словами о величайшей власти эфоров следовало объяснение об их количестве и способе их избрания и перечень их функций.²⁷ Политика и фрагменты Лакедемонской Политии, сохранные Плутархом, дают нам некоторый материал по этим вопросам. Эфоров было пять (Политика II, 7, 3, 1272a, 6 sq.). Способ избрания эфоров назван в Политике детским (6, 16, 1270b, 27 sq.). Ни Аристотель, ни кто-либо другой из античных авторов не объясняют, в чем состоял этот способ. Все же по этому поводу сделано вполне вероятное предположение. Детским Аристотель называет и способ избрания геронтов (6, 18, 1271a, 8 sq.). О нем мы осведомлены благодаря Плутарху (Luc. 26). По-видимому, эфоры избирались таким же образом:²⁸ кандидаты на должности молча проходили перед народным собранием, которое приветствовало их криками; в это время находившиеся в закрытом помещении избранные мужи, не знавшие, в каком порядке кандидаты появляются перед собранием, отмечают порядковый номер кандидата и силу приветственного крика при прохождении каждого; избранными считались те, кого народ встречал наиболее громкими криками. Эфором мог быть любой гражданин, даже очень бедный (II, 6, 14, 1270b, 8 sqq.; 6, 15, 1270b, 25 sq.; 7, 5, 1272a, 30). О функциях эфоров в Политике сказано то же, что и у Гераклида — *ἡ γὰρ ἀρχὴ κυρία μὲν αὐτῶν μεγίστων αὐτοῖς ἐστίν* (6, 14, 1270b, 7 sqq.). О некоторых функциях эфоров, отмеченных в Лакедемонской Политии, говорит Плутарх. Эфоры, вступая в должность, объявляли войну галотам (Luc. 28 = fr. 538). Другое объявление эфоров при их вступлении в должность касалось гражданского населения — граждане должны брить усы и повиноваться законам (Plut. Cleom. 9 = fr. 539). В Политике указано, что эфоры осуществляли контроль над другими должностными лицами, в том числе и над геронтами (II, 6, 8, 1271a, 6 sq.). Говоря в Политике о судебных функциях должностных лиц в Спарте, Аристотель указывает, что судебные дела, связанные с гражданскими сделками, распределяются между эфорами (III, 1, 7, 1275b, 9 sq.).

Перед эфорами Аристотель, согласно нашему предположению, занимался в своей Лакедемонской Политии герусией и геронтами. В Политике способ избрания геронтов квалифицируется как дет-

ский (II, 6, 18, 1271a, 9 sq.; см. также IV, 7, 5, 1294b, 30 sq.). Отмечается фактическая бесконтрольность геронтов, несмотря на номинальный контроль со стороны эфоров (II, 6, 18, 1271a, 5 sq.). Естественно думать, что в Лакедемонской Политии это слишком общее положение сопровождалось (если не заменялось) какими-то более конкретными данными.

Из одного места Политики известно, что геронты выносили решение по важным судебным делам (6, 17, 1270b, 39); в другом месте сказано, что в их руках находится суд по уголовным делам (III, 1, 7, 1275b, 10).

После эфоров внимание Аристотеля занимали цари. Невозможно представить себе, чтобы непосредственно после геронтов и эфоров и до царей шло рассмотрение каких-нибудь других должностных лиц. Конечно, эскерпты Гераклида, сообщающие сразу же о форме траура по умершему царю, не дают нам представления о том, как говорил о царях Аристотель. Обратимся снова к Политике, в которой содержатся сведения о функциях спартанских царей. Классифицируя разные виды царской власти, Аристотель так характеризует царскую власть в Спарте: цари не ведают всеми делами, но руководят военными действиями за пределами страны — οὐκ ἔστι δὲ κυρία πάντων (scil. ἡ βασιλεία), ἀλλ' ὅταν ἐξέλθῃ τὴν χώραν, ἡγεμών ἐστι τῶν πρὸς τὸν πόλεμον (9, 2, 1285a, 4 sq.). В их компетенцию входят дела жреческие — ἐτι δὲ τὰ πρὸς τοὺς θεοὺς ἀποδέδοται τοῖς βασιλεῦσιν (1285a, 6 sq.). Царь не имеет права присуждать к смертной казни, за исключением военной обстановки во время похода — κτείνειν γὰρ οὐ κύριος, εἰ μὴ ἐν τινι ἐλάσει (1286a, 8 sq.). Возможно, что в Лакедемонской Политии повторялось определение спартанской царской власти как наследственной и несменяемой стратегии (1284b, 7 sq.; 10, 1, 1285b, 26 sq.). Намек на судебные функции царей содержало то место Политики, где вслед за упоминанием о судебных функциях эфоров и геронтов сказано, что другие дела решает другая власть — ἐτέρᾳ δ' ἴσως ἀρχὴ τὰς ἐτέρας (scil. δίκας δικάζει — 1, 7, 1275b, 10 sq.). О судебной компетенции царей, которая была очень ограниченной, говорит Геродот (VI, 57).

Эскерпты Гераклида, как и фрагменты Лакедемонской Политии, сохраненные другими авторами, не упоминают ни о каких других должностных лицах в Спарте. Некоторые данные, позволяющие лишь очень несовершенным образом заполнить этот пробел, имеются в Политике. Здесь встречаем свидетельство о власти навархов над флотом, почти равняющей их с царями, командующими спартанским войском (II, 6, 22, 1271a, 37 sq.). Судебные дела распределяются в Спарте между разными лицами (8, 4, 1273a, 20). Очевидно, в Лакедемонской Политии имелись более или менее детализированные указания о судебной компетенции не только царей, герусии и эфоров, но и других менее нам известных или совсем неизвестных должностных лиц.²⁹

Следуя порядку изложения в эксцерптах, переходим (опуская два предложения, касающиеся Терпандра, о которых речь шла выше) к показаниям о том, что у лакедемонян считается позорным продавать землю, а продавать старый надел даже запрещается. Вероятно, здесь же Аристотель говорил о свободе дарения и завещания земли. Здесь же могли найти себе место и данные о последствиях таких порядков, как это сделано в Политике, — резкое расслоение земельных собственников на богатых и бедных, концентрация земли в руках немногих (V, 6, 7, 1307a, 35 sq. — εἰς ὀλίγους αἱ οὐσίαι ἔρχονται),³⁰ переход двух пятых всей земли в руки женщин благодаря большому количеству дочерей-наследниц и большим приданым (II, 6, 10, 1270a, 16 sqq.).³¹

Отсюда Аристотель мог вполне логично перейти к положению женщин в Спарте. Эксцерпты дают одну только деталь на эту тему: женщинам в Спарте запрещается украшать себя, им не разрешается отрачивать длинные волосы и носить на себе золото. вполне вероятно, что таково было древнее установление, сохранившееся в Спарте в IV в. едва ли ошибочным будет предположение, что перечисленные запреты привлекли внимание эксцерптора потому, что в его представлении они соответствовали строгости спартанского образа жизни. Аристотель, однако, знал, как это видно из Политики, что спартанский закон или обычай отнюдь не предписывал спартанкам каких-либо строгих правил жизни. Отсутствие украшений отнюдь не мешало спартанским женщинам жить распущенно и в роскоши — ζῶσι γὰρ ἀκολάστως καὶ τρυφερῶς (6, 5, 1269b, 22 sq.) и господствовать над мужьями (6, 7, 1269b, 31 sqq.).

В Афинской Политике имеется обстоятельный рассказ об эфебии (42). Ему соответствовал в Лакедемонской Политике рассказ о воспитании спартанских мальчиков, подростков, юношей. кое-что из этих рассказов сохранилось в эксцерптах Гераклида. В добавление к тому, что по этому вопросу сказано в эксцерптах, находим в Политике еще кое-что. Прежде всего самое общее замечание о том, что Спартанское государство проявляет большую заботу о воспитании детей (VIII, 1, 3, 1337a, 31 sq.), и более конкретное указание об одинаковом воспитании, получаемом богатыми и бедными спартанцами в детстве и в юности (IV, 7, 5, 1294b, 21 sqq.). Сюда же относится замечание о том, что Спарта не впадает в ошибку, свойственную другим заботящимся о физическом воспитании юношества государствам, которые хотят выработать из своих юных граждан атлетов и тем самым уродуют их тела и не дают им расти; однако спартанцы из-за постоянных трудов становятся не столько мужественными, сколько звероподобными (VIII, 3, 3, 1338b, 9 sqq.; дальнейшие рассуждения о мужестве и дикости и о причине былого превосходства спартанцев над другими греками не только в военном деле, но и в гимнастических

упражнениях, вполне уместные в Политике, могли не иметь места в Лакедемонской Политии).

Прослеживая воспитание спартанцев с детских лет, Аристотель доходил до предписываемых государством правил жизни зрелых людей. В эксерптах Гераклида отложились только сравнительно мелкие детали — о погребениях, о питании. Политика обогащает нас более существенными показаниями. Каждый спартанец обязан делать взносы; не всякий в состоянии делать их (II, 6, 21, 1271a, 29 sqq.; 7, 4, 1272a, 12 sqq.). Вообще же образ жизни — один и тот же у богатых и бедных граждан, даже пища и одежда у всех одинаковые (IV, 7, 5, 1294b, 24 sqq.).

По словам Аристотеля в Политике, весь спартанский уклад жизни был приготовлением к войне (подробнее об этом см. ниже). Военное устройство Спарты должно было быть описано с большими подробностями в Лакедемонской Политии. По свидетельству Гарпократиона, в Лакедемонской Политии сообщалось, что в Спарте были военные подразделения, называвшиеся морами, и что все лакедемоняне распределялись по этим морам (Harpocr., s. v. μόραν=fr. 540). Говорилось в Лакедемонской Политии и о других военных подразделениях — лохах, которых было пять, о чем мы знаем из Гесихия (s. v. λόχοι=fr. 544). В походах спартанцы носили пурпурные одежды, отмечал Аристотель в Лакедемонской Политии, и давал этому два объяснения: во-первых, в пурпурной окраске есть что-то мужественное; во-вторых, такой цвет приучает спокойно относиться к пролитию крови (Schol. in Aristoph. Acharn. 320=fr. 542).

Аристотель несомненно сообщал и о том, что спартанцы не занимались земледелием, как он сделал это в Политике (II, 2, 11, 1264a, 9 sqq.). В связи с этим речь шла о гелотах и об их положении (6, 4, 1269b, 7 sqq.).³² Где-то могло быть сообщение о том, что спартанская казна во время войны, когда требуются значительные средства, обычно пуста, так как землевладельцы, в чьих руках находится власть, неаккуратно платят налоги и плохо контролируют их поступление (6, 23, 1271b, 10 sqq.). В связи с запрещением в Спарте золотой и серебряной монеты приводился оракул, гласивший, что Спарту погубит корыстолюбие — *ἡ φιλοχρηματία Σπάρταν ὀλεῖ ἄλλο δὲ οὐδέν* (Zenob. Prov. 2, 24=Schol. ad Eurip. Androm. 446=fr. 544). В каком-то месте (возможно, хотя и не обязательно, в отделе о спартанском образе жизни) Аристотель отмечал запрещение лакедемонянам выезжать за пределы своей земли. Гарпократион, у которого отразилось соответствующее место Лакедемонской Политии Аристотеля, сопоставляет по этому поводу два свидетельства: Исократ в Бусирисе отослал запрещение только к военнообязанным, не имеющим право выезжать за границу без разрешения властей, Аристотель же в Лакедемонской Политии распространял это запрещение на всех лакедемонян (Harpocr., s. v. καὶ γὰρ τὸ μηδένα τῶν μαχίμων etc.=fr. 543).

Упоминался в Лакедемонской Политии и отмеченный в Политике закон о деторождении — отец троих сыновей освобождался от несения военной службы,³³ а отец четырех сыновей был свободен от всех повинностей (II, 6, 13, 1270b, 3 sq.).³⁴

В Лакедемонской Политии, разумеется, было уделено некоторое внимание своеобразным порядкам Спарты — правам спартанца пользоваться чужими рабами, а также чужими лошадьми и собаками, а в случае нужды и продуктами на полях³⁵ в качестве дорожных припасов, о чем сказано в Политике (2, 5, 1263a, 30 sqq.).

Для опыта реконструкции Лакедемонской Политии результат сличения Афинской Политии с Политикой (см. главу 1 настоящего отдела) оказывается вполне утешительным. Факты спартанской истории и спартанского строя, зафиксированные в Политике, с полным основанием перенесены нами в Лакедемонскую Политию. Кое-что при этом было оставлено нами без внимания. Таковы некоторые сообщения Политики, касающиеся, во-первых, внешней политики Спарты, во-вторых, вопросов музыки. Спартанцы первоначально упраздняли тиранический образ правления в других государствах (V, 8, 18, 1312b, 6 sqq.), затем они стали упразднять демократию (6, 9, 1307b, 19 sqq.). Лаконцы, не учась музыке, способны отличать в ней хорошее от дурного (VIII, 4, 6, 1339a, 42 sqq.). В Лакедемонии был хорег, который сам играл на флейте для своего хора (6, 6, 1341a, 33 sq.). Аналогия с Афинской Политией, в которую не включены подобные же сообщения, касающиеся Афин, подкрепляет наши сомнения в том, что в Лакедемонской Политии Аристотель уделял большое внимание вопросам внешней политики или культурной жизни.

Приступая к самой ответственной части нашего рассуждения — выяснению на основании Политики идеологической стороны Лакедемонской Политии, обратимся еще раз к Афинской Политии. Вопрос должен быть поставлен так: отражается ли в Политике прослеженная нами в предыдущей главе композиция Афинской Политии, подчиненная идее постепенного ухудшения государственного строя Афин?

Как мы видели, в Афинской Политии Солон изображен как превосходный законодатель и устроитель государства, введший в афинскую конституцию демократические элементы. Дальнейшая история афинского государственного строя представляет собой процесс постепенной демократизации. Процесс этот не был непрерывным. В Афинской Политии учитываются ретардирующие моменты, из которых одни несли с собой, с точки зрения Аристотеля, улучшение, а другие аннулировали недостатки афинской демократии только для того, чтобы заменить их недостатками иного рода, еще худшими (олигархия).

В Политике Аристотель стоит на тех же позициях. Солон дал народу необходимую долю власти — *ἐπεὶ Σόλων γε ἔοικεν τὴν ἀναγ-*

καλοῦσάν τῃ ἀποδίδοναι τῷ δήμῳ δύναμιν (II, 9, 4, 1274a, 15 sq.). Аристотель протестует против мнения, будто Солон сделал народные суды главенствующим учреждением в Афинах и тем свел на нет значение недемократических элементов афинской государственности. Такому представлению о начале афинских демократических порядков Аристотель противопоставляет свое понимание истории афинской конституции. Афинская демократия IV в. не является детищем Солона. Не она была целью реформаторской деятельности Солона — φαίνεται δ' οὐ κατὰ τὴν Σόλωνος γενέσθαι τοῦτο προαίρεσιν (9, 3, 1274a, 11 sq.). Она развилась скорее в результате стечения обстоятельств — μᾶλλον ἀπὸ συμπτώματος (ibid.). Основные ступени в этом развитии Аристотель здесь же указывает. Во время Персидских войн Афины получили господство на море благодаря народу; последний возгордился и взял себе дурных демагогов (9, 4, 1274a, 12 sq.). Эфиальт и Перикл нанесли удар Ареопагу (9, 3, 1274a, 7 sq.). Перикл ввел денежное вознаграждение за участие в судах (ibid.), «и таким же образом каждый из демагогов повел дело дальше, расширяя демократию до нынешнего ее состояния» — καὶ τοῦτον δὲ τὸν τρόπον ἕκαστος τῶν δημαγωγῶν προήγαγεν αὔξων εἰς τὴν νῦν δημοκρατίαν (ibid.). В сжатом виде, в ее узловых моментах мы имеем здесь ту историю афинской конституции, какую дает Афинская Полития. Выше мы видели, что периоды истории Афин, представлявшие собой остановки на пути к установлению полной (в античном смысле) демократии в Афинах, не остались за пределами внимания Аристотеля в Политике. Следовательно, и здесь Аристотель не думал о непрерывном прямолинейном движении от конституции Солона к конституции IV в. Любопытно отметить еще одно высказывание Аристотеля в Политике. Демократизация государственного строя Афин была результатом борьбы демоса, руководимого дурными демагогами с противодействовавшими ему «порядочными людьми» — ἀντιπολιτευομένων τῶν ἐπιεικῶν (9, 4, 1274a, 14 sq.). Иначе говоря, носители антидемократической идеологии названы здесь тем же словом, не раз, впрочем, встречающимся в Политике, какое служит для их обозначения в Афинской Политии (26, 1 — дважды; 27, 5; 28, 1 — дважды; 36, 2).

Вывод из сказанного может быть только один. В Афинской Политии Аристотель дает в развернутом виде ту концепцию внутренней истории Афинского государства, какая сложилась у него еще в пору его работы над Политикой. Применительно к Лакедемонской Политии это значит, что попытка уловить основные черты ее идеологии, определившие собой ее композицию, сквозь преломление спартанской истории в Политике является вполне закономерной. Рассмотрению спартанской конституции посвящена особая, 6-я, по другому счету 9-я глава II книги Политики. Немало численные другие упоминания о Спарте разбросаны по разным

книгам Политики и при всей их важности представляют собой разрозненные высказывания, которыми удобно будет заняться уже после того, как будет разобрана 6-я глава II книги.

Присмотримся к той оценке, какая дается здесь спартанскому строю, и к самому характеру рассуждения Аристотеля.³⁶ «Лакедемонский и критский государственный строй, — говорит Аристотель, — можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, хороши ли они или нет, если взять в качестве критерия наилучший государственный строй; во-вторых, нет ли в них какого-либо противоречия с самой основой и характером задуманной у них конституции» — δύο εἰσὶν αἱ σέφεαι μία μὲν εἴ τι καλῶς ἢ μὴ καλῶς πρὸς τὴν ἀρίστην νενομοθέτηται τάξιν, ἑτέρα δ' εἴ τι πρὸς τὴν ὑπόθεσιν καὶ τὸν τρόπον ὑπεναντίως τῆς προκειμένης αὐτοῖς πολιτείας (II, 6, 1, 1269a, 30 sqq.).

Эти две точки зрения в дальнейшем не отделены резкой чертой одна от другой. Рассмотрение идет по разным сторонам политического и социального строя Спарты, причем Аристотель лишь изредка предупреждает читателя (слушателя), с какой из двух точек зрения делаются его замечания.

Само собой разумеется, две точки зрения, с каких Аристотель критикует спартанский строй, не являются взаимно исключающими одна другую. Ведь все то, что оказалось противоречащим основному замыслу законодателя, противоречит в то же время и идеальному государственному строю; и только отклонения от этого идеального, наилучшего строя не обязательно являются искажением первоначального замысла законодателя. Никто, впрочем, не обвинит Аристотеля в непоследовательности или в неумении выбрать *principium divisionis*. Суть его рассуждения в следующем: пороки спартанского строя двух родов — одни из них происходят от неправильных принципов, какими руководился законодатель, другие от нарушения принципов, положенных в основу конституции; точное разграничение в каждом отдельном случае его не интересует.

Еще одна особенность изложения Аристотеля в Политике: оценивая явления спартанской жизни, он берет их как нечто данное, готовое, в сущности игнорируя историческое развитие. Не раз речь идет о законодателе (*νομοθέτης*). Такое обозначение иногда вводило в заблуждение исследователей прежнего времени, считавших, что везде имеется в виду одно и то же лицо, т. е. Ликург, и без достаточного основания усматривавших в некоторых случаях противоречие между Аристотелем и другими авторами и даже между отдельными местами самой Политики Аристотеля.³⁷ Естественнее посмотреть на дело иначе. Аристотель делает критический обзор современных ему спартанских установлений в том виде, в каком они существуют, и показывает их неудовлетворительность, совершенно отвлекаясь от вопроса об их происхождении. Законодатель для него не обязательно Ликург, а создатель закона или

установления, кем бы он ни был. В этом можно убедиться путем рассмотрения тех мест, где встречается слово νομοθέτης. Законодатель подчинил известному порядку жизнь мужчин, но не сделал этого по отношению к женщинам (6, 5, 1269b, 19 sqq.). Здесь Аристотель мог думать только о Ликурге. Следующее упоминание о законодателе в том месте, где говорится, что спартанские мужчины, для которых походная жизнь послужила предварительной подготовкой, в мирное время предоставили себя в распоряжение законодателя (6, 8, 1270a, 4 sqq.). Продолжением этого служат слова о том, что с женщинами Ликурга постигла неудача, откуда и ясно, что и здесь под законодателем может разумеаться только Ликург. Следующее место требует более подробного разбора. Наш автор порицает спартанские законы, касающиеся земельной собственности. Законы, касающиеся собственности (следует понимать — земельной), в Спарте плохи, так как они привели к резкому имущественному неравенству между гражданами и страна попала в руки немногих. Аристотель говорит: τοῦτο δὲ καὶ διὰ τῶν νόμων τέτακται φαύλως· ὄνεισθαι μὲν γὰρ ἢ πωλεῖν τὴν ὑπάρχουσαν (scil. οὐσίαν, γῆν³⁸ vel aliquid simile) ἐποίησεν οὐ καλόν (scil. ὁ νομοθέτης), ὀρθῶς ποιήσας, διδόναι δὲ καὶ καταλείπειν ἔξουσίαν ἔδωκε τοῖς βουλομένοις· καίτοι ταῦτο συμβαίνειν ἀναγκαῖον ἐκείνως τε καὶ οὕτως (6, 10, 1270a, 18 sqq.). Понимание начальных слов никаких трудностей не представляет — «это и по законам установлено». Следующие слова заставляют задуматься — «ведь он сделал так, что покупать или продавать имеющуюся [собственность] нехорошо, и это он сделал правильно, а дарить и оставлять [в наследство] он позволил всякому желающему; однако же и тем и другим путем неизбежно получается одно и то же». Что следует считать здесь подлежащим? Едва ли Аристотель здесь мыслил в качестве подлежащего νόμος — закон. Против такого предположения нас должно предостеречь уже множественное число — τῶν νόμων. Существующее объяснение, что подлежащим является Ликург,³⁹ не обладает убедительной силой. Правда, имя Ликурга упомянуто выше, но оно отделено от разбираемых предложений довольно значительным количеством строк. Естественнее всего предположить, что Аристотель, упомянув о законах, продолжал думать о законодателе (νομοθέτης).⁴⁰ Был ли здесь таковым для него Ликург, Эпитадей или кто-нибудь другой, решить трудно. Отнюдь нельзя отбрасывать и такую интерпретацию: Аристотель уличает спартанское законодательство в непоследовательности — действие одних законов, направленных к сохранению имущественного равенства между гражданами, парализуется действием других, разрушающих это равенство и способствующих концентрации земельной собственности в руках немногих; кто ввел эти законы, был ли это один человек или разные люди — это для Аристотеля в данном месте не имеет значения, его интересует главным образом современ-

ное положение вещей и те законы, которые к этому положению привели.

Закон, поощряющий деторождение, также способствовал обеднению некоторых слоев населения; и здесь есть упоминание о законодателе (6, 13, 1270b, 1), причем уверенности в том, что это обязательно Ликург, быть не может (об этом см. выше). Порицает Аристотель и эфорию как государственное установление. Однако кое-что в этом установлении получает со стороны Аристотеля одобрение. Эфором может быть избран всякий. Благодаря этому народ, допускаемый к столь важной должности, ведет себя спокойно, а это — происходит ли оно благодаря законодателю или случайно — оказывается полезным для положения дел — *ἡσυχάζει γὰρ ὁ δῆμος διὰ τὸ μετέχειν τῆς μεγίστης ἀρχῆς, ὥστ' εἴτε διὰ τὸν νομοθέτην εἴτε διὰ τὴν τύχην τοῦτο συμπέπτωκεν συμφερόντως ἔχει τοῖς πράγμασιν* (6, 15, 1270b, 18 sqq.). Не может быть двух мнений в понимании слова «законодатель» в этом месте. Учредителем эфории для Аристотеля был не Ликург, а Феопомп (V, 9, 1, 1313a, 26 sq.).

Законодатель упоминается дальше там, где говорится, что он не доверял геронтам, которые не получали должного воспитания — *τὸν τρόπον δὲ τοῦτον πεπαιδευμένων, ὥστε καὶ τὸν νομοθέτην αὐτὸν ἀπιστεῖν ὡς οὐκ ἀγαθοῖς ἀνδράσιν* (II, 6, 17, 1271a, 1 sqq.). Ясного представления о том, в чем выразилось недоверие законодателя к геронтам, которые, по словам самого Аристотеля, фактически действовали бесконтрольно — *διόπερ βέλτιον αὐτοὺς μὴ ἀνευθύνους εἶναι· ὦν δ' εἰσὶν* (6, 18, 1271a, 5 sq.), текст не дает. Все же можно предполагать существование какого-то, хотя бы номинального, контроля со стороны эфоров — *δόξειε δ' ἂν ἡ τῶν ἐφόρων ἀρχὴ πάσας εὐθύνειν τὰς ἀρχάς* (1271a, 6 sqq.).⁴¹ Если так, то и здесь отпадает мысль о Ликурге, при котором эфоров, по Аристотелю, не было. Конечно, Ликург подразумевается под законодателем, установившим порядок, по которому желающие сами выдвигали свою кандидатуру в геронты (6, 19, 1271a, 13 sqq.). Не обязательно относить к Ликургу то место, где утверждается, что законодатель не доверял добрым качествам царей (6, 20, 1271a, 22 sqq.). Судя по тому, что здесь говорится о действиях и мнениях спартанцев (*ἔξεπερπον, ἐνόμιζον*), в законодателе следует видеть виновника или виновников существовавшего положения дел. Если слова Аристотеля *διόπερ ἔξεπερπον συμπροσβευτάς τοὺς ἐχθροὺς* понимать как указание на то, что вместе с царями отправлялись в поход их противники — эфоры, то уже это одно исключает возможность видеть в законодателе Ликурга. Не вызывает сомнения место об установлении сисситий: речь бесспорно идет о Ликурге, который неудачно распорядился насчет сисситий — *οὐ καλῶς δ' οὐδὲ περὶ τὰ συσσίτια . . . νενομοθέτηται τῷ καταστήσαντι πρῶτον* (6, 21, 1271a, 26 sqq.; аналогичное суждение о сисситиях — 7, 4, 1272a, 12; установление сисситий припи-

сывается «законодателю» — 2, 10, 1263b, 41 sq.). То же следует сказать и об обвинении, предъявляемом Аристотелем законодателю, который создал односторонний строй, способный выработать только одну воинскую доблесть (6, 22, 1271a, 41 sqq.). Возможно (хотя далеко и не обязательно), что и тот законодатель, чьему замыслу противоречит реальный результат его законодательных мер, — государство оказалось бедным, а частные лица — корыстолюбивыми (6, 23, 1271b, 15 sqq.),⁴² — есть тоже Ликург.

В итоге имеем: законодателем в ряде случаев назван у Аристотеля несомненно Ликург, в других — возможно Ликург, в третьих — едва ли Ликург, в четвертых — бесспорно не Ликург. Отсюда вывод: законодатель для Аристотеля — некое собирательное лицо, создавшее те спартанские установления, с которыми жила Спарта в IV в. до н. э. и разбором которых занимается в Политике Аристотель.

Аристотель считает, что граждане наилучшего государства должны обладать досугом. Это важное условие, которое он сам ставит в основание своего собственного построения наилучшего строя, в Спарте осуществлено. Однако способ этого осуществления не получает одобрения со стороны Аристотеля. В качестве примеров неудачного решения вопроса о досуге граждан указано положение дел у фессалийцев и лаконцев. Пенесты часто восстают против первых, гелоты — против вторых; они все время как бы подстерегают несчастья (подразумевается — своих порабощителей). На Крите, наоборот, ничего подобного не случается. Причина — то, что ни один из критских городов, хотя они и враждуют между собой, не становится на сторону восставшего порабощенного населения, так как все эти города властвуют над одинаковым порабощенным населением. Лаконцы же и фессалийцы (последние на первых порах) постоянно воевали с враждебными им соседями. Неудовлетворительным считает Аристотель и способ обращения с гелотами. Ведь порабощенные, если слишком распустить их, становятся слишком дерзкими и требуют себе одинаковых прав с господами; если же жизнь их полна бед, они злоумышляют и преисполнены ненависти. И, чтобы закончить свое рассуждение на эту тему, Аристотель добавляет: «Итак, ясно, что не находят лучшего способа те, у кого это происходит с гелотами» — *δηλον οὖν ὡς οὐκ ἐξευρίσκεισι τὸν βέλτιστον τρόπον, οἷς τοῦτο συμβαίνει περὶ τὴν εἰλωτίας* (6, 4, 1269b, 11 sq.). Затем Аристотель переходит к образу жизни спартанских женщин, не подчиняющихся никаким правилам поведения, что вызывает со стороны Аристотеля осуждение как с точки зрения замысла, лежащего в основе государственного строя Спарты, так и с точки зрения благоденствия государства — *ἔτι δ' ἡ περὶ γυναικας ἀνεσις καὶ πρὸς τὴν προαίρεσιν τῆς πολιτείας βλαβερὰ καὶ πρὸς εὐδαιμονίαν πόλεως* (6, 5, 1269b, 12 sqq.). Женщины составляют половину государства,

а потому следует считать, что половина населения Спартанского государства живет без законов. Законодатель, намереваясь сделать способным к перенесению тягот все государство, преуспел только относительно мужчин, но не проявил должной заботливости относительно женщин. Здесь, следовательно, подчеркивается непоследовательность самого законодателя — проведенные им меры не обеспечивали полной реализации его замыслов.⁴³

Законодатель заставил граждан самих делать взносы на общую трапезу. Из-за этого бедняки, неспособные делать взносы, выбывали из числа граждан (так можно понять Аристотеля). Так мера, которая по замыслу законодателя должна была быть демократической, в действительности стала отнюдь не демократической — *ὄστε συμβαίνει τοῦναντίον τῷ νομοθέτῃ τῆς προαιρέσεως* (6, 21, 1271a, 31 sqq.). Говоря о том, что казна в Спарте пуста, Аристотель заканчивает так: «У законодателя получилось то, что противоположно полезному — государству он сделал безденежным, а частных лиц корыстолюбивыми» — *ἀποβέβηκέ τε τοῦναντίον τῷ νομοθέτῃ τοῦ συμφέροντος· τὴν μὲν πόλιν πεποίηκεν ἀχρήματον, τοὺς δ' ἰδιώτας φιλοχρημάτους* (6, 23, 1271b, 15 sqq.).

Приведенные места убеждают нас в том, что Аристотель в своей критике спартанского строя думает о спартанских порядках своего времени, которые являются результатом законодательной деятельности «законодателя», т. е. ряда живших в разное время лиц, внесших свою долю в социальную и политическую структуру Спартанского государства.

Обзор дефектов спартанского строя (положительные стороны последнего затрагиваются лишь попутно, по связи с отрицательными) не является критикой Спарты времен Ликурга в собственном смысле и еще меньше историческим рассмотрением вопроса. Ни то, ни другое не входило в намерения автора Политики. Старинные законы и установления он рассматривает с точки зрения тех реальных последствий, какие получились из них в дальнейшем. Самые законы и установления интересовали его лишь как исходные точки тех порядков, какие наблюдались в IV в.

Несмотря на все это, материал, приведенный в Политике, может оправдать попытку построения взглядов Аристотеля как на Ликурга и его конституции, так и на эволюцию спартанской конституции после Ликурга. Эти взгляды, согласно сделанному нами выше заключению, должны были отразиться в Лакедемонской Политии Аристотеля.

В этом месте необходимо сделать оговорку. Момент прямой оценки, определяющей собой все изложение интересующей нас главы II книги Политики, мог не играть такой роли в Лакедемонской Политии. Афинская Полития показывает, что Аристотель, не избегая прямых оценок политического строя, образа действий правительства, деятельности отдельных исторических лиц, все же

прибегал к ним не очень часто. Момент оценки очень заметен на протяжении всей Афинской Политии, но оценка лишь отчасти имеет вид прямого высказывания, чаще же она дана всей композицией Афинской Политии и характером изложения отдельных ее частей.

Поэтому, пытаясь сквозь текст Политики различить очертания той или иной части Лакедемонской Политии, мы не вправе переносить в последнюю все многочисленные прямо выраженные по адресу тех или иных сторон спартанской государственной жизни порицания, невыгодные для Спарты сравнения с Критом, прямые советы спартанскому законодателю (как в том или ином случае ему следовало бы поступить). За вычетом перечисленного остаются факты спартанской истории, освещение их и общая концепция истории государственного строя Спарты. О фактах речь была выше, представление о содержании (в смысле фактических сообщений) Лакедемонской Политии мы получили в значительной степени на основании Политики. Освещение фактов внутренней истории Спарты и общую ее концепцию нельзя надеяться извлечь из Политики таким простым и непосредственным путем. Довольно богатый материал Политики, поданный в ней не в том виде, в каком он мог фигурировать в Лакедемонской Политии, должен быть при помощи рассуждений и данных, имеющихся в других источниках, переосмыслен в направлении пригодности его для целей Лакедемонской Политии.

У нас нет никаких данных для суждения об освещении Аристотелем ранней истории Спарты, т. е. истории Спарты доликурговских времен. Скучные фактические данные, отмеченные выше, в этом отношении никакой помощи нам не оказывают.

Начнем, поэтому, с вопроса о Ликурге, где у нас под ногами прочная почва. Ликург признается создателем не только законов, но и государственного строя — *... Λοκωόργος καὶ Σόλων οὗτοι γὰρ καὶ νόμους καὶ πολιτείας κατέστησαν* (9, 1, 1273b, 33 sq.). О Ликурге у Гераклида сказано: «Найдя на родине много беззакония и Харилла, правившего тиранически, отстранил его» — *καταλαβὼν δὲ πολλὴν ἀνομίαν ἐν τῇ πατρίδι καὶ τὸν Χάριλλον τυραννικῶς ἄρχοντα, μετέστησε* (fr. 611₁₀). Таким образом, подобно Солону, который положил конец беззаконному олигархическому правлению, Ликург упразднил беззаконие и положил конец тираническому правлению. Благодетельным было и выходящее за пределы собственно спартанской истории установление экехейрии, священного мира. О третьей мере, приписываемой в эскизах Ликургу, — введение криптии — сообщается как о факте, без прямой или косвенной оценки, притом не категорически; о ней только «говорят» как об установлении Ликурга. Сообщая о культе Ликурга в Спарте, Аристотель, по словам Плутарха, высказывал мнение, что почести, воздававшиеся Ликургу, были меньше тех, каких он заслуживал (Лус. 31 = fr. 534). Здесь не

только высокая оценка личности Ликурга, но и не менее высокая оценка его деятельности. Наши подозрения, что далеко не все стрелы в полемической главе Политики предназначены для Ликурга, получают косвенное подкрепление от этого высказывания Аристотеля.

В Афинской Политии внутренняя история Афин рассматривается главным образом под углом зрения эволюции от конституции Солона до конституции IV в., причем Солону и его деятельности отводится большое место. В Лакедемонской Политии аналогичной была роль Ликурга. Так заставляют думать не только обилие и характер данных о Ликурге в исторической традиции вообще и, в частности, во фрагментах Лакедемонской Политии, эскизах из нее, в Политике, но и общее для всей античности сложившееся задолго до Аристотеля убеждение, что создателем спартанского строя был Ликург.

Дефекты спартанского строя IV в. корепятся, согласно взглядам Аристотеля, высказанным в Политике, в недостатках спартанских законов. Ответственность за последние в конечном счете падает на законодателя, следовательно, отчасти и на Ликурга.

Как примирить с этим ту высокую оценку, которая дается Аристотелем Ликургу? Аристотель, как известно, высоко ставит Солона и его конституцию, но и она не совпадает с политическими идеалами Аристотеля, не говоря уже о том, что непредвиденными ее последствиями оказываются несимпатичные автору Политий порядки IV в. Отношение Аристотеля к Ликургу вполне аналогично его отношению к Солону.

Но есть и более существенное обстоятельство. Аристотель нигде не говорит, что нежелательные результаты недосмотров Ликурга сказались сразу, при нем или хотя бы спустя короткое время после него. Оставим в стороне враждебное отношение гелотов к своим господам — спартам (II, 6, 2, 1269a, 36 sqq.), в котором Ликург вовсе не повинен. Оно является результатом особых обстоятельств спартанской истории и существовало как до Ликурга, так и при нем и после него. К тому же создание досуга гражданам, на которых работали гелоты, Аристотель считает фактом положительным. Остановимся на тех теневых сторонах спартанской жизни, которые имеют более близкое отношение к Ликургу. Неудача попытки Ликурга регламентировать жизнь женщин имела очень печальные последствия для Спарты. В этом пункте своих рассуждений Аристотель дает нам два хронологических указания. Во время преобладания Спарты многое управлялось женщинами — πολλὰ διώκειτο ὑπὸ τῶν γυναικῶν ἐπὶ τῆς ἀρχῆς αὐτῶν (6, 7, 1269b, 31 sq.). Последние слова указывают на время спартанской гегемонии, т. е. на период 404—371 гг.⁴⁴ Второе хронологическое указание: спартанские женщины при вторжении фиванцев (т. е. после битвы при Мантинее) не только

не принесли государству никакой пользы, как это бывает и в других государствах, но даже производили большее смятение, нежели неприятели — ἐδήλωσαν δ' ἐπὶ τῆς θηβαίων ἐμβολῆς· χρήσιμοι μὲν γὰρ οὐδὲν ἦσαν ὥσπερ ἐν ἑτέροις πόλεσιν, θόρυβον δὲ παρείχον πλείω τῶν πολέμιων (1269b, 37 sqq.). Таким образом, одна хронологическая грань — установление спартанской гегемонии в конце V в. до н. э., другая — конец этой гегемонии в 362 г. То и другое очень далеко от времени Ликурга. Своеволие спартанских женщин и их нежелание подчиниться общегосударственной дисциплине, как и готовность мужчин подчиниться дисциплине, получают в Политике и, возможно, получали в Лакедемонской Политии свое объяснение. Длительные войны с соседями дали мужчинам определенную подготовку, тогда как женщины, оставаясь дома, привыкли чувствовать себя свободными. Для целей Политики такое объяснение не могло быть признано оправданием: оглядка на идеальный строй приводила к выводу, что спартанские порядки плохи, а возможность отнестись к ним со снисхождением (ввиду их понятности) не имеет значения — ἀλλ' ἡμεῖς οὐ τοῦτο σκοποῦμεν, τίτι δεῖ συγγνώμην ἔχειν ἢ μὴ ἔχειν, ἀλλὰ περὶ τοῦ ὀρθῶς καὶ μὴ ὀρθῶς (6, 9, 1270a, 9 sqq.). Вердикт в такой категорической форме едва ли мог найти себе место в Лакедемонской Политии.

Ненормальное положение с землевладением ввиду нерационального законодательства (даже если бы Аристотель думал при этом о Ликурге, что, как мы убедились, сомнительно) могло появиться лишь в сравнительно близкое к Аристотелю время. Недаром, говоря о переходе двух пятых спартанской земли в руки женщин, он употребляет настоящее время — ἐστί (6, 11, 1270a, 23). Правда, указывая на уменьшение числа спартиатов, которых стало меньше тысячи, Аристотель пользуется прошедшим временем — οὐδὲ χίλιοι τὸ πλῆθος ἦσαν (1270a, 30 sq.). Однако и здесь имеется в виду не какая-нибудь давняя эпоха, а время борьбы Спарты с Фивами Эпаминонда.⁴⁵ В этом убеждают нас слова Аристотеля: спартанское государство не выдержало и одного удара, но погибло из-за малолюдства (6, 12, 1270a, 35 sq.).

Закон, поощрявший деторождение и приведший к пауперизации большого количества граждан (6, 13, 1260b, 1 sqq.), не мог появиться в ранние времена (об этом см. выше). Во всяком случае и здесь речь идет о непредвиденных последствиях закона, которые могли обнаружиться лишь на протяжении веков.

Учреждение должности эфоров Аристотель не связывал с Ликургом. Установление эфории было знаменательной вехой в истории государственного строя Спарты. Сами цари вынуждены были привлекать на свою сторону эфоров демагогическими средствами — δημαγωγεῖν αὐτούς (6, 14, 1270b, 14 sq.). Спартанский государственный строй потерпел при этом ущерб: из аристократии получалась

демократия — δημοκρατία ἐξ ἀριστοκρατίας συνέβαινεν (1270b, 16 sq.). Здесь прямое указание на изменение государственного строя, притом, по учению Аристотеля, от лучшего к худшему. Ведь аристократию Аристотель рассматривал как одну из правильных политических форм, а демократию — как одну из извращенных. Imperfectum συνέβαινεν не позволяет, однако, видеть в словах Аристотеля намек на государственный переворот (μεταβολή) в собственном смысле. Естественнее всего будет понять слова Аристотеля таким образом, что спартанский строй после введения в него института эфории приобретает черты демократии. Вместе с тем Аристотель приравнивает власть эфоров к власти тиранической, называя их ἰσοτύρανοι. Однако новый институт принес с собой и нечто положительное: благодаря эфории государственный строй Спарты стал более устойчивым, так как теперь его сохранения желали и цари, которым были обеспечены их почести, и порядочные люди благодаря существованию герусии, и народ благодаря эфорам, должность которых была доступна для любого гражданина. Разумеется, все отзывы Аристотеля о подкупности эфоров и об образе их жизни не имеют отношения ко временам Феопомпа. Царь Феопомп мог, в глазах Аристотеля, нести ответственность только за узаконение неудовлетворительного способа избрания эфоров.

За такой же способ избрания геронтов, не обеспечивавший пополнения герусии достойными людьми, и за слишком высокий возрастной ценз для кандидатов в геронты мог быть ответственным сам Ликург. Однако, говоря о подкупности и других пороках геронтов (6, 17, 1270b, 35 sqq.), Аристотель думал, конечно, не о временах Ликурга. Недоверие к царской власти, стремление поддерживать разнь между царями (6, 20, 1271a, 22 sqq.) было известно Аристотелю на основании истории Спарты V—IV вв.

Более или менее значительное исключение из числа граждан тех, кто не был в состоянии делать свой взнос на общий стол (6, 21, 1271a, 35 sqq.), конечно, явление сравнительно позднего времени, когда имущественное неравенство среди граждан зашло достаточно далеко.

Соперниками царей навархи могли стать не ранее второй половины V в. (Пелопоннесская война); во всяком случае о более или менее значительной роли навархов мы слышим не ранее первой половины V в. (Эврибиад).

Очень существенно для нашей цели одно замечание Аристотеля: «Против замысла законодателя можно выдвинуть следующее обвинение, которое выдвигает и Платон в своих „Законах“: вся совокупность законов имеет в виду одну часть доблести — доблесть воинскую; она ведь полезна для достижения господства. Поэтому они спасались, когда воевали, и гибли, достигнув власти, вследствие того, что не умели ни жить во время мира, ни заниматься чем-нибудь другим, более важным, чем

военное дело» — καὶ ὡδὶ δὲ τῇ ὑποθέσει τοῦ νομοθέτου ἐπιτιμήσειεν ἂν τις, ὅπερ καὶ Πλάτων ἐν τοῖς νόμοις ἐπιτετίμηκεν· πρὸς γὰρ μέρος ἀρετῆς ἢ πᾶσα σύνταξις τῶν νόμων ἐστί, τὴν πολερικὴν. αὕτη γὰρ χρησίμη πρὸς τὸ κρατεῖν. τοιγαροῦν ἐσφίζοντο μὲν πολεροῦντες, ἀπώλλοντο δὲ ἄρξαντες διὰ τὸ μὴ ἐπίστασθαι σχολάζειν μηδὲ ἡσυχῆναι μηδεμίαν ἀσκησιν ἐτέραν κυριωτέραν τῆς πολερικῆς (6, 22, 1271a, 41 sqq.). Здесь Аристотель открывает свою общую точку зрения не только на законодательство Ликурга или на уклад спартанской жизни в IV в., но и на всю историю Спарты. Последняя была по существу военным лагерем, а ее граждане — воинами. С малых лет их приучали к исполнению главного их назначения в жизни — воевать. До конца своей жизни спартаец оставался воином. Недаром Исократ вкладывает в уста спартанского царя Архидама III слова: τὴν πολιτείαν ὁμοίαν κατεστησάμεθα στρατοπέδῳ καλῶς διοικουμένῳ καὶ πειθαρχεῖν ἐθέλοντι τοῖς ἄρχουσι (VI, 81). История Спартанского государства до 404 г. была заполнена войнами. В этот период времени спартанский строй, вырабатывавший у своих граждан воинскую доблесть, вполне оправдывал себя. Спарта спасалась тем, что воевала и тем самым добывала своему отечеству главенство над Грецией. С концом Пелопоннеской войны Афины как соперник Спарты сходят с политической арены. Спарта становится гегемоном Греции. Наступают новые времена, когда перед спартацем возникает задача показать себя не только как воина, победителя, покорителя, но и как гражданина, правителя, организатора. Спартацы оказались не на высоте положения и начали гибнуть.

В других выражениях то же высказывает Исократ в своей речи «О мире» (95), когда он говорит, что люди, привыкшие восхвалять доблести спартацев, не могут утверждать, что спартанская гегемония принесла бы счастье другим грекам и самим спартацам — εἰ δὲ Λακεδαιμόνιοι ταύτην τὴν δύναμιν παρέλαβον, εὐδαίμονας ἂν καὶ τοὺς ἄλλους καὶ σφᾶς αὐτοὺς ἐποίησαν. Мысль о том, что начало спартанской гегемонии было началом порчи спартанского строя, высказал и Плутарх, по-видимому со слов Филарха⁴⁶ — ἀρχὴν μὲν οὖν διαφθορᾶς καὶ τοῦ νοσεῖν ἔσχε τὰ πράγματα τῶν Λακεδαιμονίων σχεδὸν ἀφ' οὗ τὴν Ἀθηναίων καταλύσαντες ἡγεμονίαν χρυσοῦ τε καὶ ἀργυρίου κατέπλησαν ἑαυτοῦς (Agis 5).

Гранью, таким образом, является конец V — начало IV в., когда Спарта из воюющей и побеждающей державы стала победившей и господствующей. С этой гранью мы уже встречались. Отныне ликурговский строй, бывший ранее источником силы для Спартанского государства, стал для него источником слабости. Последний пункт, затронутый в критическом обзоре Аристотеля, — отсутствие денег в спартанской казне (II, 6, 23, 1271b, 10 sqq.) — трудно связать с Ликургом, во времена которого денежное обложение не могло существовать.

Пора поставить вопрос об общем ходе внутренней истории Спарты, как он был представлен в Лакедемонской Политике. При этом будем помнить, что разбираемая глава II книги Политики дает нам основание лишь для частичных выводов, нуждающихся в расширении и подкреплении данными, разбросанными в других частях Политики.

Водворение дорян в долине Эвроты, т. е. основание Спартанского государства, совершилось под предводительством царей. Отсюда — царская власть в новом государстве. Спартанские цари получили свою власть как покорители страны — ... ἐτόχων τῆς τιμῆς ταύτης ... ἢ κτίσαντες ἢ κτησάμενοι χώραν, ὡσπερ οἱ Λακεδαιμονίων βασιλεῖς (V, 8, 5, 1310b, 34 sqq.).

Ранние потрясения Спартанского государства были несомненно отмечены Аристотелем. В Политике находим исторические примеры, взятые из ранней истории Спарты. В самых общих линиях мы можем догадываться о том, как представлял себе Аристотель связь между событиями. Предположения о деталях вполне возможны на основании показаний других источников. Однако никаких гарантий правильности наших построений мы при этом не получим. Поэтому лучше ограничиться простым приведением мест Политики, содержащих соответствующие примеры, и констатированием того, что дает сам Аристотель. Парфении, происходившие от равных, злоумышляли против спартанского строя. Они были уличены и высланы с тем, чтобы стать основателями Тарента⁴⁷ — οἷον ἐν Λακεδαίμονι οἱ λεγόμενοι Παρθενίαι (ἐκ τῶν ὁμοίων γὰρ ἦσαν), οὓς φωράσαντες ἐπιβουλεύσαντας ἀπέστειλαν Τάραντος οἰκιστὰς (6, 1, 1306b, 29 sqq.). Около времени Мессенской войны имущественное расслоение привело, как видно из стихотворения Тиртея «Благозаконие», к распрям, причем был выдвинут лозунг передела земли (1306b, 36 sqq.). Оба эти сообщения находятся среди примеров, доказывающих, что бывают раздоры и при аристократическом правлении.

События эти произошли после Ликурга, благодаря которому Спарта получила аристократическое устройство, о чем яснее чем где бы то ни было сказано в одном месте Политики: «Но тирания ... сменяется ... и аристократией, например тирания Харилая в Лакедемон» — ἀλλὰ μεταβάλλει ... τυραννίς ... καὶ εἰς ἀριστοκρατίαν ὡσπερ ἡ Χαριλάου ἐν Λακεδαίμονι (10, 3, 1316a, 29 sq.). Здесь употреблен глагол μεταβάλλει, соответствующий существительному μεταβολή, каким обозначены государственные перевороты в 41-й главе Афинской Политики, где дается резюме истории государственного строя Афин.

Аристотель приводит в Политике два чужих мнения о сущности спартанского строя. Некоторые считают его смешанным и усматривают в нем элементы монархический — в лице царей, олигархический — в лице геронтов, демократический — в лице эфоров; другие видели в эфории тиранию, а в сисситиях и в спар-

танском образе жизни вообще нечто демократическое (II, 3, 10, 1265b, 35 sqq.). То, что говорит по поводу Спартанского государства Платон, не совпадает с этими определениями, но в некотором смысле резюмирует их. Спартанец Мегилл в «Законах» (IV, 712DE) недоумевает, как следует назвать лакедемонское устройство: иногда из-за тиранической власти эфоров государственный строй кажется ему тиранией; в другой раз он очень напоминает самый демократический строй; однако не называть его аристократическим было бы совсем нелепым; наконец, в Спарте имеется полноценная царская власть, и притом, по общему признанию, самая старинная.

Аристотель здесь своего мнения не высказывает, хотя, как мы видели, он в других местах признает эфорию элементом демократическим, приравнивает власть эфоров к власти тиранической, а введение сисситий считает мерой, хотя и демократической по замыслу, но не достигающей своей цели. Вообще же, по его учению, в аристократии смешаны элементы демократические и олигархические (V, 6, 3, 1307a, 9). В другом месте он протестует против односторонних толкований спартанской конституции либо как демократической, либо как олигархической; сторонники первого толкования выдвигают демократические элементы спартанского строя, забывая об олигархических, сторонники второго толкования опираются на олигархические черты, закрывая глаза на демократические (IV, 7, 4, 1294b, 18 sqq.).

Вопрос в том, вдавался ли в такие тонкости Аристотель в Лакедемонской Политии? Единственный способ получить ответ на этот вопрос — обратиться к трактовке конституции Солона в Политике и в Афинской Политии. Некоторые, как отмечается в Политике, приписывали конституции Солона смешанный характер: по их мнению, Ареопаг был учреждением олигархическим, выборность должностных лиц — принципом аристократическим, народные суды — элементом демократическим (II, 9, 2, 1273b, 39 sqq.). По существу Аристотель не анализирует это понимание солоновского строя ни в Политике, ни в Афинской Политии. В последней мы вообще не найдем полного анализа конституции Солона как смешанной; выделяются лишь наиболее демократические ее элементы (9). Едва ли такому разбору с государственно-правовой точки зрения подвергался в Лакедемонской Политии спартанский строй времен Ликурга или самого Аристотеля. По-видимому, Аристотель, назвав один-два раза спартанский строй аристократическим, в дальнейшем ограничивался показом отклонений от более или менее строгой аристократии Ликурга.

Одним из таких отклонений была реформа Феопомпа — установление эфории (V, 9, 1, 1313a, 25 sqq.).

Отмечались в Лакедемонской Политии, как подсказывает нам Политика, неудавшиеся попытки изменения государственного строя: попытка Павсания, командовавшего спартамцами во время

Персидской войны, возвысившегося благодаря этому и стремившегося к захвату всей власти над государством, чтобы стать еще более могущественным; Лисандра, занимавшего самое видное положение в государстве и обижаемого царями; Кинадона, составившего заговор против спартиатов при Агесилае, так как, хотя он и был мужественным, он не получал никаких почестей (6, 2, 1306b, 31 sqq.). Из какого-то источника Аристотель узнал, что Лисандр намеревался упразднить царскую власть (1, 5, 1301b, 19 sq.). Что же касается Павсания, то нельзя с полной уверенностью сказать, какому из носителей этого имени приписывал источник Аристотеля стремление упразднить эфорию (ibid.). За тождество с Павсанием времен Персидских войн говорит сходство честолюбивых замыслов. Против — то обстоятельство, что Павсаний в этом месте назван царем — καὶ Παυσανίαν τὸν βασιλέα (1301b, 20 sq.), каковой титул дается ему еще в одном месте, где сказано, что спартанцы ставят в вину своему царю Павсанию его планы стать властителем государства — ὅπερ ἐγκαλοῦσιν οἱ Λάκωνες Παυσανίᾳ τῷ βασιλεῖ (VII, 13, 1333b, 34). Если правы те, кто отказывается видеть в этом царе Павсания⁴ — победителя при Платеях, который, как известно, был не царем, а только опекуном малолетнего царя Плистарха, то окажется, что это — другой Павсаний, действительно царь конца V в., враждовавший с Лисандром и вынужденный уйти в изгнание.⁴⁸

Конечно, неудавшиеся попытки переворотов не являлись гранями в развитии спартанского строя. Такими гранями были реформа Ликурга, реформа Феомоха, установление спартанской гегемонии после Пелопоннесской войны, разгром Спарты фиванцами.

Для оценки этих изменений важно следующее место Политики: лакедемоняне упразднили очень много тираний. . . в течение того времени, когда сами они управлялись хорошо — Λακεδαιμόνιοι πλείστας κατέλυσαν τυραννίδας . . . κατὰ τὸν χρόνον ὃν ἐπολιτεύοντο καλῶς (V, 8, 1312b, 7 sqq.). Перед этим сказано, что царская власть и аристократия по существу противоположны тирании. Известно, что Спарта способствовала изгнанию Писистратидов в 510 г. Следовательно, Аристотель считает, что спартанцы во всяком случае до конца VI в. управлялись хорошо; существование должности эфоров, если и повлекло за собой некоторое ухудшение, все же не было решительным переломом во внутренней истории Спарты. Свидетельство об изгнании спартанцами тиранов имеется и у Фукидида: афинские тираны и тираны из прочей Греции были по большей части низвергнуты лакедемонянами (I, 18, 1); вскоре после этого произошла битва при Марафоне (ibid.). Фукидид, таким образом, считает, что изгнание тиранов (если оставить в стороне тиранов сицилийских) относится к VI в. К тому же сводятся и показания Плутарха, в которых, однако, кое-что остается неясным. В своем сочинении «О злокозненности

Геродота» (24) он перечисляет тиранов, изгнанных спартамцами. Ими были изгнаны Кипселиды из Коринфа и Амбракии, Лигдамид из Наксоса, Эсхин из Сициона, Симмах из Фасоса, Авлий из Фокеи, Аристоклен из Милета. Нам известны следующие даты: Кипселиды были свергнуты предположительно в 583 г., Лигдамид — в 526 г., Аристоклен — в конце VI или в начале V в. Прочие из названных у Плутарха тиранов не датируются за отсутствием данных.⁴⁹ Если к известным нам датам добавить еще 524 г., к которому относится поход лакедемонян против Поликрата, подавший Плутарху повод для полемики с Геродотом (III, 47), то получим четыре примера из VI в. или самого начала V в. и три без датировки. Примем при этом во внимание одно обстоятельство: в намерения Плутарха входило показать, что Геродот умышленно закрывал глаза на известные ему исторические факты, а это само по себе ограничивало выбор фактов VI и V вв. Как видим, рассмотренное место Политики Аристотеля, содержащее в себе прямую и неприкрытую оценку двух периодов внутренней истории Спарты (период хорошего управления и период дурного управления), дает нам даже при поддержке со стороны других авторов только *terminus post quem*. Однако нам известно, что в IV в. политика Спарты по отношению к тиранам изменилась. Исократ в своей речи «О мире» (99) говорит о спартамцах, что они после установления гегемонии упразднили республиканское правление в Италии и в Сицилии и установили там тиранию — *ἀνῆρουσιν δὲ τὰς ἐν Ἰταλίᾳ καὶ Σικελίᾳ πολιτείας καὶ τυράννους καθίστασαν*.⁵⁰ Он же в «Панегирике» (125) укоряет спартамцев своего времени в том, что они, прежде изгонявшие тиранов и помогавшие народной массе, теперь настолько изменились, что воюют с государствами, имеющими республиканское устройство (Мантинея, Фивы, Олинф, Флиунт), и помогают монархиям (македонскому царю Аминте, сицилийскому тирану Дионисию и «варвару, властвующему над Азией»).

Считал ли Аристотель Спарту IV в. аристократией? Не следует отождествлять этот вопрос с другим: называл ли он прямо Спарту своего времени аристократией? В Лакедемонской Политии государственный строй Спарты IV в. мог быть никак не обозначенным. Однако мнение Аристотеля об этом строе обусловило собой самый характер изложения соответствующей части Лакедемонской Политии. Как мы видели, спартамцы, по Аристотелю, не всегда хорошо управлялись. Слабость Спарты обнаружилась в IV в. Однако еще в начале этого века она была для Аристотеля государством аристократическим.

В ряду исторических примеров раздоров при аристократии, в котором находятся взятые нами выше два примера (парфений и раздоры во время Мессенской войны), имеются и события гораздо более позднего времени, связанные с именами Павсания, Лисандра, Кинадона (397 г. — V, 6, 1, 1306b, 17 sq.). Остается,

однако, открытым вопрос — считал ли Аристотель Спарту своего времени аристократией? Возражая Платону, который называет построенное им самим в «Законах» государство «наилучшим после первого», т. е. самого лучшего государства, Аристотель говорит, что скорее похвалу заслужил бы государственный строй Спарты или какой-нибудь другой, более аристократический — *τάχα γὰρ τὴν τῶν Λακῶνων ἂν τις ἐπαινέσειε μᾶλλον, ἢ καὶ ἄλλην τινὰ ἀριστοκρατικότεραν* (II, 3, 9, 1265b, 32 sqq.). Будем ли мы понимать последнее слово в том смысле, что имеется в виду строй более аристократический, нежели спартанский (толкование более вероятное), или более аристократический, нежели предложенный Платоном, — в обоих случаях Спарта окажется государством аристократическим. В ряде государств узаконено пользование чужой собственностью. Об этих государствах Аристотель говорит, что они хорошо управляются — *ἐν ταῖς καλῶς οἰκουμέναις* (2, 5, 1263a, 32). В обоих случаях могла иметься в виду главным образом Спарта старого времени — ведь аристократический строй был введен Ликургом, а право пользоваться чужой собственностью восходило к глубокой древности. Однако любопытно, что Аристотель нигде не называет Спарту олигархией, хотя некоторые черты спартанской жизни в IV в. (концентрация земли в руках немногих, коррупция должностных лиц) оправдывали бы такое название. По-видимому, Спарта продолжала быть в глазах Аристотеля аристократией (ср. и похвалы Спарте — 8, 1, 1272b, 24 sqq.; 8, 9, 1273b, 24 sqq.), хотя и не самым лучшим видом последней. Вся эволюция спартанской жизни происходила в границах аристократического строя, хотя и сводилась к усилению олигархических черт. Спартанский строй, по словам Аристотеля, обращен к доблести и к народу и благодаря этому является аристократическим, точно так же как карфагенский, обращенный к богатству, доблести и народу, — *ὅπου οὖν ἡ πολιτεία βλέπει εἰς τε πλοῦτον καὶ ἀρετὴν καὶ δῆμον, οἷον ἐν Καρχηδόνι, αὕτη ἀριστοκρατικὴ ἐστίν, καὶ ἐν αἷς εἰς τὰ δύο μόνον, οἷον ἡ Λακεδαιμονίων, εἰς τε ἀρετὴν καὶ δῆμον, καὶ ἔστι μίξις τῶν δύο τούτων, δημοκρατίας τε καὶ ἀρετῆς* (IV, 5, 11, 1293b, 14 sqq.). Такое отношение к Спарте понятно на фоне общего взгляда Аристотеля на аристократию как на близкую к олигархии форму правления, допускающую накопления имущества знатью — *ἔτι δὲ διὰ τὸ πάσας τὰς ἀριστοκρατικὰς πολιτείας ὀλιγαρχικὰς εἶναι μᾶλλον πλεονεκτοῦσιν οἱ γινώριμοι, οἷον καὶ ἐν Λακεδαίμονι εἰς ὀλίγους αἱ οὐσαὶ ἔρχονται* (V, 6, 7, 1307a, 34 sqq.). Понятно оно и потому, что в спартанском строе сохранились в неприкосновенности характерные черты аристократии — выборность должностных лиц, отсутствие денежного вознаграждения им. Здесь уместно вспомнить, что Исократ, видевший в спартанском строе смешение аристократии и демократии (Panath. 153), один раз также говорит, что спартанцы и карфагеняне управляются у себя дома олигархически, а на войне монархически, не отказывая им, однако, в праве

считаться превосходно управляемыми — ἔτι δὲ Καρχηδονίους καὶ Λακεδαιμονίους, τοὺς ἄριστα τῶν ἄλλων πολιτευομένους, οἵκοι μὲν ὀλιγαρχομένους, παρὰ δὲ τὸν πόλεμον βασιλευομένους (Nicoel. 24).

Решающее значение для ответа на вопрос о той границе, которая отделяет Спарту процветающую от Спарты, находящейся в упадке, имеют два места в Политике. В одном из них сказано, что в том государстве, где законы объединены одним принципом, они все направлены на господство, например, в Лакедемоне и на Крите воспитание и совокупность законов почти целиком рассчитаны на войны — εἰ πού τι πρὸς ἓν οἱ νόμοι βλέπουσι, τοῦ κρατεῖν στοχάζονται πάντες, ὥσπερ ἐν Λακεδαίμονι καὶ Κρήτῃ πρὸς τοὺς πολέμους συντέτακται σχεδὸν ἢ τε παιδεία καὶ τὸ τῶν νόμων πλῆθος (VII, 2, 5, 1324b, 6 sqq.). Это следует понимать так, что Спарта издревле является чисто военным государством, которое воспитывает своего гражданина как солдата и затем пользуется им главным образом как солдатом. Так было в прежнее время, так обстоит это и сейчас, т. е. в IV в.

Ближе подойти к нашей цели помогает второе место. Аристотель высказывает мнение, что те из эллинов, которые кажутся (считаются) имеющими наилучшее устройство, и законодатели, создавшие это устройство, установили свои государственные порядки в расчете отнюдь не на лучшие цели, а равным образом и законы и воспитание — не в расчете на развитие всех доблестей — οὕτε πρὸς τὸ βέλτιστον τέλος φαίνονται συντάξαντες τὰ περὶ τὰς πολιτείας, οὕτε πρὸς πάσας τὰς ἀρετὰς τοὺς νόμους καὶ τὴν παιδείαν (ibid.).

Они неуклюже отклонились в сторону тех доблестей, которые кажутся полезными и более выгодными — ἀλλὰ φορτικῶς ἀπέκλιαν πρὸς τὰς χρήσιμους εἶναι δοκούσας καὶ πλεονεκτικωτέρας (13, 10, 1333b, 3 sqq.). Ряд писателей, по словам Аристотеля, выражает свое восхищение перед целью, которую поставил себе спартанский законодатель, имевший в виду во всех своих законах господство над другими государствами и войну — ὅτι πάντα πρὸς τὸ κρατεῖν καὶ πρὸς πόλεμον ἐνομοθέτησεν (ibid.).

Аристотель доказывает несостоятельность такого мнения тем, что теперь вместе с падением спартанского господства над Грецией отпадает и основание считать спартанцев счастливыми, а их законодателя хорошим; ведь смехотворно то, что, оставаясь верными его законам, причем ничто и не мешало им соблюдать эти законы, они утратили свою прекрасную жизнь — καίτοι δῆλον ὡς ἐπειδὴ νῦν γε οὐκέτι ὑπάρχει τοῖς Λάκωσι τὸ ἄρχειν, οὐκ εὐδαίμονες, οὐδ' ὁ νομοθέτης ἀγαθός. ἔστι δὲ τοῦτο γελοῖον, εἰ μένοντες ἐν τοῖς νόμοις αὐτοῦ, καὶ μηδενὸς ἐμποδίζοντος πρὸς τῷ χρῆσθαι νόμοις, ἀποβέβληχασι τὸ ζῆν καλῶς (13, 12, 1333b, 21 sqq.). Дальше идут рассуждения о том, что внушать гражданам стремление к господству над другими вредно; ведь может появиться человек, обладающий достаточным могуществом, который предпримет попытку захватить власть над своими согражданами, что спар-

танцы и ставят в вину своему царю Павсанию. Военными упражнениями, развивает свою мысль Аристотель, заниматься следует, по вовсе не для того, чтобы поработать тех, кто этого не заслуживает, а совсем с иной целью: во-первых, чтобы самим не быть в порабощении у других; во-вторых, чтобы стремиться к главенству для пользы подвластных; в-третьих, чтобы господствовать над теми, кто заслуживает рабской доли.

Для нашей цели мы можем все это представить в следующем виде. Спартанский законодатель, под которым разумеется Ликург, дал всей спартанской жизни одностороннее направление, приучая граждан только к военным занятиям, нужным для побед над другими и порабощения побежденных. В пору господства Спарты над Грецией дефекты, внутренне присущие спартанскому строю, не бросались в глаза, не давали себя знать в такой степени, чтобы вредить репутации Спарты как хорошо управляющегося государства. Ход истории привел, однако, к тому, что спартанцы лишились своего главенствующего положения в Греции. Получилось, следовательно, так, что, оставаясь верными законам Ликурга и не встречая никаких препятствий к соблюдению этих законов, они потеряли репутацию хорошо устроивших свою жизнь.

Таким образом, после Левктр и Мантинеи, когда пала спартанская гегемония, обнаружилась истинная порочность спартанского строя, собственно ликурговского строя, который сам по себе не обеспечивал гражданам прекрасной жизни τὸ ζῆν καλῶς. Строй Ликурга, покоившийся на ложном основании, в течение веков в силу исторических обстоятельств казавшийся образцовым, не выдержал испытаний, обрушившихся на Спартанское государство, и обнаружил свою несостоятельность.

Резюмируем все вышеизложенное. Внутренняя история Спарты, начиная с эпохи Ликурга, изображалась в Лакедемонской Политии Аристотеля как постепенный переход от лучшего к худшему. Строй Ликурга, хотя в нем и крылись задатки, приведшие впоследствии к падению Спарты, все же представлял собой подлинную аристократию, т. е., по Аристотелю, одну из правильных форм правления. Учреждение должности эфоров при Феопомпе пробило первую серьезную брешь в этом строе, внося в него демократический элемент. Несмотря на это, воинственная и побеждающая Спарта могла считаться государством, которое хорошо управлялось. Первый крупный перелом наступил после Пелопоннесской войны, когда Спарта, сломив своего соперника — Афины, стала во главе Греции. С этого времени она начинает «погибать». Завершается этот период новым переломом — борьбой с Фивами, поражением Спарты и утратой гегемонии. Спарта не выдержала и одного удара. Современная Аристотелю Спарта, неприглядная картина состояния которой — с сильным социальным расслоением, сосредоточением земельной собственности в ру-

как немногих, подкупностью крупнейших должностных лиц — дается Аристотелем в разобранной выше главе Политики, носит на себе явные признаки перерождения (V, 6, 1, 1306b, 24 sq.; 6, 7, 1307a, 34 sq.). Это и показывал в Лакедемонской Политии Аристотель. Так или иначе он мог и прямо выразить это, подобно тому как в заключительной части исторического очерка в Афинской Политии он охарактеризовал современный ему период афинской демократии как непрерывное нарастание власти народа (41, 2). Так на основании Политики и других имеющихся у нас источников можно представить себе общую концепцию внутренней истории Спартанского государства в Лакедемонской Политии Аристотеля; само собой разумеется, нельзя ручаться за полноту отражения переломных моментов спартанской истории в Политике. Такое построение внутренней истории Спарты аналогично построению внутренней истории Афин в Афинской Политии, где автор прослеживает этапы постепенного ухудшения государственного строя после заслужившей его одобрения конституции Солона.

Греческие государства не были, по мнению Аристотеля, способны установить у себя хороший строй. Эту мысль он и доказывал как в Афинской, так и в Лакедемонской Политиях на примере крупнейших государств.

Разница была в том, что процесс ухудшения шел в Спарте, в изображении Аристотеля, более прямолинейно, чем соответствующий процесс в Афинах. Этому способствовали как недалеко видность замыслов самого Ликурга, так и отсутствие тех ретардирующих моментов (не только положительного, но и отрицательного характера), какие наблюдались в истории Афин.

ГЛАВА 4

ПРОЧИЕ ПОЛИТИИ

Для восстановления общей схемы, по какой строились исторические части утраченных Политий, довольно много материала дают все наши источники — и фрагменты, и эксерпты, и Политика. Благодаря этому есть возможность с достаточной степенью уверенности попытаться представить себе эту общую схему. В частности, не остаются без ответа вопросы, касающиеся содержания начальных частей Политий. То, что разбиралось во вступительных главах Афинской Политии, лишь частично и недостаточно ясно отразилось в наших источниках. Остатки других Политий лучше знакомят нас с топижкой вступительных глав.

Не подлежит никакому сомнению, что в начале Политий излагалась история основания соответствующего полиса и объяснялось его название; не оставлялась в стороне и ранняя история страны. Мы не знаем, что говорил Аристотель в Афинской Политии об основании Афин и как он объяснял их название; известно только то, что название ионийцев афиняне, по Аристотелю, получили тогда, когда среди них поселился Ион — так сообщают Гераклид (fr. 611₁R=§ 1S) и Гарпократион (fr. 381R=§ 1S). Зато мы располагаем сведениями о том, как подобного рода вопросы решались в большом (больше сорока) количестве случаев в других Политиях. В Этолийской Политии (fr. 473) речь шла о делегах, потомками которых являются локры; делеги занимали и Беотию.¹ Надо думать, они имели какое-то отношение и к Этолии: если родоначальник их Лелег был назван в Левкадской Политии (fr. 546) автохтоном, если из других Политий явствовало, что они занимали (вероятно, в разное время, судя по тому, что Страбон называет их *πλάγῆτες* — fr. 473) западную часть Акарнании, Локриду, Беотию, то они не могли миновать находящуюся посреди этих областей Этолию. В Акарнанской Политии (fr. 474) давалась картина расселения племен по стране: часть ее занимали куреты, другую, западную — лелеги, затем телебои. В Амбракийской

Политии (fr. 477) упоминались Дексамены — часть Амбракии, что давало автору повод назвать эпонима Дексамен — Дексамена, который был сыном Месола и Амбракии, дочери Форбанта, сына Гелиоса. Вероятно, в Антандрийской Политии (fr. 478) сообщалось, что город Антандр первоначально назывался Эдонидой, так как его занимали фракийские эдоны, а затем Киммеридой, когда его в течение ста лет занимали киммерийцы. По всей вероятности, в Аргосской Политии (fr. 482) было сказано, что город Асина когда-то был местом жительства дриопов, которых поселил там Дриоп. В Боттиейской Политии (fr. 485) прослеживался в общих чертах долгий путь, проделанный предками боттиеев, прежде чем они осели в тех местах, где жили во времена Аристотеля их потомки. Название острова Делоса Аристотель объяснял в Делосской Политии тем, что остров внезапно всплыл из-под воды и стал видимым ($\delta\eta\lambda\omicron\varsigma$ — fr. 488).² В той же Политии (fr. 490) имелось сообщение, что морское божество Главк, поселившись на Делосе, вместе с Нереидами давал предсказания тем, кто к нему обращался.³ Скорее всего в Эпидаврийской Политии (fr. 491) приводилось старинное название Эпидавра — Эпикар, которое ставилось в связь с названием народа карийцев, занимавших не только этот город, но и соседнюю Гермину; после возвращения Гераклидов вместе с ними поселились ионийцы, следовавшие с Гераклидами в Аргос из аттического Тетраполя. Из Элейской Политии скорее всего происходит сохраненное Страбоном со ссылкой на Аристотеля известие о том, что кавконы обосновались в северной Элиде (fr. 493). К Фессалийской Политии естественнее всего, как это и делается в изданиях, отнести содержащий ссылку на Политии фрагмент, в котором аминейцы определяются как фессалийцы, переселившиеся в Италию и перенесшие туда виноградные лозы своей родины (fr. 495).⁴ В Итакийской Политии (fr. 508) Аристотель называл некое племя эвританов, обитавшее в Этолии и получившее свое название от Эвритона (или Эврита); у них было прорицалище Одиссея, что наводит на мысль о каком-то отношении этих эвританов к ранней истории Итаки. Бесспорно к самому началу Итакийской Политии относится фрагмент с сообщением о том, что Кефал, поселившийся на получивших от него свое название Кефалленских островах, бывший бездетным, обратился к оракулу, который повелел ему соединиться с первым встречным женским существом; возвратившись на родину и встретив медведицу, Кефал выполнил предписание оракула; медведица во время беременности превратилась в женщину и родила сына, получившего имя Аркисия — от названия медведя (Ἀρκίστιος, ἄρκτος — fr. 504). В Керкирской Политии (fr. 512) находилось сообщение о том, что Керкира первоначально называлась Дрепаной — от слова $\delta\rho\epsilon\pi\alpha\nu\omicron\nu$ «серп», ввиду серповидной формы острова, а потом Схерией. Последнее название объяснялось тем, что богиня Деметра, опасаясь, как бы текущие с мате-

рика реки не превратили остров в часть материка, упросила Посейдона повернуть в другую сторону течение рек; ввиду того что последние были удержаны, сдержаны, остановлены, остров стал называться Схерией — ἐπισχεθέντων οὖν τούτων (i. e. τῶν ῥευμάτων) ἀντὶ Δρεπάνης Σχερίαν ὀνομασθήναι. Нас не должно смущать привлечение Аристотелем мифологического материала и упоминание о действиях богов, ведь подобные сообщения легко себе представить в Политиях в сопровождении ссылки на предание, ходячий рассказ (λέγεται или что-нибудь подобное). В Киосской Политии (fr. 514) говорилось, что местность в Мисии, где позже был основан город Киос, занимали миссийцы, затем карийцы и, наконец, милетяне; предводитель милетских колонистов носил имя Киос, которым стали называть и основанный им город. Красота пурпурных улиток у острова Киферы подала повод назвать остров Порфируссой, Киферой же он стал называться от имени Кифера, сына Финника; об этом Аристотель говорил скорее всего в Киферской Политии (fr. 521). В Кифнийской Политии, как следует из показания Гарпократиона, Аристотель отмечал, что Кифнос — один из Кикладских островов (Harpocr., s. v. Κόδνοι = fr. 522). От Киренской Политии имеется фрагмент, касающийся основания Кирены и сохраненный схолиями к 925 стиху «Богатства» Аристофана (fr. 528); указание ὡς Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Κυρηναίων Πολιτείᾳ, строго говоря, может не относиться к первому предложению, объясняющему выражение «сильфий Батта» — «Батт основал Кирену, прибыв с Феры — острова, находящегося у Крита» — Βίττος Κυρήνην ἔκτισεν ἔλθὼν ἀπὸ Θήρας τῆς κατὰ Κρήτην νήσου; однако это сообщение можно считать более или менее близкой передачей если не слов Аристотеля, то по крайней мере сути его свидетельства. В Левкадской Политии (fr. 546) заселение Левкады приписывалось пекоторым из двадцати двух телебоев, сыновей Телебола, который был внуком Лелега от его дочери. Очень интересное место из Полибия (эксцерпты из XII, 5), содержащее полемику против Тимая в защиту Аристотеля, позволяет уловить основные черты рассказа Локрской Политии Аристотеля об основании Локров Эпизефирских (fr. 547). Этот город был основан выходцами из Локриды (из какой именно ее части — остается неясным), но не свободными, а рабами и их детьми, прижитыми от свободных женщин, мужья и отцы которых долгое время воевали в союзе со спартанцами против мессенян и редко имели возможность возвращаться на побывку домой.⁵ Новеллистического типа рассказ об основании Массалии из Массалийской Политии Аристотеля сохранен полностью Афинеем (XIII, 576 = fr. 549). Массалия была основана ионийскими фокейцами, прибывшими в те края с торговыми целями. Фокеец Эвксен состоял в отношениях гостеприимства с царем Наном. Последний пригласил оказавшегося в то время в Массалии Эвксена на свадебный пир своей дочери. Свадьба же там справлялась своеобразно. После насыщения гостей

яствами входила невеста с кубком, полным вина, и подавала его одному из сватавшихся к ней, тем самым объявляя его своим женихом. Дочь Нана по имени Петта подала кубок Эвксену. Отец не возражал против такого выбора, так как увидел в этом проявление божественной воли. Эвксен взял в жены Петту и поселился с ней, дав ей новое имя — Аристоксена. Сын, родившийся от этого брака, был назван Протом; потомки его составляли в Массалии еще в IV в. особый род, называвшийся Протиадами.⁶ В Мегарской Политии (fr. 550) были, как и в Этолийской, упомянуты предки локров лелеги, которые занимали и Беотию. В Мелийской Политии, по всей вероятности в связи с ранней историей Мелиды, Аристотель передавал эпизод, послуживший поводом для создания поговорки «мелийское судно» (fr. 554). Некто Гиппот, отправлявшийся основывать новую колонию, проклял тех, кто не хотел плыть вместе с ним и медлил, ссылаясь то на болезнь своих жен, то на плохое состояние кораблей, которые протекали; разгневанный Гиппот проклял их, пожелав им никогда не иметь непроницаемых (крытых) судов и вечно быть под властью женщин. Остров Мелос, как сообщал Аристотель, вероятно, в Мелосской Политии (fr. 555), носил название Зефирии. О ранних временах истории локров (опунтских) говорят три фрагмента Опунтской Политии. В первом (fr. 560) сообщается, что предками локров были лелеги, населявшие не только области, занимаемые в IV в. локрами, но и Беотию. Из второго фрагмента (fr. 561) узнаем, что Протогению, дочь Опунта, царствовавшего над элейцами, Аристотель называл Камбисой. Нет оснований сомневаться в правильности отнесения издателями этого фрагмента к Опунтской Политии, хотя ссылка в нем имеется только на Аристотеля (без указания сочинения). С какой подробностью излагал Аристотель предание о Локре и его сыне Опунте, сказать трудно. Третий фрагмент (fr. 562) извлечен из Гарпократиона, который под словом «Амфисса» сообщает — с прямой ссылкой на Опунтскую Политию Аристотеля, — что основателем города Амфиссы (находившегося, как известно, в области локров не опунтских, а озольских) был Андремон и что название города объясняется его местоположением — он окружен со всех сторон горами. Остров Самос именовался сначала Парфенией, затем Дриуссой, потом Анфемуссой — так со слов Аристотеля говорит Плиний Старший (N. H. V, 135); правильность отнесения фрагмента к Самоосской Политии Аристотеля (fr. 570) никто оспаривать не будет. В Самофракийской Политии (fr. 579) Аристотель приводил первоначальное название острова Самофраки — Левкосия. Синопя была дочерью Асопа — так писал Аристотель, по вполне правдоподобному предположению издателей, в Синопской Политии (fr. 581).⁷ Предположительно относят к Сольской Политии Аристотеля сообщение о том, что Соля Киликийские (впоследствии Помпейнополь) получили свое название от имени Солона Линдийского (fr. 582).⁸ В Тегейской

Политии (fr. 594) сообщалось, что населявшие Аркадию варвары были изгнаны аркадянами, которые напали на них перед восходом луны — *πρὸ τοῦ ἐπιτεῖλαι τὴν σελήνην*, чем и объясняется их название — проселены (*διὸ κατονομάσθησαν προσέληνοι*). Скорее всего к Тенедосской (менее вероятно к Коринфской) Политии следует возвести находящееся у Страбона, со ссылкой на Аристотеля, известие о родстве между тенедосцами и обитателями коринфского посслка Тенеи, где имелся такой же культ Аноллона, как и на Тенедосе (fr. 594). Остров Тенос, по словам Аристотеля (вероятно, в Теносской Политии), назывался Гидруссой по причине отличавшего его изобилия вод (fr. 595). Питфей, дед Тесея, прославившийся своими мудрыми изречениями, основал Трезен — так, по словам Плутарха (Thes. 3), сообщал Аристотель (fr. 598), по всей вероятности, в Трезенской Политии. С прямой ссылкой на эту Политию даст Афиней (fr. 596) справку о происхождении ходивших в Трезене названий виноградных лоз — анфедониады, гиперейады и алфефиады — от имен неких Анфа, Гипера и Алфефия (последний был потомком Алфея). Как показывает другой фрагмент, извлеченный из Плутарха (Quaest. gr. 19=fr. 597) и содержащий ссылку на Аристотеля, сообщение о виноградных лозах было тесно связано с мифологической историей Трезена: нашедшийся у Трезена (и принадлежавший ему) остров Калаврия в древности назывался Иреной по имени женщины, родившейся от Посейдона и Меланфии, дочери Алфея; впоследствии на острове поселились Анф и Гипер со спутниками, почему его и стали называть Анфедонией и Гиперией. Из текстов Афиней и Плутарха можно заключить, что в Трезенской Политии Аристотель приводил и оракул: «Ней мутное вино, ведь ты живешь не в Анфедоне и не в священной Гипере, где ты пил прозрачное вино». Объяснение названия абантов, обитавших на Эвбее, было дано Аристотелем либо в Халкидской, либо в Эретрийской Политии (fr. 604): будто фракийцы из Аб (в Фокиде) пришли на остров и назвали тамошних жителей абантами.⁹

Не раз аналогичные места из разных Политий Аристотеля отражаются и в эскирптах Гераклида. Коринф, согласно Коринфской Политии, назывался первоначально Эфрой, а затем получил новое название от имени Коринфа (fr. 611₁₉). Остров Тенедос сначала носил название Левкофрии, затем на нем поселился Тен, после чего (так, вероятно, говорилось в самой Тенедосской Политии) остров получил свое нынешнее название; здесь же была рассказана история разлада Тена с мачехой, которая оклеветала его перед отцом, причем воспользовалась ложным свидетельством одного флейстиста (fr. 611₂₂).¹⁰ Остров Парос, согласно Паросской Политии, был заселен неким Паросом из Аркадии; не совсем ясно, к нему ли относятся дальнейшие слова — на требование пифии выйти из храма (он, как можно было понять, был убийцей) он ответил: «Но я чист, владыка, так как убил в честном бою» —

ἐν χειρῶν γὰρ νόμφ ἔκτεινα (fr. 611₂₅). Сравнительно большое извлечение из Кеосской Политии воспроизводит в какой-то степени и ее начальную часть. Остров Кеос, называвшийся Гирусой, населяли первоначально нимфы; испугавшись льва, они переправились в Карист, вот почему мыс Кеосской земли получил название Леон. Остров получил новое название после того, как на нем поселился прибывший из Навпакта Кеос. Аристей, по преданию, выучился обращению с мелким и крупным скотом от нимф, а пчеловодству от брис; ¹¹ возможно, об этих мифических временах говорит и следующий отрывок предложения: «Когда же погибали растения и животные из-за того, что перестали дуть годовичные ветры. . .» — φθορὰς δὲ αἰσῆς φυτῶν καὶ ζῴων διὰ τὸ μὴ πνεῖν ¹² ἐτησίως (fr. 611₂₇). В начале Самосской Политии говорилось, что остров Самос был, по преданию (λέγεται), сначала пустынным и на нем жило множество животных, испускавших громкие крики; животные назывались неидами, а остров Парфенией, а затем Дриусой (fr. 611₃₀; cf. fr. 570). В извлечении из Эпирской Политии после сообщения об одном происшествии из истории племени молоссов читаем: «Кефалленцы же были названы по Кефалу» (fr. 611₄₅). Было высказано предположение, что эти слова, как находящиеся не на месте, следует исключить из текста. ¹³ Однако трудно допустить, чтобы слова эти были перенесены сюда из Кефалленской Политии, извлечения из которой даны ниже (fr. 611_{70, 71}), или чтобы они представляли собой справку, внесенную от себя переписчиком (в других местах мы этого не наблюдаем). Скорее всего в Эпирской Политии было сделано попутное замечание в связи с рассказанным эпизодом о золотом венце на статуе Артемиды, похищенном молоссами. Как бы то ни было, это замечание может служить основанием для заключения, что и в Кефалленской Политии имелось такое же сообщение. О древнейшей истории Самофракии excerptы Гераклида сообщали больше, чем приведенный выше фрагмент (fr. 579): остров носил название Левкании, потому что был белым; затем, когда его заняли фракийцы, он получил название Фракии; наконец, после ухода фракийцев, спустя 700 лет, самосцы, изгнанные из отечества, поселились на этом острове и дали ему название, которое за ним закрепилось (fr. 611₄₉). К числу более развернутых рассказов об основании городов у Гераклида относится взятый из Регийской Политии Аристотеля рассказ об основании Регия (fr. 611₅₅). Халкидяне с Эврина, покинувшие свою родину из-за голода, захватили с собой мессенян, оказавшихся в Макисте вследствие оскорбления, нанесенного спартанским девушкой. Сначала переселенцы попытались обосноваться у могилы Иокаста, одного из сыновей Иола, погибшего от удара, нанесенного ему драконом. Получив совет оракула: «там где женщина мужчину» и увидя лозу, которая охватила каменный дуб, они поняли, что нашли искомое место. Здесь они и основали город в местности.

носившей название Регий по имени какого-то местного героя.^{14*} Из Минойской Политии (fr. 611₅₉) Гераклид извлек сообщение о том, что Миноя в Сицилии называлась когда-то Макарой; Минос, услышав о пребывании там Дедала, явился туда с войском, поднялся по реке Кику, завладел городом и, победив варваров, переименовал Макару в Миною, дав жителям критские законы. Вероятно, в Халкидской Политии было рассказано (характерно, что рассказ вводился глаголом *μυθολογοῦσι*), что халкидяне, покинув Элимний из-за мышей, которые грызли все их имущество, не исключая и железа, основали на Афонском полуострове город Клеоны (fr. 611₆₂).¹⁵ Впрочем, если эпизод действительно взят из Халкидской Политии, он мог и не относиться к ранней истории самой Халкиды, а связываться с более поздними ее судьбами. Родосская Полития, по-видимому, начиналась сообщением о том, что остров Родос, согласно преданию (*λέγουσιν*), был в древности скрыт под морем, впоследствии же просохший остров появился на свет; из-за множества змей его называли Офиуссой (fr. 611₆₅). В Эфесской Политии приводились два объяснения названия Эфеса: согласно одному, название города происходит от имени одной амазонки, согласно другому — от глагола «уступать» (*ἔφεῖναι*), так как Геракл уступил амазонкам местность от Микалы до Питаны — *ἀπὸ τοῦ τὸν Ἡρακλέα ταῖς Ἀμαζόσιβιν ἔφεῖναι* (fr. 611₆₆). Два существовавших мнения сопоставлял Аристотель и в Фоксийской Политии: одни выводили название Фокеи от имени предводителя Фока, другие от названия тюленя, которого (основатели города) увидели выходящим на сушу (fr. 611₆₇). Краткое извлечение из Кротонской Политии сообщает, что город Кротон был основан Кротоном (fr. 611₆₈). В Икарийской Политии отмечалось первоначальное название острова Икарии — Ихтиуса, обязанное своим происхождением высоким качеством водившихся там рыб; свое позднейшее название остров получил после прибытия туда Икара, о чем рассказывают (*φασιν*) двояко: одни, будто он прилетел на крыльях с Крита, другие, будто прибыл на триерах вместе с отцом, убежав после того, как они показали Тесею выход из лабиринта (fr. 611₇₄). По сообщению Аргильской Политии, город Аргил во Фракии обязан своим названием тому, что фракийцы называют мышь аргилом, а на том месте, где был по требованию оракула основан город, была обнаружена мышь (fr. 611₇₅).

Подведем итоги сделанного обзора фрагментов и эксцеритов, относящихся к начальным частям разных Политий. В начале своих Политий Аристотель давал сведения, касавшиеся как того места, на котором находился полис, так и основания самого полиса. Топика начальных частей Политий — смена племен в стране, предания об основании городов и объяснение их названия; к объяснению привлекались имена основателей, обстоятельства возникновения городов, естественные условия. Вероятно, изредка давалась краткая справка о географическом положении малоизвестных

городов и островов. Во всяком случае один раз в нашем источнике такое указание дается с прямой ссылкой на Политию Аристотеля — Κόθνος μία τῶν Κυκλάδων νήσων, ὡς Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Κοθωνίων πολιτείᾳ (Нагросс., s. v. Κόθνιοι = fr. 522). В некоторых случаях в Политиях имелись сведения общего характера о естественных богатствах страны. В эксцеритах Гераклида читаем: «Этот остров богат хорошим вином, полезными деревьями и хлебороден» — αὐτὴ ἡ νῆσος εὖοινός ἐστι καὶ εὐδενδρός καὶ σίτον φέρει (fr. 611₄₁). Это сообщение, относимое некоторыми издателями к острову Пенарефу и, следовательно, к Пенарефской Политии, не стоит одиноко. В Аморгской Политии сообщалось: «Аморгос приносит много вина, оливкового масла и плодов» — Ἀμοργος οἶνον φέρει πολὺν καὶ ἔλαιον καὶ ὀπώρας (fr. 611₄₇).

Здесь уместно отметить, что упоминания о естественных богатствах и их хозяйственном значении встречались преимущественно (насколько мы можем судить) в связи с сообщениями о каких-нибудь политических событиях. Они имеются в Афинской Политии. Косвенное указание на земледельческое в своей основе хозяйство Афин содержится в сообщении о реформах Солона — высота дохода определяется урожаем сухих и жидких продуктов земледелия (7, 3—4); стремившиеся разбогатеть скупали землю (анекдот — 6,2). О том же для более позднего времени свидетельствует в каком-то смысле и политика Писистрата, покровительствовавшего земледельческим занятиям (16,2); случай с крестьянином, обрабатывавшим каменистую землю Гиметта (16, 6), говорит о том, что не вся Аттика была пригодна для земледелия. При архонте Никодеме, т. е. в 483/2 г., были обнаружены Маронейские рудники и государство получило от них доход в 100 талантов, на которые Фемистокл, пустив в ход хитрость, сумел построить флот (22, 7). Толчком для свержения олигархии Четырехсот послужило поражение афинян в морской битве при Эретрии, в результате которого Афины потеряли власть почти над всей Эвбеей; эта утрата была особенно чувствительной, так как афиняне получали больше пользы от Эвбеи, нежели от Аттики, — πλεῖον γὰρ ἐκ τῆς Εὐβοίας ἢ τῆς Ἀττικῆς ἐτόγγανον ὠφελοῦμενοι (33, 1). В условиях Декеλειской войны Аттика не могла прокормить афинян и эта задача легла на плодородную Эвбею. Косвенное указание на недостаток хлеба в Аттике в IV в. находится в том месте систематической части Афинской Политии, где указывается одна из функций коллегии десятки эпимелетов порта — они паблюдает за тем, чтобы торговцы, привозящие хлеб в хлебную гавань, две трети его направляли в город (50, 4). Одной из функций атлететов является раздача оливкового масла атлетам; здесь же Аристотель дает справку, некоторые части которой представляют для нас в этой связи интерес; масло собирается от священных оливковых деревьев, и в прежнее время действовал закон, по которому человек, срывший или сломавший оливковое дерево, присуждался Ареопа-

гом к смертной казни (60, 2). Все это — свидетельства об оливководстве в Аттике.

Из Афинской Политии удастся, как видим, собрать немногое, притом высказанное в порядке либо отправного пункта для исторического анекдота, либо попутного сообщения. Если судить по Афинской Политии, то и в других Политиях должны были быть, помимо упоминаний о географических условиях или естественных богатствах в начале Политии (при разъяснении названий и в другой связи), также показания об экономике страны, дававшиеся по ходу обзора истории или современного состояния государственного строя. Наши источники подтверждают правильность такого предположения. В Киренской Политии сообщалось, что Батт, основатель Кирены, получил в дар от ливийцев прекраснейшее из растений — сильфий; на одной стороне киренской монеты был изображен царь, принимающий урожай сильфия (fr. 528). Лекарственное растение сильфий было в Кирене царской регалией. В Регийской Политии, в рассказе о тиране Анаксилае, правившем в первой половине V в., была деталь — он развел в Сицилии зайцев, дотоле там не водившихся (fr. 568). О развитии виноградарства на острове Самосе свидетельствует рассказ о царе Анкее и его рабе из Самосской Политии (fr. 571, 611₃₀). Вероятно, в Сиракузской Политии Аристотель упоминал о местном сладком вине — поллии (fr. 585). Отмеченные выше сообщения о трезенских лозах содержались в Трезенской Политии (fr. 596, 597). Остров Кеос, на котором процветало скотоводство и пчеловодство, характеризовался в Кеосской Политии как здоровый (fr. 611_{27,29}). В Кимской Политии Аристотель висал о царе Телефане, который засадил страну виноградными лозами и фруктовыми деревьями — *Τηλεφάνης ἐβάσιλευε τούτης, ὃς ἐξέφύτευε τῆν Κιμαίων χῶραν* (fr. 611₃₆). Равнинный характер страны отмечался в Магnezийской и в Колофонской Политиях в связи с упоминанием о коневодстве (fr. 611₅₁). Из Киферской Политии читатель узнавал, что жители Киферы питались сыром и фидами; остров был богат вином и медом (fr. 611₅₄).

В порядке отступления рассмотрим еще одну особенность Политий, чуждую Афинской Политии. В исторических частях Политий встречались описания образа жизни и нравов. В Афинской Политии не было причины заниматься такими вопросами. В Лакедемонской и Критской Политиях им было отведено значительное место в систематической части. Возможно, что так обстояло дело и в некоторых других Политиях, где описывался своеобразный уклад жизни. Здесь нас интересуют не эти случаи. В некоторых Политиях автор считал нужным остановиться на нравах и обычаях прошлого, т. е. включить этнографические элементы в историческую часть Политий. Только для разъяснения рассказа о браке Петты-Аристоксены в Массалийской Политии делалось замечание об обычаях выбора невестой жениха у туземного населения тех мест, где фокейцы основали Массалию (fr. 549). Перемена

в образе жизни милетян — они предались наслаждениям и роскоши — положила конец славному периоду истории их государства, как отмечалось в Милетской Политии (fr. 557). В Наксосской Политии в качестве введения к новеллистического типа рассказу о Телестагоре Аристотель, подлинные слова которого до нас дошли, сообщал, что на Наксосе большая часть состоятельных людей проживала в городе, а некоторые — в деревнях (fr. 558). Об изнеженности сибаритов и танцах их коней под звуки музыки речь шла в Сибарисской (или Кротонской) Политии (fr. 583). Вероятно, в Сибарисской Политии какое-то место занимало и сообщение о роскоши жителей Сибариса и Сириса (fr. 584). Эксцерпты из Кеосской Политии сохранили, помимо некоторых данных о современных Аристотелю нравах, также указание о существовавшем когда-то ранее обычае: в древности юноши и девушки до брака пили воду — *καὶ τὸ παλαιὸν ὕδωρ ἔπινον οἱ παῖδες καὶ αἱ κόραι μέχρι γάμου* (fr. 611₂₈). В Кимской Политии Аристотель писал о соблюдавшемся некогда в Киме обычае — возмещать из средств соседей убытки, причиненные воровством; этот обычай способствовал сохранению собственности, так как он побуждал всех заботиться об охране чужого добра не менее, чем своего собственного (fr. 611₃₈). В этом месте Гераклид ставит два глагола в прошедшем времени — *ἔθοσ ἦν . . . πάντες ἐτήρουσ*, так что трудно заподозрить порчу текста (это была бы сознательная порча, ничем не объяснимая). Гораздо естественнее допустить порчу в слове *ἀπόλλυνται* и принять эмендацию *ἀπόλλυντο*.¹⁶ Самое сообщение помещено у Гераклида среди сообщений исторического характера. Наконец, о давних временах говорит и привлеченный Аристотелем стих (348) из «Трудов и дней» Гесиода: «И бык не потерялся бы, если бы сосед не был дурным». В Фасийской Политии исконные жители тех мест, где впоследствии милетяне основали Фасис, характеризовались как племя людоедов, сдиравшее кожу с людей (fr. 611₄₆). В Акрагантской Политии имелось замечание о том, что акрагантинцы в прошлом так благоденствовали (или были столь могущественны), что носили окаймленные пурпуром плащи — *καὶ εὐθένηςαν* (vel. εὐσθένηςαν) οὕτως, ὡς περιπόρφυρα ἔχειν ἱμάτια (fr. 611₆₉).¹⁷ Явно к прошлому относится выдержанное в прошедшем времени сообщение из Иасийской Политии: «У них не разрешалось (οὐκ ἐξῆν) угощать на свадьбе больше десяти мужчин и стольких же женщин и справлять свадьбу больше восьми дней; они следили (ἐπεσκόπουσ) и за тем, чтобы сироты получали воспитание, и отдавали (ἀπεδίδοσαν) им имущество по достижении ими двадцати лет» (fr. 611₇₃). У фесийцев, по сообщению Фесийской Политии, считалось позорным (*αἰσχρὸν ἦν*) учиться ремеслу и заниматься земледелием; вследствие этого большинство их было бедно (*πένητες . . . ἦσαν*) и в большом долгу (*πολλὰ ὄφειλον*) у бережливых фиванцев (fr. 611₇₆). Такие сообщения в исторических частях Поли-

тий были родственны не только аналогичным сообщениям в систематических частях Политий, но и тому материалу, который заполнял собой серию произведений Аристотеля, носившую название *Nόμιμα βαρβαρικά* и дошедшую до нас в немногочисленных, очень небольших по своим размерам фрагментах (fr. 604—610) и эксцерптах (fr. 611_{43, 48, 58}).

К сообщению и рассказам об основании городов примыкали сообщения и рассказы о ранней их истории. Далекое не всегда можно провести точную границу между теми и другими. Вполне возможно, что в нашем обзоре в первую категорию попали некоторые фрагменты, относящиеся, строго говоря, ко второй категории, и наоборот. Поэтому разделение на две категории, предложенное нами ради удобства обозрения материала, в известной мере является условным. Сообщения, относящиеся к ранней истории греческих государств, окрашены мифологически не в меньшей степени, чем сообщения об основании полисов. В Афинской Политии упоминались Ион и его переселение в Аттику (fr. 381 R=fr. 1 S). В Итакийской Политии затрагивались события мифической поры: Неоптолем, вызванный на Итаку в качестве третейского судьи между Одиссеем и враждебными ему родственниками убитых женихов, вынес решение, по которому Одиссей должен был отправиться в изгнание, покинуть Кефаллению, Закинф и Итаку, как запятанный кровью, а товарищи и родственники женихов обязаны были ежегодно возмещать Одиссею нанесенный его дому ущерб — ячменем, вином, воском, солью, скотом (fr. 507). Телемах женился на Навсикае, дочери Алкиноя, и был отцом Персептола (fr. 506). К Кифнийской Политии относится имеющееся у поздних писателей, снабженное ссылкой на Аристотеля (хотя и без указания сочинения), сообщение о великих несчастьях, постигших обитателей острова Кифноса (fr. 523); имя Амфитриона, причинившего им эти беды, гарантирует правильность отнесения этого сообщения к мифическим временам. Схолиасты и парэмиограф Зенобий приводят, со слов Аристотеля, рассказ о самосском царе Анкее (fr. 571), который с уверенностью можно было бы отнести к Самосской Политии, даже если бы намек на него не содержался в эксцерптах Гераклида (fr. 611₃₀). Анкей с усердием занимался обработкой земли и посадил много виноградных лоз. Раб как-то заметил ему, что он умрет, не успев испить вина от лозы. Когда виноград созрел, царь выдавил сок из грозди, позвал раба и сказал ему, что он уже получил плоды от лозы и собирается пить. На это раб возразил: «Велико расстояние от чаши до края губ». В это время царю сообщили о кабане, опустошавшем страну. Выйдя на кабана, Анкей был убит, так и не попробовав вина. Ответ раба стал пословицей. Неустойчивость подробностей этого рассказа в разных его версиях не имеет для нас значения. Важно, что Анкей является сыном Посейдона и Астипалея (Schol. ad Odys. XII, 9) и, следовательно, принадлежит мифологии. Благо-

даря интересу Гераклида к рассказам мифической поры даже дошедшие до нас жалкие эксерпты содержат в некотором количестве нужный нам здесь материал: в Критской Политии много места занимало изложение деятельности Миноса (fr. 611₁₄). В Керкирской Политии передавался рассказ о призвании жителями Керкиры Диомеда, который убил на этом острове дракона, а затем отправился с большими силами в поход в Япигию, чтобы помочь керкирянам в их войне против брентесийцев, и удостоился почестей (fr. 611₅₆). О походе Миноса в Сицилию, взятии им города Макары и переименовании последнего в Миною, о чем рассказывалось в Минойской Политии (fr. 611₅₉), речь была выше. Рассказ о перевозчике Пиррии (или Пирии), известный из Плутарха (Quaest. gr. 34) и из эксерптов Гераклида (fr. 611₇₁ = fr. 505), имеет явно сказочный характер и должен быть отнесен к типу рассматриваемых здесь рассказов. Перевозчик Пиррий переправлял разбойников, захваченного ими старца и смолу (у Плутарха глиняные сосуды со смолой). По просьбе старца Пиррий купил у разбойников смолу. В ней оказалось спрятанным золото. Разбогатевший перевозчик принес в жертву старцу быка, откуда и пошла поговорка: «Никто никогда не приносил благодетелю в жертву быка, разве что Пиррий».

Рассмотренный материал ставит перед нами вопрос: как относился к мифологическим рассказам Аристотель, как выражал он свое отношение к ним? Наши источники не оставляют этот вопрос без ответа. Две цитаты, в которых передаются подлинные слова Аристотеля, свидетельствуют о том, что неисторические (с нашей точки зрения), но лишённые сказочного налета рассказы и сообщения Аристотель давал, по крайней мере иногда, без всяких оговорок. Таковы, во-первых, рассказ о свадьбе Аристоксены в Массалийской Политии (fr. 549); во-вторых, короткое сообщение в Онунтской Политии о том, что основателем Амфиссы был Андремон, а город был назван так потому, что его со всех сторон окружают горы (fr. 562). Иначе, можно думать, относился Аристотель к преданиям сказочного характера. Здесь он снимал с себя ответственность, ссылаясь на традицию — λέγεται (fr. 611_{14, 22, 30, 71}), λέγονται (fr. 611₂₆), λέγουσιν (fr. 611₆₅), φασί (fr. 611_{25, 27, 66}), μυθολογοῦσι (fr. 611₆₂). Большая часть сопровождающихся такой ссылкой преданий дошла до Аристотеля в рационализированной форме, но он, видимо, не хотел ручаться за их достоверность.

После сведений о начале полисов (из которых лишь некоторые были основаны вполне историческими лицами, как например Адрамитий, названный так в честь своего основателя Адрамита, сына Алиатта и брата Креза) и о ранней чисто мифической их истории Аристотель переходил к преданиям полулегендарной поры. Само собой разумеется, грань между этим периодом, выделенным нами в целях удобства обозрения, и предыдущим является не

менее условной, чем проведенная ранее грань между двумя первыми периодами. Отнесем сюда отразившуюся в эксцерптах Гераклида историю царской власти в Афинах (Пандион, его сыновья, Тесей), вырождение афинских царей, конец монархии, жестокий поступок царя Гиппомена, который, уличив свою дочь Лимону в прелюбодеянии, убил ее любовника, предварительно запрягнув его вместе с дочерью в колесницу, а дочь свою запер в одном поменении с конем, где она и погибла (fr. 614₁ R = §§ 1—3 S).¹⁸ Сохранились сведения об аналогичных частях других Политий. В Милетской Политии приводилось восторженное предание из истории царской династии Нелеидов (fr. 556). Юноша Анфей из галикарнасского царского рода был заложником в Милете. К нему воспылала любовью жена милетского царя Фобия Клеобея. Потерпев неудачу в своих попытках привлечь к себе юношу, она решила отомстить ему, называя его безжалостным и падшим. Прежде всего она притворилась, будто избавилась от своего любовного недуга. Затем, бросив в глубокий колодезь ручную куропатку, она попросила Анфея достать ее оттуда. Ничего не подозревавший юноша охотно повиновался. Когда он спустился в колодезь, царица сбросила на него тяжелый камень. Анфей погиб, а Клеобея, терзаемая муками совести и любовью, повесилась; муж ее, как занятный скверною, должен был уступить свою власть Фригию. С достаточным основанием относят к Локрской Политии фрагмент Аристотеля, в котором сообщается, каким образом Залевк стал законодателем (fr. 548). Жители страны обратились к богу с вопросом, как им избавиться от великих неурядиц. Оракул предписал им установить у себя законы. В оракуле содержалось и указание на некоего пастуха Залевку, способного ввести хорошие законы. Пастух был обнаружен и на вопрос, откуда он получил законы, ответил, что во сне ему предстала богиня Афина. Ему дали свободу, и он стал законодателем. Наксосское предание, разобранный выше (глава 1 отдела II настоящей книги), рассказывало о девушке Поликрите, которая умело воспользовалась любовью врага, чтобы спасти родину (fr. 559). В Тенедосской Политии было упоминание о некоем царе, невзрачном и хромоногом (fr. 614₂₃), и о другом царе, применившем к собственному сыну своей суровый закон против прелюбодеев (fr. 593 = fr. 611₂₄). Аналогичный закон (с той только разницей, что в нем вместо отсечения головы карой было ослепление) и применение его в аналогичном случае приписывал Аристотель в Локрской Политии Залевку (fr. 611₆₁).¹⁹ В Коринфской Политии раздел о правлении Бакхиадов начинался с упоминания о Бакее (Бакхиде), третьем по счету царе, хромоногом и простым на вид, но правившем прекрасно и по-граждански (πολιτικῶς); у него были три дочери и семеро сыновей, так что род сильно размножился и потомки стали называться Бакхидами (Бакхиадами), а не Гераклидами, как прежде (fr. 611₁₉).²⁰

«У них, — сказано в одном месте эксцеритов Гераклида, — царствовал Пантолеонт, дерзкий и жестокий; оскопив прибывших к нему послов, он заставил их съесть их тестикулы» (fr. 611₂₁). Имя Пантолеонта, которого Страбон (VIII, 4, 10) называет царем живших в Элиде писатов, дает право издателям относить эксцерит к Элейской Политии.²¹ В Киме царствовал Телефан, который развел в стране полезные растения (fr. 611₃₆). Об этом говорил Аристотель в Кимской Политии. Из той же Политии Гераклид сделал еще одно, более обширное, извлечение. Лидийцы, находясь под властью сурового царя, узнав, что в Киме живет некто, послали к этому человеку людей, призывая его к себе на царство. Этот человек оказался рабом в мастерской тележного мастера. Дав за него выкуп, лидийцы получили его. Однако в Киме нашелся житель, заказавший ранее этому человеку повозку и теперь задерживавший его. Он не пускал этого человека, несмотря на то что многие уговаривали его не чинить препятствий. При этом он издевался и говорил, что дорожит тем, чтобы иметь повозку, сработанную лидийским царем (ibid.). Из Кимской же Политии взято сообщение о жене Фригийского царя Мидаса Гермодике, которая отличалась не только красотой, но и мудростью и изобретательностью и первая выбила монету для жителей Кимы (fr. 611₃₇). Такие рассказы также, по крайней мере в некоторых случаях, сопровождались ссылкой на предание — рассказ о тенедосском царе, не пощадившем собственного сына, и сообщение о царице Гермодике вводились глаголом «говорят» (φασί) и были выдержаны в конструкции *accusativus cum infinitivo*.

Добавим то, что дает Политика. К полумифической поре относится тот царь Оксил, по преданию правивший в Элиде,²² чей закон отмечен среди древних полезных законов, направленных к сохранению древней некрупной земельной собственности, — он запрещал заем под залог определенной части земли, принадлежавшей должнику (VI, 2, 5, 1319a, 12 sqq.). Как правильно было замечено одним из комментаторов,²³ слова Аристотеля ἔστι δὲ καὶ ὃν λέγουσιν Ὁξύλου νόμον εἶναι — заставляют думать, что закон этот действовал в Элиде и в его время, но вполне естественно предполагать упоминание о законе Оксила в той части Элейской Политии, где речь шла о деятельности Оксила, подобно тому как действовавшие в Афинах демократические установления, созданные Солоном, отмечены в отделе, посвященном Солону (Афинская Политика 2, 2; 6, 1; 9, 1). Деление на воинов и земледельцев, существовавшие на Крите, было введено Миносом, который учредил и сисситии (Политика VII, 9, 1, 1329a, 41 sqq.).

В Политике время от времени говорится о древних законодателях и древних законодательствах. Древние законы были простыми и варварскими (II, 5, 11, 1268b, 38 sq.). Залевк дал законы Локрам (Эпизефирским); Харонд — Катане, но его законы были приняты и в других халкидских полисах Италии и Сицилии (9, 5,

1274а, 22 sqq.). Отвергаемая Аристотелем попытка некоторых (περὶ ὄντας τινας) установить преемственность между законодателями (Ономакрит и Фалес были на Крите, слушателями Фалеса оказываются Ликург и Залевк, слушателем Залевка — Харонд) могла и не быть упомянута в Политиях. Несколько ниже выделен в качестве особенного, установленного впервые, закон Харонда о судебной ответственности за лжесвидетельство и отмечена отличительная черта формулировки законов Харонда — точность (9, 8, 1274b, 5 sqq.). Харонд установил штраф за уклонение от участия в судах, незначительный для бедных, большой для богатых (IV, 10, 6, 1297а, 21 sqq.). Большинство лучших законодателей происходило из средних слоев гражданства — таковы были Солон, Ликург, Харонд и, в сущности, большая часть прочих (9, 10, 1296а, 18 sqq.). Довольно долго Аристотель останавливается на фиванском законодателе, коринфяине из рода Бакхиадов Филолае (II, 9, 6, 1274а, 31 sqq.). Он подробно рассказывает о причинах, побудивших Филолая и его друга Диокла покинуть родной Коринф и переселиться в Фивы, а также о расположении их могил.²⁴ Среди законов Филолая были так называемые законы об усыновлении, имевшие своим назначением сохранять неизменным количество земельных наделов. Коринфянин Фидон, один из древнейших законодателей, считал необходимым сохранять неизменным число хозяйств и количество граждан, хотя бы размеры земельных наделов с самого начала и не были одинаковы (3, 7, 1265b, 12 sqq.).²⁵ В Локрах действовал при Аристотеле закон (несомненно, старинный), запрещающий продажу недвижимого имущества; исключение допускалось только для людей, с которыми случилось явное несчастье (4, 4, 1266b, 19 sqq.). Вероятно, к очень древним временам восходил и аналогичный (впоследствии отмеченный) левкадский закон (1266b, 21 sqq.). В Фивах был (ἦν) закон, запрещающий занимать государственные должности тем, кто в течение десяти лет не воздерживался от торговли на рынке (III, 2, 4, 1278а, 25 sq.). О том же, т. е. опять-таки о старом законе, действовавшем в Фивах во времена олигархии, говорит Аристотель еще раз, но другими словами: полнотой политических прав обладали в Фивах те, кто в течение определенного времени воздерживался от «низких занятий» (τῶν βαρῶν ἐργῶν—VI, 4, 5, 1321а, 28 sq.). Вероятно, также в старинные времена олигархии производили проверку полноправных граждан и пополняли гражданство путем отбора «достойных» (1321а, 29 sqq.). Не только Солон, но и некоторые другие законодатели дали рядовым гражданам право выбирать должностных лиц и принимать от них отчет и в то же время закрыли для них доступ к должностям (III, 6, 7, 1281b, 32 sqq.). У малийцев в какой-то период их истории (ἦν) полноправными гражданами были лишь те, кто вооружался на собственный счет, а на должности выбирались лишь граждане из числа тех, кто был способен (по своему возрасту?) идти в поход

(IV, 10, 10, 1297b, 14 sqq.). У фракийских халкидян законодателем был региец Андродамант, издавший законы об убийствах и о дочерях-наследницах (II, 9, 9, 1274b, 23 sqq.).²⁶ Перечисленные законы относились к разным историческим периодам, но преимущественно к древнейшим, что может послужить оправданием соединения их вместе в нашем обзоре.

В утраченной начальной части Афинской Политии Аристотель останавливался на установлениях, связанных с родовым строем.²⁷ Здесь давались довольно подробные сведения о родовых делениях афинян (fr. 385 R = fr. 3 S). Начало разделения граждан на четыре филы и установление должности царей фил связывается с переселением в Афины Иона и его спутников (41, 2). В дальнейшем прослеживалась судьба этих делений — сохранение четырех фил и их царей Солоном, роль фил в государственной жизни Афин после реформ Солона, отношение между филами и навкратариями (8, 1, 3, 4); замена Клисфеном старых четырех родовых фил новыми десятью при неприкосновенности фратрий и родов (21, 2, 6). В Массалийской Политии (fr. 549) констатировалось существование рода Протиадов, прямо восходившего к Проту, сыну фокейца Эвксена и местной уроженки, царской дочери Петты. В Мелийской Политии был рассказ, содержащий проклятие с пожеланием, чтобы жители Мелиды всегда управлялись женщинами — *καὶ ὑπὸ τῶν γυναικῶν κρατεῖσθαι ἀεὶ* (fr. 554); вероятно, в исторической или систематической части этой Политии (возможно, в обеих частях) Аристотель отмечал какие-то элементы гинекократии, сохранившиеся в Мелиде и в более поздние времена.

Довольно значительное количество фрагментов и эскиптов содержит сообщение о событиях, бесспорно относящихся к исторической эпохе. Ввиду затруднительности строго соблюдать хронологическую последовательность займемся сначала всем тем, что относится к тиранам, чтобы затем сделать общий обзор прочего исторического материала.

В Афинской Политии виден большой интерес автора к тирании. Аристотель проявляет внимание к политической деятельности Писистрата до захвата власти, к его социальной опоре (13, 4, 5), рассказывает о хитрости, благодаря которой Писистрат получил телохранителей, и о захвате власти (14, 1—2), дает общую характеристику правлению тирана (14, 3), сообщает о первом его изгнании и первом возвращении (14, 4), о втором изгнании и втором возвращении (15, 1—3), о разоружении народа (15, 4—5), повторяет общую характеристику правления (16, 2), говорит об аграрной политике (16, 4—5), дает иллюстрацию в виде исторического анекдота (16, 6). Дальше читатель узнает о хорошей памяти, оставленной Писистратом (16, 7), о личном его поведении и явке в суд по обвинению в убийстве (16, 8), об отношении к нему знати и народа (16, 9), о древнем мягком законе относительно тех, кто покушался на захват власти (16, 10). Разбирается хронология

Писистрата и вопрос об участии его в войне против Мегар в качестве стратега (17, 2). История правления сыновей Писистрата в Афинской Политии также довольно богата подробностями. Аристотель говорит о продолжении сыновьями на первых порах политической линии их отца (17, 3), о составе семьи Писистрата (17, 4), о личных качествах трех сыновей (18, 1—2), об эпизоде с Гармодием и о выступлении Гармодия и Аристогитона (18, 2—6), об изменении характера тирании после гибели Гиппарха (19, 1), об укреплении Мунихии и изгнании тиранов спартанцами (19, 2), о враждебной тиранам деятельности изгнанников с Алкмеонидами во главе (19, 3—4), о спартанских походах против Писистратидов (19, 5), об удалении последних из Аттики и о хронологии их (19, 6). Из этого перечисления видно, что Аристотель в изложении истории афинской тирании постарался соединить сообщения о фактах с общими характеристиками личности, образа действия и общего направления политики афинских тиранов, приводя для наглядности и рассказы анекдотического характера.

Имеющиеся у нас фрагменты и эксцерпты показывают, что и в других Политиях изложение истории тиранов строилось по тому же типу, известному нам из Афинской Политии. В последней отмечено, что Писистрат умер в старости от болезни — *ἐγκατεγήρασε τῆ ἀρχῇ καὶ ἀπέθανε νοσήσας* (17, 1). В Гельской Политии имелось сообщение, что Гелон, брат Гиерона, умер от водянки — *ὀδύρῃ νοσήσας τὸν βίον τελευτῆσαι* (fr. 486). В Коринфской Политии, судя по фрагментам и эксцерптам, много места уделялось Периандру. Аристотель держался той точки зрения, что Периандр — тиран коринфский и Периандр — один из семи мудрецов — одно и то же лицо (fr. 517). Он первый завел себе телохранителей-копыеносцев и превратил свою власть в тиранию (fr. 516=fr. 611₂₀). Он принимал меры к тому, чтобы население не скапливалось в городе (ibid.), и запрещал приобретение рабов и роскошь (fr. 611₂₀). Умеренность Периандра проявилась в том, что он не устапавливал никаких податей, а довольствовался доходами, поступавшими с рынка и гаваней; он не был несправедливым и наглым, ненавидел дурное, потовил всех сводниц; наконец (*ἐπ' ἐσχάτων*),²⁸ он учредил особый совет, наблюдавший за тем, чтобы никто не производил трат, превышавших его материальные возможности (ibid.). В Кимской Политии Аристотель объяснял, что тираны в прежнее время назывались эсимнетами (fr. 524); впрочем, здесь есть неясность — один из наших источников (аргумент к «Царю Эдипу» Софокла) приписывает Аристотелю именно такое высказывание, тогда как другой (схолии к «Медее» Эврипида, ст. 19), также ссылающийся на Аристотеля, определяет эсимнетов как архонтов или, может быть, просто начальников; если приведенный здесь же стих из Одиссеи (VIII, 258), где эсимнеты — судьи на состязаниях, тоже взят из Аристотеля, то становится сомнительной правильность показания первого источника. В Наксосской Политии

довольно детально излагался новеллистического типа рассказ о справедливом и пользовавшемся общим уважением местном богаче Телестагоре, подвергнутому оскорблениям со стороны подвыпивших молодых людей, на которых после этого напали граждане, что послужило началом гражданских распри, поведших к установлению тирании Лигдамида (fr. 558). В Регийской Политии о тиране Анаксиласе было сказано не только то, что он развел зайцев; он победил в Олимпии на состязании колесниц, запряженных мулами, и по этому случаю устроил угощение эллинам; по этому поводу кто-то пошутил: «А что он сделал бы, если бы победил в конном состязании?»; на монете Анексилай выбил на одной стороне колесницу, на другой зайца (fr. 568=fr. 611₅₅). Два фрагмента Сиракузской Политии касаются тиранов двух разных периодов, но содержат сведения одного и того же порядка: Гиерон страдал дисурией (fr. 587), Дионисий Младший пьянствовал по девяносто дней подряд, а потому и стал плохо видеть (fr. 588). Из Фокейской Политии происходит свидетельство о двух волшебных перстнях тирана Эксекеста, которые своим трением один о другой производили шум, предвещая наступление каких-либо событий; несмотря на предвещание, тиран погиб от чьего-то злого умысла (fr. 599).²⁹ В пересказе Климента Александрийского (Strom. I, p. 144, Sylb.) все это представлено как сообщение самого Аристотеля, без ссылки на чье-либо мнение или просто на предание; вероятно, Аристотель соответствующую ссылку все же делал.

Гераклид в своих эксцерптах (некоторые из них совпадают по содержанию с фрагментами и поэтому уже использованы выше) также дает нам возможность заглянуть в отделы Политий, посвященные истории тирании. В Самосской Политии упоминался факт уничтожения тираном Силосонтом большого количества граждан, в связи с чем и возникла поговорка «простор по воле Силосонта» (fr. 611₃₄=fr. 574, без ссылки на Аристотеля; ср. Геродот III, 149). В Кефалленской Политии имелся рассказ о гибели правителя. Эксцерпты не дают его имени и обозначают его как «сына Промнеса» — Προμηθεῶν υἱός (fr. 611₆₄). Правитель этот захватил власть, был жестоким и не позволял справлять больше двух празднеств (в год)³⁰, а также запрещал пребывание в городе больше десяти дней в месяц. Девушки перед выходом замуж должны были разделить с ним ложе. Некий Антенор, взяв меч и надев женское платье, взойдя на ложе, убил его. Антенор удостоился почестей со стороны народа и был поставлен в предводители, ³⁰ а девушка, которую он заменил, прославилась.³¹ Прямых указаний на время, к которому относится предание о сыне Промнеса, не имеется. Некоторые признаки, однако, дают основание думать, что речь идет не о царе мифической или полумифической поры, а о тиране времен ранней тирании. Это, во-первых, глагол ἐκράτησε «захватил власть» (а не получил по наследству); во-вторых,

упоминание о мерах, принимавшихся против скопления народа в городе (одна из характерных черт политики тиранов: ср., например, Писистрат — Афинская Политика 16, 3—5 или Периандр — fr. 611₂₀);³² в-третьих, самый факт сохранения в предании имени убийцы Антенора и присуждения последнему почестей (как тираноубийце; ср. Гармодий и Аристокитон); в-четвертых, присуждение этих почестей народом — *καὶ ὁ δῆμος αὐτὸν ἐτίμησε* (так могло быть сказано только об убийце тирана, гибель которого означала установление или восстановление демократического строя). В Акрагантской Политии (fr. 611₆₉) изображалось незаконное правление тирана Фаларида, который убил множество людей, применяя чудовищные способы казни. Одних он бросал в кипящие котлы, других в горячие кратеры,³³ третьих заключал в медного быка и там сжигал. Народ впоследствии отомстил ему, причем сжег также его мать и друзей.³⁴ Сомнительно, чтобы Алкамен и Алкандр, упомянутые в извлечениях после Фаларида, были тиранами. Хотя их иногда и считают тиранами,³⁵ но против такого предположения можно выдвинуть следующие соображения: во-первых, народ отомстил Фалариду, а это указывает скорее на смену тирании каким-то видом демократии; во-вторых, если о Фалариде сказано, что он был тираном (*ἐτυράννευσε*), то об Алкамене и Алкандре Гераклид (Аристотель) выражается иначе — первый «взял в свои руки дела» (*παρέλαβε τὰ πράγματα*), второй — человек порядочный (*ἀνὴρ ἐπιεικής*) — стал во главе (*πρόεστη*).

Данные по истории тирании имеются и в Политике, в которой, как было показано выше на примере Афинской Политии, Аристотель пользовался тем же историческим материалом, что и в Политии. Отмечается существование в древние времена особых выборов тиранов, так называемых эсимнетов; одни пользовались положением эсимнетов пожизненно, другие в течение определенного срока; примером является Питтак в Митилене, выбранный для противодействия изгнанникам, во главе которых стояли Антименид и Алкей (III, 9, 5, 1285a, 30 sqq.; об эсимнетах см. также IV, 8, 2, 1295a, 12 sqq.). Тираны имели обыкновение начинать с требования дать им телохранителей — так поступил Дионисий I Сиракузский (III, 10, 10, 1286b, 37 sqq.). Питтак Митиленский занимался и законодательством; свособразен его закон об усиленном штрафе за проступки, совершенные в нетрезвом состоянии, т. е. опьянение он не рассматривал как смягчающее обстоятельство, но, руководясь соображениями пользы, увеличил кару, так как пьяные чаще совершают проступки (II, 9, 9, 1274b, 18 sqq.). Периандр Коринфский дал совет Фрасибулу Милетскому уничтожить людей, возвышающихся в каком-нибудь отношении над общим уровнем. Совет был дан не словами, не в виде наставления, а действием — Периандр в присутствии посланца, прибывшего от Фрасибула, начал вырывать колосья, поднимавшиеся над другими, и сравнивал ниву (III, 8, 3, 1284a, 28 sqq. ;

V, 8, 7, 1311a, 20 sqq.). Рассказ этот мог фигурировать либо в Коринфской Политии, либо в Милетской, либо в обеих. Одно из действий Дионисия,³⁶ описываемое в Политике, едва ли было оставлено без внимания в Сиракузской Политике: один сиракузянин употребил отданные ему на хранение деньги на скупку всего железа в железодельных мастерских, а затем продал его иноземным торговцам с небольшой надбавкой, получив при этом все же хорошую прибыль, а именно сто талантов вместо израсходованных пятидесяти; узнав об этом, Дионисий оставил этому человеку его деньги, но приказал ему выселиться из Сиракуз, так как он открыл источник дохода, невыгодный для дел самого тирана (I, 4, 7, 1259a, 23 sqq.). Политика тиранов, способствующая укреплению их власти, подробно разобрана в одном месте Политики. Политика эта складывалась из ряда мер, первое применение которых приписывали Периклу Коринфскому. Это — умаление выделяющихся людей и устранение гордых, запрещение совместных трапез, объединений, общественного воспитания и т. п., подозрительность по отношению ко всему тому, что порождает чувство собственного достоинства и взаимное доверие, педозволение обществу для умственного общения и других подобных объединений, старание всеми способами препятствовать близкому знакомству между людьми; те, кто живет в городе, должны при тирании всегда быть на виду и находиться перед дверьми своих домов — при таких условиях они не могли бы делать что-либо тайком и привыкли бы, пребывая в порабощении, к скромному образу мыслей (V, 9, 2, 1313a, 36 sqq.). Тирании также свойственно развивать систему доносительства. Так, в Сиракузах тираны узнавали о том, что говорили и делали подвластные, через соглядатаев, которые назывались там потагогидами (*ποταγογίδες* — доносчицы); Гиерон подсылал подслушивавших туда, где было какое-либо общество или собрание (9, 3, 1313b, 11 sqq.). Тиран стремится держать своих подчиненных в бедности, чтобы не приходилось содержать охрану и чтобы они, занимаясь повседневными делами, не имели времени устраивать заговоры. Свидетельством этого служат не только египетские пирамиды, но и посвящения Кипселидов, и постройка Олимпиейона Писистратидами, а из самосских зданий — строения Поликрата (ведь все это означает, что управляемые были заняты и бедны); сюда же относятся и налоги, как это было в Сиракузах, где при Дионисии все имущество в течение пяти лет пошло на уплату налогов (9, 4, 1313b, 18 sqq.). В другом месте сказано, что народ, занимающийся земледелием, терпел власть древних тиранов (а во времена Аристотеля власть олигархий), если последние не мешали ему трудиться и не отнимали у него ничего, так как это позволяло одним богатеть, а другим не испытывать нужды (VI, 2, 2, 1318b, 17 sqq.). Далек не все из перечисленных здесь положений снабжены историческими примерами, однако не подлежит никакому сомнению, что Аристотель, изображая внутреннюю

политику тиранов, опирался на реальные исторические знания, отложившиеся и в соответствующих отделах его Политий. Хронологией тиранов Аристотель занимался не только в Афинской Политии (17, 1; 19, 6). Сикионская тирания была наиболее продолжительной — сто лет длилось господство Орфагора и его сыновей. Причиной было то, что они проявляли умеренность в своих отношениях с подвластными и во многом подчинялись законам; Клисфен к тому же был воинственным и не мог впускать к себе презрение; вообще же у этих тиранов роль демагогии играла заботливость. Говорят, что Клисфен наградил венком того, кто не присудил ему победу на состязании; некоторые считают находящуюся на площади (Сикиона) сидящую статую изображением того, кто вынес такое решение (V, 9, 21, 1315b, 12 sqq.). Краткое сообщение о явке Писистрата по вызову на суд Ареопага (1315b, 24 sq.) повторено в расширенном виде в Афинской Политии (16, 8) и впускает большую уверенность в том, что эпизод с Клисфеном на состязании был помещен и в Сикионскую Политию. Тирания Кипселидов в Коринфе была второй по продолжительности: она длилась семьдесят три года и шесть месяцев.³⁷ Кипсел правил тридцать лет, Периандр — сорок с половиной, Псамметих, сын Горга — три года. Объяснение этой продолжительности то же, что и в предыдущем случае: Кипсел был демагогом и, находясь у власти, не окружал себя телохранителями; Периандр был тираном в подлинном смысле слова, но отличался воинственностью (V, 9, 22, 1315b, 24 sq.). Четвертой по продолжительности (третья была афинская тирания) является тирания Гиерона и Гелона в Сиракузах — она длилась всего только восемнадцать лет. Гелон умер на восьмом году своей власти. Гиерон правил десять лет, Фрасибул был изгнан на одиннадцатый месяц (9, 23, 1315b, 34 sqq.).

Из исторических частей разных Политий фрагменты и экскерпты сохранили сравнительно немного сообщений. События внутренней истории второстепенных и третьестепенных государств не представляли большого интереса для позднейших авторов, имевших к тому же возможность знакомиться с этими событиями только из вторых или третьих рук. Перечислим то, что дают наши источники (оставляя в стороне то, что относится к истории основания городов, возникших в историческое время). В начале общей Аркадской Политии Аристотель говорил о собрании десяти тысяч в Мегалополе — *μύριοι ἐν Μεγάλῃ πόλει ... συνέδριόν ἐστι κοινόν Ἀρχίδων ἀπάντων ... διείλεται δὲ περὶ αὐτῶν καὶ Ἀριστοτέλης ἐν τῇ κοινῇ Ἀρχίδων πολιτεία ἀρχόμενος τοῦ βιβλίου* (Наросс. р. 280 = fr. 483). Для понимания этого свидетельства необходимо вспомнить то, о чем мы говорили в главе 1 настоящего отдела — в серии Политий несомненно была Тегейская Полития (fr. 591, 592) и, следовательно, могли быть Политии и других аркадских полисов, например Мантиней, одна особенность государственного строя которой отмечена в Политике (VI, 2, 1318b, 23 sqq.). В общей Ар-

кадской Политии Аристотель не занимался древними временами; ведь основание общегаркадского государства произошло на памяти самого Аристотеля. Недолгая история этого государства начиналась, конечно, сообщением об основании Мегалополя, образовавшегося путем синойкизма тридцати девяти небольших поселений; в этой связи речь шла и о десяти тысячах. В Фессалийской Политии значительное внимание было уделено, по-видимому, реформам Алевы Рыжего, родоначальника Алевадов. При нем Фессалия была разделена на четыре доли (fr. 497). «Распределив города, Алева назначил всем выставлять по каждому округу сорок всадников и восемьдесят голпиков. . . пельта представляла собой щит без обода, не обитый бронзой, а обтянутый козьей шкурой» (fr. 498).³⁸ Из Керкирской Политии позднейшие источники заимствовали (конечно не прямо, а через посредство каких-то промежуточных авторов) объяснение поговорки «керкирский бич». На Керкире часто происходили гражданские распри, во время которых пускались в ход бичи чрезвычайно большие, с рукоятками из слоновой кости (fr. 513). В Кипрской Политии фигурировал Тимарх, отец Никокла Кипрского; в сохранившемся отрывке сказано, что у этого Тимарха был двойной ряд зубов (fr. 527). В Милетской Политии Аристотель, в согласии с Эфором, отмечал переломный момент в истории Милета: предавшись наслаждениям и роскоши, милетяне утратили свое былое мужество, благодаря которому они одерживали победы над скифами и положили начало многим городам па Геллеспонте и на Эвксинском Понте; об этом говорит и половеца «давно когда-то были доблестны милетяне» (fr. 557). Больше других Политий представлена в наших фрагментах историческая часть Самосской Политии. Помимо сообщения о тиранине Силосонте (см. выше), имеется еще несколько сообщений из разных периодов истории Самоса (не всегда точно определяемых). Овца нашла украденный золотой предмет; в память этого Мандробул посвятил Гере изображение этого животного (fr. 572).³⁹ Самосцы, гражданство которых сильно поредело во времена тирании, наделили гражданскими правами за плату в пять статеров большое количество рабов (fr. 575). Зенобий по поводу выражения «мрак у Дрии» сообщает: «Аристотель говорит в Самосской Политии, что много приенцев было убито милетянами у так называемой Дрии; поэтому приенские женщины клянутся мраком у Дрии» (fr. 576).⁴⁰ Некоторое недоумение вызывает самый факт упоминания в Самосской Политии о событии, как будто не касающемся Самоса. Дело становится ясным, если сопоставить с сообщением Зенобия одно место из Плутарха (Quaest. gr. 20), где, впрочем, нет ссылки на Аристотеля, что не позволяет использовать сообщение Плутарха в целом для восстановления соответствующего места из Самосской Политии Аристотеля. Судя по Плутарху, война между Приеной и Милетом имела близкое отношение к истории Самоса, так как первоначально войну между собой вели приенцы

и самосцы, причем на первых порах они наносили друг другу небольшой урон, а затем в одной битве приенцы убили тысячу самосцев. Через семь лет несчастье постигло приенцев — в битве с милетянами у так называемой Дрии они потеряли первых и наилучших своих граждан. В это время прославился и мудрец Биант, отправившийся в качестве посла из Приены на Самос. Поражение приенцев, таким образом, имело теснейшую связь с взаимоотношениями между Приеной и Самосом, а поражение и потеря граждан, вероятно, так или иначе отразились на внутреннем положении в Приене. Самосская же Политика Аристотеля имеется в виду в двух местах жизнеописания Перикла у Плутарха. Оба раза речь идет о самосском восстании 440 г. В одном месте сказано, что Перикл был побежден Мелиссом (26=fr. 577); в другом — что Фукидид, Эфор и Аристотель ничего не говорят о жестокости, проявленной будто бы афинянами и Периклом при подавлении восстания, в противоположность Дуриду, который впоследствии в трагических тонах писал о жестокой расправе (28=fr. 578). Ко второй половине V в. относится сообщенный, судя по экcerptам Гераклида, Аристотелем в Самосской Политике факт пребывания в Афинах в доме Эврипида самосского изгнанника Феогена, который при содействии Эврипида убедил афинян послать на Самос две тысячи людей; последние, прибыв на остров, «изгнали всех» — πάντας ἐξέβαλον (fr. 611₃₅). Событие может относиться либо к V в. (тогда Эврипидом окажется великий трагик), либо (и это более вероятно) к IV в. (в этом случае Эврипидом будет какой-то неизвестный политический деятель).⁴¹ Из истории киренских царей экcerptы сохранили, кроме приведенного выше сообщения о Батте I, также упоминание о жестокой царице Феретиме, матери Аркесилая III; воюя против баркейцев, она завладела Баркой и мужчин посадила на кол, а женщинам отрезала груди; спустя короткое время она сама сгнила заживо (fr. 611₁₆). Седьмым царем Кирены был Батт IV, называвшийся Прекрасным; в царствование Аркесилая IV появился белый ворон, по поводу которого был дан грозный оракул; после демократического переворота Батт, сын этого Аркесилая, удалился в Геспериды и там умер; голову его потопили в море (fr. 611₁₇). В Магнезийской Политике говорилось о великих бедствиях, постигших Магнезию (на Меандре), и в связи с этим приводился стих Архилоха: «Я оплакиваю бедствия на морях, а не бедствия магнетов» (fr. 611₅₀).⁴² Алкамен и Алкандр, руководившие политической жизнью Акраганта после Фаларида (fr. 611₆₉), как отмечено выше, едва ли были тиранами.

В Политике имеются места, в которых суммируются сообщения об однородных событиях, повторно происходивших в одном, а иногда и в нескольких государствах. В раннее время в Фессалии происходили восстания пенестов, представлявшие большую опасность для существовавшего порядка вследствие того, что со-

седи фессалийцев были им всегда враждебны (II, 6, 3, 1269b, 5 sqq.). На Крите восстания подвластного населения, наоборот, не были опасны для граждан, так как все критские полисы одинаково враждебно относились к движениям среди поработанного населения (1269a, 39 sqq.). В некоторых государствах применялся остракизм не по соображениям реальной пользы для существовавшего строя, а в целях борьбы против политических противников — *παλαστήκῳς* (III, 8, 6, 1284b, 21 sq.). В другом месте в качестве примера государства, где прибегали к остракизму, назван (кроме Афин) Аргос (V, 2, 5, 1302b, 18 sq.). В древние времена города, сила которых была в коннице, имели олигархическое правление; при этом названы эретрийцы, халкидяне, магнеты на Меандре и многие другие из малоазийских греков (IV, 3, 2, 1289b, 36 sqq.). Очевидно, о господстве всадников говорилось не только в Эретрийской, Халкидской и Магнезийской Политиях, но и в Политиях ряда малоазийских государств, например в Колофонской (fr. 611₅₁ — о магнатах — *ἰπποτρόφοι δ'εἰσὶν ὄν τρόπον καὶ Κολοφώνιοι*). В этой же связи можно отметить еще одно место из экспертов Гераклида: у халкидян был закон, запрещавший людям, не достигшим сорокалетнего возраста, занимать должности и отправляться в посольство (fr. 611₆₃); прошедшее время — *νόμος δὲ τῶν* — не позволяет отнести сообщение к систематической части Халкидской Политии.

Ряд показаний Политики относится к истории отдельных государств. На Левкаде когда-то существовало запрещение продавать земельную собственность; отмена его повлекла за собой демократизацию государственного строя, так как отпало требование определенного имущественного ценза для занятия государственных должностей (II, 4, 4, 1266b, 21 sqq.). Если среди Политий Аристотеля была и Атарнейская (нет возможности категорически утверждать или отрицать такую возможность), то в ней было упомянуто об осаде Автофрадатом Атарнея и о вопросе, который задал ему Эвбул: в какой срок он в состоянии взять этот пункт (*χωρίον*) и во что это ему обойдется; при этом Эвбул выразил готовность, получив меньшую сумму, покинуть Атарней; предложение Эвбула заставило Автофрадата задуматься и снять осаду (4, 10, 1267a, 31 sqq.). Занимаясь определением демократии и олигархии, Аристотель указывает, что нельзя считать олигархическим государство, где немногие свободные властвуют над прочими. Здесь же даются конкретные примеры: в Аполлонии и на Фере доступ к почетным должностям был открыт только тем, кто выделялся своим благородным происхождением и был потомком первых обитателей колонии, а их было немного среди многих (IV, 3, 8, 1290b, 11 sqq.). Несколько ниже Аристотель отказывается считать демократией правление большинства, если это большинство богато. Так было в Колофоне до войны против лидийцев; там большинство обладало значительным состоянием (1290b, 14 sqq.).

О конституции Телекла Милетского (11, 3, 1298а, 13) ничего определенного сказать нельзя: она могла бы быть разобрана в Милетской Политии, если бы она представляла собой введенную в действие конституцию или конституционный проект, предложенный не в порядке теоретического построения, а в какой-нибудь переломный момент в жизни государства. В Мегарах должности замещались из числа тех, кто, находясь в изгнании, собрался вместе и сражался против демократии (12, 10, 1300а, 17 sqq.).⁴³ В Кирене имели место внутренние неурядицы, вызванные враждой знати против демократии, после того как народная масса, пополненная принятием в число граждан множества новых людей, получила сильный численный перевес над знатыми и средними гражданами (VI, 2, 10, 1319b, 12 sqq.). В определенный исторический момент в Кирене была установлена демократия. Аристотель упоминает об этом в связи со своим положением о том, что для демократии полезно учреждение новых фил в большем числе, чем их было раньше, новых фратрий, сведение частных культов к немногим общегосударственным и вообще всякие меры, способствующие разрушению старинных связей и «перемешиванию всех между собой» (2, 11, 1319b, 19 sqq.). В этой же связи Аристотель вспоминает и о деятельности Клисфена в Афинах. Не подлежит сомнению, что в Киренской Политии излагалась реформа, произведенная в Кирене и аналогичная реформе Клисфена. Подробности остаются для нас неясными, время реформы — несомненно после 462 г. (падение монархии).

Во всех перечисленных местах мы имеем дело с сообщениями из первой, исторической, части Политий. Эти изолированные сведения и самая манера подачи их нашими источниками позволяют нам только констатировать наличие определенных сообщений в той или иной Политии. Однако некоторые фрагменты и эксерпты исторического содержания дают нам нечто большее. Они дают основание для более широких выводов в сторону выяснения основной композиционной линии исторических частей Политий. Рассмотрение материала под новым углом зрения необходимо для того, чтобы рассеять подозрение, будто прочие Политии Аристотеля могли быть — в своей исторической части — написаны как-то иначе, чем Политии Афинская и Лакедемонская.

Пока классическая филология не располагала текстом Афинской Политии Аристотеля, т. е. пока не было известно соотношение в ней разных элементов, отразившихся во фрагментах и эксерптах из нее, до известной степени было законным представление о Политиях Аристотеля (в том числе и об Афинской Политии) как о произведении антикварного характера, главный интерес которого состоял в объяснении старинных установлений, архаических терминов, пословиц и поговорок. Иллюзию эту создавали поздние авторы, ссылающиеся на Аристотеля, иногда цитирующие его (хотя о непосредственном знакомстве их с Политиями Аристо-

теля речи быть не может). В соответствии со своими специфическими интересами они повторяли нужные им, шедшие от Политий, сведения, обычно не характеризовавшие самой сути Политий.

Из трех тесно связанных между собой вопросов два имеют шансы получить ответ в имеющихся в нашем распоряжении материалах. Эти вопросы: 1) имеются ли данные в пользу вывода, что не только Афинская и Лакедемонская, но и другие Политии были построены (в своей исторической части) по принципу прослеживая смены форм правления; 2) есть ли основание говорить о прямой или косвенной оценке автором разных форм правления. Труднее ожидать от наших источников конкретных данных для утверждения, что, подобно Афинской и Лакедемонской Политии, прочие Политии, по мысли автора, должны были доказать ухудшение государственного строя сравнительно с когда-то существовавшим хорошим (хотя и не безукоризненным) строем.

Фрагменты утраченных частей Афинской Политии и экскерпты из них показывают, что авторы их (или их источники) не всегда оставались безразличными к тому, что составляло самый костяк исторической части Афинской Политии. Так или иначе они отражали обзор форм правления в их исторической последовательности. Конец монархического правления был несомненно отмечен в Афинской Политии. Даже в суммарном обзоре основных этапов внутренней жизни Афинского государства Аристотель констатирует, что второе по времени изменение государственного строя произошло при Тесее. Оно придало строю конституционный характер и представляло собой небольшое отклонение от царского строя — δευτέρα . . . ἔχουσα πολιτείας τάξιν ἢ ἐπὶ Θησέως λεγομένη, μικρὸν παρεγκλίνουσα τῆς βασιλικῆς (41, 2). В утраченной части Афинской Политии об этом и о монархическом периоде афинской истории вообще говорилось, конечно, с большими подробностями. Эти подробности в какой-то степени сохранены Плутархом в жизнеописании Тесея (25 = fr. 384 = fr. 2 S) и экскерптами Гераклида (fr. 611₁ = §§ 1—3 S). Плутарх рассказывает, что Тесей увеличил население города, выпустив воззвание δεῦρ' ἴτε λεφί; он не пожелал оставить нерасчлененной народную массу и разделил ее на эвкатридов, земледельцев и ремесленников. Все это сообщается Плутархом без прямой ссылки на Аристотеля, так что полной уверенности в том, что каждое слово и каждое фактическое сообщение восходят из Афинской Политии, быть не может. Дальше — уже с прямой ссылкой на Аристотеля и в соответствии с Афинской Политией (41, 2) — говорится, что Тесей первый отклонился в сторону простого народа — πρῶτος ἀπέκλινε πρὸς τὸν ὄχλον — и отказался от единовластия — ἀφῆκε τὸ μοναρχεῖν. Привлечение Гомера, который в каталоге кораблей (Илиада I, 547) одних только афинян назвал демосом, вполне в духе Аристотеля. В экскерптах прямо сказано, что у афинян первоначально была царская

власть — Ἀθηναῖοι τὸ μὲν ἐξ ἀρχῆς ἐχρῶντο βασιλεία. Названы Ион, Эрехфей, Пандион, разделивший власть между сыновьями, которые враждовали между собой. Очень кратко сказано о Тесее, который сделал воззвание и свел афинян (τούτους — конечно, не сыновей Пандиона) вместе на равных правах. Вслед за сообщением о гибели Тесея на острове Скиросе и перенесении его останков в Афины (после Персидских войн) отмечается конец монархического периода в истории Афин: после Кодридов афиняне уже не ставили царей, так как последние считались внавшими в роскошь и изнеженность — ἀπὸ δὲ Κωδριδῶν οὐκέτι βασιλεῖς ἤρουντο, διὰ τὸ δοχεῖν τρυφᾶν καὶ μαλακοὺς γερονεῖναι. Здесь же эпизод об одном из Кодридов — Гиппомене, который, желая опровергнуть обвинение (очевидно, в изнеженности, отсутствии твердости), жестоко расправился со своей дочерью и ее любовником. Выше мы убедились в том, что и для Лакедемонской Политии наши источники содержат некоторые данные по интересующему нас вопросу.

Что касается других Политий, то прежде всего следует отметить, что даже отрывочные сведения, содержащиеся в имеющихся фрагментах и эксцерптах, в какой-то мере помогают разобраться в поставленных выше вопросах. Говоря о тиранах, Аристотель, как мы видели выше, проявляет интерес к способу захвата ими власти, т. е. к подготовке государственного переворота и самому перевороту. В Сиракузской Политии имелся рассказ о калликирях, которые были первоначально рабами, а затем сменили господствовавших до того геоморов; эти калликирии, не представлявшие собой чего-либо однородного, объединились в единую большую массу, которая была подобием лакедемонских гелотов, фессалийских пенестов, критских кларотов (fr. 586). В Кимской Политии был зафиксирован момент смены государственного строя: Кир упразднил прежний государственный строй и насильно ввел монархическое правление — Κῆρος δὲ καταλύσας τὴν πολιτείαν μοναρχεῖσθαι αὐτοὺς ἐποίησε (fr. 614₃₈). Очевидно, персидский царь навязал Киме тираническое правление вместо существовавшего в ней ранее строя, который Аристотель обозначил словом πολιτεία. Нельзя думать, что это слово было употреблено в том специальном значении, какое оно часто имеет в Политике, — «полития», т. е. специфический вид умеренной демократии. Аристотель не пользуется таким термином в Афинской Политии, так как без пояснений он не был бы понятен читателям. По тем же основаниям он должен был избегать употребления такого термина и в других Политиях. Одно из двух — Аристотель имел в виду либо некий конституционный строй, которому он противопоставляет тиранию (διὰ τὸ πασῶν ἤμισα αὐτήν — i. e. τὴν τυραννίδα — εἶναι πολιτείαν — Политика IV, 6, 1, 1293b, 29), либо государственный строй вообще (т. е. τὴν ὑπάρχουσαν πολιτείαν в самом широком смысле слова). Выше, в той же

Политии, Аристотель говорил о царской власти (fr. 611₃₆). После Кира отмечается новое изменение государственного строя Кимы. Это изменение связано с деятельностью некоего Фидона, видного человека, который допустил к государственным делам (или включил в состав гражданства) многих, установив закон, обязывавший каждого содержать коня — *Φεῖδον ἀνὴρ δόκιμος πλείοσι μετέδωκε τῆς πολιτείας, νόμον θεῖς ἕκαστον ἐπάναγκες εἶναι τρέφειν ἵππον* (fr. 611₃₉). Само собой разумеется, изолированность этого сообщения заставляет довольствоваться приблизительным его переводом и приблизительной интерпретацией. *Πολιτεία* может означать здесь либо «управление государством», либо «гражданские права»; *πλείοσι* можно понимать в смысле «многим, большому количеству» или «большому числу» (сравнительно с тем, что было раньше); *ἕκαστον* — «каждого» применительно ко всем гражданам или (что более вероятно) к тем, кто в результате реформы получил полноту гражданских прав. Наконец, еще одно изменение государственного строя Кимы: некий Прометей, отличавшийся энергией и красноречием, передал управление государством в руки тысячи человек — *Προμηθεὺς δὲ τις ἀνὴρ δραστήριος καὶ ἰκανὸς εἶπεῖν χιλίοις παρέδωκε τὴν πολιτείαν* (fr. 611₃₉). Таким образом, для внутренней истории Кимы получается цепь из пяти сменявших одно другое государственных устройств (возможны, впрочем, и выпавшие промежуточные звенья, не говоря уже о дальнейших изменениях после Прометея): царская власть, некое государственное устройство в период после падения царской власти и до подчинения Кимы Киру, установленная Киrom монархия (тирания), реформа Фидона с передачей власти всадникам (или с увеличением количества этих уже господствовавших до того всадников), реформа Прометея, существенным элементом которой было фиксирование (скорее всего ограничение) числа полноправных граждан — их стала тысяча.¹⁴ Этот редкий случай сохранения в экcerptах, пусть в неполном виде, самого костяка Политии Аристотеля дает нам уверенность в том, что и Политии небольших государств не представляли собой — в своей исторической части — простого нагромождения фактов или ненаправленного повествования. Построение Политий направлялось определенной линией — прослеживание изменений государственного строя.

В других случаях экcerptы дают нам только отдельные позвонки того, что можно назвать позвоночным столбом в композиции Политий. Вырывается один факт из истории государственного строя без каких бы то ни было намеков на связь этого факта с другими. «Диагору, отправившемуся в Спарту и скончавшемуся в Коринфе, эретрейцы поставили статую», — так говорит Гераклид на основании Эретрийской Политии Аристотеля (fr. 611₄₀). Вполне убедительно комментаторы связывают эти слова с тем местом Политики, где сказано, что Диагор

упразднил в Эретрии олигархию всадников, после того как ему была нанесена обида в брачных делах — καὶ τὴν ἐν Ἐρετρίᾳ δ'ὀλιγαρχίαν τὴν τῶν ἰππέων Διαγόρας κατέλυσεν ἀδικηθεὶς περὶ γάμον (V, 5, 10, 1306a, 35 sq.).⁴⁵ Скупое сообщение из Магnezийской Политики о равнинном характере местности вокруг Магnezии. (на Меандре и о развитии там коневодства (fr. 611₅₁) взято, по-видимому, из контекста, в котором говорилось о господстве всадников. Так можно думать на основании показания Политики о том, что в древние времена в полисах, чья сила заключалась в коннице, было олигархическое правление; в войнах против соседей эти полисы опирались на конницу, примеры — эретрийцы, халкидяне, магнеты на Меандре и многие другие в Малой Азии (IV, 3, 2, 1289b, 36 sqq.). Экcцерпты из Регийской Политики (fr. 611₅₅) представляют больший интерес, так как до некоторой степени даваемый ими материал приближается к тому, какой имеется в экcцерптах из Кимской Политики. После довольно подробного сообщения об обстоятельствах, сопровождавших основание Регия, Гераклид продолжает: «Они установили аристократический строй — ведь управляет (в подлиннике, вероятно, «управляла») тысяча выбранных на основании имущественного ценза. Законами же они пользовались Харонда Катавского. Тираном у них был Анаксилай мессенец... были у регийцев и другие самовластные правители» — πολιτείαν δὲ κατεστήσαντο ἀριστοκρατικὴν, χίλιοι γὰρ πάντες διοικοῦσιν (διόψου)»⁴⁶ αἰρετοὶ ἀπὸ τιμημάτων, νόμοι δὲ ἐχρῶντο τοῖς Χαρώνδου τοῦ Καταναίου. ἐτυράννευσε δὲ αἰπῶν Ἀναξίλας Μεσσηνίος... ἦσαν δὲ καὶ ἄλλοι δυναστικοὶ παρὰ τοῖς Ἐρηγίνοις (ibid.). И здесь, несмотря на нестроту сообщения, можно уловить один отрезок линии, направленной к компроми- зации Политики — переход от аристократической формы правления к тиранической. В связи с этим сообщением Гераклида возникает вопрос. В Политике Аристотель, говоря об изменениях государственного строя, констатирует возможность перехода к тирании от олигархии и в качестве примера ссылается, между прочим, и на тиранию Анаксилая в Регии — εἰς τυραννίδα μεταβάλλει ἐξ ὀλιγαρχίας, ὡς περ... ἐν Ἐρηγίῳ εἰς τὴν Ἀναξίλαου (V, 10, 4, 1316a, 34 sqq.). Получается несогласованность. Анаксилай в экcцерптах (и, следовательно, в Регийской Политике) кладет конец аристократическому правлению, а в Политике — олигархическому. Если не считаться с возможным, но искусственным объяснением, снимающим противоречие, — в Регийской Политике могла быть отмечена промежуточная ступень между аристократией и тиранией, т. е. вырожденная аристократия в олигархию, — то объяснение следует искать в учении Аристотеля об аристократии и олигархии. Автор Политики признает, что аристократия в каком-то смысле является олигархией, так как в обеих правят немногие (хотя и по разным причинам) — διὰ τὸ καὶ τὴν ἀριστοκρατίαν ὀλιγαρχίαν εἶναι πως (ἐν ἀμφοτέραις γὰρ ὀλίγοι σὶ ἄρχοντες,

ὁ μένται διὰ ταύτων ὀλίγοι) (6, 1, 1306b, 24 sqq.). Та же мысль высказана еще раз ниже — διὰ τὸ πάσας τὰς ἀριστοκρατικὰς πολιτείας ὀλιγαρχικὰς εἶναι (6, 7, 1307a, 34 sq.). Признает Аристотель и существование аристократий с олигархическим оттенком, которые он называет олигархическими аристократиями — ὥστε ἀριστοκρατίας ὀλιγαρχικὰς εἶναι (VI, 1, 2, 1317a, 2). В таких аристократиях, развивает свою мысль Аристотель, либо совет и выборы должностных лиц организованы по олигархическому принципу, а суд по аристократическому, либо суд и совет по-олигархически, а выборы по-аристократически, либо имеются какие-либо другие отклонения от основных принципов той или иной государственной формы. Еще одно место из Политики может оказать нам здесь помощь. Перечисляя виды аристократий, Аристотель выделяет в качестве одного из видов аристократии правление, при котором власть принадлежит людям, не только отличающимся нравственным совершенством (принцип чистой аристократии), но и богатством (принцип олигархии) — ἀριστοκρατίας... ὅρος ἀρετῆ, ὀλιγαρχίας δὲ πλοῦτος (IV, 6, 4, 1294a, 10 sq.). В частности, он согласен считать аристократическим государственное устройство Карфагена, которое обращено к богатству, к добродетели и к народу (5, 11, 1293b, 13 sqq.). Грань между аристократией и олигархией безусловно есть, но если теоретически ее определить легко, то практически это сделать не всегда просто — таково одно из заключений, какое был вправе сделать слушатель Ликейя. Другое (и сюда подходит пример Карфагена): аристократией можно называть и такие государственные устройства, в которых к аристократическим принципам применяются инородные — олигархические и демократические. После всего сказанного открываются две возможности интерпретации слов Гераклида, повторяющего слова Аристотеля. Первая из этих возможных интерпретаций заключалась бы в том, что в Регийской Политии Аристотель давал какие-то пояснения, в которых подчеркивались неолигархические, аристократические черты того строя, который он назвал аристократическим; в таком случае пришлось бы признать, что Гераклид сохранил только ту деталь строя, которая характеризовала его как олигархический — αἰρετοὶ ἀπὸ τιμημάτων. Непреодолимая трудность, на которую наталкивалась бы подобная интерпретация, состоит в том, что в Политике, как мы видели, регийский строй назван олигархическим, несмотря на то что именно в своем теоретическом трактате Аристотель давал детализированную классификацию форм правления, в частности выделял форму олигархической аристократии. Интерпретация текста Гераклида, следовательно, сводилась бы к тому, что более точным было бы, с точки зрения самого Аристотеля, определение, данное в Регийской Политии, чем в Политике (*reductio ad absurdum*). Вторая интерпретация, наиболее приемлемая, не создает таких трудностей.

Регийский строй сам Аристотель считал олигархическим, о чем он прямо говорит в Политике. Однако историческая традиция Регия называла этот строй аристократическим, и этой местной традиции подчинялся Аристотель в Регийской Политии. Нечто подобное наблюдается и в Афинской Политии: для Аристотеля правление Тридцати является ярким примером олигархии, но один раз, причем в очень ответственном месте, в перечне сменявшихся в Афинах формах правления, он называет это правление *ἡ τῶν τριάκοντα... τυραννίς* (41, 2), повторяя ходившее в Афинах выражение.⁴⁷

В одном месте у Страбона, зависящем в конечном счете от Аристотеля, как можно думать, от Халкидской и Эретрийской Политий, сказано, что колонизационный период в истории Халкиды и Эретрии падает на время гиппоботов, которые правили аристократически на основании имущественного ценза — *ἐστάλησαν δ' αἰ ἀποικίαι αὐταί, καθάπερ εἶρηξεν Ἀριστοτέλης, ἡνίκα ἡ τῶν ἰπποβοτῶν ἐπεκράτει πολιτεία: προέστησαν γὰρ αὐτῆς ἀπὸ τιμημάτων ἄνδρες ἀριστοκρατικῶς ἄρχοντες* (Strabo X, 1, 8 = fr. 603). Вполне возможно, что Страбон сохранил аристотелевское выражение *ἀριστοκρατικῶς ἄρχοντες* (хотя у Страбона нельзя ожидать во всех случаях той точной передачи аристотелевских слов, какая наблюдается у Гераклида): ср. у Аристотеля в Политике — *δεσποτικῶς ἄρχειν* (IV, 8, 2, 1295a, 16 sq.). Выражение *ἀπὸ τιμημάτων* — бесспорно аристотелевское; ср. в Политике — *τὸ τὰς ἀρχὰς ἀπὸ τιμημάτων εἶναι* (4, 3, 1291b, 39 sq.; 5, 1, 1292a, 39 sq.), *ἀπὸ τιμῆματος βουλευόουσι* (V, 1, 11, 1306b, 7 sq.), *ἀπὸ τῶν ὀρισμένων τιμημάτων εἰς τὰς ἀρχὰς βαδίζειν* (II, 4, 5, 1266b, 23 sq.). Таким образом, не будет произвольным заключение, что Аристотель в Халкидской и Эретрийской Политиях говорил об аристократическом правлении, основанном на имущественном цензе. Опять то же противоречивое определение, какое констатировалось выше в Регийской Политии. Мало того, определение это вступает в конфликт с данными Политики. В использованном выше месте, где речь идет о том, что государства, силу которых в древние времена составляла конница, имели олигархическое правление (*ὀλιγαρχίαὶ παρὰ τοῦτοις ἦσαν*); среди них, кроме Магнезии на Меандре и «многих в Азии», названы Эретрия и Халкида (IV, 3, 2, 1289b, 36 sq.). Еще раз правление всадников в Эретрии названо олигархией в сообщении о Диагоре, свергнувшем это правление — *τὴν ἐν Ἐρετρίᾳ ὀλιγαρχίαν τὴν τῶν ἰππέων Διαγόρας κατέλυσεν* (V, 5, 10, 1306a, 35 sq.). Аристотель в Политике квалифицирует государственный строй с всадниками во главе как олигархический, в Политиях же он называет его аристократическим, следуя установившейся традиции.

Особенно многочисленны исторические примеры государственных переворотов в V книге Политики. Перечнем этих примеров, относящихся к разным государствам и разным эпохам, удобно

закончить обзор интересующих нас в этом разделе материалов (приведенные выше примеры, касающиеся Афин и Спарты, разумеется, здесь повторены не будут).

В Эпидамне государственное устройство изменилось частично: вместо филархов поставили совет; с другой стороны, из всех лиц, обладавших гражданскими правами, в народном собрании во время выборов должностных лиц обязаны были присутствовать только те, кто в данное время находился у власти;⁴⁸ олигархической чертой конституции этого полиса является и то, что там имеется (т. е. в определенный момент истории полиса установлен) один архонт (1, 6, 1301b, 21 sqq.). Смысл этого сообщения Аристотеля об Эпидамне: произошло изменение государственного строя (*μετέβαλεν ἢ πολιτεία*) в сторону его демократизации, по последняя была частичной — олигархический элемент в лице филархов уступил свое место совету, т. е. элементу демократическому; вместе с тем (вплоть до времен Аристотеля) оставались в неприкосновенности некоторые особенности олигархического строя — обязательное присутствие на выборах лиц, облеченных властью, и единоличная должность архонтов.⁴⁹ На Родосе знать поднялась против демократии из-за возбуждавшихся против нее судебных дел (2, 5, 1302b, 23 sqq.). Ряд примеров нужен Аристотелю для иллюстрации той мысли, что демократическое правление падает, если оно допускает беспорядок и анархию, вследствие чего его противники начинают чувствовать себя более сильными и свергают его. Так было в Фивах после битвы при Энофитах, в Мегарах после поражения в результате беспорядка и анархии, в Сиракузах перед тиранией Гелона, на Родосе перед восстанием (2, 6, 1302b, 27 sqq.). Высказывается мысль, что иногда изменение государственного строя происходит потому, что какая-нибудь часть гражданства незаметно «увеличивается» (*λανθάνει . . . ἀξαναμένον*), например, народная масса в демократиях и политиях (2, 7, 1302b, 40 sqq.). Это может произойти и благодаря случайным обстоятельствам. Дальше идут три примера. В Таренте вскоре после Персидских войн, во время несчастной войны с япигами погибло много знатных людей и вместо политики установилась демократия. Также в Аргосе гибель многих граждан «в седьмой день»⁵⁰ от Клеомена и спартанцев заставила принять в число граждан некоторых из периеков. Третий пример взят из истории Афин: знатные уменьшились в числе в результате потерь, понесенных в войне с лаконянами. По поводу этих примеров следует сделать два замечания. Выше (глава 1 настоящего раздела) было отмечено, что третий пример повторяется в Афинской Политии. Тем больше основания настаивать на том, что первые два примера повторялись соответственно в Тарентской и Аргосской Политиях. Во-вторых, по поводу Тарента употреблен термин «полития» (демократия сменила политию), которому Аристотель уделяет в Политике много внимания: в Афинской Политии Аристотель этим термином не пользуется,

что делает сомнительным и его употребление в Тарентской Политии.

Останавливается Аристотель в Политике и на случаях перемены государственного строя без гражданских распр (ἀνευ στάσεως), но в связи с интригами при выборах на должности (2, 9, 1303a, 13 sqq.). Так было в Герее, где вместо избрания должностных лиц стали практиковать жеребьевку именно потому, что на должности проходили интриганы. Так было и в Орее, когда там вследствие беспечности властей в архонты прошел враждебно относившийся к олигархии Гераклеодор, введший вместо олигархии политику и демократию.⁵¹ К этому Аристотель добавляет еще один пример перемены образа правления без предварительной гражданской борьбы — беспечное отношение к мелочам бывает иногда причиной больших изменений (1303a, 20 sqq.). Так, в Амбракии имущественный ценз, требовавшийся для запытия должностей, был небольшим, но со временем начали допускаться к должностям люди, не обладавшие никаким цензом, «как будто ничто близко к малому или ничем от него не отличается».

Довольно велик список примеров борьбы между разными по своему племенному происхождению частями населения полиса (2, 10, 1303a, 25 sqq.). Ахейцы, основавшие вместе с трезенцами Сибарис, стали затем более многочисленными и изгнали трезенцев, почему на сибаритов и легла религиозная скверна.⁵² В Фуриях сибариты, претендовавшие на более высокое положение на том основании, что страна принадлежала им, столкнулись на этой почве с новыми поселенцами и были изгнаны. В Византии более поздние поселенцы были уличены в злом умысле и после битвы были также изгнаны. В Антиссе граждане приняли к себе хиосских изгнанников, но затем, опять-таки после битвы, изгнали их. Наоборот, в Занкле граждане, приняв к себе самосцев, сами были ими изгнаны. В Аполлонии на Эвкеевском Понте принятие в город новых поселенцев повлекло за собой внутреннюю борьбу. В Сиракузах после падения тирании граждане включили в свой состав чужеземцев и паемников, в результате чего возникла внутренняя борьба и дело дошло до битвы. В Амфиполе принятие халкидских поселенцев имело последствием изгнание большей части старых жителей.

Иногда невозможность (из-за географических условий) создать единый полис оказывается предпосылкой раздоров среди граждан (2, 12, 1303b, 7 sqq.). В Клазоменах враждуют те, что на Хите, с теми, кто на острове,⁵³ а колофонцы враждуют с нотийцами. Третий пример по существу не вполне подходит для иллюстрации мысли Аристотеля: в Афинах, говорит он, жители Пирея настроены более демократично, чем жители самого города. Вражды и борьбы между пирейцами и обитателями собственно города в Афинах не было, но Аристотель все же имеет здесь в виду определенные исторические события, приведшие к падению Тридцати и Де-

яти (Афинская Полиция 27—28). Раздоры в государствах бывают не по незначительным причинам, но начинаются по незначительным поводам. Особенное значение имеют при этом те незначительные поводы раздоров, которые возникают среди господствующего слоя (V, 3, 1, 1303b, 17 sqq.). В древние времена так было в Сиракузах. Государственный переворот был вызван враждой на любовной почве между двумя юношами, принадлежавшими к высшему слою.⁵⁴ Один из них в отсутствие другого привлек к себе объект его любви — τὸν ἐρώμενον αὐτοῦ ὑπεποιήσατο. Вернувшийся отомстил тем, что соблазнил жену своего обидчика. Каждый из них получил поддержку со стороны людей из круга полноправных граждан, и таким образом последние разделились на две враждующие группы. Неопределенное хронологическое указание — ἐν τοῖς ἀρχαίοις χρόνοις, отсутствие собственных имен, умолчание о характере государственного строя, сменившем олигархию (слово «олигархия» в этом месте не употреблено, но едва ли можно думать о другой форме правления) — все это идет вразрез со стилем Политий. В Сиракузской Политии событие, конечно, стояло на своем месте (видимо, в начале V в. до н. э.),⁵⁵ действующие лица были названы по имени, прямо сообщалось о новой форме правления. Плутарх в своем кратком рассказе о том же событии (Praes. republ. ger. 32, 7) дает несколько больше подробностей, но также замалчивает имена, а о павшем строе говорит — τὴν ἀρίστην πολιτείαν ἀνέτρεψαν. Все это не в стиле Аристотеля.

Неполнота и одностороннее освещение события характерны и для других сообщений Аристотеля в V книге Политики, что, впрочем, вполне естественно, так как исторические сообщения призваны играть лишь роль примеров в определенном контексте. Вообще, говорит Аристотель, раздоры среди знатных вынуждают принимать в них участие все государство (V, 3, 2, 1303b, 31 sqq.). В Гестиее после Персидских войн два брата спорили об отцовском наследстве. Более бедный привлек на свою сторону народ, утверждая, что брат скрывает размеры имущества и найденный отцом клад; другой брат, обладатель большого состояния, заручился поддержкой богатых людей. Свидетельство Политики о раздорах, имевших место в Дельфах в связи с расстроившейся свадьбой (3, 3, 1303b, 37 sqq.), было рассмотрено выше (глава 1 настоящего отдела); только параллельные места из экскерптов Гераклида и из Плутарха придают подлинный исторический колорит слишком схематичному сообщению Политики. Несколько больше деталей находим в сообщениях о распрях в Митилене и в Фокиде. В Митилене раздоры по поводу дочерей-наследниц породили много бед, в частности — войну против Афин, во время которой Пахей взял Митилену (1304a, 4 sqq.). Аристотель дает имена действующих лиц этой истории. Некий состоятельный человек Тимофан оставил после себя двух дочерей-наследниц, а Дександр, сватавший за девушек своих сыновей и получивший отказ, возбудил раздоры

в государстве и призвал афинян, проксеном которых он был. В Фокиде произошли раздоры по поводу дочери-наследницы между Мнасеом, отцом Мнасона, и Эвфикратом, отцом Ономарха, и это было для фокидян началом священной войны (З, 4, 1304а, 10 sqq.).⁵⁶ Дальше опять серия событий без собственных имен. В Эпидамне брачные дела дали толчок к изменению государственного строя: человек, просватав свою дочь, затем подвергся штрафу, наложенному на него отцом жениха (наложивший штраф был должностным лицом); оштрафованный, считая себя оскорбленным, соединился с теми, кто не принадлежал к полноправным гражданам (1304а, 13 sqq.).

Высказывается мысль, что перемена формы правления (установление олигархии, демократии, политии) может быть следствием славы и возвышения какого-либо учреждения или части государства. Серия примеров открывается фактами из истории Афин. Ареопаг, стяжав славу во время Персидских войн, сделал государственный строй «более подтянутым», затем «корабельный люд» (*ναυτικός ὄχλος*), виновник победы при Саламине, а вследствие этого и гегемонии, благодаря могуществу на море усилил демократию, т. е., очевидно, придал строю более демократический характер. Это место Политики (З, 5, 1304а, 17 sqq.) очень близко по смыслу и по подбору слов к одному месту из Афинской Политии (2З, 1). Различие в том, что в Афинской Политии вовсе не говорится о заслугах народа и более подчеркнуты заслуги Ареопага. Как бы то ни было, материал, использованный в обоих сочинениях, — один и тот же. Лишний раз получаем уверенность в том, что и все другие примеры (V, 3, 5, 1304а, 25 sqq.) повторялись в Политиях государств, к которым они относятся. В Аргосе знать прославилась благодаря Мантинейской битве против лакедемонян и сделала попытку низвергнуть демократию. В Сиракузах народ, одержавший победу на афинянами, изменил прежнюю форму правления — политику — на демократию. В Халкиде народ, действуя совместно со знатью, устранил тирана Фокса и сразу же захватил в свои руки власть. Также и в Амбракии народ, изгнав — в союзе с заговорщиками тирана Периандра, стал властелином государства.

В ряде полисов демократию погубила разнузданность демагогов (4, 1, 1304b, 20 sqq.). На Косе, где были дурные демагоги, произошло восстание знати. На Родосе демагоги ввели плату (очевидно, за участие в народном собрании и суде) и противились уплате задолженных триерархам сумм, так что последние ввиду возбуждавшихся против них процессов были поставлены перед необходимостью соединиться между собой и упразднить демократию. В Гераклее,⁵⁷ сразу же после основания этой колонии, знатные, терпя обиды от демагогов, удалились из города, а затем, собравшись вместе, возвратились и свергли демократию. Нечто подобное произошло и в Мегарах: демагоги подвергли изгнанию

многих из знати с целью конфисковать их имущество; изгнанников со временем стало так много, что они оказались в состоянии вернуться, одержав в битве победу над демократами, и установить олигархию. То же случилось и в Киме при той демократии, которую сверг Фрасимах.

В прежние времена, по словам Аристотеля, тирании бывали чаще, чем в его время, еще и по той причине, что некоторым вручалась слишком большая власть. Так, например, в Милете тирания возникла из притании, так как притан ведал многими важными делами (4, 5, 1305a, 15 sqq.). Города были небольшими, народ жил вне города, занимаясь земледелием; предстатели народа, если они были воинственными, захватывали тираническую власть, опираясь на доверие народа, которое они приобретали благодаря ненависти к богачам (1305a, 18 sqq.). Примеры: Писистрат в Афинах и его борьба с педиаками; Феаген в Мегарах, перебивший скот богачей, когда последние пасли его у реки на своих землях;⁵⁸ Дионисий (конечно, первый), выдвигавший обвинения против Дафнея и богатых и удостоившийся после этого тиранической власти, так как все поверили, что он демократ. Пример из истории Афин мы и на этот раз не обошли молчанием, так как повторение того же сообщения в Афинской Политии (13, 4) гарантирует повторение других примеров в Политиях Мегарской и Сиракузской.

Падение олигархии происходит главным образом при двух условиях. Одно из них, если олигархи обижают народную массу. В этом случае любой, особенно когда он происходит из среды олигархов, легко становится во главе народа. Таким путем стал тираном на Наксосе Лигдамид (V, 5, 1, 1305a, 37 sqq.). Фрагмент Наксосской Политии, сохранный Афинеем (VIII, p. 348=fr. 558), получает здесь существенное дополнение — Лигдамид, свергший олигархию, сам принадлежит к олигархии. Другое условие, при котором происходит изменение олигархического строя, — это разногласия внутри господствующего слоя, как это было в Массалии, в Истре, в Гераклее и некоторых других полисах. Те, кто не допускались к должностям, производили смуты до тех пор, пока не добивались того, чтобы к занятию должностей допускались старшие из братьев наряду с отцами, а затем и младшие (наряду с отцами и старшими братьями) — ведь в некоторых местах не избираются на должности одновременно отец и сын, а в некоторых — старший и младший братья. В Массалии олигархия приблизилась к политике — *πολιτικωτέρα ἐγένετο ἢ ὀλιγαρχία*, в Истре она вылилась в демократию, а в Гераклее власть перешла от меньшего числа олигархов к шестистам. Раздоры между олигархами, начавшиеся по тем же причинам, что и в названных выше полисах, привели к гибели олигархию и в Книде; народ взял себе предстателя, напал на разъединенных взаимной враждой олигархов и одолел их (V, 5, 3, 1305b, 12 sqq.). В Эрифрах в древние времена

олигархия Василидов была опрокинута, несмотря на то что обладатели полнотой прав заботливо относились к государственным делам; причиной было недовольство народа самым фактом правления немногих (5, 4, 1305b, 18 sqq.). Олигархии падают также из-за демагогии. Последняя, по Аристотелю, бывает двух видов: демагогия среди олигархов и демагогия олигархов среди народной массы (5, 5, 1305b, 22 sqq.). Примеры первого вида демагогии взяты из афинской истории. Харикл был демагогом среди Тридцати, Фриних — среди Четырехсот (редкий случай примера из истории Афин в Политике, не повторенного в Афинской Политии — об этом см. главу 1 настоящего отдела). Второй вид демагогии иллюстрируется примером демагогии политофилаков в Ларисе, где выборы на эту должность находятся в руках народа;⁵⁹ также примерами тех олигархий, где занимать должности могут только обладатели высокого имущественного ценза или участники политических объединений — *αἱ μὲν ἀρχαὶ ἐκ τμημάτων μεγάλων σίσιν ἢ ἐταρίων*, а выбирают должностных лиц граждане не того же социального слоя, а тяжело вооруженные или народ, как это было в Абидосе; наконец, те олигархии, где суд творят только граждане, наделенные полнотой прав, — здесь полем для демагогии являются судебные дела, что и ведет к изменению государственного строя, как это имело место в Гераклее Понтийской.

Иногда олигархию свергают те из правящей среды, кто жил расточительно и растратил свое имущество; они стремятся к государственному перевороту и либо сами хотят стать тиранами, либо выдвигают кого либо другого (5, 6, 1305b, 39 sqq.). Так, Гиппарий выдвинул Дионисия в Сиракузах; в Амфиполе Клеотим привел халкидских поселенцев, а затем поднял их против богатых; в Эгине же некто, ведший переговоры с Харетом, попытался изменить государственный строй по такой же причине.⁶⁰ Не всегда разорившиеся члены правящих кругов в олигархии сразу же предпринимают попытки изменения государственного строя; бывает, что они сначала занимаются присваиванием себе общественных средств, после чего с олигархами вступают в борьбу либо эти расхитители, либо те, кто хочет обуздать расхитителей. Такой случай произошел в Аполлонии на Понте (5, 7, 1306a, 6 sqq.). Отметив мимоходом, что согласие между олигархами обеспечивает внутреннюю прочность олигархии, и сославшись при этом на пример Фарсала, где небольшое число олигархов властвует над многочисленной народной массой (1306a, 9 sqq.), Аристотель продолжает обзор причин и поводов, ведущих к падению олигархии. Последняя рушится и в том случае, когда внутри ее образуется другая олигархия, т. е. если к правительственным постам допускаются не все олигархи (5, 8, 1306a, 12 sqq.). Примером служит Элида, где некогда при олигархическом правлении было всего девяносто пожизненных геронтов, избание которых по-

сило династический (в специфическом смысле) характер и напоминало избрание лакедемонских геронтов.

Конец олигархического строя может наступить как в военное, так и в мирное время (5, 9, 1306а, 19 sqq.). В военное время олигархам приходится пользоваться воинами-наемниками, так как народу они не доверяют; тот, кому они вверяют командование над наемниками, часто становится тираном, каковым стал в Коринфе Тимофан. В мирное время олигархи, с подозрением относящиеся друг к другу, вверяют охрану воинам-наемникам и начальнику, являющемуся посредником (очевидно, между враждующими группами олигархов), который иногда становится господином обеих враждующих сторон; это случилось в Ларисе в правление Алевадов при Симе⁶¹ и в Абидосе во времена политических грушировок, одна из которых имела своим главой Ифиада. Несогласия между олигархами при сватовстве или в судебных делах также могут быть отправными моментами раздоров, ведущих олигархию к гибели (5, 10, 1306а, 31 sqq.). Первая причина наблюдалась не только в перечисленных выше случаях, но и в Эретрии, где Диагор сверг олигархию всадников. Вторая — в Гераклее и в Фивах. В обоих этих полисах за прелюбодеяние было наложено наказание по закону, но с пристрастием (*σταλαστικῶς*). В Гераклее такая кара была применена к Эветиону, а в Фивах к Архию, причем недруги дошли в своей ненависти к ним до того, что выставили их на городской площади с колодкой на шее. Много олигархий пало из-за своей деспотичности — они были свергнуты недовольными из числа полноправных; примерами являются олигархии в Книде и на Хиосе (5, 11, 1306б, 3 sqq.).

Бывает, по Аристотелю, переход от одной формы правления к другой не только если последняя родственна первой, но и если она ей противоположна, например, полития переходит в олигархию (6, 5, 1307а, 25 sqq.). Такой случай имел место в Фуриях. Там ценз, требовавшийся для занятия должностей, был велик. Его снизили и учредили большее число должностей (здесь все издатели отмечают лауну). Знатные сосредоточили в своих руках, вопреки закону, всю землю (ведь полития имела олигархический оттенок, так что знатные имели возможность наживаться). Народ, закалившись на войне, одолел охрану и заставил землевладельцев, имевших излишки земли, отказаться от них. В аристократиях (все они имеют олигархический оттенок) знатные могут делать все, что им хочется и, в частности, родниться с кем угодно; из-за брачной связи с Дионисием погибло государство Локров (Эпизефирских — 6, 7, 1307а, 36 sqq.). Чаще всего аристократический строй изменяется незаметным образом из-за того, что сначала по небрежности не соблюдаются какие-либо из несущественных правил, затем уже и что-либо более важное, пока, наконец, не разрушается и весь строй (1307а, 40 sqq.). Пример составляет история Фурий. Там сначала, по настоянию некоторых молодых

людей, пользовавшихся славой среди стражей, попытались отменить закон, разрешавший повторное занятие должности стратега только с промежутками в пять лет, и добиться позволения одним и тем же лицам быть стратегами непрерывно — они видели, что народ был готов голосовать за них. Должностные лица, так называемые симбулы, после попытки воспротивиться новшеству, уступили, полагая, что изменение государственного строя этим ограничится; впоследствии, пробуя помешать другим изменениям, они ничего не добились, и государственный строй перешел в династическое правление тех, кто стремился к государственному перевороту.

Тирания может возникнуть на основе власти, имевшейся раньше у будущего тирана (8, 4, 1310b, 23 sqq.). Фидон в Аргосе и некоторые другие были обладателями царской власти, тираны ионийских полисов и Фаларид (в Акраганте) занимали государственные должности, Панетий в Леонтинах, Кипсел в Коринфе, Писистрат в Афинах, Дионисий в Сиракузах были влиятельными как демагоги.

Царская власть, по Аристотелю, возникает как в полисах, так и в тех объединениях, которые именуются «этнос», в результате благодеяний, оказанных будущим царем (8, 5, 1310b, 34 sqq.). Кодр в военное время спас свою родину от порабощения, Кир освободил свое отечество, другие были основателями государства или приобрели его (территорию) путем завоевания, как цари лакедемонские, македонские, молосские. О Кодре, по всей вероятности, говорилось в утраченной начальной части Афинской Политии, о лакедемонских царях в начальной части Лакедемонской Политии. Персия и Македония не были предметами рассмотренных в Политиях; молоссы, наоборот, были, так что соответствующие сведения о возникновении у них царской власти имелись в Молосской Политии.

Покушения на жизнь и власть единоличных правителей совершаются, как говорит Аристотель, в порыве гнева, главным образом с целью отомстить за обиду. Кроме не интересующих нас здесь примеров из истории Афин и Македонии, Аристотель приводит случаи из истории Амбракии и Кипра. Заговор против амбракийского тирана Периандра был составлен после оскорбительного вопроса, заданного тираном его любимцу во время попойки (8, 9, 1311a, 39 sqq.). Эвагора Кипрского убил евнух,⁶² у которого сын Эвагора отнял жену (8, 10, 1311b, 4 sqq.). Покушения на правящих лиц совершают, по словам Аристотеля, и люди, мстящие за оскорбление действием. В Митилене Мегакл вместе с друзьями напали на Пенфилидов, которые ходили по городу⁶³ и били встречных дубинами; впоследствии Смерд убил Пенфила, нанесшего ему удары, и вытащил его из дома, оторвав его от жены (8, 13, 1311b, 23 sqq.). Нападения на единовластных правителей бывают также следствием вызываемого ими к себе презрения.

Примеры Аристотель нашел не только в истории Персии и Ассирии, но и в истории Сиракуз, где Дион выступил против Дионисия II, видя, что тот непрерывно пьянствует и граждане относятся к нему с презрением (8, 14, 1312а, 4 sqq.). Ниже Аристотель еще раз вспоминает о Дионе, чтобы показать, что нападение на тиранов совершается не только теми, кто надеется на великие выгоды и великие почести, но и теми, кто ищет славы, хотя вторых и очень немного. К числу последних относится и Дион, который пошел с немногочисленными сторонниками на Дионисия, говоря, что для него достаточно будет участвовать в этом деле до того предела, до какого он будет в состоянии дойти; если ему случится погибнуть вскоре после высадки на сушу, то эта смерть для него будет прекрасной (8, 16, 1312а, 22 sqq.). Сиракузяне, подобно лакедемонянам, упразднили много тираний в тот период, когда сами управлялись хорошо (8, 18, 1312b, 7 sqq.). Вражда между теми, кто причастен к тиранической власти, приводит тиранию к гибели — так было с тиранией Гелона и тиранией Дионисия II (8, 19, 1312b, 9 sqq.). Фрасибул, брат Гиерона, сам желавший стать правителем, демагогически влиял на сына Гелона и вовлекал его в наслаждения; близкие составили заговор, имевший целью гибель Фрасибула, а не тирании вообще, но вступившие в заговор,⁶⁴ пользуясь удобным случаем, изгнали их всех.⁶⁵ Дионисий же был изгнан выступившим против него зятем Дионом, к которому присоединился народ; сам Дион погиб.

Разбирая учение Сократа (Платона) в «Государстве» по вопросу о переворотах, Аристотель, в частности, отмечает, что в этом построении никак не решается и не может быть решен вопрос о переходе тирании в какую-нибудь другую форму правления. В действительности тирания может перейти в тиранию же (10, 3, 1316а, 29 sqq.) — в Сикионе тирания Мирона перешла в тиранию Клисфена; и в олигархию — так было в Халкиде с тиранией Антилеонта; и в демократию — так было с тиранией Гелона в Сиракузах; и в аристократию — так было с тиранией Харилая в Лакедемонии и с тиранией в Карфагене. Олигархический строй может смениться тиранией, как это было в древние времена в Сицилии с большей частью олигархий: в Леонтинах олигархия сменилась тиранией Панетия, в Геле — Клеандра, в Регии — Анаксилая; так было и во многих других городах (10, 4, 1316а, 34 sqq.). Как видно из нашего обзора, Аристотель, приводя свои примеры, не раз давал понять, что количество их могло бы быть увеличено (8, 4, 1310b, 34; 8, 11, 1311b, 6 sq.; 8, 14, 1311b, 34 sqq. и др.). Есть в Политике и такие положения, в частности в рассуждениях о государственных переворотах, где примеры вообще отсутствуют (5, 6, 1305b, 36 sqq.; 5, 9, 1306а, 25 sq.; 5, 11, 1306b, 6 sqq.; 8, 20, 1312b, 17 sqq.; 8, 22, 1312b, 38 sq.; 9, 5, 1313b, 28 sqq.; 9, 6, 1313b, 32 sqq.; 9, 11, 1314b, 5 sq. и др.). Не может быть никакого сомнения в том, что Аристотель строил свои выводы на основании

большого собрания исторических фактов, бывшего в его распоряжении. Этот материал, игравший в Политике вспомогательную роль доказательства, занимал в Политиях центральное место.

Весь этот материал давался в Политиях, по всей вероятности, так, как он давался в Афинской Политии. Специфический интерес, проявленный Аристотелем в Политике к государственным переворотам, и возможность оперировать с богатым историческим материалом показывают, что такой материал был собран автором еще до написания Политики и мог послужить ему в дальнейшем при построении отдельных Политий. Поворотные моменты в истории государственного строя привлекали к себе особое внимание Аристотеля. Если представить себе исторические примеры, имеющиеся в V книге Политики, разбросанными по соответствующим Политиям, то получится довольно значительное количество опорных пунктов для суждения о композиционной линии, которая могла быть выдержана во всей серии. Аристотель рассказывал о поводах, дававших толчок к свержению существовавшего строя и замене его новым, и лишь частью этих рассказов прямо воспользовался в Политике. Содержание Политий и составлял рассказ о смене одного строя другим — как это наблюдается в Афинской Политии.

Однако уловить основную композиционную линию в Политиях — не значит уяснить себе внутренний композиционный их принцип, идею каждой Политии в отдельности (и тем самым идею всей серии). В основу Афинской и Лакедемонской Политий была положена мысль о порче государственного строя: читатели последней четверти IV в. должны были проникнуться сознанием, что и Афины, и Спарта имели когда-то, хотя и далеко не совершенные, но все же хорошие устройства, но затем утратили их и в настоящее время управляются плохо.

Как обстояло дело в других Политиях? Прямых данных или свидетельств об идеологической направленности прочих Политий не имеется. Приходится собирать разрозненные косвенные указания и на основании их строить догадки.

В Политике Аристотель занимается разбором современного ему критского строя путем сравнения его со строем спартанским. В общей оценке критских порядков отмечается, что в них кое-что не хуже, чем в Спарте, но в большей своей части они менее отделаны (менее тщательно продуманы), чем спартанские (II, 7, 1, 1271b, 20 sqq.). Неодобрительно отзывается Аристотель о замещении должностей космонов только из членов определенных родов — это еще хуже, чем способ замещения должностей эфоров в Спарте. Ведь основной недостаток спартанского способа (выбор падает на случайных людей) не компенсируется на Крите той выгодой, какое получает Спартанское государство: народ, имея доступ к высшей из должностей, заинтересован в сохранении действующей

пей конституции (7, 5, 1272a, 27 sqq.). В геронты попадают только бывшие космы, и они, подобно спартанским геронтам, не знают над собой контроля, пользуются своей властью пожизненно и правят по собственному усмотрению, а не на основании писанных законов (1272a, 34 sqq.). Своеобразной поправкой к неудачному положению с космами являются частые смещения их либо соединившимися против них коллегами, либо частными лицами. К тому же и сами космы могут отказаться от своей должности до истечения срока своих полномочий. Все это совершается по воле людей, а не по предписанию закона, а потому и не заслуживает одобрения (7, 6, 1272b, 1 sqq.). Хуже всего то, что могущественные люди, не желая отвечать по суду, часто устраивают анархию, создавая препятствия к выбору космов (Аристотель называет состояние государства, в котором в должный срок не были выбраны главные должностные лица, *ἀκοσμία* и *ἀναρχία*). В такие периоды происходят раздоры среди граждан, так как могущественные лица, привлекая на свою сторону народ и действуя совместно с друзьями, враждуют и бьются между собой, так что государственный строй не может быть назван конституционным строем в собственном смысле слова, а является династией (7, 7, 1272b, 7 sqq.). Таким образом, не может быть никакого сомнения в том, что Аристотель отрицательно оценивает современный ему государственный строй критских полисов.

Сравним со всем этим оценку деятельности Миноса в Критской Политии, как ее дают эксцерпты Гераклида. Минос назван здесь энергичным и дельным законодателем, который через каждые девять лет производил исправление законов — *Μίνως, πρακτικός τε ἄρα καὶ νομοθέτης σπουδαῖος γινόμενος, ἐποιεῖτο δὲ δι' ἐνάτου ἔτους τῆς ἐπανόρθωσιν τῶν νόμων* (fr. 611₁₄). Где-то в своей Критской Политии Аристотель останавливался на отмене царской власти на Крите, как он делает это в Политике, когда говорит, что в его время командование на войне находится в руках космов, — *βασιλεία δὲ πρότερον μὲν ἦν, εἶτα κατέλυσαν οἱ Κρήτες, καὶ τὴν ἡγεμονίαν οἱ κόσμοι τὴν κατὰ πόλεμον ἔχουσιν* (II, 7, 3, 1272a, 8 sqq.). Существование космов во времена Миноса, если бы оно могло быть доказано, не изменило бы основного — все те недостатки критского строя, которые связаны с главенствующим положением космов, не могли иметь места при сильной царской власти. Отсюда следует, что где-то в промежутке между временем Миноса и IV в. до н. э. произошел перелом в состоянии Крита, наступило ухудшение. Бесплезно гадать, началось ли это ухудшение сразу же после отмены царской власти или же начало его относится к более поздним временам. Бесспорно одно — в построении Критской Политии отражалась та же общая мысль, что и в Политиях Афинской и Лакедемонской. Критский государственный строй был когда-то хорошим, а в настоящее время он плох.

Что касается прочих Политий, то относительно их приходится довольствоваться соображениями более общего порядка. В Локрской (Локров Эпизефирских) Политии Аристотель говорил о прекрасных законах Залевка (fr. 548), что напоминает похвальный отзыв Афинской Политии о законодательстве Солона — τὰ βέλτιστα νομοθετήσας (11, 2). Где-то близко к началу Локрской Политии Аристотель, в согласии с преданием, говорил о превосходном законодателе Залевке, который получил, по собственным словам, свои законы во сне от самой богини Афины и вывел государство из смутного состояния. Как рассматриваемый здесь фрагмент, так и все перечисленные выше (глава 1 настоящего отдела) места с характеристиками исторических деятелей показывают, что момент прямой оценки общего политического положения и образа действий отдельных руководителей политики присутствовал не только в Афинской Политии.

Закапчивая в Политике свое рассуждение о «среднем» государственном устройстве, Аристотель говорит, что преобладающими формами государственного устройства в его время являются демократия и олигархия — αἱ πλεῖσται πολιτεῖαι αἱ μὲν δημοκρατικαὶ εἰσὶν αἱ δ'ολιγαρχικαὶ (IV, 9, 10, 1296a, 22 sq.). Занимавшие главенствующее положение в греческом мире полисы устанавливали повсюду то государственное устройство, какое было у них — либо демократию (имеются в виду Афины), либо олигархию (Спарта). Аристотель думает здесь о временах афинской и спартанской гегемоний, т. е. берет длинный период времени, начиная приблизительно с 480 г. и кончая падением спартанской гегемонии в конце 70-х и 60-х годов IV в. Все высказывания автора Политики о демократии и об олигархии свидетельствуют о его отрицательном отношении к этим политическим формам, которые он противопоставляет политии и аристократии, являющимся, по его мнению, правильными формами. Следовательно, есть полное основание думать, что Политии Аристотеля в большинстве случаев, если не всегда, оканчивались так, как оканчивается Афинская Полития и, по всей вероятности, оканчивались Лакедемонская и Критская Политии, — констатированием того, что в данном полисе установилась неправильная форма правления. В конце исторической части Политий подводился, таким образом, безрадостный, с точки зрения автора, итог истории государственного строя.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖАНР ПОЛИТИЙ АРИСТОТЕЛЯ

Афинская Политика Аристотеля, как известно, состоит из двух частей: исторической и систематической.

В первой части, если оставить в стороне менее значительные композиционные детали (краткие общие характеристики правления, характеристики политических деятелей, обзор демагогов, общее резюме и некоторые другие), главными составными элементами являются описание конституций (*πολιτεῖαι*) и изображение государственных переворотов (*μεταβολαί*).

Вторая часть Афинской Политики, систематическая, посвящена описанию демократического строя IV в. до н. э. Можно думать, что аналогичным образом были построены и другие утраченные Политики Аристотеля. Во всяком случае фрагменты их не противоречат такому предположению (в большей части случаев каждый из них легко отнести к исторической или систематической части соответствующей Политии).

В какой степени Аристотель продолжал в своих Политиях какую-то сложившуюся до него историографическую традицию?

По отношению к систематической части Политий, в частности Афинской Политии, вопрос сводится к следующему: писались ли до Аристотеля сочинения, содержанием которых было подробное описание строя реально существовавшего государства?

«Государство» Платона имело совсем другую задачу — дать изображение идеального, с точки зрения автора трактата, политического и социального строя. То же следует сказать и о сочинении Фалея Халкедонского, известном нам только по упоминанию о нем в Политике Аристотеля (II, 4, 1, 1266a, 39 sqq.), и о сочинении Гипподама Милетского, также упоминаемом в Политике (5, 1, 1267b, 22 sqq.). Проект законов для города Фурий, составленный Протагором, как может показаться на первый взгляд, должен был приближаться к типу реального описания. Однако все, что мы знаем о сочинениях знаменитого софиста и о его ум-

етвенном складе, делает в высшей степени правдоподобным предположение, что его «Фурийские законы» (Diog. Laërt. IX, 50 — со ссылкой на Гераклида Понтийского) представляли собой не столько проект законов для реального государства, сколько утешию, опубликованную по случаю основания Фурий.¹

«Лакедемонская Полития» Ксенофонта и Псевдо-Ксенофонта «Афинская Полития» имеют своей темой рассмотрение государственного строя двух первенствовавших греческих государств — Спарты и Афин. От Афинской Политии Аристотеля эти произведения отличаются главным образом в трех отношениях.

Во-первых, и это самое важное, ни одно из этих сочинений не является ни историческим, ни систематическим обзором предмета. Строгий план «Лакедемонской Политии» Ксенофонта не должен нас обманывать — ряд существенных элементов государственного строя Спарты оставлен автором в стороне (функции эфоров, герусии, характер народного собрания и др.; не отмечено даже то, что царей в Спарте два). Что же касается олигархического памфлета (дело не изменится, если мы назовем его записью лекции) об Афинах, обычно называемого Псевдо-Ксенофонтовой «Афинской Политией», то его только условно можно считать сочинением, посвященным государственному строю Афин, так как в нем затрагиваются либо вопросы самого общего характера, относящиеся не столько к государственному строю, сколько к широким предпосылкам государственных установлений, а иногда и имеющие с последними довольно слабую связь, либо мелочи афинской жизни. Цель Ксенофонта — апологетическая (и в то же время полемическая), цель Псевдо-Ксенофонта — полемическая. Ксенофонт выставляет в наилучшем свете государственные установления Спарты, тем самым опровергая тех, кто находил или мог бы находить в них те или иные недостатки. Неожиданный диссонанс вносит предпоследняя (14-я) глава, из которой видно, что Спарта во времена Ксенофонта уже не та и в сущности не заслуживает той хвалы, какая воздается ей на протяжении всех предыдущих глав. Для нас эта глава является откровенным признанием автора в том, что изображение реальной Спарты входило в его намерения лишь в той мере, в какой она отвечала или считалась отвечающей идеальному образу, который был дорог автору и его единомышленникам-лаконофилам. О каком-либо стройном плане Псевдо-Ксенофонтовой «Афинской Политии» говорить не приходится. Изложение в ней, хотя и не совсем беспорядочное, не отличается большой последовательностью. Замысел автора — показать, что афиняне, избрав себе непохвальный политический строй, пользуются вполне подходящими средствами для поддержания этого строя. Если «Лакедемонская Полития» Ксенофонта проникнута чувством восхищения перед ликурговым строем, то «Афинская Полития» неизвестного поклонника олигархии явно враждебна афинской демократии и отзывается о ней с нескрываемым сарказмом.

Во-вторых, авторы обеих Политий прямо сравнивают разбираемые ими порядки с порядками других государств. Как известно, в аристотелевской Афинской Политии только в одном месте делается сравнение афинской демократии с другими демократиями (40, 3). Ксенофонт строит все свое изложение на прямом или прикрытом противопоставлении совершенных спартанских порядков несовершенным порядкам других греческих государств (прямое сравнение — I, 2, 3, 5; II, 1, 12, 14; III, 1; IV, 7; V, 2, 5; VI, 1, 4; VII, 1; VIII, 2, 4; IX, 4, 5; X, 8; XIII, 5, причем иногда точнее обозначались эти государства — II, 12; скрытое сравнение — III, 4; VIII, 5; XI, 2; XII, 7). Реже, но все же достаточно часто встречаются такие неприкрытые сравнения и у Псевдо-Ксенофонта (I, 11; II, 8, 11, 12, 17; III, 2, 8, 11; прикрытое сравнение имеется, например, в I, 10).

В третьих, тогда как Аристотель в Афинской Политии нигде не говорит от первого лица,² авторы двух других сочинений, наоборот, везде подчеркивают свое личное мнение, употребляя глагол и личное местоимение первого лица (Xenoph. I, 1, 8, 12, 14; IV, 2; V, 9; VIII, 1, 2; IX, 6; X, 1; XII, 1, 7; XIII, 1, 2, 8; XIV, 1—4; XV, 1; — Ps.-Xenoph. — I, 1; II, 19, 20; III, 1, 3, 5, 8, 12).

Нам плохо известны Политии (Лакедемонская, Фессалийская, Афинская) Крития, однако, судя по немногочисленным их фрагментам, это были не исторические или систематические обзоры, а политические памфлеты,³ содержавшие немало бытового материала (образ жизни спартанцев, фессалийцев).

О каком-либо предшествующем Аристотелю трактате по государственному строю Афин, который служил бы источником или образцом для Аристотеля, нет никакого основания думать.⁴

Политии Аристотеля как историографический жанр не являются продолжением какой-либо традиции, они представляют собой литературное новшество.

Признание жанра аристотелевских Политий созданием самого Аристотеля отнюдь не исключает поисков в предшествовавшей литературе и письменности вообще того, что послужило источником или точкой опоры для отдельных элементов, из которых состоит Афинская Полития. Описания конституций в Афинской Политии не представляют собой чего-нибудь абсолютно однородного. Отличия между описаниями, содержащимися в разных частях Афинской Политии, сводятся к следующему: 1) одни описания отличаются целостностью, другие представляют собой результат реконструкции по частям; 2) суммарным описанием в исторической части противостоит детальное описание государственного устройства IV в. в систематической части; 3) в некоторых описаниях наряду с элементами статического характера имеются и элементы динамики, иногда занимающие большое и даже преобладающее место.

В поисках корней описательной манеры Аристотеля следует не упускать из виду перечисленных различий. Попытаемся на основании перечисленных признаков выделить основные типы этих описаний.

По первому признаку выделяем два типа. Один — перечисление отдельных особенностей государственного строя и частей государственного аппарата; другой — то же, но со следами умозаключений, при помощи которых были добыты отдельные камни, послужившие для реконструкции описываемой конституции. Примерами описаний первого типа могут служить конституция Драконта (4),⁵ конституции 411 г. (29, 5—31; 32, 8), своеобразное политическое положение, сложившееся в Афинах в 403 г. в результате соглашения между вернувшимися в Афины демократами и бежавшими в Элевсин олигархами (39). Аристотель во всех этих случаях воспроизводит документ — подлинный или поддельный (конституция Драконта) — со свойственными документальной прозе стилиевыми особенностями — фактичность, ясность, сжатость, сухость.

Второй тип описания конституций отражает результаты комбинационной работы предшественников Аристотеля. Можно считать установленным, что сам Аристотель реконструкцией старинных конституций и историческими исследователями вообще не занимался.⁶ Он нашел в своих источниках изображение древней додраконтовской конституции (3), конституций Солона (7—8), Клисфена (21) и, перенеся эти изображения в Афинскую Политию, сохранил частично аргументацию своих источников. Самому Аристотелю принадлежит в изображении этих ранних конституций сопоставление разных мнений, иногда добавочный аргумент в пользу одного из них. В смысле стиля находим здесь соединение особенностей документальной прозы и прозы научной.

Когда речь идет о конституциях прошлого, Аристотель дает лишь общий их очерк, останавливаясь главным образом на основных их чертах, на существенных новшествах и не стремясь к большой детализации. Последняя, надо думать, чаще всего была и невозможна; там же, где она была возможна, в ней не было надобности, так как она предвосхищала бы подробное описание, резервированное автором для второй части Политии.

Детальное описание конституции Афин в IV в. до н. э., заполняющее вторую часть Афинской Политии, является, как мы пытались выяснять выше, оригинальной работой самого Аристотеля. Стилистическое родство некоторых мест с текстами законов, давно уже обнаруженное,⁷ может свидетельствовать самое большее о возможной (но не обязательной) непосредственной зависимости этих мест от текста законов. Следует всегда помнить о том, что автор, хорошо знакомый с документальной прозой, способен изложить в свойственном документам стиле и тот материал, который получен им не из документа.

Вторая часть Афинской Политии не вполне однородна по стилю. Одно место Аристотеля — описание института эфебии (42, 2—5) заставляет вспомнить соответствующие места из «Киропедии» и «Лакедемонской Политии» Ксенофонта. На деле сходство оказывается не очень далеко идущим. В «Киропедии» автор описывает выдуманное им самим воспитание детей и юношей и хочет внушить читателю веру в превосходстве этого способа воспитания. Для этого, во-первых, персидское воспитание прямо противопоставляется тому, что делается в других государствах (I, 2, 2). Во-вторых, время от времени выражается похвала норме и практике воспитания у персов: § 2 — законы заботятся об общем благе; § 3 — законы заботятся, чтобы граждане с самого начала не стремились к какому либо дурному или позорному делу, чтобы сутолока не смешивалась с благопристойностью хорошо воспитанных людей; § 6 — дети ходят в школу, чтобы обучаться справедливости; § 7 — должностные лица судят тех, кто проявил неблагодарность, так как они полагают, что последняя ведет к забвению долга перед богами, родителями, отечеством, друзьями: Ксенофонт добавляет уже от своего имени, что спутником неблагодарности является бесстыдство, которое толкает человека на безобразные поступки, и т. д. Таков же общий тон и описания спартанского воспитания в «Лакедемонской Политии» Ксенофонта. Аристотель же в Афинской Политии дает фактическое описание эфебии, не сравнивая ее с системой воспитания в каких бы то ни было других государствах и не высказывая со своей стороны ни одобрения, ни порицания. Трудно судить об общем стиле описания воспитательной системы спартацев в Лакедемонской Политии Аристотеля, но те три предложения, которые дошли до нас в изложении Гераклида (fr. 614₁₃), отличаются тем же характером, какой имеет описание эфебии в Афинской Политии. То же следует сказать и о большем по размеру отрывке Гераклида, содержащем сведения о воспитании на Крите (fr. 611₁₅).

В изложении второй части Афинской Политии есть нечто общее с манерой его школьных произведений,⁸ где анализ понятий и их классификация сопровождается перечислением признаков и где большие куски текста построены по одинаковому плану. Внешнее сходство, впрочем, не должно заслонять от нас коренного различия. В чисто ученых сочинениях Аристотеля отражается работа мысли самого автора: понятия выделяются, анализируются, определяются и классифицируются самим Аристотелем. Политика в этом отношении не отличается от других теоретических трактатов Аристотеля — на каждом шагу мы встречаем в ней результат обобщений, сделанных самим автором на основании анализа большого материала. В Афинской Политии определения функций афинских учреждений и должностных лиц даются на основании реального положения, легко доступного наблюдению. Место анализа понятий занимает в Политии простое констатирование,

опирающееся на хорошее знакомство с афинским государственным аппаратом.

Наконец, остановимся на тех описаниях конституции, в которых имеются элементы движения. В пределах одного и того же устройства происходят изменения (а иногда и события), не влияющие коренным образом на характер конституции, но представляющие интерес для внутренней истории государства. К этому типу относится глава о последствиях реформы Клисфена (22) и падении Ареопага (26, 2—4), также о положении дел после отъезда Солона (13, 1). Стиль этих частей, как и их содержание, обнаруживает родство с анналистикой: Аттиды, как известно, были одним из источников Афинской Политии.⁹

В Афинской Политии нет места для описаний этнографического характера. В других Политиях, как мы видели выше, имелись части (о размерах их трудно судить), в которых описывались нравы и обычаи. Не приходится много говорить о том, что в Лакедемонской Политии описание государственного строя было неотделимо от описания образа жизни спартанцев. Один раз Геродот в виде исключения (других такого рода мест у него нет) посвящает довольно много внимания сообщению о привилегиях, которыми пользуются спартанские цари (VI, 56—59). Здесь и функции царей, и собственно привилегии, и описание обычая оплакивания умершего царя. Знакомый с обычаями многих народов, Геродот сопоставляет обычаи спартанские с персидскими (VI, 58—59). Этот прием сравнения чужд Аристотелю (во всяком случае в Политиях). Общий тон изложения Геродота все же напоминает систематические части Афинской и других Политий Аристотеля. У обоих авторов та же деловитость, фактичность, стремление избежать всего постороннего. Общее заключение о стиле описательных (в смысле описания конституций) частей Политии может быть приблизительно таким: опираясь на выработанный до него деловой стиль, восходящий в конечном счете к стилю документальной прозы, Аристотель, испытывавший и непосредственно воздействие этой последней, приспособил этот стиль к нуждам не только философского и научного рассуждения, но и (путем освобождения его от тяжеловесности) популярного описания государственных порядков.

Безусловно традиционными по времени Аристотеля являлись некоторые воспринятые им и отвечавшие задачам Политий элементы исторического изложения; общая характеристика правления того или иного правительства, краткая или более развернутая характеристика исторических лиц (иногда с оттенком апологии), справки персонального характера (Аристотель дает их в Афинской Политии только по отношению к Солону и тиранам). Общая характеристика правления не раз встречается в Афинской Политии (2, 2; 5, 1; 14, 3; 16, 2, 7, 8; 19, 1; 22, 1; 23, 2; 26, 1; 27, 1; 28, 1; 33, 2; 35, 2; 40, 3; 41, 2). Вполне или до известной степени анало-

гичные места находим у Геродота и Фукидида. Геродот дает общую характеристику правления Писистрата (I, 59), Хеонса (II, 124), Хефрена (II, 127), Микерина (II, 129), Поликрата Самосского (III, 125), Аркесилая Киренского (IV, 162), Гишпия (V, 62), Периандра Коринфского (V, 92). При этом следует отметить большую близость Аристотеля к Геродоту в оценке правления Писистрата и не менее тесную близость к Фукидиду в оценке правления Пяти тысяч (Фукидид VIII, 97, 2). Краткие характеристики исторических деятелей — также один из элементов изложения Аристотеля в Афинской Политии (14, 1; 17, 3—4; 18, 1—2; 20, 1; 22, 4; 23, 3; 25, 1; 26, 1; 27, 3, 4; 28, 3, 5; 32, 2). Такие прямые характеристики исторических лиц имеются уже у Геродота — Арион (I, 23), Киаксар Мидийский (I, 73), Нитокрида Вавилонская (I, 185), Амасис (II, 172, 174), галикарнасцев Фан (III, 4), перс конюх Эбар (III, 85), кротонский врач Демокед (III, 131), спартанцы Клеомен и Дорией (V, 42) и другие (V, 55, 66, 113, 124; VI, 35, 103, 127—128; VII, 106, 107; VIII, 79). Параллелями из Фукидида являются места о Фемистокле (I, 74, 1; 138, 3), Перикле (I, 139, 4), Брасиде (IV, 84, 2), Клеоне (V, 16, 1), Никии (V, 16, 1; VII, 86, 5), Алквиаде (VI, 15, 2—3), Антифонте (VIII, 68, 1), Ферамене (VIII, 68, 4) и некоторых других. Двух государственных деятелей Афин — Солона и Ферамена — Аристотель не просто характеризует, но и берет под свою защиту (Солон — 5, 3; 6, 3—4; 11, 2; 12; 14, 2; Ферамен — 28, 5). Полемиическая направленность этих характеристик служит для нас достаточным основанием думать, что Аристотель нашел в литературе (возможно, отчасти и в устном предании) отрицательные характеристики названных деятелей. Включаясь в спор, Аристотель тем самым оказывается не новатором, а продолжателем определенной установившейся традиции.

Рассказы Аристотеля представляют собой наряду с описаниями конституций один из двух основных элементов текста Афинской Политии.

Описания конституций чередуются в первой части Афинской Политии с историческими рассказами о государственных переворотах, о разных событиях внутренней жизни государства, местами с историческими анекдотами. Свообразен стиль исторических повествований в Афинской Политии. Это краткие, передающие существо дела, но лишённые всяких прикрас и избегающие передачи деталей рассказы. Тем не менее это все-таки сжатые рассказы, а не просто сухие справки. Рассказы Аристотеля нельзя поставить на одну доску с краткими историческими сообщениями, какие в изобилии встречаются хотя бы у Геродота. Всякий раз, когда галикарнасский историк ограничивается суммарным изложением события или простым констатированием его, мы можем быть вполне уверены, что у него либо нет достаточных сведений об этом событии, либо нет интереса к нему. Иначе говоря, такого рода

сообщение Геродота свидетельствует о слабой осведомленности автора, и, что еще важнее, они никогда не лежат в плоскости основного его повествования, а всегда вне ее. Не то у Аристотеля. Беглые рассказы, о которых сейчас идет речь, являются конструктивными частями Афинской Политии. Они даются не как попутные сообщения, а как часть основного повествования о важных событиях. О тех же событиях автор мог бы рассказать подробнее, но он сознательно выбрал свой способ изложения.

Априорные соображения могли бы натолкнуть на мысль о сходстве торопливого и в то же время делового стиля рассказов Афинской Политии со стилем определенных частей афинских судебных речей (*narratio*), где излагаются события, послужившие поводом для судебного процесса. Ограниченное время, полагавшееся для произнесения речи, вынуждало авторов речей выукло подавать основные моменты события, не слишком задерживаясь на деталях. Однако веские доводы предостерегают нас против поспешного принятия такого предположения. Рассказы о судебных речах (если было о чем рассказывать) отнюдь не являются краткими. Это вполне понятно. Нарративная часть речи служила основанием для аргументации в пользу или против подсудимого и уже по этому одному не должна была быть слишком бедной деталями. И действительно, ораторы не скупаются на подробности, в чем легко можно убедиться, читая соответствующие части речей Антифонта об отравлении отца мачехой (I, 14—20) и об убийстве Герода (V, 20—24), речей Лисия об убийстве Эратосфена (I, 5—27) и против Эратосфена (XII, 4—24), речи Псевдо-Лисия против Андокида (VI, 21—23), ряда речей Исея (I, 9—14; II, 3—12; V, 5—18; VII, 5—17; VIII, 7—8; X, 4—6). Многословны рассказы в некоторых речах Исократ (XVI, где рассказ занимает почти всю речь; XVII, 3—23; XIX, 5—12). Подробен в своих рассказах и Демосфен (например, XXI, 13—18; XXIII, 8—17; XXIV, 11—16; XLI, 3—5; LIII, 4—18; вопрос о подлинности речей для нас здесь значения не имеет). Не является исключением и Ликиург в своей речи о непатриотическом поведении Леократа (16—17). Короткие рассказы в судебных речах встречаются только в тех случаях, когда самое событие было несложным и не допускало длинного повествования или когда (в защитительных речах) нужно было показать, что события (преступления) не было.

Вторая особенность нарративных частей в судебных речах, отличающая их от рассказов Аристотеля, — явно выраженное стремление эмоционально воздействовать на слушателей (судей). Для чего Лисий в речи об убийстве Эратосфена, проникшего с дурными целями в чужой дом, заставляет оскорбленного мужа так долго говорить о своем пленом доверии к жене? Для чего передаются — в форме прямой речи — лживые слова неверной жены (I, 12, 14)? Для чего упоминается о том, что даже употреб-

ление косметических средств женщиной в период семейного траура не вызвало никаких подозрений со стороны доверчивого супруга (I, 14)? Единственное объяснение всему этому — стремление оратора создать в суде атмосферу сочувствия к подсудимому как одну из предпосылок для его оправдания (наряду с юридически весомыми аргументами). Той же цели служит и повторное упоминание о бедах, постигших подсудимого (I, 7, 15), и о сильном душевном волнении, испытанном им, после того как незнакомая старуха сообщила ему об измене жены (I, 17). С точки зрения судебной процедуры достаточно было бы ссылки на соответствие действий подсудимого с законом, дозволявшим мужу убить любовника жены, застигнутого на месте преступления; закон этот был здесь же прочитан и, вместе с законом о насильниках, использован в интересах подсудимого (I, 30—36). Составитель речи не удовлетворялся этим. В целях воздействия на чувства слушателей он вложил в уста подсудимого патетическое (в сущности, чуждое обычному стилю Лисия) ¹⁰ обращение к своему обидчику: «Не я убью тебя, а закон государства. Преступая его, ты поставил его ниже своих собственных наслаждений и предпочел совершить такое преступление по отношению к моей жене и моим детям, нежели повиноваться законам и соблюдать благопристойность» (I, 26).

Таким же далеким от рассказов Аристотеля тоном отличаются повествования и в других судебных речах. Дионисий Галикарнасский пишет (*De Lysia* 17), что рассказы Лисия покоряют слушателя еще раньше, чем он выслушает доказательства.¹¹ Такое действие рассказов оратора античный критик объясняет их краткостью (как мы видели, они не всегда отличаются краткостью, но, вероятно, имеется в виду отсутствие растянутости), ясностью, приятностью. Это дает повод Дионисию применить к аттическому оратору слова Гомера об Одиссее: ἴσχε φεῦδεα πολλὰ λέγων ἐτόμοισι βροῖα (Одиссея XIX, 203). Если, подобно гомеровскому герою, Лисий сказал много лживого, похожего на правду, и заставил слушателей верить ему, как поверила Пенелопа вымышленному рассказу неузнанного ею супруга, то эти рассказы должны быть признаны самым эффективным оружием в руках оратора. В некоторых речах Лисия и других ораторов повествование сливается с аргументацией, что еще больше отдаляет рассказы ораторов от рассказов Аристотеля.

Сказанное выше об эмоциональной окраске повествовательных частей в судебных речах можно иллюстрировать рядом примеров, в первую очередь из Лисия. В защитительной речи против Симона безобразное поведение последнего не только описывается, но и прямо характеризуется как наглое, незаконное, безумное, дурное (III, 5—20). Неблаговидность вторжения Симона в чужой дом подчеркивается упоминанием о живших в доме скромных девушках-сиротах (III, 6—7) и контрастом с поведением его про-

тивника. Речь в защиту воина, едва ли принадлежащая Лисию, но бесспорно относящаяся ко времени около 390 г. до н. э., содержит короткий рассказ с рядом выпадов против стратега, презрительно обошедшегося с воином (IX, 4), и против должностных лиц, наложивших штраф из-за личных счетов (IX, 7); недостойным действиям властей противопоставляется поведение самого воина, который не воспользовался помощью дружественно расположенного к нему влиятельного гражданина ни для мести врагу, ни для благодеяния другу (IX, 14). Большая речь против Эратосфена, написанная Лисием для себя, включает очень обстоятельный рассказ, ярко рисующий произвол, алчность и необузданность Эратосфена; здесь же характеристика правления Тридцати (к числу их принадлежал и обвиняемый), которые, прикрываясь словами о необходимости очистить государство от несправедливых людей и направить граждан на путь добродетели и справедливости (XII, 5), творили самые незаконные дела — убивали ни в чем не повинных людей, присваивали себе их имущество (XII, 7 sqq.). У Антифонта в речи об отравлении обвинитель называет свою матрону Клитемнестрой (I, 17) и сопоставляет участь наложницы, уже поплатившейся за свое преступление, в котором она была лишь пособницей, с участью сознательной убийцы, которая не избежит кары, «если вы [судьи] и боги того пожелают» (I, 20). Подчеркивание своих заслуг имеется в речи того же оратора о хоревахте: хор был набран наилучшим образом, никто при этом не потерпел обиды, хорег всячески заботился о своем хоре (VI, 11—12).

Последний пример показывает, что не всегда в рассказах ораторов стремление подействовать на чувства слушателей сказывается так явно, как в ряде приведенных выше примеров. Нередко оратор прибегает к более прикрытому способу, он подчеркивает некоторые обстоятельства, важные для создания определенной презумпции в пользу или против обвиняемого. Дальнейшие примеры, взятые из разных речей, показывают многообразие приемов, применявшихся ораторами. В довольно подробной нарративной части речи Антифонта об убийстве Герода (V, 20—24) подчеркивается в форме прямого обращения к судьям (V, 21 — *σκοπεῖτε*), что Герод и обвиняемый случайно встретились на корабле, что обвиняемый не уговаривал Герода ехать с ним, что каждый из них отправлялся по своим делам и т. д. Обстоятельные рассказы Исея обычно отличаются деловым тоном, но и в них иногда проявляется тенденция затронуть чувства судей. В одной речи о действиях противника сказано: «до такой наглости и подлости он дошел» (V, 11); в другой обвиняемый говорит о своей матери: «она терпит ужасное дело, о мужи» (X, 5). Демосфен в нарративных частях своих обеих речей против Афоба группирует факты таким образом, чтобы вызвать нужную ему реакцию со стороны судей, не только противопоставляя надеждам отца корыстолюбивое поведение опекунов (XXVII, 4—7; XXVIII, 14—17), но и

прямо заявляя о несправедливости, жертвой которой он стал (XXVII, 7 — τὸ κεφάλαιον τῶν ἀδικημάτων; XXVIII, 18 — ἡδίκημαι), и о бесчестности одного из обвиняемых (XXVIII, 16 — οὗτος ὁ πάντων ἀνδρῶπων ἀνοσιώτατος). Прямые обращения к судьям, резкие слова по адресу противника, неприглядное изображение его действий, подчеркивание порядочности или страдательной роли говорящего — обычная принадлежность судебных речей Демосфена. Так, в речи против Мидия искусно построена антитеза: оратор, взявший на себя хорегию, удостоился шумного одобрения со стороны афинского народа и только его противник составил исключение (XXI, 14); не все поступки Мидия будут упомянуты в речи, а только те, которые вызовут общее единодушное негодование (XXI, 15). Мидий, по словам оратора, испортил одежду, приготовленную для хоревтов; одежда эта названа священной, причем здесь же дается обоснование такого ее обозначения. Флейтист, выручивший оратора, который лишился своего учителя хора, назван «наилучшим из людей», а поведение противника охарактеризовано как наглое; он настроил хоревтов против оратора, «крича, угрожая . . . загоразивая просекений» (XXI, 17). Судьи были свидетелями бесчинств Мидия, из-за которого фила не вышла победительницей в театральном соревновании (XXI, 18). Аналогичные приемы встречаются и в других речах Демосфена (например, XXIV, 12—15; XLI, 3, 5 — двукратное обращение к судьям в кратком рассказе; LIII, 12, 13, 16—18). Ликург в речи против Леократа противопоставляет действия себялюбивого обвиняемого после битвы при Херонее патриотическому поведению афинских граждан. В годину испытаний Леократ презрел постановления народного собрания, он не пожалел гаваней, по постыдился стен отечества, презрел и предал Акрополь, храм Зевса Спасителя и Афины Спасительницы (17), а прибыв на Родос, не постыдился назвать несчастье отечества своим собственным спасением (18) и позаботился о перевозе в Мегары своих родовых святых, нарушая этим стародавние обычаи и установления (25, 26). Исократ заканчивает свой довольно короткий рассказ в речи против Эвфина (XXI, 2, 3) объяснением, рассчитанным на определенное действие на судей: уважение к обвиняемому и обстоятельства того времени удержали бы обвинителя от жалоб, если бы для последних не было достаточных оснований.

В повествовательных частях судебных речей нельзя искать истоков повествовательной манеры Аристотеля. Прежде чем поставить вопрос о генезисе повествовательного стиля Аристотеля, необходимо ближе ознакомиться с Аристотелем-рассказчиком.

В первую очередь следует выяснить, не подчиняется ли Аристотель вообще стилю своих источников.¹² Для этого недостаточно обнаружить отдельные случаи такого подчинения. Выше говорилось об анналистической манере Аттид, отразившейся в некоторых местах Афинской Политии. Дух и отчасти стиль памфлета отра-

жаются у Аристотеля в изображении демократических порядков времен расцвета морского союза (24).¹³ Скопление граждан, покидавших поля в городе, кормление большого числа их на государственные счет, деспотическое обращение с союзниками — все это представлено как сознательная цель Аристида. Правда, нигде нет прямых нападок на Аристида, но общая направленность отрывка не оставляет сомнения в том, что автор находится под влиянием антидемократического источника. Об этом же говорит и явное преувеличение в первых фразах, по точному смыслу которых все афиняне покинули поля и переселились в город. Сейчас будет сделана попытка показать влияние стихотворений Солона на общий характер картины досолоновской Аттики, нарисованной Аристотелем во 2-й главе Афинской Политии. Однако ни то, ни другое не определяет собой характера изложения в исторических частях Афинской Политии. На правильную дорогу в этом вопросе нас может вывести только сличение рассказов Аристотеля с соответствующими рассказами Геродота, Фукидида, Ксенофонта.

Разберем 2-ю главу Афинской Политии.¹⁴ Глава эта не раз служила предметом обсуждения в филологической и исторической литературе. Особенность этой главы — отсутствие ясности, четкости, т. е. именно тех качеств, которыми отличается стиль Аристотеля как на протяжении большей части Афинской Политии, так и в других его произведениях. В самом деле, Аристотель дает в этой главе ряд конкретных сведений, которые на первый взгляд представляются вполне удовлетворительными: бедные в порабощении у богатых, и не только сами они, но и их дети и жены; назывались они пелатами и гектеморамы, так как обрабатывали поля богачей на правах шестидольников — земля была в руках немногих; невзнос арендной платы влек за собой переход бедняка и его детей в кабальные, а ссуды давались под залог тела. Однако нетрудно убедиться, что сообщения Аристотеля при всей своей простоте и определенности не способны дать ответ на самые естественные вопросы. «Вся земля была в руках немногих» — ἡ δὲ πᾶσα γῆ δι' ὀλίγων ἦν. Аристотель не помогает нам понять, как это случилось. Задолженность сельского населения и концентрация земли в руках немногих поставлены между собой в связь односторонне, притом не очень вразумительно — бедняки сидели на землях богачей, а (именно так, а не иначе, ἡ δὲ πᾶσα γῆ, вместо ожидаемого ἡ γάρ) вся земля была в руках немногих. Но было ли в свою очередь последнее обстоятельство следствием задолженности, об этом нам предоставляется догадываться самим. По точному смыслу текста Аристотеля переход в кабальные (ἀσώγιστοι) происходил двумя путями — вследствие невзноса арендной платы и из-за невозвращения взятых займы денег (καὶ οἱ δανεισμένοι πᾶν ἐπὶ τοῖς σώμασιν ἦσαν). Данные Аристотеля могут служить опорой для построения: свободный земледелец впадает в долги и становится либо кабальным, либо

шестидольником, а затем из этого состояния переходит в кабальные, но сам Аристотель этого прямо не говорит. Не совсем ясен и смысл слова *μισθωσις*, которое, как известно, могло означать и арендную плату (т. е. то, что уплачивалось землевладельцу), и получаемое сельским работником вознаграждение. Нанизывающая речь *λέξις εἰρημένη* с повторением союза *καί* является внешним выражением отказа от настоящего анализа социальной действительности — *ἤν γὰρ ... ἡ πολιτεία ... ὀλιγαρχικῆ πάντι καὶ δὴ καὶ ἐδοῦλευον ... καὶ ἐκαλοῦντο ... καὶ εἰ μὴ τὰς μισθώσεις ἀποδιδότεν ... καὶ οἱ δανεισμοὶ ...* Обратим внимание на то, что самые важные моменты даны либо в парентезе (вся земля была в руках немногих), либо в самом конце (долговая кабала).

Между исследователями нет разногласия по вопросу о значении стихотворений Солона как основного источника для всех греческих авторов, записавших историю Афин конца VII—начала VI в. до н. э. Не мог пройти мимо поэтического наследия поэта-законодателя и Аристотель. Об этом красноречиво говорит сама Афинская Полиция, где в таком изобилии цитируются стихи Солона. И другие источники Аристотеля, надо думать, находились в сильной зависимости от того же поэтического первоисточника. Двойная (прямая и косвенная) зависимость Афинской Полиции от стихотворений Солона не могла не отразиться на содержании и характере изложения 2-й главы. Солон был не ученым, а поэтом, в своих стихотворениях он давал не разбор, а картину. Яркие конкретные подробности и общие характеристики в сильных запечатлевавшихся в памяти выражениях — вот что нужно было политическому борцу для воздействия на слушателей. Не все, что есть у Солона, нашло прямое отражение у Аристотеля. Продажа должников за пределы страны (3, 23—25; 24, 10), иногда даже вопреки действовавшим тогда правовым нормам (24, 9), добровольное бегство внавших в нужду людей (24, 10—12) — все это резюмируется Аристотелем в одном слове *ἀγώγμοι*, хотя самое стихотворение Солона, содержащее все эти подробности, приводится ниже (12, 4). Зато сохранен лейтмотив политических стихотворений Солона — рабство. Государство у Солона впадает в рабское состояние — *ἐς δὲ κακὴν ταχέως ἤλυθε δουλοσύνην* (3, 18). Черная земля была прежде в рабстве, а теперь (т. е. после реформы Солона) она свободна — *πρόσθεν δὲ δουλεύουσα, νῦν ἐλευθέρα* (24, 7). Многие граждане жили в Аттике в состоянии постыдного рабства — *τοὺς δ' ἐνθάδ' αὐτοῦ δουλίην ἀεικέα ἔχοντας ...* (24, 13). Только в последнем примере слово «рабство» употреблено в его собственном смысле. О рабстве государства или земли можно говорить лишь фигурально, перенося на них юридическое положение наиболее обездоленных слоев населения.

Вслед за Солоном и Аристотель говорит: *ἐδοῦλευον οἱ πένητες τοῖν πλουσίοις* (2, 2), характеризуюя общее положение аттического

крестьянства как рабство, хотя, строго говоря, рабское состояние было лишь конечным этапом длительного процесса пауперизации. В конце главы речь опять идет о рабстве — τὸ δουλεύειν (2, 3). Бросается в глаза еще одна деталь у Аристотеля. В короткой главе два раза встречается упоминание о детях и один раз о женах: ἐδούλευον . . . καὶ αὐτοὶ καὶ τὰ τέχνα καὶ αἱ γυναῖκες; ἀγώγιμοι καὶ αὐτοὶ καὶ οἱ παῖδες ἐγένοντο (2, 2). В сохранившихся стихотворениях Солона аналогичных мест не имеется, но все же мы вправе думать, что подобный способ выражения, вносящий некоторую эмоциональную нотку, заимствован из ныне утраченных, но известных Аристотелю поэтических произведений Солона, тем более, что слово τέχνα, хотя и встречающееся в прозе, имеет несколько поэтический оттенок. Общий поэтический характер первоисточника обусловил две особенности стиля 2-й главы Афинской Политии, мало похожего на обычный стиль Аристотеля. Это, во-первых, отсутствие логической стройности, во-вторых, эмоциональный налет.

Переходим ко второй из поставленных выше задач: сравнить рассказы об одном и том же событии у Аристотеля и у других авторов — Геродота, Фукидида, Ксенофонта.

В Афинской Политии имеется ряд мест, близко примыкающих по своему содержанию к соответствующим местам труда Геродота, единственного автора, имя которого названо в Афинской Политии. Не может быть сомнения в том, что Аристотель непосредственно использовал Геродота.¹⁵ Тем поучительнее результаты сравнения их рассказов.

Уже в первом общем у обоих авторов рассказе — о том, как Писистрат в первый раз захватил власть, — сказываются особенности повествовательной манеры и разная целенаправленность того и другого. Геродот (I, 59), как искусный рассказчик, сразу же хочет возбудить интерес к тому, что он намерен сообщить. Подготовив появление на исторической арене будущего тирана эффектным рассказом о жертвоприношении его отца в Олимпии, он представляет читателям Писистрата, который во время борьбы двух партий — паралов и жителей равнины — организовал третью партию — гиперакриев, став во главе которой, он замыслил захватить верховную власть в государстве. Зловещее предзнаменование во время жертвоприношения, а также предупреждение о том, что Писистрат притворно на словах (τῷ λόγῳ) взял на себя роль руководителя гиперакриев, готовят читателя к правильному пониманию слов μηχανᾶται τοιαῦτα в смысле какого-то хитрого замысла. И действительно, Писистрат наносит раны себе и своим мулам и въезжает на своей повозке на городскую площадь. По его словам (таков смысл рассказа Геродота), враги намеревались убить его, когда он отправлялся из города в свое имение (ἐς ἀγρόν). Частица δῆθεν еще раз подчеркивает хитрое притворство Писистрата. Следует просьба Писистрата дать ему ка-

кую-нибудь охрану. Здесь же в форме причастного оборота говорится о том, что Писистрат прославился как полководец во время войны против мегарян, взяв Нисею и совершив другие подвиги. Внимательный читатель поставит это сообщение в связь с просьбой Писистрата и воспримет его либо как ссылку самого Писистрата на свои заслуги (хотя структура предложения не требует обязательно такого понимания), либо как обоснование, добавленное самим Геродотом. Продолжая свою обличительную линию, историк пишет, что народ дал себя обмануть (*ἐξαπατηθεῖς*) и предоставил Писистрату охрану из граждан, так называемых дубиноносцев (*χορυφήφοροι*); это необычное название потребовало объяснения: они не были копьеносцами (*δορυφόροι*), они следовали за Писистратом, держа в руках дубинки. Восстав вместе с Писистратом, они захватили Акрополь. Рассказ Геродота отличается сравнительной обстоятельностью. По-видимому, историк постарался рассказать все, что было ему известно по поводу события. Другая отличительная черта рассказа — его пластичность. Разные этапы действия как бы разворачиваются перед нашими глазами. Третья черта — авторское освещение — отмечалась нами попутно при разборе отдельных частей рассказа.

Во что превратился рассказ о захвате власти Писистратом в руках Аристотеля (14, 1)? Прежде всего отпал ряд деталей — ранения, нанесенные мулам (упоминается только о ранении Писистратом самого себя), въезд на площадь на повозке; суммарное (без тех подробностей, какие имеются у Геродота) сообщение о подвиге Писистрата в Мегарской войне вынесено к началу рассказа туда, где дана общая характеристика будущего тирана; нет противопоставления дубиноносцев копьеносцам. В таком виде предание утрачивает свою красочность и сохраняет лишь фактический (и то без больших подробностей) остов события. Устранены и субъективные моменты, которые обнаруживали бы отношение автора к рассказываемому. В соответствии с преобладающим в Афинской Политии деловым стилем, тяготеющим к стилю документальному, Аристотель сообщает (вероятно, на основании какой-нибудь Аттиды) имя гражданина, по чьей инициативе было принято постановление о телохранителях, — *Ἀριστίωνος γράψαντος τὴν γράμην*; дается также относительное и абсолютное хронологическое определение события по отношению к дате законодательства Солона и по архонту. Вместо слишком общего слова *ἐχθροί* (враги Писистрата, будто бы на него напавшие) Аристотель берет более точное обозначение, в сущности уже термин — *ἀντιστασίται* — «политические противники» (ср. у Геродота ниже *στάσιται*).

К аналогичным заключениям приводит нас сравнение других мест Афинской Политии с соответствующими местами Геродота. О первом возвращении Писистрата, в результате его соглашения с Мегаклом, Аристотель рассказывает, основываясь опять-таки

на Геродоте и Аттидах. Примирившись с Мегаклом, Писистрат вступает в Афины. Оба автора по существу сходятся в оценке придуманной Мегаклом и Писистратом инсценировки как наивной и архаической даже для тех времен. Геродот (I, 60) выражает эту мысль пространно, ссылаясь на культурность греческого племени (сравнительно с варварами) и на умственное первенство афинян среди греков. Аристотель (14, 4) довольствуется кратким замечанием — *κατήγαγεν* (scil. ὁ Μεγακλῆς) αὐτὸν (scil. τὸν Πεισίστρατον) ἀρχαϊκῶς καὶ λίαν ἀπλῶς. Другие элементы сообщений обоих историков также совпадают по существу, но преподносятся по-разному. Женщина, стоявшая в колеснице рядом с Писистратом и изображавшая Афины, названа у Геродота Фией из Пеанийского дема, причем дается точная мера ее роста и описывается ее внешний вид (она была в полном вооружении и выглядела блистательно). Аристотель выражается более обще: была найдена женщина высокого роста и красивая; Писистрат одел ее таким образом, чтобы придать ей сходство с богиней Афиной. Только на одном обстоятельстве Аристотель останавливается дольше, чем Геродот: он констатирует существование двух мнений о социальном положении этой женщины (одно из них мнение Геродота). Очень сухому сообщению Аристотеля — *προδιασπείρας λόγον ὡς τῆς Ἀθηνᾶς καταγούσης Πεισίστρατον* — у Геродота соответствует наглядное описание: впереди бегут глашатаи (*προδρόμους κήρυκας προπέμψαντες*), которые, достигнув города, обращаются к гражданам со словами: «О афиняне, примите благосклонно Писистрата, которого сама Афина, оказав ему величайшую среди людей честь, возвращает в свой Акрополь» (прямая речь). Афиняне поклоняются богине и принимают Писистрата — так заканчивается рассказ и у Геродота и у Аристотеля. Верный своему стремлению к обстоятельности, Геродот предварительно отмечает, что слух о возвращении Писистрата под покровительством Афины немедленно распространился по демам.

На следующих двух примерах особенно удобно наблюдать основные тенденции в аранжировке традиционных рассказов у Аристотеля.

Причину второго изгнания тирана оба автора, в согласии с преданием, усматривают в интимной стороне семейной жизни Писистрата. Геродот (I, 61) при этом интересуется побудительными мотивами Писистрата, отмечает подробности альковного характера и путь, по какому оскорбительная весть дошла до слуха Мегакла, — дочь рассказала матери (возможно, в ответ на ее расспросы), а та — мужу. Совсем по-другому передал это предание Аристотель. Он отразил в короткой фразе лишь самую суть дела — *διὰ τὸ μὴ βούλεσθαι τῇ τοῦ Μεγακλέους θυγατρὶ συγγίγνεσθαι* (15, 1).

Таково же соотношение между сообщениями обоих авторов о битве при храме Афины Паллениды. Сообщение об этой битве сохранило у Геродота (I, 63) аромат фольклорного рассказа;

предание изложено приблизительно в том виде, в каком его рассказывали во времена Писистрата жители сельской Аттики.¹⁶ Насмешливое отношение к времяпрепровождению и увлечениям жителей города явно указывает на то, что рассказ возник и бытовал среди поселян. Все это исчезает в передаче Аристотеля, которому важно отметить лишь факт победы тирана, после которой он окончательно водворился в Афинах, — *νικήσας δὲ τὴν ἐπὶ Παλληνίδι μάχην*. . . (15, 3).

Итак, имея перед собой красочные, полные подробностей, носящие новеллистическую окраску рассказы, Аристотель, передавая их, не воспроизводит стиля своего источника. Приспосабливая стиль своих рассказов к своей основной цели — давать существенное или характерное, он жертвует всем тем, что составляет прелесть рассказов Геродота, и переводит их в другой стилиевой план.¹⁷

Сопоставление рассказов Аристотеля и Фукидида о тирапоубийцах делается в конце настоящей главы. Здесь сравним еще те части истории Фукидида и Афинской Политии Аристотеля, в которых говорится о перевороте и правлении Четырехсот. При этом мы встретимся с характерной для Фукидида (там, где речь идет у него о современности) широкой манерой рассказа и с не менее характерной для Аристотеля формой — сжатым отчетом (29—33).

Среди источников Аристотеля был и Фукидид, однако стиль последнего не повлиял на стиль Аристотеля. По рассказу Аристотеля, после сицилийской катастрофы афиняне, видя, что успех явно на стороне спартанцев, пользовавшихся поддержкой персидского царя, оказались вынужденными отказаться от демократии и установить у себя правление Четырехсот; Аристотель указывает и дату переворота — архонтство Мелобия, и имя предложившего псефизму — это был Пифодор, сын Эпизела, и причину, по которой народное собрание согласилось на изменение государственного строя, — надежда на то, что персидский царь переменит свое отношение к Афинам (29, 1). Приводится текст постановления, предложенного Пифодором, с дополнением Клитофонта (29, 2—3). Слова о том, что конституция Клисфена была не демократической, а близкой к конституции Солона (29, 3), скорее всего принадлежат Аристотелю и являются его комментариями к заключительной части декрета. Затем следуют первое постановление комиссии, избранной на основании декрета Пифодора (29, 4), и утвержденное народом предварительное постановление (29, 5). Далее краткое сообщение о факте выбора новой комиссии — уже из ста человек из состава пяти тысяч граждан — для выработки проекта новой конституции (30, 1; 32, 1). Излагаются с соблюдением документального стиля два проекта конституции — один на будущее (30, 2—6), другой для настоящего (31). Оба проекта утверждаются. Аристотель не забывает при этом отметить, что предложения были поставлены на голосование Аристомахом. Прежний совет Пятисот, вступивший в исполнение своих обязанностей при архонте Кал-

ли, был распущен до истечения срока своих полномочий; и в это сообщение включены три точные даты: день роспуска старого совета, день вступления во власть нового совета Четырехсот и день, когда должен был вступить во власть избранный прежним способом совет (32, 1). Опять хронологическое указание: со времени изгнания тиранов до водворения Четырехсот прошло около ста лет (т. е. сто лет длилось демократическое правление); называются и получают в нескольких словах характеристику главные виновники переворота — Писандр, Антифонт, Ферамен (32, 2). Кратко характеризуется образ действий Четырехсот и отмечается их неудачная попытка добиться мира с лакедемонянами (32, 3). Перед сообщением о конце олигархии — справка о продолжительности правления, имена двух архонтов, из которых один вступил в должность при олигархии и правил два месяца, а другой сменил его при демократии и был у власти десять месяцев; падение олигархов поставлено в связь с неудачами на театре военных действий (33, 1). В заключение — очень кратко о правлении Пяти тысяч и одобрительный отзыв об этом правлении (33, 2).

Соответствующие главы Фукидида (VIII, 65—77, 81—82, 86, 89—97) отличаются большой обстоятельностью. Подробно излагается ход событий, разлад между афинским олигархическим правительством и демократически настроенным афинским войском на Самосе, военные действия, поведение политических деятелей, в частности Алкивиада. Элементы, из которых состоит сообщение Аристотеля, частью имеются и у Фукидида, где они тонут среди многочисленных подробностей. Близко (несмотря на некоторые несоответствия) подходит к Аристотелю Фукидид в своем рассказе об избрании десяти граждан, получивших неограниченные полномочия по составлению общего проекта реформ государственного строя (VIII, 67, 1), и о представлении ими единственного предложения о том, чтобы любой афинянин мог вносить свои предложения не боясь обвинения в противозаконности своего предложения (VIII, 67, 2); также о народном собрании в Колоне и о принятых на нем постановлениях (VIII, 67, 2—3). Захват власти Четырьмястами у Фукидида не просто констатируется, а описывается довольно подробно (VIII, 69). С большим количеством деталей, но по существу так же, как Аристотель, включая и похвалу, говорит Фукидид о правлении Пяти тысяч (VIII, 97). С другой стороны, тексты и пересказы конституционных проектов и обилие дат являются специфической особенностью изложения Аристотеля. Различие между сообщениями обоих историков обусловлено особой направленностью интересов автора Политии. Конституции и разного рода конституционные установления являются одним из главных объектов его внимания. Отсюда обилие в Политии документального материала и сопровождающих его хронологических указаний. Не меньшее значение имеют для Аристотеля поворотные моменты в жизни государства —

переходы от одного государственного строя к другому. Отсюда — большое внимание, уделяемое рассказам о государственных переворотах в Афинах. Однако в этих рассказах Аристотель старается ограничиться лишь тем, что составляет самый костяк события, и сознательно избегает подробностей.¹⁸

Сравнение параллельных рассказов в «Греческой истории» Ксенофонта и у Аристотеля также помогает уяснению повествовательной манеры последнего. Правда, здесь дело обстоит не так просто, как с рассказами Геродота и Фукидида. Аристотель мог знать труд Ксенофонта, но не пользовался им.¹⁹ Поэтому нельзя на основании несходства их повествования говорить о переработке Аристотелем рассказа Ксенофонта. Речь может идти только о разном отражении одного и того же материала у обоих авторов. На фоне монотонного изложения истории военных действий в труде Ксенофонта некоторые отдельные места выделяются своей живописностью и красочностью. К числу этих мест относится в первую очередь весь отдел, посвященный правлению Тридцати и, в частности, гибели Ферамена (II, 3, 11—56). Соответствующий рассказ в Афинской Политии Аристотеля (35—37) прежде всего гораздо более краток. Краткость эта является результатом не только отказа от передачи в форме прямых речей того, что говорили Критий и Ферамен. В рассказе Ксенофонта ясно видно стремление дать как можно больше подробностей. Олигархи, говорит Ксенофонт, назначили членами совета и магистратами угодных им лиц (Hell. II, 3, 11). Казнь сикофантов была встречена всеми с одобрением (3, 12). Прибытие спартанского гармоста, вызванного самими олигархами, придало последним уверенность в полной безнаказанности (3, 12—14). Ферамен возражает против казни граждан, пользовавшихся уважением со стороны народа (3, 15). Критий настаивает на необходимости репрессий (3, 16). Настоятельные требования Ферамена приобщить к власти большее число граждан (3, 17) вынуждают олигархов составить список трех тысяч полноправных граждан (3, 18). Ферамен выступает с критикой этой меры: во-первых, нельзя ограничивать определенным количеством состав тех, кто достоин быть полноправным гражданином; во-вторых, неразумно устанавливать насильственную власть, которая слабее тех, над кем она властвует (3, 19). Между тем олигархи стараются обеспечить себе полную свободу действий — они отнимают оружие у граждан (3, 20). Воцаряется полный произвол — убийство граждан по личной вражде к ним олигархов, убийства метэков и захват их имущества (3, 21). Ферамен не только отказывается принять участие в этих убийствах, но и открыто выступает против произвола (3, 22). Олигархи готовят гибель Ферамену, настраивая против него членов совета и вызвав к зданию совета преданных им юношей с кинжалами за пазухой (3, 23). На заседании совета Критий произносит большую обвинительную речь против Ферамена (3, 24—32). Последний

отвечает большой оправдательной речью, содержащей выпады против Крития (3, 35—49). Далее — также с применением прямой речи — рисуется очень живая картина. Критий трубет исключения Ферамена из числа полноправных граждан и его казни. Ферамен бросается к очагу и взывает к членам совета, заклиная их не позволять Критию самоуправствовать и создавать опасный для любого из граждан прецедент. По приказу Крития входит коллегия Одиннадцати во главе с Сатиром и отрывает Ферамена от очага. Ферамен призывает в свидетели творимого над ним насилия богов и людей. Устрашенный общей обстановкой совет хранит молчание. Ферамена ведут по городской площади. В конце рассказа находчивый ответ Ферамена на угрозы Сатира и предсмертные его слова, показывающие, как замечает Ксенофонт, что даже пред лицом смерти ясность ума (τὸ φρόνημον) и склонность к шуткам (τὸ παύριωδες) не покинули Ферамена (3, 50—56).

Рассказ Афинской Политии доказывает, что осведомленность ее автора на внешней стороне событий времен господства Тридцати не уступала осведомленности Ксенофонта. Однако ход событий изложен у Аристотеля не только короче, но и более сухо. Здесь мы можем оставить в стороне одно существенное фактическое расхождение между двумя авторами относительно времени изъятия оружия у афиняп, не внесенных в список полноправных граждан, а также о времени отправки олигархами посольства в Спарту и прибытия в Афины спартанского гармоста с гарнизоном.²⁰ Важно то, что Аристотель не опускает ни одного из существенных моментов, имеющих в рассказе Ксенофонта, но подает их без подробностей, оставляя лишь суть дела. Картин у Аристотеля нет; обстановка, второстепенные действующие лица, прямые речи даже главных лиц, реплики, не раскрывающие смысла событий, — все это не включено в рассказ Афинской Политии. В некоторых отношениях — и это очень характерно — Афинская Полития все же более щедра на подробности, чем «Греческая история» Ксенофонта. Последняя ограничивается указанием, что олигархи поставили должностных лиц тем способом, каким им благорассудилось это сделать, — ὡς ἐδόκει αὐτοῖς (II, 3, 11). Полития дает конкретные указания — из выбранных заранее, из числа тысячи (ἐκ προκρίτων ἐκ τῶν χιλίων), с добавлением еще некоторых деталей (35, 1). Из мероприятий, вызвавших общее одобрение, Ксенофонт упоминает только об одном — казнь сикофантов (II, 3, 12). Аристотель ставит эту меру на второе место (35, 3); на первое место он выдвигает отмену законов Эфиальта об Ареопаге и тех оговорок в законах Солона, которые подавали повод к произвольному толкованию закона судьями (35, 2). Относительно самоуправления олигархов, их расправ с неугодными лицами и конфискаций имущества Ксенофонт говорит в двух местах — по ходу своего повествования (II, 3, 14) и в речи Ферамена (3, 38—40). Аристотель не дает деталей, но зато сообщает цифру казненных —

не менее тысячи пятисот человек (35, 4). Только Аристотель говорит о махинациях олигархов со списком трех тысяч полноправных граждан: они долгое время откладывали составление списков; затем составили его, но хранили у себя; а всякий раз, когда они решали опубликовать его, они вычеркивали из него одних и вписывали на их место других (36, 2). Как легко увидеть, Аристотель более подробен в том, что касается точных цифровых данных или изменений, имевших прямое отношение к государственному строю. Отметим, что к тому же заключению приводит и сравнение рассказов Ксенофонта (II, 4, 11—43) и Аристотеля (38) о поражении олигархов.

Передавая предания, известные ему по передачам Геродота и Фукидида, а также сообщения, уже до него включенные в историю Ксенофонта, Аристотель пользуется единым стилем беглого рассказа, чуждым манере каждого из трех названных писателей. Вполне естественно считать эту манеру специфически аристотелевской. Строго говоря, в пользу этого тезиса следовало бы привести еще одно доказательство — отсутствие подобной манеры рассказа не только у названных авторов, но и в доаристотелевской литературе вообще. К сожалению, мы не располагаем более или менее связными отрывками из Аттид (речь может идти именно о последних) и не имеем прочной опоры для суждений об их стиле. Все же предположение об оригинальности повествовательной манеры Аристотеля, родственной, в сущности, его научному стилю, имеет полное право на существование. В поисках генезиса повествовательной манеры Аристотеля естественно обратиться к литературному наследию самого Аристотеля.

В Политике исторические рассказы почти отсутствуют. Когда нужны исторические примеры, Аристотель дает обычно краткие справки. Такими справками изобилует V книга Политики, в которой рассматриваются причины и поводы государственных переворотов. Однако иногда Аристотель отступает от своего обычая и подносит читателям событие уже не в виде справки, а скорее в форме краткого рассказа, приближающегося по своему характеру к рассказам Афинской Политии. Таков рассказ о совете, данном Фрасибулу, тирану милетскому, Периандром, тираном коринфским (III, 8, 3, 1284a, 28 sq.). «Говорят, — пишет Аристотель, — что Периандр ничего не сказал посланцу, отправленному к нему за советом, но, вырывая выдававшиеся над другими колосья, сделал ниву ровной; на этом основании, несмотря на то что посланец не понимал причину происшедшего, Фрасибул уразумел, что нужно убивать выдающихся людей». В другом месте Политики этот рассказ предполагается известным (V, 8, 7, 1311a, 20 sq.). Об этом же совете рассказывает и Геродот (V, 92 ζ). Как всегда, рассказ галикарнасского историка более пространный и гораздо более ярый. Периандр отправляет посланца к Фрасибулу (у Аристотеля тираны обменялись ролями) с просьбой

дать ему совет, как ему безопаснее всего устроить дела, чтобы лучше управлять государством. То, что у Аристотеля выражено в нескольких словах, — ἀφαιροῦντα δὲ τοὺς ὑπερέχοντας τῶν σταχίων ἄρᾳ τὴν ἄροτραν, — Геродот дает в виде описания действий: он (Фрасибул) вывел его (посланца) за город в засеянное поле; он проходил по ниве, расспрашивая и повторно выслушивая посланца о причине его прибытия из Коринфа и одновременно обрывая и отрывая, выбрасывал всякий поднимавшийся над общим уровнем колос — до тех пор пока не уничтожил самую лучшую и высокую часть нивы; после этого Фрасибул отпустил посланца, ничего ему не сказав. Следующая сцена — беседа возвратившегося в Коринф посланца с Периандром. Посланец выражает недоумение по поводу поведения милетского тирана, которого он считает безумцем и вредителем собственного достоинства, и расскаывает обо всем. Периандр догадывается о смысле того, что проделывал Фрасибул, и правильно истолковывает его совет — убивать граждан, возвышающихся над другими. После этого он начал проявлять жестокость по отношению к гражданам. Сравнивая приведенные рассказы Аристотеля и Геродота, мы узнаем известную нам манеру Аристотеля давать остов рассказа, опуская детали, не раскрывающие смысла события. То обстоятельство, что роли тиранов (испрашивающего и дающего совет) у Аристотеля меняются, не имеет для нас значения. Это отличие естественнее всего объяснить тем, что автор Политики либо воспроизводит рассказ Геродота по памяти, либо пользуется каким-то другим источником.

Еще несколько примеров сообщений того же стиля из Политики. Сообщение об избрании Питтака эсимнетом для определенной цели — против изгнанников, во главе которых стояли Антименид и поэт Алкей; отрывок из стихотворения последнего, где Питтак назван тираном, должен подтвердить правильность отождествления Аристотелем эсимнетов с тиранами (III, 9, 5, 1285a, 6 sqq.). Из истории Сиракуз Аристотель берет одно событие для иллюстрации своего положения, что причины гражданских распрей всегда бывают важными, а поводы к ним незначительны (V, 3, 1, 1303b, 17 sqq.). В древние времена произошел государственный переворот на почве любовных дел двух молодых людей, принадлежавших к господствовавшим кругам. В отсутствие одного из них объект его любви был совращен другим; возвратившийся в отместку уговорил жену обидчика покинуть мужа и перейти к нему. Личная вражда между двумя людьми перешла в гражданскую распрю, так как к каждому из враждовавших присоединились другие граждане. В этом рассказе (это именно рассказ, а не простой намек и даже не конспективное сообщение) не хватает для того, чтобы мы могли себе представить его в рамках Сиракузской Политики, только более или менее точного хронологического указания и собственных имен действующих лиц, хотя бы двух главных.

То же следует сказать о следующих за этим рассказах — спор двух братьев в Гестиее из-за оставленного отцом наследства (3, 2, 1303b, 32 sqq.) и сватовство в Дельфах (3, 3, 1303b, 37 sqq.); также о рассказе, замыкающем всю эту серию, — имевшая место в Эпидамне вражда между двумя лицами, дети которых были между собой помолвлены (3, 4, 1304a, 13 sqq.). Наоборот, снабжены собственными именами включенные в эту же серию рассказы о бедах, постигших Митилену из-за неудачного сватовства сьновей Дександра к дочерям — наследницам Тимофана (3, 3, 1304a, 4 sqq.) и о столкновении из-за дочери-наследницы между Мнасием и Эвтикратом перед началом (последней) Священной войны (3, 4, 1304a, 10 sqq.). К этому перечню можно было добавить серию рассказов о случаях упразднения демократического строя (4, 2, 1304b, 27 sqq.), довольно подробное повествование о свержении аристократии в Фуриях (6, 8, 1307b, 6 sqq.); также серию очень кратких (за исключением одного — о Гармодии и Аристогитоне), но достаточно ясных рассказов о покушениях на жизнь и власть тиранов и царей из-за обиды на любовной почве (8, 9, 1311a, 36 sqq.) или из-за оскорблений (8, 13, 1311b, 23 sqq.), или из-за страха (8, 14, 1311b, 36 sqq.), или из-за презрения (1311b, 40 sqq.), или из-за честолюбия (8, 17, 1312a, 33 sqq.).

Каждый из этих примеров, не относящихся к истории Афин, вполне мыслим в более или менее измененном виде в составе той или иной Политии Аристотеля, но ни один из них не может дать нам твердой опоры для заключения о взаимоотношении между параллельными местами в Политике и Политиях. Это способны дать только примеры из афинской истории.

Преобладающая часть этих примеров в Политике представляет собой очень краткие сообщения, сводящиеся иногда к простому намеру. Имеются, однако, и такие, которые могут оказать нам помощь в решении интересующего нас вопроса. Ко времени Пелопоннесской войны, говорит Аристотель в Политике, из-за неудач на суше знатные уменьшались в числе вследствие того, что в поход шли по списку, — καὶ ἐν Ἀθήναις ἀποχρῶντων περὶ οἱ γνώριμοὶ ἐλάττους ἐρίνοντο διὰ τὸ ἐκ καταλόγου στρατεύεσθαι ὑπὸ τὸν Λακωνικὸν πόλεμον (2, 8, 1303a, 8 sqq.). О том же самом в Афинской Политии: «Ввиду того, что в это время в походы отправлялись на основании списков, а стратегами назначались люди неопытные в военном деле, но почитаемые за славу предков, всегда оказывалось, что из отправившихся погибало около двух или трех тысяч, так что уничтожались порядочные и из народа и из состоятельных людей» — τῆς γὰρ στρατείας γιγνομένης ἐν ταῖς τότε χρόνις ἐκ καταλόγου καὶ στρατηγῶν ἐφισταμένων ἀπειρῶν μὲν τοῦ πολυμῆιν τιμωμένων δὲ διὰ τὰς πατρικὰς δόξας ἀεὶ συνέβαιναν τῶν ἐξιόντων ἀνά δισχιλίους ἢ τρισχιλίους ἀπόλλυσθαι, ὥστε ἀναλίσκεσθαι τοὺς ἐπιεικεῖς καὶ τοῦ δήμου καὶ τῶν εὐπόρων (26, 1). Мысль в обоих местах одна и та же, но в Афинской Политии

она дополнена и несколько модифицирована. Сделаны дополнения о неопытности полководцев, ставившихся из прославленных семей, и о количестве погибавших в походах. Изменено обозначение социального положения тех, кто погибал: в Политике — это знатные (οἱ γνῶριμοί), так как контекст требует упоминания именно в них (подбираются примеры относительного увеличения количества немущей массы из-за абсолютного уменьшения количества граждан из господствующих слоев); в Афинской Политии — «порядочные», οἱ ἐπιεικεῖς τοῦ δήμου καὶ τῶν εὐπόρων. Иначе говоря, в Политике автора интересует одна сторона дела, в Афинской Политии — общее положение.

Такое же приблизительно соотношение между свидетельствами Политики и Политии наблюдается в местах, касающихся возвышения Ареопага после персидского нашествия. В Политике Аристотель формулирует свою мысль следующим образом: «Ареопаг, прославившись во время Персидских войн, казалось, сделал государственный строй более собранным; затем морская чернь, став виновником победы при Саламине и благодаря последней, также — гегемонии, вследствие морского могущества сделала демократию более сильной» — ἡ ἐν Ἀρείῳ πάγῳ βουλὴ εὐδοκίμησασα ἐν τοῖς Μηδικοῖς ἔδοξε συντονωτέραν ποιῆσαι τὴν πολιτείαν καὶ πάλιν ὁ ναυτικὸς ὄχλος γενόμενος αἰτίος τῆς περὶ Σαλαμίνα νίκης καὶ διὰ ταύτης τῆς ἡγεμονίας διὰ τὴν κατὰ θάλατταν δύναμιν τὴν δημοκρατίαν ἰσχυροτέραν ἐποίησεν (V, 3, 5, 1304a, 20 sqq.). В Афинской Политии изложение более богато подробностями; после Персидских войн Ареопаг усилился и вновь руководил политической жизнью Афин в течение семнадцати лет не на основании какого-либо постановления, а в силу того, что он был виновником битвы при Саламине, — οὐδενὶ δόγματι λαβούσα τὴν ἡγεμονίαν, ἀλλὰ διὰ τὸ γενέσθαι τῆς περὶ Σαλαμίνα ναυμαχίας αἰτία (23, 1). Затем идет объяснение: стратеги растерялись и объявили, чтобы каждый занялся собственным спасением, а Ареопаг раздобыл деньги, роздал каждому по восьми драхм и посадил людей на корабли. Несмотря на разницу в способе выражения, противоречия в показаниях Политики и Политии нет. В первой сказано, что Ареопаг прославился во время Персидских войн, во второй показано, чем именно он прославился: битва при Саламине стала возможной благодаря мерам, принятым Ареопагом. Если виновником победы при Саламине Политика называет афинских моряков, то в этом нет противоречия со словами Политии, так как в одном случае речь идет о подготовительных мерах, сделавших возможной битву, а в другом — о самом факте победы, которая была одержана бойцами.

До сих пор сопоставлялись параллельные места, в которых содержится исторические сообщения, но нет исторического рассказа, повествования в собственном смысле. Теперь предстоит заняться параллельными рассказами.

Существовало предание о том, как Писистрат, уже в бытность свою у власти, был вызван на суд Ареопага по обвинению в убийстве. В Политике Аристотель высказывает мысль, что продолжительность некоторых тираний объясняется сдержанностью тиранов и соблюдением ими законов. Среди примеров — Писистрат: «Говорят, что и Писистрат, вызванный на суд Ареопага, подчинился» — *φασὶ δὲ καὶ Πεισίστρατον ὑπομείναι ποτὲ προσκληθέντα δίκην εἰς Ἄρειον πάγον* (V, 9, 21, 1315b, 21 sq.).²¹ С такой же целью, для характеристики Писистрата как правителя и объяснения продолжительности его правления, привлекается Аристотелем этот рассказ и в Афинской Политии: «И однажды, вызванный на суд в Ареопаг по обвинению в убийстве, он туда явился, чтобы защищаться, а обвинитель, испугавшись, уклонился» — *καὶ ποτὲ προσκληθεὶς φόρου δίκην εἰς Ἄρειον πάγον αὐτὸς μὲν ἀπήντησεν ὡς ἀπολογησόμενος ὁ δὲ προσκαλεσάμενος φοβηθεὶς ἔλιπεν* (16, 8). Один и тот же рассказ представлен в Политике в виде какой-то схемы — обвинение (не сказано даже какое) и явка в суд, а в Политии (несмотря на сжатость) в виде подлинно жизненного рассказа — тиран обвинен в убийстве и вызван в верховное судилище, куда он и является, намереваясь защищаться (и тем самым выказывая свое уважение к законам и Ареопагу), чего, впрочем, ему делать не приходится, так как обвинитель, испугавшись своей собственной смелости, воздержался от явки.

Эта манера Аристотеля по-разному подавать рассказ еще более ясно выступает в трактовке им предания о Гармодии и Аристогитане. В Политике требуется дать примеры покушения на жизнь тиранов со стороны лиц, руководимых чувством мести за нанесенные им личные обиды. Один из примеров: «Месть Писистратидам из-за оскорбления, нанесенного сестре Гармодия и обиды самого Гармодия (Гармодий из-за сестры, а Аристогитон из-за Гармодия)» — *ἡ μὲν τῶν Πεισιστρατιδῶν (scil. τιμωρία) διὰ τὸ προπηλακίσει μὲν τὴν Ἀρμόδιου ἀδελφὴν ἐπηρεάσαι δ' Ἀρμόδιον (ὁ μὲν γὰρ Ἀρμόδιος διὰ τὴν ἀδελφὴν, ὁ δ' Ἀριστογείτων διὰ τὸν Ἀρμόδιον)* (V, 8, 9, 1311a, 36 sqq.). Самый рассказ предполагается известным; из него берется только то, что нужно для данного места Политики. В Афинской Политии убийство Гиппарха дает повод к довольно обстоятельному повествованию (18). Читатель узнает, что обидчиком был молодой Фессал. Потерпев неудачу в своих любовных похлзновениях, он не скрывает своего раздражения. Не намеком (как в Политике), а прямо сказано, в чем состояло оскорбление, нанесенное Гармодию и его сестре. Дальше в сухой манере Аристотеля, без расплывчатости, рассказывается с некоторым количеством подробностей о поведении заговорщиков в самый день покушения на Гиппарха.

В рассмотренных примерах мы видим умение Аристотеля подавать исторические рассказы и исторические сообщения с той

степенью подробности, какая требуется для каждого данного контекста. Общей чертой стиля Аристотеля всегда остается деловитость, сжатость, сухость, отсутствие приподнятости и всякого рода прикрас. Мы не знаем и, конечно, никогда не узнаем, в какой форме делал Аристотель те записи, которые были использованы им сначала как основа для рассуждений и материал для исторических примеров Политики, а потом для построения исторических частей в Политиях. С полной уверенностью можно утверждать одно: в этих записях содержалось не только то, что попало в Политии; по крайней мере для Афинской Политии это бесспорно. Из этих своих записей Аристотель черпал нужный ему материал и для Политики и для Политий. В первую исторические рассказы включались в очень сокращенной редакции, во вторые — в редакции, с точки зрения Аристотеля, максимально подробной, т. е. с передачей всех существенных моментов в беглом изложении.

Все вышесказанное приводит к следующему заключению. Оригинальные по замыслу и выполнению, представлявшие собой новый историографический жанр, Политии Аристотеля поставили перед автором задачу выбора или создания подходящего для них стиля. Задача (если отвлечься от второстепенных моментов) была решена таким образом, что для описания конституций был выбран издавна существовавший деловой стиль, родственный документальному, а для исторического повествования создан стиль беглого суммарного рассказа.

Возникает вопрос о приложимости этого вывода ко всем Политиям. Не может быть сомнения в том, что для описания конституций деловой стиль был наиболее подходящим. Некоторые соответствующие содержания фрагменты выдержаны в таком именно стиле (fr. 498, представляющий собой цитату; также fr. 528, 538). Зато некоторые фрагменты повествовательного характера подают повод задуматься. В двух фрагментах, где приводятся подлинные слова Аристотеля,²² передаются повеллистически окрашенные предания. Афиной (XIII, p. 576=fr. 549) сообщает: «О подобном же событии рассказывает и Аристотель в Массалийской Политии, а пишет он так». Далее идет выписанный из Аристотеля рассказ о браке фokeйца Эвксена. Рассказ, небольшой по размерам, все же отличается одной необычной для рассказов Аристотеля чертой — неторопливостью. Дается не суть события, даже не остов его. Автор показывает читателю отдельные этапы действия, предварительно останавливаясь на моментах, знание которых необходимо для понимания рассказа. Наглядность повествования достигается применением старого фольклорного приема, чуждого стилю повествовательных частей Афинской Политии. Прием этот состоит в повторении, как бы в подхватывании в последующем предложении одного слова или группы слов предыдущего предложения. Проследим применение этого приема в массалийском рас-

сказе, попутно останавливаясь на некоторых других моментах. Рассказ начинается предложением: Εὐξένος δὲ Φωκεὺς Νάνω τῷ βασιλεῖ, τοῦτο δ' ἦν αὐτῷ ὄνομα, ἦν ξένος. Слова τοῦτο δ' ἦν αὐτῷ ὄνομα могут показаться излишними с точки зрения обычной манеры Аристотеля. Однако, вспомнив значение слова *νάνος* — «карлик», мы должны будем признать, что предупреждение Аристотеля («речь идет об имени царя») ни с какой точки зрения не является излишним. Параллелей в подлинном смысле в Афинской Политии не имеется. Там Аристотель, когда ему нужно назвать имя, выражается иначе: στεφανόπολιν Θραῦτταν, ἧ ὄνομα Φύη (14, 4); ἀνδρὸς Ἀργείου θυγατέρα, ᾧ ὄνομα ἦν Γοργίλος (17, 4). Так же и в других произведениях: ἐν οὖν δὴ τινι τῶν κομῶν, ἧ ὄνομα ἦν Ληστάδαи (Наксосская Полития, fr. 558); καὶ ἐν Ἀμφιπόλει ᾧ ὄνομα ἦν Κλεότιμος (Политика V, 5, 6, 1306a, 2). Нечто подобное (хотя и не в виде придаточного предложения) есть в разбираемом отрывке Массалийской Политии — ὄνομα δ' ἦν τῇ παιδί Πέττα. Во всяком случае в рассказе после имени Нана сделана пауза не только в интересах большей ясности, но и ради небольшой остановки. В следующем предложении повторяется имя царя — οὗτος ὁ Νάνος ἐπιτελῶν γάμους τῆς θυγατρὸς κατὰ τύχην παραγενόμενον τὸν Εὐξένον παρακέληκεν ἐπὶ τὴν θοίνην. Главное ударение в этом предложении падает на слово *γάμους*, которое и повторяется в начале следующего предложения — ὁ δὲ γάμος ἐτίγνετο etc. Затем объясняется местный обычай выбора девушкой жениха — εἶδει μετὰ τὸ δεῖπνον εἰσελθοῦσαν τὴν παῖδα φιάλην κεκερασμένην ᾧ βούλοιο δοῦναι etc. Следующее предложение повторяет грунну слов — ἡ δὲ παῖς εἰσελθοῦσα δίδωσιν etc. Дальше (в форме самостоятельного предложения) справка о первоначальном имени девушки. После этого в той же неторопливой манере говорится об отношении отца к тому, что произошло, о его просьбе, обращенной к Эвксену, о браке и переименовании Петты в Аристоксену. Весь рассказ кончается — в духе Аристотеля — указанием на существование в его времена в Массалии рода Протиадов, потомков Прота, родившегося от брака Эвксена с Аристоксеной. Изложить массалийское предание можно было бы более кратко. Автор Массалийской Политии пренебрег этой возможностью и дал неторопливое изложение с довольно заметным фольклорным оттенком.

Еще более обстоятелен выдержанный в ином стиле рассказ Наксосской Политии, также сохраненный Афинесем (VIII, p. 348 = fr. 558) в подлинном виде. Афиней вводит рассказ следующими словами: «Аристотель в Наксосской Политии пишет об этой поговорке [ни одна большая рыба не плоха] так» — Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Ναξίων πολιτεία περὶ τῆς παροιμίας (ὅτι οὐδεὶς κακὸς μέγας ἰχθύς) γράφει οὕτως. Афиней неправ в одном. Сам он (один или вместе со своим источником) заинтересован поговоркой. На этом основании он представляет дело так, будто в центре внимания Аристотеля

была пословица. В действительности Аристотель говорил не о пословице, а о государственном перевороте на Наксосу. Попутно делалось замечание о пословице. Самый рассказ лишен того фольклорного налета, какой наблюдается в рассказе из Массалийской Политии, но сильно отличается от обычных передач исторических рассказов у Аристотеля своей подробностью. Из вступительной части читатель узнает, что большая часть состоятельных людей на Наксосу жила в городе, а другие были рассеяны по деревням. Рассказ был бы понятен и без этого введения, но автор Политии излагал не просто занимательный рассказ, а историческое предание, и давал свое сообщение о богатых наксосцах в качестве историка. В одной из деревень, носившей название Лестады, жил некий Телестагор, которого автор представляет читателю как очень богатого, пользовавшегося хорошей славой и получавшего от народа всякого рода почести, в частности ежедневные дары. Когда покупатели, приходившие из города, слишком мало давали за продаваемые в деревне товары, продавцы обыкновенно говорили, что предпочли бы подарить товар Телестагору, чем продавать за такую цену. И вот однажды некие юнцы (*νεανίσκοι*), покупавшие большую рыбу, услышали то же самое от продававшего рыбу рыбака. В досаде на то, что они часто слышали такие слова, они, подвыпив, отправились гурьбой к Телестагору — *ὑποπιόντες ἐχώμασαν πρὸς αὐτόν*. Телестагор принял их ласково, а они оскорбили его и двух его дочерей-невест. Возмущенные граждане взяли за оружие и напали на оскорбителей. Возникли величайшие раздоры, причем во главе наксосцев стоял Лигдамид, который после этого оказался тираном отечества, — *τύραννος ἀνεφάνη τῆς πατρίδος*. Эти заключительные слова связывали рассказ о Телестагоре с дальнейшим изложением внутренней истории Наксосского государства. Лигдамид стал тираном, положив конец правлению олигархии. Событие из истории Наксоса упоминается Аристотелем и в Политике. Одной из причин падения олигархии являются обиды, чинимые олигархами народной массе; в этом случае любой человек способен стать во главе народа, особенно если этот предводитель появляется из среды самих господствующих, каким на Наксосу был Лигдамид, который впоследствии был тираном (V, 5, 1, 1305a, 38 sq.).

Общим в обоих разобранных рассказах является то, что автор не предполагает предварительного знакомства с ними читателя.

Два других сравнительно больших рассказа из утраченных Политий сохранились не в подлинном виде, а в виде пересказа. Коснемся их здесь вкратце. В Милетской Политии излагалось предание о гибели галикарнасского заложника Анфея. У Парфения, который сохранил этот рассказ (Narrat. Amat. 14=fr. 556), имеется справка (вставленная, видимо, чужой рукой): «Об Анфее. Рассказывает Аристотель и авторы, писавшие об истории Милета» — *περὶ Ἀνθέως. ἴστυρεῖ Ἀριστοτέλης καὶ οἱ τὰ Μιλησιακά*.

Отсюда видно, что есть некоторое основание говорить о возможности непосредственного отражения у Парфения рассказа Милетской Политии. Однако делать какие-нибудь выводы о стиле рассказа было бы опрометчиво. Несколько иначе должны мы отнестись к преданию о паксосской героине Поликрите. Плутарх (*De mul. virt.* 17 = fr. 559), ссылаясь на наксосских писателей, пересказывает историю Поликриты — οὕτω μὲν οἱ Ναξίωων συγγραφεῖς ἰστοροῦσιν. Рассказ Аристотеля, по словам Плутарха, отклонялся от рассказа наксосских историков — ὁ δ' Ἀριστοτέλης φησὶν etc. Плутарх и передает то, в чем Аристотель отклоняется от наксосцев. По этим отклонениям видно, что Наксосская Полития не была скупа на детали, — ведь Плутарх получил от нее (пусть не непосредственно) материал для своего не слишком лаконичного сообщения.

Во всяком случае рассмотренные фрагменты дают право думать, что повествовательная манера, наблюдаемая в Афинской Политии, не была характерна для всех Политий. Некоторые из них содержали рассказы гораздо более обстоятельные, а иногда и гораздо более красочные, чем рассказы Афинской Политии.

Особенности разобранных рассказов позволяют лучше оттенить сравнение их с одним, довольно детальным, рассказом Афинской Политии, именно с рассказом о заговоре Гармония и Аристогитона, убийстве ими Гишпарха, поведении Аристогитона во время пыток (18, 2—6). Присмотревшись внимательно к изложению Аристотеля, мы легко убедимся в том, что относительная его обстоятельность имеет свои причины, очень далекие от стремления к полноте, не говоря уже о каких-либо художественных задачах. Вместо обычной (не только для нас, но и для древних афинян) версии предания, согласно которой виновником истории с Гармонием и Аристогитоном был Гишпарх, Аристотель придерживается другой версии, в которой роль обидчика приписывалась Фессалу, гораздо более молодому и проявлявшему дерзость и наглость. Таким образом, с Гишпарха, которого в школе Платона считали человеком мудрым, снималось обвинение, причем, однако, не отрицалась его склонность к любовным увлечениям, которая прямо отмечалась наряду с его склонностью к развлечениям и любовью к поэзии, — παιδιώδης καὶ ἐρωτικός καὶ φιλόμουσος ἦν. Если так, то оказывалось, что заговорщики убили не своего обидчика Фессала и не старшего из Писистратидов, державшего в своих руках власть, — Гиппия, а понававшегося им под руку Гишпарха, т. е. потерпели полную неудачу. Уже Фукидид прямо говорит, что друзья решились на свой смелый поступок под влиянием случайности, любовного конфликта — τὸ γὰρ Ἀριστογείτονος καὶ Ἀρμόδιου τόλμημα δι' ἐρωτικὴν ξυντυχίαν ἐπεχειρήθη (VI, 54, 1; тот же смысл — 59, 1). Аристотель, стоя на той же точке зрения относительно действий заговорщиков, заявляет, что убив Гишпарха, заговорщики испортили все дело — τὴν δ' ὅλην ἐλομήσαντο πράξιν. В этом почти неприкрытая

критика народного предания, против которого направлен и рассказ Фукидида. Полемизирует Аристотель и с Фукидидом, имя которого, впрочем, не названо. Писистратиды, по словам Аристотеля, не могли сразу напасть на след этого дела. То, что рассказывают, будто Гипсий заставил участников панафинейского шествия снять с себя вооружение и таким образом уличил тех, кто имел при себе кинжалы, — неверно; в то время в шествиях не носили оружия, это было заведено позднее, при демократии — ἀλλ' ὕστερον τοῦτο κατεσκεύασεν ὁ δῆμος. Опровергаемый Аристотелем рассказ, как давно уже замечено, находится у Фукидида (VI, 58, 1—2). Против Фукидида направлено, возможно, еще одно сообщение Аристотеля: в заговоре приняло участие большое количество людей — μετεχόντων πολλῶν; у Фукидида прямо противоположное — ἦσαν δὲ οὐ πολλοί (VI, 56, 3). Изложение Аристотеля не только содержит прямые и косвенные полемические выпады, но и отражает в порядке констатирования полемику между демократами и их противниками. Первые утверждали, что Аристогитон под пыткой называл тех, кто в действительности были друзьями тиранов, желая тем самым вызвать со стороны Писистратидов нечестивые поступки и ослабить их; противники же демократов стояли на том, что Аристогитон выдавал своих сообщников.

Рассмотрение аристотелевского рассказа о тираноубийцах убеждает нас в том, что сравнительная обстоятельность его объясняется исключительно его полемической направленностью. Рассказ этот любопытен еще в одном отношении. Гармония и Аристогитона рассказчик не представляет читателю, их имена сразу же сопровождаются определенным артиклем — ἐρασθεῖς δὲ τοῦ Ἄρμодиου; τὸν Ἀριστογείτονα πράττειν etc. Тираноктоны — давно известные читателю лица, точно так же как и их дело, — πράττειν τὴν πράξιν. Аристотель обращался к культурному (а это значило афински ориентированному) читателю, которому нужно было не столько сообщать предания, сколько напоминать о них, снабжая их соответствующей интерпретацией. Так нельзя было трактовать местные предания небольших или отдаленных полисов, хотя и ставшие до Аристотеля достоянием письменности, но не вошедшие в общелитературный оборот. Здесь подчас приходилось быть более обстоятельным, т. е. отступать от обычной аристотелевской манеры повествования. При этом иногда малоизвестный рассказ мог передаваться в Политии с более или менее значительным приближением к стилю источника, из которого этот рассказ был почерпнут. Не было бы ничего удивительного в том, например, что элементы устного рассказа, отмеченные выше в передаче массалийского предания, попали в Массалийскую Политию через посредство какого-нибудь местного писателя. Не исключена возможность и того, что в таких случаях сказывалось участие в написании Политий учеников Аристотеля, младших членов Ликейя.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Теоретический трактат Аристотеля *Политика* и научно-популярная серия *Политии* теснейшим образом связаны между собой не только единством политических взглядов, но и единой направленностью. Предназначенные для разных читателей, они призваны воздействовать на греческое общественное мнение в определенном направлении.

В *Политике* Аристотель, выводя основы полисной жизни из требований самой природы человека, рассматривает и оценивает разные исторически сложившиеся формы государственного строя. Одну из «правильных» форм, так называемую *политию*, «среднее» устройство, он считает наиболее легко реализуемой. При этом он отмечает, что первенствовавшие в Греции государства отнюдь не стремились ввести у себя или в других государствах такой образ правления, но навязывали им свой собственный, не встречающий одобрения со стороны Аристотеля. «Один единственный муж» дал себя убедить в необходимости ввести «среднее» устройство. Контекст и соображения грамматического порядка приводят к заключению, что под этим единственным мужем Аристотель разумеет своего современника и воспитанника Александра. От ученика учитель ждет установления в исторически сложившихся греческих полисах того строя, который, по его учению, является одним из правильных и к тому же легче всего осуществимым.

В последних двух книгах *Политики* (нет основания переставлять их и помещать непосредственно за книгой III), посвященных описанию идеального (с точки зрения Аристотеля) государственного строя, предлагается проект образцовых государственных порядков, ориентированный в противоположность проекту Платона на практическое осуществление. В основных чертах проект Аристотеля воспроизводит устройство, какое давал новооснованным на Востоке полисам Александр (с добавлением деталей в желательном для Аристотеля духе).

Изложенные выводы находятся в резком противоречии с довольно распространенными мнениями об абстрактном характере рассуждений Аристотеля в Политике или об обращенности их к прошлому. Эллинской формой политического бытия Аристотель, в согласии с греками не только предшествовавших веков, но и своего и даже последующего времени, считает полис. Трезвый политический мыслитель не отгораживался от современности. Он не мог не считаться с фактами возрастания могущества Македонской державы, наступления ее гегемонии в Греции, расширения ее пределов на Восток. Вопрос о судьбе греческих полисов вставал сам собой. На этот вопрос Аристотель давал свой ответ в Политике — македонская власть будет служить интересам греческих полисов. Если в старой Греции македонский царь установит «правильный» строй с преобладанием средних слоев населения, то в покоренных странах Востока от него следует ожидать большего. Здесь закладывается основание полисов нового типа, организация которых будет отвечать самым высоким требованиям, какие можно предъявить к государственному строю.

Таким образом, Аристотель не был бесстрастным зрителем той острой социальной и политической борьбы, которая происходила в его время в Греции. В этой борьбе он занимал вполне определенную позицию. Стоя, подобно противникам Македонии, на почве полисной идеологии, он видел выход из кризиса для рабовладельческих полисов не в сохранении системы самостоятельных полисов или в группировке их вокруг полисов-гегемонов; спасение, по его мнению, должно было прийти от македонца.

Выставленное в Политике положение о неспособности греческих государств установить у себя хороший строй иллюстрировалось и тем самым доказывалось в Политиях. На примере Афинской Политии ясно видно, что в представлении Аристотеля афинский государственный строй после Солона почти непрерывно ухудшается. Этот процесс прямолинейного ухудшения временами приостанавливался, но остановки были кратковременными и не всегда служили к улучшению: недостатки неодобряемого Аристотелем афинского демократического строя иногда заменялись худшими недостатками — строя олигархического. Вся композиция исторической части Афинской Политии определяется такими взглядами ее автора на историю афинского государственного строя.

Сохранившиеся фрагменты Лакедемонской Политии, эксцерпты Гераклида и Политика дают возможность восстановить с достаточной степенью вероятности не только содержание этой Политии, но и ее идейную направленность. Строй, введенный Ликургом, обладал, по мнению Аристотеля, многими неоспоримыми достоинствами и некоторыми недостатками. С течением времени недостатки углубились, так что аристократический строй (один из «правильных») превратился в олигархический (один из «неправильных»). Композиционный принцип исторической части реконструируемой

Лакедемонской Политии был тот же, по какому построена историческая часть сохранившейся Афинской Политии. Аналогичное построение прочих Политий не может быть наглядно доказано, хотя отдельные разрозненные признаки такого построения в наших источниках имеются, а общая композиционная схема (разделение на две части, хронологическая последовательность в первой части и т. д.), бесспорно, применялась во всей серии.

В качестве научно-популярной серии, предназначенной выполнять определенную идеологическую функцию, Политии занимают среди произведений Аристотеля особое место. От теоретических трактатов (в том числе и от Политики) они отличаются своей обращенностью к широким читательским кругам и в связи с этим своей литературной обработкой; от диалогов и сочинений по описательному естествознанию, также имевших в виду широкого читателя, — своим содержанием. Среди памятников греческой исторической прозы Политии Аристотеля представляли собой особый жанр, отличный даже от произведений, носивших название Политий. Аристотель, умевший варьировать свой стиль в зависимости от характера и назначения своих сочинений, воспользовался для описательных частей своих Политий задолго до него выработанным стилем научной прозы, а для частей повествовательных создал собственный стиль беглого делового рассказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

О Т Д Е Л I

Г л а в а 1

¹ Речь идет здесь о работах, излагающих содержание Политики Аристотеля. Таковы, например: С. А. Жебелев. Греческая политическая литература и Политика Аристотеля. В кн.: Политика Аристотеля. Пер. С. А. Жебелева. М., 1911, стр. 279 слл. — С. Ф. Кечекьян. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.—Л., 1947. — W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles in historisch-politischen Umrissen, I—II. Leipzig, 1870—1875. — The Politics of Aristotle, with an introduction . . . by W. L. Newman. I Introduction of the Politics. Oxford, 1887. — Th. Gomperz. Griechische Denker, III. Leipzig, 1906, p. 245 sqq. — M. Defourny. Aristote. Études sur la Politique. Paris, 1932. — P. Rybicki. Arystoteles. Początki i podstawy nauki o społeczeństwie. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963. — R. Weil. Aristote et l'histoire. Essai sur la Politique. Thèse. Paris, 1960, p. 327 sqq.

² Интересны места в сочинениях Аристотеля, где прямо говорится о слушателе (Никомахова Этика I, 1, 1905a, 2; Метафизика III, 3, 1005b, 5) или содержится обращение к аудитории (О софистических доказательствах 184b, 3 sqq.). Об этом см., например: Gomperz, op. cit., III, p. 401.

³ О глубоком проникновении в сознание греков представления о полисе как о высшей и типично греческой форме политического бытия см., например: G. Glotz. La cité grecque. Paris, 1928, p. 1. О возникновении и развитии полисов под влиянием исторических и географических условий см.: E. Kirsten. Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Colloquium Geographicum, 5, 1956, p. 27 sqq. — Weil, op. cit., p. 367 sqq. — V. Ehrenberg. Von den Grundformen griechischer Staatsordnung. Sitzungsber. Heidelberger Akad. Wissensch., Philosoph.-histor. Klasse, Abh. 3, Heidelberg, 1961. Любопытно, что даже отсутствие территории у города не мешало грекам (при наличии других характеризовавших полис признаках) осознавать его как полис; см.: Fr. Hampl. Poleis ohne Territorium. Klio, 32, 1939, p. 1 sqq. Особо следует остановиться на взглядах, изложенных в кн.: Fr. Gschnitzler. Gemeinde und Herrschaft. Von den Grundformen griechischer Staatsordnung. Sitzungsber. Österr. Akad. Wissensch., Philosoph.-histor. Klasse, Bd. 235, Abh. 3, Wien, 1960. Автор доказывает, что греки классической поры знали не только одну форму политической жизни — общину, но и отношения господства—подчинения. Последние имели три формы: 1) господство греческого властителя, 2) господство негреческого властителя, 3) господство одной греческой общины над другой. Позволительно, однако, не входя в детали, спросить, не присутствовала ли не только в третьем случае, но и в первых двух община как основная, хотя и в большей или меньшей степени поработанная единица. Своим

изложением истории тираний греческие историки подсказывают нам именно такое решение вопроса.

⁴ Так понимают это место Susemihl (здесь и в дальнейшем имеется в виду издание: Aristoteles' Politik, griechisch und deutsch . . . hrsg. v. Fr. Susemihl I—II. Leipzig, 1879) — «wie es nichtgriechische Völkerstämme machen»; Newman ad loc. (II, p. 245 sq.); Aubonnet (здесь и в дальнейшем имеется в виду издание: Aristote, Politique, livres I—II. Texte établi et traduit par J. Aubonnet. Paris, 1960) — «ce qui se pratique chez quelques peuplades» (я подстрочное примечание на стр. 59).

⁵ Susemihl — «bei ungrichischen Völkern»; Newman ad loc. (III, p. 326) — «non-Greek nations».

⁶ Newman ad loc. (III, p. 306) полагает, что под обладателями *θύρῶς* Аристотель понимает аркадян, этолийцев и, возможно, беотийцев, а под обладателями *διόχοι* — ионийцев Малой Азии.

⁷ Толкование места в целом вызывает споры, см.: Susemihl ad loc. (II, p. 38 sq., n. 132), Newman ad loc. (II, p. 231 sq.), Aubonnet ad loc. (I, p. 136, n. 10). Однако отнесение аркадян к *ἔθνη* признается всеми.

⁸ Подлинность этого сочинения (правда, мимоходом) защищает P. Gohlke (Die Entstehung der aristotelischen Ethik, Politik, Rhetorik, Sitzungsber. Akad. Wissensch. in Wien. Philosoph.-histor. Klasse, Bd. 223, Abh. 2, Wien, 1944, p. 4 sqq.).

⁹ Такое толкование этому месту дают Susemihl ad loc. (II, p. 176, n. 723) и Newman ad loc. (III, p. 326).

¹⁰ G. B u s o l t. Griechische Staatskunde. 3. Aufl., 2. Hälfte, bearb. v. H. Swoboda. München, 1926, p. 1479 sqq., 1485 sq.

¹¹ B u s o l t, op. cit., p. 1519, n. 3.

¹² Слова Аристотеля о том, что в слишком многолюдном полисе, как и в этносе, *πολιτείαν οὐ ῥάδιον ἐπάρχειν* (VII, 4, 7, 1326b, 5), не означают, как думает Weil (op. cit., p. 380), что Аристотель отрицает за этносом (имеем в виду греческий этнос) возможность иметь конституцию, а лишь то, что последнюю трудно поддерживать в этносе (как, впрочем, и в слишком многолюдном полисе). Тем не менее Weil правильно отмечает сближение у Аристотеля обоих понятий. О соотношении между полисом и этносом у греков см. также: K i r s t e n, op. cit., p. 99 sq. — V. E h r e n b e r g. 1) Der Staat der Griechen, I. Leipzig, 1957, p. 18 sqq., 92 sqq.; 2) Von den Grundformen. . . , p. 14 sqq.

¹³ О влиянии афинской политической жизни на определение гражданства у Аристотеля и вообще на его теории см.: O n s k e n, op. cit., II, p. 124 sq. — U. v. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f. Aristoteles und Athen, I. Berlin, 1893, p. 355. О том, что Афинское государство было для Аристотеля политической школой в гораздо большей степени, чем он сам это сознавал, см.: O n s k e n, op. cit., II, p. 171 sqq. Не следует терять из виду того обстоятельства, что в Политике Аристотель опирается на гораздо более широкий круг наблюдений, чем те, какие отложились в Афинской Политии (Aristotle's Constitution of Athens and related texts, translated with an introduction and notes by K. v. Fritz and E. Kapp. New York, 1950, Introduction, p. 65). Об особом характере демократии в Афинах, оказывавшей сильное влияние на демократии других государств, но продолжавшей быть своеобразным явлением, см.: V. E h r e n b e r g, Der Staat der Griechen, I, p. 37 sq.

¹⁴ А. Б. Р а н о в и ч. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 30 («Но эллинистические монархии на Востоке, македонская коалиция, Ахейский и Этолийский союзы на Балканах не ликвидировали греческого полиса с его узкими интересами. Самый процесс эллинизации Востока происходил путем организации полисов. Конечно, то не были независимые города-государства, а лишь пользовавшиеся большей или меньшей автономией города; но существование их связывало граждан еще со старыми учреждениями полиса, поддерживало местный патриотизм» и т. д.), см. также стр. 53 (изменение содержания термина «свобода»: со времени Алек-

сандра это — освобождение от власти Персии), стр. 77, 102 слл., 142 сл. — В. Т а р н. Эллинистическая цивилизация. Пер. с англ. С. А. Ляковского. М., 1940, стр. 76 слл., 89 слл., 131 слл., 167 слл. — А. Н e u s s. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen. Klio, Beih. 39, 1937, p. 17 sqq., 224 sqq. О своеобразном положении полисов в эллинистических монархиях см.: V. E h r e n b e r g. Der Staat der Griechen, II. Leipzig, 1958, p. 44 sqq. Не отрицает существования полисов как особых политических единиц, хотя и настаивает на сильной их политической зависимости от эллинистических монархов E. B i k e r m a n (La cité grecque dans les monarchies hellénistiques. Rev. philol., 3me sér. 13, 1939, p. 335 sqq.). Есть основания думать, что малоазиатские полисы фактически попали в состояние зависимости уже с момента похода Александра; см.: U. W i l c k e n. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund. Sitzungsber. Preussischen Akad. Wissensch., Philosoph.-histor. Klasse, 1922, p. 105 sqq. — E. B i c k e r m a n n. Alexandre le Grand et les villes d'Asie. Rev. étud. grecq., 47, 1934, p. 346 sqq. — V. E h r e n b e r g. Alexander and the Greeks. Oxford, 1938, p. 1 sqq. См. по вопросу о полисе также старую работу: Н. v. A r n i m. Die politischen Theorien des Altertums. Sechs Vorlesungen. Wien, 1910, p. 5. Греческий полис и в классический период не был чем-то неизменным, так что и в век Перикла он не был тем, чем он был в более раннюю пору; см.: V. E h r e n b e r g. When did the Polis rise? Journ. Hell. Stud., 57, 1937, p. 158. Выходившая за пределы узко полисных отношений политика Афин времени первого морского союза не вызывала к себе ни сочувствия, ни интереса со стороны Аристотеля (который видел в ней лишь стремление Афин поработить другие полисы); см.: W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, op. cit., I, p. 169.

¹⁵ Об Афинах в эллинистическое и римское время см., например: С. А. Ж е б е л е в. Из истории Афин 229—31 гг. СПб., 1898, стр. 5 слл. — О. В. К у д р я в ц е в. Эллинистические провинции Балканского полуострова во втором веке н. э. М., 1954, стр. 156 слл.

¹⁶ О Спарте римского времени см., например: С. А. Ж е б е л е в. Ἀρχαία. Из области древностей провинции Ахаии. СПб., 1903, стр. 215 слл. — К. М. G. C h r i m e s. Ancient Sparta. Aberd. Univ. Press, 1952, p. 2 sqq.

¹⁷ Это место Павсания разобрано в статье: O. D. W e l l e s. The greek city. In: Study in onore di Aristide Calderini e Roberto Paribeni, I. Milano, 1956, p. 85 sq.

¹⁸ Об этом см. также: W e l l e s, op. cit., p. 82 sq., 86 sq., 95 sqq.

¹⁹ Ссылаясь на «эксотерические сочинения (речи)», Аристотель имеет в виду свои популярные произведения, обращенные к широким читательским кругам и отличавшиеся от школьных произведений тщательной литературной обработкой, в первую очередь диалоги (ряд старых толкований термина «эксотерический» можно считать антиквированным); см.: J. В e r n a u s. Die Dialoge des Aristoteles in ihrem Verhältnis zu seinen übrigen Werken. Berlin, 1863, p. 29 sqq. — G. G r o t e. Aristotle. 3-d ed. London, 1883, p. 44 sqq. — Newman ad loc. (III, p. 309). — G e r c k e, RE, II, 1896, s. v. Aristoteles 18, col. 1033 sq. — Ed. Z e l l e r. Die Philosophie der Griechen, II, Abt. 2. 4. Aufl. Berlin, 1924, p. 114 sqq. — W. J a e g e r. Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin, 1923 u. 1955, p. 257 sqq. — I. D ü r i n g. Aristotle in the ancient biographical tradition. Acta Univ. Gothoburg., 63, 2, Göteborg, 1957, p. 432 sq., 441 sqq. — A u b o n n e t, Introduction, p. XCVI. Оригинальную интерпретацию термина «эксотерический» («эксотерические речи» — рассуждения, рассмотрения, имевшие место вне школы, вне Ликейя) предложил P. W. Forchhammer (Aristoteles und die exoterischen Reden. Kiel, 1864) и поддержал H. Diels (Über die exoterischen Reden des Aristoteles. Sitzungsber. Preussischen Akad. Wissensch., 1883, p. 447 sqq.); в пользу этой интерпретации высказался, не очень уверенно, лишь H. G. Gadamer (Der aristotelische Protrepticus und die entwicklungsgeschichtliche Betrachtung der aristotelischen Ethik. Hermes, 1928,

р. 162 sq.). Недавно была сделана не встретившая одобрения попытка дать новое истолкование экзотерическим сочинениям, под которыми сам Аристотель понимал будто бы предварительное обсуждение темы, помещенное в том же самом произведении, где сделана ссылка на экзотерические сочинения; см.: A. I a n n o n e. I logoi essoterici di Aristotele. Atti Istit. Veneto di scienze, lettere ed arti, 113, 1954—1955 (сдержанные и отрицательные отзывы: P. M o r a u x, L'Antiquité Classique, 25, 1956, p. 457 sq. — D ü r i n g, op. cit., p. 441 sq. — A u b o n n e t. Introduction, p. XCVI, n. 2). — Из старых работ отметим: I. Th. B u h l e. De distributione librorum Aristotelis in exotericos et acroamaticos eiusque rationibus et causis. In: Aristotelis Opera omnia . . . rec . . . I. Th. Buhle I. Biponti, 1791, p. 107 sqq. — (в акроаматических сочинениях Аристотель исследует внутреннюю сущность вещей с целью получить истинные определения; в экзотерических — занимается внешней стороной вещей, акциденциями, которые сами по себе не образуют сущности вещей, или говорит о предмете в общих чертах и суммарно). — A. S t a h r. Aristotelia, II. Halle, 1832, p. 239 sqq. (доказывается, что, ссылаясь на экзотерические речи, Аристотель имеет в виду свои другие сочинения).

²⁰ Susemihl ad loc. (II, p. 195, n. 873—875), Newman ad loc. (III, p. 423 sqq.). О связи между этическими и политическими воззрениями Аристотеля см.: O n s k e n, op. cit., I, p. 164 sqq.; II, p. 157 sqq. — A. G o e d e s k e m e u e r. Aristoteles' praktische Philosophie (Ethik und Politik). Leipzig, 1922. — F r i t z and K a r p, op. cit., p. 48 sq. — E. B a r k e r. The political thought of Plato and Aristotle. New York, 1956, p. 237 sqq. — A u b o n n e t, Introduction, p. LXXI sq. — Fr. C h a t e l e t. La naissance de l'histoire. Paris, 1962, p. 316 sq.

²¹ Всю главу, в которой содержится окончательный вывод о тождестве двух добродетелей, A. Rosenberg [Aristoteles über Diktatur und Demokratie (Politik, Buch III), Rheinisch. Mus. Philol., N. F., 82, 1933, p. 341 sqq.] хочет выбросить из текста.

²² *πολιτεῖαν καθίστασαν* — интерпретацию этого места дает Susemihl в переводе и ad loc. (II, p. 162, n. 660): конкретно речь идет об аристократии или правлении всадников, за которым следовало правление тяжеловооруженных, т. е. так называемая полития.

²³ Консервативность взглядов Аристотеля на рабство отмечает R. Schaffer (Greek theories of slavery from Homer to Aristotle. Harvard Stud. class. philol., 47, Cambridge, 1936, p. 192 sqq.).

²⁴ Ср. требование не обращать греков в рабство у Платона (Resp. V, 469B—C).

²⁵ Здесь Аристотель имеет в виду не земледельцев, а так называемых воинов, второе сословие в государстве Платона; см.: Susemihl ad loc. (II, p. 51, n. 182), Newman ad loc. (II, p. 163). На иной точке зрения стоит Aubonne (p. 143, n. 2), который относит эти слова к платоновским «стражам» в собственном смысле.

²⁶ Так, в согласии с рукописной традицией, предлагает читать Immisch (см. издания 1909 и 1929 гг.); чтение *πολιτικόν* некоторые заменяют другими чтениями — *πολεμικόν*, *ὀπλιτικόν* (см.: Immisch, app. crit.).

²⁷ Аристотель неточно передает мысль Платона, состоящую в том, что хорошее государственное устройство должно занимать середину между демократией и монархией; см.: Susemihl ad loc. (II, p. 60 sq., n. 220), Newman ad loc. (II, p. 276 sq.). Впрочем, вопрос о степени точности Аристотеля в передаче мыслей Платона существенного значения для нас не имеет. Вопрос разобран в интересной работе E. Bornemann'a (Aristoteles' Urteil über Platons politische Theorie. Philologus, 79, 1924, p. 70 sq., 113 sq., 234 sq.), в которой доказывается, что Аристотель не был в состоянии и не имел желания войти в мир мыслей Платона; отсюда неточности и прямые погрешности в передаче политических построений платоновского «Государства» и «Законов». Об искаженном отражении у Аристотеля философских построений Платона см.: H. C h e r n i s s. Aristotle's criticism of Plato and the Aca-

demu, I. Baltimore, 1944. Защиту Аристотеля (впрочем, не отрицая неточность и лишь объясняя ее самым назначением критических обзоров и высказываний Аристотеля) взял на себя E. de Strycker (Aristote, critique de Platon. L'Antiquité Classique, 18, 1949, p. 95 sqq.).

²⁸ Об ответственности у нас материала для комментариев к этому месту см.: Susemihl ad loc. (II, p. 66, n. 249), Newman ad loc. (II, p. 293 sqq.), Aubonnet ad loc. (p. 152, n. 6); последний справедливо отмечает, что проект Диофанта должен был вызвать неудовольствие в Афинах, где большая часть гражданства состояла из ремесленников.

²⁹ См.: Newman ad loc. (II, p. 303) — «It will be a difficult matter to produce enough to enable each of them to support as a cultivator two households». Aubonnet — «La quantité de produits recoltés ne suffira pas pour que chaque cultivateur entretienne deux familles».

³⁰ ἄρχουσι — рукописная традиция: ὑπάρχουσι — Bernays (Susemihl, app. crit. ad II, 5, 12, 1269a, 18).

³¹ Newman ad loc. (II, p. 371 sq.) — «ἐπι perhaps implies that they were sent to rule the cities». Такое же мнение высказывает Susemihl ad loc. (II, p. 110, n. 398) и, со ссылкой на последнего, Aubonnet ad loc. (p. 170, n. 7).

³² Самый вывод о неясности законов был сделан не в результате научного рассмотрения законодательства, а в процессе судебной практики, — см.: E. R u s c h e n b u s c h. Διαστήριον πάντων κβρίων, Historia, 6, 1957, p. 271.

³³ О значении наблюдения для научного творчества Аристотеля см., например: О н с к е н, op. cit., I, p. 8, 14. — L. B o u r g e y. Observation et expérience chez Aristote. Paris, 1955, p. 37 sqq. Специально о наблюдении как основе для исторических работ Аристотеля и его Политики см.: K. v. F r i t z. Aristotle's contribution to the practice and theory of historiography. Univ. Calif. publicat. in philosoph., 28, № 3, Berkeley—Los Angeles, 1958, p. 126, 129.

Г л а в а 2

¹ См. объяснения: Susemihl ad loc. (II, p. 288, n. 1116), Newman ad loc. (IV, p. 137).

² Слово εἰσπυγεῖσθαι понимаем, в согласии с переводом Susemihl'я, как infinitivus praesentis de conatu.

³ Передаем смысл текста в соответствии с переводом Susemihl'я; см. также: Newman ad loc. (IV, p. 139). Придерживаемся рукописного чтения κινεῖν и того смысла, какой придает ему Immisch, — «mutando efficere» (app. crit. ad IV, 1, 4, 1289a, 3).

⁴ Все это место подробно разобрали Susemihl ad loc. (II, p. 258 sq., n. 1116) и Newmann ad loc. (IV, p. 135 sq.).

⁵ Newman (IV, p. 148) справедливо замечает, что эта вторая по качеству форма не обязательно должна совпадать со «средней», приемлемой для всех (что ясно видно из программы, намеченной в начале IV книги). Возможно, однако, что Аристотель пришел в конечном счете к заключению о тождестве этих форм.

⁶ Об Атарнейском государстве, о пребывании в нем Аристотеля и о Гермии Атарнейском см.: P. H. L a r c h e r. Mémoire sur Hermias, avec l'apologie d'Aristote. Mémoires de littérature tirés des registres de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, depuis l'année 1784, jusque et compris l'année 1793, t. 48, 1808, p. 208 sqq. — Aug. B o e s k h. Hermias von Atarneus und Bündniss desselben mit den Erythraern. Gesammelte kleine Schriften, VI. Leipzig, 1872, p. 185 sqq. — О н с к е н, op. cit., I, p. 155 sqq. — H. G. L o l l i n g. Atarneus. Mittel. Deutsch. Archäol. Inst. in Athen, 4, 1879, p. 1 sqq. — W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, op. cit., I, p. 334 sqq. — J a e g e r, op. cit., p. 112 sqq. — D. E. W. W o r m e l l. The literary tradition concerning Hermias of Atarneus. Yale Classic. Stud., 5, 1935, p. 57 sqq. — J. B i d e z. Hermias d'Atarnée. Acad. de Belgique, Bull. classe

lettr. et sc. morales et politiques, 29, 5-me sér., 1943, p. 133 sqq. — E. V a r k e r. The Politics of Aristotle, translated with introduction. . . Oxford, 1848, Introduction, p. XIV sqq. — I. D ü r i n g. Aristotle in the ancient biographical tradition. Acta univ. Gothoburgensis, 63, 1957, p. 272 sqq. — A u b o n n e t, Introduction, p. XXXIII sqq., LII sq. — W e i l, op. cit., p. 15 sq. — C. P a v e s e. Aristotele e i filosofi ad Asso. La Parola del Passato, fasc., 78, 1961, p. 113 sqq. Излишнее недоверие к традиционным сведениям о Гермии проявляется С. М. Mulvany (Notes on the legend of Aristotle. Class. Quart., 20, 1926, p. 155 sqq.).

⁷ На эту сторону дела впервые обратил внимание Oncken (op. cit., II, p. 259 sqq.). Рассуждение Oncken'a было впоследствии забыто и лишь почти шестьдесят лет спустя его повторил Defourny (op. cit., p. 533 sqq.). Впрочем, и после этой работы P. Andrews (Aristotle. Politics, IV, 11, 1296a, 38—40. Class. Rev., N. S. 2, 1952, p. 141 sqq.) продолжает рассуждать так, как если бы Аристотель говорил о руководителе политики одного греческого государства, а не о лице, занимавшем главенствующее положение в греческом мире.

⁸ Jowett. Поправку эту принял в своих изданиях Immisch. Susemihl отнесся к ней с некоторым недоверием (nescio an recte).

⁹ См. об этом: V u s o l t, op. cit., p. 1315. Там же (p. 1390) о том, что македонские цари (Филипп) считались по отношению к союзникам гегемонами в том же смысле, в каком до них были гегемонами Афины и Спарта.

¹⁰ Приведем слова авторов XIX века, резюмировавших высказанные до них мнения. С. Goettling ad loc. (Jenae, 1824): «Ceterum intellexisse Aristotelem Gelonem suspicabatur Camerarius, Theopompum Lambinus, Victorius Clisthenem, Schneiderus Thesea, Fullebornius Solonem. Ego, ut compleatur senio, Pittacum eum intellexisse puto, cuius supra III, 9 mentionem fecit, De Pittaco enim Strabo XIII, 617D: . . . καταλύσας (scil. τὰς δυναστείας) ἀπέδωκε τὴν αὐτονομίαν τῇ πόλει». — Oncken, op. cit., II, p. 270: «Sepulveda hatte mit Zustimmung von Giphanius und Heinsius auf den Sparterkönig Theopomp, Victorius an Kleisthenes, Schlosser und Fülleborn auf Solon, Schneider an Theseus geraten und Göttling war auf Pittakos verfallen». Общим недостатком всех этих старых объяснений (если оставить в стороне предположение о Солоне — о нем ниже) является то, что ни одному из называвшихся государственных деятелей нельзя приписать введение «средней» конституции (не говоря уже о соображениях, выдвигаемых в нашей работе). Здесь отметим еще некоторые частные случаи. Автор итальянской парафразы Политики Аристотеля (La Politica di Aristotele ridotta in modo di parafrasi. Roma, 1578) Antonio Scaino da Salo передает разбираемый текст так, как будто у Аристотеля речь идет прямо о Феопомпе Спартанском. J. G. Schneider в своем издании Политики ((Francofurti ad Viadrum, 1809) высказывается в пользу Тесея (об этом упоминают Göttling и Oncken в приведенных выше словах) не в комментарии, а в Addenda (p. 486 sq.); там же дается наше место и в переводах Sepulveda, Victorius'a, Giphanius'a, Lambinus'a. Thurot в примечании к своему переводу (Paris, 1824, 1830, 1881) склоняется к мнению Schneider'a, но при этом добавляет, что всякое мнение по этому вопросу будет не более чем предположением. Congreve в своих изданиях Политики (London, 1855, 1874) довольно робко выдвигает кандидатуру спартанского царя Павсания («I have been sometimes tempted to think that it is the Spartan king Pausanias — Xenoph. Hell. II, 4»), который будто бы способствовал после падения олигархии в Афинах установлению там демократического строя (403 г.), являвшегося в глазах последующих поколений «средним». Так можно было рассуждать до нахождения Афинской Политики Аристотеля, в которой строй, установившийся в Афинах после возвращения изгнанников с Фрасибулом во главе, назван демократическим без всяких оговорок (41, 1—2).

¹¹ О Фалее думал Barthélemy Saint-Hilaire ad loc. (его перевод Политики выходил в 1837, 1848 и 1874 гг.). Впрочем, здесь же он замечал, что

о практической государственной деятельности Фалей у нас нет никаких сведений.

¹² Намек на Гермия Атарнейского в Политике видит Andrews (op. cit., p. 142). Гермий отгадывает не только в силу высказываемых в нашей работе соображений, но уже и потому, что для введенного им образа правления совсем не подходит обозначение «средний» — τὴν τυραν[νίδ]α μ[ετ]ε[ρ]στ[η]σεν εἰς πραιοτέραν δυναστείαν (Didymi de Demosthene commenta . . . post editionem Berolinensem recognoverunt H. Diels et W. Schubart. Lipsiae, 1904, v. 57—59). Andrews насчитывает четырнадцать человек (не считая Гермия), имена которых вспоминаются и могли бы вспоминаться при чтении интересующего нас места Политики — Ликург, Тесей, Фалей, Солон, Питтак, Гелон, Феопомт, Клифен, Перикл, Ферамен, Лисандр, Павсаний, Антипатр, Александр (Филиппа он упускает из виду). Перикл и Лисандр в действительности никогда не удостоились бы такой похвалы со стороны Аристотеля: первый — яркий представитель типа демократического государственного деятеля, хотя, с точки зрения Аристотеля, и не самого отрицательного (Афинская Политика 27; 28, 1); второй — виновник установления в Афинах олигархического строя (Афинская Политика 34, 3). Об Антипатре см. прим. 20. Антипатра выдвигает Barker (The Politics of Aristotle, translated . . . by E. Barker. Oxford, 1948, ad loc.), но при этом не забывает о хронологических трудностях.

¹³ Солона усматривали в «единственном муже» следующие исследователи: Schlosser (Aristoteles' Politik und Fragment der Oekonomik . . . übersetzt v. J. G. Schlosser. Lübek—Leipzig, 1798, p. 97), Fülleborn (Die Politik des Aristoteles übersetzt v. Chr. Garve. Hrg. u. mit Anmerkungen u. Abhandlungen begleitet v. G. G. Fülleborn, II, Breslau, 1802, p. 323), Susemihl ad loc. (II, p. 285, sqq., n. 1303), П. Г. Виноградов (Развитие демократии в трактате Аристотеля о государстве афинском. Истоп. обозрение, 5, 1892, стр. 164), Wilamowitz-Moellendorff (op. cit., I, p. 70; II, p. 66), Бузескул (Афинская Политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895, стр. 133), Жебелев (ук. пер., стр. 182, прим. 2), Jowett в переводе Политики (II, Oxford, 1885, стр. 169), приводя доводы в пользу Солона, все же замечает, что контекст скорее подсказывает имена людей, игравших руководящую роль во всей Элладе, — Лисандра, Филиппа. О Лисандре см. предыдущее примечание, о Филиппе речь будет идти ниже. В пользу кандидатуры Солона высказывается и Т. А. Sinclair (A history of greek political thought. London, 1952, p. 227, n. 1). Новейший перечень (Weil, op. cit., p. 412) содержит, кроме упоминавшихся раньше и подлежащих оценке дальше (впрочем не всех — опущены Эпяминонд, Калликратид), еще имя Тимолеонта, непримиримого противника тирании. Последний, однако, руководил политической жизнью Сиракуз, а не всей Греции; кроме того, его борьба с тиранами не укладывается в рамки соперничества демократии и олигархии, о котором говорит Аристотель.

¹⁴ Wilamowitz-Moellendorff, l. c.

¹⁵ Newman, Introduction, I, p. 470; ad loc. (IV, p. 220). — А. А. Рождественский. Кто был тот «один муж», о котором говорит Аристотель в IV (VI) книге своей Политики. Журн. Мин. нар. просв., 1915, октябрь, отд. класс. филол., стр. 451 слл.

¹⁶ Об Эпяминонде говорит, в порядке предположения, Zeller, начиная с 3-го издания своей книги, после того как он отказался от своих прежних предположений (Ed. Zeller, Die Philosophie der Griechen, II, Abt. 2, 3. Aufl. Leipzig, 1879, p. 747, n. 5; 4. Aufl. Leipzig, 1921, p. 747, n. 5). Допускает мысль об Эпяминонде в комментарии к своему изданию Политики Eaton (Oxford, 1855); рядом с Эпяминондом он называет и спартанского наварха Калликратиды (Xenoph. Hell. 1, 6), никакого отношения к «среднему» государственному устройству не имеющего.

¹⁷ Комментаторы и переводчики нередко вкладывают в выражение συνέπεισθαι смысл самостоятельно принятого решения или даже реализации

собственного решения: «решился» (Скворцов, 1865 и 1893); «пришел к убеждению» (В и н о г р а д о в, ук. соч.); «рискнул» (Жебелев, 1911); «qui . . . animum induceret» (Sepulveda, 1548; v. Schneider in Addendis, p. 486); «qui aie proposé» (Le Roy, dict Regius, 1576); «hobbe la mira» (Scaino da Salo, 1578); «qui . . . instituerit» (Giphanius, 1608; v. Schneider in Addendis, p. 487); «qui instituerit» (Heinsius, 1621); «qui ait conçu la pensée» (Thurot, 1824 и др.); «qui ait établi» (Barthélemy Saint-Hilaire, 1837; Champagne, 1843 и др.); «hat sich entschlossen» (Stahr, 1839; Fr. B i e s e. Die Philosophie des Aristoteles, II. Berlin, 1842, p. 496; Schnitzer, 1859); «gewann es über sich» (Susemihl, 1879); «entschloss sich» (Kirchmann, 1880). В одном старом переводе слова Аристотеля переданы так, что исчезает разбираемый нами вопрос — «il n'y a parmi les princes, dans toute l'antiquité qu'un seul exemple de cette modération» (Millon, 1803). Другие переводы (более близкие к предлагаемому в нашей работе): «persuasus fuit» [Guilelmus de Moerbeka, XIII в.; его перевод помещен, например, в издании Политики Susemihl'я (Lipsiae, 1872)]; «consensit» (Leonardus Arethinus, 1502); «fu persuaso» (Segni, 1551, 1864); «persuasus est» (Victorius, 1552; v. Schneider in Addendis, p. 487); «adductus est» (Lambinus, 1567; его перевод не раз помещался в старых изданиях, в последний раз в издании Берлинской Академии наук — III, 1831, p. 157 sq.; так же переводит и Ramus, 1601 и в издании Didot, 1848); «could be prevailed» (Gillies, 1797); «liess sich überreden» (Schlosser, 1798); «sich bewegen liess» (Garve, 1799—1802); «has been persuaded» (Walford, 1871); «was prevailed» (Weldom², 1888); «was induced» (Jowett, 1885, 1905); «has allowed himself to be persuaded to agree» (Barker, 1946, 1948); «konnte sich dazu verstehen» (Rolfes³, 1948). Безусловно правильный перевод дают в своем словаре Liddel and Scott — «allow oneself to be persuaded». Подчеркивающий подлинное значение глагольной формы συγκαταέρθη и справедливо укоряющий комментаторов и переводчиков в недостаточном к ней внимании Andrews (op. cit., p. 141) сам вкладывает в это слово слишком много: «ввел умеренный строй в результате того, что его убедили» — «set up a moderate constitution in response to persuasion».

¹⁸ Это выражение Ioannes Argyropylos (1506) так и перевел — sibi persuadere (см. издание сочинений Аристотеля Берлинской Академии наук — III, 1831, p. 151a, 35).

¹⁹ Намек на Филиппа видел у Аристотеля Oncken (op. cit., II, p. 269 sqq.), вслед за ним Defourny (op. cit., p. 535). Это мнение выделил из числа других Кечекьян (ук. соч., стр. 194). Вероятным, хотя и не доказанным, считает оживление «единственного мужа» с Филиппом Weil (op. cit., p. 411 sqq.). Chatelet (op. cit., p. 343) полагает, что слово *πρότερον* отсылает к глубокой древности и исключает мысль о Филиппе.

²⁰ Об Александре думал (но только в первом издании своей книги) Ed. Zeller (Die Philosophie der Griechen, II. Tübingen, 1846, p. 539, n. 3). За Zeller'ом последовал в своем переводе Schnitzer (1859, p. 308 sq.); еще раньше — Eaton (1855), называющий, впрочем, еще Калликратида и Эпаминонда. Даваемое Zeller'ом обоснование показывает, что он был в то время далек от понимания слов Аристотеля: Аристотель будто бы хвалил македонского царя за то, что тот оставил греческим государствам их строй. Неудивительно, что Zeller в дальнейшем отказался от своего предположения. Настаивавший на Филиппе Oncken выдвигал против Александра второй из указанных в нашей работе доводов. Первому доводу, направленному против предположений не только об Александре, но и о Филиппе, придавали решающее значение Susemihl (II, p. 285 sq., n. 1303) и Kirchmann (в комментарии к переводу Политики — 1880 г., p. 100: «dem steht der Text gegenüber»). Здесь остается сказать несколько слов об Антипатре. До смерти Александра трудно было назвать Антипатра вершителем судеб Греции. Едва ли у него могли быть планы вмешательства во внутренние дела греческих государств без ведома царя. Весть о смерти Александра подняла на ноги всю Грецию. Аристотель покинул Афины и удалился в Халкиду, возможно, оставив свои рукописи в Афинах. При таком положении пред-

положение о существенном добавлении, сделанном в текст Политики, было бы большой натяжкой.

²¹ Конструкция эта встречается не часто и притом не ранее IV в. до н. э. Можно предполагать, что она была свойственна обиходной речи и под влиянием последней начала проникать в речь литературную. Чаще (и раньше) встречается родственная ей конструкция — превосходная степень прилагательного + *genetivus separationis*: ὠκυμωρότατος ἄλλων (Иллиада I, 505); τὸν πάλεμον ἐλπίσας μέγαν τε ἔσσεσθαι καὶ ἀξιολογώτατον τῶν προγεγενημένων (Thuc. I, 1, 1); κάλλιστον... τῶν προτέρων φάος (Soph. Ant. 100 sqq.); δυστυχεσάτην κέλευθον... τῶν παρελθουσῶν (ibid. 1212 sq.). Примеры обеих конструкций собрал Ed. Maetznep в своем комментарии к речи Ликурга против Леократа (67) — *μόνος τῶν ἄλλων πολιτῶν* (Berolini, 1836, p. 199). К собранному Maetznep'ом материалу можно добавить: *ἱεροπρεπέστατος δοκεῖ εἶναι τῶν προγεγενημένων* (Xenoph. Sympos. 8, 40); *τῶν στρατείων ἐκείνην μέγιστην μὲν γενέσθαι τῶν πρὸ αὐτῆς* (Thuc. I, 10, 3); *χαλεπὸς ἐνεχρότερος ἐπὶ τῇ συμφορᾷ μάλιστα τῶν προγεγενημένων* (Аристотель, Афинская Политика 33, 1 — здесь в превосходной степени стоит не прилагательное, а наречие); *μέγιστον δὲ πάντων τῶν εἰρημένων... τὸ παιδεύεσθαι πρὸς τὰς πολιτείας* (Аристотель, Политика V, 7, 20, 1310a, 12 sqq. — до этого о воспитании нет речи); *δύναμιν δὲ... μέγιστην ἔσχε τῶν πρὸ αὐτοῦ βεβασιλευκότων* (Рольб. II, 1, 2, 4). Очень кратко (без примеров) касается таких случаев Ed. Schwyzer (Griechische Grammatik, II. Hrsg. v. A. Debrunner. München, 1950, p. 96). Следует добавить, что выражение *εἰς μόνος* далеко не всегда требует после себя *genetivus separationis* (например, явный *genetivus partitivus* — *εἰς μόνος Λακεδαιμονίων* — Isocr. Archid. 52); в нашем случае дело редуцируется тем, что в родительном падеже множественного числа стоит выражение, обозначающее прежних, прежде живших.

²² См.: J. A. Hartung. *Lehre von den Partikeln der griechische Sprache*, I. Erlangen, 1832, p. 242 sq. Из приведенных в этой книге примеров такого употребления ἤδη (*steigernde Bedeutung*) наиболее близкими параллелями к нашему месту являются два. Геродот рассказывает о наказании, которое наложил Ксеркс на воды Геллеспонта: он подверг эти воды бичеванию и опустил в них оковы; дальше — *ἤδη δὲ ἤκουσα ὡς καὶ συγέας ἄρα τούτοις ἀπέπεμψε σίξοντας τὸν Ἑλλήσποντον* (VII, 35) — «больше того, я услышал, что он послал вместе с этим клеймовщиков, чтобы они наложили клеймо на Геллеспонт». В трагедии «Рес», сохранившейся среди трагедий Эврипида, Гектор дает нелепную характеристику Одиссею и приводит случай, когда последний хитростью похитил изображение Афины; след за тем — *ἤδη δ' ἀγύρτης πτωχικῆν ἔχων στολήν ἐσῆλθε πύργους* etc. (v. 503 sq.) — «мало того, в виде попрошай, в нищенской одежде...». К этим примерам можно добавить еще один из Лукиана. Перечислив в своем произведении «О том, как следует писать историю» разного рода погрешности, допускаемые историками, занимавшимися описанием войны с парфянами, Лукиан самый смехотворный из всех случаев вводит словами *ἤδη δ' ἐγὼ τινος καὶ τὰ μέλλοντα συγγεγραφέτος ἤκουσα* (31) — «больше того, я слышал одного, который описал даже будущее». О разных значениях ἤδη см. также: Н. Hoogeven. *Doctrina particularum linguae graecae, in epitoma redegit Chr. G. Schütz*. Lipsiae, 1806, p. 267. — M. Devarius. *De graecae linguae particularibus*, II, sect. II. Lipsiae, 1842, p. 600 sqq. — Н. Heller. *Epistola ad Max. Dunkerum de particularibus ἤδη et δῆ*. Philologus, 8, 1853, p. 254 sqq. — W. Baumlein. *Untersuchungen über griechische Partikeln*. Stuttgart, 1861, p. 141 sqq. — R. Kühner. *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache*, T. II, Bd. II. 3. Aufl. Hannover—Leipzig, 1904, p. 120 sqq. — J. D. Denniston. *The greek particles*. 2-nd ed. Oxford, 1959. — Ничего не дает для нашего места специальная работа R. Eucken'a (De Aristotelis dicendi ratione. I. *Observationes de particularum usu*. Diss. Göttingae, 1866).

²³ В Афинской Политии Аристотеля наряду с местами, где *ἀποδιδόναι* бесспорно означает «возвращать», «отдавать назад» и т. п. (11, 2; 39, 6; 52,

2 и др.), имеются и такие, где это значение исключено (4, 1; 7, 3; 20, 1 и др.). См. также: Политика IV, 11, 2, 1298a, 7.

²⁴ Об отношении Александра к Коринфскому договору см., например: U. Wilcken. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund. Sitzungsber. Preussischen Akad. Wissensch. Philosoph.-histor. Klasse, 1922, p. 97 sqq. — V. Ehrenberg. Alexander and the Greeks. Oxford, 1938, p. 1 sqq. Об условиях этого договора см.: A. Schäffer. Demosthenes und seine Zeit., III. 2. Ausgabe. Leipzig, 1885, p. 51 sqq. — U. Wilcken. Philipp II von Makedonien und die panhellenische Idee. Sitzungsber. Preussischen Akad. Wissensch., Philosoph.-histor. Klasse, 1929, p. 229 sqq. — H. O. Raue. Untersuchungen zur Geschichte des Korinthischen Bundes. Diss. Marburg, 1937. — C. Roebuck. The settlements of Philipp II with the greek states in 338 B. C. Class. Philol., 43, 1948, p. 89 sq. — Cl. Mossé. La fin de la démocratie athénienne. Paris, 1962, p. 464 sqq.

²⁵ Вопрос о том, были ли приняты в Коринфский союз малоазийские полисы и полисы островов, лежащих у берегов Малой Азии, Wilcken (op. cit., p. 105), например, решает в положительном смысле. Однако фактическое положение малоазийских полисов (впрочем, далеко не единообразное), попавших в зависимость от Александра, нельзя сравнивать с положением полисов метрополии (Bickerman. Alexandre le Grand et les villes d'Asie. . . , p. 364). В своих отношениях с греческими полисами Малой Азии Александр выступает не только как главнокомандующий греческими вооруженными силами, но и как носитель верховной власти, см.: J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus, I. 2. Aufl. Leipzig—Berlin, 1917, p. 349 sqq. — А. Ранович. Александр Македонский и греческие города Малой Азии. Вестн. Др. ист., 1947, № 4, стр. 57 слл. Отрицательный ответ на вопрос о приеме малоазийских полисов в Коринфский союз дают G. Radet (Alexandre le Grand. Paris, 1931, p. 46), V. Ehrenberg (Alexander and the Greeks, p. 2 sqq.) и W. W. Tarn (Alexander the Great, II. Cambridge, 1950, p. 228 sqq.).

²⁶ О декрете, предписывавшем возвращение изгнанников, см., например: Oncken, op. cit., II, p. 267 sqq. — Schaefer, op. cit., III, p. 314 sqq. — B. Niese. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht von Chaeronea, I. Gotha, 1893, p. 176. — A. Plassart. Règlement tégéate concernant le retour des bannis à Tégée en 324 av. J. C. Bull. correspond. hellénique, 38, 1914, p. 101 sqq. — Wilcken, op. cit., p. 115 sqq. — Radet, op. cit., p. 365 sqq. О том, что среди распоряжений Александра, обнаруженных Никанором на олимпийских играх в 324 г., не было декрета о роспуске союзов беотийцев, ахейцев, аркадян, см.: A. Aumard. Un ordre d'Alexandre. Rev. étud. anciennes, 39, 1937, p. 1. О самом Никаноре см.: R. Heberdey. Νικάνωρ Ἀριστοτέλους. Festschrift Th. Gomperz dargebracht. Wien, 1902, p. 412 sqq.

²⁷ Материалы по этому вопросу см.: E. Pridik. De Alexandri Magni epistularum commercio. Diss. Dorpati Livonorum, 1893, p. 90 sqq., 134 sqq.

²⁸ О положении Аристотеля в Афинах после смерти Александра см., например: Gerscke, op. cit., col. 1021. — Gomperz, op. cit., III, p. 17. — Ed. Zeller. Die Philosophie der Griechen. . . , II. Abt. 2. 4. Aufl. Leipzig, 1921, p. 8 sqq. — Jaeger, op. cit., p. 340 sqq. — Düring, op. cit., p. 462. — Aubonnet, Introduction, p. XCIII.

²⁹ Абсолютно неприемлемым представляется мнение, будто Аристотель сам не верил в возможность реального установления восхваляемого им «среднего» строя (Th. A. Sinclair. A history of greek political thought. London, 1952, p. 226 sqq.). У Аристотеля, как указывает английский автор, нет никакого указания на пути, какими олигархия или демократия могли бы приблизиться к политике; с другой стороны, сам же Аристотель говорит об опасности изменения государственного строя. Ни тот, ни другой довод не имеет убедительной силы. Ведь введение «среднего» строя ожидается от гегемона, который будет покровительствовать средним слоям (реально существовавшим), подобно тому, как Афины покровительствовали демократическим слоям, а Спарта олигархическим, т. е. средние слои, по мнению

Аристотеля, станут у власти таким же путем, каким до них становились у власти демократы и олигархи. Что же касается заявления Аристотеля об опасности изменения государственного строя, то оно высказано в слишком общей форме, чтобы быть приложимым к каждому отдельному случаю; было бы странно на основании этого заявления думать, что Аристотель осуждал или считал опасной замену одного из «неправильных» государственных устройств «правильным». С гораздо большим основанием Weil (op. cit., p. 360 sqq.) ищет исторические корни воззрений Аристотеля, опору этих воззрений в исторической действительности и указывает, что, по Аристотелю, меры, придающие устойчивость даже «неправильным» государственным устройствам, сводятся в сущности к приближению этих устройств к «среднему», т. е. к политике. Тот же Weil (op. cit., 418 sq.) считает возможным говорить о влиянии аристотельского идеала «средней» конституции на политику Антипатра (уже после смерти Аристотеля).

Глава 3

¹ Подробно останавливаются на мыслях Аристотеля об умственной деятельности (даже не направленной на практические цели) Wilamowitz-Moellendorff (op. cit., I, p. 342 sqq.) и Barker (The political thought. . . , p. 289 sqq.).

² κατά βορέαν — см.: Susemihl ad loc. (II, p. 193, n. 846).

³ Об этом см., например: K. Hildenbrand. Geschichte und System der Rechts- und Staatsphilosophie, I. Leipzig, 1860, p. 446 sqq. — Oncken, op. cit., II, p. 134, 176 sq. — Sinclair, op. cit., p. 313 sq. — Weil, op. cit., p. 67. — Wilamowitz-Moellendorff, op. cit., I, p. 355. — Aubonnet, Introduction, p. CIV sq.

⁴ Наш перевод слова γράμματα (VIII, 2, 3, 1337b, 24) условен. Переводят: Barthélemy Saint-Hilaire — «les lettres»; Susemihl — «Lesen, Schreiben und Rechnen»; Jowett — «reading and writing»; Жебелев — «грамматика» (с пояснением — «чтение и письмо»). Речь идет о низшей ступени образования.

⁵ Об аристотелевском учении о σχολή и его социальной направленности см.: J. L. Stocks. Σχολή. Class. Quart., 30, 1936, p. 177 sqq. — E. Ch. Welsopf. Probleme der Musse im alten Hellas. Berlin, 1962, p. 209 sqq. О развитии на римской почве греческого учения о досуге см.: P. Bouanсé. Cum dignitate otium. Rev. étud. anciennes, 43, 1941, p. 172 sqq.

⁶ Так переводят Barthélemy Saint-Hilaire, Jowett, Жебелев. Здесь мы позволяем себе не согласиться с истолкованием слов Аристотеля у Жебелева, предложенного следующий перевод разбираемого места: «все формы государственного строя суть отклонения от самой правильной из них [т. е. политики]». Исходя из этого перевода, усмотрел явное противоречие в тексте Аристотеля Н. И. Кареев (К вопросу о классификации образов правления в Политике Аристотеля. Сборник статей в честь Сергея Александровича Жебелева, JL., 1926, стр. 430).

⁷ Так дают Susemihl в своем переводе и Newman ad loc. (IV, p. 195).

⁸ Наше объяснение близко к тому, какое предлагает Susemihl в своем переводе и ad loc. (II, p. 280, n. 1239, 1242); приблизительно так же понимает текст Newman ad loc. (IV, p. 195). Общий смысл всего предложения: «мы рассматриваем политику вместе с тиранией, хотя естественно было бы рассматривать ее наряду с монархией и аристократией».

⁹ Разные объяснения этого места см.: Weil, op. cit., p. 68 (принимаемое нами) и Н. v. Arnim. Zur Entstehungsgeschichte der aristotelischen Politik. Sitzungsber. Akad. Wissensch. in Wien, Philosoph.-histor. Klass., Bd. 200, Adh. 1, 1924, p. 12 sq. Вопрос о квалификации идеального строя VII—VIII книг Политики как аристократии обычно ставится в связь с вопросом о порядке следования книг этого трактата: сразу же за книгой III Аристо-

тель должен был, по мнению ряда ученых, изложить свои взгляды на аристократию; те, кто видит в идеальном строе Аристотеля аристократию, находят в этом основание для перестановки книг VII—VIII между книгами III и IV; наоборот, не соглашающиеся на такую перестановку доказывают, что строй, описанный в книгах VII—VIII, не является аристократическим. В следующей главе нашей работы делается попытка разредить эти два вопроса или, вернее, показать, что признание или непризнание идеального строя аристократическим не предопределяет порядка книг Политики. Само собой разумеется, что аристократическими порядки, изображенные в двух последних книгах Политики, можно назвать в несколько условном смысле. В аристократиях во главе государства стоят наиболее добродетельные лица, составляющие некую элиту (так по крайней мере понимаем объяснения Аристотеля все) среди граждан; в проекте идеального государства правителями являются все граждане, достигшие известного возраста и в силу этого бывшие из состава воинов, но они же, всю жизнь упражнявшиеся в добродетели, оказываются носителями последней. В конечном счете в проекте идеального строя понятие аристократии доводится до своего логического завершения — предусматривается возможность сделать обладателями высшей добродетели всех граждан. Таким образом, количество граждан, непричастных к высшей добродетели, сводится к нулю, элита среди граждан отпадает (если не считать такой элитой граждан старшего возраста, в руках которых будет находиться управление и суд), но сами граждане будут представлять собой совершенных людей среди других категорий населения (земледельцы, торговцы, ремесленники). Аристократией считают идеальный строй, описанный в книгах VII—VIII Политики, например: Fr. Susemihl. Über die Composition der aristotelischen Politik. Verhandlungen d. 30. Versammlung deutscher Philologen u. Schulmännern in Rostok. Leipzig, 1876, p. 25 sqq. — H. v. Arnim. Die politischen Theorien des Altertums. Wien, 1910, p. 101 sq. (впоследствии он изменил мнение). — Zeller, op. cit., I, 2, p. 740 sq. — Weil, l. c. — Отрицают возможность считать образцовый строй Аристотеля аристократией: Arnim. Zur Entstehungsgeschichte. . ., l. c. — P. Gohlke. Die Entstehung der aristotelischen Ethik, Politik, Rhetorik. Sitzungsber. Akad. Wissensch. in Wien, Philosoph.-histor. Klasse, Bd. 223, Abh. 2, 1944, p. 82 sqq. (для Gohlke идеальный строй Аристотеля представляет собой скорее политику или смешение политики с аристократией). — Varker, op. cit., p. 421 (идеальный строй Аристотеля — идеализированная демократия). Теория, которую предложил Jaeger (op. cit., p. 271 sqq.), в сущности, снимает вопрос о квалификации образцовой конституции Аристотеля в терминах его схемы шести форм государственного устройства. Аристотель, по Jaeger'у, в ту пору своей жизни, когда он находился под сильным влиянием Платона, сделал первый набросок своей Политики (Uropolitik), в котором книги VII—VIII, носящие отпечаток местной атмосферы Атарнея, следовали непосредственно за книгой III. Затем, уже став главой школы, Аристотель предпринял переработку Политики, включив в нее книги IV—VI («эмпирические»). Принимая основные положения Jaeger'a о ходе развития идей Аристотеля, A. Rosenberg (Aristoteles über Diktatur und Demokratie. Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 82, 1933, p. 347 sq.) говорит, что в идеальном государстве Аристотеля можно найти отдельные черты аристократического строя. W. Siegfried [Zur Entstehungsgeschichte von Aristoteles' Politik. Philologus, 88 (N. F. 42), 1933, p. 366 sq.] находит в идеальной конституции Аристотеля черты самых разнообразных государственных устройств, описанных в Политике (кроме тирании).

¹⁰ Аристотель полагает, что в «Законах» Платона под именем афинянина выведен Сократ. Вероятно, он следует традиции, установившейся в Академии еще при жизни Платона. Jaeger (op. cit., p. 26) видит в этом афинянина самого Платона. Ссылки Аристотеля на Сократа по поводу «Государства» и «Законов» Платона, как явно относящиеся к самому Платону, не ставят перед нами тех тонких вопросов, которыми занимается Th. Deman (Le témoignage d'Aristote sur Socrate. Paris, 1942, p. 119 sqq.).

¹¹ J. G. Droysen (Geschichte des Hellenismus. 2. Aufl. III, 2, Gotha, 1878, p. 193 sqq.) защищал достоверность этого известия. Новые авторы полагают, что перечень Droysen'a не оправдывает числа семьдесят: во-первых, нелегко в каждом отдельном случае определить, был ли город (даже носивший название Александрия) основан Александром или кем-либо из его преемников; во-вторых, наряду с городами Александр основывал и укрепленные пункты, которые нельзя считать полисами, см.: V. Tschirikow e r. Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Philologus, Supplbd, XIX, H. 1, 1927, p. 138 sqq. — T a r n, op. cit., I, p. 132 sqq.; II, p. 232 sqq. — 'Αν. Β. Δασκαλάκης. Τὸ ἐλληνικὸν φρόνημα τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου ὡς διεθνήθη ἐν Ἀσίᾳ. Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρὶς τῆς φιλοσοφικῆς σχολῆς τοῦ πανεπιστημίου Ἀθηνῶν, περίοδος II, τόμος XI, Ἐν Ἀθήναις, 1960—1961, p. 227 sq.

¹² Об организации новооснованных городов, в которых поселились греческие наемники, какое-то (очень небольшое) число македонских ветеранов и отчасти представители местного населения, у нас нет точных и ясных сведений. Все же вероятность и аналогия с Александрией египетской говорит в пользу предположения о полисной организации. О ней говорят, предполагая при этом существование (во всяком случае в больших городах) совета и народного собрания (а иногда воздерживаясь от такого предположения) многие исследователи. D r o y s e n, op. cit., p. 357. — G. R a d e t. De coloniis a Macedonibus in Asiam cis Taurum deductis. Thesis. Parisiis, 1892, p. 82 sqq. — T s c h e r i k o w e r, op. cit., p. 190 sqq., 203 sqq. — V. C h a p o t. Alexandre, fondateur des villes. Mélanges Gustave Glotz, I. Paris, 1932, p. 176 sqq. — Н. В е р в е. 1) Das Alexanderreich. . . , I, p. 298 sq.; 2) Die Verschmelzungspolitik Alexanders des Grossen. Klio, 31 (N. F. 13), 1938, p. 164 sq. — T a r n, op. cit., I, p. 134 sqq. — Δασκαλάκης, op. cit., p. 229 sq. О негреческом зависимом населении вокруг городов (в том числе и основанных эллинистическими монархами) имеются сведения из более позднего времени; см.: И. С. С в е н ц и ц к а я. Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма, Вестн. Др. ист., 1957, № 3, стр. 91 слл. Здесь попутно заметим, что во всяком случае, если греки метрополии равнодушно смотрели на победы и завоевания Александра (W. J a e g e r. Demosthenes. Berlin, 1939, p. 191), то так относиться к успехам Македонии на Востоке греки, сопровождавшие Александра и шедшие по следам его войска, не могли.

¹³ Единственный автор, усмотревший в аристотелевском проекте идеального государства не чисто теоретическое построение, а известную систему практических указаний, — E. v. Ivanka (Die aristotelische Politik und die Städtegründungen Alexanders des Grossen. Zwei Studien zur antiken Geschichte. Budapest, 1938, p. 11 sqq.). Основное отличие взглядов названного автора от излагаемых в настоящей работе в том, что он видит в проекте Аристотеля нечто вроде наставлений Александру, который будто бы делает не то, что, по мнению его учителя, он должен был бы делать, тогда как по нашему представлению Аристотель в каком-то смысле санкционирует дело своего воспитанника и в то же время хочет дать этому делу более определенное направление или, возможно, надеется предугадать дальнейшие шаги Александра. Ivanka (p. 15) отождествляет две последние книги Политики с сочинением Аристотеля Ἀλέξανδρος ἢ ὑπὲρ ἀποικιῶν. Это мнение легко опровергнуть ссылкой на античные каталоги произведений Аристотеля, в которых наряду с 8 книгами Политики фигурирует одна книга названного сочинения (каталог Диогена Лаэртия, №№ 17 и 25; каталог Гесихия, №№ 22 и 70 — см.: Rose ³, p. 3 sqq.). Jaeger (op. cit., p. 23) считает утраченное произведение Аристотеля «Александр. . .» диалогом. Aubonnet (Introduction, p. XC, sq.), называя «Александр. . .» не диалогом, а наставлением, возражает против датировки Ivanka'i (p. 17 sq. — сразу после основания Александрии в Египте, как протест против основания такого большого города) и предлагает свою датировку — после весны 324 г. (т. е. последние годы жизни Александра). Против Ivanka'и высказывается и Weil (op. cit., p. 155).

¹⁴ *παρβασιλεία* — конъектура Susemihl'я; рукописное чтение — *βασιλεία*. Существо дела не изменится, если мы сохраним рукописное чтение. Ясно, что и в этом случае будет иметься в виду только что названный пятый вид царской власти.

¹⁵ Susemihl произвольно аттрибует слова *καὶ ἔθρους ἐνός ἢ πλείονων*. Рассматривая вопрос о царской власти, Аристотель не раз выходит за пределы полиса. Утверждение, что «на протяжении всего своего произведения он [Аристотель] имеет дело не с формами правления племени, но государства [полиса]» [Susemihl ad loc. (II, p. 158, n. 633)], не соответствует действительности, во всяком случае когда речь идет о монархическом правлении.

¹⁶ Изображая своего носителя неограниченной царской власти, Аристотель вдохновляется реальным или воображаемым образом Александра, см.: Hildenbrand, op. cit., p. 426. — Oncken, op. cit., II, p. 279 sqq. — Jaeger, op. cit., p. 122 sq. — Kahlenberg. Beitrag zur Interpretation des III. Buches der aristotelischen Politik. Diss. Berlin, 1934, p. 47 (последний считает отрезок о всеобъемлющей царской власти более поздней вставкой самого Аристотеля). — Кечекьян, ук. соч., стр. 191 (автор подчеркивает, что никакого жедания польстить Александру у Аристотеля нет). — Tarn, op. cit., I, p. 80; II, p. 366 sqq. — Aubonne, Introduction, p. LI. Намек на власть персидского царя в учении Аристотеля о неограниченном царе видит Newman [ad III, 4, 1287a, I (III, p. 290)]; Weil (op. cit., p. 352 sq.) это объяснение принимает, но в то же время отмечает нежелание Аристотеля прямо назвать персидского царя, так как такой пример был бы «нечестивым». Не согласны усматривать намек на Александра в учении о носителе всеобъемлющей власти и обладателе высшей добродетели считающие это учение чисто теоретическим построением следующие авторы: Susemihl. Einleitung, p. 42 sq. — Ehrenberg. Alexander and the Greeks, p. 83 sq. — А. К. Бергер. Социально-политическое мировоззрение Аристотеля. Тр. Горьк. пед. инст., III, 1939, стр. 131.

¹⁷ Для нашей цели важно было бы знать, работал ли Аристотель над Политикой в то время, когда Александр занимается основанием новых городов на Востоке. Единственная прочная хронологическая точка опоры — смерть Филиппа — не помогает разобраться в этом вопросе. Все другие даты, на которые пробовали опереться разные ученые, не являются надежными (см. дальше). Самым естественным решением вопроса является признание длительности работы Аристотеля над Политикой: Аристотель мог не раз возвращаться к этому трактату и вносить в него изменения и дополнения, в необходимости которых он убеждался, читая свой курс в Ликее (Aubonne, Introduction, p. CXIX). В пользу позднего происхождения Политики высказывается G. Rose (The development of Aristotle's thought. Proceedings of the British Academy, 1957, London, 1958, p. 63 sqq.), а также Chatelet (op. cit., p. 324, 342). Крайнюю позицию в вопросе о времени окончательной редакции текста Политики занимает J. Zürcher [Aristoteles Werk und Geist. Paderborn, 1952 (см.: Aubonne, Introduction, p. CXIII sq.)], который приписывает редактирование (сопровождаявшееся значительными переделками) и издание больших трудов Аристотеля Теофрасту — последний работал над Политикой между 315 и 300 гг. Практическое значение для этой главы нашей работы имеет вопрос о возможности отнести книги VII—VIII к позднему периоду жизни Аристотеля. Выводы исследователей расходятся. Ранее происхождение проекта идеального строя отстаивают Jaeger (op. cit., p. 271 sqq.), находя в этом проекте близость с духом платоновских построений идеального государства, а также Weil (op. cit., p. 323) на основании произведенного им исследования исторической документации в Политике. За позднее происхождение проекта Аристотеля (после 331 г.) стоят Arnim (Zur Entstehungsgeschichte. . . , p. 1 sqq.), Gohlke (op. cit., p. 104 sqq.) и Barker (Introduction, p. XLIV).

¹⁸ Существовало мнение, будто Аристотель имеет в виду взятие Вавилона Александром — в последний раз его высказал Buhle в Энциклопедии Ersch'a и Gruber'a (Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, V.

Leipzig, 1820, p. 285). В настоящее время никто не сомневается в том, что Аристотель говорит о взятии города Киром, но иногда при этом думают, что он обязан был упомянуть и о завоевании Вавилона Александром, если бы писал после этого события (W. v. Christ, Geschichte der griechischen Literatur, unter Mitwirkung v. O. Stählin bearb. v. W. Schmid, I. 6. Aufl. München, 1912, p. 750 sq.).

¹⁹ πόλεμος ξενικός — война с чужеземцами (а не с наемниками, хотя фактически на Крите действовали наемники), см.: Newman ad loc. (II, p. 360). Так же понимают это выражение (в своих переводах) Barthélemy Saint-Hilaire, Susemihl, Jowett, Жебелев, Aubonnet. В пользу перевода «наемническая война» высказывается Jaeger (op. cit., p. 300, n. 2). Weil (op. cit., p. 208) считает совместимыми оба понимания.

²⁰ Сторонники этой интерпретации: Susemihl ad loc. (II, p. 94 sq., 375). — Newman ad loc. (II, p. 360). — Jaeger, op. cit., p. 300. — Weil, op. cit., p. 29. — Aubonnet ad loc. (p. 167, n. 5). — Н. v. Effenterre, La Crète et le monde Grec de Platon à Polybe. Paris, 1948 (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome, 163), p. 81 sqq.

²¹ Этой датировки придерживаются Oncken (op. cit., II, p. 396), Arnim (op. cit., p. 112), Gohlke (op. cit., p. 105).

²² Комментаторы затрудняются дать историческую интерпретацию этому сообщению, см.: Susemihl ad loc. (II, p. 338, n. 1582, где он отсылает к другому месту своего комментария — II, p. 320 sq., n. 1512), Newman ad loc. (IV, p. 363), а также Weil (op. cit., p. 279).

²³ Неосновательными представляются соображения, которые выдвинул Weil (op. cit., p. 195 sq.): в одном месте (VI, 4, 5, 1321a, 28 sq.) о фиванском законе, закрывавшем доступ к полноправию всем, кто в течение известного времени не воздерживался от ремесленного труда. Аристотель будто бы говорит в настоящем времени. В действительности место Аристотеля допускает два толкования. Дело, однако, решается на основании другого места Политики, где о том же законе говорится в прошедшем времени (III, 3, 4, 1278a, 25 sq.). Br. Keil (Die Solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens. Berlin, 1892, p. 122 sq.) полагает, что сообщения Аристотеля о Фивах свидетельствуют о том, будто Фивы еще существуют.

²⁴ В тексте Политики нет ничего, что бы мог привести в оправдание своего мнения о написании Аристотелем V книги ранее конца 30-х годов, т. е. ранее падения Персидской державы, Weil (op. cit., p. 198 sq.).

²⁵ Здесь следует еще остановиться на одной конъектуре, которая, будь она беспспорной, доставила бы нам хорошую хронологическую точку опоры. Спартанские эфоры обнаруживали свою подкушность не раз и прежде, а сейчас в (далее непонятое слово) — καὶ νῦν ἐν τοῖς. . . (II, 6, 14, 1270b, 11 sq.). Рукописные чтения ἀνδρῖοις и т. п. неприемлемы потому, что это означало бы «в общественных обедах», но, по свидетельству Аристотеля (II, 7, 3, 1272a, 2 sq.), спартанские фидитии назывались ἀνδρία в древности, а речь идет здесь о современности и сам Аристотель никогда этим архаическим обозначением не пользуется (об этом см.: Weil, op. cit., p. 204). Поэтому уже начиная со старинных изданий и до настоящего времени здесь читают Ἀνδρῖοις, т. е. «в делах острова Андроса», хотя реальной интерпретации место не поддается и при такой конъектуре; имеющаяся гипотеза [Newman ad loc. (II, p. 333 sq.)] встретила основательные возражения (Weil, op. cit., p. 204 sq.). Новую конъектуру Ἀντιπατρείοις — «в делах с Антипатром» — предложил Arnim (op. cit., p. 112 sq.) и поддержал Gohlke (op. cit., p. 104 sqq.). Приняв это чтение, следовало бы думать о походе Антипатра против Спарты и о поражении спартацев при Мегалополе в 331 г. Однако при этом суть дела (подкушность эфоров) все же оставалась бы неясной, не говоря уже о том, что для выражения τὰ Ἀντιπάτρεια — «дела с Антипатром», «дела Антипатра» (в применении к военной экспедиции) необходимо было бы подобрать параллели. Не помогает разрешению хронологического вопроса относительно Политики и сообщение Аристотеля о Клазоменах. Речь идет о том, что распри в государстве являются иногда следствием отсутствия есте-

ственных условий для полного единства. В качестве одного из примеров — *ἴσων ἐν Κλαζομεναῖς οἱ ἐπὶ Χύτρῳ πρὸς τοὺς ἐν νήσῳ* (V, 2, 12, 1303b, 9 sq.). Weil (op. cit., p. 198 sqq.) придает значение тому обстоятельству, что между 334 и 330 гг. по приказанию Александра была сделана насыпь, соединившая обе части Клазомен; Аристотель, таким образом, говоря о двух частях города и не упоминая об их соединении, должен был написать свою V книгу до окончания работ по созданию насыпи. Однако позволительно спросить: 1) действительно ли насыпь сразу уничтожила антагонизм между двумя частями населения; 2) обязан ли был Аристотель в контексте, требовавшем примеров разобщенности, упомянуть о том, что в его время приняты меры к устранению существовавшего прежде противоречия.

²⁶ О личных отношениях между Аристотелем и Александром см., например: R. Geier. Alexander und Aristoteles in ihren gegenseitigen Beziehungen. Halle, 1856. — Wilamowitz-Moellendorf, op. cit., I, p. 335 sqq. — Gercke, op. cit., col. 1015 sqq. — Jaeger, op. cit., p. 339. — F. Enriques et G. de Santillana. Platon et Aristotele. Paris, 1937, p. 34 sq. — Aubonnet. Introduction, p. LXXXIX. Основательное замечание о том, что нам неизвестна реакция Аристотеля на известие о конце Каллисфена, поведением которого он не восхищался, сделал E. Mensching (Peripatetiker über Alexander. Historia, 12, 1963, p. 284).

²⁷ О глубоком уважении, с каким, несмотря на принципиальные разногласия, относился Аристотель к своему учителю, см.: Oncken, op. cit., I, p. 152 sqq. — Gercke, op. cit., col. 1022 sq. — Wilamowitz-Moellendorf, op. cit., I, p. 325 sq., 332 sq. — Zeller, op. cit., II, Abt. 2, p. 8 sqq. — Enriques et de Santillana, op. cit., p. 33. — Düring, op. cit., p. 315 sqq.

²⁸ О коренном антагонизме между политическими взглядами Демосфена и Аристотеля см.: Jaeger, op. cit., p. 334. О большом политическом объединении греческих полисов под гегемонией Афин как политическом идеале Демосфена см.: P. Clouhé. Démosthènes et la fin de la démocratie athénienne. Paris, 1937, p. 312. — J. Lucioni. Démosthène et le panhellénisme. Paris, 1961, 70 sqq., 76, 153 sqq. Довольно фантастическое представление о взаимоотношениях между великим оратором и главой Ликия предлагает своим читателям J. D. Meerwaldt (De Aristotelis erga Demosthenem animo. Mnemosyne, N. S., 54, 1926, p. 348 sqq.). Аристотель будто бы в пределах одного и того же произведения — Реторики — продельвает путь от враждебного отношения к Демосфену до дружеского, так как с течением времени македонское владычество становилось ему все более и более ненавистным!

²⁹ См. завещание Аристотеля — Aristotelis epistolarum fragmenta cum testamento ed. et ill. M. Plezia. Varsoviae, 1961, p. 67 sqq., а также: M. Plezia. The human face of Aristotle. Classica et Mediaevalia, 22, 1961, p. 24 sq. — Jaeger, op. cit., p. 343 sqq.

³⁰ В категорической форме говорят о том, что Аристотель не видит современности и смотрит исключительно назад, в уходящее прошлое, следующие авторы: R. Schöll. Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen, Festrede. München, 1890, p. 35 sq. — Christ, op. cit., p. 751. — Tk. Birt. Alexander der Grosse und das Weltgriechentum. 2. Aufl. Leipzig, 1925, p. 57 sq. — G. Glotz. Histoire grecque III (avec la collaboration de R. Cohen). Paris, 1936, p. 446 (on dirait qu'il ne s'aperçoit pas de ce qui se passe autour de lui et qu'il prend pour un accident négligeable cet immense bouleversement du monde). — Kaerst (Geschichte des Hellenismus, 1, 2. Aufl. Leipzig—Berlin, 1917, p. 106 sqq.) говорит о большей обращенности к прошлому всех политических воззрений Аристотеля сравнительно с воззрениями Платона, но в то же время признает, что Аристотель больше считается с исторической действительностью, чем Платон. Об обманчивости представления, какое можно было бы себе составить об Аристотеле на основании сохранившихся его произведений как об ученом, живущем вне своего времени, и о поправках, вносимых в это представление нашими, хотя и очень скудными, сведениями о сочинениях относительно царской власти и относительно новых поселений,

см.: Fr. Koerper, Aristoteles und Alexander, Preuss. Jahrb., 113, 1903, p. 95. Об идеале аристократического полиса, ориентированном на прошлое как у Платона, так и у Аристотеля, в который, однако, Аристотель вводит коррективы, разрывающие связь с прошлым (приморское положение города, т. е. призвание нереальности экономической автаркии), см.: M. Wheeler, Selfsufficiency and the greek city. Journ. Hist. Ideas, 16, 1955, p. 416, sqq. В этой связи можно привести два диаметрально противоположных ответа на вопрос о том, был ли Аристотель абстрактным мыслителем и догматиком или же человеком, изучавшим живую действительность и прислушивавшимся к ее голосу. Первый ответ дают Glotz-Cohen (l. c. — «Aristote. . . a été avant tout un scolaire, le digne père de la future scolastique») и Weil (op. cit., p. 418 — но с существенной поправкой: «Esprit assurément dogmatique, Aristote s'est efforcé d'adapter toujours à la réalité les vues systématiques qu'il avait dû déjà élaborer. . . il n'a pas reculé devant le réel . . . Rien n'est plus loin qu' Aristote du fameux „Aristoteles dixit“ d'une scolastique figée»). Решительно отрицают догматизм у Аристотеля Rosenberg (op. cit., p. 348 — «Aristoteles ein durchaus undogmatischer und unscholastischer Mensch»), Ehrenberg (Alexander and the Greeks, p. 97 sq.), Barker (op. cit., p. 214 sq.). В русской литературе старые авторы охотно говорили об оторванности теорий Аристотеля от жизни, см.: Н. Скворцов, Предисловие, стр. XXIII сл., XXXI, LIX. — Р. Виппер, История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. X. М., 1916, стр. 568 сл. Наоборот, новые авторы решительно настаивают на гибкости учений Аристотеля, на их связи с реальной жизнью, — см.: Г. Александров, Аристотель. М., 1940, стр. 201 сл., 261. — В. П. Зубов, Аристотель. М., 1963, стр. 45. Так же по существу относится к учению Аристотеля Кечекьян (ук. соч., стр. 103 сл.).

³¹ Об отношении Аристотеля к Македонии см., например: Geier, op. cit., p. 228 sqq. — O p s k e n, op. cit., I, p. 157 sqq.; II, p. 274. — Grote, op. cit., p. 8 sqq. — Gercke, op. cit., col. 1020 sq. — Jaeger, op. cit., p. 333 sqq. — Barker, op. cit., p. 214 sq. — A. Momigliano, Filippo il Macedone. Firenze, 1934, p. 134 sq. Последний усматривает политическую цель в самом приглашении Аристотеля в наставники Александру: благодаря Аристотелю не только Александр, но и сам Филипп должен был лучше узнать греков.

³² Предполагают, что этот совет находился в сочинении Ἀλέξανδρος ἢ ὑπὲρ ἀποικίων (ἀποικίων?) (Weil, op. cit., p. 154 sq. — сам он, впрочем, перечисляя и другие предположения, не считает возможным сделать между ними выбор).

³³ βέλτιστα πολιτεύμενον — или по другому чтению, принятому в текст Susemihl'ем, μάλιστα πολιτεύμενον, т. е. «преимущественно имеющем республиканский образ правления», впрочем, в критическом аппарате Susemihl выражает готовность признать правильным чтение βέλτιστα.

³⁴ Что должно было представлять собой, по мысли Аристотеля, это объединение греков? Согласно одному из существующих мнений, Аристотель думал об объединении греков под предводительством македонского царя (Jaeger, op. cit., p. 122). Newman ad loc. (III, p. 366) считается с такой возможностью, но предусматривает и другую — Аристотель имеет в виду свободное объединение греческих полисов. Ср. рассуждение об отсутствии в любой панэллинской программе мысли о едином целостном государстве U. Wilcken'a (Phillipp II von Makedonien. . . , p. 313). В этом же смысле высказывается и Susemihl (Einleitung, p. 43). Weil (op. cit., p. 404 sqq.) рассматривает слова Аристотеля об объединенных греках, способных властвовать над всеми, как конечную цель государства, описанного в книге VII. Ehrenberg (Alexander and the Greeks, p. 62 sqq.) видит в разбираемом предложении простое констатирование того факта, что греки, предназначенные самой природой для господства над другими народами, в силу своей разобщенности не могут осуществить свое предназначение.

¹ Необходимо сказать несколько слов по поводу гипотезы о том, что дошедший до нас текст трактатов Аристотеля представляет собой записи его лекций, сделанные слушателями Ликей. Эта гипотеза встречается в настоящее время сильные возражения. Слишком единообразен стиль этих трактатов, чтобы можно было допустить их происхождение от записей учеников. Эти произведения носят на себе отпечаток личности единого автора, выработавшего строгий стиль научного рассуждения и научного описания, определивший собой характер европейской научной прозы на дальнейшие века (Weil, *op. cit.*, p. 52 sqq.).

² Вопрос о пребывании сочинений, т. е. подлинных рукописей, Аристотеля в погребе в Скепсисе в настоящее время можно считать решенным в положительном смысле. Отсюда нельзя делать вывода о том, что сочинения философа в течение долгого времени вообще исчезли из культурного обихода; многочисленные копии их должны были сохраниться, и одна из них была приобретена для Александрийской библиотеки. Об этом см.: A. S t a h r. *Aristotelia*, II. Halle, 1832, p. 18 sqq., 114 sqq. — O n s k e n, *op. cit.*, I, p. 64 sq. — G r o t e, *op. cit.*, p. 35 sqq. — G e r c k e, *op. cit.*, col. 1027 sq. — G o m p e r z, *op. cit.*, III, p. 23 sqq. — Z e l l e r, *op. cit.*, p. 141 sq. — I. D ü r i n g. *Notes on the history of the transmission of Aristotle's writings*. Acta Univ. Gothoburgensis, 1950, 56, 3, p. 37 sqq. — H. J. de V l e e s c h a u w e r. *L'Odyssée de la bibliothèque d'Aristote et ses répercussions philosophiques* (Moussaion 24). Pretoria, 1957. — A u b o n n e t, Introduction, p. CXC VII sq. A. H. C h r o u s t. *The miraculous disappearance and recovery of the Corpus Aristotelicum*. *Classica et Mediaevalia*, 23, 1962, p. 50 sqq. Относящиеся к вопросу свидетельства см.: I. D ü r i n g. *Aristotle in the ancient biographical tradition*. Acta Univ. Gothoburgensis, 63, 2, 1957, p. 337 sq. Новейший обзор рукописей Политики см.: A u b o n n e t, Introduction, CXC VII sqq. Установившийся consensus в оценке двух семей рукописей Политики встретил возражения в новейшей работе A. Dreizehnter'a [Untersuchungen zur Textgeschichte der aristotelischen Politik (Philosophia antiqua ed. by W. J. Verdenius and J. H. Waszink, 10). Leiden, 1962]. Впрочем, разногласие между двумя семьями касается главным образом грамматики и орфографии (A u b o n n e t, Introduction, p. CCIII, CCV).

³ Подробные или более сжатые изложения старых взглядов по вопросу о порядке книг Политики дают: H i l d e n b r a n d, *op. cit.*, p. 344 sqq. — O n s k e n, *op. cit.*, I, p. 80 sqq. — N e w m a n, Introduction, I, p. 292 sqq. Новые обзоры споров по этому вопросу см.: К е ч е к њ я н, *ук. соч.*, стр. 17 слл. — W e i l, *op. cit.*, p. 57 sqq. — A u b o n n e t, Introduction, p. CV sqq. Наличие этих обзоров делает излишним новое подробное изложение предлагавшихся решений вопроса. Достаточно будет указать на основные работы, в которых отражены, начиная с середины прошлого столетия, две борившиеся между собой точки зрения. Опираясь на аргументацию старых авторов и добавляя к ней собственные доводы, Barthélemy Saint-Hilaire (Préface, Appendice, p. CLXVII sqq.) доказывал нелогичность построения Политики в ее нынешнем состоянии, откуда следовало, что книги VII—VIII должны занимать место непосредственно за книгой III и перед книгой IV, а книги V и VI должны обменяться местами; таким путем будет восстановлен первоначальный порядок книг Политики, нарушенный издателем I в. до н. э. Андроником Родосским. Дальнейшее развитие мысли французского автора получили в работе L. Spengel'я (Über die Politik des Aristoteles. Abhandl. philosph.-philol. Classe Bayerischen Akad. Wissensch., 5, Abt. 1, 1849), где делается опыт детального разбора тех мест Политики, которые могут помочь понять план этого произведения на основании слов самого Аристотеля; при этом места, не благоприятствующие перестановке книг, объявляются интерполяциями редакторов, желавших подкрепить своими вставками произвольное изменение порядка книг. В дальнейшем ясно прослеживаются две линии: линия Barthélemy Saint-Hilaire-Spengel'я и линия сторонников

сохранения традиционного порядка книг. В противоположность изданию трудов Аристотеля, выпущенному Берлинской Академией наук, не менее авторитетные издания Политики Susemihl'я и Newman'a помещают книги VII—VIII между книгами III и IV (у Susemihl'я сверх того книги V и VI обмениваются своими местами). Разработкой аргументации в пользу необходимости перестановки книг (на основании относительной хронологии их написания) занимались следующие авторы: I. P. Nickes. *De Aristotelis Politicorum libris*. Bonnae, 1851, p. 67 sqq. — Hildenbrand, op. cit., p. 363 sqq. (последовательность книг V и VI он, впрочем, считает не подлежащей сомнению). — G. Teichmüller. *Die aristotelische Einteilung der Verfassungsformen*. Progr., St.-Petersb., 1859, p. 20. — Susemihl. *Über die Composition*. . . , p. 25 sqq. — Zeller, op. cit., p. 672 sqq., n. 2 (книга V, впрочем, должна предшествовать книге VI). Отдельные места Политики, сопротивлявшиеся насильственной перестановке книг, получали у этих авторов интерпретацию, придававшую им благоприятный для перестановки смысл. Имеются и отдельные работы, посвященные разбору и обезвреживанию таких мест, например: G. Teichmüller. *Zur Frage über die Reihenfolge der Bücher in der aristotelischen Politik*. *Philologus*, 16, 1860, p. 164 sqq. Рукописную традицию защищали, указывая на возможность объяснить построение Политики, не изменяя порядка ее книг, многие исследователи: F. Woltmann. *Über die Ordnung der Bücher in der aristotelischen Politik*. *Rheinisch. Mus. Philol.*, N. F. 1, 1842, p. 321 sqq. (но перестановку книг V и VI он одобряет, подкрепляя новыми соображениями аргументацию Barthélemy Saint-Hilaire). — P. Forchhammer. *Über das Princip der Ordnung der aristotelischen Bücher vom Staat*. *Verhandl. Vereins deutsch. Philol. u. Schulmänner, Erstes Lustrum, 1833—1842*, Cassel, 1844, p. 81 sqq. — J. Bendixen. *Über die Reihenfolge der zur Politik des Aristoteles gehörigen Bücher*. *Philologus*, 13, 1858, p. 264 sqq. — Fr. Diebitsch. *De rerum conexu in Aristotelis libro de republica*. *Diss. Vratislaviae*, 1875.

Новый этап в истории вопроса знаменует собой книга Jaeger'a «*Aristoteles*. . .», положившая начало генетическому изучению произведений Аристотеля. Анализ философского и научного наследия Аристотеля приводит Jaeger'a к заключению о том, что Аристотель не сразу создал единую целостную систему метафизики, физики, этики и других отраслей философии. Произведения Аристотеля, создававшиеся им в течение ряда десятилетий, сохранили на себе следы последовательных фаз развития аристотелевской мысли. Руководящим принципом при выделении разных пластов в трудах Аристотеля служила для Jaeger'a близость или отсутствие ее в воззрениях Аристотеля по отношению к воззрениям Платона. Аристотель, по Jaeger'у, в молодые годы находился под сильным влиянием Платона, а затем постепенно отходил от теорий и взглядов своего учителя. Первый период жизни Аристотеля, академический, был периодом платонизма в его воззрениях; в 335 г. Аристотель возвратился в Афины, после периода критического пересмотра своих ранних взглядов, и начался третий, последний, период его творчества — работа по созданию больших систематических трактатов, в которые были, однако, включены и части, написанные в предшествующие периоды. В частности, подход Аристотеля к изучению политических вопросов не оставался неизменным (p. 271 sqq.). Автор Политики начал с чисто теоретических построений, а кончил эмпирическим изучением существовавших форм правления. Простую перестановку книг Политики Jaeger не одобряет, как слишком грубый прием. Задача исследователя состоит в том, чтобы вскрыть в Политике разные слои, отражающие умственную эволюцию ее автора. В результате своих изысканий Jaeger приходит к вполне определенным выводам. Первоначальную политику (*Urpolitik*) представляют книги II, частично III, а также VII—VIII; это труд сравнительно молодого Аристотеля, верного ученика Платона, отражающий философскую и политическую атмосферу Трояды, где жил тогда Аристотель. Книги IV—VI, имеющие эмпирический характер и не считающиеся с нормой идеального государственного строя, написаны и включены в трактат позднее; содержание этих книг указано в конце Никома-

ховой Этики (X, 10, 1181b, 13 sqq.), где выражение ἐκ τῶν συνγυμένων πολιτειῶν свидетельствует о том, что сборник Политий уже составлен [ср. старый взгляд, к которому склоняется В. П. Бузескул (Афинская Полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895, стр. 101): слова Никомаховой Этики относятся скорее к Политике, чем к Политиям]. Еще позже сочинена как введение ко всему труду книга I. В какой-то степени предшественником Jaeger'a можно считать указавшего на необходимость при изучении произведений Аристотеля считаться с фактом эволюции его взглядов А. Krohn'a (Zur Kritik aristotelischer Schriften, I. Progr., Brandenburg, 1872). Другим предшественником Jaeger'a был Wilamowitz-Moellendorf (op. cit., p. 356 sqq.), разбивший книги Политики на три группы (I—II—III, IV—V—VI, VII—VIII) и наметивший хронологическую последовательность их возникновения.

Стоя на той же генетической точке зрения, Arnim (Zur Entstehungsgeschichte. . .) находит, что незаконченные книги VII—VIII (их незаконченность признают все) представляют собой последний, завершающий этап труда Аристотеля. На позициях Jaeger'a (отчасти с некоторыми отклонениями) стоят следующие авторы: E. Barker. The life of Aristotle and the composition and structure of the Politics. Class. Rev., 45, 1931, p. 162 sqq. — W. Siegfried. Zur Entstehungsgeschichte von Aristoteles' Politik. Philologus, 88 (N. F. 42), 1933, p. 362 sqq. — A. Rosenberg. Aristoteles über Diktatur und Demokratie. Rheinsch. Mus. Philol., N. F., 82, 1933, p. 337 sqq. — K. Kahlenberg. Beitrag zur Interpretation des III Buches der aristotelischen Politik. Diss. Berlin, 1934. — J. L. Stocks. Συλλή. Class. Quart., 30, 1936, p. 177 sqq. — W. Theiler. Bau und Zeit der aristotelischen Politik. Mus. Helveticum, 9, 1952, p. 5 sqq. — K. v. Fritz. The theory of mixed constitution in antiquity, a critical analysis of Polybius political ideas. New York, 1958, p. 48. Не согласен с хронологией Jaeger'a, но, подобно ему, считает книги II, VII, VIII ранними J. L. Stocks (The composition of Aristotle's Politics. Class. Quart., 24, 1927, p. 177 sqq.). В поддержку мнения о том, что первоначально книга IV не следовала непосредственно за III, W. Theiler [Zur Entstehungsgeschichte von Aristoteles' Politik. Philologus, 89 (N. F. 43), 1934, 250 sqq.] предлагает считать интерполяцией редактора те части книги IV, которые представляют собой бесспорное продолжение книги III. Arnim'a (в существенном) поддерживают P. Gohlke (Die Entstehung der aristoteleschen Ethik, Politik, Sitzungsber. Akad. Wissensch. in Wien, Philosoph.-histor. Klasse, Bd. 223, Abh. 2, 1944, p. 78 sqq.) и Barker (Introduction, p. XLII). Среднюю позицию занимает Aubonnet (Introduction, p. CXI sq.). — О влиянии работ Jaeger'a на исследователей текста произведений Аристотеля см. A. H. Chroust. The first thirty years of modern Aristotelian scholarship (1912—1942). Classica et Mediaevalia 24, 1963, p. 27 sqq.

На почве генетической теории, но на другой основе строит свои выводы Weil (op. cit., p. 181 sqq., 308 sq., 323), используя историческую документацию Политики. Методически развертывая свою аргументацию, он приходит к заключению, что историческая документация Политики не представляет собой чего-то единообразного или собранного сразу или заготовленного целиком к моменту начала работы над Политикой. Последняя не должна считаться основанной на Политиях. Над Афинской Политией Аристотель работал в самые последние годы своей жизни. Кроме того, по подсчету Weil'a, из 51 хорошо засвидетельствованной Политии только 3 соответствуют историческим примерам Политики. Следовательно, когда писалась Политика, не все Политии были уже готовы. Слова Никомаховой Этики ἐκ τῶν συνγυμένων πολιτειῶν, означающие «на основании собранных [нами] политий», нужно интерпретировать с осторожностью, именно в том смысле, что в это время не все, а только часть Политий была закончена. Книги II (в большей ее части), VII и VIII Weil признает наиболее старыми; книги III—VI были, по его мнению, написаны позднее; после добавления этих книг более ранние книги подвергались переделке; возможно, что неоднород-

ная документация книги V была пополнена впоследствии. Попутно отметим, что в старой русской литературе имеется попытка определить последовательность создания книг Политики на основании указаний, содержащихся в конце Никомаховой Этики: «фактические» книги IV—VI должны были быть написаны после составления Политий, данными которых Аристотель воспользовался в этих книгах; см. А. А. Шварц. 1) К вопросу о времени написания Политики Аристотеля. Филол. обозрение, 8, 1895, стр. 144 слл.; 2) Из наблюдений над Политикой Аристотеля. *Χαριστήρια*. Сборник статей в честь Ф. Е. Корша. М., 1896, стр. 401 слл.

В последнее время высказывают сомнения в бесспорности полученных Jaeger'ом и его последователями результатов. Из трех делаемых Jaeger'у возражений наиболее сильным является то, которое направлено против основного критерия, выбранного Jaeger'ом для определения хронологических граней — отношение Аристотеля к учению Платона. Выбор этого критерия является субъективным; ведь Аристотель и в поздние годы своей жизни в тех или иных своих воззрениях мог приблизиться к точкам зрения Платона; см.: Н. G. G a d a m e r. Der aristotelische Protrepticus und die entwicklungsgeschichtliche Betrachtung der aristotelischen Ethik. Hermes, 63, 1928, p. 164. — S i n c l a i r, op. cit., p. 237 sq. — B a r k e r, Introduction, p. XLII. — W e i l, op. cit., p. 80. — A u b o n n e t, Introduction, p. CXV. О независимости от Платона чисто философских воззрений молодого Аристотеля и о приближении его в пожилом возрасте к теориям учителя см.: I. D ü r i n g. Aristotle and Plato in the mid-fourth century. Eranos, 54, 1956, p. 109 sqq. — C. I. D e V o g e l. The legend of the platonizing Aristotle. Aristotle and Plato in the mid-fourth century. Papers Sympos. Aristotelicum held at Oxford in August 1957, ed. by I. Düring and G. E. L. Owen, Studia graeca et latina Gothoburgensia, Göteborg, 1960, p. 248 sqq. Против Jaeger'а высказался также и R. Stark (Aristotelesstudien. Zetemata, 8. München, 1954, p. 1 sqq.). Подвергается критике и заключение Jaeger'а, что в книгах VII—VIII отразилась политическая и культурная атмосфера Трояды. В этих книгах находят скорее либо отпечаток политической атмосферы Афин того времени, когда финансами управлял Ликург (335—326 гг.) (B a r k e r. Introduction, p. XXI, XLIII), либо одновременно отражение атмосферы Трояды под управлением Гермия и атмосферы ликурговских Афин (W e i l, op. cit., p. 186 sqq.). Третий пункт, на который направлена критика противников Jaeger'а, привлекает к себе до сих пор мало внимания. Речь идет об одном существенном допущении, издавна молчаливо принимаемом всеми, кто писал о последовательности книг Политики. Все рассуждения по этому вопросу строятся на предположении, что разделение трактата на книги исходит от самого Аристотеля. Действительно, в большинстве случаев границы между книгами были бы скорее всего проведены самим Аристотелем именно так, как они проведены в рукописях, а в одном случае несомненно в полной мере соответствуют замыслу Аристотеля (книги VII—VIII развивают единую тему идеального государства и, несмотря на свою незаконченность, выделяются своей литературной обработкой — W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, op. cit., I, p. 356). Тем не менее известная условность в проведении границ между книгами существует. Это обстоятельство не имело бы никакого значения, если бы могла быть полная уверенность в том, что разделение Политики на восемь книг было произведено самим автором. Между тем незавершенность трактата и общий его характер не позволяют думать, что Аристотель готовился в скором времени опубликовать его и заботился о придании ему того вида, в каком выходили в свет большие произведения. Разделение на книги скорее всего исходит от тех, кто подготовил Политику к изданию, а, следовательно, принятие всех восьми книг за единицы, выделенные самим Аристотелем, не гарантирует нам бесспорных результатов рассуждения; см. S t o c k s. The composition. . . , p. 177. — S i n c l a i r, op. cit., p. 237 sq. — B a r k e r. The political thought. . . , p. 258 sqq.

Порядок написания книг Политики в первой редакции, разумеется, не совпадает с порядком их дальнейшей обработки. В этом отдают себе ясный

отчет все авторы перечисленных выше работ. Вопрос имеет и третий аспект: как порядок написания, так и порядок обработки книг еще не предопределяют их места в окончательном принятом плане, который требовал бы новой обработки всего произведения, особенно (как это и было с Политикой) если эта новая обработка была только начата. Уже давно была высказана мысль, что порядок, в каком книги Политики даны в наших рукописях, установлен самим Аристотелем, который, однако, не успел внести в свой текст всех изменений, требовавшихся этим новым порядком, и устранить следы своих первоначальных замыслов. Отсюда следует, что, какого бы взгляда мы ни придерживались на творческую историю Политики, мы можем и даже обязаны не нарушать порядка ее книг, установленного самим автором. Таких взглядов держался уже Hildenbrand (op. cit., p. 379 sqq.). Ряд других исследователей, опиравшихся не только на бесспорный факт незаконченности Политики, но и на соображения об общем ее характере (не столько систематический трактат, сколько курс лекций, также отсутствие у автора стремления всякий раз давать окончательные решения вопросов и др.), считает целесообразным не менять традиционного порядка книг: W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, op. cit., I, p. 335 sq. — S i e g f r i e d, op. cit., p. 390. — К е ч е к я н, ук. соч., стр. 22. — B a r k e r, Introduction, p. XXXVII sqq. — S i n c l a i r, op. cit., p. 237 sq. — R o s s, op. cit., p. 63 sqq. — A u b o n n e t, Introduction, p. XCV sqq. Об общем характере Политики см.: S i e g f r i e d, op. cit., p. 363. — B a r k e r. The political thought. . . , p. 251 sqq., 256 sqq. — A u b o n n e t, Introduction, p. XCV sqq. В пользу сохранения традиционного порядка можно привести еще два соображения. Во-первых, перестановка книг не дает безукоризненной логической стройности; см.: B a r k e r. The political thought. . . , p. 261. Об обращении сторонников перестановки книг с говорящими против перестановки местами речь шла выше. Во-вторых, в традиционном порядке есть своя логика; см.: A u b o n n e t, Introduction, p. CXVI sqq.; ее признает и Jaeger (op. cit., p. 276). Мысль о необходимости очень бережного отношения к рукописному преданию произведений Аристотеля с наибольшей ясностью формулируется у Gohke (op. cit., p. 78 sqq.). По его мнению, рукописи дают нам всегда текст Аристотеля в том виде, в каком его оставил автор; издатели, питавшие глубокое уважение к главе Ликее, не позволяли себе никаких вольностей в обращении с текстом его трудов. Таким образом, отпадает «предположение о глупых, ленивых и злонамеренных издателях» (die Annahme von dummen, faulen und böswilligen Herausgebern — p.82). Если так, то вполне закономерными оказываются поиски признаков определенного (пусть только намеченного, но не доведенного до конца) плана всего произведения и, в частности, наши поиски объяснения видимого разрыва между заявлением автора о намерении заняться построением идеального государственного устройства и фактическим осуществлением этого намерения.

⁴ После этого идет незаконченное предложение, нередко исключаемое из текста издателями или получающего самые разнообразные толкования. Как бы мы его ни понимали, самая его незаконченность служит доказательством того, что автор (а вслед за ним его античные издатели, если оставить в стороне еще одну возможность — порчу текста) не придавал своей (мелькнувшей у него) мысли большого значения.

⁵ Это толкование предложил Teichmüller (Zur Frage über die Reihenfolge. . . , p. 164 sqq.).

⁶ О существовании разных конституций Аристотель говорил в книге III, главе 4, но причина там не выяснялась, так что неправ Susemihl (II, p. 265, n. 1145), видящий здесь повторение и противоречие.

⁷ Susemihl (II, p. 265, n. 1146) справедливо замечает, что это обстоятельство не служит основанием для классификации государственных форм. Однако мы имеем здесь повторение одной из излюбленных мыслей Аристотеля, что государство не представляет собой полного единства.

⁸ Предлагаемое толкование направлено против замечания Susemihl'я (II, p. 265, n. 1149), будто упоминание о разведении коней ничего не объясняет.

⁹ Любопытно, что в одном из своих изданий (*Aristotelis Politicorum libri octo cum vetusta translatione Guilelmi de Moerbeka, recensuit Fr. Susemihl. Lipsiae, 1872*) Susemihl, хотя и ататирует главу 3, однако считается и с возможностью ее подлинности, замечая к слову *πρότερον*: «*si genuina sunt praecedentia — capite 3, sin subditiua — libri, III capp. 6 sqq.*», а к словам *ἐκ τῶν εἰρημένων* (VII, 8, 9): «*et, si genuina sunt praecedentia — IV, 3*». Иными словами, он признает, что эти ссылки Аристотеля оправдываются и в том случае, если считать подлинной главу 3 книги IV.

¹⁰ Слова *καὶ τῶν εὐπόρων δὲ καὶ ἀπόρων τὸ μὲν ὀπλιτικὸν τὸ δὲ ἀνοπλον* (IV, 3, 1, 1289b, 31 sq.) одни (например, Жебелев в своем переводе) понимают в том смысле, что и имущие и неимущие делятся на вооруженных и невооруженных; другие (например, *Barthélemy Saint-Hilaire*) соотносят голитов с имущими, а невооруженных с неимущими; третьи (например, *Jowett*) считают возможными оба толкования. Во всяком случае прав Susemihl (II, p. 265, n. 1147), отмечающий неясность этого места.

¹¹ В сущности эта ссылка не относится ни к одному из мест нашего текста Политики. Иногда издатели, например Susemihl (II, p. 266, n. 1155), отсылают к VII, 8, где, однако, мы ничего не находим о делении высших социальных слоев.

¹² Newman ad loc. (IV, p. 150 sqq.) думает, что не только 3-ю, но и 4-ю главы IV книги составили античные издатели по материалам, оставленным Аристотелем; он видит в этих главах несогласованность, происходящую оттого, что издатели имели дело с записями Аристотеля, не приведенными в порядок.

¹³ Newman ad loc. (IV, p. 504).

¹⁴ В заключение необходимо сказать, что поместить книги VII—VIII в конце всего труда Аристотеля и признать их последним этапом его работы — вовсе не значит вступить в конфликт с основным положением Jaeger'a о реалистической направленности мысли Аристотеля в последние десятилетия его жизни. Содержание книг VII—VIII оказывается не теоретическим построением на основании абстрактных соображений, а результатом наблюдений над исторической действительностью прошлого и настоящего и размышлений над нею. Какова будущность полиса на Востоке при новых, складывавшихся на глазах Аристотеля условиях — вот, думается, вопрос, на который хочет ответить Аристотель в двух последних книгах Политики.

О Т Д Е Л И

Г л а в а 1

¹ О так называемых Берлинских фрагментах Афинской Политии, найденных в Фаюме в 1880 г., о папирусе, содержащем Афинскую Политию, о ранних изданиях последней, а также о дискуссии, порожденной открытием этого произведения, см.: S. E. Sandys, Introduction, In: *Aristotle's Constitution of Athens*, 2-nd ed., London, 1912, p. XLI sqq. — Бузескул, ук. соч., стр. 3 слл. (сравнение Афинской Политии с Политикой — стр. 131 слл.).

² Об участии учеников в работах Ликея, в частности в составлении серии Политий, см., например: H. Usener, *Die Organisation der wissenschaftlichen Arbeit*. Preuss. Jahrb., 53, 1884, p. 1 sqq. — Gercke, op. cit., col. 1026. — Gomperz, op. cit., III, p. 25. — Fritz, *Aristotle's contribution*. . . , p. 117 sq., 134 sq.

³ Фрагменты цитируются нами по третьему изданию Rose: *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta collegit Valentinus Rose. Lipsiae, 1886*.

⁴ Издания экскерптов Гераклида, на которые в нашем тексте делаются ссылки: *Heraclidis Politiarum quae extant recensuit et commentariis instruxit F. C. Schneidewin. Gottingae, 1847*. — *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta collegit Valentinus Rose. Lipsiae, 1886*. Sandys в указанном выше издании дает только экскерпты, относящиеся к Афинской Политии.

Фрагменты Афинской Политии имеются также в ряде изданий Афинской Политии, например: Aristotle. Constitution d'Athènes. Texte établi et traduit par G. Mathieu et V. Haussoullier. Paris, 1922, p. 77 sqq.

⁵ Доказательство относительно Афинской, Лакедемонской и Критской Политий см.: C. Holzinger. 1) Aristoteles' Ἀθηναίων Πολιτεία und die Heraklidischen Excerpte. Philologus, 50, 1892, p. 436 sqq.; 2) Aristoteles' und Heraclides' Lakonische und Kretische Politien. Philologus, 51, 1893, p. 58 sqq. Хотя сам Holzinger в конце своей второй статьи настаивает на том, что идентификация источников Гераклида по Афинам, Спарте и Криту с соответствующими Политиями Аристотеля еще не предопределяет аналогичного вывода относительно других частей конспекта Гераклида, но здравый смысл подсказывает противоположное. Если эксерпты Гераклида в одной, притом важнейшей своей части восходят к Политиям Аристотеля, то было бы крайне удивительным, чтобы в другой своей части они восходили к каким-то другим Политиям. Самое предположение о такой возможности Wilamowitz-Moellendorff назвал жалкой уловкой (Wilamowitz-Moellendorff, op. cit., I, p. 293 — «eine miserable Ausflucht»). См. также: C. Wachsmuth. Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig, 1895, p. 558. Wilamowitz-Moellendorff (l. c.) высказал мнение о бесплодности попыток отождествить Гераклида, составителя этих эксерптов (или, точнее говоря, составителя конспекта, легшего в основу наших эксерптов), с каким-либо из известных носителей этого имени. Разные предположения о том, кто был этот Гераклид, см.: Holzinger, op. cit., p. 442 sq.; Бузескул, ук. соч., стр. 111, прим. 2. — Debritz, RE, Hbbd. VIII, 1913, s. v. Herakleides 51, 6. col. 490 sq. — H. Lucas. Zu Herakleides Lembos. Hermes, 75, 1940, p. 234 sqq.

⁶ Holzinger. Aristoteles' Ἀθηναίων Πολιτεία... p. 440 sq. В некоторых изданиях (например, Mathieu — Haussoullier) слова θεμιστοκλήης καὶ... πολλά ἔδωκατο переставлены на то место, какое соответствует хронологической последовательности, т. е. перед словами Ἐπιόλης τοὺς ἰδιούς...

⁷ Rose этого фрагмента не знал.

⁸ См., например: Бузескул, ук. соч., стр. 123. — Sandys, Introduction, p. XLIX. — Mathieu, Introduction, p. II sq. — Fritz and Carr, Introduction, p. 5. — Weil, op. cit., p. 104.

⁹ Так, например, понимает Аристотеля Newman ad loc. (IV, p. 427, 443).

¹⁰ Антенор был современником тирании Писистратидов — известна его Кора, которую относят приблизительно к 520 г. до н. э. (R. Hamann. Geschichte der Kunst von der Vorgeschichte bis zur Spätantike. Berlin, 1963, p. 491). Относительно даты постановки группы тираноубийц разногласий нет — группа была поставлена вскоре после 510 г., см.: M. Collignon. Histoire de la sculpture grecque, I. Paris, 1892, p. 368 (между 505 и 500 гг.). — H. Lechat. La sculpture attique avant Phidias. Biblioth. Écoles Franç. d'Athènes et de Rome, 92, Paris, 1904, p. 337, 439 sqq. — Allgemeiner Lexikon der bildenden Künster von der Antike bis zur Gegenwart, hrsg. v. U. Thieme und F. Becker, I. Leipzig, 1908, p. 548.

¹¹ См. критический аппарат в издании Immisch'a, который дает в тексте ξένους καὶ δούλους μετοίκους. В соответствии с этим Жебелев переводит: «и рабов-метэков [вольноотпущенников]». Так же переводят Bathélemy Saint-Hilaire, Susemihl, Newman ad loc. (III, p. 145). Основываются на таком же чтении Susemihl, Hicks [The Politics of Aristotle, a revised text with introduction, analysis and commentary by Fr. Susemihl and R. D. Hicks, London, 1894 ad loc.: «many residents aliens of foreign and servile extraction» (δούλους — в смысле «вольноотпущенников»), Barker: «and a number of resident aliens belonging to the slave class» (без дальнейших пояснений). На основании чтения ξένους καὶ δούλους <καὶ> μετοίκους Jowett (в тексте) получает три категории лиц — чужестранцы, рабы и метэки; в подстрочном примечании отмечаются и другие возможности: кроме отмеченной нами выше, еще метэки как чужеземного происхождения, так и бывшие рабы, т. е. ξένους и δούλους предлагается понимать как подразделения μετοίκους.

Разбирает наше место Политики Weil (op. cit., p. 258). В состав фил Клисфен допустил чужеземцев (еще не принятых в состав метэков), — это, как замечает Weil, бесспорно. Неясно дальнейшее — *καὶ δούλους μετοίκους*. Выражение это тем более удивительно, что вольноотпущенники обычно переходили в состояние метэков (об этом, кроме авторов, на которых ссылается Weil, см.: U. K a h r s t e d t. Staats gebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart—Berlin, 1934, p. 66). Weil указывает, что существуют еще два предположения. 1) Выражение «рабы-метэки» могло бы иметь иронический смысл и относиться к прежним гектеморам, получившим права гражданства при тиранах (С. H i g n e t t. A history of the Athenian constitution to the end of the fifth century B. C. Oxford, 1952, p. 133). 2) Глагол ἐφύλετευσε, строго говоря, является сказуемым при ξένους и только путем смелой zeugma Аристотель делает его сказуемым при δούλους, тогда как вполне адекватным его мысли было бы выражение *καὶ δούλους ἐποίησε μετοίκους* (G. M a t h i e u. Aristote. Constitution d'Athènes. Essai sur la méthode suivie par Aristote dans la discussion des textes. Biblioth. de l'École des Hautes Études, 216, Paris, 1915, p. 55, n. 5). В заключение Weil не присоединяется ни к одному из высказанных мнений, считая их все недостаточно убедительными. В самое последнее время предложено объяснение — «он зачислил в состав метэков много иностранцев и рабов» (J. H. O l i v e r. Reforms of Cleisthenes. Historia, 9, 1960, p. 503 sqq.). Это толкование разобрал и признал неудовлетворительным как с языковой, так и с реальной стороны D. K a g a n (The enfranchisement of aliens by Cleisthenes. Historia, 12, 1963, p. 41 sqq.).

¹²J. E. Powell (Aristotle Politics II, 9,4=2,12=1274 a, 12. Class. Rev., 48, 1934, p. 59 sq.) предлагает вместо *ναυαρχίας* (это слово не может означать господство на море) читать *ναυμαχίας*, т. е. «морской битвы», Саламинской битвы; при таком чтении получается большая близость с Афинской Политией, где в соответствующем месте прямо говорится о победе при Саламине.

¹³Susemihl ad loc. (II, p. 312 sq., n. 1469); с ним выражает готовность согласиться Newman ad loc. (IV, p. 559).

¹⁴Susemihl ad loc. (II, p. 274, n. 1195b), Newman ad loc. (IV, p. 173).

¹⁵Newman ad loc. (IV, p. 350 sq.).

¹⁶Sandys ad loc.

¹⁷См.: K. v. F r i t z. The composition of Aristotle's so called Dracontian Constitution. Class. Quart., 49, 1954, p. 75 sq. — А. Д о в а т у р. Вопросы истории афинской демократии в новейшей зарубежной литературе. (В сб.: Критика новейшей буржуазной историографии. М.—Л., 1961, стр. 408 сл.). — M a t h i e u, Introduction, p. VIII sq. — W e i l, op. cit., p. 108 sq. Несколько иного мнения придерживается Н. Hommel (Die Endredaktion von Aristoteles' Athenischer Politie. Festschrift f. Friedrich Zucker. Berlin, 1954, p. 195 sqq.), который считает, что описание драконтовской конституции вставлено в текст Афинской Политии каким-нибудь учеником Аристотеля, нашедшим это описание среди бумаг учителя (нельзя быть уверенным в том, что Аристотель обязательно намеревался вставить описание конституции Драконта в Политию). Здесь можно упомянуть об интересном выводе J. A. R. Munro (The constitution of Dracontides. Class. Quart., 32, 1938, p. 165): конституция Драконта не представляет собой проекцию в прошлое конституции Драконтида (созданной при Ферамне — Лисий XII, 73); очень возможно, что Драконтид опирался на Драконта.

¹⁸Первый претендующий на полноту (в пределах наших возможностей) список Политий Аристотеля составил Н. Nissen (Die Staatsschriften des Aristoteles, Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 47, 1892, p. 189 sqq.). Всего в списке 98 названий. Здесь не были приняты во внимание эксерцпты Гераклида. К собранию фрагментов Rose Nissen отнесся без должной критики и включил в свой список названия Политий, существование которых Rose заподозрил без достаточного основания (fr. 520, 600). О мелких отличиях списка Nissen'a от нашего списка (отсутствие или наличие знака вопроса в некоторых

местах) говорить не будем. Существенным является внесение Nissen'ом в свой список трех Политий на основании отрывка из Феофраста, включенного в сборник Стобей (Stob. Floril, XLIV, 22, Meineke, 1855, II, p. 166 sqq. = IV, 20, Hense, 1909, II, p. 127 sqq.), а именно Κοζικητῶν, Θουρίων и Αἰνίων (конъектура Walckenaer'a, рукописи дают ἐνίων). Отрывок из Феофраста озаглавлен Ἐκ τῶν Θεοφράστου περὶ συμβολαίων. Речь в нем идет об узаконениях, регулирующих юридическую сторону купли-продажи. Кроме правил, существовавших на этот счет в Кизике, Фуриях и Эносе (Αἴνος — в Фессалии, в Этолии или во Фракии), отмечены порядки, установленные в Афинах, а также по законам Питтака (Митилена), Харонда (Катапа) и по проекту Платона. Помимо отсутствия в Афинской Политии упоминания об изложенных в отрывке правилах, достаточным предостережением против включения сообщаемых здесь сведений в число отрывков из Политий служит уже самое заглавие, прямо указывающее на особое сочинение Феофраста.

Изменения в список Nissen'a внес С. Holzinger (Aristoteles' und Heraklides' Lakonische und Kretische Politien, p. 115 sq.) в 1894 г. Используя экцерпты Гераклида, он добавляет к списку своего предшественника следующие Политии: Аморгоса — Ἀμοργίων, Аргила — Ἀργιλίων, Эфеса — Ἐφεσίων, Икарии — Ἰκαρίων, Кефаллены — Κεφαλληνίων, Лепрея — Λεπρεατῶν, Минои — Μινίων, Фасиса — Φασιαῶν, получая, таким образом, 106 названий. Название Беотийская Полития, существование которого нигде не засвидетельствовано, он предлагает заменить названием Фесийская Полития, опираясь на упоминание Фесий у Гераклида. Осторожнее было бы (как это и предлагаем мы) считать бесспорным существование Фесийской Политии и вероятным — Фиванской Политии. Экцерпты Гераклида позволили Гольцингеру расширить маленький список Νόμιμα βαρβαρικά. Если основываться только на сохранившихся фрагментах, то окажутся засвидетельствованными (да и то не всегда очень надежно) Νόμιμα для этрусков (бесспорно засвидетельствовано — fr. 607, 608), карийцев (вполне вероятное название — fr. 604, 605), римлян (предположительно — fr. 609, 610). Holzinger извлекает из экцерптов Гераклида еще четыре названия — афаманы, фракийцы, луканцы, молотты. Относительно последних возможно сомнение; мы относим аристотелевское сочинение о них к числу Политий.

Sandys во введении к своим изданиям Афинской Политии (1-е — 1893 г., стр. XVIII; 2-е — 1912 г., стр. XXVII) поместил перечень 99 Политий. В противоположность Nissen'у он не снабжает свой перечень указанием мест; в противоположность Holzinger'у он не считается с экцерптами Гераклида. Удачной следует считать разбивку названий на три группы. К первой отнесены те Политии, на которые имеются прямые ссылки в наших источниках; ко второй — те, о существовании которых можно догадываться на основании упоминания имени Аристотеля (и, разумеется, самого содержания сообщения); к третьей — те, к которым можно возвести сведения, даваемые Политикой по истории и устройству полисов, не вошедших в первые две группы. Общее число Политий в списке Sandys'a складывается из 51 — первой группы, 16 — второй, 32 — третьей. Деление на три группы, как вполне оправдывающее себя, мы заимствуем у Sandys'a. Во второй группе Sandys называет Фиванскую Политию (а не Беотийскую, как это было у Nissen'a). В заключение следует отметить одно печальное недоразумение, вкравшееся в список английского автора. В третьей группе пятое место занимает у него (Πολιτεία) Ἀρβυτῶν, будто бы оразившаяся в Политике Аристотеля. В действительности речь может идти только об Абидосской Политии — Ἀβυδηνῶν. Сведения об Абидосе дважды встречаются в Политике. Разночтений в собственном имени в этих местах Политики нет. Между тем Sandys сознательно противопоставляет свою Политию Ἀρβυτῶν числящейся в списке Nissen'a Политии Ἀβυδηνῶν. Это видно как из специального подстрочного примечания, так и из самого места, занимаемого спорным словом в третьем списке (место пятое, а не первое, как того требовал бы алфавитный порядок). Можно догадаться, что повод Sandys'у усомниться в существовании Абидосской Политии подало свидетельство Гарпократона s. v. Θεσμο-

θέται — Ἀριστοτέλης ἐν τῇ α̅ Ἀθηναίων πολιτείᾳ, где Афинская Полития названа первой (вероятно, в серии Политий); ср.: Phot. Lexic, s. v. συστάη — Италийская Полития названа сорок второй. Другой поздний источник сообщает, что Полития (по судя по указанному их количеству и Νόμιμα βαρβαρικά) были расположены в алфавитном порядке — κατὰ στοιχείων (Eliás, Proleg. in Cat., см.: Rose³, p. 258). Если считать это сообщение достоверным, то оно самое большее исключало бы возможность говорить об Абидосской Политии Аристотеля, но не давало бы права заменять ее Политией песушествующего полиса (Арид, Аридос) только для того, чтобы обеспечить за Афинской Политией первое место в списке, построенном в строгом алфавитном порядке. Однако не исключена и такая возможность: Политии шли в алфавитном порядке, т. е. в порядке последовательности букв алфавита, но в пределах каждой буквы порядок мог подчиняться какому-нибудь другому принципу, например сравнительной значительности государств. Во всяком случае алфавитный порядок — единственный, с которым приходится серьезно считаться. Сообщения поздних источников о классификации Политий по видам государственного устройства или по другим признакам отвергаются современными исследователями, см.: Weil, op. cit., p. 98 sqq. — J. J. Kearney. Two notes on the tradition of Aristotle's writings. Amer. Journ. Philol., 84, 1963, p. 62. Наме предположение, думается, лишает придумательной силы один из аргументов, выдвинутых против возможности существования Абидосской Политии у Weil'a (op. cit., p. 262 sq.). Против другого аргумента этого автора — скудость сообщений об Абидосе у Аристотеля — выдвигаются соображения в тексте нашей работы (далеко не всякий полис, которому была посвящена Полития Аристотеля, часто упоминается в Политике). Поэтому нет основания присоединяться к сомнениям Weil'a относительно возможности существования той или иной Политии, возникающим у него в связи с редкостью упоминания о соответствующем полисе в Политике (см., например, p. 264—267, 272, 275, 276 и др.).

В двух работах сделана попытка обогатить науку новыми фрагментами Политий Аристотеля. К. Giesen [Plutarch's Quaestiones graecae and Aristoteles' Politien, Philologus, 60 (N. F. 14), 1904, p. 446 sqq.] доказывает, что в «Quaestiones graecae» Плутарха сохранился ряд сведений, восходящих к Полициям Аристотеля, хотя и не снабженных ссылкой на Аристотеля. Однако наличие в этом произведении бесспорных фрагментов Аристотеля, подлинность которых доказывается прямыми ссылками, не может служить гарантией того, что и другие сведения, которые подошли бы для Политий Аристотеля, действительно отсюда взяты. Поэтому было бы слишком рискованным зачислять даже в третью группу или распределять по первым двум группам (под номером соответствующей Политии) те места Плутарха, которые Giesen определяет как фрагменты Эпидаврской, Кимской, Книдской, Мегарской и других Политий. H. Emonds (Die Oligarchenrevolte zu Megara im Jahre 375 und der Philosoph Ichthyas bei Tertullian, Apol. 46, 16, Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 86, 1937, 180 sqq.) разбирает место из Тертуллиана (Apologeticum 46, 16): «et Hippias, dum civitati insidias disponit, occiditur». Убедительно показав, что подобное сообщение о Гипии не имеет смысла (убит был не Гипий, а Гишпарх), он приходит к заключению о неприемлемости чтения Hippias, которое представляет собой конъектуру, предложенную взамен рукописных чтений ichtydias, ichtidias, hidias, ichtyas (yethyas). Сам Emonds считает правильным чтение Ichthyas и объясняет это слово как латинскую передачу греческого имени Ἰχθύσας. Ихфий — мегарский философ, который, по-видимому, принял участие в неудачной попытке антидемократического переворота в Мегарах в 375 г. до н. э. (об этой попытке см.: Диодор XV, 40, 4). Местные историки, рассуждает Emonds, едва ли могли интересоваться судьбой философа и его участием в мятеже; такой интерес является более естественным для Аристотеля, о котором есть упоминание и у Тертуллиана в той же главе. Тонкий анализ свидетельства Тертуллиана становится в этой своей заключительной части менее убедительным: ни отсутствие интереса у местных историков к политической деятельности мест-

ного философа, ни ссылка на упоминание об Аристотеле не являются действительными доводами.

¹⁹ Здесь скорее всего речь идет о Локрах Эпизефирских, см.: Newman ad loc. (II, p. 285).

²⁰ Schneidewin, p. 95. — Weil, op. cit., p. 241.

²¹ О принадлежности этого параграфа к сообщениям о Халкиде см.: Schneidewin, p. 99. — Weil, op. cit., p. 305.

²² Hirschfeld (RE, Bd. I, 1894, s. v. Adramytteion, col. 404) говорит, что самый факт интереса Аристотеля к этому городу свидетельствует о греческом характере последнего еще в IV в. до н. э.

²³ См.: Schneidewin, app. crit. et ad loc., p. 82, Rose³, fr. 611₄₁, app. crit.

²⁴ Гестия — исконное название эвбейского города, не совсем забытое после того, как афиняне упразднили город и основали поблизости от него свое поселение Орей (название бывшего там дема), так как, по-видимому, последний официально назывался Гестией — [Newman ad V, 2, 9, 1303a, 18 (IV, p. 307 sq.)].

²⁵ Здесь скорее всего имеется в виду Гераклея Понтийская [Newman ad loc. (IV, p. 337)].

²⁶ К Гераклею Понтийской относит это место Newman ad loc. (IV, p. 348).

²⁷ С большой долей вероятности относит и это место к Гераклею Понтийской Newman ad loc. (IV, p. 363).

²⁸ В работе Н. Hintenlang'a (Untersuchungen zu den Homer—Aporien des Aristoteles. Diss. Heidelberg, 1961) материалом для выводов о принципах аристотелевского анализа Гомера служат почти исключительно фрагменты, отнесенные у Rose к Гомеровским апориям Аристотеля (p. 8). D. S. Margoliouth (The Homer of Aristotle. Oxford, 1923) сосредоточивает свое внимание на Поэтике и не занимается специальными трудами Аристотеля о Гомере. L. B. Lamler (The dance in ancient Crete. Studies presented to David Moore Robinson, I. Saint-Louis, 1951, p. 27) не говорит о принадлежности сообщения о ширрихе Критской Политии Аристотеля.

²⁹ Об этих произведениях Аристотеля см., кроме общих историй греческой литературы: Wilamowitz-Moellendorf, op. cit., I, p. 13 sq., 18 sq. — Weil, op. cit., p. 131 sqq.

³⁰ M o d r z e, RE, Hbbd. XXX, 1932, s. v. Milon 2, col. 1673.

³¹ Потомки Диагора, впрочем, играли политическую роль на острове (Kirchner, RE, Bd. V, 1905, s. v. Diagoras 1, col. 309 sq.).

³² Об интересе Аристотеля к вопросам естественной истории см.: Weil, op. cit., p. 102. Специально об изучении Аристотелем свойств воды см.: K. B. Hoffmann. Kenntnisse der klassischen Völker von den physikalischen Eigenschaften des Wassers. Sitzungsb. Akad. Wissensch. in Wien, Philosoph.-histor. Klasse, Bd. 163, Abh. 2, 1909; Bd. 164. Abh. 2, 1910; Bd. 165, Abh. 3, 1911.

³³ Об этих видах одежды см.: L. Heuzey. Histoire du costume antique d'après des études sur le modèle vivant. Paris, 1922, p. 115 sqq.

³⁴ В более детальном виде эти доказательства даны в статье: A. Douvatour. Un fragment de la Constitution de Delphes d'Aristote. Rev. étud. grecques, 46, 1933, p. 214 sqq. Предложенную в этой статье интерпретацию текста приняла Л. М. Глушкина (Политические тенденции Гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому. Вестн. Др. ист., 1956, № 4, стр. 23) и Weil (op. cit., p. 273).

³⁵ Так смотрит на отрывок Гераклида и Nissen (op. cit., p. 190).

³⁶ О союзе ликийских городов см.: Ruge, RE, Hbbd. XXVI, 1927, s. v. Lykia, col. 2272 sqq.

³⁷ Об этом см. и в новейших работах, где, в частности, доказывается, что эпирский союз возник во времена Аристотеля: P. R. Frankel. Alt-Epirus und das Königtum der Molosser. Diss. Erlangen, 1954, p. 30 sqq. — Kaerst, RE, Bd. V, 1905, s. v. Epeiros. — Lenk, RE, Hbbd. XXXI, 1933, s. v. Molossi, col. 19 sqq.

³⁸ Афаманы стояли на очень низкой ступени культуры, см.: O b e r h u m m e r, RE, Bd. II, 1896, s. v. Athamania, col. 1928 sq.

³⁹ На Кипре никогда не было достигнуто политического единства (O b e r h u m m e r, RE, Hbhd. XXIII, 1924, s. v. Kyros, col. 103). На Крите не ранее середины III в. до н. э. возникло объединение *κοινόν τῶν Κρητῶν*, см.: B ü r c h n e r, RE, Hbhd. XXII, 1922, s. v. Kypros, col. 1817. — H. v. E i f e n t e r r e. La Crète et le monde Grec de Platon à Polybe. Paris, 1948 (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome, 163), p. 127 sqq. — M. G u a r d u c c i. Note sul *κοινόν cretese*. Riv. filol. e d'istruz. class., N. S. 28, 1950, p. 142 sqq. В более древние времена единство критских полисов проявлялось только при нападении врагов извне; см.: M. V a n d e r M i j n s b r u g g e. The cretan *κοινόν*. New York, 1931, p. 57.

⁴⁰ См., например: H i l l e r v. G ä r t r i n g e n, RE, Supplbd. V, 1931, s. v. Rhodos, col. 763. — K. M. К о л о б о в а. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII вв. до н. э.). Л., 1951, стр. 261 сл.

⁴¹ Один из этих фрагментов Мефонской Политии (fr. 552) с несомненностью указывает на Мефону македонскую (она же фракийская); в нем говорится, что Аристотель упоминал о пиерийском племени либэтров.

⁴² Нельзя было бы включить в этот перечень город Атрамит (II, № 2). О его значительности (правда, в более поздние время) свидетельствует обилие нумизматических находок; см.: L. R o b e r t. Villes d'Asie Mineure. Paris, 1935, p. 194.

⁴³ R u g e, RE, Hbhd. XXI, 1921, s. v. Kios, col. 486.

⁴⁴ Это признается всеми исследователями; см., например: Б у з е с к у л, ук. соч., стр. 199 слл.

⁴⁵ Признает зависимость Киренской Политии Аристотеля от Геродота Wilamowitz-Moellendorff (op. cit., II, p. 27, n. 35).

⁴⁶ Само собой разумеется, ничего не изменится, если признать, что Геродоту было известно первоначальное имя Батта — Аристотель [его дает Пиндар (Пифийские оды V, 87)], как это делает L. M a l t e n (Kyrene. Sagen-geschichtliche und historische Untersuchungen. Philolog. Untersuch., hrsg. v. A. K i e s s l i n g u. U. v. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f, 20, Berlin, 1911, p. 100, n. 4).

⁴⁷ Впрочем, рукописи называют в этом контексте (по поводу потопления головы) не Аркесилая, а Батта. Таким образом, получается противоречие со свидетельством Геродота о четырех Баттах и четырех Аркесилаях, которым было суждено царствовать в Кирене (IV, 163). Отсюда предположение об ошибке в тексте Гераклида, см.: E d. M e y e r. 1) RE, Bd. II, 1896, S. v. Arkesilaos 7, col. 1163; 2) RE, Hbhd. V, 1897, s. v. Battos, col. 147. — B r o h o l m, RE, Hbhd. XXIII, 1924, s. v. Kyrene 2, col. 161. Есть, однако, и возможность считать последнего Батта сыном изгнанного Аркесилая IV. Об этом см.: F r. C h a m o u x. Cyrène sous la monarchie des Battiades. Thèse. Paris, 1952, p. 205 sq.

⁴⁸ Следы работы местных киренских историков над материалом древних преданий наблюдаются и в других случаях, см., например: А. Д о в а т у р. Киренская клятва основателей. Докл. АН СССР, сер. В, 1928, стр. 233 слл.

⁴⁹ См., например: E d. M e y e r. Lykurgos von Sparta. Forschungen zur alten Geschichte, I. Halle a. S., 1892, p. 240 sq., 270 sq. — K a h r s t e d t, RE, Bd. XIII, 1927, s. v. Lykurgos 7, col. 2443. — N. G. L. H a m m o n d. The Lycurgean reform at Sparta. Journ. Hell. Stud., 70, 1950, p. 62.

⁵⁰ См., например: C. T r i e b e r. Forschungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. Berlin, 1871, p. 99, sqq. — K. M. T. Chrimès. Ancient Sparta. Aberdeen, 1952, p. 319 sqq. О зависимости Аристотеля от Эфора см. также: G. B u s o l t. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia, I, 2. Aufl. Gotha, 1893, p. 566 sq. — E. K e s s l e r. Plutarchs Leben des Lykurgos. Berlin, 1910, p. 47 sqq. — G. D i c k i n s. The growth of Spartan policy. Journ. Hell. Stud., 32, 1912, p. 1 sqq. Неразрешимым считает вопрос о зависимости Аристотеля от Эфора (правда, только в том, что касается Крита), J a e g e r (op. cit., p. 301, n. 1).

⁵¹ Об этой местной историографии см., например: Wilamowitz-Moellendorf, *op. cit.*, II, p. 17 sqq.

⁵² Подробнее об этом см.: А. Доватур. Куропатка Клеобеи. Язык и литер., 8, 1932, стр. 265 слл. В примечании к этой статье приводится критическое замечание Martini (издатель «Narrationes Amatoriae» Парфения, передающего рассказ Аристотеля), которого не удовлетворяет рукописное чтение ἡ Κλεόβεια κακῶς φερομένη, так как здесь ожидается указание не на дурную репутацию царицы, а на ее душевное состояние. Поэтому Martini предлагал читать βαρέως φέρουσα, приводя и предложенные другими филологами поправки. В настоящее время I. Cazzaniga (Note critiche e filologiche. La Parola del Passato, 82, 1962, p. 56) выступил в защиту рукописного чтения κακῶς φερομένη на том основании, что это выражение имеет смысл reverse ruens, т. е. «нехорошо устремляясь», «во власти недобрых устремлений». За этими словами можно угадать дополнение, так что мысль автора в развернутом виде будет — κακῶς φερομένη εἰς τίσιν, ἦν ἐν ᾧ εἶχεν. Приводится и аналогичное выражение в «Андромахе» Эврипида — εἰς τὸ λοιδορεῖν φέρεσθαι (ст. 729). — По поводу источника, которым непосредственно пользовался Аристотель, ничего определенного сказать нельзя. «Милетская городская история начинается, насколько мы можем видеть, не ранее второй половины IV в.», говорит F. Jacoby [Die Fragmente der griechischen Historiker, IIIb (Kommentar). Leiden, 1955, p. 401]. Представители этой местной историографии и названы у Парфения οἱ τὰ Μιλησιακά. Аристотель мог пользоваться трудом кого-нибудь из представителей ранней милетской историографии.

⁵³ γερομένη — fortasse καὶ θεασομένη (Bernardakis).

⁵⁴ Об обычае забрасывать победителя цветами см. у Павсания (IV, 16, 6), где сообщается, что мессенца Аристомена при его возвращении в Анданию после победы над спартамцами женщины осыпали лентами и цветами.

⁵⁵ O. K n o t t. De fide et fontibus Polyaei. Commentat. Philol. Jenens., 3, Lipsiae, 1884, p. 83. — J. M e l b e r. Über die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyäns. Jahrb. class. Philol., Supplbd. 14, 1885, p. 665 sq. — W. v. C h r i s t. Geschichte der griechischen Literatur, T. II, H. 2. 6. Aufl. München, 1924, p. 754, n. 10.

⁵⁶ Martini в своем издании принимает конъектуру Meineke — ἰλάσασθαι. Из других конъектур, не встречающих возражения, хороша ἀσπασσάσθαι (Legrand). Рукописное чтение βιάσασθαι совершенно неприемлемо.

⁵⁷ Rohde вместо πάντα читает πρόβατα (Martini, *app. crit.*).

⁵⁸ Едва ли при ἐν τῷ αὐτῷ нужно подразумевать πεδίω, как думает R. Meyer-G'schrei (Parthenius Nicaeensis quale in fabularum amatoriarum brevario dicendi genus secutus sit. Diss. Heidelberg, 1898, p. 57). Скорее можно подразумевать πυρί (слово πῦρ, как известно, может означать огонь костра, костер).

⁵⁹ L. M e r c k l i n. Die Citiermethode und Quellenbenutzung des A. Gellius in den Noctes Atticae. Jahrb. class. Philol., Supplbd. 3, 1860, p. 639 sqq. — W. B e c k. Studia Gelliana et Pliniana. Jahrb. class. Philol., Supplbd. 19, 1892, p. 3 sqq. — A. G e l l i i Noctium Atticarum libri XX, post M. Hertz ed. C. Hosius. Lipsiae, 1903, Praefatio, p. XXVII. — M. S c h a n z. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. 3. neubearb. Aufl. III. München, 1922, p. 177.

⁶⁰ C h r i s t, *op. cit.*, T. II, H. 1. München, 1920, p. 205. Указания на источники у Парфения, по всей вероятности, ему не принадлежат, но заслуживают доверия (*ibid.*, p. 323, n. 9).

⁶¹ A. H. K r a p p e. Die Sage von der Tarpeia. Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 78, 1929, p. 249 sqq.

⁶² K r a p p e, *op. cit.*, p. 254. — O. G r u p p e. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, I. München, 1906, p. 21, n. 5.

⁶³ S. R e i n a c h (Tarpeia, Cultes, mythes et religions, III. Paris, 1908, p. 248 sqq.) считает Тарпею, исходя из факта ее почитания и предположения

о существовании ее могилы (груда щитов), которая впоследствии исчезла, первоначально спасительницей Капитолия, лишь впоследствии, в книжной обработке предания, превратившейся под влиянием греческих сказаний в предательницу. Однако, если даже допустить влияние греческих рассказов на оформление предания о Таршее, остается непонятым факт полного переорождения патриотического предания. Трудно понять, каким образом героиня могла превратиться в изменницу. Обратное изменение менее удивительно — наличие культа, с одной стороны, стремление избавиться от рассказа, оскорбительного для самолюбия гражданского населения, с другой, в достаточной мере оправдывают переделку предания.

⁶⁴ D a r e m b e r g — S a g l i o. Dictionnaire des antiquités, t. I, 2, s. v. cingulum, p. 1174, sq.; t. III, 2, s. v. mitra, p. 1955. — G. G l o t z. Le travail dans la Grèce ancienne. Paris, 1920, p. 93, 96, 144.

⁶⁵ Krappe, op. cit., p. 255.

⁶⁶ Рассказы о Кандавле и о сыне Креза переданы Геродотом с соблюдением традиционной формы устного рассказа (W. A l y. Volksmärchen, Sage und Novelle dei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, p. 34, 38 sqq.).

⁶⁷ А. Д о в а т у р. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 105, 109 сл.

⁶⁸ Нельзя видеть отражение таких черт в словах Плутарха εἰς ἑπαύσατο (scil. ὁ πόλεμος) δι' ἀρετὴν γυναικὸς ὡς συνέστη διὰ μοχθηρίαν (254 с.). Губительная война навлечена порочной женщиной, и женщина же, но женщина доблестная, а по народному рассказу девушка — παρθένος (Parthen. 9, 1), κόρη (§§ 4, 8), παῖς (§ 8) — спасает отечество. Поверхностное сходство с поверьем, распространенным во Франции в XV в. под влиянием бед Столетней войны, не является достаточным основанием для проведения аналогии между французским поверьем и древнегреческим преданием. Христианские воззрения, лежащие в основе первого, не позволяют считать милетянку Неэру античной Изабо Баварской, а Поликриту — Жанной д'Арк. Мысль о порочной и доблестной женщинах возникла у Плутарха применительно к данному конкретному случаю и ему же принадлежит формулировка этой мысли. Нельзя бездоказательно приписывать то и другое источнику Плутарха, как это делает F. Dümmler (Zu den historischen Arbeiten der älteren Peripatetiker. Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 42, 1887, p. 184).

⁶⁹ A. et M. C r o i s e t. Histoire de la littérature grecque, V. Paris, 1899, p. 248. Так же думает, но вводит некоторые ограничения Mayer-G'schrei (op. cit., p. 2, 68).

⁷⁰ Влияние Геродота на Парфения видит здесь Mayer-G'schrei (op. cit., p. 5 sqq.). Не естественнее ли думать о влиянии непосредственного источника?

⁷¹ Подробный разбор теории о происхождении боттиеев см.: А. Д о в а т у р. Фрагмент Боттиейской Политии Аристотеля. Древний мир. Сборник статей. Академику Василию Васильевичу Струве. М., 1962, стр. 490 слл. Следует к указанной там (стр. 492, прим. 1) старой работе Мюллера добавить новую: G l . D o w n e y. A history of Antioch in Syria from Seleucus to the arab conquest. Princeton (New Jersey), 1961, p. 55, 69. Следует также обратить внимание на то, что Фукидид говорит о возобновлении древней «дружбы», так что если даже достоверно сообщение Полемона (см.: Suidas s. v. "Ἄρτος) о даровании афинянами проксении Арту (H. D r o u s e n. Athen und der Westen vor der sicilischer Expedition. Berlin, 1882, p. 23), эта проксения не была возобновлением какой-то древней проксении. Существует мнение, будто упоминавшаяся в договоре между Афинами и Артой «древняя дружба» (Фукидид VII, 33, 4) относится не к мифической поре, а ко времени основания Фурий (P. M e l o n i. La contesa di Taranto e Turi per il possesso della Siritide. Atti della Accademia Nazionale des Lincei. Anno CCCXLVII, Ser. 8, Rendiconti, Classe scien. morali, stor. e filol., vol. 5, 1950, p. 590 sq.). Наше понимание указанного места Фукидида основано на самом способе выражения историка — «какая-то древняя дружба».

⁷² В тексте этого договора слова $\mu\eta\ \epsilon\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota\ \chi\eta\rho\sigma\tau\acute{o}\varsigma\ \pi\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$ Аристотель объясняет как запрещение тегейцам убивать мессенян в угоду тегейским сторонникам лакедемонян. Сравнительно недавно предложена новая интерпретация этих слов: Аристотель ошибся; если $\acute{\alpha}\chi\eta\rho\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ в критской надписи (Bulletin de correspondance hellénique, 61, 1937, p. 333 sq.) явно означает «бесправный», то $\chi\eta\rho\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ должно означать «полноправный», а запрещение в тексте договора должно иметь смысл «не делать никого [из мессенян] полноправным», не принимать мессенян в тегейское гражданство [F. Jacoby. $\chi\eta\rho\sigma\tau\acute{o}\varsigma\ \pi\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$ (Aristotle, fr. 592 R). Class. Quart., 38, 1944, p. 15 sq. (= F. Jacoby. Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Hrsg. v. H. Bloch. Leiden, 1956, p. 342 sq.)]. Другое толкование: запрещается подвергать смертной казни тегейских граждан, дружественных лакедемонянам (Chr. Callmer. Studien zur Geschichte Arkadiens bis zur Gründung des Arkadischen Bundes. Lund, 1943, p. 76).

⁷³ А. Д о в а т у р. Аристотель, фрагмент 611, 24. Советская Археология, 28, 1958, стр. 140 слл.

⁷⁴ Аристотель не мог не сообщать в Орхоменской Политии о тех обстоятельствах, которые побудили орхоменцев обратиться к оракулу (O. Friedel. Die Sage vom Tode Hesiods. Jahrb. class. Philol., Supplbd. X, 1878—1879, p. 267 sqq.).

⁷⁵ О празднике качелей см.: G r u p p e, op. cit., II, p. 735, 887, 907. — L. Deubner. Attische Feste. Berlin, 1956, p. 118 sqq. — M. B. Sakellariou. La migration grecque en Ionie. Thèse (Paris), Athènes, 1958, p. 162 (здесь возражение против мнения о заимствовании этого праздника колофонцами от афинян — праздник связан с верой в магическое значение качелей, а эта вера не была специфически аттической). Если признать правильной атрибуцию этому Феодору высказывания о том, что следует обладать большими, но хвалить равенство (Афиной III, 122В) — см.: E. Diehl, RE, 2. Reihe, Bd. V, 1934, s. v. Theodoros 19, col. 1869 sq., — то получается доказательство антидемократической позиции поэта.

⁷⁶ Ксенокрит (VI в. до н. э.) из италийских Локров сочинил пэны с очень развернутой повествовательной частью, что сильно приближало их к дифирамбам (C r o i s e t, op. cit., II, 2me éd. Paris, 1898, p. 278). Существует предположение, что поэгическая деятельность Ксенокрита и Эрасиппа была связана с установлением молений и очищений (K. O. Müller. Die Dorer. 2. Aufl. Breslau, 1844, I, p. 331, n. 3; II, p. 315).

⁷⁷ Предположение о том, что прочие Политии были гораздо короче Афинской, см.: C r o i s e t, op. cit., IV, Paris, 1900, p. 704, 707.

⁷⁸ Текст явно испорчен. Sintenis предложил читать не $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\tau\alpha\varsigma$, а $\lambda\alpha\beta\acute{o}\nu\tau\alpha\varsigma$. О других возможных исправлениях см.: Schneidewin, p. 85.

⁷⁹ Есть предположение, что у Аристотеля речь шла не о воре, а о прелюбодее (Schneidewin, p. 99).

⁸⁰ Эти мастера не были сходны с мастрами, составившими местные советы в Иалисе, Камире и Линде после вступления этих полисов в синойклизм (B u s o l t — S w o b o d a, op. cit., I, p. 158 sq.).

⁸¹ Newman ad loc. (II, p. 285) считает возможным существование закона, запрещавшего продажу не только земли, но и имущества вообще ($\sigma\upsilon\beta\acute{\alpha}\tau\alpha$).

⁸² Так обычно понимает этот текст, см.: Newman ad loc. (II, p. 309).

⁸³ Schneider предпочитает читать $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\tau\tau\omega\upsilon\varsigma$, см.: Immisch, app. crit.

⁸⁴ Сомнения, см.: Susemihl ad loc. (II, p. 311, n. 1457; p. 320 sq., n. 1512), Newman ad loc. (IV, p. 545).

⁸⁵ Newman ad loc. (II, p. 249); в частности, о Таренте можно думать на основании данных самой Политики (VI, 3, 5, 1320b, 9 sqq.).

⁸⁶ Трудно согласиться с толкованием слов $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\alpha\acute{\iota}\varsigma\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha\iota\varsigma$, предложенным у Newman ad loc. «в политиях», т. е. при той форме правления, которая носит специальное название «полития». Аристотель говорит здесь не о какой-нибудь специальной форме правления, а о государственном управлении вообще. Спецификация делается дальше: $\tau\alpha\upsilon\tau\alpha\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \omicron\upsilon\upsilon\acute{\nu}\ \delta\iota\lambda\iota\gamma\alpha\rho\chi\acute{\iota}\kappa\alpha\ \dots$
 $\acute{\epsilon}\nu\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\alpha\acute{\iota}\varsigma\ \delta\eta\mu\omicron\kappa\rho\alpha\tau\acute{\iota}\alpha\iota\varsigma$.

⁸⁷ См.: Susemihl ad loc. (II, p. 122 sq., n. 450), Newman ad loc. (III, p. 142 sqq.), ср.: Passow s. v. *λαρισσοποιός*.

⁸⁸ О широких полномочиях демиургов в Ларисе по приему в состав гражданства говорит (на основании Аристотеля) Stählin (RE, Hbhd. XXIII, 1924, s. v. Larisa 3, col. 849 sq.).

⁸⁹ Даем перевод не «перизки», а «окрестные жители». Против единого, стандартного для всех случаев перевода слова *περιρικοι* как «перизки» (определенный термин) предостерегает Fr. Gschnitzer (Abhängige Orte im griechischen Altertum, Zetemata 17, München, 1958, p. 146 sq.). В нашем месте Политики находим переводы: перизки (Jowett, Жебелев); les gens de la campagne (Barthélemy Saint-Hilaire), Hintersassen — «безземельные крестьяне» (Susemihl).

⁹⁰ Такое объяснение дает Schneidewin (p. 58).

⁹¹ Данные Аристотеля служат важным источником для изучения внутреннего строя Карфагенского государства, хотя в отдельных своих частях и вызывают сомнения, см.: L. D r a p e u r o n. La constitution de Carthage d'après Aristote et Polybe. Rev. géogr., 10, 1882, p. 280 sqq. — O. M e l t z e r. Geschichte der Karthager, II. Berlin, 1896.

⁹² См.: Susemihl ad loc. (II, p. 107 sq., n. 399). — Newman ad loc. (II, p. 365). — Aubonnet ad loc. (I, p. 169, n. 10). — M e l t z e r, op. cit., II, p. 54 sq.

⁹³ Такое толкование дает словам Аристотеля *καὶ γὰρ ἐξελθούσδες ἀρχοῦσι καὶ μέλλοντες* (II, 8, 4, 1273a, 16 sq.) Susemihl (l. c.). Этот же смысл заключен и в переводе Aubonnet. См. также: M e l t z e r, op. cit., II, p. 55 sq.

⁹⁴ Текст этого места вызывает споры, см.: Immisch, app. crit. (II, 8, 4, 1273a, 19 sq.). В детали нет смысла вдаваться. Отметим только существование двух мнений: специально назначаемые для разбора судебных дел инстанции ведают любыми делами [Susemihl ad loc. (II, p. 108, n. 391)]; все вообще должностные лица разбирают любые дела [Newman ad loc. (II, p. 366)]. — Aubonnet ad loc. (I, p. 169, n. 3). — M e l t z e r, op. cit., II, p. 12, 67 sq.].

⁹⁵ Речь идет об отправке карфагенских граждан в подчиненные Карфагену города для управления или взимания податей. Fr. Guil. K l u g e. Aristotelis de politica Carthaginiensium. Vratislaviae, 1824, p. 191 sq. — Susemihl в переводе (I, p. 251). — Newman ad loc. (II, p. 371; *ἐπί τὰς πόλεις*, т. е. для управления). — Жебелев в переводе (ср. 88). — Aubonnet ad loc. (I, p. 170, n. 7). — M e l t z e r, op. cit., p. 14, 20.

⁹⁶ Может возникнуть вопрос, как поступал Аристотель в том случае, если государственное образование к тому времени, когда он начинал или заканчивал свою работу над Политиями, или занимался ими, переставало существовать. Так было с Боттиейской государственностью, с Мефоной (разрушена Филиппом в 354 г., после чего она как город никогда не была восстановлена, см.: E. M e u e r, RE, Hbhd. XXX, 1932, s. v. Methone 7, col. 1386) и, если присоединить к хорошо засвидетельствованным Политиям возможную, с Фивами. Последние были разрушены Александром в 335 г. и восстановлены лишь в 316 г., т. е. после смерти Аристотеля (L. Z i e h e n, RE, 2. Reihe, Bd. V, 1934, s. v. Thebai, col. 1481 sq.). Следует помнить, что материал собирался Аристотелем и его школой задолго до написания Политий, что он был использован сначала в Политике. На основании собранного материала Аристотель мог дать очерк государственного строя Фив, Мефоны, Боттиейского объединения и других политических единиц последнего периода их существования. Если о так называемых параситах в Мефоне Аристотель говорит, что они «были» (*ἦσαν* — fr. 551 — в цитате, а не в пересказе), то это могло означать одно из двух: либо должность параситов сначала существовала, а потом была отменена, либо она никогда не была отменена и продолжала существовать до конца существования самого полиса.

⁹⁷ Такое предположение кажется более вероятным, чем выдвинутое F. Dümmler'ом (Zu den historischen Arbeiten der ältesten Peripatetiker. Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 42, 1887, p. 182). Плутарх двумя словами характеризует содержание Политий, в которых Аристотель особенно подробно останавливался на сказаниях об основании полисов и об их устройстве в его время.

Глава 2

¹ Сокращенное изложение положений, развернутых в настоящей (а отчасти и в следующей) главе, см.: А. Доватур. Композиция Политий Аристотеля. В сб.: Классическая филология, Л., 1959, стр. 69 слл.

² Вопрос о достоверности сообщений Аристотеля о Солоне не подлежит здесь обсуждению. Отметим все же новейшие работы, в которых доказываются, что сообщения о реформах Солона (за исключением сисахфии) представляют собой построения, созданные в IV в. в целях определенной политической пропаганды: E. Ruschenbusch. Patris Politeia, Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in der Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. Historia, 8, 1958, p. 398 sq. (разбор этой статьи см.: А. Доватур. Вопросы истории афинской демократии. . . , стр. 412 слл.). — J. Day and M. Chambers. Aristotle's history of Athenian democracy. Berkeley—Los Angeles, 1962 (University of California Publications in history, 73), p. 71 sqq. О сильном влиянии политической борьбы на традиции о Солоне см.: Fritz and Karr, Introduction, p. 18 sq. Старые авторы иногда выражали сомнение в достоверности преданий о Солоне, см., например: B. Niese. Über Aristoteles' Geschichte der athenischen Verfassung. Histor. Zeitschr., 69 (N. F. 33), 1892, p. 55 sqq.

³ Sandys ad 14, 3.

⁴ Папирус дает чтение *δισχίλιους* — «две тысячи». Это чтение защищает С. А. Жебелев (О тирании Тридцати в Афинах. Вестн. Др. ист., 1940, № 1, стр. 30 слл.).

⁵ О том, что Афинская и другие Политии не могли быть материалом для Политики (в действительности для Политики и Политий Аристотель пользовался одним и тем же материалом), см., например: Br. Keil. Die Solonische Verfassung in Aristoteles' Verfassungsgeschichte Athens. Berlin, 1892, p. 94 sq. — Groiset, op. cit., IV, p. 693 sq. — Бузескул, ук. соч., стр. 121 слл., 127. — Sandys², Introduction, p. XLIX sq. — Mathieu, Introduction, p. XIII. — Weil, op. cit., p. 309 [«La Politique est contemporaine de plusieurs de ces travaux (= les Constitutions), mais antérieure à la plupart»]. — J. Day and M. Chambers, op. cit., p. 185 sqq. Здесь уместно вспомнить о неудачной попытке передвинуть составление Политий на более раннее время — 344—335 гг. Слова Аристотеля в конце Никомачевой Этики понимаются как указание на то, что Политии уже написаны; вторую часть Афинской Политии Аристотель будто бы должен был иметь перед глазами, когда он писал Политику; места, противоречащие такой ранней датировке, объявляются позднейшими вставками самого Аристотеля. (M. Dufour. La Constitution d'Aristote. Paris, 1895, p. 26 sqq.).

⁶ С наибольшей подробностью и убедительностью этот вопрос разобран в книге G. Mathieu (Aristote. Constitution d'Athènes. Essai sur la méthode suivie par Aristote dans la discussion des textes). Об источниках исторической части Афинской Политии см. также: Аристотель. Афинская Политика. Пер. С. И. Радцига. 2-е изд., М., 1937, стр. 136 слл.

⁷ См., например: Wilamowitz-Moellendorff, op. cit., II, p. 190. — Mathieu, op. cit., p. 9 sq. Единственный автор, не видящий противоречия, — V. L. Johnson (Τὰ ἐπιθέτα. Amer. Journ. Philol., 58, 1937, p. 334 sqq.). Рассуждение Johnson'a: νομοφυλακία в главе 4, § 4 (ἡ δὲ βουλὴ ἢ ἐξ Ἀρείου πάγου φύλαξ ἢ τῶν νόμων) не то же, что τῆς πολιτείας φυλακὴ в главе 25, § 2. Последняя действительно относилась к τὰ ἐπιθέτα. Под πολιτεία Аристотель разумел здесь гражданство, а φυλακὴ реально означало то, что

Ареопаг присвоил себе право хранения списка граждан (*πίναξ ἐκκλησιαστικός*) и списка военнообязанных (*κατάλογος*). Эфиальт передал хранение первого списка народному собранию, а хранение второго — стратегам. Правда, у нас нет прямых свидетельств о том, что Ареопаг ведал составлением этих списков, однако, по мнению Johnson'a, рассказанный в главе 23, § 1 эпизод — раздача Ареопагом денег, по 8 драхм на человека, перед Саламинской битвой — дает основание заключить, что Ареопагу было точно известно количество граждан и количество бойцов, иначе говоря, что списки тех и других хранились на холме Ареса. Трудно признать аргументацию Johnson'a убедительной: 1) такое учреждение, как Ареопаг, могло быть осведомлено о количестве граждан и количестве военнообязанных даже в том случае, если бы оно само не ведало соответствующими списками; 2) весь рассказ Аристотеля говорит не о том, что хочет вычитать в нем Johnson, а о главенстве Ареопага в государстве (*ἡγεμονία* — 23, 1; *προστώτων τῶν Ἀρεοπαγίτων* — 25, 1; *ἐπιμέλεια* — 26, 1).

⁸ Wilamowitz — Moellendorff, *op. cit.*, I, p. 284 sq., 306 sq.

⁹ См., например: R. W. Macan. *Ἀθηναίων Πολιτεία*. Journ. Hell. Stud., 12, 1891, p. 37 sqq. — Keil., *op. cit.*, p. 55 sq., 67 sq., 73 sqq., 78, 90, 118. — Бузескул, *ук. соч.*, стр. 171 сл., 274. — Sandys², *Introduction*, p. LXX sq.

¹⁰ Mathieu (*op. cit.*, p. 8) видит здесь доказательство того, что Ареопаг существовал во времена Солона. Возможно, что такое соображение играло роль в источниках, которыми пользовался Аристотель, но контекст самой Афинской Политии не позволяет усматривать в этом замысел автора.

¹¹ Sandys *ad loc.* видит в этом месте Афинской Политии поправку к мнению Клифонта, а также к мнению Исократ о тождестве конституции Клифена и конституции Солона или о большой близости между ними, высказанному в «Ареопагитике» (16). Наше понимание слов Аристотеля иное: Аристотель ищет объяснения самому факту обращения к законам Клифена — «в представлении Клифонта конституция Клифена была не демократической (в обычном для конца V в. понимании), а близкой к конституции Солона». Нельзя с уверенностью утверждать, что Аристотель как-то полемизирует с Клифонтом (а тем более с Исократом, о котором он, работая над Афинской Политией, мог вовсе не думать). Приведем высказанные некоторыми учеными мнения: Аристотель не опровергает, а подтверждает мнение Клифонта (П. Г. В и п о г р а д о в. Развитие демократии в трактате Аристотеля о государстве Афинском. Истор. обозрение, 5, 1892, стр. 164 сл.), близко к этому и понимание Mathieu — Haussoullier'a в их переводе — слова Аристотеля раскрывают смысл предложения Клифонта. Так же понимают текст следующие авторы: J. A. R. Munro. The ancestral laws of Cleisthenes. *Class. Quart.*, 33, 1939, p. 84. — Fritz and Kapp. *Introduction*, p. 61. — Fr. Sartori. La crisi del 411 A. C. nell' Athenion Politeia di Aristotele. Padova, 1951, p. 25 sqq. (автор последней работы обращает, между прочим, внимание на то, что употребление глагола *προσαναζητήσαι* понятно лишь в том случае, если в том же постановлении было требование обследовать законы Солона). — Day and Chambers, *op. cit.*, p. 102 (Клифонт не был искренним сторонником демократии, следовательно, Аристотель раскрывает истинный смысл его предложения).

¹² Споры о том, был ли в действительности период главенства Ареопага, не утихли и в наше время. Day и Chambers (*op. cit.*, p. 126, 183 sqq.) думают, что о периоде главенства Ареопага говорили консерваторы, преувеличивая значение реформы Эфиальта, которая, по мнению этих авторов, была чисто судебной (за Ареопагом была оставлена юрисдикция только по уголовным делам). Историчность «конституции Ареопага» защищал, даже расширяя хронологические рамки периода главенства Ареопага, A. Deman (Le régime de l'Aréopage de 493 à 462 av. J. C. *Rev. belge de philol. et d'hist.*, 32, 1954, p. 1300 sq.).

¹³ Такое объяснение дают Day и Chambers (*op. cit.*, p. 158). Полагают, что, по мнению Аристотеля, как и по мнению Фукидида (VIII, 97, 2), правде

ние Пяти тысяч представляло собой начало реставрации демократического правления, причем переход к последнему произошел незаметно (Fritz and K a r p, p. 180 sqq., n. 117). Оригинальную позицию занимает Gr. Vlastos (The constitution of the five thousand. Amer. Journ. Philol., 73, 1962, p. 189 sq.); указав на возможность легкого изменения текста (Orperrmann предложил поправку, благодаря которой конституция Пяти тысяч оказывается не забытой в перечне конституций, ὀρθῶς δ' ἢ τῶν τετρακοσίων κατὰσταίς καὶ ᾗ μετὰ ταύτην), Vlastos все же не принимает этой поправки и останавливается на интерпретации, согласно которой правление Пяти тысяч было реставрацией демократии; при этом оказывается, что Аристотель впадает в противоречие с самим собой, так как, с его точки зрения, режим Пяти тысяч никак не мог считаться демократическим; Vlastos находит следующий выход: период правления Пяти тысяч был началом восстановления демократического строя не с точки зрения Аристотеля, а с точки зрения Андротиона, у которого Аристотель заимствовал схему смены форм правления, тем самым впадая в противоречие с самим собой. Новейший исследователь Sartori (op. cit., p. 76 sqq.) определяет продолжительность правления Пяти тысяч всего в пять месяцев, тогда как раньше ее определяли в десять месяцев, см., например: Th. L e n s c h a u. Die Vorgänge in Athen nach dem Sturze der Vierhundert. Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 90, 1941, p. 26.

¹⁴ Wilamowitz-Moellendorff (op. cit., I, p. 165 sq.) полагает, что источником был памфлет самого Ферамена. О Ферамене думает, впрочем, до отрицания для Афинской Политии авторства Аристотеля и приписывания этого трактата одному из единомышленников Ферамена, A. v. Mess (Aristoteles' Ἀθηναίων Πολιτεία und die politische Schriftstellerei Athens. Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 66, 1914, p. 356 sqq.). На первых порах после открытия Афинской Политии некоторые ученые, находившие в новооткрытом трактате бесспорные признаки влияния тенденциозной литературы, склонны были преувеличивать влияние последней на Аристотеля. В частности, говорили о воздействии памфлетов, исходивших не только от Ферамена и его окружения, но и от Крития, см.: F. D ü m m l e r. Die Ἀθηναίων Πολιτεία des Kritias. Hermes, 27, 1892, p. 260 sqq. — М. М. П о к р о в с к и й. Этюды по Афинской Политии Аристотеля. М., 1893. О литературной деятельности и политических взглядах Крития см., например: W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, op. cit., I, p. 175 sqq., n. 78. — W. N e s t l e. Kritias. Neue Jahrb. klass. Altertum, 11, 1903, p. 81 sqq., 178 sqq.

¹⁵ В литературе последних лет высказаны требующие разбора два взгляда на построение Аристотелем истории афинской демократии. Day и Chambers (op. cit., p. 189 sq.) полагают, что Аристотель, создав в Политике (IV, 4, 1, 1291b, 15 sqq.) теорию четырех видов демократии, построил соответствующие части Афинской Политии таким образом, чтобы в афинском строе оказались в разное время воплощенными все четыре вида демократии. По этому поводу следует сказать, что если в демократии времен Солона, как она описана в Афинской Политии, можно усмотреть земледельческую демократию, а в демократии после Перикла и после олигархических переворотов — ту «крайнюю» демократию, о которой говорится в Политике, то не так легко отождествить с промежуточными видами демократии афинскую демократию других периодов; кроме того, сам Аристотель, если не считать последнего этапа в развитии демократии в Афинах, вовсе не стремится подчеркнуть соответствие между той или иной фазой развития афинской демократии и определенным, теоретически (хотя несомненно на основании исторических данных) построенным в Политике видом демократического правления. С полным основанием Barker (The political thought. . . , p. 450 sqq.) замечает, что построение четырех видов демократии в Политике не должно обязательно опираться исключительно на данные афинской истории — в поле зрения Аристотеля находились не только Афины и не только афинская демократия. Другое мнение о построении Афинской Политии выска-

зал J. J. Keaneу (The structure of Aristotle's Athenaiou Politeia. Harv. Stud. Class. Philol., 67, 1963, p. 115 sqq.). Аристотель будто бы следовал в Афинской Политии определенному трафарету, который дает себя знать в разных его сочинениях. Предмет рассмотрения имеет, по Аристотелю, скромное начало, чреватое, однако, возможностями (*δυναμει*); затем идет долгое постепенное развертывание, движение и увеличение (*αυξάνειν*); наконец, достижение осязаемой величины (*τι μέγεθος*). Этот трафарет («стилистический прием») автор и находит у Аристотеля в изображении в Афинской Политии роста афинской демократии. Слишком формально представляет себе американский ученый подход Аристотеля к изучению явлений, в частности, к изучению развития афинской демократии. Дело идет, конечно, не о каком-то трафарете (даже если ограничить воздействие трафарета способом изложения), которому добровольно подчиняется автор Афинской Политии, а об отражении в композиции этого трактата самой сущности изучаемого явления. Стоит отметить и прием автора статьи: если материал не подтверждает его схему, он начинает находить «отрицательное» применение трафарета.

Глава 3

¹ Codex Vaticanus 998, ныне Parisinus, Suppl. graecum 352.

² «Sic amplissima Politiarum volumina in pauca contulerat nescio quis Heraclides. Sed quoniam vel excerpta inferioris aetatis magistrorum captum excedebant, fuit qui Heraclidea rursus contraheret homo nomine ignotus, sed imperitus profecto et antiquitatis vix mediocriter gnarus». (Heraclidis Politiarum quae extant. Recensuit et commentariis instruxit F. G. Schneidewin. Gottingae, 1847, Prolegomena, p. XIX). По существу ничего не изменится, если принять формулу, которую предложил Holzinger (Aristoteles' Athinische Politie. . . , p. 444: fragmenta excerptorum). Мнение Rose, высказанное им в третьем издании фрагментов Аристотеля (p. 260), о том, что в excerptis к материалу, взятому из Аристотеля, применено и кое-что постороннее, оказалось несостоятельным (как показали исследования найденной через пять лет Афинской Политии).

³ О старых спорах по поводу этого места см.: Schneidewin ad loc. (p. 47 sq.).

⁴ О значении слова *μετέστησε* см.: Schneidewin ad loc. (p. 48). — Holzinger. Aristoteles' und Hrakleides' lakonische und kretische Politien. Philologus, 52 (N. F. 6), 1894, p. 71.

⁵ Schneidewin ad loc. (p. 49 sq.): verbum prodeundi prorumpendive.

⁶ Д о в а т у р. Аристотель, фрагмент 611, 24. . . , стр. 142 сл.

⁷ Основательное объяснение дает по этому поводу U. Kahrstedt (Griechisches Staatsrecht I. Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922, p. 10 sq., 40): первая часть предложения Гераклида вообще не относится к области права, а вторая означает, что отчуждение земельного надела ведет к утрате гражданских прав.

⁸ Следует читать *πεινήν*, а не *πίνειν*, см.: Schneidewin, app. crit.

⁹ Следует читать *πολέμοις*, а не *πολεμίοις*, см.: Schneidewin, app. crit.

¹⁰ Смысл этих слов объясняет Schneidewin ad loc. (p. 54): речь идет о фидитиях. Несколько иначе Holzinger (op. cit., p. 92): дело идет в первую очередь о частных хозяйствах; однако, как можно судить по данным, находимым у других авторов, сообщение можно распространить и на сиситии.

¹¹ Установившееся чтение *χρησιφοῦμένοις* дает лучший смысл, чем рукописное *χρησιφοῦμένου* (Schneidewin, app. crit.).

¹² Schneidewin ad loc. (p. 47).

¹³ См. также у Плутарха упоминание о Терпандре как о музыканте, способствовавшем своей игрой прекращению раздоров среди спартанцев (De Musica 42). Самое известие Аристотеля о деятельности Терпандра в Спарте не может считаться невероятным, см.: W. Schmid und O. Stählin.

Geschichte der griechischen Literatur, T. I, Bd. I. München, 1959, p. 405 sq. — G. L. H u x l e y. Early Sparta. London, 1962, p. 49 sq.

¹⁴ О борьбе Спарты с Амиклами см., например: H i r s c h f e l d. RE, Bd. I, 1894, s. v. Amyklai, col. 1996 sq. — L. P a r e t i. Storia di Sparta arcaica, I. Firenze, 1920, p. 159 sqq. — W. N o r v i n. Zur Geschichte der spartanischen Eunomia. Classica et Mediaevalia, 2, 1939, p. 250. — С. Я. Л у р ь е. История Греции, I. Л., 1940, стр. 170. — H u x l e y, op. cit., p. 48 sq.

¹⁵ О нем см.: H u x l e y, op. cit., p. 22 sq.

¹⁶ Культ Ликурга в Спарте, приводимый Геродотом (I, 65) оракул, в котором пифия называла Ликурга богом, не мешали античным писателям считать спартанского законодателя человеком, получившим после смерти божеские почести. В новое время некоторые ученые рассматривали Ликурга как божество, которое в историческом предании превратилось в политического деятеля, см., например: U. v. W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f. Homerische Untersuchungen. Berlin, 1884 (Philologische Untersuchungen, VII), p. 284 sq. — Ed. M e y e r. Forschungen zur alten Geschichte, I. Halle a. S., 1892, p. 279. — K. J. B e l o c h. Griechische Geschichte, I, 2. Berlin—Leipzig, 1926, p. 254 sqq. — U. K a h r s t e d t. RE, Bd. XIII, 1927, s. v. Lykurgos, col. 2442 sq. Наряду с этим ряд старых и новых авторов прямо высказывается в пользу историчности Ликурга, например: K. H. L a c h m a n n. Die spartanische Staatsverfassung in ihrer Entwicklung und ihrem Verfall. Breslau, 1836, p. 152. — A. K o p s t a d t. De rerum Laconicarum constitutionis Lycurgae origine et indole. Diss. Gryphiae, 1849, p. 1 sqq. — J. T o e p f f e r. Beiträge zur griechischen Altertumswissenschaft. Berlin, 1897, p. 357 sqq. — B. N i e s e. Herodot-Studien. Hermes, 42, 1907, p. 446 sqq. — B u s o l t - S w o b o d a, op. cit., II, 1926, p. 650 sq. — K. M. T. C h r i m e s. Ancient Sparta. Aberdeen, 1952, p. 426 sq. V. Ehrenberg (Neugründer des Staates. Ein Beitrag zur Geschichte Spartas und Athens in VI Jahrhundert. München, 1925, p. 1 sqq.) считает возможным, что Ликург был древним законодателем, память о котором оживил реформатор середины VI в. Хилон. О старых разногласиях по поводу личности Ликурга см.: G. B u s o l t. Griechische Geschichte die zur Schlacht von Chaeroneia, I. 2. Aufl. Gotha, 1893, p. 569 sqq. C. Trieber (Forschungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. Berlin, 1871, p. 75 sqq.) не считает достаточным основанием для отрицания историчности Ликурга легендарный характер предания о нем (ср. Александр Македонский, Карл Великий), но и не находит доказательств в пользу его историчности. На тех же позициях стоит предлагающий примириться с тем, что мы ничего не знаем о Ликурге, F. O l i e r (Le mirage spartiate. Paris, 1933, p. 90 sq.).

¹⁷ Объяснения ретры см., например: L. U r l i c h s. Über die Lykurgischen Rhetren. Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 6, 1848, p. 194 sqq. — C. W. G o e t t l i n g. Über die vier Lykurgischen Rhetren, Gesammelte Abhandlungen aus dem classischen Altertume, I. Halle, 1851, p. 317 sqq. — T r i e b e r, op. cit., p. 28 sqq. — G. G i l b e r t. Studien zur altspartanischen Geschichte. Göttingen, 1872, p. 121 sqq. — O n c k e n, op. cit., II, p. 332 sq. — G. B u s o l t. Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen, I. Leipzig, 1878, p. 28 sq. — W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f, Homerische Untersuchungen, p. 281. — Ed. M e y e r, op. cit., I, p. 261 sqq. — T o e p f f e r, op. cit., p. 351 sqq. — K. J. N e u m a n n. Die Entwicklung des spartanischen Staates in der Lykurgischen Verfassung. Histor. Zeitschr., N. F. 60 (96), 1906, p. 66 sqq. — G. D i c k i n s. The growth of Spartan policy. Journ. Hell. Stud., 32, 1912, p. 7 sqq. — Th. L e n s c h a u, RE, 2. Reihe, Bd. I, 1914, s. v. 'Ρήτροι, col. 696 sqq. — L. P a r e t i. Storia di Sparta arcaica, I. Firenze, 1920, p. 184 sqq. — E h r e n b e r g, Neugründer. . . , p. 1 sqq. — B u s o l t - S w o b o d a, op. cit., II, p. 645 sqq. — B e l o c h, op. cit., I, 2, p. 254 sqq. — V. E h r e n b e r g, RE, Hbhd. VII, 1929, s. v. Sparta, col. 1376 sq. — H. B e r v e. Sparta. Histor. Vierteljahrschr., 25, 1929, p. 3 sqq. — V. E h r e n b e r g. Der Damos im archaischen Sparta. Hermes, 68, 1933,

p. 288 sqq. — Л у р ь е, ук. соч., I, стр. 170 сл. — N. G. L. H a m m o n d. The Lycurgean reform at Sparta. Journ. Hell. Stud., 70, 1950, p. 42 sqq. — C h r i m e s, op. cit., p. 414 sqq., 475 sqq. — W. D e n B o e r. Laconian Studies. Amsterdam, 1954, p. 153 sqq. — H u x l e y, op. cit., p. 44 sqq. — D. B u t l e r. Competence of the Demos in the spartan Rhetra. Historia, 11, 1962, p. 385 sqq.

¹⁸ О криптии см., например: O n c k e n, op. cit., II, p. 334 sq. — K a h r s t e d t. Griechisches Staatsrecht. . . , p. 64 sq. — J. O e h l e r, RE, Bd. XI, 1922, s. v. Krypteia, col. 2031 sq. — B u s o l t — S w o b o d a, op. cit., II, p. 669. — Л у р ь е, ук. соч., I, стр. 180. Н. Jeanmaire (La cryptie lacédémonienne. Rev. étud. grecques, 26, 1913, p. 121 sqq.; Couroi et Courètes. Essai sur l'éducation spartiate et sur les rites d'adolescence dans l'antiquité classique. Lille, 1939, p. 550 sqq.) изучает криптию на фоне аналогичных установлений у африканских племен. Не касается криптии, но рассматривает самые основы спартанской жизни на широком этнографическом фоне М. P. Nilsson (Die Grundlagen des spartanischen Lebens. Klio, 12, 1912, p. 308 sqq.).

¹⁹ The Oxyrhynchus Papyri XXIV. London, 1957, p. 40, № 2389, fr. 9, l. 11 sqq.

²⁰ Как известно, прямо приписывали создание спартанского строя в целом Ликургу Геродот (I, 65) и Ксенофонт (Resp. Laced. 8.8). Прямых свидетельств о том, что думал по этому вопросу Эфор, у нас нет. Lachmann (op. cit., p. 161 sqq.) не называет Эфора среди авторов, считавших Ликурга создателем всех спартанских порядков. Наоборот, Schneidewin ad loc. (p. 46 sq.) принимает высказанное до него мнение, что Аристотель (Гераклид) полевизирует в этом месте именно с Эфором. Ed. Meyer (op. cit., p. 251 sq.) не считает возможным установить, что думал о начале эфории Эфор (отсюда следует, что этого писателя Аристотель мог и не иметь в виду в разбираемом месте). E. Kessler (Plutarchs Leben des Lykurgus. Berlin, 1910, p. 35) не сомневается в том, что не только Геродот и Ксенофонт, но и Эфор связывали учреждение эфории с реформами Ликурга. Так смотрит и Kahstedt (RE, Bd. XIII, col. 2444 sq.). Ollier (op. cit., p. 316) думает, что Эфор разработал легенду о Ликурге. См. также прим. 49 и 50 к главе 1 этого отдела и соответствующую часть текста главы. Аристотель не расходится с Платоном в вопросе о времени возникновения должности эфоров — Платон в «Законах» (III, 691A) говорит, что эфорию учредил в Спарте *πρῶτος σοφῆρ*, т. е. несомненно Феопомп. В этой связи можно поставить вопрос, пользовался ли Аристотель в Политике сочинением Ксенофонта о Лакедемонском государстве. На этот вопрос нельзя дать вполне обоснованный положительный или отрицательный ответ. Само собой разумеется, разное отношение к самим принципам, лежащим в основе спартанской конституции, никакой презумпции в пользу отрицательного ответа на вопрос не создает. Историк может брать материал из источника, идеологически ему враждебного, и по-своему этот материал переосмыслить. С другой стороны, совпадения сообщений фактического порядка между сочинениями Ксенофонта и Аристотеля (насколько мы можем представить себе последнее) слишком непоказательны, чтобы на них можно было что-нибудь построить. В самых общих чертах совпадают показания обоих авторов о воспитании, о кражах (Ксенофонт 2, 6 — Аристотель, Политика VIII, 1, 3, 1337a, 31 sq. и fr. 611₁₃), о сисситиях (Ксенофонт 5, 3 sqq. — Аристотель, Политика II, 6, 21, 1271a, 26 sqq.), о праве в известных случаях пользоваться чужой собственностью (Ксенофонт 6, 3 sq. — Аристотель, Политика II, 2, 5, 1263a, 30 sqq.), о дозуре граждан (Ксенофонт 7, 1 sqq. — Аристотель, Политика II, 6, 2, 1269a, 34 sqq.), о военной одежде (Ксенофонт 11, 3 — Аристотель, fr. 542), о воинских подразделениях (Ксенофонт 11, 4 — Аристотель, fr. 540), о том, что спартанцы встают перед царем (Ксенофонт 15, 6 — Аристотель, fr 611₁₀). Нет надобности предполагать заимствование таких сведений Аристотелем у Ксенофонта. К тому же в иных случаях между обоими авторами наблюдаются расхождения. По-разному определяют они время жизни Ликурга:

Ксенофонт считает его современником Гераклидов (10, 8), Аристотель — современником Ифита (fr. 533). У Ксенофонта Ликург обращается к дельфийскому оракулу один раз — чтобы получить одобрение перед опубликованием законов (8, 5); у Аристотеля Ликург постоянно бывал в Дельфах и получал от Аполлона указания по части законодательства (fr. 535). Наконец, контекст позволяет думать, что Ксенофонт считал учредителем эфории Ликурга (8, 3), тогда как, по Аристотелю, коллегия эфоров возникла при царе Феопомпе (Политика V, 9, 1, 1313a, 26 sqq.). Самое естественное предположение следующее: Аристотель был знаком с произведением Ксенофонта и, не черпая из него каких-либо конкретных данных, мог иметь его в виду (наряду с произведениями других авторов) в тех местах Лакедемонской Политики и Политики, где он опровергал мнение о создании всего спартавского строя Ликургом (fr. 614₉) или говорил о поклонниках спартавской конституции (Политика VII, 13, 11, 1333b, 18 sqq.).

²¹ *ἄσπερ ἐπὶ Ἀκαστοῦ τὰ ὄρλια ποιήσειν*. Эти слова часто переводят «давать присягу как при Акасте» (Sandys² ad loc., Mathien—Haussoullier, С. И. Радциг). Между тем такое значение могло бы иметь только выражение *τὰ ὄρλια ποιήσεσθαι* (глагол в медиальной форме). То, что сказал Аристотель (глагол в активной форме), должно означать «выполнять присягу» (ср.: 11, 1 — *τὰ τετραμμένα ποιεῖν*), см.: G. Kaibel. *Stil und Text der Ἀθηναίων Πολιτεία des Aristoteles*. Berlin, 1893, p. 122 sq. Так именно и переводят Fritz и Kapp: «to execute the oaths». При другом переводе получается трудно объяснимое сообщение, будто девять архонтов давали две присяги — одну предварительную, в которой они обязывались не нарушать определенной, исстари (при Акасте) установленной формы присяги, вторую окончательную, которая давалась по этой установленной форме.

²² Изложение общего хода внутренней истории Спарты (на всем протяжении этой истории или в определенном отрезке) кроме работ, названных в прим. 17, 18 и 20, см.: G. Niccolini. *I re e gli efori a Sparta*. *Rivista di storia antica*, N. S. 5, 1900, p. 524 sqq.; N. S. 6, 1902, p. 281 sqq. — G. B. Grundy. *The policy of Sparta*. *Journ. Hell. Stud.*, 32, 1912, p. 261 sqq. — S. Luria. *Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des 5. Jahrhunderts*. *Klio*, 21, 1927, p. 40 sqq. — Спор об имени Астеропа см.: S. Luria. *Asteropos*. *Philol. Wochenschr.*, 46, 1926, col. 701 sq. — V. Ehrenberg. *Asteropos*. *Philol. Wochenschr.*, 47, 1927, col. 27 sq. — О законе Эпитадея см., например: Trieber, *op. cit.*, p. 136 sq. — N. D. Fustel de Coulanges. *Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire*. Paris, 1891, p. 115 sqq. — М. Хвостов. *Хозяйственный переворот в древней Спарте*. Оттиск из Уч. зап. Казанск. унив., 1904, ноябрь, стр. 15. — Busolt—Sworda, *op. cit.*, II, p. 635, 722. — M. Cary. *Notes on the history of the fourth century*. *Class. Quart.*, 20, 1926, p. 186 sqq. — D. Asheri. *Sulla legge di Epitadeo*. *Athenaeum*, N. S. 39, 1961, p. 45 sqq. — Cl. Mossé. *La fin de la démocratie athénienne*. Paris, 1962, p. 247 sqq.

²³ Аристотель первый прочитал (открыл) имя Ликурга на олимийском диске — так думают Ed. Meyer (*op. cit.*, p. 240 sq., 270 sq.), Kahrstedt (RE, Bd. XIII, col. 2443), Hammond (*op. cit.*, 62). Во всяком случае хронологическое определение реформ Ликурга у Эфора не совпадало с аристотелевским, см.: Trieber, *op. cit.*, p. 51 sqq. — Ollier, *op. cit.*, p. 316. — Chritmes, *op. cit.*, p. 319 sqq. 325. Huxley (*op. cit.*, p. 29) приписывает открытие имени Ликурга на диске Гипсию из Элиды (Ed. Meyer, в указанном выше месте, отрицает такую возможность). Den Boer (*op. cit.*, p. 114 sqq., 126, 140 sq.) настаивает на различии взглядов Аристотеля и Эфора на хронологию Ликурга, но в то же время и на том, что обе точки зрения (аристотелевская и эфоровская) установились до Аристотеля и Эфора.

²⁴ О Мессенских войнах и преданиях о них см., например: B. Niese. *Die ältere Geschichte Messeniens*. *Hermes*, 26, 1891, p. 1 sqq. — Toeffer, *op. cit.*, p. 230 sqq. — M. Mandes. *Мессенские войны и восстановление Мессении*. Одесса, 1898. — Paret, *op. cit.*, p. 159 sqq., 207 sqq. — Beloch, *op. cit.*, I, 2, p. 262 sqq. — Busolt—Sworda, *op.*

cit., p. 639 sq. — Th. L e n s c h a u. Forschungen zur griechisches Geschichte des VII. und VI. Jahrhunderts v. Chr. Philologus, 91, 1936, p. 381 sqq. — N o r v i n, op. cit., p. 273 sqq. — С. Я. Л у р ь е, ук. соч., I, стр. 174, 176. — C h r i m e s, op. cit., p. 277 sqq. — H u x l e y, op. cit., p. 33 sqq., 53 sqq.

²⁵ Эти два сообщения показывают, как должен был отнестись Аристотель к сообщению Ксенофонта в «Агесилае» (I, 4) — допуская, что последнее было ему известно, — будто спартанское государство никогда не посягало на неприкосновенность царской власти и будто представители последней никогда не стремились к расширению своей компетенции.

²⁶ Чтение рукописей *δημαγωγεῖν αὐτοὺς ἡγάγαλλοντο καὶ οἱ βασιλεῖς* принимает Newman, Immisch, Aubonnet. Susemihl читает *δημαγωγεῖν αὐτοὺς ἡγάγαλλον καὶ βασιλεῖς* — «so zwangen die Ephoren dadurch auch sogar die Könige selber dem Volke zu schmeicheln».

²⁷ О спартанских эфорах см.: L a c h m a n n, op. cit., p. 161 sqq. — A r n. S c h a e f f e r. De ephoris Lacedaemonis commentatio. Lipsiae, 1853. — O n c k e n, op. cit., I, p. 271 sqq. — H. K. S t e i n. Das spartanische Ephorat in seiner ersten Entwicklung bis auf Cheilon. Paderborn, 1871. — T r i e b e r, op. cit., p. 99 sqq. — C. F r i c k. De ephoris Spartanis. Diss. Gottinae, 1872. — G. B u s o l t. Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen, I. Leipzig, 1878, p. 28 sq. — E d. M e y e r, op. cit., I, p. 244 sqq. — B u s o l t. Griechische Geschichte, I, p. 557 sqq. — N i c c o l i n i, op. cit. — S z a n t o, RE, Bd. V, 1905, s. v. Ephoroi, col. 2860 sqq. — D i c k i n s, op. cit., p. 11 sqq. — K a h r s t e d t. Griechisches Staatsrecht, I, p. 237sqq. — B u s o l t—S w o b o d a, op. cit., II, p. 683 sqq. — S. L u r i a. Zum politischen Kampf. . . , p. 413 sqq. — B e r v e, op. cit., p. 6 sqq. — C h r i m e s, op. cit., p. 402 sqq. — D e n V o e r, op. cit., p. 197 sqq. — H u x l e y, op. cit., p. 38 sq., 43, 50 sq., 69 sqq., 76, 85, 115 sq.

²⁸ Так смотрят на способ избрания эфоров, например: K a h r s t e d t, op. cit., p. 146 sq. — A. J a r d é. La formation du peuple grec. Paris, 1923, p. 176.

²⁹ О судебных функциях царей, герусии и эфоров см.: K a h r s t e d t, op. cit., 153 sqq., 206 sq., 219 sqq., 227, 249, 322 sqq., 325 sq. — B u s o l t—S w o b o d a, op. cit., II, p. 674, 681, 689. О гелландиках и их судебных функциях (решение гражданских дел между воинами в походе) см.: K a h r s t e d t, op. cit., p. 250.

³⁰ В этом месте естественно было упомянуть и о том, что обедневшие, лишившиеся своего клера граждане переходили в разряд *ὑπομεινονες*; о них см.: K a h r s t e d t, op. cit., p. 50 sq.

³¹ Из того факта, что две пятых всей земли перешли в руки женщин Meier (op. cit., p. 40) сделал странный вывод, будто много спартанок (спартанок) оставалось незамужними; между тем у Аристотеля речь идет о больших приданых и о переходе земельной собственности к дочерям-наследницам.

³² Не может быть сомнения в том, что Аристотель рассматривал подчиненное положение гелотов как результат завоеваний дорийцами местного (ахейского) населения. Упоминание о крипии и о враждебном отношении гелотов к своим господам в достаточной степени доказывает это. В новое время возникла теория о закабалении, в результате задолженности, дорийцев дорийцами (т. е. в Спарте произошло то, от чего были избавлены беднейшие слои афинского гражданства благодаря реформе Солона). См.: K a h r s t e d t, op. cit., p. 11, 57. — Л у р ь е, ук. соч., стр. 178. История и современное положение вопроса о гелотах изложено в обзорной статье P. Oliva (On the problem of the helots. Historica, III, Praha, 1961, p. 5 sqq.).

³³ *ἄφρονας* переводим в согласии с Susemihl'ем (vom Kriegsdienste frei) и Aubonnet («la loi exempte. . . du service militaire»; vide etiam ad loc., p. 161, n. 10). См. также: Newman ad loc. (II, p. 332).

³⁴ Этот закон не мог быть древним — освобождение от военной службы (в качестве награды) противоречит самому духу военного государства, а осво-

бождение от повинностей предполагает существование каких-то взносов, трудно представимых в древние времена, см.: Susemihl ad loc. (II, p. 81, n. 314).

³⁵ ἐν τοῖς ἀγροῖς — о конъектуре ἐν ταῖς ἀγραις и возражениях против нее см.: Newman ad loc. (II, p. 250).

³⁶ Разбору интересующей нас главы Политики с точки зрения взглядов Аристотеля на отдельные стороны спартанского строя и соответствия этих взглядов общим политическим воззрениям Аристотеля посвящена работа E. Braun'a (Die Kritik der lakedaimonischen Verfassung in den Politika des Aristoteles. Klagenfurt, 1956). Резко разошлись во мнениях по вопросу о направленности критических замечаний Аристотеля русские ученые: Аристотель критикует самого спартанского законодателя, он отрицательно расценивает его замысел, т. е. основные принципы спартанского строя, осуждает «идеальную», а не «эмпирическую» Спарту (К е ч е к ъ я н, ук. соч., стр. 161); спартанское государственное устройство признается у Аристотеля превосходным, «эмпирической» же Спарте дается уничтожающая характеристика (А. К. Б е р г е р. Аристотель и Спарта. Уч. зап. Инст. ист. РАНИОН, III, 1929, стр. 87). Во всяком случае правы те, кто усматривает в обзоре спартанского устройства у Аристотеля определенную направленность — против романтического преклонения перед Спартой, спартанскими порядками, спартанским укладом жизни: O n c k e n, op. cit., I, p. 219 sqq.; II, 330 sqq. — O l l i e r, op. cit., p. 140 sqq., 309 sq. (этот автор, впрочем, думает, что и сам Аристотель колеблется между преклонением перед идеальной Спартой и отрицательным отношением к спартанской действительности — p. 305 sqq., 320 sqq.). Meier (op. cit., p. 75) полагает, что критика Аристотеля направлена не столько против недостатков спартанского строя, хотя последние и не встречают одобрения со стороны Аристотеля, сколько против писателей, считавших Ликурга основателем идеальных порядков. Не видим разницы по существу между этой интерпретацией текста Аристотеля и обычным толкованием: ведь в обоих случаях конечной целью является одно и то же — развенчание Спарты.

³⁷ Так получается у Oncken'a (op. cit., II, p. 369). Аристотель будто бы все и хорошее и плохое в спартанском строе прямо возводил к Ликургу (K o p s t a d t, op. cit., p. 23. — T r i e b e r, op. cit., p. 136 sq.). Ed. Meyer (op. cit., p. 251 sq.) отказывается видеть противоречие у Аристотеля в его показаниях об учреждении должности эфоров.

³⁸ В пользу γῆν высказывается Newman ad loc. (II, p. 326); также дополняет мысль Аристотеля в своем переводе Aubonnet.

³⁹ Так думает и Susemihl ad loc. (II, p. 78, n. 299), который делает отсюда вывод, что Аристотель ничего не знал о так называемом законе Эпитадея (о нем см.: Plut., Agis 5).

⁴⁰ Правильно замечает Newman ad loc. (II, p. 325 sq.): «the nom. νομοθέτης must be supplied from τῶν νόμων»; дальше он, правда, утверждает, что Аристотель все-таки имеет в виду Ликурга; Aubonnet не подставляет никакого имени.

⁴¹ Об этом контроле см.: K a h r s t e d t, op. cit., p. 158.

⁴² Речь идет о денежных взносах, а у нас не может быть полной уверенности в том, что Аристотель относил установление денежных взносов к столь раннему времени. Об этих взносах см.: K a h r s t e d t, op. cit., p. 333. — M e i e r, op. cit., p. 58.

⁴³ Susemihl ad loc. (II, p. 73, n. 285) отмечает совпадение взглядов Аристотеля со взглядами Платона, который в «Законах» (VI, 781B) высказывается в том смысле, что для благоденствия государства необходимо подчинить женщин законам (ср. Аристотель, Реторика I, 5, 6, 1316a, 10 sqq.).

⁴⁴ Newman ad loc. (II, p. 321), Aubonnet ad loc. (p. 80, n. 2).

⁴⁵ Newman ad loc. (II, p. 330), Aubonnet ad loc. (p. 161, n. 4).

⁴⁶ Th. W. A f r i c a. Phylarchus and the spartan revolution. Berkeley—Los Angeles, 1961 (University of California publications in history, 68), p. 61.

⁴⁷ Susemihl ad loc. (II, p. 340 sqq., n. 1592), Newman ad loc. (IV, p. 367).

⁴⁸ Стронниками отождествления царя Павсания, о котором говорит Аристотель, с победителем при Платеях являются, например: Barthélemy Saint-Hilaire ad loc., Susemihl ad V, 1361b, 20 sq. (II, p. 318, n. 1498), Жебелев к V, 1301b, 20, Ollier (op. cit., p. 105). Склоняется к этому мнению и Newman (III, p. 447). Решительно настаивает на Павсании, современнике Лисандра, Ed. Meyer (Forschungen. . ., I, p. 231 sqq., 243 sq.; Nochmals der λόγος des Königs Pausanias. Hermes, 42, 1907, p. 243 sq.). Точка зрения Meyer'a принята, например, в работе: Busolt—Sworda, op. cit., II, p. 724.

⁴⁹ В RE зарегистрированы Эхин (Kirchner, RE, Bd. I, 1894, col. 1047) и Симмах (Obst, RE, 2. Reihe, Hbhd, VII, 1931, col. 1435), оба без даты, только со ссылкой на трактат Плутарха.

⁵⁰ О взаимоотношениях между Спартой и Дионисием Старшим см., например: Ad. Holm. Geschichte Siciliens im Altertum, II. Leipzig, 1871, p. 136 sqq. — G. Glotz. Histoire grecque III. Paris, 1936, p. 404 sq.

Глава 4

¹ О лелегах в Политиях Аристотеля см., например: L. Lerat. Les Locriens de l'Ouest, Thèse II. Paris, 1952, p. 5.

² Принимая объяснение названия острова Делоса от прилагательного δῆλος, J. A. Lebègue (Recherches sur Délos. Paris, 1876, p. 22) связывает такое обозначение острова с блеском, окружавшим Делос в легендах, и с солнечным характером почитавшегося на острове божества. О негреческом происхождении названия острова см.: Schoefffer, RE, Bd. IV, 1901, s. v. Delos, col. 2459.

³ Упоминание о предсказаниях Главка и нерид является доказательством существования на Делосе старинного оракула, см.: W. A. Laidlow. A history of Delos. Oxford, 1933, p. 19. — H. Gallet de Santerre. Delos primitive et archaïque. Paris, 1958 (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome, 181), p. 158 sq.

⁴ Об амипейцах см., например: J. Bérard. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. 2de éd. revue et mise à jour. Paris, 1957, p. 397 sqq.

⁵ Разбор предания и полемики, разгоревшейся вокруг него в античной историографии (Аристотель—Тимей—Полибий), см.: Em. Ciaceri. Storia della Magna Grecia, I. Milano, 1928, p. 193 sqq. — Bérard, op. cit., p. 201 sq. — T. J. Dunbabin. The western Greeks. Oxford, 1947, p. 36 sq. — T. S. Brown. Timaeus of Tauromenium. Berkeley—Los Angeles, 1958 (University of California publications in history, 55), p. 44 sqq., 101 sq. — F. W. Walbank. Polemic in Polybius. Journ. Roman Stud., 52, 1962, p. 1 sqq., также: К. М. Колобова. Воикии на Крите. Вестн. Др. ист., 1957, № 2, стр. 40 сл.

⁶ Легендарный характер предания не может служить препятствием к признанию достоверности самой его основы: водворение греков в Массалии было результатом соглашения между пришельцами и местным населением, см.: M. Clerc. Histoire de Marseille dans l'antiquité, I. Marseille, 1937, p. 115 sqq. — R. Busquet. Histoire de Marseille. Paris, 1945, p. 14 sq. Рассказ Аристотеля находится в противоречии с преданием, приписывавшим основание Массалии фокейцам, бежавшим от нашествия персов (J. Brunel. Marseille et les fugitifs de Phocée. Rev. étud. anciennes, 50, 1948, p. 6).

⁷ Разные античные версии о происхождении названия Синопы и предположение о негреческом происхождении этого названия см.: M. V. Sakel. I l a r i o u. La migration grecque en Ionie. Thèse (Paris). Arhènes, 1958, p. 65 sq.

⁸ Если прав J. Perret (Siris. Recherches critiques sur l'histoire de la Siritide avant 433/2. Paris, 1941, p. 18 sqq.), то и fr. 584 свидетельствует о том, что Афиной (XII, 523), ссылаясь на Тимея, тем самым ссылается и на Аристотеля; Афиной зависит от Тимея (и Аристотеля) не только в своих сообще-

ниях о роскошной жизни сибаритов и сиритов, но и в сообщениях об основании Сибариса.

⁹ Часть наших источников делает абантов потомками некоего Абанта, см.: То е р ф ф е р, RE, Bd. I, 1899, s. v. Abantes 1, col. 14. Кроме этого автора, разбором преданий об абантах и примирением противоречивых данных занимаются: С. В у р с и а н. Quaestionum Euboicarum capita selecta. Diss. Lipsiae, 1856, p. 5 sq. — Ф р. Ш о б е р. Phokis. Diss. (Jena), Crossen a. d. Oder, 1924, p. 52. — С а к е л л а р и о у, op. cit., p. 284 sqq.

¹⁰ Аристотель, надо думать, кратко передавал легенду о Тене и не связывал ее с преданием о царе, убившем прелюбодея, что было сделано уже впоследствии (W. R. H a l l i d a y. Tenes. Class. Quart., 21, 1927, p. 37 sqq.).

¹¹ Брисы — божественные существа, в ведении которых, согласно единственному подлинному преданию (на острове Кеосе), находилось приготовление меда; все прочее, что передают о них поздние авторы, представляет собой спекуляции, основанные на этимологической игре (H i l l e r v. G ä r t r i n g e n, RE, Hbbd. V, 1897, s. v. Brisai, p. 855 sq.).

¹² Рукописное чтение $\delta\acute{\iota}\alpha\ \tau\acute{o}\ \pi\nu\epsilon\acute{\iota}\nu$, как убедительно показал Schneidewin (p. 70), должно быть исправлено на $\delta\acute{\iota}\alpha\ \tau\acute{o}\ \lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\acute{\iota}\nu$ или $\delta\acute{\iota}\alpha\ \tau\acute{o}\ \mu\grave{\eta}\ \pi\nu\epsilon\acute{\iota}\nu$.

¹³ Schneidewin, p. 84. — К. G i e s s e n. Plutarchs Quaestiones graecae und Aristoteles Politien. Philologus, 70 (N. F. 14), 1901, p. 459 sq. Там же см. о неубедительной попытке перестановки в тексте Гераклида; см. также: W e i l, op. cit., p. 223, n. 111.

¹⁴ Schneidewin, p. 24; реальный комментарий — p. 100 sq. Предание разбирается в работах: C i a c e r i, op. cit., I, p. 221. — B é r a r d, op. cit., p. 100. — D u n b a b i n, op. cit., p. 12 sq. — G. V a l l e t. Rhégion et Zancle. Histoire, commerce et civilisation des cités chalcediennes du détroit de Messine. Paris, 1958 (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome, 189), p. 67 sqq.

¹⁵ Элимний — местность и город того же названия на островке близ Эвбеи (P h i l i p p s o n, RE, Bd. V, 1905, s. v. Elymnion, col. 2468). Клеоны — городок на западном берегу Халкидского полуострова Акты, к северу от Афона (O b e r h u m m e r, RE, Hbbd. XXI, 1921, s. v. Kleonai 4, col. 729). Здесь нелишне напомнить, что фракийские халкидоны были не особым греческим или полугреческим племенем (вроде боттиеев), а поселившимися на Халкидике выходцами из эвбейской Халкиды, см.: D. W. B r a d e e n. The Chalcidians of Thrace. Amer. Journ. Philol., 73, 1952, p. 356 sqq.

¹⁶ Это поправка Kohler'a, см.: Rose, app. crit.

¹⁷ О роскоши в Акраганте см.: H o l m, op. cit., II, p. 88 sq.

¹⁸ Опыт восстановления утраченной начальной части Афинской Политии сделал М. Sironić (Jedan pokušaj rekonstrukcije sadržaja i redosljeda činjenica u izgubljeni početak Aristotelova spisa «Ustav Atenski». Živa Antika, 5, 1955, p. 274 sqq.). Интересные соображения о процессе постепенного падения власти афинских царей в предстании Аристотеля высказал J. J. Keaneу (The structure of Aristotle's Athenaiion Politeia. Harv. Stud. Class. Philol., 67, 1963, p. 139 sqq.).

¹⁹ Schneidewin (p. 99) полагает, привлекает Элиана (V.H.XIII, 24), что у Аристотеля речь шла не о воровстве, а о прелюбодеянии.

²⁰ Βάκχης (в рукописях βακχίος и Βακχίος) вполне естественно считался родоначальником рода Бакхиадов, которые получили свое название от имени родоначальника. Специальное разъяснение о том, почему именно он стал предком — эпонимом, могло потребоваться лишь тогда, когда список царей был дополнен именами его предшественников, см.: То е р ф ф е р, RE, Bd. II, 1896, s. v. Bakchis, col. 2792. — E d. W i l l. Korinthiaka. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres Médiqes. Thèse. Paris, 1955, p. 295,

²¹ Schneidevin, p. 64.

²² M ü l l e r - G r a u p a, RE, Hbbd. XXXVI, 1942, s. v. Oxylos 2, col. 2034 sqq. — Susemihl ad loc. (II, p. 305, n. 1419).

²³ Newman ad loc. (IV, p. 515).

²⁴ О Филолае и Диокле см.: Johanna Schmidt, RE, Hbhd. XXXVIII, 1938, s. v. Philolaos 3, col. 2510. — Kirchner, RE, Bd. V, 1905, s. v. Diokles 28, col. 794.

²⁵ О Фидоне Коринфском см.: Th. Lenschau, RE, Hbhd. XXXVIII, 1938, s. v. Pheidon 2, col. 1939; не считается, впрочем, невозможной идентификация этого Фидона с Фидоном Аргосским, отцом Леокеда, одного из женихов Агаристы (Геродот VI, 127), см.: idem., Pheidon 3, col. 1940. Репитительно возражает против возможности отождествления двух Фидонов Will (op. cit., p. 393).

²⁶ В одной новой работе, написанной на новогреческом языке (G. Welteг. Ἀριστείδης νομοθέτης τῆς Κέω. Ἀρχαιολογικὴ ἐφημερίς, 1953—1954, 3; ἐν Ἀθήναις, 1961, p. 157 sqq.) проводится мысль, что fr. 611₂₈ содержит свидетельство о древнем законодателе острова Кеоса — Аристиде.

²⁷ Об этом см., например: В. Шеффер. Афинское гражданство и народное собрание, I. М., 1891, стр. 190 слл.

²⁸ Schneidewin ad loc. (p. 63 sq.) показал ошибочность толкований текста, исходящих из ложной мысли, будто речь идет о какой-то βουλή ἐπ' ἐσχάτων. Последние два слова связаны не со словом βουλή, а со словом κατέστησεν, и могут только означать то, что Перикл напоследок (ἐσχάτως, postremo) учредил совет.

²⁹ Фрагмент отличается неясностью; он не дает никакой точки опоры для хронологии тирана Эксекеста, см.: H. G. Plass. Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen, I. Bremen, 1852, p. 213 sq. Plass допускает ошибку, считая возможным понимать Эксекеста как фокидского династа или военного предводителя позднего времени; ведь дело идет о тиране не фокидан (Φωκείς), а фокейцев (Φωκαῖτες).

³⁰ Трудно согласиться с передачей греческого слова ἡγερμών, употребленного здесь Гераклидом (вероятно, вслед за Аристотелем — ср.: Афинская Политика: 20,4 — о Клисфене; 22,1 — о полемархе; 22,4 — о Гиппархе, главе дружественной тиранам группировки после изгнания Гиппия; 26,1 — о предводителе антидемократически настроенных ἐπιεικείς), немецким Herrscher (Kirchner, RE, Bd. I, 1894, s. v. Antenor 3, col. 2353).

³¹ Schneidewin, app. crit., и Rose, app. crit., приводят разные чтения рукописей и конъектуры филологов. Отсутствие параллельных свидетельств не позволяет сделать выбор между чтениями; одинаково правдоподобными являются чтения, дающие смысл «прославилась» (ἐπικλεως, ἐπικληής ἐγένετο) и «стала [была] наследницей» (ἐπικληρος ἐγένετο).

³² Ср.: Аристотель, Политика V, 8, 6, 1311a, 13 sq. — καὶ τὸ ἐκ τοῦ ἄσπεως ἀπελαύνειν καὶ διοικίζειν ἀμφοτέρων (i. e. τῆς ὀλιγαρχίας καὶ τῆς τυραννίδος) κοινόν.

³³ Schneidewin ad loc. (p. 106) приводит объяснение Кораиса: τῆς Αἰτνῆς δηλονότι.

³⁴ Schneidewin, l. c. указывает, что до Бентли, который дал правильную интерпретацию этим словам, подлежащим здесь считали Фаларида.

³⁵ Тиранами считают их следующие авторы: Niese, RE, Bd. I, 1894, s. v. Alkamenes, col. 1507; s. v. Alkandros, col. 1509. — Dunbabin, op. cit., p. 323. Определение их как эсимнетов см.: Plass, op. cit., I, p. 306 sq. Властителями (Herrscher) называет их Holm (op. cit., I, p. 152). E. A. Freeman (The history of Sicily from the earliest times II, Oxford, 1891, p. 79) не считает имеющийся у нас материал достаточным, чтобы определить, «были ли Алкамен и Алкандр республиканскими должностными лицами (возможно, с чрезвычайными полномочиями), или они принадлежали к редкому, хотя все же известному типу тиранов, которые не были притеснителями».

³⁶ Вероятно, Старшего, см.: Susemihl ad loc. (II, p. 32, n. 106).

³⁷ В настоящее время существуют две хронологии Кипселидов: одна — традиционная, согласно которой Кипсел положил конец правлению Бахиадов в 657 г. до н. э. (H. Bengtson, Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die Römische Kaiserzeit. München, 1950, p. 103); другая,

выдвигаемая в порядке предположения и отодвигающая начало (а, следовательно, и конец) коринфской тирании на более позднее время — 620 г. (конец — 550 г.) до н. э. (Will, op. cit., p. 440).

³⁸ Текст fr. 498 в более новом издании (Scholia ad Euripidem coll., rec., ed. Ed. Schwartz, II, Berolini, 1891 — ad Rhos. 311, p. 334) отличается от текста Rose тем, что новый издатель вместо рукописного διελών δὲ τὴν πόλιν дает не τὰς πόλεις, а τὴν πολιτείαν, после чего перед словом Ἀλεῦας предлагает лакуну. Ed. Meyer (Theopomp's Hellenica. Berlin, 1909, p. 222, n. 1) предпочитает восстанавливать здесь τὸ ἔθνος или τὴν χώραν. — H. T. Wade-Gery (Jason of Pherae and Aleuas the Red. Journ. Hell. Stud., 44, 1924, p. 58) читает τὴν πολιτείαν на том основании, что здесь должно быть слово, обозначающее ту часть Фессалии, которая была населена не перизакми, а гражданами. Об Алеве Рыжем в науке нового времени высказывались разные мнения. Его считали мифическим лицом (Fr. Stählin. Das hellenische Thessalien. Stuttgart, 1924, p. 86). К нему относились и как к лицу, вполне историческому, проводшему свою реформу в конце VI в. до н. э. (M. Sordani. La lega Tessala fino ad Alessandro Magno. Roma, 1958, p. 65 sqq.). Некоторые авторы считают, что прообразом мифической реформы Алевы Рыжего была реальная реформа Ясона Ферского, проведенная в первой трети IV в., см., например: F. Hiller v. Gärtringen. Das Königtum bei den Thessalern im sechsten und fünften Jahrhundert. Aus der Anomia. Archäol. Beitr. Carl Robert zur Erinnerung an Berlin dargebracht, Berlin, 1890, p. 1 sqq. (Алевады, ненавидевшие Ясона, выдвигая своего реформатора — Алеву Рыжего, хотели этим сказать, что Ясон только возобновил идею, проведенную в жизнь их предком). — Wade-Gery, op. cit., p. 55 sqq. (сам Ясон мог считать Алеву, родоначальника своих врагов, своим предшественником). — H. D. Westlake. Thessaly in the fourth century B. C. London, 1935, p. 25 sqq., 104 sqq. (первым организатором военного дела в Фессалии признается Алева Рыжий, система которого была воскрешена и модернизирована Ясоном). — Busolt-Swoboda, op. cit., I, p. 562 sq.; II, p. 1483 (эти авторы называют фессалийскую военную организацию старинной, приписываемой Алеве).

³⁹ В основе имеющихся у нас известий о Мандробуле лежит храмовая легенда и старинная поговорка — ἐπὶ τὰ Μανδροβούλου χωρεῖ τὸ πᾶγμα, значение которой не понимали уже древние, строившие вокруг нее свои догадки (W. Kroll, RE, Hbhd. XXVII, 1928, s. v. Mandroboulos, col. 1039 sq.).

⁴⁰ Битва произошла у дуба или у дубовой рощи, которая также могла быть названа в единственном числе — («дуб»); война велась из-за прибрежной полосы земли (Bürchner, RE, Bd. V, 1905, s. v. Drys, col. 1750).

⁴¹ В новое время с первой возможностью не считаются; действительно, по свидетельству Дионисия Галикарнасского (Dein. 13) Феоген проживал в Афинах при архонте Аристодеме в 352 г. (Fichn, RE, 2 Reihe, Bd. V, 1934, s. v. Theogenes 5, col. 1970).

⁴² В тексте Гераклида вместо δι' ὑπερβολὴν ἀτυχημάτων H. Diels (Atacta. Hermes, 23, 1888, p. 285 sq.) предлагает читать δι' ὑπερβολὴν ἀχρημάτων — «из-за падменности».

⁴³ Здесь можно видеть намек на восстановление олигархического строя либо в 447 г. (Фукидид I, 113 sq.), либо в 424 г. (Фукидид IV, 74), см.: Susmihl ad loc. (II, p. 297, n. 1365), Newmann ad loc. (IV, p. 264 sq.). Ко второй дате приурочивает сообщение Аристотеля Ernst Meyer (RE, Hbhd. XXXIX, 1931, s. v. Megara 2, col. 191).

⁴⁴ J. Weiss (RE, Hbhd. XXII, 1922, s. v. Куме 2, col. 2475 sq.), излагая содержание нашего фрагмента, понимает реформу Фидона именно как установление олигархии, а реформу Прометея как введение более строгой олигархической формы с ограничением количества членов правившего слоя. Наоборот, J. Zwicker (RE, Hbhd. XLV, 1957, s. v. Prometheus 4, col. 1287) приписывает Прометею реформу, направленную к увеличению количества полноправных граждан. В свое время Schneidewin ad loc. (p. 78 sqq.) настаивал на том, что реформы Фидона и Прометея должны были иметь место

до вмешательства Кира в дела Кимы и что, следовательно, в эксперитах Гераклида произошла перестановка сообщений Аристотеля. Такое доу-
щение, по его мнению, избавляет нас от необходимости думать, будто экс-
cerpty из Кимской Политики кончаются сообщением о Кире, а дальше на-
чинаются excerpty из какой-то другой Политики. Предположение Schnei-
dewin'a основано, однако, на недоказуемом положении, что после тирании
невозможно было установление олигархического или близкого к олигархии
строя. Ведь сам Аристотель, полемизируя с Платоном, прямо говорит о воз-
можности смены тиранического правления не только тираническим же, но и
олигархическим, и демократическим, и аристократическим, сопровождая
при этом свои утверждения историческими примерами (Политика V, 10, 3,
1316a, 29 sqq.).

⁴⁵ Сопоставление мест см.: Schneidewin, p. 82.

⁴⁶ Рукописное διοικῶσιν неприемлемо; как показывают формы других
глаголов в контексте (κατεστήσαντο, ἐχρῶντο), оно должно быть заменено
формой διέχου.

⁴⁷ С. А. Жебелев. О тирании Тридцати в Афинах. Вестн. Др. ист.,
1940, № 1, стр. 33: «Название тирания Тридцати ведет свое происхождение
из жигейского обихода и является олицетворением образа действий Трид-
цати».

⁴⁸ Смысл места передан нами в соответствии с разъяснениями Newman'a
ad loc. (IV, p. 288).

⁴⁹ Susemihl ad loc. (II, p. 318, n. 1499—1501); Newman ad loc. (IV,
p. 287 sqq.).

⁵⁰ Значение этого сообщения остается неясным (Th. Lenschau,
RE, Hbhd. XXI, 1921, s. v. Kleomenes 2, col. 696).

⁵¹ Заключительные слова — πολιτείαν καὶ δημοκρατίαν κατεσκεύασεν — Suse-
mihl и Жебелев понимают как указание, что сначала была введена полития,
а затем демократия. Jowett видит здесь hendiadys и переводит: a consti-
tutional and democratical government (ввиду противопоставления в Пол-
тике полития и демократия такое толкование текста неубедительно). New-
man полагает, что Аристотель, поправляя самого себя, вводит уточнение —
«политию или, скорее (or rather), демократию».

⁵² Возможно, впрочем, что речь идет не о совместном основании
города ахейцами и трезенцами, а о совместном проживании их там
(Bégar, op. cit., p. 141, n. 5), ведь глагол συνοικεῖν имеет иной смысл,
чем глагол συνοικίζεσθαι. Все же Susemihl, давая в тексте συσφάκσαν, переводит
gründeten (вероятно, ориентируясь на отмеченное в критическом аппарате
чтение συσφίσαν). Newman читает συσφάκσαν.

⁵³ Надпись Dittenberger, Sylloge ³, № 136, содержащая афинский декрет
в честь клазоменцев 387/6 г., доставляет нам любопытное (почти современ-
ное Аристотелю) свидетельство о раздорах между клазоменцами (т. е. оби-
тателями собственно Клазомен, находившихся на острове) и обитателями
Хита; афиняне предоставляют клазоменскому народу распоряжаться судь-
бой заложников, выданных обитателями Хита, и обязуются не возвращать
изгнанников без согласия клазоменского народа и не лишать жизни (или из-
гонять) никого из оставшихся (v. 8 sqq.).

⁵⁴ Слова ἐν ταῖς ἀρχαῖς ὄντων понимаются обычно в смысле «находив-
шиеся у власти», «занимавшие высшие должности» [Bharthélemy Saint-Hi-
laire, Susemihl, Newman; последний в своих комментариях (IV, p. 32) даже
защищает такое толкование, ссылаясь не только на словоупотребление Ари-
стотеля, но и на то, что один из юношей был женат; таков же по смыслу и
перевод Жебелева]. Однако более убедительной представляется интерпре-
тация, которую предложил U. Köhler (Über eine Stelle in der Politik des Ari-
stoteles. Rheinisch. Mus. Philol., N. F. 53, 1898, p. 490), — «принадлежа-
щие к правившему слою».

⁵⁵ Susemihl ad loc. (II, p. 332, n. 1543), Newman ad loc. (IV, p. 319 sqq.).
Речь идет о событиях, вызвавших падение правления геоморов (Köhler,
l. c.). Не обязательно думать при этом об установлении демократии (D u n-

В а в и н, *op. cit.*, p. 57 — событие относится приблизительно к 640 г.). О времени господства геоморов думает Weil (*op. cit.*, p. 300).

⁵⁶ Имеются в виду события, происходившие при жизни Аристотеля, см.: Newman *ad loc.* (IV, p. 326).

⁵⁷ По-видимому, в Гераклею Понтийской, см.: Newman *ad loc.* (IV, p. 337).

⁵⁸ Newman *ad loc.* (IV, p. 342) объясняет глагол ἐπιτρέμειν (со ссылкой на Stallbaum *ad Plat. Legg.* 843D) — *in alieno agro pascere*.

⁵⁹ Fr. Stählin (*Das hellenische Thessalien. Stuttgart, 1924*, p. 94) объясняет это сообщение Аристотеля и в связи с ним одно сообщение Фукидида (II, 22, 3) как указание на борьбу между двумя аристократическими группировками, из которых одна заигрывала с народом.

⁶⁰ Суть дела неясна, см.: Susemihl *ad loc.* (II, p. 337, n. 1578), Newman *ad loc.* (IV, p. 356). Последний считает возможным относить сообщение Аристотеля к 367 г., когда Харет с афинскими наемниками стоял в Коринфе; в это время Афины, находившиеся на стороне Спарты, действовали против Фив, а Эгина, постоянный противник Афин, могла занимать позицию, благоприятную для Фив.

⁶¹ Факт имел место на памяти Аристотеля, см. материал у Newman'a *ad loc.* (IV, p. 360 sq.).

⁶² Против предположения о том, что убийца послал имя Эвнух, см.: Susemihl *ad loc.* (II, p. 356, n. 1674). О некоторых подробностях самого события см.: Newman *ad loc.* (IV, p. 428 sq.).

⁶³ Immisch принял чтение *περίοντας*, но лучший смысл дает чтение *περιόντας* (Susemihl, Newman).

⁶⁴ Выражение *οἱ δὲ συστάντες αὐτῶν* вызвало к себе интерес комментаторов. Были попытки как-то дополнить его, чтобы сделать его более понятным. Из этих дополнений наиболее удачным является *μετ' αὐτῶν* (Susemihl). Последнее объяснение, на котором остановилась филологическая экзегеза, — *οἱ συστάντες* следует понимать как существительное («сторонники», «сообщники»), от которого, вполне естественно, может зависеть родительный падеж *αὐτῶν*. Об этом всем см.: Susemihl, *app. crit.*, Newman *ad loc.* (IV, p. 441).

⁶⁵ Между этим местом (V, 8, 19, 1312b, 11 sqq.) и другим местом в той же книге Политики (V, 9, 23, 1315b, 36 sqq.) иногда усматривают противоречие. В нашем месте Фрасибул представлен как стремившийся стать тираном, тогда как во втором месте (и у Диодора — XI, 67—68) он оказывается тираном. Отсюда делается вывод о несовместимости двух показаний и о более позднем, неаристотелевском происхождении второго показания, см.: Susemihl *ad loc.* (II, p. 362, sq., n. 1700), Newman *ad loc.* (IV, p. 440 sq.). Однако такому пониманию текстов можно противопоставить другое. Действительно, во втором из указанных мест сиракузские тираны перечисляются в таком порядке: Гелон, Гиерон, Фрасибул — *Φρασίβουλος τῷ ἐνδεκάτῳ μὴν ἐξέπεσεν*. Это суммарное показание не находится в противоречии с тем, которое дано Аристотелем выше: Фрасибул делал все возможное, чтобы отвратить племянника от дел правления и сохранить за собой власть — *ἵνα αὐτὸς ἀρχῇ*. Власть фактически находилась в его руках, и он принимал все меры к тому, чтобы такое положение продолжалось и дальше. Молодой (подраставший) тиран, занятый развлечениями, не представлял опасности для фактического правителя государства. Титула «тиран» не существовало, все члены властвовавшей фамилии были так или иначе причастны к верховной власти. «Близкие» составили заговор с целью свергнуть правителя Фрасибула и передать власть (или руководящее положение) кому-нибудь другому. Рядовые участники заговора воспользовались удобным случаем и повернули дело против тирании вообще. Изгнание Фрасибула превратилось в упразднение тирании, так что он стал рассматриваться как последний тиран, а имя опекавшегося им молодого родственника было забыто (H o l m, *op. cit.*, I, p. 249 sq.).

¹ См.: С. А. Жебелев. Греческая политическая литература и Политика Аристотеля, стр. 405 (приложение к переводу Политики).

² Эту черту Афинской Политии Аристотеля отметили: G. Kaibel. Stil und Text der 'Αθηναίων Πολιτεία des Aristoteles. Berlin, 1893, p. 2 sq. — Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen, I, p. 310. — Th. Birt. Alexander der Grosse und das Weltgriechentum. 2. Aufl. Leipzig, 1925, p. 288. Последний вспоминает по этому поводу юношеские сочинения Аристотеля (диалоги), в которых неприятным образом (unliebsam) личность автора выдвигается на первый план; впрочем, и манеру Аристотеля в его ученых трактатах избегать местоимения первого лица единственного числа Birt характеризует как холодную и безрадостную.

³ A. v. Gutschmid. Aus Vorlesungen über die Geschichte der griechischen Historiographie. Kleine Schriften, hrsg. v. Rühl IV. Leipzig, 1893, p. 326 sqq. — Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen, I, p. 174 sqq. — F. Dümmler. Die 'Αθηναίων Πολιτεία des Kritias. Hermes, 27, 1892, p. 260 sqq. — М. М. Покровский. Этюды по Афинской Политии Аристотеля. М., 1893, стр. 1 сл. — Бузескул, ук. соч., стр. 250 слл.

⁴ Противоположную точку зрения о том, что Аристотель сокращал чье-то описание государственного строя Афин, отстаивает Wilamowitz-Moellendorff (Aristoteles und Athen, I, p. 210 sq., 213 sq., 216, 222, 225 sq., 232 sqq., 242 sq., 253 sqq., 256 sqq.).

⁵ Основательное опровержение мнения, будто 4-я глава Афинской Политии представляет собой чью-то позднейшую вставку, а не написана самим Аристотелем, см.: K. v. Fritz. The composition of Aristotle's Constitution of Athens and the so called Dracontian constitution. Class. Quart., 49, 1945, p. 75 sqq.

⁶ Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen, I, p. 308 sq.

⁷ B. Ursy. De Aristotelis Πολιτείας 'Αθηναίων partis alterius fonte et auctoritate. Jurjewi (Dorpati), 1897, p. 1 sqq.

⁸ Интересные сопоставления стиля Афинской Политии Аристотеля со стилем теоретических трактатов Аристотеля и особенно сочинений по описательному естествознанию (История животных) сделал М. М. Покровский (К вопросу об авторстве повооткрытого трактата 'Αθηναίων Πολιτεία. Журн. Мин. нар. просв., 1892, декабрь, отдел класс. филологии, стр. 49 слл.).

⁹ Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen, I, p. 27 sqq., 123 sqq., 260 sqq. — Kaibel, op. cit., p. 22 sqq. — Бузескул, ук. соч., стр. 238 слл. — G. Mathieu. Aristote, Constitution d'Athènes. Paris, 1915, p. 114 sq.

¹⁰ Fr. Blass. Die attische Beredsamkeit, I. 2. Aufl. Leipzig, 1887, p. 399.

¹¹ Об этом см.: Blass, op. cit., I, p. 405.

¹² На этот вопрос отвечает отрицательно Kaibel (op. cit., p. 29, n. 1). При изучении стиля Афинской Политии не следует забывать об отсутствии в ней стиливого единства, см.: Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen, I, p. 205.

¹³ См. литературу, указанную в примечании 9.

¹⁴ А. Доватур. К вопросу о влиянии стихотворений Солона на греческое историческое предание. Сборник статей в честь Сергея Александровича Жебелева, Л., 1926, стр. 347 слл.

¹⁵ См., например: Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen, I, p. 29 sqq. — Покровский, ук. соч., стр. 30 слл. — Бузескул, ук. соч., стр. 199 слл.

¹⁶ См.: Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота, стр. 74 сл.

¹⁷ Едва ли может кого-нибудь удовлетворить объяснение, будто Аристотель не включает в свое повествование то, что, по его мнению, лучше изложено или вернее указано другими, как об этом говорит V. Nordström (Quaestiones Aristoteleae, II. Helsingforsiae, 1892, p. 27 sq.).

¹⁸ По вопросу об отношении Афинской Политии Аристотеля к труду Фукидида см., например: W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f. Aristoteles und Athen, I, p. 99 sqq. — Б у з е с к у л, ук. соч., стр. 211 слл. — А. Н. Ш в а р ц. Аристотель и Фукидид. Журн. Мин. нар. проsv., 1913, январь, стр. 57 слл. — M a t h i e u, op. cit., p. 74 sqq. — U. H a c k l. Die öligarchische Bewegung in Athen am Ausgong des 5. Jahrhunderts v. Chr. Diss. München, 1960, p. 13 sqq.

¹⁹ По вопросу об отношении Афинской Политии Аристотеля к «Греческой истории» Ксенофонта см., например: W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f. Aristoteles und Athen, I, p. 166. — Б у з е с к у л, ук. соч., стр. 221 слл. — Г. И. К а ц а р о в. Об отношении Афинской Политии Аристотеля к Ксенофонту. Журн. Мин. нар. проsv., 1904, июнь, отдел класс. филологии, стр. 270 слл. — H a c k l., op. cit., p. 100 sqq.

²⁰ См. об этом, кроме сочинений, указанных в предыдущем примечании: Kenyon ad loc., Sandys ad loc.

²¹ Эти слова вместе со всем контекстом Susemihl считал интерполяцией. Immisch не последовал за ним и снял квадратные скобки. Помимо общих соображений, высказываемых в современной науке по поводу ататирования больших отрезков в Политике (см. отдел I, главу 4 настоящей работы), специально об этом месте см.: H. D i e l s. Zwei Funde. Arch. Gesch. Philosoph., 4, 1891, p. 483 sq. Diels сделал тонкое наблюдение: соответствующее сообщение в Афинской Политике (16, 8) не сопровождается ссылкой на чужой рассказ (φασί), тогда как в Политике такая ссылка имеется, что характерно для теоретических трактатов Аристотеля, в которых он занимает очень осторожную позицию по отношению к преданиям анекдотического характера; такая ссылка не в духе позднейшей перипатетической историографии, так что требуется еще подумать, прежде чем согласиться с ататезой этого места.

²² Высказано сомнение в том, что Афиней передает подлинные слова Аристотеля (M. C l e r c. Massalia. Histoire de Marseille dans l'antiquité, I. Marseille, 1927, p. 115). На иной точке зрения стоит говорящий об архаическом построении фраз и архаическом выборе слов у Аристотеля в своей рецензии на книгу Кайбеля (о стиле и тексте Афинской Политии) H. Diels (Göttingische gelehrte Anzeigen. 1894, p. 294).

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АРИСТОТЕЛЯ¹
(INDEX LOCORUM)

Политика (Politica)

Места Политики по изданию Беккера	Страницы данной книги	Места Политики по изданию Беккера	Страницы данной книги
I, 1252a	7, 8	II, 1269b	12, 90, 135, 143, 226, 227, 231, 232, 236, 238, 241, 242, 275, 276, 372
I, 1252b	8, 9, 17, 23, 76	II, 1270a	32, 224, 226—228, 231, 236, 242, 371, 372
I, 1255a	19, 23, 24	II, 1270b	52, 227, 229, 230, 233, 237, 242, 243, 345, 370—372
I, 1259a	136, 272, 375	II, 1271a	21, 110, 227—230, 232, 237—239, 243, 244, 369, 372
I, 1259b	12, 19	II, 1271b	21, 32, 135, 226, 232, 237, 239, 244, 293, 372
I, 1260a	19, 20	II, 1272a	183, 184, 227, 229, 232, 237, 293, 294, 345
I, 1260b	71, 86	II, 1272b	12, 32, 89, 137, 183, 184, 227, 228, 249, 294, 345
II, 1260b	17, 100, 104, 242	II, 1273a	21, 32, 184, 185, 193, 194, 227, 230, 363
II, 1261a	10, 24, 332	II, 1273b	32, 124, 125, 127, 185, 189, 201, 202, 206, 240, 246, 249, 335, 363
II, 1262a	12, 25		
II, 1263a	9, 25, 26, 135, 176, 233, 249, 332, 369, 372		
II, 1263b	25, 26, 237, 238		
II, 1264a	26, 135, 232		
II, 1264b	26, 27, 334		
II, 1265a	27, 70, 334, 342		
II, 1265b	28, 44, 69, 75, 100, 101, 135, 190, 246, 249, 267, 375		
II, 1266a	28, 296, 334		
II, 1266b	29, 132, 136, 174, 267, 276, 283, 358, 362		
II, 1267a	29, 137, 276		
II, 1267b	29, 30, 75, 296, 335		
II, 1268a	30, 31, 75, 131, 335		
II, 1268b	31, 266, 335		
II, 1269a	13, 31, 101, 135, 175, 235, 241, 276, 335, 362, 369		

¹ Указатель составил Ю. К. Поплинский.

Места Политики по изданию Беккера	Страницы данной книги	Места Политики по изданию Беккера	Страницы данной книги
II, 1274a	33, 73, 125—127, 129, 136, 137, 139, 201, 233, 234, 266, 267, 355, 375	IV, 1290b	12, 103—107, 109, 111, 135, 137, 276
II, 1274b	13, 127, 133, 137—139, 144, 267, 268, 271	IV, 1291a	75, 104—106, 109, 111
III, 1274b	12, 14, 100	IV, 1291b	34, 38, 73, 104, 105, 107—110, 132, 134, 136—138, 182, 201, 283, 353, 355, 366
III, 1275a	14	IV, 1292a	283
III, 1275b	13, 14, 33, 53, 129, 137, 181, 229, 230, 354, 355, 363	IV, 1292b	111, 240
III, 1276a	9, 88, 344, 345	IV, 1293a	53, 111
III, 1276b	19, 103	IV, 1293b	12, 21, 34, 35, 65—68, 103, 112, 137, 249, 279, 282, 341
III, 1277b	19, 20, 33	IV, 1294a	21, 34, 38, 65, 282, 341
III, 1278a	20, 33, 65, 90, 101, 111, 136, 267, 345	IV, 1294b	34, 135, 230—232, 246
III, 1278b	13, 34, 352	IV, 1295a	35, 42—44, 271, 283
III, 1279a	34, 65, 81, 105, 111	IV, 1295b	21, 42, 45, 198
III, 1279b	34, 75, 190	IV, 1296a	16, 42, 45—53, 56—58, 94, 112, 113, 124, 135, 137, 169, 226, 267, 295, 336—339
III, 1280a	20	IV, 1296b	42, 44, 178
III, 1280b	20	IV, 1297a	137, 177, 267, 362
III, 1281a	20	IV, 1297b	42, 43, 75, 136, 267, 268
III, 1281b	126, 167	IV, 1298a	35, 137, 277, 340
III, 1282b	7	IV, 1299a	146, 169
III, 1283a	21, 38, 192	IV, 1299b	180,
III, 1283b	101, 192	IV, 1300a	111 136, 179, 180, 277 376
III, 1284a	9, 12, 16, 81, 85, 90, 103, 132, 135, 137, 192, 271, 316	IV, 1300b	130, 179
III, 1284b	34, 65, 101, 230, 276	V, 1301a	103
III, 1285a	53, 82, 87, 135, 138, 230, 271, 317	V, 1301b	21, 113, 135, 137, 207, 227, 247, 284, 370, 373, 377
III, 1285b	9, 69, 82, 83, 230, 344	V, 1302b	90, 130, 135, 136, 276, 284
III, 1286a	82, 83, 101, 230	V, 1303a	130, 134—137, 285, 318, 358, 377
III, 1286b	22, 34, 38, 39, 69, 81, 84, 86, 136, 271, 334	V, 1303b	21, 130, 135—137, 142, 285, 286, 317, 318, 346, 358, 370, 377, 378
III, 1287a	69, 83—85, 87, 136, 137, 175, 344, 362	V, 1304a	73, 129, 134—138, 191, 198, 205, 206, 286, 287, 318, 319, 378
III, 1287b	69, 177	V, 1304b	130, 135—137, 287, 318, 358, 378
III, 1288a	19, 66, 69, 85, 334	V, 1305a	128, 136, 137, 288, 323, 378
III, 1288b	44, 66, 99, 101, 335, 352		
IV, 1288b	39—41, 64, 65, 71, 99, 101, 102, 105, 353		
IV, 1289a	21, 66, 69, 81, 103, 105, 335		
IV, 1289b	38, 42, 75, 103—105, 108, 109, 111, 135, 136, 276, 281, 283, 352, 353		
IV, 1290a	103—106, 111, 112		

Места Политики по изданию Беккера	Страницы данной книги	Места Политики по изданию Беккера	Страницы данной книги
V, 1305b	13, 35, 75, 132, 134, 136, 137, 288, 289, 292, 355, 358, 378	VI, 1319b	129, 135, 177
V, 1306a	13, 90, 135—138, 281, 283, 289, 290, 292, 322, 345, 358, 376, 378	VI, 1320b	12, 35, 136, 137, 175, 362
V, 1306b	113, 135—138, 227, 245, 247, 248, 252, 281— 283, 290, 292, 373	VI, 1321a	73, 90, 110, 136, 175, 201, 267, 354, 362
V, 1307a	13, 113, 135—137, 175, 192, 227, 231, 246, 249, 252, 282, 290	VI, 1321b	136, 146
V, 1307b	48, 51, 132, 137, 233, 318	VI, 1322a	16, 131, 146, 355
V, 1309b	21	VI, 1322b	146
V, 1310a	339	VI, 1323a	64, 111
V, 1310b	11, 81, 128, 132, 134— 137, 139, 144, 227, 245, 291, 292, 358	VII, 1323a	17, 59, 64
V, 1311a	128, 134, 135, 137, 271, 272, 291, 316—318, 320, 375	VII, 1323b	17, 60
V, 1311b	11, 51, 88, 135, 138, 139, 291, 292, 318, 378,	VII, 1324a	18, 64
V, 1312a	136, 292, 318	VII, 1324b	9, 11, 12, 21, 90, 135, 250, 332
V, 1312b	81, 128, 135, 136, 233, 247, 292, 378	VII, 1325a	60, 64
V, 1313a	11, 81, 112, 135, 144, 203, 225, 227, 237, 246, 272, 358, 370	VII, 1325b	18, 60, 64, 66, 71, 74, 102, 103, 341, 352
V, 1313b	90, 136, 272, 292	VII, 1326a	64, 169, 170
V, 1314a	35, 203	VII, 1326b	9, 16, 332
V, 1314b	204, 292	VII, 1327a	64, 71, 73
V, 1315a	113	VII, 1327b	10, 13, 77, 94, 137, 181, 332, 347, 363
V, 1315b	112, 128, 133, 135, 136, 204, 273, 320, 378, 380	VII, 1328a	17, 92
V, 1316a	13, 35, 135—137, 226, 245, 281, 292, 372, 377	VII, 1328b	18, 61, 64, 74, 110, 111
V, 1316b	12, 137, 227	VII, 1329a	61, 76, 266
VI, 1316b	34, 103, 104	VII, 1329b	11, 75, 135
VI, 1317a	35, 110, 201, 282	VII, 1330a	62, 71, 75, 76
VI, 1317b	212	VII, 1330b	70, 341, 342
VI, 1318a	113, 114, 208, 353	VII, 1331a	13, 135, 176, 341
VI, 1318b	110, 114, 138, 180, 200, 201, 272, 273, 353	VII, 1331b	18, 62, 64, 92, 341
VI, 1319a	135, 175, 181, 266, 374	VII, 1332a	18, 62, 64, 71, 334
		VII, 1332b	11, 62
		VII, 1333b	64, 111, 135, 227, 247, 250, 370
		VII, 1334a	18, 64, 135
		VII, 1334b	62
		VII, 1335a	136
		VII, 1336a	9, 12, 62
		VII, 1337a	63, 135
		VIII, 1337a	18, 63, 231, 369
		VIII, 1337b	63, 135, 341
		VIII, 1338b	9, 12, 63, 135, 231
		VIII, 1339a	12, 63, 90, 233
		VIII, 1339b	135
		VIII, 1340b	18, 64
		VIII, 1341a	132, 135, 233
		VIII, 1341b	64

**Политии (Respublicae)
Афинская Полития (Atheniensium)**

Главы и параграфы по изданию Сэндиса	Страницы данной книги	Главы и параграфы по изданию Сэндиса	Страницы данной книги
1	168	8, 5	153, 299
2, 1	160, 307, 308, 379	9,1	125, 246, 266
2, 2	125, 161, 194, 197, 266, 301, 307—309, 379	9,2	125, 224, 246, 335
2, 3	307—309, 379	11, 1	124, 201, 370
3, 1	299	11, 2	124, 167, 201, 202, 295, 302, 339
3, 2	196, 299	12, 1	302
3, 3	193, 195, 196, 223, 224, 299, 370	12, 2	302
3, 4	196, 299	12, 3	302
3, 5	161, 168, 194, 195, 299	12, 4	302, 308
3, 6	193, 195, 198, 299, 365	12, 5	302
4, 1	340, 355, 379	13, 1	301
4, 2	355, 379	13, 3	198
4, 3	355, 379	13, 4	128, 202, 268, 288
4, 4	193, 198, 355, 364, 379	13, 5	161, 268
4, 5	198, 355, 379	14, 1	128, 133, 143, 167, 202, 268, 302, 310, 355
5, 1	198, 301	14, 2	200, 268, 302
5, 3	124, 167, 198, 199, 302	14, 3	133, 167, 203, 268, 301, 355, 364
6, 1	121, 125, 161, 198, 199, 266	14, 4	133, 168, 268, 311, 322, 355
6, 2	161, 223, 260	15, 1	133, 268, 311, 355
6, 3	124, 167, 199, 223, 302	15, 2	133, 268, 355
6, 4	167, 198, 223, 224, 302	15, 3	168, 268, 312
7, 1	127, 195, 217, 259	15, 4	168, 268
7, 2	299	15, 5	268
7, 3	126, 260, 299, 340	16, 1	167
7, 4	126, 195, 199, 223, 224, 260, 299	16, 2	201, 203, 260, 268, 301
8, 1	126, 195, 196, 217, 268, 299	16,3	201, 271
8, 2	299	16, 4	201, 203, 268, 271
8, 3	268, 299	16, 5	201, 203, 268, 271
8, 4	168, 193, 268, 299	16, 6	161, 201, 260, 268
		16, 7	160, 203, 268, 301

Главы и параграфы по изданию Сэндиса	Страницы данной книги	Главы и параграфы по изданию Сэндиса	Страницы данной книги
16, 8	128, 167, 203, 268, 273, 301, 320, 380	25, 2	125, 193, 364, 365
16, 9	203, 268	25, 4	125
16, 10	268	26, 1	129, 130, 167, 207, 234, 301, 302, 318, 319, 365, 375
17, 1	121, 133, 269, 273, 355		
17, 2	194, 269	26, 2	196, 207, 301
17, 3	121, 204, 269, 302	26, 3	301
17, 4	204, 269, 302, 322	26, 4	301
18, 1	121, 163, 167, 204, 269, 302, 320	27, 1	129, 207, 285, 286, 301, 337
18, 2	121, 128, 167, 168, 204, 269, 302, 320, 324, 354	27, 2	285, 286, 337
18, 3	121, 128, 168, 204, 269, 320, 324, 354	27, 3	122, 125, 167, 178, 285, 286, 302, 337
18, 4	168, 204, 269, 320, 324	27, 4	130, 178, 285, 286, 302, 337
18, 5	204, 224, 269, 320, 324	27, 5	234, 285, 286, 337
18, 6	204, 269, 320, 324	28, 1	129, 167, 207, 234, 285, 286, 301, 337
19, 1	122, 128, 204, 269, 301	28, 2	128, 167, 194, 285, 286
19, 2	204, 269	28, 3	119, 122, 125, 167, 207, 285, 286, 302
19, 3	204, 269	28, 4	119, 129, 167, 207, 285, 286
19, 4	168, 204, 269	28, 5	49, 119, 133, 167, 192, 209, 285, 286, 302
19, 5	204, 269	29, 1	51, 130, 207, 208, 312
19, 6	204, 269, 273	29, 2	312
20, 1	167, 302, 340	29, 3	125, 189, 194, 200, 208, 312, 365
20, 4	375	29, 4	312
21, 1	129, 204, 228, 299	29, 5	191, 208, 299, 312
21, 2	129, 161, 204, 268, 299	30, 1	178, 208, 299, 312
21, 3	299	30, 2	178, 179, 208, 299, 312
21, 4	129, 204, 217, 299	30, 3	178, 179, 208, 299, 312
21, 5	161, 299	30, 4	178, 208, 299, 312
21, 6	268, 299	30, 5	178, 208, 299, 312
22, 1	122, 130, 167, 194, 200, 301, 375	30, 6	178, 208, 299, 312
22, 2	194, 217, 301	31, 1	208, 299, 312
22, 3	122, 130, 204, 301	31, 2	208, 299, 312
22, 4	122, 130, 301, 302, 375	31, 3	208, 299, 312
22, 5	130, 196, 301	32, 1	312, 313
22, 6	122, 130, 301	32, 2	133, 167, 208, 302, 312, 313
22, 7	260, 301	32, 3	312, 313
22, 8	130, 301	33, 1	178, 189, 190, 260, 312, 313, 339
23, 1	122, 129, 193, 198, 204, 287, 319, 365	33, 2	133, 190, 208, 301, 312, 313
23, 2	193, 198, 205, 301	34, 2	209
23, 3	167, 302	34, 3	125, 133, 200, 209, 337
23, 5	48		
24, 1	129, 102, 205, 307		
24, 2	129, 132, 205, 307		
24, 3	129, 131, 205, 307		
25, 1	125, 167, 193, 207, 210, 302, 365		

Главы и параграфы по изданию Сэндиса	Страницы данной книги	Главы и параграфы по изданию Сэндиса	Страницы данной книги
35, 1	167, 209, 314, 315	51, 1	228
35, 2	125, 167, 194, 209, 301, 314, 315	51, 2	228
35, 3	167, 314, 315	52, 1	123, 131, 228
35, 4	119, 122, 167, 209, 314, 316	52, 2	228, 339
36, 1	209, 314	53, 1	173, 228
36, 2	192, 210, 234, 314, 316, 364	54, 1	228
37, 1	122, 133, 208, 314	54, 3	174, 228
37, 2	210, 314	54, 5	228
38, 1	122, 316	54, 6	118
38, 2	210, 316	54, 7	218
38, 3	122, 130, 210, 316	54, 8	228
38, 4	122, 130, 167, 210, 316	55, 1	123, 196
39, 1	299	55, 5	123, 217
39, 2	299	56, 3	218
39, 3	299	56, 4	218
39, 4	299	56, 5	218
39, 5	299	56, 7	177
39, 6	299, 339	57, 1	118, 123, 218
40, 2	122, 210, 211, 228	57, 2	177
40, 3	211, 298, 301	57, 3	179
41, 1	211, 245, 336	58, 1	118, 218
41, 2	129, 190, 194, 199, 200, 201, 207—211, 245, 252, 268, 278, 283, 301, 336, 365, 366, 377	58, 2	177
41, 3	125, 178, 207, 211, 245	58, 3	177
42, 1	231	59, 1	325
42, 2	182, 231, 300	59, 2	177
42, 3	182, 231, 300	59, 3	177
42, 4	182, 231, 300	59, 4	177
42, 5	182, 231, 300	59, 5	177
43, 2	229	59, 6	177
47, 1	194	60, 1	218, 228
50, 1	228	60, 2	218, 260, 261
50, 2	118, 123	60, 3	218
		61, 1	174, 228
		61, 3	228
		61, 4	228
		61, 5	228
		61, 6	228
		61, 7	228
		62, 2	178

Фрагменты Политий
(издание Розе 3)
(*Rerumpublicarum fragmenta, ed. Rose 3*)

№№ фрагментов	Страницы данной книги	№№ фрагментов	Страницы данной книги
381	120, 253, 263, 265, 278	493	135, 254
(=Sandys1)		494	135, 159, 187
383	140, 174	495	135, 254, 373
384	120, 204, 265, 278	496	135, 156, 161, 168
(=Sandys 2)		497	13, 135, 144, 187, 274
385	187, 265, 268, 278	498	13, 135, 187, 274, 324
(=Sandys 3)		499	13, 135, 187
386	120, 140	500	135, 141, 358
(Sandys 4)	120	501	139
472	134, 187	502	136, 161
473	13, 134, 187, 253	503	137, 159
474	13, 134, 187, 253	504	135, 168, 187, 254
475	140	505	135, 157, 161, 168, 264
476	134, 187	506	135, 159, 197, 263
477	134, 187, 254	507	135, 159, 263
478	136, 254	508	135, 168, 187, 254
479	139	509	135, 187
480	135, 187	510	135, 187
481	159	511	135
482	254	512	135, 187, 254
483	13, 135, 144, 187, 273	513	135, 161, 187, 274
484	135, 136, 358, 359	514	135, 187, 255, 359
485	13, 135, 157, 159, 168, 187, 254, 361	515	135, 165, 187, 362
486	135, 187, 269	516	135, 269
487	135, 142, 161, 163, 168, 187	517	135, 269
488	135, 254, 373	518	135
489	135, 166, 168, 187	519	139
490	135, 168, 187, 254	520	140, 355, 358
491	136, 254	521	135, 255
492	135, 173, 174, 187	522	135, 187, 255, 260
		523	135, 161, 263
		524	135, 187, 269

№№ фрагментов	Страницы данной книги	№№ фрагментов	Страницы данной книги
525	135	565	136, 159, 164, 168, 187, 362
526	135, 174, 187	566	136, 187
527	135, 274	567	136, 173, 174, 187, 362
528	135, 159, 161, 187, 255, 261, 321	568	136, 159, 261, 270
529	135	569	141, 358
530	135	570	136, 256, 258
531	141	571	136, 160, 261, 263
532	135, 187, 213, 221, 367	572	136, 168, 274, 376
533	135, 158, 173, 213, 222, 226, 370	573	136, 143, 163, 187
534	135, 168, 213, 222, 240	574	136, 162, 270
535	135, 213, 222	575	136, 187, 274
536	135, 158, 213	576	136, 160, 164, 187, 274, 376
537	135, 213, 222, 368, 369	577	136, 275
538	135, 174, 213, 217, 222, 229, 321, 369	578	136, 275
539	135, 174, 213, 229	579	136, 187, 256, 258
540	135, 174, 187, 213, 232, 369	580	136, 159, 187
541	135, 174, 213, 232	581	137, 256, 373
542	135, 174, 187, 213, 232, 369	582	137, 256, 373
543	135, 174, 213, 232	583	137, 187, 262
544	135, 187, 213, 232	584	137, 159, 164, 262, 373
545	135, 174, 187, 213, 218, 219, 226	585	136, 261
546	136, 187, 253, 255	586	136, 162, 187, 279
547	136, 157, 255, 373	587	136, 187, 270
548	136, 168, 187, 265, 295	588	136, 187, 270
549	136, 157, 187, 255, 261, 264, 268, 321, 373, 380	590	136, 159, 187
550	136, 187, 256	591	136, 187, 256, 257, 273
551	136, 187, 363	592	136, 158, 273, 362
552	136, 162, 187, 359	593	136, 157, 159, 160, 187, 265, 362
553	136, 162, 168, 174, 187	594	136, 168, 257
554	136, 256, 268	595	137, 257
555	137, 256	596	136, 168, 187, 257, 261
556	137, 149, 265, 324, 360	597	136, 168, 257, 261
557	137, 160, 162, 262, 274	598	136, 146, 165, 168, 187, 257
558	136, 162, 187, 262, 270, 288, 322, 323	599	13, 136, 157, 168, 187, 270, 375
559	136, 149, 265, 324, 360	600	139, 355
560	136, 187, 256	601	135, 136, 257, 374
561	136, 168, 256	602	139
562	136, 187, 256, 264	603	135, 136, 142, 358
563	136, 168, 187	604	263, 356
564	136, 187	605	263, 356
		606	263
		607	13, 263, 356
		608	13, 263, 356
		609	263, 356

№№ фрагментов	Страницы данной книги	№№ фрагментов	Страницы данной книги
610	263, 356	611, 38	135, 165, 170, 262, 279, 374
611, 1	253, 264, 278	611, 39	135, 167, 280, 376, 377
611, 4	167	611, 40	135, 280
611, 6	167	611, 41	137, 171, 260, 358
611, 9	135, 148, 165, 218, 223, 367, 369, 370	611, 42	135, 171
611, 10	122, 135, 165, 216, 217, 222, 228, 240, 367, 369	611, 43	136, 263
611, 11	135, 165, 217, 218, 367	611, 44	13
611, 12	135, 217, 367	611, 45	135, 144, 168, 258, 374
611, 13	135, 217, 300, 367, 369	611, 46	137, 171, 262, 362
611, 14	135, 160, 165, 167, 170, 185, 221, 264, 294	611, 47	135, 260
611, 15	135, 170, 182, 185, 300, 363	611, 48	263
611, 16	135, 147, 167, 168, 185, 275	611, 49	136, 221, 259
611, 17	135, 147, 168, 185, 275, 359	611, 50	136, 160, 165, 185, 275, 376
611, 18	135, 170, 185	611, 51	136, 171, 185, 261, 276, 281
611, 19	136, 167, 170, 220, 257, 265, 374	611, 52	135, 142, 163, 168
611, 20	135, 170, 269, 271, 375	611, 53	144, 358, 359
611, 21	135, 167, 266, 374	611, 54	135, 171, 261
611, 22	136, 170, 220, 257, 264, 374	611, 55	136, 168, 170—172, 221, 258, 270, 281, 374, 377
611, 23	136, 167, 170, 265	611, 56	135, 221, 264
611, 24	136, 159, 160, 170, 265, 362, 367	611, 57	136, 358
611, 25	136, 220, 257, 258, 264	611, 58	263
611, 26	135, 185, 220, 221, 254	611, 59	136, 259, 264, 374
611, 27	135, 140, 185, 221, 258, 261, 264	611, 60	136, 167, 172, 185, 362
611, 28	135, 171, 185, 262, 374, 375	611, 61	136, 172, 185, 265, 362, 374
611, 29	135, 171, 185, 261	611, 62	135, 259, 264, 358, 374
611, 30	136, 160, 170, 221, 258, 261, 263, 264	611, 63	136, 137, 172, 276, 358
611, 31	136, 168, 170	611, 64	135, 166, 270, 375
611, 32	136, 166, 170	611, 65	136, 259, 264
611, 33	136, 166, 170	611, 66	135, 221, 259, 264
611, 34	136, 170, 270	611, 67	136, 259
611, 35	136, 158, 165, 167, 170, 275, 376	611, 68	135, 259
611, 36	135, 261, 266, 279, 280	611, 69	135, 167, 262, 271, 275, 375
611, 37	135, 159, 167, 266	611, 70	135, 168, 258
		611, 71	135, 161, 168, 258, 264
		611, 72	135, 172
		611, 73	159
		611, 74	135, 259
		611, 75	135, 168, 259, 262
		611, 76	135, 262

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Введение	5
Отдел I. Политические идеалы Аристотеля и идейная направленность Политики	
Глава 1. Полис как тема Политики Аристотеля	7
Глава 2. Условно-образцовый государственный строй	37
Глава 3. Проект идеального государственного строя	59
Глава 4. Текст Политики Аристотеля	96
Отдел II. Полития Аристотеля как серия научно-популярных монографий	
Глава 1. Общий характер Политий	115
Глава 2. Композиция Афинской Политии	188
Глава 3. Лакедемонская Полития Аристотеля	213
Глава 4. Прочие Политии	253
Глава 5. Историографический жанр Политий Аристотеля	296
Основные положения	326

П Р И М Е Ч А Н И Я

Отдел I. Глава 1 (331). — Глава 2 (335). — Глава 3 (341). — Глава 4 (348).	
Отдел II. Глава 1 (353). — Глава 2 (364). — Глава 3 (367). — Глава 4 (373). — Глава 5 (379).	
Указатель мест произведений Аристотеля	384

Аристид Иванович Доватур
ПОЛИТИКА И ПОЛИТИИ АРИСТОТЕЛЯ

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *П. П. Быстров*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *И. С. Дементьева, Э. В. Коваленко*
и *Н. М. Медведева*

Сдано в набор 23/III 1965 г. Подписано к печати 6/IX
1965 г. РИСО АН СССР № 77-130В, Формат бумаги
60×90¹/₁₆. Бум. л. 12¹/₄. Печ. л. 24¹/₂=24,5 усл. печ.
л. Уч.-изд. л. 27,45. Изд. № 2494. Тип. зак. №463.
М-29852. Тираж 4000. ТП 1965 г. № 57 Цена 1 р. 86 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. изд. «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
7	11 снизу	διὰ	διὰ
22	1 »	лементов	элементов
36	5 сверху	те первичные	первичные
42	13 снизу	τοὸ	τὸν
48	22 сверху	ἐο	ἐν
54	10—9 снизу	македонцы	македоняне
121	5 сверху	Схолиаста	схолиаста
146	21 снизу	тойне большой	той небольшой
165	22 сверху	тирана.	тирана (fr. 611 ₅₅).
233	1 снизу	ἔοικεν	ἔοικε
255	15 »	Тимая	Тимея
258	17 »	Самофракии	Самофраки
389	4 стлб., 21 сверху	136, 168	136, 165, 168

А. Доватур